

Издано при содействии
Постоянного Комитета Союзного государства

Материалы подготовлены
в рамках международного российско-
белорусского научного проекта

«Белорусская земля в документах
и воспоминаниях XIX–XX веков.

По материалам российских
и белорусских архивов»,

выполняемого

Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького Российской академии наук
совместно с Филиалом

Института литературоведения им. Янки Купалы
ГНУ «Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси»

при поддержке

Российского фонда фундаментальных исследований
(№ 18-512-0004).

С. В. Максимов

О Ч Е Р К И
О БЕЛОРУССКОЙ
ЗЕМЛЕ

Москва «ИНДРИК» 2018

УДК 39
М 17

Издано при содействии
Постоянного Комитета Союзного государства

Подготовлено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького РАН

Научный редактор
М. И. Щербакова

Издание подготовили
М. С. Акимова, М. И. Щербакова

Рецензенты:
Д. С. Московская, Е. В. Николаева

Максимов С. В.

Очерки о белорусской земле. —
М.: Индрик, 2018. — 576 с.: ил.

ISBN 978-5-91674-515-3

В книгу вошли посвященные белорусской земле очерки, рассказы и главы из книг выдающегося писателя-этнографа XIX века С. В. Максимова. Непредвзятый и точный взгляд исследователя открывает нам картины жизни и быта наших предков, дает характеристику этнографических типов, в которых историческая панорама национальных взаимосвязей предстает в своем первичном, неискаженном виде. Книга еще раз напоминает об общей истории народов, объединенных Союзным государством, и стала результатом научного сотрудничества российских и белорусских ученых.

© Постоянный Комитет
Союзного государства, 2018
© Акимова М. С., 2018
© Щербакова М. И., 2018
© Оформление,
Издательство «Индрик», 2018

ISBN 978-5-91674-515-3

СОДЕРЖАНИЕ

Обитель и житель 9

Обитель (страна кривичей). — Житель.

Белорусская Смоленщина 101

**Полехи. — Полесье. — Три соседа. —
Смоленские белорусы. — Ожерелье России. —
Смоленские пригороды.**

Куль хлеба и его похождения (фрагменты) 179

Нечистая, неведомая и крестная сила (фрагменты) 197

**Нечистая сила: Черти-Дьяволы (Бесы). —
Кикимора. — Водяной. — Оборотни. — Клады.**

Неведомая сила: Царь-огонь. — Вода-царица.

**Крестная сила: Святки. — Благовещение. —
Радуница. — Лошадиный праздник. — Ильин день. —
Никольщина.**

Крылатые слова (фрагменты) 261

**Огонь попа жжет. — Колокола льют. — Семь
пятниц. — Ильинская пятница. — Семипудовый
пшик. — Курам на смех. — Где куры не поют. —
Подкузьмить и объегорить. — Дело в шляпе. —
Покамест. — И зверю слава. — Шиворот-
навыворот. — Задать корочуна. — Чересчур. —
Чур меня. — Накануне. — Свин-голос. —
Божиться. — Одеваться. — Песни играть. —
В соседях. — На чай. — Чужой каравай. —
Старый воробей на мякине. — Ни дна ни покрыва-
шки. — Туру ногу пишет. — Глупая баба и песту
молится. — Дорого яичко к Христову дню. —
Черту баран. — Убить бобра.**

Бродячая Русь Христа ради (фрагменты) 331

**Кубраки и лабори (из быта белорусов). —
Нищebroды и калуны. — Калики перехожие.**

Сергач. Очерк 378

Черновой набросок статьи о Белоруссии 409

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. И. Щербакова

С. В. Максимов и его книги 429

М. С. Акимова

Экспедиция С. В. Максимова
в Северо-Западный край (1867–1868) 475

Список иллюстраций 563

О Ч Е Р К И
О БЕЛОРУССКОЙ
ЗЕМЛЕ

ОБИТЕЛЬ и ЖИТЕЛЬ

Обитель (страна кривичей)

Ой, не всхожее мае сямено,
Не взрощенная мая маць-земля!
Из белорусской песни

«Каков житель — такова и обитель», — говорит русская пословица, выродившаяся из обиходных наблюдений в узком кругозоре домашнего быта. Но если поставить эту пословицу наоборот и сказать: какова обитель, таков и житель, то мы получим еще более характерную формулу, выражающую истину, которая равно применима ко всем странам и народам и существует как факт от самого сотворения мира, хотя только в недавнее время становится очевидною и осязательною вследствие разъяснения причин и следствий. Едва ли еще не резче и определительнее выясняется эта простая истина и при наблюдениях над тою страной и среди того народа, который условились называть *белорусским*. Рядом очерков из собственных наблюдений мы намерены с некоторою подробностью доказать это основное положение, благоприятно применимое к стране и народу Северо-Западного края России.

Прежде всего — об обители, и на этот раз в общих чертах. Начнем с помощью простых наблюдений по карте, остановившись на Киеве. Обратимся к северу, по направлению течения Днепра, этой четвертой по величине из всех рек Европейского материка, силою исторических судеб доставшихся на долю народов славянского племени, третьей великой реки, орошающей земли, населенные племенами восточной расы славян, и принадлежащей двум из них, младшим и меньшим (наибольшую половиною течения — нижнюю — малорусскому, а наименьшую — верхнюю — безраздельно белорусскому), и первой великой реки как по времени, так и по глубокому и многостороннему значению ее в исторических судьбах всей Русской земли.

На север от Киева географическая карта представляет обширную область Верхнего Днепра с двумя огромными, двумя большими и тремя меньшими притоками, которые, в свою очередь, разветвляясь на наименьшие реки и речки, представляют громадную площадь, всю роскошно испещренную текучими водами. Эта площадь — Белоруссия, занявшая третью по величине в целой Европе речную область Днепра. На ней, как в живом человеческом организме аорта, принимающая кровь из мелких и крупных артерий, чтоб отнести ее к периферии тела, река Днепр рисуется тем жизненным центром, около которого сосредоточилась жизнь страны во всех ее многообразных проявлениях. В пределах речной области верхнего течения великой реки Днепра расположилась и вся страна, населенная белорусским племенем, в таких условиях, что все верховье реки, со всеми без исключения притоками, теперь безраздельно принадлежит этому племени, в незапамятные времена вышедшему из-за Карпат на равнины Западной России прямыми, удобными и надежными дорогами, какими для всех первобытных народов служат реки. Здесь их колыбель, здесь основы их исторического бытия, здесь зачатки богатых городов и политических общин, в которых невольно соединяются все населяющие одну реку, и тяготееют или, как характерно выражались в старину, тянут по земле и воде все остальные, сидящие на отраслях или притоках главной реки. Реки — главные этнографические рубежи и притом верные средства для народных расселений, обладающие одновременно двумя драгоценными качествами: прямых указателей пути движения и сообщений и подручного способа для самих передвижений. Недаром древние народы боготворили реки; недаром и славяне, перешедшие Карпаты, первую же встречную реку называли прямо Богом и присвоили то же почтенное имя второй реке, попавшейся им на пути движения и предложившей им в помощь все богатство своих даров и все обилие услуг: одна

(Западный Буг) указала пришельцам дорогу на север, другая (Южный Буг) — на юг, к устьям Днепра¹.

По отношению к расстилающейся перед нашими глазами обширной Северо-Западной Руси услуги ее рек слишком очевидны даже и в том случае, если мы не выпустим географической карты из рук и даже переменим пункты наблюдения, перенеся их хотя бы к тому Бугу, который первым показал звездный и роковой для восточных славян путь на север.

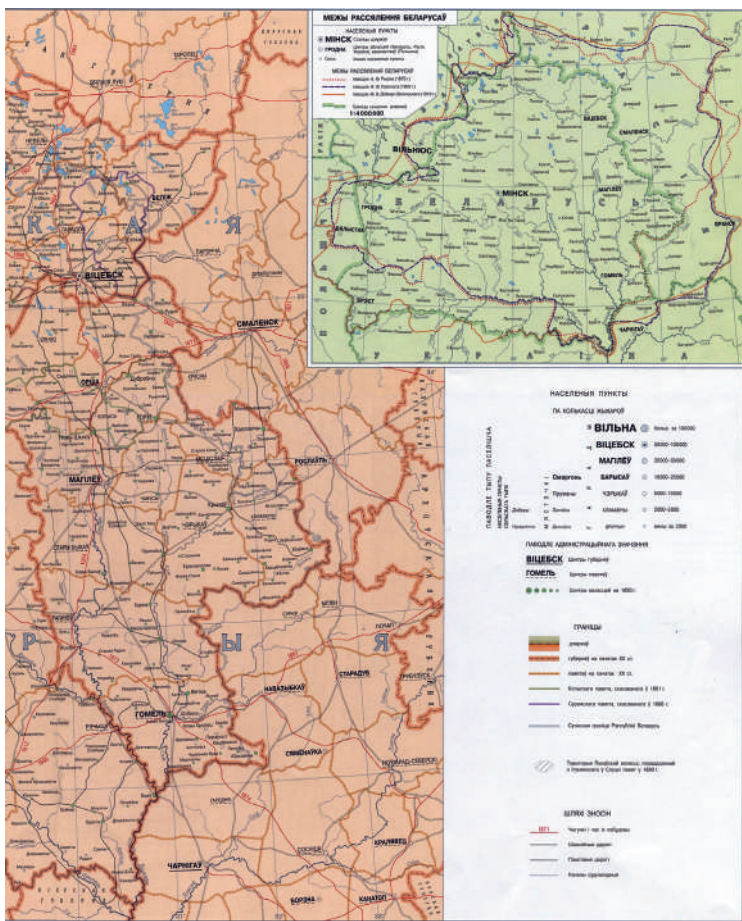
Здесь, в пределах среднего течения этой реки, мы встречаем истоки многочисленных рек, принимающих неизменное северное направление и составляющих большую реку Припять. Здесь истоки и самой Припяти, известные сначала под именем реки Парок, потом реки Струменя (главного стрежа) со всеми ее девятью большими северными и южными притоками — указателями пути облегченных народных движений в двояком противоположном направлении: все с несомненными славянскими названиями (Турья, Струмень, т. е. то же, что стреж, Стырь, Горынь со Случью, еще Случь, Уборть, Птичь). Здесь, одним словом, бесспорные, слишком очевидные прямые указания на те дороги, по которым двинулись в свою страну те мелкие племена славянского народа, которые слились потом в родовой тип современных нам белорусов. Движения закарпатских выселенцев и направление рек, по следам самой Припяти, приводят нас к начальному пункту наших наблюдений: на Днепр под Киевом, и, по всему вероятно, ко второму основному пункту движения славянского племени, на этот раз прямо с юга на север, по реке Днепр и по его северным притокам.

¹ Священным именем служителя языческих божеств, именем *Волхва*, называлась на севере река, дорогая и родная новгородским славянам; дорогобужами называли потом два (весьма отдаленные один от другого) города: один в земле кривичей смоленских; другой в земле Волынской, на р. Горыни, близ Луцка (некогда имевший своих удельных князей, но теперь уже не существующий) (*Примеч. С. В. Максимова*).

Карта Белоруссии 2-й половины XIX — начала XX в.

Уже первый летописец, живший среди полян и в Киеве, называл ту отрасль славянских пришельцев, которая поселилась по Десне, севером, северянами, что прибавлялось и к городам, построенным на той же реке и соседним Северскому Новгороду. Самая река Десна могла получить свое несомненное славянское имя по обычаю

переселенцев (очевидно доказанному сейчас приведенными примерами) в таком лишь случае, когда она действительно была одесною (т. е. правую) рекою для двигавшихся по берегам или плывших по Днепру с юга на север. И в самом деле, назвалась она славянским именем: во-первых, по народному обычаю памятовать на новых

местах старые пепелища и урочища и увековечивать их имена повторением и, во-вторых, по неизбежному закону самих народных передвижений, принявших северное направление в глубь приднепровских лесов и пустынь, несмотря на то что река является *левым* притоком Днепра. Обычный прием, привычный для южных переселенцев, повторивший Случь и Буг два раза, повторил Трубеж, Свислочь, Березину, Остер, Сулу, Суру и другое множество рек и потретил в то же время Десну в том же неизменном значении *правого* живого урочища, попавшего на пути движения с юга. Такова Десна — *левый* приток Южного Буга, таковы Десница, маленькая (50 верст течения) речка — левый приток реки Пахры (Московской губ. Подольского уезда). В противоположность тому и в несомненной последовательности *шуями* и *шуйками* двигавшийся на север народ назвал те реки и местности, которые на пути движения его с юга лежали на *левой* руке; отсюда речка Шуя, правый приток Орши, река Шуя Олонецкой губ., непосредственно впадающая в Онежское озеро, с левой его стороны (на северо-западе); село и река Шуя Архангельской губ. Кемского уезда и Малошуйка, село той же губернии и уезда для выселившихся сюда по Онеге; Шуя, приток реки Неи, впадающей в Унжу (Костромской губ.), для выходцев с устья Костромы через Галич и, наконец, знаменитая Шуя Владимирской губ. Отсюда северо-западная часть Ржевского уезда около Георгиевского погоста (в 35 верстах от Ржева левая с юга ее часть) носит название Шуйщины (а жители — *шуйцы*, откуда происхождением знаменитые исторические деятели князя Шуйские) и проч.

С тою же неизменной последовательностью народ, шедший с юга и населявший обширную равнину речной области Днепра, приурочивал названия и имена жилым оседлым пунктам — деревням и селам — в зависимости от коренного и неудержимого движения на север. Вследствие этого обстоятельства неизбежно оказались селения с названиями Заозерьев, Заречьев, Загорьев, Заболотьев, Замостьев, Залесьев, Запольев, Забузьев и т. п. и в белорусской стране, как и в великорусской,

только потому, что очутились на севере от тех, которые раньше поселились на юге. Они тем или другим способом были виновниками основания этих новых поселков или их соседями: за лесом, еще не срубленным и не сожженным под лядину (пашню), за озером, горой и за мостом, по ту сторону поля или ручья, за болотом в настоящем смысле: мокрым зыбучим, непроходимым и за мохом — болотом моховым, успевшим достаточно просохнуть, чтобы поднять ногу зверя и человека, за бузой — болотной трясиной и т. д.² Отсюда, ввиду большинства древнейших городов и селений и в особенности тех из них, которые укрепились на внутренних озерах и на южных их берегах, пригороды и слободы их очутились по ту сторону, на севере, по образцу витебского Задвинья, мстиславского Заречья, псковского Завеличья, не как первоначальные пункты заселения, а как позднейшие выселки, ставшие под защиту южных укреплений и городов. По тому же закону и в противовес вышеупомянутым пунктам выросли на славянских землях: Подгорья, Подхолмицы, Подберезья, Приселья, Прилуки, Прибережья и т. п.: все на юге березовых лесов, лесных холмов и тех мест, где река, текущая в мягкой болотистой почве, начинает прорезаться излучинами,

² Отсылаем, между прочим, на озеро Селигер, около которого деревни: Залучье, Заузье, Заозерье, Забузье, Заплавье, Заполк и Заболотье, — все расположены на левой стороне озера и прозваны так по отношению к живущим на юге. В Белоруссии это настолько последовательно, что, напр., имеются по три Заборья, и все расположены по северную сторону боров, т. е. хвойных лесов, выросших на сухих местах по горам и холмам. Точно так же Заольша расположена, считая с юга, за рекой Ольшей. В том же смысле названы: два Заборовья, Задорожье, Закурья, Засулье (за рекой Сулой) и т. п. В Смоленской губ. мы встречаем, между прочим, Загусинье, Залужье, Запрудье, Загорье и проч., в непременно положительном смысле, какому подчинились даже целые страны, лежащие в противоположной стороне от коренного колонизационного движения народа, повременно на север, восток и юг: Заволочье, Закаменье (Сибирь), Забайкалье, Задонск, Заимский край, Закавказье и т. п. (*Примеч. С. В. Максимова*).

изгибаться коленами, имеющими одно общее и старинное название — луки³. Если подобные придатки по отношению к исключительным случаям в данной местности служат прямыми и простыми указаниями на движение и направление местной колонизации, то, с другой стороны, ввиду приметного множества подобных случаев и последовательности явлений в сумме их, значение факта становится знаменательным для целой страны. Для Белоруссии этот факт является в форме бесспорного закона, понятного постольку, поскольку понятна была для южных киевских князей владимирская страна под именем Залесья, для новгородцев Заволоцкая чудь, Заволочье, Заонежье и т. п.

В те времена, когда южные богатые степи представляли роскошно обеспеченные и прямые дороги на запад для кочевых орд, непрерывно выдвигавшихся из Средней Азии, и для желающих предлагали надежные стойбища, когда под самым Киевом останавливались на долгое время попеременно то печенеги, то половцы и, по летописным преданиям, св. Владимиру приводилось ставить против них земляные укрепления и городки по Десне, — в те времена могло быть обеспеченным для земледельческих племен только одно это движение на север или северо-восток: по Днепру и Десне, по Сожу и Березине. Только такое направление было в то же время и вполне безопасно. Кроме того, оно было в характере всех

³ Отсюда мы производим названия, кроме *Прилук*, города Полтавской губ., стоящего на луках, или изгибах, реки Удая, Великих Лук, псковского города, стоящего на чрезвычайно извилистой в том месте реке Ловати, и прилуцких монастырей: Николаевского на Северной Двине и Спасского на реке Вологде. Отсюда обе реки Случи и городки Луцк и Лукомль, озеро Облучье, река Лучица, д. Залучьи, реки: Лучосы — притоки Межи (Смоленской губ. Белосельского уезда) и Западной Двины; отсюда и оз. Вселук — все в излучинах, отсюда и Семилучье и все количество этого звания селений, рек и озер, на Св. Руси довольно значительное. В Поволжье (кстати заметить) значение луки перешло в название плесов с характерным усвоением этого имени целому городу (Костромской губ.) (*Примеч. С. В. Максимова*).

А. Горавский. Клевер в цвету. 1895.

младенчествующих народов, стремившихся на истоки рек. Несчастное заблуждение невежества — пережившее века и уцелевшее до наших дней не только в России, но и во всей Европе — о возможности отравления воды влекло и белорусов-кривичей к тому, чтобы захватывать верховья рек. Слабый не селился ниже сильного на основании тех же убеждений, какие впоследствии заставляли бедных обвинять богатых в отравлении колодцев во время чумы и холеры и т. д.

Обеспечено было движение народа на север обилием дорог по рекам, из которых на долю белорусского племени одного течения Днепра приводилась почти половина и его речной области около 5 тысяч квадратных географических миль пространства, с 27 большими и малыми притоками (18 справа и 9 слева, между ними 11 сплавных и судоходных даже в настоящее время настойчивого истребления лесов и следом за тем неизбежного обмеления рек). Из больших притоков Днепра одна Десна представляет длину течения в 700 верст, Сож и Березина — в 500, Ипать — 350, Друть — в 250, Беседь — около 200 и даже приток Березины Свислочь с тремя притоками в 250 верст течения. Такое облегчение передвижений,

полная дорожная обеспеченность вырастает значением своим в глазах наших даже и ввиду того, что истоки упомянутых рек приводят на узкие водоразделы, навстречу больших и многоводных рек: в одном случае (через Березину и Уллу) прямо на среднее течение Западной Двины, а в другом опять-таки прямо с Днепра через волок на Касплю и с днепровского же истока на Обшу — приток той же Двины.

Безопасно было это движение славян в северном направлении по западной равнине Русской земли оттого, что вся равнина лежала пустой, была свободна от поселенцев, никому не принадлежала. Если и знакомы были с ней другие, ранее посетившие ее переселенцы, то они во всяком случае были именно посетителями, т. е. прохожими людьми, и притом несомненно людьми славянского рода и племени. Для них и самая страна эта была лишь удобным и прямоезжим путем: и на реку Великую, и на Ильмень-озеро по 12 притокам его с юга, и на северный Волхов, и на Мсту.

II

В вынужденном и непрерывном движении своем на север белорусское племя, известное древнейшим летописям нашим под именем кривичей, не видя естественных препятствий, *разлилось* по земле своей *свободно*. Земля эта со всеми реками, озерами, болотами, лесами, лугами и полями была открыта. Пришельцы могли свободно ходить по ней, выбирать любое место и возделывать его по мере сил и средств. Всяк селился на выбранном месте семейством или двором или в обществе других, деревнями, селами и городами. Если все и ходили в лес, для звериных промыслов, ставили там пчелиные борти, по рекам и озерам ловили рыбу, торговали своими и покупными произведениями, то, во всяком случае, неизменно и непременно возделывали землю и сеяли хлеб. Земледелие было исконным народным занятием; на нем основывались все надежды для благосостояния и существования на земле. Чтобы северный человек, обрeckий

себя на жизнь в лесах и болотах, под дождем и снегом, мог отвоевать у природы свою территорию, прежде всего он должен был владеть достаточным развитием индустрии. Во всяком случае, или исчезновение удобных угодий и вследствие того житье на клочке земли, недостаточном для пропитания, или посторонняя помеха, умевшая превращать мирное время, столь необходимое и дорогое для земледельческого труда, в тревожное, — одни могли снять целое племя с насиженного и возделанного места, чтобы взамен его отыскать иные, столь же удобные и благодатные и наиболее безопасные. Если подобные мечты не всегда сбывались и желания не были удовлетворены, нужда и старый опыт указывали выход. Если в диких местах, куда устремлялись выселенцы старых городов и сел, наталкивались они на места, занятые финнами или латышами, — земледелец изменял свой вид и, оставаясь таковым наполовину, с другой стороны, делался повольником, казаком. Враждебного встречного соседа надо было оттеснить или от него оборониться. Но лишь только прекращалась борьба, туземцы или удалялись, или сливались со славянским племенем, а вчерашний воин снова превращался в мирного земледельца и снова искал и высматривал подспорных промыслов, которые бы заполняли ему недостатки и недоборы и оживляли мертвое безработное зимнее снежное и осеннее дождливое время.

При заселении северо-запада и севера России такие явления особенно поучительны в истории новгородских славян, которая дает многочисленные доказательства тому, что славянам этим досталась земля не без борьбы — и с суровым врагом в лице финских народов, и с негостеприимной, могущественной силами природой. Новгородские славяне заводились поселениями на местах, занятых ранее их явившимися пришельцами. Если эти не ценили землю в качестве средства к земледельческому труду, то дорожили соседним лесом, рекой и озером — всем, что давало им дешевую пищу, обеспечивало их неприхотливую жизнь и удовлетворяло ограниченными желанием. Старожилые племена уже занимали

определенные пространства земель, считая их своим достоянием. Славянские пришельцы нашли старожилов рассеянными на группы, но соединенными под одними родовыми прозвищами, стремившимися обособиться в отдельные племена и народы и тем как бы положить по соседству определенную владельческую поземельную грань. Каждый народ под своим именем, живя общими народными интересами и умея при нападении стоять заодно и за свое, это свое (в виде заветного, богатого зверем леса, рыбной реки или озера) всегда имел на виду и на счету, всякому живому урочищу усвоил особое, ответственное и приличное имя. Новым пришельцам не надо было измышлять своих прозвищ ввиду готовых, — и вот почему на всем лесном севере России, за реками и озерами, новгородские славяне до наших дней сохранили их первоначальные имена, объяснимые только языком народов финского или чудского племени. Исключения так ничтожны, что славянам не удалось дать своих имен не только крупным рекам и озерам, но даже и мелким речным притокам, запрятанным в самых глухих лесных трупцах. Обстоятельство это настолько существенно важно, что именами этих урочищ и в настоящее время можно определить грани земель, занятых финскими племенами, и выделить те земли, на которых славянские племена были и первыми пришельцами, и коренными жильцами.

Уже в нынешней Тверской губ., там, где берет свое начало великая великорусская река-кормилица и в ближнем соседстве от нее обе белорусские реки (Двина и Днепр), встречаются имена рек и озер, необъяснимые славянским языком, но поразительно сродные (по коренным окончаниям) с такими же названиями живых урочищ, рассеянных по всему северу. Самая Волга сродни по имени и рекам Белого моря: Онеге, Пинеге, Ваймуге, Ваге и притокам своим Ветлуге, Мологе и Свияге, реке Балтийского бассейна — Луге и иному множеству рек и речек, разлитых по финскому северу, с окончанием на *га* и с утратившими смысл и значение начальными придатками.

А. Горавский. Сельский пейзаж. 1855.

Точно так же уже под Псковом, древнейшим славянским городом, поместившимся на реке необлыжного⁴ русского имени, попадаетея р. Пскова с окончанием, находящим повторение в самых отдаленных краях севера России и даже Сибири и объяснение в современном зырянском и вогульском языках⁵, как и обе реки, принадлежащие нашим столицам (Нева и Москва). За белорусским Смоленском, на несомненной и бесспорной границе великорусского племени, расположилась Вязьма, получившая окончание слова (на *ма*), что значит по-корельски «земля», по тому же праву, как Клязьма, Кама, Кострома и самые отдаленные, как, напр., три

⁴ Неложный, справедливый, объективный.

⁵ *Ва* на языке зырян значит «вода», отсюда и объяснение рек Пермского края, в особенности обилующего реками с подобным окончанием: Обва — луговая, Сосьва — приточная вода (рукава), Кушва — голая, бурная, Чусова — быстрая, Койва — шумная, Вильва — новая, Ирньва — бабья, Оисва — медвежья, Челва — тихая и т. д. (Примеч. С. В. Максимова).

Грижмы, из которых две текут в архангельской тундре, одна в болотистом лесу в Вятку, каковы две пермские Кельтмы, печорские: Ижема, Грижма, Цильма, беломорские: Сюзьма, Колежма, Унежма и самая отдаленная океанская Тулома, на которой выстроен пресловутый⁶ город Кола⁷.

Если по истокам всех этих рек с финскими окончаниями проведена будет черта, то ею ограничится все то пространство на юг и запад, которое составляет страну, населенную лишь на малую часть новгородскими славянами и на огромную — белорусами или кривичами, с другими летописными оттенками видов, вроде дреговичей, вятичей, полочан и радимичей. Выделившаяся страна именно тем и замечательна, что на огромное большинство случаев носит при живых урочищах славянские названия: приданы ли они раньше здесь пришедшими новгородскими или ильменскими славянами или пришельцами кривичского племени, последовавшими по пятам первых. За малыми исключениями, каждая река потребовала себе объяснительного прозвания, необходимой отметки. Множество глубоких, больших и богатых

⁶ Здесь: известный, знаменитый, славный.

⁷ Реки с окончанием на *ма* в особенности часто попадают в северной лесной России и в сравнении с реками иных финских окончаний (на *ва, ша, да, ра* и *за*) несравненно многочисленнее. Не говоря уже о реках губерний Архангельской, Олонецкой и Вологодской, мы в одной Костромской насчитали таковых 35 рек, около 20 — в Новгородской губернии, около 10 — во Владимирской и Нижегородской, но зато только 2 — в Смоленской и ни одной в Белорусском крае. В смысле определения границ земель, занятых русским народом совместно с финскими племенами, замечательно то, что Клязьма — крайняя река на юге, Вязьма на западе, Калуга на юге, Волга и Пскова на юго-западе этой страны. Точно так же Мшоло, приток Шелони, и Вазуза — самые южные реки и Нарова — западная и крайняя. Из рек, кончающихся на *ша*, самые южные — Пекша — приток Клязьмы; Ворша — река Тверской губернии и уезда, Мокша, Еремша Нижегородской и Тамбовской губерний, а самые северные опять-таки архангельские: Никша, Грикша, Пекша, Кандалакша и пр. (Примеч. С. В. Максимова).

озер лежало в лесных пущах в неизвестности, безымянными; никто их не знал и не звал, никто на них не жил и ими не пользовался. Мы уже имели случай указать на это раньше во многих случаях. Если и теперь пойдем по притокам Днепра, безбоязненно, сворачивая на мелкие притоки притоков его, то дойдем до озерной области, где вновь встречаемся с тем же неизменным явлением, что славяне нашли эти места незанятыми. Ни от кого они не могли получить о них справок и сведений и должны были переводить на славянское имя такие большие реки, как Десна, Березина, Великая, Волхов. Днепр ведет нас мимо таких своих притоков, имена и характер которых в большинстве понятны нам и в настоящее время, и только в редких случаях дает прозвище, значение которого за долгое время забылось или утратилось. Таковы у Днепра: Друть, Жердь, Соля, Вопь, Вопец, Ужа, Устром, Березня, Оршица (Орша, Ржа), Добысня, Песоченка, Брелинка, Ворона. Таковы у Десны справа: Судость, Смячь, Лоска, Убедь, Мена, Снов, Замелой, Стрижень, Белож. У Березины, между прочим: Поня, Гойка, Уса, Свислочь, Бобр. У Сожа: Пещана, Осетр, Проня (она же Броня), Прокать, Беседь (она же Задунка), Ипуть, Уза. У Ипути: Ржачь, Маковка, Очеса, Вороница, Вепринка, Демьянка, Злынка, Ракитна. Выходя на Двину, мы встречаем Межу, которая в этнографическом смысле не утрачивает своего значения и теперь, как пограничная река белорусского племени с великорусским. И опять у этой Межи притоки: Береза, Лучеса (богатая коленами, луками, извилистая), Чечота, Олыша (заросшая ольхой); у Обши — Белая и т. д. Перебираемся в озерную область для тех же встреч и однородных указаний. Озера в Могилевской губ. носят, между прочим, следующие названия: Лукомль (25 верст), Долгое (30), Сенно (10), Девинское (7 верст); в Витебской губ.: Неведра, Нецарда, Жужелица, Усвят или Свячь, Свибло, Княже, Лубань, Верхнее, Дольное, Езерище, Заверезье, Большая Лужа, Свино, Мелкое, Малое, Долгое, Белое, Волбое (оно же и Синица), Кривое, Березовое, Черное; в Смоленской губ. с теми же повторениями по цветам и по очертаньям фигур

А. Горавский. Пейзаж с рекой и дорогой. 1853.

и берегов и сверх того: Бездонное, Попово, Рытое, Стоячее, Щучье, Рыбье, Путное; Западная Двина проходит озеро Охват и т. д., точно так же, как и в Черниговской (в северной белорусской ее половине): Березовое, Молочково, Кожановское, Яловка (единственное крупное, все небольшие).

Довольно. Довольно для того, чтобы видеть, насколько облегчен был труд человека подготовительным трудом природы, насколько свободен был путь и привольно расселение в доисторические времена пришельцам из-за Карпат и в какой мере они могут считаться хозяевами земли своей, аборигенами. Свободное течение только на западе встретило живые препоны в представительстве племен литовского и германского народов, и лишь на пунктах встреч этих белорусское племя не только должно было остановиться, но и заставить, защищаясь укрепленными городами, целою сетью крепостей. В числе их Полоцку досталась самая тревожная жизнь, которую он, однако, пережил. Зато не один десяток на него похожих и с ним однородных *огорожей* и городков, сослужив посильную службу, превратились в груды камней и кучи курганов, носящих название замковищ,

Полоцк. XIX в.

городищ, церковищ и могилищ. Зато в тылу у этих крепостей свободно разгоралась мирная земледельческая жизнь и расселялось живучее племя людей славянской расы, несмотря на все физические невзгоды и политические препятствия.

III

Оставляем в стороне (до удобного места и случая) все невзгоды политические, испытанные белорусским племенем славян во всю его долгую историческую жизнь. С препятствиями этими оно столкнулось гораздо позднее, чем спознало свою землю и заняло ее никому не ведомую и никому не принадлежащую. До случайных невзгод привелось подвернуться иным тяжелым испытаниям и получить внушительно-строгие экономические и политические уроки.

Незанятая страна, лежавшая впусе, была страной дикою, с могущественными силами природы, которые скорее были враждебны, чем приветливы и гостеприимны. И теперь, когда исходит вторая тысяча лет, по

меньшей мере, треть страны представляет тот хаотический вид, когда как будто еще идет (и далеко не кончен) самый процесс творения и земля от воды еще не отделена вполне. Непролазный лес и обильно разлитая вода: вот те первые главные и основные картины, которые на каждом шагу преследовали и преследуют впечатлительное воображение младенческого народа, пустившегося на трудную работу переселения и водворения.

Лес и вода — два неотразимых образа, тесно сопоставленных в тесной зависимости друг от друга, — безотчетно и властно господствуют над всеми другими от языческих времен заселения края до Наполеона I, сказавшего, что в Литве и Белоруссии грязь — пятая стихия.

К. Альхимович. Пейзаж с аистом. 1905.

Стихийное свойство воды, установившейся в берегах, по обилию даров и богатствам, щедро уделяемым на пользу людей, в младенчествующих народах вызывало — как мы видели — уважение, доведенное до богопочитания. Возводя главные реки в достоинство божеств и прямо называя их богами, славянский народ

белорусского племени, следом за другими народами мира, нес этим богам поклонение и жертву. Сколь ни удалены от нас языческие времена, как усердно и долго ни хлопотала за себя христианская вера, следы этого поклонения и этих жертв не только не исчезли, но и слишком еще очевидны. В особенности они наглядно сохранились там, где благодетельные реки берут свое начало. Источники их, за малыми исключениями, так называемые родники (по-белорусски «криницы»), остаются особенно почитаемыми, слывут местами преимущественно священными. В них предполагалось присутствие особенной божественной силы (чаще врачевания), эти места посвящались особенным божествам (кажется — Пятнице). Таких мест по Белоруссии в настоящее время рассыпаны целые десятки⁸. Христианство принуждено было принять их под свою защиту и покровительство и освятить их, построив над ними часовни (каплицы), совершая сюда церковные крестные ходы и оставляя за ними их древнее имя *прощей* ненарушимым. За примерами ходить недалеко. Возьмем те места, которые нам удалось посетить лично и которые первыми приходят на память: одно вблизи того же Днепра, а затем другие на его притоках. На самом берегу Днепра близ города Могилева в селе Отмуте (Польковичи) привлекает народные верования, вызывает почитание и собирает толпы молельщиков святой источник, бьющий из-под крутого насыпного древнего кургана, среди очаровательной природы. В Чаусовском уезде (той же Могилевской губ.), на притоке реки Прони (впадающей в Сож), почитают вторую криницу, и получение воды из нее связано с особым суеверным обрядом: можно зачерпнуть воду ковшом только один раз и нельзя повторять, хотя бы в первый раз и не зачерпнулось; нести домой воду следует не оглядываясь назад и невзирая на крики и страхи, и только в таком случае вода целебна и врачует от глазных болезней. На другом притоке Сожа, на берегу Вехры, под самым

⁸ В 2010-е гг. разработаны экскурсионные маршруты в рамках проекта «Край животворных криниц».

Н. А. Атрыганьев. Вечер в Минской губернии. 1854.

городом Мстиславлем, таких священных мест два: один ближний (в самом городе) родник — Здоровец, другой дальний (в двух верстах от города), называемый Черный Ручей (мстиславская проща). В первом вода, во втором грязь владеет чудодейственными силами исцеления. Во втором из них стоит лишь немножко покопать, чтобы найти брошенную в грязь монету, — несомненно, знак благодарственной Богу жертвы. [О них же см. в главе «Нечистая, неведомая и крестная сила»].

Отсюда, из боязни увлечься, мы не пойдем дальше, оставляя перечисление таких священных мест в воде и при воде до удобного случая. Взамен их стоят перед глазами другие священные образы, другие божества, родившиеся в воображении младенческого народа, выступившего на встречу и борьбу с могучими первобытными лесами.

В этих лесах никогда еще не ходил топор дровосека, деревья эти не сеяла и не сажала человеческая рука: одна природа безмятежно царила здесь со времени

образования мира. Здесь рядом с гниющими остатками отживших деревьев, густо покрытыми зеленым войлоком моха, стройно выделился свежий представитель молодого поколения с сочной темно-зеленой хвоей, а рядом с ним мертвенно-бледный, без сучьев и коры, с изломанной вершиной, труп умершего прадеда. Все это величественно, но в то же время и ужасно не для одного напуганного младенческого воображения, но и для взоров, присмотревшихся ко многим видам смерти, ко многим родам контрастов. В первобытном, нетронутом лесу действительно обуревают страх, и воображение рисует картины умирающего и возрождающегося бытия.

Но одно — для взоров, другое — для дела: колоссальные деревья завалили дорогу; на каждом шагу могучие массы валежника. В одном месте с чрезвычайным усилием можно перелезть лишь через верхушку свалившегося исполина; в другом с чрезмерным напряжением пробираться ползком между голой, обсыпанной иглами землей и стволом, со всех сторон покрытым роскошно-густым мохом. Часто скачок на такой ствол погружает ногу выше колен в гниль, бесполезно затрачивая дорогое время, безжалостно истощая физические силы и глумясь над трудом. За одним препятствием воздвигаются новые, а кучи задних сваленных деревьев неодолимой стеной заслоняют выход, увеличивая страх и приближая опасность. А между тем ни один луч горячего солнца не может проникнуть в этот вечный мрак и не нарушает постоянно влажной прохлады под высоким и страшным древесным сводом. Из-за ствола свалившегося исполина видится только верхушка головы перебравшегося на ту сторону товарища. Усиленно бьется сердце, задерживается дыхание, одолевают страх и тоска, и воображение разгорячается до чудовищных образов и мрачных представлений о злом духе — о тех существах, под защитой которых несомненно стоят и живут эти исполины, достигшие поразительных размеров и дожившие до необыкновенно глубокой старости.

Все в пользу этих растительных богатырей; они громадны, но страшны оттого, что множество обстоятельств

К. Альхимович. На болоте. 1896.

благоприятствует продлению их века до крайних пределов. Они еще так свежи и жизненны и чудовищны по той причине, что выросли в суровом климате: распределение влажности здесь весьма равномерно; почва богата перегноем, потому что тороватая и попечительная природа старается перемешать хвойный лес с лиственным; сомкнутость насажде-

ний полная и никем и ничем не нарушима. Напротив — зауряд⁹ и на каждом шагу в густой мох свалившегося старика-исполина упало, как в колыбель, семя, и в новом перегное, на небольшом просвете, из трупа выросло новое дерево, которое успело пережить многие десятки лет жизни. Сомкнутость насаждений замедлила рост дерева в молодости, но уберегла и защитила его корни и продлила рост богатыря и исполина. Им-то, за эту долгую жизнь до глубокой старости (под покровительством чего-то чудодейственного), в первобытных людях, склонных к обоготворению природы, зарождалось религиозное почитание. Деревья делались богами, священными предметами, так как и образованному христианину нельзя на них глядеть без душевного трепета и сердечного умиления, а в лесистой Белоруссии еще до сих пор свято соблюдается на второй день Троицы, в Духов день, специальный лесной праздник *Куста* и, для чествования, в качестве жреца, избирается самая молодая и красивая девушка.

⁹ Подряд, непрерывно.

Между древнею Мервином и Тимошанками (в Оршанском уезде Могилевской губ.), посреди открытого поля благоговейно сохранялась до наших дней одна громадная сосна, названная Петровым деревом. По странной игре природы дерево это от старости даже казалось как бы обращенным корнями вверх, и окрестные жители берегли его, как драгоценность. Почтение к сосне передавалось из рода в род, от дедов внукам. А сколько таких священных деревьев, заповедных рощ разбросано не только по Белоруссии, но и по всей России?! Припомним мифическое значение березы, столь знаменательное не только у нашего народа, но у всех азиатских, на которых надвинулась русская сила. Страшно стало им ввиду того, что проявилась и стала распространяться белая береза, несомненная провозвестница владычества *Белого* царя. (Чудь, по народному преданию, при внезапном появлении белой березы соорудила подкопы на стойках, убралась туда со всем имуществом, подрубила стойки и — погибла.) В Костромской губ. (в Ветлужском уезде), возле черемисской деревни Адошнур, стояла береза родом 300 лет, с 18 большими ветвями, имевшими как бы 84 вершины, и считалась священным деревом, а возле нее еще в 1843 году отправлялось языческое богослужение. Когда ураганом отломило от вершины ветвь и она упала на засеянное яровым хлебом поле, то хозяин его это поле оставил неубранным, как бы принеся его в жертву Богу со всем уродившимся хлебом.

А. Горавский. На берегах реки Березины. 1857.

Сосна и береза — два неизменных товарища, а береза повсюду верная спутница сосны. Оба дерева любят свет, а потому оба не растут в густых труппах или в так называемых пуцах. Лишь бы только местность не была слишком сырой и не заливалась бы ежегодно выступающею из берегов рек водою, — береза растет охотно: очень быстро в молодости и медленно потом до веку в полтора-два лет и даже свыше. На почве свежей, не слишком вязкой, суглинистой, а также на богатой наземом песчаной почве березовые леса неизбежно расстилаются довольно редкими участками в таком множестве вблизи рек, что непосредственность впечатлений младенчеству народов побудила их передать и самым рекам имя этого дерева (отсюда р. Береза в Смоленской губ., приток Лучосы, и Береза в Виленской — приток Немана, река Березина и проч.). Под влиянием тех же непосредственных впечатлений имя березы осталось и за жилыми местами во всем разнообразии производных форм этого слова, начиная с черниговского города Березны до сибирского Березова, до сел и деревушек, носящих березовые названия: Береза, Березанка, Березки, Березетня, Березное, Березинское, Березовка (в одной Черниговской губ. такого имени селений девять), Березовая, Березка, а затем: Берестов, Берестечко и Берестечь (на р. Стыри), Березцы (на Припяти), Берестовец, Берестье или Брест (Берестий) — один из древнейших городов лесного Северо-Западного края, в XI веке представлявший уже соблазн для воинственных соседей (в 1020 году Брест-Литовский отнял Болеслав Храбрый, но в 1044 году возвращен он Киевской Руси великим князем Ярославом).

Насколько неприхотлива в выборе почвы береза, а вследствие того разнообразны и многочисленны названия урочищ ее имени, настолько же, если не более, неразборчива в качестве почвы сосна — товарищ и спутник березы. Сосна охотно вырастает и на сухом песке, и на плодородном суглинке, и на болотистой почве: была бы почва настолько рыхла, чтобы дерево могло укрепить в ней свои большие корни зачастую со здоровыми боковыми придатками, да было бы достаточно свету, без

которого и на любимой земле сосна пропадает. Мало таких деревьев, которые были бы распространены больше, чем это дерево (а в силу того и обилие названий живым урочищам, начиная с орловской реки Сосны и черниговского города Сосницы (1234) до деревушек и сел Сосновок). В то же время мало и таких покатоостей, прохладных и влажных, западных и северных горных склонов, на которых бы не цеплялась ель с тою особенною охотою, чем каменистее местность и чем больше разбросано обломков камней.

Оставляя сосну с березой в равнинах, ель заняла большую часть возвышенностей и холмов, породив, таким образом, опять же целую группу селений и городов своего имени; города — Елец (Орловской, 1147) и Ельня (Смоленской) и селения: Ельны, Еленцы, Елины, Елиновки, Еловки, Ельцы, Елинский и Елецкий (Богородицкий) монастырь в Чернигове с первою христианскою церковью в городе и во всем придеснинском крае (явление иконы на ели 1060, основание храма в 1069 году)¹⁰.

Идем дальше.

Сильно освещенные привольные берега рек, мокрые и трясиновые, на возвышенных островках и кочках любят насаждать целые леса черной ольхи. Даже на топях, совершенно залитых водой, ольшаник,

¹⁰ Сам Чернигов — по всему вероятно — носит лесное название от *черней* ввиду обилия смешанных лесов с преобладанием лиственных над хвойными в этой полосе России (черни — густое непроходимое чернолесье, отсюда и г. Чернь Тульской губ.). Едва ли не сюда же следует отнести и происхождение прозвания ручьев речек и рек *черными*, как наичаще всего вытекающих из чернолесья (лиственных лесов), и вследствие чего название селений: Черноотици, Черныши, Чернушки, Чернявское, Чернины, Чернещины, Чернявы и т. д. в целой массе тому подобных названий. Точно так же, наоборот, от преобладания на севере в верховьях Днепра хвойных лесов (сосен, елей и пихты) получил свое имя другой из самых древних и первых городов русских — Смоленск (882 г.), на том же основании, как и селения: Смолевичи, Смолин, Смолник, Смоляны и проч., а также г. Красный, Красники и т. п. (Примеч. С. В. Максимова).

А. Горавский. Вечер в Минской губернии. 1870-е гг.

оставаясь кустарным и малорослым, не перестает напоминать о себе и производить сильное и резкое впечатление. Вместе с плакучей ивой, украсившей берега всех больших рек, вместе с осиной, которая не растет только в сырых и болотистых местах (но охотно при- селяется в березниках и вообще скоро растет), ольха наиболее часто встречающееся дерево на белорусских мокрых равнинах.

Равнины с плодородной рыхлой и глубокой почвой, которые любит дуб, в белорусской стране редки; но дуб гостит (и хорошо произрастает) здесь и на суглинисто-песчаной. Зато липа с полной готовностью вырастает на свежей лесной почве в низких предгорьях и в самых равнинах, уступая лишь самые плодородные низменности вязу¹¹.

¹¹ *От ольхи:* Ольховки, Ольшанки, Ольшаное, Ольховцы, Ольховатки. *От ивы или вербы:* Верба, Вербицкая, Вербичи, Вербки, Вербовки, Веребье, Ветлевки и пр. *От дуба:* Стародуб, Дубно, Дубны, Дубня, Дубовая, Дубосна, Дубовики, Дубовичи, Дубовки, Задубенье. *От липы:* Липецк, Липки, Липник, Липовец, Липенка, Липенщины, Лубны, Лубянск, Лубки и проч. *От вяза:* Вяз, Вязов-

Ввиду такого богатства и разнообразия лесной древесной растительности (не считая разнообразия кустарниковой) понятно становится то неизменное и неизбежное явление, что от преобладания групп древесных пород зависят и названия групп человеческих жилищ, соединившихся в города и селения. И едва ли может быть сомнение в том, что такой дешевый первобытный прием, не требующий умственных напряжений, принадлежит самым ранним, первым временам прибытия славянских племен на *свою лесную родину*, и белорусского племени в частности, именно в те места, где встречаются обе сплошные области лесов хвойных (красных) и лиственных (черных). Однако породы первых преобладают и господствуют под самыми разнообразными формами и названиями. Форм этих много. Господствующая и чаще всего встречающаяся — бор.

В противоположность лесам, растущим на низменностях, бор представляет лес, выросший на сухой почве, нередко песчаной, и непременно на возвышенности. Это — строевой сосновый или еловый лес, и если сосновый, выросший по супеси, то чистый, но зато мелкий и рыхлый, беловатый в отрубе и вскоре синеющий и не смолистый, что называется, *мяндовый*, если же на свежей почве, то крепкий, мелкослойный и смолистый с красноватой древесиной (как называют на севере, *кондовой*). Кому не памятни эти суходолы в летнее жаркое время, когда по боровому песку, среди разреженного в рощу красного леса, с трудом влачат ноги лошади, когда, утомясь сидением на месте, идешь пешком, едва волоча ноги по раскаленной солнцем боровой почве между группами корявых берез и сосен. Боры — это наши заветные и неизменные картины, в какую бы сторону лесной России мы ни направились. Вот отчего и такое обилие городов

ка, Вязовская, Вязовск, Вязники (слобода на *Вязах* над г. Ярополчем), Вяжицкий Никольский монастырь (в 13 верстах от Новгорода на урочище Вязице), даже Вишняки, Вишенки, Вишневки, Калининки, Калиновки, Калинины, Ясеновки, Ясиновки, Ясинок и т. д. в бесконечность (*Примеч. С. В. Максимова*).

и селений с таким названием, считая с самого древнего славянского поселения в северных лесах Изборска до Боровичей (прежнего Боровища) в Новгородской губернии, Боровска Калужской, Красноборска Вологодской и кончая множеством селений Белоруссии, каковы: Борки, Борковка, Боровая, Боровина, Борок, Боровка, Борочки, Бор, Борятин, Боровицкая, Оборок и опять Боровичи, Борколабов (монастырь женский Могилевской губ. на Днепре, лаба — брод).

В противоположность борам, леса, растущие в низменностях, называются *раменами*, *раменьем*, если эти низменности плодородны и лес является смешанным чернолесьем (ель, пихта, липа, береза, осина), укоренившимся по суглинку с моховиной. Раменье бывает лесом густым, дремучим и темным и представляет раздолье для житья и скитанья медведей. Все селения, притулившись к таким местам, носят название раменьев на том основании, на каком Дубровой, Дубровкой, Дубровной, Дубровском, Дубровным назвались в Белоруссии все те селения, которые выстроились подле чернолесьев, т. е. лиственных чистых несмешанных лесов. Потому и все то Гаи, Гайки, где имеются в соседстве убереженные, ухоженные рощи, одиноко и картинно стоящие в долине посреди обработанных полей. Потому, наконец, и все то — Брянски (сокращение от Дебрянска в двух случаях русских городов), где городу удалось выстроиться на *дебре*, то есть на поросшей лесом луговине, долине или низменности, по примеру двух дебрей (верхней и нижней) в Костроме¹².

На тех же простых основаниях появились на белорусской земле селения с названиями: Лесная и Верхолесье, Лесок, Лески, Лесец и Лесовки, Лесковки и Лесовые, Лиственъ и Оболонье (*болонье* — луг); Пески, Песчанка и Песочня (со всеми однородными) и Луг, Лужки, Луговки (с одноименными товарищами); Пруд, Пруды

¹² Около Брянска на правом берегу р. Десны (Орловской губ.) до сих пор замечается несколько глубоких оврагов, стены которых 130–150 футов высотой. Подобное замечается и в Брянске Гродненской губ. (Вельского уезда) (*Примеч. С. В. Максимова*).

и Прудовка; Глинки, Глинище и Глинянка; Каменец, Каменца и в особенности Каменка (каковых в одной Черниговской губ. 8); а следом за ними и Кременцы и Кременки, наконец, Кустичи, Кустовцы и Кусты и всякого рода пущи (от густых непролазных и первобытных лесов). Они первыми во всем своем разнообразии предстали перед глазами и бесконечно вытянулись по пути новым пришельцам в лесную страну с юга. Они и затруднили, они же и облегчили путь. Сухие боры с редкими елями, березовые леса, не любящие густых насаждений, сами облегчали путь и, заманивая, обеспечивали выход. На непролазные пущи смешанных пород пригодились огонь, соха и топор, так как в первобытные леса свои славяне белорусского племени и имени несомненно пришли *не дикарями, а земледельцами*, с готовым знанием, умением, сноровкою, — словом, с тем, что мы привыкли называть по-иностранному *индустрией*.

IV

Намеренно уберегая, старательно блюдут свои родные заветные леса северные бродячие инородцы финского племени, выстраивая избы окнами к лесу и выделяя в нем большие участки с посвящением коремети (богу), чтобы таким образом сделать священные рощи заповедными и сбереженными. Как саранча на хлеб, истребляющая все до самого корня, с озлоблением и рвением сжигают леса огнем кочующие выходцы из среднеазиатских степей, превратившие богатые насаждения в голые травяные степи под пастбища своего кочевого скота и всю Южную Россию обездолившие навеки, увеличив и выродив небывалые солончаковые степи с переносными зыбучими песками. Бережно, поскольку нужно для скромного хозяйства и ограниченного быта, брал в лесу участок для себя пришлый хозяин-хлебопашец из земледельческого племени славян и хранил соседние участки, помня и зная, что лес его одевает, обувает и кормит и что, уступая труду, дает плодородные земли.

Чтобы добыть у леса такую площадку, которая годилась бы под пашню, делают *ляды* (*лядины, починки, посеки и пожоги, огнища, кулиги, валки, новины*) тем же простым вековечным способом, который сохранился до наших дней и, конечно, восходит от древнейших языческих племен. Лес рубят и валят подряд по одному направлению во времена самого сильного развития растительности (всего чаще в июне): на другой год в сухую погоду (обыкновенно в апреле или мае) всю эту *валку* зажигают. Несгоревшие стволы складывают в костры и вновь пускают на них огонь. После того убирают остальной *охлам*, разгребают и это *огнище* распахивают одноконной сохой: легкая на руке и на ходу, только она одна и способна облегчить тяжелый труд, потому что на «пожогах» этих остаются еще и корни. Стало быть, белорусское «лядо, лядина» — это великорусская «новина или починок»¹³. Пни и корни от времени разрушаются и обращаются на усиление почвы. Деревя, сгоревшие в полном развитии листьев, дают самое большое количество поташу, образуя ту плодородную почву, которая с древнейших времен называлась у белорусских и малорусских славян принесенным из-за Карпат словом «буда». Верхний слой этого ляда или буды обожжен, — стало быть, сгорели, превратившись в тук, и переплетшиеся корни различных травяных растений. Оставшиеся пни, сгнивая, составляют ежегодный запас легкого удобрения. Кое-как перепаханное лядо в недоступных для сохи местах (около пней и корней) взрыхляется первобытной ручной мотыжкой из дерева в виде костыля (один конец клювом, другой поперек на ребро). Лесная борона, которая еще легче ходит и веселее скачет, заборанивает лядо на последнюю отделку и под посев, хотя бы и ранней весной (просом) и поздней (в первых числах июля) репой. Когда в согласии со столь известной всем песней «просо на ляде сеяли» оно

¹³ Отсюда и многочисленные на Руси названия селений этого имени с придаточными прозвищами от людских имен или особенностей местности (*Примеч. С. В. Максимова*).

родилось роскошно, а репа получалась особенно отменного вкуса, — лядо затем становилось обыкновенным пахотным полем со всеми обязанностями на отчет по ежегодным посевам ячменя, пшеницы, гороху, овса, льнов, а по истощении — рожью, когда поле поступает уже в общий трехпольный севооборот (озимь, яровое и пар). Имея два поля: одно под руками, другое в лесу, хозяин на ближнее кладет все накопившееся на дворе удобрение, а дальнее лядо предоставляет его собственным допотопным силам, пока они не ослабевали и не истощались. В страхе опасностей и уже в виду их хозяин оставлял ближнее поле и старую деревню и уходил в лес, к ляду, переносил туда и свою избу, и гумна, и сарай и забирая с собою весь домашний скот и скарб. А затем опять он идет на новое лядо, куда влекут обе великие силы: нужда и соблазн.

Так делается всюду, по всему лицу земли Русской. Неизменно совершается это и теперь в лесах Белоруссии, начиная с Придесенья и кончая северными пределами страны с лесами, по великому водоразделу русских рек, до Осташковского и Ржевского уездов¹⁴. Не говорим уже о странах Восточной России (особенно Вятской губ.) и Сибири, где такие приемы на каждом шагу, так как и самое народное переселение там еще далеко не кончило своей двухтысячелетней истории.

Таким сравнительно медленным, но настойчивым и верным процессом передвижения расселялось по лесам исключительно земледельческое племя белорусов, оставляя позади себя пустыри и безлесье, которые и пребывали бы таковыми, если бы могущественная растительная сила природы не стояла всегда в таких случаях

¹⁴ С некоторыми в этих местах особенностями: так, напр., после образования лядины на следующий год засевают ее рожью и три года подряд собирают жатву. Затем оставляют, жгут лес далее, а вместе с тем переносят и избы. Такими *подсеками* или *панами* разливаются по лесам население, и никакие старания и запрещения не в силах прекратить это переложное хозяйство, столь гибельное для лесов и рек (*Примеч. С. В. Максимова*).

настороже. Покинутое поле, забытые залежи не медлят обрастать кустарниками, сосняком. Эти заросли вскоре переходят в дровяной, а затем и в строевой лес. И вся Белоруссия, засыпанная курганами (наибольшая часть которых лежит большими группами, а между ними, по всему вероятно, такими, которыми знаменуются покинутые селения, селища, займища и городища, сплошь и рядом на этих курганах), представляет полную возможность наблюдать 20-саженные сосны двухсотлетнего возраста в глухих пущах Полесья, даже на расстоянии многих десятков верст от ближайших жилых селений. Бесперывная смена одного растительного поколения другим, из которых каждое в любой период жизни готово на службу людских поколений, повторилась, вероятно, не один десяток раз, пока не очутились белорусы на Двине и ее северных притоках и даже на одном из притоков великорусской Волги (Молодой Туд). Не зарастали лишь поростью все те местности, куда на покинутые пустоши не медлила приходиться новая свежая людская сила, умевшая оценить их и воспользоваться ими при помощи удобрения, — и, конечно, на юге страны, т. е. на первых встречных местах при переселении. Все такие селения на старых пепелищах и готовых *росчистях* назвались, как и следовало, *будами*¹⁵. И все эти буды в наибольшем числе и при характерных особенностях сгруппировались на юге белорусской земли, чем на ее севере, и притом так, что на крайних северных границах Белоруссии самое имя это для селений исчезает и совсем неизвестно. Неизвестно это имя по той же естественной причине, по которой южные части губернии Могилевской и северные Черниговской, в окрестностях Днепра, наибольшею частью представляют безлесную песчаную и скудную плодородием страну. Северная же белорусская страна (в Витебской и Смоленской губерниях) еще очень нуждается в осушении болот и в

¹⁵ Древним славянским именем, сохранившимся до сих пор за Карпатами, даже в названии большого столичного города Пешта (Примеч. С. В. Максимова).

обогащении себя пашнями, лугами и полями¹⁶, при помощи канав и того же огня и топора.

Стихийное начало огня, по своей громадной и неисчислимой пользе в деле заселения лесных стран, естественным образом вернее и сильнее других осуществлялось первобытными народами в самостоятельное божество, от литовского Знича до славянского Перуна включительно. И до сих еще пор именем этого страшного по силе, но благодетельного и богатого полезными дарами бога белорусы называют молнию, не зная для нее никакого другого имени (*пёрун*). До сих пор ни за одним из трех народов восточного племени славян, кроме белорусов, нельзя проследить наибольшего уважения к этой стихии и очевиднейшего почтения к огню — благодатному пособнику при первоначальной и последующей колонизации. Трудно вообразить современного белоруса, остановившегося на дороге для отдыха лошади, который не поспешил бы разложить огонь, очень часто без всякой надобности в нем. Любая белорусская дорога чернеет тысячами таких «пожогов» в виде кругов обожженной придорожной травы (при этом лесные пожары в белорусских лесах от постоянной привычки обращения с огнем приметно реже, чем в великорусских). В редком околотке, по

¹⁶ В одной Черниговской губернии мы насчитали таких селений с прозвищем *будами* — 33, да около 20-ти имеется в Могилевской губернии (в ее южных уездах). Из 33 черниговских буд, названных просто — *будами* (без нарицательного придатка), имеется пять да шесть селений с именем *будиц*. Остальные буды большей частью называются именем соседнего селения вроде Спиридонова, Товстолесова, а в Могилевской губернии (Гомельского уезда) есть даже Жгунская буда, прямо указывающая на способ своего происхождения. Едва ли не к такого же рода урочищам следует отнести замечательное количество селений всех белорусских губерний (особенно Могилевской и северной части Черниговской) с прозвищем *рай* (просто *рай*, *раевки*, *раевщины*, *райгородки*, *райгорода* и т. п., вероятно, в значении мест с разреженными лесами в виде сада и в противоположность гаю. Отсюда, вероятно, и название рязанского Зарайска (города за *раем*), вопреки поэтическому, но натянутому объяснению (*Примеч. С. В. Максимова*).

взаимному договору нескольких селений, не собирается ежегодно воск на так называемую *свечу* или *канун*, которая должна держать в нынешнем христианском храме огонь, на благополучие договорившихся селений, непрерывно и обязательно. И во всех местах Белоруссии, в поразительное исключение с другими странами Русской земли, сохранился до сих пор на Сретеньев день (по христианскому летосчислению) самостоятельный праздник в честь огня, известный под общим именем *Громницы*, с чувствованием той же свечи и освященного огня. Свечу эту держат в домах, как талисман, от поражения громом и молнией; при постройке нового дома огонь переносят со старого очага; на Иванов день (по-белорусски *на Купало*) обязательно прыгают через огонь и т. д.

Сохранив таким образом обрядовые остатки богопочитания огня и воды, народ почтил в них обе могучие силы, укрепившие за ним право существования на своей земле, которая до сих пор богата и водой, и лесами. Житье в лесах белорус и в настоящее время предпочитает всякому другому, и этнографическая граница племени до сих пор характерно определяется границами этих мокрых лесов. На больших дорогах и берегах больших рек белорусские селения попадают лишь изредка. Белорус прячется по хуторам (просёлам) за лесами и в лесах, не брезгуя при этом болотами, которые во многих случаях кажутся даже как бы излюбленными местами¹⁷. Сталось даже так, что на границах с сильнейшими племенами со всеми тремя соседними (литовским, великорусским и малорусским), где начинаются и идут худшие

¹⁷ Для сравнения возьмем белорусскую часть Черниговской губ. В ней на больших реках (Ипути, Беседи и Днепре) насчитываем только 13 селений, на лесных и глухих речках и ручьях 50, на озерах 17, и 51 деревня пользуется водою из колодцев. В то же время соседние великороссы, и притом позднейшие пришельцы, колодцами пользуются лишь в количестве 20 селений, но зато на реках и речках сидят в числе 68 селений (при этом число великорусских деревень, взятых нами для сопоставления, на 40 меньше числа белорусских) (*Примеч. С. В. Максимова*).

и болотистые земли, там непременно и неизбежно сидят белорусы. Такая неприхотливость, равно понятная и по бессилию племени, и по неизбывности и неотразимости географических условий страны, вытекает из того, что болота, по-видимому, несомненные естественные препятствия при заселении, на самом деле таковыми не были.

Богато прорезанные текучими водами, болота не преграждали пути, выводя на более удобные земли или на берега многоводных озер. На них-то мы и находим первые и древнейшие белорусские поселения. Самые озера на большую часть в болотистой Белоруссии образуют обширные водяные сети, почти непрерывно соединенные между собою. Те же болота щедро питали эти естественные пути, выводящие к наиболее надежным и наименее опасным местам для оседлости. Народ свободно прошел мимо болот, и если обошел самые большие и безнадежные, оставив их в стороне и назади, то в то же время он не затруднился и тем, что с истоков рек попал на водоразделы — те более или менее возвышенные места, которые известны под именем *волоков*.

Самое имя волоков характерно указывает на способ переправы, каковой не только еще не исчез из народной памяти и практики, но существует во многих местах и может быть наблюдаем воочию и в наши дни.

Не говорим уже о *комягах*, первобытных орудиях речной переправы (два бревна, сшитые вместе плотом или иногда обрубисто и топорно выдолбленные корытом), которые не жаль было бросить: самые лодки не представляют такой тяжести, которую нельзя было бы *переволочить* с одного места реки на другое. Комяги эти, по простоте и дешевизне, предпочитают и до сих пор всяким лодкам в переправах по озерам, протяженностью от северо-запада к юго-востоку (какова большая часть белорусских). На таких озерах ветер не может сильно разыгрываться, а пристанище всегда недалеко: комяги в таком случае, при простоте и дешевизне снаряда, всегда безопасны, озера же довольно часто соединены между собою или межтоками — неглубокими и короткими

проливами, или реками — проливами длинными и глубокими. Для перетаскивания лодок немудрено было выдумать и нехитрому уму пару жердей для лошадиной упряжки, или два-три кряжа (два катка или медведки) для подставки под тяжесть, или просто еловые ветви на низ и веревку, закинутую за самую тяжесть. Оба конца такой *волочуги* (т. е. обеих длинных жердей) «волочатся» по земле, два других служат оглоблями, в которые впрягается лошадь. В середине на вязках прилаживается плетеный кузов, в котором можно не только провезти товар, но доставить и самого воеводу, и притом на санях летом. На северных волоках (вроде Пезского с р. Мезени на р. Печору) такие инструменты всегда наготове, как почтовая тройка с телегой, и еще не так давно между Волгой и Доном (Дубовкой и Качалинской станицей) волочужные снаряды были солидных размеров для крупных судов: накладывали бревна вроде гати не поперек, а вдоль для волоченья лодок; ставились подводы лошадей. Перед весной на таких волоках товары завозились на санях, а остаток зимы употреблялся на постройку судов из местных первобытных лесов, которые к тому же в старые времена были ничьими. Такие волока останавливали на себе особенное народное внимание, выражавшееся двумя характерными явлениями. Народное суеверие сумело эти места признать нечистыми и проклятыми, помещая тут могилы каких-либо лиходеев, злых богатырей и обязывая всякого прохожего и проезжего бросать сюда древесные ветви, камни, сено и все, что попадет под руку, и чем больше, тем лучше, до того, что место это становится возвышенным и сухим. Снимать и разбрасывать накиданное считается великим грехом. С другой стороны, народная промышленность близ таких волоков, задерживающих движение и скопляющих народные массы, сумела выстроить сильные и торговые пункты в виде доживших до нашего времени трех исторических городов этого имени (*Волока-Ламского* — Московской губ. и *Волочка Вышнего* — Тверской губ. и г. Переволочки и селений Переволочня, Переволок и т. п.) и, наконец, Торжков и Торгов (вроде Нового) с прямым указанием

на цель бытия. Здесь впоследствии образовались торговые центры, как места сближений, ассимиляции, где сильному и живому племени доставалась счастливая доля: одерживать верх над слабым и давать ему свой национальный оттенок. Так случилось на всех пунктах Великороссии при встречах с разнородными и разноплеменными народностями. Еще первоначальной летописи кривичанские выселенцы известны были как хорошие плотники и строители судов, которыми они и торговали.

Вырастанию сильных пунктов вблизи таких водоразделов, которые избирались для передвижений и сношений соседей, разобщенных болотами, преимущественно помогало именно народное движение с юга по рекам к истокам их. Само собою разумеется, в особенности знаменательным подобное явление обнаруживается там, где таких истоков сходится несколько, стало быть, скопление пришельцев производится одновременно с разных сторон. Вопрос слишком очевиден, чтобы углубляться в его объяснение, и закон достаточно силен и обязателен для всех стран и народов в такой мере, что легко видеть доказательства и на лице земли Русской, и даже в пределах страны, служащей задачей для наших наблюдений. Новгород Великий вырос в громадный город, прославившийся и торговым, и политическим значением, на устьях Волхова близ устья Мсты (другой исторической реки, известной первой летописи) и около озера Ильмень, в числе 30 притоков которого три большие (Полисть, Пола и Ловать) вливаются с юга, направляясь прямо из земель белорусских, а четвертый на юго-западе (Шелонь) истоками своими встречается с водами р. Великой, обеспечившей близ озера и новгородский пригород — Псков. Таким образом, эти пункты подготовлены самою природою, и политическая роль их является следствием их географического положения. Точно так же, как соседство устьев Десны, Припяти, Сейма, Тетерева, Сулы и Псела имело несомненное влияние на централизацию Киева, в пунктах сближения истоков Сожа, Десны и Каспли (а с последнею, стало быть, и течение Зап. Двины) вырос Смоленск на *Днепре*, а вблизи истоков Березины,

Великой и Ловати и близ устьев Дисны и Уллы на Двине собрался и прославился другой древнейший город земли кривичей, столь же знаменательный в истории этого народа, — Полоцк. Не забудем при этом, что только эти два пункта (в виде укреплений и центров политической жизни народа) и успели выделиться в стране белорусов, где и самые озера представляют, как сказано, сплошные водяные сети. Везде в других местах, на юге Белоруссии, в стране чудовищно громадных болот, белорусы живут разъединенно, будучи не в состоянии создать и сгруппировать объединительных центров.

V

Белорусские реки все многоводны. Значительное число их (даже и из малых притоков) до сих пор еще сплавные, а многие на людской памяти были судоходными. Падение их незначительно: один Днепр представляет в этом отношении исключение, впрочем, не особенно резкое и характерное. Все они большей частью берут начало в болотах и текут в заболоченных берегах (имея правые берега возвышенными, а левые низменными) и оттого неприступны. Самый Днепр до сих пор не имеет ни бечевников, которые невозможны, ни береговых закрепов, устройство которых очень затруднительно: против течения приходится ходить большею частью на баграх, что чрезвычайно затруднительно. К тому же не все реки успокоились в определенных берегах и некоторые ищут новых русел, врезаясь в податливые торфяные земли прибрежных болот и подрывая обрывистые крутояры. В Могилеве крутой берег принуждены были укрепить искусственными средствами. При настойчивом истреблении лесов у истоков успели уже достичь вредных и разрушительных результатов на больших пространствах и уже для многих поколений. Естественные следствия такого зла: увеличение уровня весенних вод над средним горизонтом; а быстрые и разрушительные наводнения, столько же неожиданные, сколько и сильные, сделались

уже слишком очевидными. Дожди смыли почву с гор и засорили ею реки, подняли их русла и заставили весенние воды выступать из берегов на новые места, превращая таковые в свежие и новые болота и делая берега рек еще более неприступными¹⁸.

Эта неприступность, по всему вероятно, послужила причиной тому, что побережья белорусских рек (не исключая Днепра) не приютили населения в таком размере, который казался бы резко определившимся, и не сделались местами густой оседлости, как, напр., все великорусские реки (не говоря уже о Волге). Для белорусских как будто только и была одна мировая задача сослужить человечеству службу в качестве большой проходной дороги, на которой неудобно, стеснительно и опасно устраиваться на вечные времена прочным хозяйством. И в самом деле, правым берегом Днепра шла и колонизация и торговля, здесь был и путь из варяг в греки, т. е. из Новгорода на Киев, как по правому берегу Двины шла ганзейская торговля, направлявшаяся по Великой на Псков, по Шелони и Ловати на Новгород¹⁹. Правые берега еще представляют приметные группы селений; левые замечательно пустынные, не исключая и Днепра. На правом берегу его встали все старинные города и более живые торговые пункты: Смоленск, Дорогобуж, Орша, Шклов, Могилев, оба Быхова (старый и новый), Рогачев, Жлобин, Стрешин, Горваль, Речица, Холмичи, Лоев, — на левом уцелел один только старинный (теперь заштатный) городок Копысь. То же повторилось и на Десне, то же и на Березине²⁰. Воспользовавшись побережьями, как бы

¹⁸ Под Киевом Днепр обмелел до поразительной безнадежности. В Чернигове на том месте р. Десны, где несколько лет назад было купанье, теперь стоит хижина и вокруг нее разведен огород. Словом — подобных примеров не оберешься (*Примеч. С. В. Максимова*).

¹⁹ В этих местах еще недавно у крестьян любители могли скупать старинный фарфор — *вьесакс* (*Примеч. С. В. Максимова*).

²⁰ Города на Десне: Чернигов, Сосница, Новгород-Северский, Трубчевск и Брянск находятся на правом берегу. На всем протяжении течения Днепра по Черниговской губернии на самой

передаточными пунктами, народ главным образом стремился на верховья рек, переволакивался с одних истоков на другие и садился там, где ему казалось не страшно и вольно посреди болот и лесов, и снова двигался вперед, пока не попадал на жилые места иных племен. Здесь движение останавливалось силою встречного отпора.

Таким образом мы встречаем в настоящее время белорусское племя перебравшимся с Березины и Свислочи на верховья Немана и его притоков Шары и Вилии. На границе лучших земель, ранее занятых племенами литовского народа, белорусское прекратило свое поступательное движение. Сталось так, что и в данном случае остался неизменным и ненарушенным роковой исторический закон для всего племени, выразившийся самым характерным образом в том, что белорусам на всем пространстве земли их суждено сидеть лишь на верховьях рек, даже и таких крупных, как Зап. Двина, Днепр и Десна. Обратное движение могло направиться лишь на междуречья и водоразделы и здесь удовлетворяться случайными и первыми попавшимися местностями, без разбора, среди болот на обсохших островах и — конечно — по берегам рек, прорезающих эти беспредельные и разнохарактерные болотные пространства. Вот почему по Березине, Свислочи и Птиче и только в одном нынешнем Бобруйском уезде²¹ (Минской губ.) насчитано 3931 курган, а затем во всей белорусской части той же губернии более 15 тысяч курганов. Точно таким же

реке лежат только два селения, но в числе их столь известный в истории наидревнейший город Любеч (в 62 верстах от Чернигова в Городнянском уезде) — первый город на юге, взятый Олегом Новгородским (882 г.), известный в VIII веке торговлею с Грециею и в 1097 году прославившийся съездом князей по призыву Мономаха на устроение мира (*Примеч. С. В. Максимова*).

²¹ Прозвание *Бобруйск*, однородное с г. Бобровым, с реками Бобр и множеством селений подобного имени, находится в зависимости от имени того животного (речной выдры), которое до сих пор нередко попадает в белорусских водах там, где леса еще дики и недоступны. В древнейшие времена торговля этими мехами была довольно известна (*Примеч. С. В. Максимова*).

образом на ту же губернию приходится до 214 городищ, сгруппированных главнейшим образом в западной части, ближайшей к Днепру и, стало быть, к центру первоначальных движений и расселений племени (на один Речицкий уезд выпадает 78 городищ). Такой же непрерывный и поражающий свежее воображение ряд курганов попеременно с городищами тянется по правому берегу Днепра на всем длинном пространстве от Старого Быхова до Гомеля (откуда, между прочим, и самое имя города *Могилева*). Сплошь и рядом во всех случаях городища и курганы без разбору сидят в глухих пущах, вдали от жильев. Бобруйское шоссе, искавшее прямого пути на Слуцк, проведенное по образу птичьего полета, стрелой, в глухих и мертвых пущах, до десятка раз натолкнулось на группы этих круглых насыпей с вековыми деревьями на боках — свидетелей старых людских жилищ и некогда царившей здесь жизни людского племени (дреговичей, или жителей Дрягвы, т. е. громадных полесских болот).

Замечательно велико число этих городищ, унаследованных нашим временем в форме покинутых мест, не занятых жилыми домами и сохраняющих в соседстве новые селения, наделенные именами старых во всех разнообразных этимологических формах этого имени: Городище, Городок, Городня, Городищечко, Городечня, Новогрбодок, Новгород, Давыд-городок, Кожан-городок и даже Пустогород (Черниговской губ.). Такими именами поразительно богат весь Белорусский край, не считая при этом иных жилых остатков под именами Замковиц, Церковиц, Селищ и т. п. Но неизмеримо богаче белорусский край группами курганов, происхождение которых народ (вообще поразительно бедный историческими преданиями) относит ко временам *руины* — какого-то неопределенного бедственного времени. Голодные моры, смертоносные повальные болезни, заставляющие обыкновенно убегать живых и оставлять мертвыми пустырями старые пепелища, в понятии руины смешиваются белорусами с бедствиями военного времени и опустошительных нашествий, от литвы и татар до походов Карла XII и Наполеона I включительно.

Но, следуя приемам старого исторического метода исследований, слишком много надо насчитать войн и набегов, чтобы оправдать ими все количество белорусских курганов, столь многочисленных, столь прихотливых по выбору мест и в числе таковых — даже удаленных от центров всякого политического движения, в мертвой глуши непролазных болотных пущей.

Здесь на рассыпавшуюся груды бревенчатых построек и глиняных очагов, все-таки на открытой площадке, свободный ветер мог наносить курганы и одною пылью, как удалось же ему набросать сюда семян елей и сосен, принесенных им из ближнего леса. Одновременно зарастали окрестные поля лесами — на добрый конец, или кочкарниками — на худой, и тогда старые пашни становились новыми болотами. В этой непрерывной и неудержимой смене растительных поколений и видов почвы прошли те сотни лет, которые изжило белорусское племя, глядя, как болото иссыхало в пашню, как заболачивалась самая пашня или зарастала дремучими лесами, как из лесов делались и поля, и луга, и починки для селений, и опять пустыри.

— Вот это болото (говорили мне про болото, называемое Кобыличьем, под самым городом Гомелем, на пути моем по проселку на с. Красное и Уваровичи) было когда-то озером. Жила-была мать-чародейка с единственным сыном, который и потонул в этом озере. Мать огорчилась и заклала то место; стало озеро болотом. А прежде того по озеру этому суда плавали; местами попадают мачты, осколки судов: теперь *дрогва* такая, что ты идешь, а земля супротив тебя вздымается. Завязала чаровница озеро в болото таким замком: пусть выищется детина семи лет, проедет по болоту на кобыле-трехлетке и отыщет то место, где потонул сын. На месте том выросли три *черотины* (три куста очерету), надо их тому детине вырвать и, не оглядываясь, увезти прочь — станет тогда болото опять озером. Но как это сделать? Где такой богатырь семи лет? Как ему проехать по зыбучей дрогве, как ему найти в очеретных кустах те самые три черотины?

В. Дмоховский. Новогрудок. Руины замка и костел. 1856.

Подобное же предание встречает нас и дальше за Уваровичами и еще опять на Днепре у Стрешина, с тою только разницею, что подобные предания приписываются островам, выросшим на озерах. А в Могилевской же и в Витебской и про самые озера точно такая же слава.

— Стоял на том месте, где разлеглось теперь светлое озеро (даже и такое большое, как Нещордо, в Витебской губ.), большой город с божьими храмами, да согрешили люди перед Богом: излилось озеро и поглотило греховный город.

В ясную погоду зоркие глаза видят и кресты, и кровли: чуткое ухо слышит колокольный звон на восходе и закате солнца. Звон этот иногда будит глухое молчание на диких берегах Нещорды: уstraшенные птицы улетают прочь, испуганные серны и лоси, дрожа от страха, скрываются в глушь пуши. В трех верстах от города Суража (Черниговской губ.) по дороге к Клинцам, на левом берегу Ипути вытянулось с версту длиною озеро Лобное: и здесь было селение и за грехи провалилось. И теперь слышен подземный гул, бряцанье металла, стоны и вопли, между которыми распознаются голоса коней, коров и овец, — особенно перед наступлением полуночи и за полночь.

Н.А. Атрыганьев. Вид на реку Остер в Могилевской губернии. 1885.

Таких озер с затонувшими селениями и церквями в Белорусской стране насчитывается не меньше самих озер, высохших в болота.

И в самом деле: около села Пожежа (Киевской губ., Черкасского уезда) в начале нынешнего века все помнят озеро Белое, а теперь видят на месте его болото, среди которого как был, так и остался — остров, заросший лесом, на котором находится древнее городище, а близ села десять могил с костями людей и животных (стало быть, вследствие этих признаков, и это городище языческих времен). В Люценском уезде лежит озеро Любань, верст на 90 в окрестности, в различных направлениях со всех сторон окруженное болотами. На старых картах все эти болота зачерчены в озеро и самому озеру придано название *Mare Lubanikum*. Из болот, лежащих на востоке, вытекают три реки: Синяя, Лужа и Утро — притоки Великой; реки же из юго-западных болот сливаются в Любань и им спускаются в Двину. Таких примеров можно привести еще много в доказательство, насколько рельеф страны изменялся в известные периоды лет; истощенная почва обрастала негодным кочкарником и, покрываясь мочевинами, сгоняла народ прочь. Равновесие сил природы и ее экономия постоянно и безрасчетно

В. Дмоховский. Около перевоза. Пинск, река Пина. XIX в.

нарушались. Ослабевала деятельность лесов, — и влияние болот спешило выразиться всеми своими сокрушительными и роковыми последствиями. Кое-как налаженная здесь жизнь вымирает. Остаются курганы, указывающие на отыгравшуюся жизнь, последние следы которой затягивает мохом и прикрывает лесными пущами несомненно уже не в первом и не в последнем поколении пород растительного царства. На помощь смерти являются болезни, справедливо приписываемые болотам, вечному гниению органических веществ, накопившихся в стоячих водах и выделяющих губительные испарения.

В болотистых водах развитию инфузорий весьма способствует то обстоятельство, что они очень близки к поверхности почвы и потому весьма доступны свету, теплоте, воздуху и органическим веществам, а такое условие чрезвычайно благоприятствует размножению этих малых существ. Без вины людей болотистые места дают дурную и во многих отношениях нездоровую для питья воду. Лихорадки с завалами печени и болезнями селезенки проявляются в бледных и желтых лицах с тусклыми глазами и впалыми щеками, в опухоли нижней части живота, в замедленности движений. Медленно и верно уничтожает смерть тех немногих жителей,

которых железная нужда заставила тут поселиться. Верная спутница смерти, злокачественная лихорадка, кончает тем, что роковые селения исчезают, зарастая новыми лесами и курганами. В редких случаях останется след лишь в летописных сказаниях: «Харкнет человек кровью и помрет». «Ударит человека как бы рогатиной за лопатку, или под грудь против сердца, или меж крыл; проболит 2, много 3 дня и умрет». «Появится железа, — у кого на шее, у кого на стегне, под пазухой, под скулой, под лопаткой, и во вся грады разыдеся мор силен и страшен». Земля пустела, зарастала лесом, и были потом всюду пустыни непроходимые. Отсюда в описях разных имений (как, напр., в имеющих у нас церковных и монастырских летописях воеводства Полоцкого, отданных Стефаном Баторием иезуитской коллегии) то и дело читаем следующее: «В том же селе, возле церкви Пресвятыя Богородицы, было 10 церковных людей, которых ныне уже нет». «К сему же монастырю в сельце Торове» принадлежало пять человек, и «to sioło w ruscie [это село в пуще]». В селе Сосне проживало семь человек, которые давали в монастырь со всех посевов своих четвертной сноп, страже замковой давали два гроша широких, на стане Лозовском продовольствовали посланцев и гонцов: село это опустело (puste), и т. д. до ста раз: то «zemia w ruscie», то «nie jednego człowieka nie ma» (ни одного человека нет). Такие страшные последствия нарушенного равновесия экономии природы вернее всяческих вражеских набегов видоизменили лик страны в одних местах совершенно, в других же с несомненными и прочными задатками такого же явления в недалеком будущем.

В приболотных деревнях у детей замедляется развитие, они вялы, одутловаты, со слабо развитыми мышцами, с узкою грудью и большим животом — слабые надежды на прирост населения, для которого в белорусских краях выродилась особенная болезнь, неизвестная в других местах. На низменных покатосях у гнилых речек и в болотных луговинах колтун (болезнь волос, крайность острого худосочия) — явление эндемическое, сопровождаемое нередко ломотою, язвами,

сыпями, искривлением ногтей, вырастанием ресниц внутрь к главному яблоку и вследствие того самовоспаление и изъязвление прозрачной оболочки глаз. Колтун при этом столь всемогущ, что переходит и на домашних животных. Хохлатая лошадка с грязною растрепанною шерстью, неуклюжая, сгорбленная и тощая, — явление самое обыкновенное, как и то, что вместо нее в той же лошадиной упряжи под дугой и в оглоблях ходит бычок.

Счастливые нападали на леса и отбивали у них клочки пашен, несчастные принуждены были отвоевывать таковые же клочки у тех же болот, осушая их каналами и сдабривая искусственным образом при помощи надворного назема²². В минском и волынском Полесье эта неустанная и бесконечная борьба с природой ведется уже под конец второй тысячи лет народного существования, потому что с первых же лет водворения племени в стране своей ему привелось садиться или на озерах, выжидая того времени, когда болотные травы стеснят воду на середину и потом затянут вовсе, или на ржавых болотах и оставить о том доказательство и память в бесчисленном множестве селений, носящих название Рудней и Ржей. Город Орша — урочище на Рше (теперь на Оршице) — упоминается в летописи под 1067 годом и на лице земли Русской не одно встречает повторение: есть река Орша в 18 верстах от Твери (приток левого берега Волги). На самой Волге стоит город Ржев 1150 года — старинная Ржева Володимирова; на крайней северной границе Белоруссии и внутри страны селения: Иржавец, Иржачь (т. е. Ржавец, Ржач), Ржищев, Ржава на реке того же имени, Оржев и Аржа — погост Псковской губ., где теперь г. Новоржев (куда управление переведено из *Пустой Ржевы*).

Болотами обездолена Белорусская страна уже в таком сравнительном изобилии, как никакая другая страна целой России. Громадное количество корытообразных равнин, не представляющих стоков, и при этом глинистый, непроницаемый для воды нижний слой — вот те

²² *Назём* — смесь помета домашних животных с соломой, служащая для удобрения почвы, назов.

И.И. Шишкин. Болото. Полесье. 1890.

условия, которые породили болота. Вода, приносимая дождями, источниками или снегом, здесь останавливается, испаряя газы, вредные для здоровья. Болота ухудшили и климат: средняя температура белорусских болотистых равнин гораздо ниже, чем должна быть, судя по географическому положению. Только с наступлением холодов страна становится здоровою. Словом, болота — это то, что вместе с обилием лесов и воды всего наиболее поражает воображение и кажется преобладающим во всем разнообразии форм и видов, нашедших в белорусском языке специальные определения и обогативших его в эту сторону.

Обыкновенно *болото* (собственно так наз.), мокрые места, покрытые смешанным дровяным лесом, потому что слой моху не очень толст и корни деревьев могут проникать в грунт земли, — места, в сухое время проходимые человеком, и *нямяреча* (или *мяреча*, а также *мхи*), где моховой слой достигает толщины нескольких сажен и на нем растет один только сосняк, но весьма редким и низким насаждением. Окраины таких болот густо зарастают ивняком и березником, и на них-то уцепились те селения, которым не удалось укрепиться на побережьях рек и озер. В мяречах попадают именно те местности,

которые непроходимы и известны под именем *нетры*, — места, соблазнительные для охотников и опасные для их жизни обилием смертей. Третий вид болота, самый безнадежный и ужасный, — это бывшие некогда озера, поверхность которых заросла не особенно толстым моховым слоем, но густого сплетения. На них после первых поселенцев: водорослей, водных мхов и низших растений, вымерших и истлевших, — образовалась уже почва для других болотных растений. Под мохом этих болот, называемых *тванями*, содержится разжиженная грязь, сквозь которую проходят свободно шесты в 3–4 и 5 сажен длину. На тванях ничего древесного не растет; подземные ключи выходят наружу; сплошь и рядом просвечивают *окна*, или *виры*, — различной величины отверстия, в которые опасно попасть и про которые существуют поверья как о бездонных пропастях. Вся поверхность — драгва настоящая, сплошная, с поразительным подобием дрожащего и пропускающего всякий твердый предмет киселя. Во время разливов озер в осеннее время вода, не покрывая моховой поверхности, скрывается под верхним слоем и напором подмывает моховую оболочку от окраин к середине, отчего твани получают обманчивый вид отлогих возвышений. Некоторые покрыты некогда не замерзающими озерами и стелются нередко на десятки квадратных верст. Сплошь и рядом эти твани отливают черным или бурым с блестками цветом: ил их проникнут закисью железа. На северной стороне водоразделов Днепра, Двины и Волги эту болотную руду плавят в ручных печках, режут на прутья и перековывают в гвозди, прославившиеся под именем уломских (а вся местность под названием Железополья). На юге от водораздела, безразлично на всем протяжении белорусского края от Велижа и Усвята до Чернигова и Киева, таких домашних железных заводов не существует, но сохраняются сотни селений под названием *Рудней*. Явление это поразительно, и едва ли можно сомневаться в том, что некогда это были места железной выработки, давно покинутые и забытые, так как полузабыто в Белоруссии и употребление самого железа. Тем не менее многие Рудни

владеют старинными городищами и обставлены курганами, как несомненно древние поселения, имеющие за собой очень давние времена летописных указаний (под 1363 годом указана Рудня, местечко Могилевской губ., Оршанского уезда; под 1025 годом значится в летописях г. Листвен, в 12 верстах от черниговской Городни, на р. Руде)²³.

Тем же последовательным путем, в зависимости от непосредственных впечатлений, усваивались прозвания селениям по живым урочищам общего нарицательного смысла. Явились и Речица, и Поречье, и бесчисленное множество производных от изгибов речных, так называемой луки, от суток встречных и соседних изгибов реки и крупцов — коротких и быстрых нагорных речных притоков. Явился на Днепре Стрешин, или Стрежев (город XII века), от *стрезжа* Днепра, и недалеко от него Рогачев (1142) от *рога*, каковым именем во всей Белоруссии определяется всякий угол, угловая местность, как на этот раз мыс, образованный слиянием Днепра с его притоком — Друтью²⁴. Оказались по речным низменностям, по до-

²³ В одной Черниговской губ. (по списку населенных мест в ее белорусской части) насчитывается 57 Рудней (16 просто Рудней), Руд, Руденок, Рудок, Рудовок. Не менее велико число селений этого звания в особенности по Витебской и Могилевской губ., где некоторые Рудни успели уже утратить свое первоначальное имя (такова одна Рудня в Оршан. уезде Могилев. губ., носящая теперь другое имя; Киевской губ. Черкасского уезда — теперь с. Пекари; в 26 верстах от Рогачева деревня Тощица (тоже прежняя Рудня) и проч. Кроме Рудней, часто встречаются в Белоруссии селения с именем Гуты (в одной Черниговской губ., таковых 40 селений) — позднейшего происхождения, в значении заводов стеклянной и медной посуды, с немецкого языка (*Примеч. С. В. Максимова*).

²⁴ Таково же множество селений с именами Крупец и Крупка в Черниг. и Могилев. губ., Волынской, Курской и даже Тульской; отсюда и Крупецкие монастыри Черниговской губ. (Ветхий и Новый) в 32 вер. от Конотопа, поместившиеся на крупцах — коротких притоках р. Сейма, и недавно открытые близ Смоленска — монастырь Борисоглебский на Крупце-Смядыни, теперь уже иссохшем (осн. в 1145 г. и откр. в 1838 г.), и подземная церковь на Крупце, открытая из-под кургана близ деревни Шенной в

лам рек, по примеру киевского, и целые города и села и пригородные слободы: Подолы, Подольски, Подольцы, Подолья и проч.²⁵

Несомненно при этом, что все подобные простые и дешевого вымысла названия, зависящие от непосредственности впечатлений старинных поселенцев, принадлежат городам и селениям древнего происхождения и языческим временам, во всем том большинстве случаев, где снабжены они городищами и окружены курганами, что по всему Белорусскому краю случается поразительно часто.

VI

Редкие из старых городов и селений по всему западному и северному краям России не имеют храмов, посвященных пророку Илии и мученице Параскеве Пятнице. Сплошь и рядом новые города и вся масса позднейших селений таких храмов не имеют вовсе. Первая христианская церковь в языческом Киеве, еще задолго до введения христианства в России, была освящена прежде других во имя пророка Илии; в Чернигове (упоминаемом впервые в договоре Олега с греками) преподобным Антонием Печерским, удалившимся из Киева по неудовольствию с князем Изяславом, в горах

1865 г. На Крупцах этих — мельницы, около — дупеля и бекасы, в воде карпы; вода всегда холодная и зимой не замерзает (*Примеч. С. В. Максимова*).

²⁵ Подол, кроме Киева, сохранился за приречными частями городов: во Мстиславле, Могилеве и даже в Москве, где в 1436 году упоминается под этим именем нижняя часть Большого Посада к востоку от Кремля по левому берегу р. Москвы, г. Подольск Московской губ. по р. Пахре, Подолец, село Владимирской губ., Юрьевского уезда; Подол — волжская деревня Осташковского уезда Тверской губ.; село Полтавской губ., Гадячского уезда (оно же и Сребное) по р. Лысогорке; слобода Курской губ., Грайворонского уезда по р. Ворскле; Подолье по р. Згаре, мест. Летичевского уезда Подольской губ. и т. д. (*Примеч. С. В. Максимова*).

Болдинских внове ископанною пещерою положено было в 1069 году основание монастырю Ильинскому и заложен храм во имя этого пророка, также первый в этом городе и во всей северской стране. Близ Новогрудка, в нынешнем Лаврищеве, еще при Миндовге, стало быть, в первые времена Литвы, существовал монастырь «лавра св. Илии» (оставивший свое имя и самому селению), в котором сын племянника Миндовгова Римунда (в монашестве Елисей) был архимандритом. Древнейшая ярмарка в славянском мире, собиравшая южнорусский народ от Карпатских гор до донских степей для торговли и обмена с дикими кочевыми племенами печенегов и половцев, собиралась в Ромнах (Полтавской губ.) на какой-то срок, который оказался в христианские времена также Ильиным днем. По Днепру и его притокам в любом древнем городе неизбежны Ильинские и Пятницкие церкви: во Мстиславле и Могилеве, в Витебске и Полоцке, в Слуцеске-городе (1116) над Случью; Пятницкие Ильинские церкви и концы в Смоленске и Новгороде, во Пскове и Изборске, первый монастырь — Ильинский в Вязьме; Ильинская ярмарка в Ельне; Ильинская церковь в Велиже, Пятницкая в Торопце, Ильинская и Пятницкая церкви в Кричеве (Могилевской губ.) и т. д. Одним словом, из всех 682 церквей и часовен православного исповедания только в двух окатоличенных епархиях (Виленской и Витебской) мы успели насчитать главных храмов и приделов во имя и честь:

Пророка Ильи Везвитянина 30,
 Мученицы Параскевы Пятницы 22²⁶.

²⁶ В тех же епархиях, по отношению к другим особенно чтимым святым, мы получаем следующую таблицу:

Во имя Бориса и Глеба	10 престолов
Георгия	38
Петра и Павла.....	20
Св. Духа	17

При этом мы принимаем древнее и доказанное исторически данными народное почитание к святым этих имен (*Примеч. С. В. Максимова*).

С другой стороны, если мы переменим точку наблюдения, то увидим, что в Ильинских селениях (которые чрезвычайно многочисленны на севере) существуют обязательно и непременно народные сходки для обмена и сношений: торжки, торги и ярмарки по пятницам, и — наоборот, что особенно чтимые пятницы на заветных местах всегда предполагают деревянные изваяния мученицы, во всех случаях почитаемые чудотворными, а чествование пророка Ильи еще нигде не знаменовалось подобным способом. На замену его встали изображения «Огненного восхождения пророка на небо», столь известные всему Белорусскому краю, вообще скудному иконными представлениями в лицах и весьма мало знакомому с ними²⁷. Затем уже велика, страшна и честна для всей православной России *Ильинская пятница* (последняя перед 20 июля), а для Белоруссии честны и грозны все пятницы в году, а 12 первых после Пасхи — в особенности. Все пятницы

И.П. Трутнев.
Ильинская церковь
в Витебске. 1866.

²⁷ В Великороссии в наибольшем употреблении, как известно, иконы, изображающие пророка Илию скрывшимся в пустыне и пещере за Иорданом и питаемым воронами, приносящими ему хлеба и мясо, или призывающим небесный огонь на дрова и тельца перед Вааловыми жрецами израильского царя Ахава. Изображение взятия Илии на небо в огненной колеснице в заиорданской пустыне принадлежит лишь старинным старообрядческим иконам и вообще приметно исчезает в народной торговле. Для доказательства основной нашей мысли не будем ходить далеко и укажем прямо на с. Ильеши (Ямбургского уезда Петербургской губ. по Нарвскому тракту в 90 вер. от столицы), куда в Ильин день собираются тысячи богомольцев поклониться в селе имени пророка Илии и чудотворному изваянию из дерева не св. пророка, а св. мученицы Параскевы, нарицаемой Пятницей (*Примеч. С. В. Максимова*).

в году — безработное время и сильнее воскресных дней. В разъяснение причин на этот раз мы углубляться не будем, а вспомним про следующие весьма характерные обстоятельства.

По литовским преданиям, в г. Вильне Пятницкая церковь построена на месте языческого литовского капища богу Рагутису, и наоборот: в местечке Кейданах (Ковенской губ.) на месте, которое в начале XV века занято было христианскою церковью Илии, жмудяки-язычники сделали храм Перкунаса. Белорусским преданием храм во имя Илии прямо относится к тому месту, на котором стояло некогда языческое капище или, лучше, находились священная роща и святое место богопочитания. Во Мстиславле, известном с 1180 года, место исчезнувшей церкви во имя св. Илии, по самым тщательным исследованиям, оказалось на искусственной древней насыпи, сlyingущей под названием Девичьего и Девьего городка, на котором и до сих пор местная молодежь совершает свои весенние и летние игрища и забавы — *просо сеют, лен топчут*.

Далее. На всех выгонах древнейших русских городов, не исключая средних и северных (Москвы, Вологды, Костромы и Новгорода), поставлены церкви во имя священномученика Власия, епископа севастиийского, заступника скота, сменившего специального языческого бога Велеса, по тому же способу, к какому прибегали первые проповедники христианства — греки. Как на этот раз молитвенные предательства и чудодейственную помощь перенесли они с языческого бога на святого православной церкви, так и во многих других случаях замечается то же и по отношению к Пятнице — сменной в христианском культе Параскевой, к Илье, заменившему Перуна, к Георгию Победоносцу и мученикам Флору и Лавру — исчезнувшим покровителям домашнего скота и лошадей. В Белоруссии до сих пор жива такая молитва: «Попаси и социали, Господи, животов и стадников от всякого впадку: Флор — лошадок, Власий — коровок, Настасья — овецек, Василий Касарымский — свинок, Акинфий — гусятков, Варлаамий — курятков, Феодосий — козков, Зосима и Саватий — пцелок, св.Ягорий храбрый все

стадо — в поле отпуская, в дому принимая, в цистых полях, гдзе ходзяць, гуляюць, траву сьедаюць, воду спиваюць, на святом месце поцываюць, днем под солнцем, ночью под месяцом, под цястым звездам, под небесным облакам». Сохраняется также и такой стих, между прочим:

Шестое свято — Илья пророк.
Илья пророк по межам ходзиць,
По межам ходзиць, рожь зажинаиць,
Рожь зажинаиць, ярь наливаиць.
Ясен-красен мак в огороде,
Ясней-красней на поле снопы.
Все аржанные, все яровые.
Широк-высок на небе месяц, —
Шире и выше на поле копы.
Все аржанные, все яровые.
Часты и густы на небе звезды, —
Чащей-густей на поле бабки.

Наконец, весьма замечательно (как во всех вышеупомянутых местностях, так и во множестве других осмотренных нами) то существенное и неизменное явление, что Ильинские церкви стоят на крутизнах берегов, вблизи воды, а всего чаще над самой водою на наиболее возвышенных крутоярах, в противоположность Пятницким, выстроенным на суходолах или подолах, вблизи крупцов²⁸, на родниках и у колодцев, в местах, служащих для прощей²⁹ и в нередких случаях назначаемых под кладбища. Оба эти признака (в особенности первый) настолько определительны для Белоруссии, что во Мстиславле по этим приметам можно было определить место Ильи несмотря на то, что он давно уже не существует, а во Пскове выделить Илью без посторонней помощи и указаний в Запсковье близ мыса, образованного впадением Псковы в Великую, Кричевский Илья характерно

²⁸ Небольшая речка, вышедшая из горы.

²⁹ Прощение грехов; исцеление.

выдается над крутым берегом Сожа, показывая за рекой прелестные виды и наглядным образом объясняя те два свидетельства первоначальных летописей, по которым деревянные изваяния Перуна сбрасывались с горы прямо в воду: и в Киеве, и в Новгороде. Все эти возвышенные надречные места представляют городища, называемые в Белоруссии общим именем замков; валы и рвы на многих из них от времени значительно сгладились и с трудом распознаются (как в Черикове и Пропойске); на каждое из них делаются прямые указания как на места языческих требищ, и притом так, что на кривичей существуют прямые указания в самых названиях живых урочищ (в местечке *Кричеве* река *Кривичанка*)³⁰.

На местах этих собиралось народное вече, а во времена магдебургского городского права — городской суд, как теперь в известные дни народные гульбища и старинные игрища под классическую дуду и желейку. Из-под некоторых подобного рода городищ разливы рек, разрушая берега, вымывали различного вида кости, людские и лошадиные.

Таким образом, будучи несомненными признаками очень древних поселений дохристианской эпохи, Ильинские церкви на них служат вторым признаком их языческой древности и указателями способа перехода и самой сделки мирного свойства и вполне народного характера. История Белоруссии не дает нам ни одного случая упорных и резких сопротивлений проповедникам нового вероучения. Напротив, хронологическая таблица постройки церквей рисует постепенную картину

³⁰ Кроме Кричева, напоминают имя кривичей следующие селения: в Могилевской губ. два Кривска — один около Сверхена (Рогачевского уезда), другой в Гомельском уезде (около границ Рогачевского), Кривичи, местечко Виленской губ. (Вилейского уезда) к сев.-вост. от Вилейки при р. Сервече. Если селения эти и не делают прямого указания на племя аборигенов страны, то, во всяком случае, они замечательны тем, что находятся среди групп курганов, а при некоторых имеются и городища (*Примеч. С. В. Максимова*).

водворения веры почти в течение XI и XII веков, с малыми исключениями. В ее истории не существует даже тех усиленных мер, которые, в особенности на севере и востоке России, выразились в энергическом подвижничестве апостолов веры — святых отшельников, основателей монастырей и духовных владык. Как будто сам народ охотно и безропотно подчинился новому учению, народ, — по всем признакам — *занявший свою страну, будучи в языческом состоянии.*

На эту давность поселения указывает определительно отсутствие в народе тех колонизационных приемов, которые живучи и деятельны до сих пор среди великороссов, еще далеко не осевшихся на месте и не кончивших своей колонизаторской задачи. В Белоруссии эти признаки, за давностью времени и за установившеюся издавна прочною оседлостью, как будто исчезли вовсе, стерлись без следа с лица земли ее.

* * *

При всей скудости средств белоруса скупым его назвать нельзя; по-своему он даже гостеприимен, но хлебосольным быть и назваться не может. Нет у него этой торопливой готовности угостить захожего человека, и тем более незнаемого, нет у него той быстроты желаний угодить гостю пасеным и заветным, которая так резко выражается у великорусского человека на его деревенских праздниках, когда широко отворяются двери для званых и незваных. Белорус прячет свое добро из запасов (даже избыток хлеба закапывает в ямы) не для себя во все, а на какой-то черный день, на какое-то неясное лихо, которого он всегда ждет. Словом, у белоруса нет того гостеприимства, которое не спрашивает: «кто ты и откуда», а говорит: «садись и ешь», того хлебосольства, которое понимает, что прохожий нуждается именно в питье и пище. Великорусские хлебосольство и гостеприимство, получившие начало в личном опыте и разумеющие нужду всякого другого, очутившегося в том же положении нуждающегося человека, несомненно выродились, выросли и укрепились в те тяжелые времена колонизации

пустынных стран, когда живой человек обретался в голодной и безвыходной пустыне (лесной или степной — одно и то же). Из этих гуманных качеств, поощряемых и покровительствуемых христианской церковью, выродились все те содействующие успеху колонизации страны приемы и обычаи, которые живут и действуют по всему лесному северу и востоку России.

Непрерывным рядом станционных пристанищ и постоянных дворов тянутся по северным лесам те землянки или лесные избушки, которые могли бы исполнять специально предназначенные им и исключительные цели, если бы за каждой из них не водились следующие очевидные добродетели:

Избушки эти, под видом промысловых и под названием *кушней* на севере России и *заимок* в Сибири, если и принадлежат известным хозяевам, то все-таки не надо стучаться и спрашивать. Их и не запирают: приходи всякий, ухоронись и обогрейся; владей избушкой кто хочет. Дай Бог, чтобы повладел тот, кому приведется нехорошо ввиду непогоды, бездорожья и голодной смерти. Вот почему в таких благодетельных лесных убежищах про случайного бездомного скитальца древний обычай установил правило оставлять что-нибудь из съестного (квашеного или соленого), непременно соль, ножик, деревянную тарелочку, ковшик и очень часто сетки с поплавками — половить в ближней речке или озере свежей рыбки. В Сибири, куда народ по завоевании ее шел во множестве мимо ранее поселившихся и устроившихся хозяйствами, в те давние времена установился почтенный обычай выставлять остатки из съестного за окно, на особенно приделанные полки, для такого же случайного прохожего. Обычаем этим воспользовались колонизаторы в обратную, т. е. беглые ссыльные, и в настоящее время он укрепился на прочных основах, утратив лишь свой первоначальный характер. Наконец, в тех же далеких и глухих странах народных переходов с худых мест на лучшие не исчезал до последнего, нам памятного, времени обычай сеять «на сиротскую долю» горох и репу при дороге, заговором и приговором на прохожего

человека, чтобы кто ни прошел, тот мог и щипнуть. По глухим лесам, где нет дорог, всякий прохожий старается оставить на деревьях заметки, нарубы; во всяком жилом селении кто ни постучится в дверь — будет впущен, кто ни постучится под окном — получит подаяние Христа ради. Неимущий пользуется особенным почетом в народе, и «Христовым именем» проходят из конца в конец всей обширной Русской земли многие тысячи странствующего и непоседливого православного люда.

Главных из этих признаков в Белоруссии не существует вовсе, другие остаются лишь в виде тусклых, едва уловимых следов, как бы настойчиво и тщательно ни производились наблюдения. В коренных основах оба родственные племени разошлись вовсе и разобцились до наглядности. Остановимся, по данной задаче, на одном явлении.

В Белоруссии нет старика — в смысле многолетнего и многоопытного охранителя и руководителя семьи, который под именем *большака* так характерно образен в великорусской семье и исторически в ней неизменен и неизбывен. Явление это нас поразило в такой степени, что мы усиленно старались его проверить и видели одно и то же. Рано дряхлеет белорус, и век его вообще недолог, а неблагоприятные физические и экономические причины делают из молодых лиц старческие, из гибкого стана надломленные сутуловатые фигуры. В начале 20-х годов своей жизни работник красуется еще некоторою моложавостью; многие в этом возрасте умеют казаться такими недоростками, как будто им меньше 15 лет. К 30 годам они стареются совершенно и на тридцатых годах кажутся такими стариками, которым можно смело дать 50 лет. Кожа на теле и морщиниста, и мозолиста, и человек обретает тот вид, которому приурочено название собачьей старости³¹. Около 50 лет старик уже считается

³¹ Из 40 человек очередных к рекрутскому набору на наших глазах с трудом набрано было 8 в Слуцке, 12 в Бобруйске кое-каких бедовиков. У большинства мы видели пальцы сведенными крючком и лишенными живучей способности и силы разгибаться

патриархом. Если не сокрушили его до конца невзгоды и болезни, он во всяком случае усталый и неспособный работник. Его присадили на печь и в угол; на него ворчат и им тяготятся как лишним бременем в тяжелом крестьянском быту, где работа всякого на счету и на виду, где только дружными и соединенными усилиями всех сыновей облегчается жизнь и удовлетворяются неприхотливые домашние и семейные надобности и требования. Тут даже чужой человек — *примак* (приемыш) в семье — пользуется большим и преимущественным правом на наследство, чем лица нисходящего потомства, если умел он хорошо работать и много видного успел сделать. А старик смиренно принижен, пользуясь лишь правом спать не прямо на битом полу, вместе со всеми, а на дощатых нарах, и тачать лапти, и молчать; в советах его никто не нуждается, и никто к нему за ними не ходит. Сегодняшний день и грядущие обстоятельства гораздо лучше учат и больше обещают, чем опыты и указания вчерашнего дня. Белорусские старики лишены всяких семейных забот, и в то же время не видно с их стороны никаких протестов, хотя бы в виде жалоб в волостных судах, которые нам привелось просматривать в четырех белорусских губерниях.

Великорусского большака, держащего семью «грозно и честно по старине», нередко с тяжелой рукой в ежовых рукавицах, — в Белоруссии нет и признаков. Неизвестны здесь те собиратели земель, какими явились московские цари Васильи и Иваны, те копители на государя слобод, которые умели созывать народ на новые земли и укреплять за собранными ими селениями свои собственные имена, ушедшие в позднейшее потомство. В противоположность Великой России, где десятки тысяч селений неизменно носят прозвания по имени первого выселенца и основателя (на которого писались и выдавались от царей и

и складываться хотя бы в кулак. Только здесь нам удалось видеть одеревенелые правые руки до того, что они казались кочергой, лишенные надлежащей свободы в произвольных мускульных движениях (*Примеч. С. В. Максимова*).

Белорусская деревня. XIX в.

великих князей владельческие грамоты), — в Белоруссии те же десятки тысяч селений носят названия собирательные не по имени одного, а всей семьи его, в силу объединенного труда и заслуг рабочих рук всех сыновей. В то время, когда в Великороссии сплачивались общины и дружными усилиями завоевывались тяжелые и негостеприимные земли и страны, — в Белоруссии шла разъединенная работа отдельных семей в избранном месте, чтобы не потеснить соседа и лишь бы уберечься своей кучкой. Для соединенных работ не было места среди болотистых островов, на оазисах лесных пустынь. На общину у белорусов только намекали; от нее остались лишь осколки, за которыми надо гоняться с большими усилиями.

В настоящее время в Белоруссии с легкостью и удобством мы можем следить за тем, как каждая изба в селении хлопотливо старается выделиться от соседа и обустроивается зачастую как, что даже окнами они не глядят друг на друга. В этом отношении белорусские деревни представляют поразительную неправильность и беспорядочность постройки, часто не имея ни улиц, ни площадок. При этом прадедовская кривичанская привычка жить одиноко по лесам, в местах пустынных и

Белорусская крестьянская усадьба начала XX в.

глухих, сделала то, что в настоящее время в Белоруссии редко попадаются деревни более двадцати дворов. Сплошь и рядом селения состоят только из пяти или десяти хат с кое-как огороженными хозяйственными постройками. Так и кажется, что это действительно только одни Сидоровичи, Климовичи, Сухиничи, Марковичи, одна семья Быковичей, Чоровичей, Андрейковичей и т. д. А назвались эти селения такими собирательными именами по христианскому отеческому прозвищу, или по длинному прозванию, или, наконец, по занятию и промыслу, кое-как усвоенному известной семьей³².

Разобщившиеся в силу исторических причин и племенного свойства, разобщенные неблагоприятными географическими и физическими условиями страны, всякую весну и осень неизбежно и обязательно, — белорусы в крайней уединенности своей являются тем в высшей степени интересным и поучительным племенем, в котором почти все первобытно: пища, жилища, одежда и мирозерцание. По одним бытовым признакам для них как бы

³² Селения: Ковали, Копачи, Чайники, Зуи, Лешняки, Косячи, Прудники, или: Брехуны, Крутели, Кисели, Пугачи, Горяки и даже Магерки, или: Борисовщина, Богдановщина, Васюковщина, Монастырщина и даже Чертовщина (*Примеч. С. В. Максимова*).

еще не наступал железный век и они живут в каменном периоде, по другим — они несомненно принадлежат языческой эпохе.

Переходим теперь к описанию этого племени, в доисторическую эпоху выселившегося с юга на север, свободно занявшего лесную и болотистую равнину на западе России для земледельческого труда и борьбы с природой, которую, однако, подчинить и победить белорусскому народу не удалось. Он имеет за собою много прав, чтобы выговорить своим тоскливым напевом в одной из старинных песен такую жалобу:

Ой, не всхожае мае сямена,
Не взрощенная мая маць-земля!

Житель

Прежде всего об имени — этой самой характерной племенной принадлежности и самом типическом признаке самосознания, как политического целого, так и национальной единицы. Прозвание «белорус» в значении жителя западной части Руси Белой давно уже разгуливает по белому русскому свету, путаясь, однако, с общим понятием о всей России, и преимущественно Великой, каковою первым признал и прозвал в первые моменты политической независимости своей московский царь Иван Васильевич, и до сих пор народ зовет белыми: и веру, и царя, и родину. Полякам

Белорусы Могилевской губернии. XIX в.

принадлежит прозвание Белой Руси в его исключительном смысле, по применению к пяти воеводствам, отторгнутым от Москвы: Смоленскому, Мстиславскому, Витебскому, Полоцкому и Минскому. Екатерине II прозвание это обязано своим новым, но неокончательным подтверждением для двух только губерний: всей Могилевской и половины Витебской. На долю нашего времени выпадает новый подобный случай узаконения этого прозвища, не самим народом выдуманного, в его народно-политическом смысле. Впрочем, и теперь потомки полочан, кривичей, радимичей, вятичей и дреговичей о прозвании их «белорусами» не имеют никакого понятия, не усвоив его себе и не нуждаясь до сих пор в столь крупном племенном определении.

В Белоруссии подслушана такая народная песня:

Налецели гуси

Да с беленькой Руси,

Сели-пали на криници,

Стали воны воду пици.

Это единственное указание, по крайней мере из известных нам живых народных источников, не представляет руководящей особенности и лишь служит подтверждением общих наблюдений: гуси на настоящую Белую Русь прилетают, весной с юга и осенью с севера, мимолетом все-таки через Великую Русь. Нам лично десятки раз приводилось на месте встречать, даже в представителях местной образованности, приметную отчужденность от подобного племенного эпитета и, по силе тогдашнего политического возбуждения, даже известную долю обидчивости, в которой довольно ясно чувствовалось желание быть и казаться прямо и без ограничения русским. Словом, Белоруссии чужды намеренные стремления обособляться, казаться племенной особенностью и национальной исключительностью, хотя бы даже по приемам и убеждениям малороссов, казаков всех наименований, сибиряков и т. п. Белорусы остаются для нас под навязанным им прозванием, по тому же способу, по какому бóльшая часть народов на свете носят прозвания, придуманные и приданные соседями,

Типы Минской губернии.

и по которому на всем обширном и разноплеменном пространстве Русской земли почти ни одно инородческое племя не слывет под своим именем и все титулованы наново русским соседом, по его приметам и приемам.

Пользуясь таким указанием опыта и следуя совету народной пословицы, за определением общих племенных черт и характерного названия обращаюсь сначала к соседям и их мнению как к источнику, признаваемому наиболее благонадежным.

Поставленный среди такой пестрой разноплеменности, которой может позавидовать всякое другое государство на материке Европы, великорусский народ струею экономической жизни до наших дней увлекаем был к последовательной встрече с различными национальностями и всякий раз встречал их в поразительном разнообразии, начиная с Северной и Восточной России и Сибири и кончая Кавказом. Обязываясь такими встречами на выяснение для себя резко бросающихся в глаза племенных свойств простым и дешевым способом сравнения, народ успел высказать свое мнение про всякий

встречный народ и народец. От продолжительной практики глаз его так изощрился, что прозвище, им выговоренное, стало веско и метко, и подобранные им краски не стерлись в течение сотен лет. Искусство отыскивать и привычка выяснять самые мелкие черты особенностей доведены даже до известной степени роскоши. Чем чаще происходили сношения, тем искуснее была характеристика, доведенная наконец до того, что, напр., за татарами не осталось ни одной черты неотмеченной, и замеченные у них все таковы, что обрисовывают пришлый народ этот с головы до ног, со всем его внутренним и сокровенным. На Дону, на Волге и т. д. нет города, мало селений и станиц без отметины, без прозвища, выраженного в форме присловья. Таков сосед белоруса с севера и востока, и, по-видимому, такой опытный судья дает нам право обратиться за указаниями к нему первому.

Великоросс Псковской губернии (Великолукского и Опочецкого уездов) называет страну, лежащую за водоразделом рек Западной Двины от рек, впадающих в Ловать или образующих реку Великую, *Польщей*. Пускаясь в разъяснение особенностей этой «Польщи», он не уходит далеко и, между прочим, на наши настояния при расспросах дает случайно одно характеристическое объяснение. Указывая на места взаимных встреч и сближений между собой ближних соседей своей губернии, отмечает трактиры и замечает их пристрастие к чаю. Говоря про белорусов Невельского и Велижского уездов (Витебской губ.), указывает на шинки: «у нас — чай, у них — вино; в шинках и свадьбы справляют, о харчевнях понятия не имеют, о чае не слыхивали»; указывает действительно на такую особенность, о которой мы впоследствии обязаны дать подробное объяснение. Шинок, или еврейский кабак, в быту белорусов играет столь серьезную роль, что мимо него не пройти ни с этнографическими, ни с экономическими наблюдениями.

Великоросс Смоленской губернии, необлужный великоросс этой губернии, в Вяземском и Гжатском уездах, называет крестьянина соседнего Смоленского уезда — *полячком*. Красненский (Красненского уезда) полячок

белоруса, приехавшего за крупной из-под Дубровны (из Оршанского уезда Могилевской губернии), называет «поляком с польского боку» (т. е. стороны: бок в значении стороны даже в Орловской губернии); оршанский, в свою очередь, поречского крестьянина, мстиславский рославльского называют «полячком с русского боку». Хотя в данном случае и на данных местах сумела выразиться достаточная определенность, несмотря на путаницу частных перемен политической границы, тем не менее, по влиянию и силе той же причины, у великороссов не образовалось подлинного и верного названия своим близким племенным родичам. Отчасти физические, отчасти политические причины задерживали здесь сближение и обмен. Уменьшились точки соприкосновения племени, непоседливо устремившегося на север и восток, ослабли нити, сближавшие некогда и, вероятно, непрерывно, ослабли по той причине, что белорус упорно уселся на месте и не двигался, как бы в намеренное подкрепление закона, что пеший конному не товарищ. Это — новая характеристическая черта белорусского домоседливого племени, слишком бедного для того, чтобы предлагать свои излишки на обмен по еженедельным базарам, слишком связанного еврейской эксплуатацией, чтобы ездить самому за покупками недостающего по зимним торжкам и ярмаркам — этим драгоценным пунктам для этнографических наблюдений. Земледелец по преимуществу и исключительно, белорус оттого и стал домоседом, что обязан крепко придерживаться за землю как за последнюю свою защиту и надежду. У него ускользнула из-под ног всякая другая почва и вырваны были из рук всякие права, кроме сосредоточенной борьбы с суровой природой болотной и лесистой страны и усиленных работ на пашне. Последняя у него хуже, чем у всех его соседей со всех четырех сторон.

Таким образом, под политическим признаком племенной разницы известны белорусы великороссам. Насколько это определено, видно из того, что то же влияние отразилось и на соседях с юга — на малороссах Черниговской и Волынской губерний. Белоруссия им

известна под общим именем «Литвы», и жители левого берега Десны называют соседей, живущих по другую сторону реки, по правому ее берегу, — *литвинами* (будучи сами не чистого малороссийского происхождения, а помесью). Здесь необходимость типического прозвища для отличия важна уже в том отношении, что оба народа работали на одних господ, испытывали одинаковую политическую участь подчинения Польше, оба были, по смоленским и псковским понятиям, «поляками».

Таким образом, ни тот ни другой сосед не дал надлежащего правильного имени белорусам, а сами себя они никак не называют: и еще не так давно очень охотно называли себя просто «хлопами», как теперь мало-помалу стали сознавать себя «русскими».

Несомненно, однако, то, что великоросс оттого и поскупился на характеристику соседа, что очень мало или почти совсем его не знал, пользуясь только случайными встречами кое-когда и кое-где. Вот почему белорусы названы именем народа, господствовавшего над ними в ближайшие к нам века, точно так же, как малороссы им усвоили имя другого народа, владевшего Белорусскою странюю в самые отдаленные исторические времена. Впрочем, попробуем произвести у последних новые справки, повнимательнее.

Малоросс, обладающий тою же способностью спознавать себя и высмеивать (*жартовать*) своих соседей, про белорусов высказался таким образом: «Хиба лихо озме литвина, щоб вин не дзекнув».

Высказавшись шутя, малоросс в данном случае отметил самую характерную черту белорусов, каковою они приближаются лишь в известной степени к полякам и совершенно расходятся и с южнорусскими, и с севернорусскими людьми. Приставка *з* к согласным *д* и *т* неизменно обязательна перед всеми мягкими гласными и мягким глагольным окончанием на *ь*: *хадзиць*, *будзь*. Дзеканье и, что то же, — тсеканье белорусов со всеми своими последствиями (и между прочим, с переменою по-польски мягких глагольных окончаний *ть-ць*) — такой неизменный признак, что не встречается уже в наречиях

Типы белорусов Могилевской губернии.

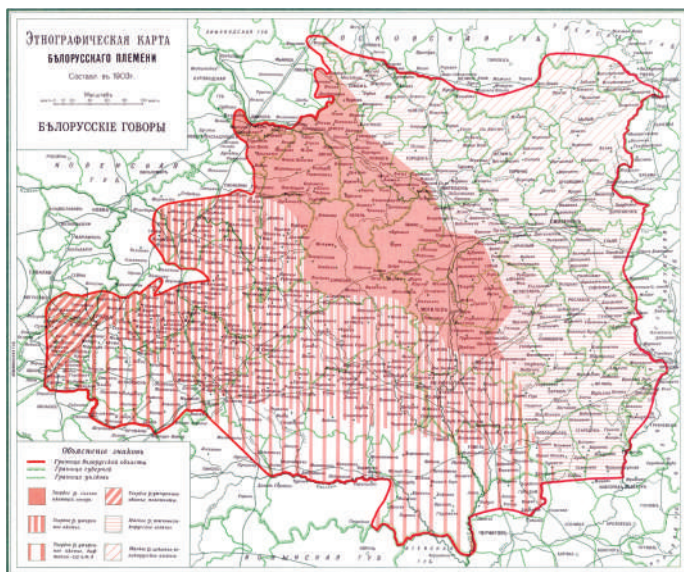
великорусском и малорусском, и настолько явление крупное, что произвело влияние и вызвало подражание на всех пунктах соприкосновения с соседними русскими племенами. Придеснинские малороссы считают необходимым выговаривать вместо *звон* — *дзвон* и подражать приставкою *д* уже и перед согласною, какова *жс: виджу, ходжу*. В приволжских местностях (в пределах Волги), в уездах Осташковском, северной части Ржевского и в Зубцовском дзеканье еще уловимо ухом, хотя ускользает от филологического анализа. Здесь невозможно выяснить определенных законов, неизменных, однако ж, для самого коренного дзекающего белорусского наречия. На восточном водоразделе рек, текущих в Волгу через посредство Москвы-реки и Оки, от рек, впадающих через Десну в Днепр на волоку Ламском (в Волоколамске), около Можайска, Мосальска, Медыни, под Трубчевском, Севском и Брянском, дзеканье также слышится в тех же произвольных условиях на желающих: кто придзекивает, а кто уже и нет. Для самых белорусов эта принадлежность говора настолько неотразимо обязательна, что сохраняется за ними сотни лет, несмотря на самые неблагоприятные условия переселения. Последние совершались

в незапамятные времена на притоке реки Мологи, на реке Сити (Ярославской губ.) известных строителей петербургских невских барок, так наз. *сицкарей*, со времен Грозного и последующих польских войн, в качестве военнопленных под именем литовцев, в места самые отдаленные (на границы с инородческими племенами, каковы восточные уезды Владимирской губ. и южные Нижегородской), по произволу частных владельцев, для развития поташного промысла — великорусских майданов. Если мы прибавим к дзеканью еще одну типическую черту рассматриваемого нами наречия, именно высокий говор его, пристрастие к полногласному твердому *a*, то получаем новый характерный признак, в полнейшее отличие и совершенное несогласие с наречиями — южным малороссийским и северным великорусским. Высокий дзеканьющий говор остается неотменною и нераздельною собственностью белорусского наречия и если, по пристрастию к полногласному *a*, сходствует с рязанским и московским, то, конечно, скорее как его первообраз и образец и как результат смеси языка северных новгородских славян с языком западных белорусов.

Белорусское наречие, во всяком случае, по произношению гласных — самостоятельное; по грамматике — ближе к великорусскому, по словарю — к малороссийскому и польскому. По-видимому, оставаясь межеумком, по пословице: «середь поля на голе», белорусское наречие является связующим звеном обоих соседних с ним и несомненно родственных наречий (южного с северным). Вытекая из одного, оно некогда должно было служить если не современной основой, то богатым и надежным источником для другого, во времена общей колонизации и частого общения. В настоящем случае отмечаем для краткости лишь общие черты белорусского наречия по основной задаче нашей: *его аканье с непременно дзеканьем*.

Пойдем на встречу с другими племенными признаками.

Северные соседи дают нам новый признак, на сей раз чисто этнографический, в противоположность малороссам, справедливо поразившимся именно филологическими отличиями, при видимом сходстве обиходных слов и

Е. Ф. Карский. Этнографическая карта белорусского племени. Белорусские говоры. 1903.

речений, и теми особенностями языка, которые для великоросса терпимы, для малоросса смешны. Из мягкого *и* белорус сделал уже твердое *е*, в сторону великороссов, и, придерживавшись мягкого придыхания, столь определенного в малороссийском языке, или злоупотребил им, сделав, напр., из волка — *ваука* и *вуыка*, или без нужды приджекнул, перестроив *дивку* не в *девку*, а в *дзеуку*.

Великороссы — сказали мы — прозвали белорусов *колтунами*, *мезговниками* и между прочим — *магерками*. Магерка — неотъемлемая принадлежность белоруса, которую он всегда держит на голове и снимает только в церкви и перед паном. Это шляпа или, вернее, колпак, сваянный из домашней шерсти, не имеющий нигде себе подобия, и самого простого первобытного устройства. Валяют их из домотканого сукна доморощенные искусники-шаповалы, которые, как и великорусские шерстобиты, ходят по окрестностям и ищут работы. Валяют из

круглого суконного куска, свалянного на панских толчеях или сукновальнях; валяют конусом, заворачивая поля кверху на 1/4 аршина и больше и предоставляя всякой голове придать надлежащую форму этой магерке — некрасивому колпаку, защищающему лишь от холода, но не от блеска солнечных лучей. Круглый верх вдавливаются внутрь уже кулаком самого хозяина; выходит колпак — очень благодатный и прочный: служит лет 6–7 и первобытен до того, что кажется расправлен намоченным прямо и просто на колене.

Обращаем особенное внимание на эту этнографическую особенность племени: на место магерки у великороссов немедленно является настоящая шляпа, с торчащими полями, грешневиком³³ с характерным выпуклым верхом, точь-в-точь как пекут столбушки-гречневика для базарного продовольствия. А затем и прочие шляпы до десятка разновидностей, с цивилизованными подкладками, кожаными нашивками, с ремешками и пряжками, с шерстяными и шелковыми лентами. В шляпах этих уже ничего нет похожего на белорусскую магерку, не допускающую никаких добавлений и украшений, бесподкладочную, не имеющую никакого определенного фасона, сплошь и рядом заношенную и продырявленную, без всякого даже отдаленного намека на франтовство. Единственное вольнодумство, в виде исключения, мы заметим в местностях, ближайших к Польше, в том, что на магерках явился перехват, который столь характерен в магерке мазуров и уланском кивере, получившем от нее образец, но с характерным отличием верха, сделанного на жесткой подкладке или из толстого сукна, с кантами, на четыре угла.

Такое отличие в обыденном наряде неспроста бросилось в глаза великороссов, когда весь белорус на соседа не похож и носит, кстати, все особенное. И лапти плетет он беспятными (без пят), на скорую руку, очень непрочными. И, по нужде часто сплетая лапти в дальнюю дорогу на русский манер, зовет их *похлопнями* и наконец *каверзнями*, те же лапти, но только подплетенные пенькой. Кстати, и

³³ Мужской высокий головной убор с небольшими полями.

мастеров называет по-своему: портной или швец у него *кравец*, а *швец* (швец) выходит уже сапожником, в согласии с малороссом. В сходстве с последним на белорусе та же свитка³⁴, суконная, коротенькая, суконные панталоны, белая рубаха из домотканой холщовой поскони³⁵ с непременно прямым воротом, и лишь лапти на ногах, в отличие от степняка и в сходстве с лесовиком. Великоросс уже запахивает грудь и выдумал заветный косой накладной ворот с застежкой на шее под самым ухом направо, принял от татар широкие армяки — халаты и широчайшие шубы и с тем же косым воротом полушубки. Белорус оставляет расстегнутым свой полушубок под бородой, настолько же, как и рубаху с

К. Кукевич. Торговец шапками. XIX в.

Типы Минской губернии.

³⁴ Мужская и женская верхняя распашная одежда из домотканого сукна, разновидность кафтана.

³⁵ Домотканый холст из волокна конопли.

прямым воротом, с откладкой на три стороны узенького воротничка (лежачего, а не стоячего) и на оба бока лохматых лацканов. Носит он этот полушубок очень коротеньким, куцым, и отличие от малороссов только в том, что все на нем меньше, короче, урезано и обужено, конечно, в силу бережливости, которая, в свою очередь, вынуждена большею бедностью материальных средств при скудости почвы и по зависимости от нее скотоводства.

Не отходя от гардероба, или, еще проще сказать, белорусского кубела (большого ушата, в котором, вместо шапков и сундуков, хранится одежда), мы встречаемся с характерным *андарак* — женским нарядом. Это далеко не малороссийская, пестрая, цветная, накладная и обернутая вокруг кокетливая плахта³⁶, не великорусская понька³⁷ или понёва, а непременно сшитая скобкой и непременно и всегда синего цвета суконная (а потому больше праздничная). Как в Орловской губернии по настоящей дворянской юбке можно отличить в одном и том же поле на работе однодворок от крестьянок в понёвах, точно таким же образом в той же губернии (в Брянском уезде) отделяется от великорусской понёвы белорусский андарак, обыкновенно пришитый к безрукавному красному лифу, называемому *кабатом*. «И у церковь, и у кабак усе адзин (один) андарак». Если при этом сложим из тонкого холста, аршина³⁸, в четыре длину, рогатое головное украшение и припустим с головы на спину оба конца по возможности подлиннее (на пол-аршина) — получим *намётку*³⁹ для полного костюма, самую определенную принадлежность белорусской женщины, каковую от нее никто уже не заимствовал и нигде потому ее найти нельзя.

³⁶ Кустарная ткань, полосатая или клетчатая, а также ее отрез, носимый вместо юбки.

³⁷ Понёва, юбка.

³⁸ 1 аршин = 1/3 сажени = 4 четверти = 16 вершков = 28 дюймов = 0,7112 м.

³⁹ Старинный традиционный восточнославянский девичий и женский головной убор полотенчатого типа: полоса из тонкого полотна длиной от 3 до 5 метров, которая определенным образом завязывается вокруг головы.

Беспятые лапти на ногах, магерка на голове, узенькое и короткое платье на плечах в виде суконной и летней холщовой свитки — вот первые этнографические признаки несомненного белоруса. Красный кабат с синим андараком и холщовая белая наметка — вот бесспорное отличие белорусской замужней женщины. Оба вдвоем они — лапотники по преимуществу. До сапогов они еще не до развились, живя в бережно охраняемых ими лиственных и хвойных лесах и боготворя свои высоко полезные липовые рощи, которые их одевают, обувают и кормят.

М. Филиппович. Женщина в наметке. 1928.

Прозвание белорусов *мезговниками* вводит нас в новую область этнографических требований: останавливает на пище и указывает в то же время на ее крайнюю бедность и недостаточность. Мезга, или, по-белорусски, *мязга*, — внутренняя слизистая оболочка сосны. Молодая, еще не затвердевшая исподняя кора сушится, толчется и подмешивается к муке как подспорье хлеба, достаточного от мокрой и холодной почвы только на $\frac{3}{4}$ года.

В постоянном страхе неурожая в Белоруссии с незапамятных времен выработалась поразительная невзыскательность в пище. Надеясь и ограничиваясь хлебною и мучнистою, в силу географического положения в полосе хлебных злаков, белорусы, как и все русские и бóльшая часть славян, в примечательном избытке питаются мучною, крахмалистою пищею. В отличие от всех, приучили они желудки свои принимать хлебные зерна смолотыми с шелухой их или с мякиной, не отвеивая ее от зерна. Получается из печи пушной хлеб, с виду похожий на высушенный комок грязи, на вкус непривычному невозможный для жеванья и глотанья: тот характерный хлеб, который, во времена бесхлебья, находит еще подражание

в северных великорусских губерниях. В Белоруссии он имеет для племенной особенности следующие различия: сплошь и рядом в тысяче примеров, как бы ни был богат и зажиточен белорусский крестьянин, хотя бы у него в земляных его ямах, кроме своих, лежали еще дедовские хлебные запасы, — он помнит час смертный и ест хлеб с мякиной, в положительное отличие от малороссов и великороссов. Мало того, белорус выдумал еще новый сорт муки и назвал его *субором*: это оригинальная смесь овса, гречи, ячменя и немного ржи, смолотых на скверных домашних жерновах, вместе с шелухой и соломой. Последняя в виде твердых несваримых и очевидных отрезков и отломков общеупотребительна у богатых и бедных. Отсюда в результате: развитие брюшных болезней, остановка правильного питания с острым катаром кишок, далее острое худосочие, которое можно назвать в этом отношении племенным, и, наконец, постепенное вырождение племени. При этом, на беду, и заболевание колтуною болезнью, за которую и прозвали белорусов «колтунами». Имеющий 50–60 колодок пчел, белорус ест суборной хлеб из суборной муки и тогда, когда придут голодные годы, подойдут сытые, — запасы в ямах остаются непорченными. Ямы вырыты воронкой в виде опрокинутого вершинной корпуса, кувшином, обожжены соломой, обложены берестой, заложены сверху досками и засыпаны землею. Хлеб здесь несколько солодеет, и вкус этот сопровождается лучшие хлеба в каравах и лепешках, но без доступа воздуха отлично сохраняется при помощи этого древнего способа. Чистой житной муки белорусы никогда не едят, но иногда лакомятся *кулешом*: разболтанной ржаной мукой в горячей воде, вроде густого клейстера.

Если осмотримся на все разновидности хлебных приготовлений из муки и зерна, найдем скудное их количество по сравнению с Великороссией и Малороссией: белорусский разносол очень беден. Тем спасительным суррогатом, каким являются для европейской и петербургской бедности сельди и цикорный кофе с переварками привозного, тем подспорьем к хлебной и мучнистой пище, каким на Волге служит вяленая рыба — чехонь

и вобла, в лесистой России сушеный судак, на Крайнем Севере треска, в Белоруссии является свиное сало, наподобие Малороссии и в совершенное отличие от прочей России. Без сала и свинины в виде *кивбас* не разговливаются; сало выговаривает себе всякий рабочий при найме, как здешние кухарки кофе, московские — чай. Сало и копченое свиное мясо — единственный продукт, ускользнувший от еврейской эксплуатации в силу их талмудических воспрещений. Свиньи в селениях и городах (даже губернских) воспользовались почетным правом гражданства, играя административно-полицейскую роль: они истребляют те нечистоты, которые в великом множестве копят около себя евреи и выливают непременно на улицы. Свиньи, таким образом, держатся на общественных дешевых кормах; летом отпускаемые на волю, огуливаются в лесах с дикими кабанями и представляют смешанную своеобразную породу. Из лесов в ноябре приводят они огромные стада приплода, от 10 до 17 новых поросят на каждую животину.

Насколько неразборчив белорус в пище, настолько же неразборчив он и в питье. Дурная колодезная, вредная болотная вода играют видную роль, потому что народ старательно обегает торные дороги, бойкие места, прибрежья рек, как мы имели уже случай упомянуть выше. Белорусские деревни, как инородческие селения чудских племен, ищут укромных захолустных мест, и чем дальше в леса, тем приметнее их поползновение обособляться и в ближних обок соседях строиться отдельными усадьбами, огораживаться и выделяться в хутора. Нет великорусской общительности, жизни в связи, тесным миром и несокрушимою общиною. Только на одну уборку хлеба и сена маломощными сохраняется *толока*⁴⁰, однородная с великорусскою *помощью*, но эксплуатируемая исключительно панамы и духовенством. Словом, это лишь облегченный и удешевленный способ найма, а не обязательство взаимной помощи по закону круговой поруки.

⁴⁰ Форма деревенской взаимопомощи (в России, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике).

И.И. Шишкин. Сжатое поле. Полесский пейзаж. 1884.

Мы подошли одновременно к двум новым племенным признакам по задачам этнографической науки: к роду занятий и роду жилищ.

Белорусы давно выговорили: «умирать собираешься, а хлеб сей». Земледельцы они по преимуществу и пахари исключительные. На тех землях, с которых великороссы давно уже убежали в отхожие промыслы, белорусы основывают надежды существования, с упорством, настойчивостью и постоянством, достойными лучшей участи. Трудлюбие их примерное и в данном случае, будучи вынужденным очевидною и настоятельною нуждою, обращается на такие земли, которые сплошь каменисты или песчаны, и на такие, которые и под паром отдохнуть не успели и по несколько лет не удобрялись. А не удобрялись они в силу самого печального состояния скотоводства, и земледельческое хозяйство белорусов — хищническое в самом широком значении этого слова. Съемщик пахотных участков, устремляющий все помыслы свои на то, чтобы к своему скудному участку приарендовать по возможности больше чужих, идет со своими семенами на истощенную землю из половины урожая и в наименьших случаях — из $\frac{1}{3}$ части. В результате, по большей части, урожай средним счетом не свыше трех зерен. В Минской губернии на супесках и

песках Мозырского уезда преобладающий злак — озимая рожь, дает урожай в 2–2½ зерна, в Игуменском уезде почва большею частью песчанистая, частью с подзолом, частью с камнями, выращивает озимую рожь с прибытком среднего урожая от 2 до 3 зерен. В Слуцком уезде, в безлесной половине, населенной так наз. *полянами*, урожай ржи 5 зерен; в лесной и болотистой, населенной так наз. *полещуками*, — не превышает двух и т. д. По влиянию этих причин ни один край не рисует таких многообразных печальных явлений малохлебья и частых неурожаев. Частные запасы хлеба представляют редкость. 10 десятин весьма часто не обеспечивают жизни. Дробные деления малосемейных стали обыкновенными, еще более усугубляя беду. Из-за одного хлеба, лишь для прокорма, крестьяне отдают своих детей шляхте; собственный труд расценивают в самых мелких размерах и теперь бросаются на всякую работу, не соразмеряя сил и не соображая пространств для прохода на места труда и работ.

При всем этом, однако, с дурной земли, так называемой *батьковщины*, крестьянин неохотно переходит на лучшую. На наших глазах разыгрывались такие примеры: помещики свели в Новогрудском уезде Минской губернии с удобных земель на неудобные; крестьяне, при новых муравьевских распорядах, пожаловались: велено исправить. Часть согласилась взять земли ничуть не худшие и даже с некоторыми преимуществами, другие же упорно не соглашались, просясь на старое место, которое успели уже в недолгое время насидеть. Одного бобыля в Слуцком уезде три раза переводили на лучшие земли, и он все три раза уходил с них к старому хозяину, землю которого обрабатывал и так крепко полюбил. В Борисовском уезде крестьянину на худой земле предлагали 500 руб. и участок в одной из деревень на выкуп — не соглашался. Переведенцы из Могилевской губернии в Воронежскую и прожившие там несколько лет не замедлили переселиться обратно поголовно всем наличным составом, когда провозглашено было освобождение крестьян от крепостной зависимости.

К. Альхимович. Наем работников. XIX в.

Взяли мы первые попавшиеся примеры из десятков известных нам среди сотен неизвестных, очевидно указывающих на отсутствие в белорусе всяких космополитических наклонностей, в отличие от великоросса, в согласии с малороссом, — и в исключительном применении к ним самим — на особенно упорное домоседство с последствиями. Тяготение на юг, связи с малороссами еще кое-как держатся (только, впрочем, в Могилевской губернии, при посредстве Днепра), — общение и связь с севером и востоком, с великороссами, совершенно ослабли и, можно сказать, прекратились. Тяга с запада, со стороны ближайшей и сильной Литвы, сделала свое дело, парализовав всякие другие тяготения до такой степени, что добровольным энергическим порывам, вроде Богдана Хмельницкого, здесь не могло быть и места. На призыв этого патриота и народного богатыря Белоруссия уже в XVIII веке отвечала глухим молчанием. Для Великой Руси Белая Русь, находившаяся долгие столетия под Литвою и под Речью Посполитою, сделалась странюю чуждою, отдаленною и неизвестною.

В свою очередь, и Белоруссия, с очевидными крупными потерями для себя, стала особняком и воспитала

противоположные чувства. Некоторое тому доказательство мы находим и в этнографических материалах.

«Тату, тату! лезе черт у хату! — говорит белорус. — Дарма! абы не москаль».

Или так: «Ад черта адхрысьцися, а ад москаля не ад-малісья: ад москаля полы урежь да уцекай».

Если эти пословицы не вполне заповеди, то, во всяком случае, в качестве исторического продукта, хотя бы по отношению и к деянию войск царя Алексея во Мстиславле, и к воспоминаниям о памятной в народе Трубецкой сечи, выражения эти довольно характерная формула взаимных народных отношений. Нашему времени доводится стирать эти яркие краски, и в большинстве случаев удается это сделать. Белорус угрюм, приметно нелюдим. Заметно, что на ярмарках он не отстает от лесной привычки ходить не кучкой, а непременно гуськом, как петербургские чухонцы. Белорус настолько не возбуждается интересами вне себя по своей сосредоточенности, что дает неслыханные в Великой России образцы. Выезжая из деревни, в 12 верстах от губернского города Гродно, мы заблудились и в город не попали: взрослый, пожилой ямщик ни разу в нем не был. Едучи проселком по перегону в 15 верст с небольшими перелесками из гродненского Городка в местечко Мстибов, мы плутали целую ночь только потому, что проводник, живя в лесу, не усвоил себе никаких примет лесных дорог и должен был пользоваться нашими случайными указаниями. Направляясь из Шклова проселком на могилевское шоссе, верст на 14, мы не попали на следующую почтовую станцию — попали на другую, более отдаленную, ближайшую к гор. Орше. Эти случаи остановили дальнейшие наблюдения, укрепили нас в мысли о такой яркой отмене засидевшегося на своем пепелище народа от смышленного, бывалого великоросса.

Имеющиеся в наших руках цифры выданных из различных волостей паспортов красноречиво докажут в своем месте, насколько сильна надежда и велика любовь в белорусах к своей земле и пахоте, несмотря на самые невыгодные условия для земледельческого быта

и сельского хозяйства. В исключительности земледельческих занятий, вообще не благоприятствующих интеллектуальному развитию, белорусы умиротворились, однако, до такой степени, что представляются идеалом миролюбивого народа, прототипом племени с кроткими нравами, сложившимися самым благоприятным образом для соседей, но самым роковым — для них самих. Сидя на окраине земли Русской и целые века выдерживая на себе напоры разнородных враждебных сил, он уступил им, оставшись сам подавленным, лишенным энергии и сознания сил, впавшим в апатию, влачащим полунищенское существование. За все страдания и продолжительную борьбу во время свободного колониционного стремления на лучшие земли и в лучшие экономические условия жизни он остался на худших землях. Он сдержан как раз на тех рубежах, где начинаются благодатные почвы, и в такой мере, что, напр., на западе Белорусской страны рубежи бесплодных земель стали осязательными племенными границами. Следуя по лучшим почвам, несомненно попадешь в селения польской шляхты и литовцев; попадая на болотистые, сырые и холодные — наверняка проезжаешь селениями белорусов.

Поляк говорил: «кепско⁴¹ — коло Витебска, у Орше горше, а у Минску по-свинску». Сам белорус с этим не спорит, а согласно вторит: «навколо вода, в середине беда», с равной откровенностью, и о Себеже и Велиже, о Луцке и Слуцке, о Минске и Пинске. По его признанию, и Мозырь «як пузырь», но с тем различием, что здесь «и навколо беда и в середине беда». Во всяком случае, сами белорусы сумели отметить самую характерную особенность своего края и крупную беду свою — воду. От беды только приобретение — обогащение языка в эту сторону разнообразием эпитетов, соответствующих физическим свойствам страны, в параллель, напр., богатому словарю беломорских поморов, умевших до тонкости и примечательной роскоши оттенить и наименовать все разновидности отношения берегов к суше,

⁴¹ Плохо, слабо, погано.

их прихотливого очертания и направления, различные румбы ветров и т. п. В параллель с горными жителями, успевшими определить характеристические особенности гор по взаимному их положению и по отношению к равнинам и долинам, и в контраст с жителями Средней России, белорусам удалось обогатить русский словарь новыми выражениями, определяющими разновидности лесных низменностей и мокрых болот, озер и рек и т. п.

С одной стороны, могущественные девственные леса — это громадный холодильник, в котором почва, осененная кудрявыми вершинами, сохраняет избыток сырости, недоступной влиянию солнечных лучей. Деревья дают почве возможность покрываться мохом, который еще дольше удерживает сырость и воду. Вода постоянно испаряется, постоянные испарения охлаждают воздух; над холодными лесами пары сгущаются в облака, из которых падают дожди. Опрокидывая их на себя в неустанной и мало сдержанной гигантской работе, леса в Белоруссии вылили такую массу воды, что целая половина самой большой (Минской) губернии потонула в ней. Образовались такие массы болот, сделавшиеся характерною географическою особенностью страны, что во многих местах, особенно по Припяти и Березине, и в самом деле не кончился процесс миротворения и не отделена земля от воды. Сколько веков уже борется здесь человек с природою, но и в наши дни является все-таки побежденным, истощенным в силах, задержанным в умственном и физическом развитии. По контрасту с гигантскими силами враждебной природы он является всего лишь ничтожеством.

Живо припоминается нам первое свидание и наша встреча с маленьким человеком примечательно малого роста, едущим на маленькой хохлатой лошадке, в маленькой и мелкой тележке. Мутные глаза его не горят жизненным огнем, не служат признаком смысленности, не обещают ума. Маленький человек к тому же сутуловат, идет сгорбленным, вял и неповоротлив в движениях. Робость во взгляде — одна из характерных черт его бледного лица, кое-как оттененного такой реденькой

бородкой, что он даже охотнее старается ее брить и держать потом щетинистой.

Этот неопрятный, загнанный и забитый маленький человек действительно белорус: белый цвет на нем преобладает. Бледное лицо — его резко выдающаяся особенность; других рубах он не носит, как непременно холщовую белую. Суконная до колен свита также белого цвета, из белой овечьей шерсти: на белорусских рынках овечья шерсть белого цвета всегда приметно дороже шерсти овец черных. Так даже и в западной части Орловской губернии (в уездах Трубчевском, Севском и Брянском), населенной так называемыми *полями*, т. е. теми же белорусами, но начавшими перерождаться. Валяный колпак — магерка, — надетый по преимуществу на белокурую голову, также белого цвета, как и портки, по которым на самом низу захлестывается крестами белёвая обор⁴², привязывающая лапти к ступне.

Лошадь перед ним не представляет контраста, и при воспоминании, напр., об извозчичьих обозных лошадях Северной и Средней России является положительной карикатурой: больше 10 пудов⁴³ она не возит. Самая тяжелая для нее работа — вывозка навоза: десять возов в день ее уже утомляют, три дня возки ее изнуряют, и она отказывается. Приплод очень мал; ценой она всегда дешева. В тяжелой русской сбруе русскую телегу ей не стачить. Грязная растрепанная шерсть на ней представляет некоторое подобие людской болезни здешних стран — колтуна. Столько же неуклюжи эти лошади, точно так же сторбленны и тощи они, как бы в силу какого-то злого тяготения и волшебства, остановившего развитие и зачаровавшего рост. То же враждебное влияние проникло всюду: злая сила переломала и изуродовала домашнюю посуду, земледельческие орудия, оборвала сбрую, оставив какие-то клочья, из которых упрямая лошадь без всяких усилий, при первом желании, может высвободиться и уйти на волю. Свободе такой не мешает ни шлея

⁴² Из мягкой белой льняной веревки.

⁴³ 1 пуд = 16,3807 кг.

(которой не полагается), ни дуга, неправильно носящая такое серьезное имя, — этот кое-как гнутый, плохо распаренный, тоненький и низенький обод из тонкой вербы или молодого дубка. Шлея веревочная, кожи нет ни одного клочка. В телеге нет ни одного железного гвоздя; в ней деревянный шкворень⁴⁴; на ней ничем не схваченный, растреснувшийся деревянный обод; днище телеги скреплено поверх идущими впереди и сзади двумя деревянными дужками, укрепленными концами в рамки; в дужки вдеты дранички: это — бока. Низ выстилается лубком⁴⁵, часто же ничем. Шлеи нет вовсе. Хомутина нередко никогда не обшивается кожей и очень часто просто свита из соломы. Гужи, оборот⁴⁶ и вожжи — лычные или пеньковые, веревочные; седелка почитается редкостью. Починка и постройка такой сбруи и однородной телеги может быть произведена каждым, за исключением колес, которые стоят больше 1 руб. 50 коп. сер.⁴⁷ Все так младенчески первобытно, как бы в доказательство, что для белоруса железный век еще не наступил и он продолжает жить в каменном периоде.

Белорус не знает употребления пилы: до сих пор щеплет себе доски и теснины⁴⁸ из бревна клином и тупым, чуть не каменным топором. За незнанием ремесел даже и храм Божий строит ему еврей. Белорус с удивлением смотрит на работу простого захожего калужского плотника и о хорошо сделанном срубе говорит, что это «русские робили, где же нам? Это русская работа». И упряжь без дуги, и телега без закраин⁴⁹, и кривые оглобли: все как будто уворованное или полученное из выбросков, Христа ради, — ввиду громадных деревьев, которые давят со всех сторон, и между ними растут на

⁴⁴ Стержень шарнира поворотного соединения повозки; ось поворота управляемого колеса.

⁴⁵ Пласт или лоскут свежего слоя древесной коры.

⁴⁶ Конская узда без удил; недоуздок.

⁴⁷ Серебром.

⁴⁸ Тонкие доски, тес.

⁴⁹ Выступающая или загнутая кромка чего-л.

Ф. Руциц. Сарай и прясло для сена. 1899.

потребу великолепные дубы, бук и липа для упряжи, сосны и ели для жилищ. А между тем что увидим, взглядевшись в последние?

Избы — курные, едва покрыты, сыры и холодны, срублены неумелой рукой. Полов нет: они биты из земли. Лес на венцы пущен кривой. Вместо печи — очаги, вместо двери — низенькая лазейка, которая в утреннее и вечернее время заменяет трубу для выхода дыма. В одном селении Гродненской губернии, состоящем из 43 дворов, мы насчитали только три настоящие трубы, выведенные на крышу, и, конечно, деревянные. С большим трудом отыскиваешь кое-где стол, заменяемый большею частью деревянным обрубок или пнем, каковой и торчит обыкновенно среди хаты. Лавки заменяют кривоногие скамейки, к стене не приделанные. Полатей, как места семейного ночлега, заменяющих спальную, в белорусской хате нет; красного угла — также; иконы стоят где придется, без определенного для них места. В селении

А. Ромер. Крестьянский двор. XIX в.

Большие Мервины Грицевичской волости (Слуцкого уезда Минской губернии), близ Варшавского шоссе, в доме старосты, ходившего наряжать лошадей, сняты с образов две игральные карты: валет червей и король треф, прибитые у икон гвоздями и украшенные веночками из искусственных цветов, как, по местному обыкновению, привыкли украшать бумажные изображения святых.

Спят белорусы в своих маленьких конурах-хатах прямо на полу, прикрываясь теми же свитками и кожухами, которые носят днем на плечах. Ну кто поверит, не видавши, что валяются на холодном полу целые ночи и в лачугах таких гнездится семья из семи человек?

Я внимательно и долго всматривался в эти избы, следя за подробностями житья в них и всей обстановки. Сравнивал то и другое с великорусскими жилищами, на которые белорусские имеют некоторое поползновение походить. Правда, что в глухих, темных местах Олонецкой и Архангельской и вообще Новгородского края такие лачуги не большая редкость. Правда, что там же такого достоинства утлые первобытные постройки давно предназначены в большинстве случаев на домашние приспешни: на клетки, бани, на лесные сторожки, на временные

Д. Струков. Камень Иосафата Кунцевича. 1864–1867.

переносные жилища вроде кушней, промысловых лесных избушек, которые Бог весть кем выстраиваются и, в сущности, никому не принадлежа, принадлежат всем. Они, непрерывно застроивши северные леса (как мы уже имели случай упомянуть), послужили станциями для колонизации и помогли русским людям уйти за Уральский хребет в Сибирь. Зато и строились избы так, что их не жаль было бросить: совершенно в таких же белорус рассчитывает исполнять свое высокое назначение для совершенствования и обогащения человечества на земле.

Путь сравнения и наблюдений привел к следующим выводам: в великорусской избе, несмотря на всю тесноту ее, всякому определилось место, установился известный порядок; все четыре угла получили свое назначение. По левую сторону от входа, где стоит печь, — бабий кут. В нем прямо против печи жерновой угол — место женских работ. Направо от входа задний кут — хозяйский: это коник, или ларь для поклажи пожитков и конской упряжи. Рядом с ним направо в углу по диагонали от входа — красный кут, большой угол с Божьим милосердием на тябле⁵⁰, и со столом: здесь место гостю, гостиная. Над

⁵⁰ Ряд икон, киот.

хозяйским кутом полати — общая спальная и в связи с ними печь — место для угревы стариков, больных и для просушки платья. Но так как великорусские избы рубятся из шести стен, разделяясь сенями, то и еще комната — горенка без печи, и летняя спальня — сеновал.

Все это в белорусских хатах утратилось или исчезло. Исчез вместе с тем и дух-охранитель, большак дома: дед — советник, патриарх. Умудренные опытом старики в Белоруссии (как мы сказали) редкость; убеленных сединами почти не видать. Как только представилась возможность на крестьянской воле дележей — белорусские семьи немедленно начали разлагаться, а при этом с такой быстротой, что подобное явление резко бросается в глаза.

Ввиду таких экономических условий, обессиленный физически, опоенный евреем белорус, с первобытными домашними орудиями, на слабосильной лошадке должен выходить на борьбу с такой могущественной природой. Понятны теперь результаты. Десятками случаев в поездке по Белоруссии приходится убеждаться в том, что там, где некогда цвела людская жизнь, оживляясь и красуясь трудом, легли теперь густые заросли, дремучие торжествующие леса.

Оглянемся еще раз на белорусские жилища. До времени нового наплыва русских людей и до освобождения белорусских крестьян от панщины⁵¹ в их хатах не было окон, если не считать двух-трех щелей, из которых одна, прорубленная против очага, на месте великорусского волокового окна⁵², играла определенную роль: была дырой для тяги наружного воздуха при разгорании дров и углей. В значительном большинстве подобные хаты и теперь не редкость, хотя следует заметить, что немедленно за освобождением начали ниже прорубать окна, почуялась надобность вывести свои жилища из третьей степени первобытных форм после землянки и наземного

⁵¹ Название барщины на Украине и в Белоруссии.

⁵² Небольшое окно, вырубленное в двух расположенных друг над другом бревнах деревянного сруба. Закрывается (заволакивается) изнутри тесовой задвижкой.

шалаша. Белорусская изба отличалась от шалаша только тем, что дверь была больше, соломенная кровля опускалась очень низко и вместо окна были лишь отверстия без стекол. На наших глазах окна стали делать больше и больше (со временем число окон увеличится), понадобятся стекла, появятся отверстия в виде печной трубы, наконец, разовьется настоящая печь, и белорусское жилье перейдет в четвертый, высший тип жилищ, когда уже стоит только надстроить верхний этаж, чтобы изба превратилась в дом — самую высшую цивилизованную форму человеческих жилищ. До того белорусская хата лишь перестала быть простым убежищем и сделалась *приютом*, куда проникает дневной свет, где защищаются живущие от непогод, и вокруг очага, как первого центра, соединились в семейство. В смысле такого приюта выстояли без изменения целые сотни лет белорусские избы в четвертом фазисе всех человеческих жилищ, не подвинувшись вперед и недоразвившись до Великороссии. Имущество занимает весьма мало места; одежда изготовляется самим семейством, наконец, перевозочные средства и мена в самом грубом состоянии. Для белорусов еще впереди замена дерева камнем и железом, постройка жилища обширного, хорошо освещенного, удобного, с наружными украшениями, на сооружение которого требуется совокупное действие огромного числа рабочих. А затем далеко впереди — переход деревни в город и то неодолимое притяжение к подобным центрам, где зарождается любовь к изящному, любознательность, воспитывается желание просвещать себе подобных, заботиться об их интересах, приобретать их уважение и проявлять в себе те побуждения, которые создали искусство, храмы, памятники чистого мышления, произведения культуры и проч.

От всего этого белорус отделен теперь целою бездной. Между тем мы видим в земле его города, до которых он некогда доработался. Но города эти стоят в том же недоразвитом состоянии, как и самые деревни, и что всего знаменательнее и печальнее: с ними утрачена всякая связь деревни; оба живут сами по себе, не зная друг

друга. Нуждающихся во взаимном общении здесь только один; другой сторонится, прячется и еще больше забивается в глушь лесов, чтобы отрицать всякую надежду сближения и общения. Эта лишняя и очевидная особенность Белоруссии представляет еще открытое поле для исследований, пробел в ее историческом изучении, указывающий, однако, на то, что страна с ее коренным населением некогда двигалась вперед по пути цивилизации, но была остановлена. Если не пошла она обратным путем, то, во всяком случае, осталась со множеством первобытных недоразвитых форм.

В этом, между прочим, самый существенный интерес для этнографических наблюдений, и именно в настоящее время, когда начинает быстро изменяться образ земли Русской в ущерб ее коренным и первобытным особенностям. Великороссия выходит уже на новый этап; Белоруссия останется, вероятно, на некоторое лишь время на старом и заднем плане. Мы указали лишь на самые крупные и резче других бросающиеся в глаза черты этого старого плана. Первобытно жилище, первобытен способ заготовления и шитья одежды ручным и домашним образом, на условиях самого древнего приема заготовки сырых материалов, на машинах плоского грубо-первобытного вида. На ручных жерновах мелется зерно — основной продукт питания, и самая пища еще такова, что мало благоприятствует умственному развитию. Лишение предметов первой необходимости, ослабляя материальные средства, сильно противодействует прогрессу и губительно влияет даже на самые нравы. Они остаются почти неподвижными, хотя и неоченимыми как предмет этнографических наблюдений.

Останавливаясь на подробностях народного мирозерцания и верований, мы не утрачиваем того же интереса изучения. В белорусе находим яркие и цельные черты дохристианского культа, разлитые в таком изобилии, что по народным поверьям, суевериям и предрассудкам можно рассчитывать приблизительно восстановить древнюю языческую славянскую веру. Обилие цельных образов древних божеств с их определенными

и отдельными чертами, с собственными племенами и очевидными пунктами и временами их деятельности; избыток в значительном большинстве обрядовых приемов, основанных на опыте, изучении и наблюдениях над вещественною природою, — все это отличает белоруса от других славян. Что полузабыто или совсем утрачено в Великой России — в Белоруссии сохраняется в цельном и нетронутom виде.

Эта целостность племени, под шумок борьбы двух христианских исповеданий, разрешившихся обезличенною униєю⁵³, всего богаче отразилась в сохранении им самого главного достояния славянского народа — его древней веры. В зависимости от этого белорусам удалось сберечь и весь строй нравственного и умственного быта в таком исключительном экономическом подчинении: при земледелии — без всяких промыслов, при тусклой городской жизни — без всяких ремесел.

⁵³ Брестская уния 1596 г. между частью православного западно-норусского населения Речи Посполитой и папством.

БЕЛОРУССКАЯ СМОЛЕНЩИНА

Полехи

Полеха, полеха! Га, баде паняй! —
Заворотень!

С таким приветствием обратился подгулявший орловский дворовый человек к одному из случайных посетителей «Притынного»⁵⁴ кабачка, столь известного всей читающей русской публике из рассказа знаменитого нашего охотника И. С. Тургенева, также зашедшего сюда послушать состязание «певцов». Среди других лиц резко выделялась фигура мужичка в узкой изношенной свите, с огромной дырой на плече. Выделялся он до такой степени, что по нескольким словам разговора признан был в нем человек особой породы.

«Полехами (объясняет нам автор) называются обитатели Южного Полесья — длинной лесной полосы, начинающейся на границах Волховского и Жиздринского уездов. Они отличаются многими особенностями в образе жизни, нравах и языке; “заворотнями” же их зовут за подозрительный и тугой нрав. Они прибавляют почти к каждому слову восклицание “га!” и “баде”, а “паняй” говорят вместо погоняй».

«Кому случалось (пишет И. С. Тургенев в другой повести — о “Хоре и Калиныче”) из Волховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой.

Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти.

Калужский мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело; лицом чист и бел; торгует маслом и дегтем и на праздниках ходит в сапогах.

⁵⁴ Дающий приют, пристанище.

Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд. Кроме немногих раkit, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямой, крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на задворке⁵⁵ не разметан и не вывалился наружу, не зовет в гости всякую проходящую свинью... И для охотника в Калужской губернии лучше. В Орловской губернии последние леса и площади (большие сплошные массы кустов) исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет. В Калужской, напротив, засеки⁵⁶ тянутся на сотни верст, и не перевелась еще благородная птица — тетерев, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка, своим порывистым взлетом, веселит и пугает стрелка и собаку».

Предсказание сбылось. Навестив Орловскую губернию, именно восточную ее часть (уезды Мценский и Малоархангельский) в 1878 году, ровно через 20 лет после первого его посещения, я не нашел на заведомых местах не только каких-либо лесов, но даже и признаков перелесков. Знаменитый Рогозинский (Корсунский) лес представлял из себя изнывающую лесосеку, в которой торопливо и настойчиво подрубался с корня даже последний дровяник. Медведевского леса мы совсем почти не нашли, а в прежнее время припугивали нас даже тем, что надо ехать с оглядкой, ибо-де «пошаливают». Признаки лесной растительности, как степные оазисы, проявлялись лишь в раkitовых аллеях, обозначавших въезды в помещицьи усадьбы, да в группах фруктовых садов, в которых грушевые и яблочные деревья почти все превратились в дичку, и яблони, вместо 30–35 сортов, стали давать 5 или 10. Некоторые сады совсем вырублены, а оставшихся ожидает та же участь по тому прямому расчету, что и садовая

⁵⁵ Место за дворами позади изб.

⁵⁶ Заповедный лес.

земля представляет собою ту же толщу чернозема на два и на три аршина в глубину, как и та, которая залегла по неоглядным полям всего Малоархангельского уезда и поднимает роскошную, тяжелую зерном рожь, а в уездах Ливенском и Елецком даже и пшеницу. Избаловавшийся в крайность земледелец напрягает все внимание на то, чтобы оторвать еще клочок земли под пашню не только из-под сада, но и из-под усадьбы, из-под первого попавшего под руки обветшавшего или показавшегося лишним строения. Купец, съемщик или дворянский кредитор распахал под рожь даже усадебные огороды. На руслах речушек очутились сухие балки; старые овраги затянуло свежим наплывным черноземом и сровняло в ту обширную площадь, которая кажет на десятках верст ровную степь, где неоглядные, почти сплошные ржаные поля утомляют путника до тоски.

В начале июня, когда на этих роскошных полях отцветшая рожь начнет наливаться и поспевать, на усадебных дворах появляются новые лица. Приезжают они на прочно сколоченных телегах, непременно с бочками дегтя, с долблеными колодами для коновязей и с кое-каким иным мелким лесным товаром. Это — опять-таки те же полехи из Калужской губ. Приехали они, однако, не исключительно для торговли: захватили с собой лесные изделия лишь про всякий случай, на охотника; приехали, собственно, не торговцы, а рядчики — затем, чтобы приторговаться у больших хозяйств, где засеяно рожью по 100 и 200 десятин чернозема. Рядчики вступают в договоры на жнитво не за деньги, а за известное количество мер зерна с десятины. Являются они сюда уже не первый десяток лет. Жать будут серпами и, стало быть, бережнее вязать и полнее сдавать сноп, меньше терять зерна (орловские крестьяне рожь косят). Жать придут, впрочем, не мужики, а бабы, и рядчики при бабьей артели (обыкновенно два) поочередно вступают в отправление бабьей должности: в качестве стряпух, будут заботливо искать и усердно подбирать по задворьям всякую щепку и хворостинку, разводить в оврагах огонь и в котелках варить кашу, щи и кашицу. Они же принимают хозяйский хлеб

и сало, бегают за солью к торговцам, моют и убирают посуду. На этих бородатых стряпух ворчат и с них строго взыскивают бабы, которые, кроме полевых работ, ничего больше знать не хотят во все это страдное время. Хорошо помним мы этих здоровых, неутомимых в труде и веселых баб-«полешек». Пришло их 30 — две телеги привезли их носильный скарб, а за телегами прибыли пешком сами работницы, сделав эти 150–200 верст в каких-нибудь пять-шесть дней и приняв эту путину⁵⁷ за прогулку. Явились они недели три спустя после рядчиков⁵⁸, в начале июля, когда орловская рожь совершенно вызревает. Как пришли они к месту, так сейчас и вырядились во все чистое и праздничное. Как принарядились, так и запели веселые песни, и пели до тех пор, пока не подошел срок ложиться на ночлег, тут же в чистом поле, притулившись к заплоту⁵⁹ или к стене риги, амбара и т. п. С первым утренним светом бабы были уже в поле, на работе. Не разгибая спины, жали они полосы до сумерек, в промежутках раза три в день ели рядчикову кашу и пили подоенное им молоко. Вернувшись с работы, бабы опять пели песни, а некоторые и поплясали. В первое воскресенье песни эти пели бабы, не закрывая рта, целый день, а вечером ходили медведем: одна в вывороченном наизнанку полушубке, другая — в рядчиковой шапке и армяке. Откуда взялось лукошко, козий наряд, медвежья цепь, гармоника! Откуда взялась сила петь целый день и играть в комедии и плясать, так же неустанно и невовдержно, как и на полевой работе! И после бесконечных песен и глупых плясок долго не могли угомониться эти шаловливые, бедовые бабы, представляющие поразительный контраст с орловскими бабами.

Эти последние приходили к группе «полешек» как на представление, искренне давались диву и, увлекаясь их веселостью, запевали свои песни, нередко те же самые, но так, да не так. Орловские певицы стараются

⁵⁷ Путь, дорога.

⁵⁸ Подрядчик, наниматель.

⁵⁹ Изгородь, плетень, забор.

сдерживать мотивы песни на низких тонах, силятся петь басом, или, как говорят они сами, «толстым» голосом. Пение выходит грубое, крикливое, с петушьими манерами. У полешек все голоса работают начистоту, звонкие контральто определительно выделяются из светлых дискантов; мотивы нежнее, пение мелодичнее, такт идет ускореннее, и песня «играется» гораздо приятнее, не вдаваясь ни в похоронный, ни в церковный тон.

Мы пробовали продолжать сравнение и без особых усилий пришли к прямому выводу, что эти ломовые работницы из-под Жиздры и в деле изящного вкуса перецеголяли этих пахотниц из-под Драскова. Онучки⁶⁰ на ногах жиздринских баб словно сейчас вымыты, и новенькие оборы лаптей обхлестали ногу во всей ее природной простоте; рубахи как белый снег; на плечах и по подолу — занавески (фартуки), замысловато вышитые нитками разных цветов и узоров своего рукоделья и досужества⁶¹. Орловские понёвы прямой выкройки в три полотнища; полехские — кокетливо собраны у пояса вроде туники затем, чтобы видны были из-под них рубашки, тоже вышитые по подолу. Лапти аккуратно сплетены, очень небольшие, очень плотно и не без претензии на щегольство и кокетство обхватывают ступню. У орловских баб ноги как бревна, для чего они под чулки нарочно набивают всяких тряпок, и на замечание о безобразии такого приема отвечают: «У нас уже так всегда водится», «нельзя отставать от других». Украшения на занавески эти женщины покупают на сельских торжках готовыми, машинного дела; сами к рукоделью не особенно охотливы и привычны, рубахи забывают лишний раз помыть и понёвы носят мрачных, темных цветов. Костюм полешки виднее, лицом они пригляднее: правильно налаженный труд развил мускульную систему, и взгляд стал осмысленнее, смелее и веселее. Они большие хохотуны, и ни одна не прячется у другой за плечом. Главная из них, уставщица и всякому делу и веселью заторщица⁶², — бой-баба на

⁶⁰ Портянки.

⁶¹ Деловитость, ловкость, умение; свободное время.

⁶² Инициатор, заводила.

все руки в полном значении слова, с открытым, всегда веселым и улыбающимся лицом. Молодые девушки все в ярких цветах и умеют прицепить кокетливые ленточки, заменить лапти кожаными башмаками. От орловских держатся они особняком, но зато эти к ним пристают и приходят слушать песни и смотреть пляски, т. е. любоваться на эту согласную и красивую смесь дела с бездельем.

От привычных рук, при дружном и неустанном усилии, оголяются полосы густо заросших ржаных полей под серпами полешек. На сжатых полосах стройными рядами встают снопы; снопы складываются в крестцы, в здешних хлебородных местах по 13 снопов на крестец. А когда хлеб в снопах прочахнет, появляются и самые копны по 52 снопа, или по четыре крестца на копну. Работа полешек этим оканчивается. Они, однако, не задумываются перед новой задачей владельцев полей и принимаются за новый труд молотьбы сжатого ими хлеба. В тех же белых рубахах, плотно застегнутых у подбородка, и в простеньких рабочих понёвах, они, собственно, не бегут ни от какого дела и идут на новую работу с нового подряда. На молотьбу хлеба идут поденно. У орловских баб другой обычай: выходя на те полевые работы, которые представляются им, они, гребут ли сено, выдирают ли замашки, стараются вырядиться понаряднее.

Тем же пешим способом, обходя обе железные дороги, ведущие на город Орел, эти рабочие земледельческие женские артели тянутся обратно около телег рядчиков через город Болхов на родную сторону, в свое Полесье. Отсюда, когда будет обмолочен, провеян и усчитан весь хлеб, уже зимним путем, по первому снегу, в черноземных местах появляются снова те же калужские рядчики за условленную платою натурой, т. е. зерновым хлебом. Этим хлебом они будут пропитываться всю зиму. Без этого старинного отхожего промысла в Полесье плохо живется: земля там неблагоприятная, неплодородная. Леса все еще не поддаются воле и силе человека. Они растут либо борами по обширным песчаным пространствам, либо чернолесьем по низменным покатосям водораздела двух больших рек: Десны и Оки, и по зыбучим пескам этого Полесья,

особенности которого поразили нашего поэта и художника-охотника. Леса действительно все еще тянутся длинной полосой, но не в таких малых размерах, какие указаны И. С. Тургеневым. Орловская лесная полоса Полесья начинается гораздо южнее Трубчевска, из-за Новгород-Северского и от Севска, придерживаясь и Карачевом, она дальше дробится на две отдельные гривы, из которых наименьшая направляется на северо-восток, т. е. на Болхов, Жиздру и Козельск до Сухиничей. Это именно то самое Полесье, с представителями которого мы старались сейчас ознакомиться. Другая — наибольшая лесная грива Полесья, огибая город Жиздру с западной стороны, уходит из Калужской губернии в Смоленскую и тянется вплоть до гор. Ельни. Таким образом, в Калужской губ. Полесье не составляет одного Жиздринского уезда, но захватывает в себя части уездов: Мосальского, Козельского и Лихвинского, а южнее Болхова уезды: Карачевский, Брянский, Трубчевский, Новгород-Северский и другие северные уезды Черниговской губернии. Перед Смоленском оказывается лесной перерыв и последний конец того Полесья, на котором остановили наше внимание знакомые нам поляхи.

Полесье

Ах вы, леса темные!
Подходили леса к городу Смоленскому;
Горы те высокие Сорочинские;
Чисты поля подходили к городу ко Опскову;
Мхи да болота ко Белу озеру;
Реки-озера ко синю морю.
Из старины «Соловей Будимирович»

Нам еще под Карачевом бросаются в глаза леса, совершенно видоизменяющие ландшафт; они обещают совсем иные впечатления в этой западной половине Орловской губернии, не те, которыми дарит восточная черноземная и хлебородная часть. Группы деревьев не накрапаны

темными пятнами на желтом фоне неоглядных полей, а идут серьезными сплошными насаждениями, останавливая взор и не давая ему большого простора.

Леса, однако, все еще лиственные, преимущественно березовые, есть даже селение и станция под названием «Девять дубов». Земля стала приметно хуже. С приближением к Брянску чувствуется, что и самая температура заметно понизилась: ощущалась сырость; в городе Брянске нас встретили дожди, так что ежедневно мешали осмотру города; между тем в покинутой нами Малоархангельской стороне в то же время пекло солнце и шла спешная уборка озимой ржи. Там отошла земляника — здесь еще только начинают ее продавать, сливы недавно лишь стали поспевать, и если много вишни, то зато яблоки немногих сортов — стало быть, здесь и садоводство гораздо хуже. За две станции до Брянска выступил навстречу настоящий густой лес, в котором резко выделялась сосна, хотя и смешанная с другими видами лесных деревьев. Послышалось название селения и монастыря «Белые берега», и, в подкрепление слова, в брянских борах стали обнаруживаться песчаные холмы «белого» песку. Этот песок сделался далее по пути настолько же господствующим, как там за Орлом, к Ельцу и Ливнам, чернозем. Попадающиеся реки кажутся многоводнее и не роются, медленно двигаясь, в рыхлых низеньких берегах, но, как Десна, с присущим всем большим рекам обычаем, стремятся делать высокие берега на правой стороне своего течения. Когда брянский бор отступил назад и дорога вышла на открытое место, проявилось с одной стороны обширное болото — это редкость восточной полосы губернии, — и потянулся сплошной хребет гор с такими видами и подробностями, которые лесного уроженца прямо и непосредственно переносят на его родину. На одной половине этого горного хребта выяснилась та приятная для глаз и знакомая с детства густая синева лесов; на другой — увлекательная картина жилого места в виде большого города, притянувшего к себе и удержавшего подле себя массу сел и деревень. Деревни около города тянутся по горе на четырех, пяти

верстах без перерыва, и одна из них длиною на две версты. В подтверждение древнего обычая, вынуждавшего для взаимной защиты селиться кучей, здесь сельское население жметя, с одной стороны, к воинствовавшему некогда укреплению города, с другой — к крепости Свенского монастыря, до сих пор сохраняющего четыре крепкие башни. Город Брянск, раскинутый по покато-стям хребта и по подолу реки Десны, со множеством церквей, представляет, действительно, такую картину, которою можно залюбоваться. Она привлекательна начиная с того места, где выступает из горного узла первая гора с Петровским женским монастырем, и оканчивая той горой, которая выше и круче других, находится уже в трех верстах от города и увенчана одним из древнейших русских монастырей — Свенским. Под горами вьется извилинами довольно широкая, оживленная судами и криками сплавщиков, Десна. За ней расстилается великолепная огромная равнина с роскошными поемными лугами. За лугами тянутся иные леса, в которых нельзя не заметить видимой силы растительности, как в дубках, липах и ракигах, так и в соседях их — соснах и елях. За Окой, в черноземной полосе, всю землю стараются вспахать и под луга оставляют только самую худую, и то в таком малом количестве, что от отсутствия веселых зеленых лугов можно заскучать. На Десне земля под поля тяжела и требует удобрения, а потому ту, которая отбилась от руки или которую не успели приготовить, пускают под луга. Деревя так много, что им совсем не дорожат: по улицам города Брянска валяются щепы и гниющие бревна без всякого внимания и призора. На городских мостах перила и накаты из толстых бревен, комнатные столы из толстых брусьев, тогда как по ту сторону Оки, в черноземной полосе, как говорят, «нечем в зубах поковырять». Резко бросается в глаза даже на брянских площадях обилие свиней — обитательниц города, окруженного дубовыми рощами. В продаже много дичи, и, между прочим вкуснейшая из них, лакомый кусочек — молодые тетерки, по 25–35 коп. пара. Городские улицы вымощены камнем, и его вообще такое

множество, что оно после черноземной степи резко бросается в глаза. Теперь и здесь мы не видим уже ничего похожего на черноземную, восточную полосу губернии, — не видим и не слышим, потому что изменилось все основное и существенное.

Уцелевшие боры, выросшие на песках, не в силах соблазнить самого терпеливого хлебопашца, а целые ряды песчаных холмов, набитых ветром там, где леса истреблены вовсе, довели земледельца до отчаяния. Леса сберегли обширные болота, и с ними утратилась последняя надежда на хлебопашество. В силу этих обстоятельств и племенного характера во всем обширном Полесье (Орловском и Калужском) выродилось стремление к различным промыслам. Эти промыслы: или отхожие — в виде уже знакомой нам уборки хлебов, либо на сплавы судов из Десны в Днепр и обратно, на фабрики и заводы Брянского уезда и даже на нищенство около больших торговых пунктов и в таких богатых городах, как Москва, — или промыслы *домашние*, указанные непосредственно самую природою. Здесь первое место принадлежит лесным промыслам во всем их разнообразии, за исключением пчелиного или бортевого, который, с истреблением липовых лесов, совершенно упал. Некогда пчеловодство составляло богатства Брянского уезда; тамошний мед доставлялся к царскому столу, представляя собою оброчную статью. Лесные насаждения Полесья были так густы, что солнечный свет не проникал до почвы, а деревья были такой толщины, что только головы рабочих были видны из-за срубленного дерева. Остатки пней огромных дубов попадают повсеместно в южных частях уездов Лихвинского, Козельского и Жиздринского.

Сохранившиеся в некотором изобилии в уездах Мосальском и Жиздринском липовые леса вызвали совершенно иной промысел с весьма давнего времени, именно: производство рогож⁶³, которым занимаются до ста селений, окружающих Спас-Деменский Мосальского уезда. Здесь в каждом доме по одному и по два рогожных стана,

⁶³ Грубый, плетенный из мочала материал.

на которых, при участии трех рабочих, выделяются: пудовка, или кулевая рогожка, тридцатка, или обшивная, полупудовка, или покрышка. Эти же рогожники занимаются в Калуге и отхожим промыслом — нищенством. Впрочем, и самый рогожный промысел стал кочевать, так как он считается в числе тех неблагоприятных причин, которые способствуют значительному истреблению леса. Давно уже к Спасу-Деменскому возят мочало из-под смоленского городка Ельни, а теперь даже с Нижегородской ярмарки. Давно уже рогожники стали большими партиями ходить в дальние лесные местности (между прочим, в корчевские и брянские леса), где скупают участки и, за явку в лес, платят с каждого топора владельцам известную подать. В лесах дерут лыко; содрванное сматывают в клубки и несут домой, чтобы там, в досужее зимнее время, рассортировать, обработать и продать в Карачеве или в каком-нибудь из степных городов. Ивовое и дубовое корье главным образом продается в гор. Болхове, в большом количестве, до миллиона пудов. В хлебных местах на вырученные деньги полехи покупают хлеб. Но чем дороже становится лес и лыко и удешевляется издельный⁶⁴ труд, чем больше рedeют и удаляются липовые леса, — тем подвижнее становится и промысел. Теперь он перешел в самые места оптовой закупки и отправки хлебных товаров (Гжатск, Зубцов, Белев), преимущественно же в самый губернский город Калугу. Сюда рогожники приходят целыми партиями и ткут одновременно рогожи и кули, по найму и по заказам.

Полех ходит в свой лес, между прочим, и для ниже следующих целей: с осени он рубит осину для лопат и корыт, различного возраста дуб для обручей, санных вязьев и полозьев, для ободьев и клепок на бочки; рубит клен — для гребней и кулачьев (зубцов) на мельничные колеса. Сверх того полех выбирает годные деревья — березу и клен — на выделку клещей для хомутов, просушивает их летом на солнце, зимою в избах распиливает на 2, 3 и 4 части, отделяет топором, снова просушивает,

⁶⁴ Сдельный; кустарный.

отделяет начисто и продает сотню по 6–7 рублей купцам из Калуги, Жиздры, Белева, Болхова. Чаще он отвозит товар свой в степь (Курск, Щигры, Ливны, Елец и Орел), где обменивает на рожь или продает за наличные деньги, но уже по 9 и 10 руб. за сотню; кроме того, полах гонит деготь, приготовляет золу и уголь, пилит дрова на тес и доски. Весною он входит в *межсень*, т. е. низменные места, проросшие осинovým кустарником, где дерет кору и лыко. Весной же он сгоняет плоты в Оку и Десну. Зимой громадным большинством полехи отправляются в извоз, или, по-местному, *бандюжить*.

Во всех этих случаях полаху благоприятствовали счастливое географическое положение его страны или те мокрые и болотистые леса, которые дают исток и пищу многим рекам, текущим в двух противоположных направлениях и открывающим путь в различные стороны: в торговые и хлебородные места, т. е. безлесные и малолесные, на юг и на восток, по бассейнам Оки и Десны.

Полесье расположилось на водоразделе восточных и западных рек земли Русской. На обширном плато в западной части Мосальского уезда, окаймленном с с.-в., ю. и ю.-з. цепью весьма низких холмов, находится легкий склон, состоящий из обширных торфяных болот. Здесь главный водораздел притоков Волжской и Днепровской систем, — здесь берет начало р. Болва — приток Десны — и находятся верховья Углы — притока Оки, сначала едва заметные в болотистой почве, текущие неслышно и вяло большею частью в отлогих берегах. Все же Полесье представляет собою равнину, слегка возвышающуюся на западе до водораздельной черты, которую можно определить прямою линиею к истокам реки Жиздры и на гор. Карачев. Линия от гор. Юхнова к Гжатску служит западною окраиною Московской котловины. Свой лесной характер Полесье сохраняет на всем протяжении непрерывно и неизменно, даже с тою особенностью, что и древнейшие города этой местности удержали за собою лесные имена, начиная с южного Бреста (или Берестья Литовского) и Брянска

(древнего Дебрянска), Сосницы, Стародуба и оканчивая двумя северными, Смоленском и Ельней. Быт населения, характер жителей всего Полесья составляет переход от восточного славянского племени к западному. Здесь белорусы смоленского типа и великороссы — племена с оттенками западных соседей — живут плечо-о-плечо и так, что отделить белорусские деревни от великорусских почти невозможно. Водораздельные леса стали одинаково племенной границей здесь на востоке Белоруссии, как не перестают быть межою подобные же густые леса на юге, востоке, севере обширного Белорусского края, с племенами: малорусским, литовским и латышским и опять с великорусским. Именно в этом обстоятельстве, в значении Полесья как границы обширной страны, занимающей и поставленной в заголовке настоящей статьи, мы представляем оправдание этому предисловию. Им мы достигли той цели, что, характеризуя орловское и калужское Полесье, описали восточную границу Белоруссии. Отметив ее особенности, нам не много остается дополнить к характеристике западной границы, или, что то же, южного Полесья.

Оно непосредственно примыкает к сплошной полосе лесов орловского (т. е. трубчевского и брянского) Полесья и тянется параллельно течению Десны от того места, где эта река начинает принимать юго-западное направление; здесь с древнейших времен существует порубежная племенная защита в виде крепости Новгород-Северского, умевшей, в особенности во время самозванцев, показать, в руках Басманова⁶⁵, в течение 2½ месяцев, всю свою силу и значение как укрепленного пограничного пункта при деснинском Полесье. Это место, кроме того, замечательно еще тем, что некоторые селения в нем носят название «рубежа, рубежного», что уже указывает в данном вопросе на благонадежность признаков. Это также, по большей части, — чернолесье, выросшее на

⁶⁵ Петр Федорович Басманов — воевода, в 1604 г. за мужественную оборону Новгорода-Северского от войск Лжедмитрия I пожалован в бояре и богато награжден царем Борисом Годуновым.

серой почве, т. е. на супеске и глине. Здесь, точно так же, как и везде на тех местах, где прежде были боры, теперь лежит настоящий песок, и точно так же это южное Полесье явилось на смену и в решительный контраст местам, лежащим по ту сторону Десны. Там — черноземная степь с богатыми урожаями ржи и овса и с плугами, в которые, для обработки полей, надо впрягать от двух до трех пар волов; трава слаще и сытнее; всякий скот крупнее и сильнее. Здесь, в этом южном, или черниговском, Полесье, на худой земле, много чести и мало дела и для одноконной бесколесной великорусской сохи. Травы здесь только выше ростом и гуще, но не питательны: местный скот мельче и слабее. Эта местность в старину называлась Севером, а теперь названа Полесьем теми «полевиками» или «хохлами», которые сытно едят и богато живут по левую сторону Десны, в южной полосе Черниговской губернии. Точно так же, как уже и под Карачевом и Брянском, стихают разговоры обо ржи и совсем не говорят о пшенице, и здесь — в черниговском Полесье — хорошо знают, что озимая пшеница возростает там, где-то дальше, под Полтавой, что на большом пространстве здешней земли урожай не вознаграждает посева: земля уездов Милинского и Сурожского такова, что давно уже жители почти ежегодно принуждены питаться круглый год хлебом с мякиною.

Во всей этой обширной лесной местности, начиная от Новгород-Северского и восходя к северу вплоть до истоков Десны и крайнего пункта всего Полесья, одна надежда и одни усиленные хлопоты — о возделывании конопли и обработке пеньки, начиная с «конопляного праздника» (дня св. Ферапонта, 27 мая) и оканчивая Покровом. Впрочем, так как конопля — растение двудомное (мужские особи растения называются «замашкою», по-белорусски «посконью», а женские собственно *коноплей*), то с первых чисел августа начинают брать первую, еще в цвету; она в это время дает самое белое и нежное волокно. После отцвета замашка скоро засыхает и желтеет; собранная в сентябре дает темное волокно с синеватым оттенком. Собранная конопля, не иначе как

вымоченная, смятая на мяле и вытрепанная, или, проще сказать, превращенная в пеньку, принимается купцами и покупается за деньги. В этих видах почти все удобрение обращается на конопляники, которые доведены до замечательного совершенства. Все же пеньковое производство дает столь значительное оживление Полесью, что на окраинах его образовались бойкие торговые пункты как места сбора пеньки: для калужского Полесья — Козельск и Сухиничи, для орловского — Брянск и Рославль, для черниговского, или южного, — Новозыбков, Стародуб, Почеп и пр. Но главная биржа для торговли пенькою из всех полесских местностей собирается около 1 октября в трех верстах от Брянска, при Свенском монастыре, во время ярмарки, когда производятся самые значительные сделки по продаже и покупке. Состоявшиеся здесь цены на весь год до следующего урожая руководят торговцами. Кроме закупа самими торговцами в ближних местностях, пенька по зимам свозится на многочисленные еженедельные базары. В закупках принимают наибольшее участие городские торговцы, и в особенности евреи, покупая на пуды и перепродавая товар различным капиталистам на берковцы⁶⁶. Для трепанья пеньки стекается каждую зиму большое количество рабочих, среди которых видное место принадлежит все тем же калужским полехам. Рассортированная и сложенная в бунты пенька отправляется, предназначенная в Ригу, через гор. Поречье, где вновь перебирается и грузится на суда и где черниговская пенька встречается с орловскою и смоленскою. Рядом с пеньковым и в связи с ним вызвано к жизни производство конопляного масла и торговля им и одновременно льняным и конопляным семенем. Этим делом озабочено все Полесье, и ему принадлежит здесь несомненно одно из первых мест, даже и в том отношении, что пеньковое дело служит объединяющим началом, обеспечивающим неизбежность сближения белорусов с великороссами.

⁶⁶ Старорусская единица измерения массы, равная 10 пудам. Имеется в виду многократная прибыль при перепродаже.

В силу указанных хозяйственных забот и многосложного промышленного движения на характере жителей южного, или черниговского, Полесья отразились резкие черты контраста, которые известны нам по первым встречам в этой полосе России. В то время, когда сочный и крепкий чернозем успел обленить «полевиков» в степи, из полешуков, несмотря на их вообще небольшой рост, при плохом питании, живущих на неблагоприятной почве, в самых дурных бытовых условиях, родился народ трудолюбивый, проворный и решительный.

В особенности (и на этот раз) выделились те из них, которые, от частого сближения с соседями на торжках, базарах и ярмарках, не хотели вполне хранить все племенные особенности, а в быту, нравах и языке представляют некоторого рода помесь. Эта-то помесь и получила самостоятельные прозвания полехов, полешуков и пинчуков (последними, как известно, называются жители громадного пинского Полесья в уездах Мозырском, Слуцком и Пинском). В первых из них еще нет подлинных великороссов, но осталось наибольшее количество черт и особенностей этого элемента. Во вторых мало осталось малороссийских черт, но в полешуках черниговских еще не вполне сложился белорусский тип, а в пинчуках минских еще сильно и упорно борются особенности южнорусских элементов в смеси с северо-западными или белорусскими. В жителях черниговского Полесья, называемых также совершенно неверно «литвинами», — соседних с трудолюбивым и промышленным старообрядским населением тамошних городов, слобод и посадов, — а также и в тех, которые живут около границ губерний Орловской и Смоленской, влияние великорусского племени стало отчасти приметным и благотворным в отношении экономическом. Теперь в том и задача наша, чтобы указать последствия того взаимодействия и отметить особенности характера белорусского племени, населяющего Смоленскую Украину, для которой черниговское Полесье составляет южную границу.

Три соседа

Хиба лихо озме литвина, щоб вин не дзекнув, — говорят малороссы.

Коли москаль каже суха, то поднимайся до вуха: бо ён бреше.

Ад чорта адхрисъцисья, а ад москаля не адмалисья: ад москаля поль урежь да уцекай, — толкуют белорусы.

Литва — беспятая лапотница; мезговники, мякинники; белошапошники; магерки.

Волынка да гудок, собери наш домок; соха да борона разорила наши дома, — ответно насмеваются великороссы.

Уже в городе Брянске, на базаре, подле нижнего собора, преобладает *белая магерка* — классический белорусский колпак, или низенькая шляпа без полей, и та *коротенькая* и *узенькая* свита, которая отличает белоруса от малоросса. Те же колпаки, и непременно белые, продаются и в лавках, и во всем этом орловском Полесье издавна белая овечья шерсть в оптовой покупке всегда стоит дороже черной. Замечается, впрочем, здесь некоторое стремление приблизить форму головного убора к форме великорусской шляпы — тулья не так узка кверху, пониже и пошире — и выделиться от коренных белорусов черными и коричневыми (некрашеными) свитами.

Впрочем, в последнем отношении большая смесь: либо при белом колпаке серая свита, либо тот и другая серые, как признак того, что брянский базар стоит на рубеже, и тут еще не окончен спор из-за наряда (в особенности головного), составляющего, во всяком случае, один из существенных этнографических признаков. Несомненно, однако, что в 90 верстах от Брянска, на запад, но еще в уезде этого города, является на жителях (напр., Окулецкой волости) подлинный и беспримесный белорусский наряд у мужчин и женщин; там белый цвет исключителен; под Брянском белая магерка сдружилась с серой свитой, а под Карачевом они обе серые. Отсюда понятно прозвание орловских полехов «белоголовыми»,

усвоенное им жителями западной половины губернии. Та же встреча обуженного кверху колпака с великорусской шляпой-гречневиком и с торчащими, в защиту от солнца, полями происходит на всех базарах калужского Полесья и даже на ярмарке в Дорогобуже. На еженедельных торжках в городе Смоленске белая магерка и свита уже очень приметны. Точно так же круглая шляпа с широкими полями, или типический малороссийский «брить»⁶⁷, вступает в спор с узенькой магеркой по всему черниговскому Полесью, преобладая, однако, над последней под Новгород-Северским, Севском и Трубчевском. Такое же различие замечается и в говоре, в произношении самых обыденных слов; напр., в Полесье говорят: *конь, вол, нож* — по-белорусски; в Глухове и Нежине — *кунь, вул, нуж*, а за Лубнами — *кинь, вил, ниж*, уже по-украински. Сам белорус, прозванный «литвином», задисненских жителей начал звать «хохликами», а на базарах носит общее бранное прозвище «хомут». Одним словом, на этих окраинах естественным образом облик белорусского племени не мог окончательно и целиком высказаться, и соседи, так сказать, сами еще не разобрались между собою. Эта путаница тонко выражена в присловье, обрацаемом в насмешку именно этим «ни то ни сё».

— Якой губернии? — Смоленской. — Якого уезда? — Города Дорогобужска. — Якой волости? — Демьяновой посады. — Якого села? — С Ивановой усадьбы. — Якого боярина? — Про то не ведам.

Название «белорус» — искусственное, книжное и официальное. Сами себя потомки кривичей под этим именем не знают, хотя, в сущности, ни одного эпитета нельзя подобрать более типичного. Белорусы они настоящие: белый цвет преобладает; у коренных все белое: лицо, волосы, рубаха, колпак, панталоны, кожух и свита. На женщинах также белая наметка, белый фартук, и даже белевая обора идет крест-накрест по белой онуче, прикрепляя на ноге лапти. Вопреки всему этому поличному у белорусов даже есть такая песня:

⁶⁷ Брыль — соломенная шляпа с прямыми широкими полями.

Прилецели гуси
Да с беленькой Руси,
Сели-пали на крыницы,
Стали они воду пици.

Значит, под именем Белой Руси разумеет тамошний народ Великороссию, а во времена недавнего национального возбуждения, явившегося последствием последнего польского восстания, местная интеллигенция начала считать название «белорус» даже обидным, признавая себя без ограничений чистыми русскими, более древнего и чистого происхождения. До этого же времени простой народ считал и называл себя просто «хлопами». Только минский полешук умел отвечать за себя на вопрос: что ты за человек? — я не человек, а «пинчук» (т. е. уроженец пинских или мозырских болот). При вопросе: кто владеет Полесьем и кому пинчуки повинуются? — ссылались не так давно, и еще на нашей памяти, на «королеву Бону» (т. е. жену короля Сигизмунда, Бона Сфорца, отравленную своим доктором в 1557 году), полумифическое лицо, которому народная память приписывает постройку всех сохранившихся каменных замков, башен и т. п. в целом Белорусском крае.

Именно здесь, в пинском Полесье, где оно входит в Гродненскую губернию и составляет естественную и действительную границу двух племен, малороссийского и белорусского, в особенности характерно выразилось в народе разумение племенной разницы. Выразилось же

В. Дмоховский. Руины замка в Гольшанах. 1853.

оно не только в насмешливых присловьях, но и в цельных рассказах и анекдотах о простоте и наивности этих «темных» людей. То же самое повторилось и на Днепре, где, южнее Гомеля, близ устья Припяти, кончается север Украины и начинается южная граница белорусского племени. Народ здешний также нечто среднее, отставшее от одного и не приставшее к другому. В особенности зла насмешка и сильна сплетня на этой границе, где белорусов одновременно спознали и старообрядцы-великороссы, и киевские малороссы, с известной народной привычкой своей «пожартовать», посмеяться. Около слободы Добрянки, населенной раскольниками, лежит селение Марковичи — здешнее Пошехонье, соседнее также с «хохлами задрипанцами». Эта Марковщина носит приватное прозвание «Туховщины», сочиненное по нижеследующему случаю:

Шли эти марковцы с сенокоса — видят, выстроена церковь: такого большого строения не видывали. Вошли внутрь, еще больше удивились. Всем захотелось крикнуть, попробовать, рассеется ли голос. Стали приставать — просить позволения. «Нельзя, — говорят, — это дом Божий, свято место». Опять пристают: «Позволь хоть раз тукнуть». — «Если станете давать каждый год с каждой избы по полупуду меду, кричите». Согласились. С той поры для духовенства установилась особая подать под именем «туковщины», и «погуковщины» (но под названием последней, в другом месте, хотя также в северной пограничной части Киевской губернии, за посещение церкви — священнику).

В то же время про марковцев рассказывают еще следующее. Они, чтобы не трудиться ежегодно ездить в Крым за солью, сыпали ее в колодцы, в расчете сделать воду навсегда соленой. Чтобы больше родилось волов, рубили на мелкие куски одного вола, сеяли куски по полю и запахивали. Чтобы не трудиться толочь пшено, сеяли его толченым, ибо, по причине безлесья, ступ не из чего делать. Они же «съели сучку», а случилось это так: приготовляли марковцы в лесу ладо под пашню, стали жечь срубленные деревья. В это время прибежала собака,

бросилась в огонь и сгорела. Когда пришли марковцы, огнище потухло. Видят жареного зверя: «Мабуть, заяц?» А зайца сроду не едали. С голоду стали сучку есть да похваливать. Пришел хозяин сучки — увидел дело, увидел хвост, узнал свою собаку и выговорил: «Зайка, зайка! хвостик, як нагайка; ведь вы это мою сучку съели». С той поры при любом марковце нельзя поманить собаки, не только напомнить им об этом прискорбном событии, — кольями изобьют. Другой раз марковцы увидали, как полем прошел медведь и скрылся в лесу. Такого зверя еще не выдывали; пошли спрашивать у попа, что за зверь такой. «Походило, погуляло, в лес ушло». Пошел с ними поп в лес; увидели нору, стали совещаться, кому первому лезть. «Полезай, батька, ты поменьше ростом». Взяли его за ноги, сунули в яму головой; медведь оторвал голову. Когда вытащили попа, удивились: «Кажись, была голова, а мабуть, нет». Пошли спросить попадью: чи была у батюшки голова, чи ни? «Утром была, — говорит, — я ему блины пекла, ел, помню — и бородой в то время тряс! А там уж не знаю; взял ли он ее с собой или в церковь снес, а в хате поповой головы нет». И так далее.

Остановясь на встречах пунктах великорусских полехов со смоленскими белорусами уездов Рославльского, Ельнинского и Смоленского, мы очутились на той водораздельной возвышенности, где берут начало реки в одном только направлении — в Днепр при посредстве Десны и Сожа. Около Смоленска мы вступаем в ту область, где находятся истоки обеих этих рек и самого Днепра — главной артерии всего Белорусского края и третьей по величине реки всей Европейской России. Эта возвышенность залегла между Сожем и Десною и замечательна тем, что, начавшись под Трубчевском от поворота реки на юго-запад, лежит в области ее течения с правой стороны, бедной притоками (слева 23 притока, справа только 9, и все почти вне пределов этого водораздела). Этим обстоятельством с древнейших времен практически воспользовалась торговля. Она проложила здесь три пути, известные под именем «свиных шляхов», т. е. тех дорог, по которым гоняли с юга животных, давших имя дороге

и, как известно, неспособных к переправам вплавь, требующих сухопутья и мелких рек или таких, через которые класть можно легкие скороспелые мосты (некоторые не без основания производят от тех же причин и название Брянского монастыря как сборного пункта и начального места шляхов, в старину действительно называвшегося Свинским). Собственно, для нас этот водораздел именно тем и замечателен, что представляет точную границу между двумя встречными племенами. Здесь произошла встреча в давние, незапамятные времена расселения славянских племен по обширным равнинам Русской земли. Здесь совершилось то полюбовное размежевание и остановка поступательного движения одновременно с запада и востока или в то время, когда запоздалые надвинулись на места прибылых. Естественное право, выродившееся из взаимного уважения к тяжкому труду, понесенному обеими встречными сторонами по расчистке дремучих лесов, велело жить в соседстве и дружбе и выговорило закон, облеченный в формулу: «владеть землю только по то место, куда топор и соха ходили». В сущности, естественных преград, в смысле указания на прямые границы, тут не было: ни высоких гор, ни обширных болот и озер, ни тех непролазных лесов, которые владеют, между прочим, замечательным свойством делаться естественными племенными границами. Здесь возвышения уровня почвы столь незначительны, что, без инструментального измерения высот, они не могут отличаться от равнин. Разделяющего простенка нет; горба мы обыкновенно вовсе не замечаем, а, напротив, видим, что самая ничтожная возвышенность в состоянии разделить области таких больших рек, как Волга и Днепр, как Двина и Нева, как верховья Десны, Сожа и Днепра. Что же касается болот, то они в данном случае, как и во всех других, послужили движению и сближению племен тем, что дали пищу и возможность прорезаться естественным и легчайшим путям народных переселений, каковы во всех местах и во все времена — реки. Если даже в некоторых случаях болотные реки не сделались местами оседлости, то везде сослужили службу тем, что остались большими дорогами, передаточными

пунктами, хотя бы и на те водоразделы, которые носят простое народное имя «волоков». В некоторых случаях берега этих рек, как на больших морях, или как высокие горы, — сделались племенными гранями. Так, между прочим, на западной белорусской границе, в Гродненской губ. около Бреста-Литовского, течет река Пелеса. Вся она заплывла грязью, покрыта тиной, еле движется. Крестьяне, живущие на левом ее берегу, вовсе не знают по-литовски, жители правого берега — настоящие литовцы по языку и обычаям. Точно так же в Полоцком уезде (Витебской губ.) на правом берегу речки Пещаны — притока Западной Двины — живут латыши, на левом — белорусы; речка Орловка в древнейшем псковском пригороде Изборске разделяет ливов от великороссов и т. д.

Волока — опять-таки настолько ничтожные возвышения, что через них без большого труда можно переносить челноки из одной реки в другую, а в самых реках, при многократно извивающихся линиях, нельзя определить, какое направление следует принять за главное. На этих волоках впоследствии образовались естественные пути встреч и сближений, потом торговые центры, наконец, места племенной ассимиляции, где сильное и живое племя имеет возможность взять перевес и дать ход и дальнейшее развитие своей национальности. Чем значительнее реки, сближающие свои верховья, тем скорее накопляется сила в объединяющих пунктах и могущественнее действует влияние их дальше пределов волока — на все приречное население всех тех рек, которые между собою сближались истоками или устьями. Отсюда понятно народное и правительственное значение таких сильных властителей, как Киев (через Днепр, Десну и Припять), как Новгород (Мста, Волхов и через Ильмень, Шелонь, Ловать, Полисть и проч.) и, наконец, в интересующей нас местности — Смоленск. Возвышаясь над Днепром, он обязательно расположился вблизи истоков трех рек, из которых Сож берет начало едва не под самым городом, а Десна в расстоянии двух «лошадиных перегонов», или «упряжек», достаточных ровно настолько, чтобы, отправившись на место обмена, торга или на совещания,

не утомить лошадь, едучи не кормя, и, покормив ее, на вторые сутки успеть возвратиться домой. Река Каспля, игравшая в середине прошлого столетия весьма серьезную роль и теперь все еще судоходная, соединяет и привлекает побережья Двины к пущему возрастанию самого древнейшего и коренного белорусского города, главной столицы кривичей — Смоленска. Город Поречье, лежащий на этой последней реке, до сих пор сохраняет огромное значение для всего Смоленского края как пристань для склада пеньки и хлеба и для заграничной торговли этими продуктами народного хозяйства Смоленской и Черниговской губерний и орловского Полесья.

Рассмотренный теперь водораздел делит Смоленскую губернию на две части. В восточной остаются уезды Сычевский и Вяземский, и если мы присоединим к ним Гжатский и Юхновский и восточную (наибольшую) часть Бельского, то таким образом отделим великорусскую Смоленщину. Затем уже все остальное, далеко за политическую границу губернии, будет Белоруссия. Таким образом оказывается (по сведениям 1860 года), что белорусов в губернии 1 122 000, а великороссов 520 тысяч, или 68 : 32%. Разница здесь заключается лишь в том, что великороссы живут плотнее, скученнее, нежели белорусы. Это, впрочем, одна из самых характерных особенностей белорусского племени, живущего, в громадном большинстве случаев, деревнями в 4, 3, 2 двора и иногда в одном хуторе где-нибудь в лесу. По этой причине у них, во время работ, дом часто обкраден, ребята — калеки, скот без надзора, пастухов режет волк и т. д.

Оставляя восточную границу белорусской Смоленщины для новых встречных мест с великороссами на север, упомянем, кстати, о двух примечательных в данном вопросе местах. В 40 верстах от Вязьмы, на большой дороге к Смоленску, лежит селение Зарубежье, с которым соединено предание о том, что здесь была политическая граница, установленная с Польшею 15 июня 1634 года. В Юхновском уезде, в 30 верстах от той же Вязьмы, в селе Волсте, была крайняя северо-западная граница древнего Черниговского княжества и периодических литовских

владений. Стоял тут медный большой столб (по преданию), на месте которого недавно устроена часовня. Тем не менее Вязьма, через которую шел древний путь на Киев и куда пришел преподобный Ефрем из Ростова по пути на р. Альту, чтобы взять тело брата своего Георгия, убитого вместе со св. князем Борисом, — город Вязьма — несомненно великорусского характера. В нем уже видим промышленное движение, чего недостает белорусским городам (как новое племенное отличие): существуют заводы, сверх классического пряничного производства, известного целой России. Для спасения от ляхов, в 1661 году, Вязьме понадобилось чудо преподобного Аркадия; еще Иоанн III построил на городской стене сторожевую пограничную башню; здесь в 1107 году заключил он перемирие с Витовтом и отдал Вязьму сыну, а Иоанн IV, для окончательного закрепления города за Русью, роздал вяземские земли опричникам. Впрочем, за вяземскими крестьянами некоторые не признают полного усвоения великорусского характера, основывая этот вывод на том, что они не стараются улучшить своего быта каким-либо прибыльным ремеслом, и уезд, по общему числу промышленных крестьян, занимает между великорусскими уездами последнее место.

Если поднимемся мы от Смоленска на север, через Духовщинский уезд, в Бельский и Пореченский, мы вступим снова в область громадного Полесья, которому судила история стать естественною границею Северной Великороссии с белорусами Смоленской и Витебской губерний. Леса эти настолько первозданны, малодоступны и пустынно, что Бельский уезд получил название Смоленской «Сибири». Уже в 8 верстах от уездного города Белого начинаются громадные болота (по большей части носящие местные названия — «мхов»). Эти болота, простираясь на север, покрывают всю северо-западную часть уезда и соединяются в неизмеримую даль с таковыми же Пореченского уезда. Между речкою Тросною, Мглайкою и рекой Межой так называемые «мхи Пелецкие» занимают около 200 кв. верст; мох Сотховский по р. Кремьянке имеет в длину 12 верст,

Свитские мхи (по р. Свити), покрытые множеством небольших озер, занимают около 25 кв. верст и шириною от 1 до 4 верст. Эти мхи, или чистые болота, покрыты редким сосновым кустарником (мокрые места обросли смешанным дровяным лесом). Мхи непроходимы во все летнее время, и охотники, гоняющиеся за лосями в сухое лето, здесь очень часто безвозвратно погибают. Наблюдателю рельефа земли и различного характера почвы представляется здесь богатый материал, и даже для филолога — новые синонимы. Здесь, напр., зовут собственно болотом мокрые места, покрытые мешаным дровяным лесом («пуща»), потому что слой моха очень нетолст, и корни деревьев могут проникать в грунт земли, — места, в сухое время проходимые человеком. «Мхи» (белорусская «нимяреча»), или «мяреча», проросли мохом в толщину нескольких сажен и, кроме редкого сосняка, ничего не выращивают. Окраины мхов густо зарастают ивняком и березником, и на них-то цепляются немногие и редкие селения. В мяречах попадаются именно те непроходимые местности, где гибнут заблудившиеся люди и которые носят название «нетры». Еще страшнее их бывают «твани» — самый безнадежный и ужасный вид болот. Это бывшие некогда озера, поверхность которых заросла не особенно толстым моховым слоем, но густого сплетения. На них после первых поселенцев: водорослей, водных мхов и низших растений, вымерших и истлевших, образовалась уже почва для других болотных растений. Под мохом этих болот содержится разжиженная грязь, сквозь которую свободно проходят шесты в 3–5 сажен длиною. Здесь и бездонные пропасти, называемые «виреями» или «окнами»; ничего древесного не растет, и вся поверхность — «драгва» — настаящая, с поразительным подобием киселя. Не говорим уже о «багнах», тех топких местах, которыми укрыта вся эта мокрая Палестина, заросшая травой «ситником» — мелким камышом, употребляемым на постели. Озера не замерзают вовсе, отчего прямых сообщений между селениями не существует: вместо 5 верст прямика приходится делать до 15–20 верст объезда. По Свитским

мхам, впрочем, идут обозы из Торопца в Ржев, а через Пелецкие мхи, идущие из Торопца в Белый, — два зимних пути. Многие из этих мшистых болот не что иное, как скрытые озера, затянутые тонким слоем моха и различных водяных растений: добраться до дна их шестами нет никакой возможности. Взор путника встречает лишь мешаный дровяной лес: мелкий березняк, ельник, ольшаник и вересковые кустарники, на болотах или мхах реденький сосновый кустарник да те лужи, которые носят характеристическое название «вир» или окон, в сущности представляющих собой бездонные пропасти. Отметим и то немаловажное явление, что реки, направляющиеся в белорусскую сторону, имеют быстрыны и течение стремительное, которое не только весьма затрудняет сношения, но и делает вовсе не возможным для плоскодонных барок обратный путь. Зато Волга с весьма тихим и равномерным течением обеспечила с древнейших времен сношения и открыла свободный путь для колониционных разливов.

Эти болота до такой степени стеснили и обездолили всю страну, что только по берегам рек могло приютиться оседлое население и поставить жилища возле узких полос обработанных полей. Не так давно один корреспондент

Котляревский. Езда весной по Пинским болотам.

«Русского мира» счел событием чрезвычайной важности посещение местным епископом этих забытых мест, до сих пор еще не выдавших ни одного из высших лиц духовной иерархии. Жители этого Полесья у ближайших соседей своих слынут под прозвищем «темных», и в самом деле: при одинаковой плате оброка с соседями (жителями «Полевщины», восточной части уезда, у которых размер озимого посева в худшие годы выходит от 6 до 9 мер на душу) жители Полесья при том же сравнительно безобидном наделе (в $4\frac{1}{2}$ дес.) не могут делать посевов свыше 5, 4 и даже 3 мер. Треть надела у них залегает под порослями, камнями и болотами. Есть волости, в которых на ревизскую душу едва приходится по $\frac{1}{2}$ лошади и по одной корове. Сюда будто бы граф Борис Шереметев, герой Петровских времен, ссылал безнравственных крестьян и тем как бы усилил на половину уезда великорусское влияние. Потомков высланных считают теперь до 1 тысячи человек (в 100 верстах к северу от г. Белого среди неисходных лесов, в сторону города Торопца).

Вся поверхность Пореченского уезда наполнена озерами, образующими обширную водную сеть, почти непрерывную. Большая часть озер соединена между собою так называемыми «межитоками». При этом озера нигде не служат границами, но лежащие вблизи всегда снабжены укреплениями, замками и городищами. Вообще, обилие стоячих, текущих и подземных вод во всем этом северном смоленском Полесье так громадно, что одна из величайших рек России — Днепр — получила здесь свое начало в болоте Мшара, между деревнями Клецевой и Аксюниной. Здесь же нашла себе крупную поддержку в реке Каспле многоводная Западная Двина; попользовалась и матушка-Волга посредством реки, носящей своеобразное название Молодого Туда.

Глядя на это бездолье страны и гигантские препятствия для народных движений, кажется, что человеку и не продрасть здесь — не только с сохой, но и с топором. И в самом деле, эта местность Бельского уезда, составляющая $\frac{1}{5}$ часть всего пространства губернии, населена слабее всех уездов. Лесная область действительно легла

определенную гранью между двумя племенами одного народа. Мокрая страна с страшными болотами надолго сдержала народные переселения, упорно мешала племенным сношениям и объединению, помогла Пскову и Новгороду дольше других удержать независимость и самостоятельность, но, в конце концов, все-таки открыла пути и дозволила проложить дороги. С течением времени, однако, здесь переселенцу удалось преодолеть природные препятствия. На реке этого Полесья — Молодом Туде, довольно глубоком, бегущем извилинами в крутых берегах, мы находим белорусов, известных под местным названием «тудовлян». Река эта вывела белорусов с верховьев Двины и Днепра на верховья Волги. Туд впадает в селе Сквороде, при Самаринской мельнице, в Волгу. Течет Туд быстро, а потому усеян столь выгодными здесь мельницами и богат рыбой (столетними, замечательных размеров щуками, голавлями, окунями и лососками). В жителях сохраняются, вместе с говором и нарядом, добрые черты белорусских нравов: честность, кротость и терпеливость с новым придатком — гостеприимства. Ходят они в узких и коротких полушубках, которые названы «кунтышем». Промыслов тоже никаких не знают и не ведут; занимаются исключительно земледелием; здесь и неизменное дзеканье, и, наконец, классическая дуда — кожаный круглый мешок с приставной к отверстию дудкой, — дуда, играющая не только когда в нее дуют и водят пальцами, но и когда дуть перестанут. Тут живы еще рассказы о капитане-исправнике Бабае, решавшем людские ссоры и прегрешения отеческим судом по старине.

Поверхность земли по этой реке усеяна мелким булыжным камнем, который, однако, как и в великом множестве мест по Белоруссии, не останавливает жителей от земледелия: камни приносят даже пользу тем, что удерживают под собою в сухие лета сырость. И так же как в Белоруссии, здесь на зимних ярмарках (Крещенской и Никольской) торгуют главнее всего товарами домашнего приготовления: холстами и сукнами низшего сорта и привозными самой дешевой цены и сомнительного качества. И это производится на скорую руку, из боязни,

А. Горавский. Замок. 1869.

чтобы не помешали болота, которые замерзают лишь на это злобное зимнее время от Николы, кующего гвозди, до Крещенья, когда на «Водокрещи» мороз трещит в последний раз. Затем вскоре болота начинают вскрываться. Главный пункт и местная влиятельная столица в поволжской Белоруссии — село Молодой Туд, состоящее из 40 дворов, и при нем 45 деревень, а в них до 500 дворов. Некоторые (напр., г. Преображенский в описании Тверской губернии) насчитывают белорусов в Тверской губернии до 125 тысяч, конечно, не только ржевских, зубцовских, но и осташковских. Последняя местность, столь сходственная почвою, столь сродственная по обычаям, в оны времена передвижений белорусского племени с юга на север не могла быть обойдена при облегченных путях сообщения и не могла остаться без белорусского влияния. Оно чувствуется в говоре деревенских жителей, в сходстве некоторых обычаев и в самом городе Осташкове (древнем Кличеве, переименованном при Дмитрие Донском) сохраняет следы обоюдной связи и давнего тяготения. На этот раз доказательства свойства и родственных связей выказались в самом бесспорном и

живом народном начале — религиозности, выражающейся привязанностью к родной патрональной святыне. На том конце города, где начинается дорога в Новгород, давно построен монастырь (женский) Знаменский. На том месте, в сторону Смоленска, где издревле было «церковичье» (остатки церкви на Житном острове), выстроился мужской монастырь в честь иконы Смоленской Божией Матери. Царь Алексей Михайлович принужден был в Осташкове, как пограничном пункте, учредить таможенню и построить крепостцу.

Излишне говорить о том, насколько святые места и святыни служили объединяющим началом для единовременных народностей и сосредоточивали около себя пункты встреч и общений, как в данном случае Нилова пустынь. Сюда ходят не только смоленские великороссы, но и белорусы (через г. Белый), несмотря на то что эта пустынь лежит дальше, еще в 18 верстах за Осташковым. Похожее на осташковское явление двойственных симпатий повторилось и в тверском городе Ржеве, который в те времена, когда назывался еще «Ржевой Володимировой», т. е. во времена новгородской независимости, со всею своею волостью платил половину дани и судебных пошлин великому князю литовскому, а другую половину Великому Господину Новгороду. Около этого же города разбирались споры суздальцев с новгородцами.

Бесполезная борьба с природой сделала жителей угрюмыми, сосредоточенными в себе до меланхолии, а неплодородие почвы наложило на них как бы печать отчаяния. Народ побежал искать заработков на юг. С незапамятных времен все громадные рыбные озера витебской Белоруссии берутся в аренду и облавливаются исключительно сумрачными «осташами», которых суеверный туземный народ считает колдунами и чертовыми братьями. Думаешь вытащить сеть с целым стадом лещей, вытаскиваешь разных большеголовых страшилищ с огненными глазами и с кожаными перепончатыми крыльями. Все бедокурит осташ. Одна легенда рассказывает, что самого черта видели в образе осташа, т. е. рыбаком в кожаном фартуке, с широкой бородой и круглым красным лицом.

Сидит он на гнилом пне и орет нескладным голосом песни. От пения его, как сумасшедшие, взлетают на воздухе утки; звери выбегают из лесов и мчатся как угорелые по долам и горам; воют собаки; у людей пробегает дрожь по телу, и волосы становятся дыбом. А в песне его все хвастовство: «Все, — говорит, — мое», — все озера его: и Ситно, и Глубокое, и Лазно, и Нещедра, и Невядра, и Невельское. «Як мое, дак мое, усе мое», т. е. все большие и рыбные озера. Поет с вечера до полуночи.

Тем не менее подобный путь сближений очень жив, а чрез то и поддержка издревле схожих черт быта, языка и нравов действительна. Впрочем, самый город Осташков, как и все другие, неблагонадежные в национальном консерватизме, по нахождению своему на распутье многих дорог, отличается решительным преобладанием великорусского облика. В этом чистеньком городе сильно развиты промыслы и ремесла, сверх известного всей России сапожного, еще и кустарное, железное — производство разных домашних орудий. Точно так же красивый и живописный Ржев, промышленный город на все руки, как истый великорусский город московского пошиба. Ржев известен уже разнообразными заводскими и фабричными производствами, начиная от кожевенных, канатных и веревочных до красочных (бакан и кармин) и кондитерских заведений (пастила). Отхожие промыслы здесь и там разнообразятся до бесконечности; так, напр., из Зубцовского уезда (из древнего посада Погорелого Городища) ездят даже на Кавказ, в Ленкорань, за пиявками.

Осташковский уезд ввел нас в ту страну великих водоразделов, которая с севера замкнута группою холмов, носящих не свойственное им прозвище Валдайских гор и Алаунской, или Волжской, возвышенности. Здесь тянулся тот древний Оковский лес, который был всегда порубежным для Новгорода, Литвы и Твери. Здесь черта, отделяющая водоем Волги от Западной Двины, находится всего верстах в девяти от водораздельной черты, отделяющей Волгу от неевского бассейна, и притом так, что между озером Двинец, выпускающим Двину,

залегло довольно большое озерко (Орлино) со стоком (р. Орлинкой) к Волге. На востоке, через болотные леса, эта черта уходит в Бельский уезд; на западе она огибает верховья реки Межи. На ней, как и на Каспле, до сих пор сохранился у судовых рабочих, называемых здесь «сходными», идущими до Риги, обычай называть левый берег обеих рек литовским, а правый — русским, по тому же праву, как в Псковской губернии, на подобном же племенном рубеже, второй лед, идущий сверху, из Витебской губернии (лед синий, первый белесоватый), по рекам Ловати и Коломенке, называется «поляком». Этим последним льдом река и становится.

Вблизи этого же водораздела определена была и политическая граница в 1441 году по договору литовского князя Казимира Королевича с Новгородом, гласившему, что «торопчанам, витеблянам и полочанам не быти на Березовце, на Стержи, на Жабне»: все по Литве. «А в Новгородской области не надобе ни што иное Литве ни на Демяни, ни на Цене, ни на Полонове; не надобе брати черное куны, ни иное ничтож». Торопец на р. Торопе, впадающей в Двину, имевший сначала своего князя и вече, а потом принужденный подчиниться, вошел в состав не Псковской земли, а Смоленского княжества. Будучи порубежным, он много терпел от Литвы и всегда принимался в расчет и соображение при мирных договорах. По окончании войн поляки принимали на себя всегдашнее обязательство «Торопец не воевати и ничем не защепляти». Зато нигде, как здесь, не сохраняется столько преданий о литовских разорениях, и в местных курганах все ищут зарытых в то время денег. Теперь за торопчанами остается то же бранное прозвище «мезговников» (за подмесь к муке для пищи сосновой мезги, или заболони) — прозвище, присвоенное множеству городов в Белоруссии, но приличное всем городам и деревням этого малохлебного края, с редкими лишь исключениями.

Реки Торопа, Межа и Каспля, посредством Западной Двины, вводят нас в ту губернию, жители которой давно и решительным образом заявили протест против родины и бегут из нее куда глаза глядят. Отсюда «копачи», т. е.

землекопы, ходят артелями и выносят из дому только полотняные, а иные суконные белые штаны, небольшую сумку, рубаху (конечно, по-белорусски, с прямым воротом), за поясом топор, на плече заступ да дня на три печеного хлеба — и только. В таком виде уходят витебские на работу верст за 500 в качестве и звании «грабарей», или землекопов. Другого промысла они не знают, но зато этот исполняют так, как никто. Пограничная черта приводит нас севернее местечка Усвята (Велижского уезда Витебской губернии) на политическую границу первого из трех Инфлянтских уездов (Динабургский, Люцинский и Режицкий), населенных латышами. Эта линия захватывает верховья рек Ловати и Великой и характерно выражается целым рядом развалин крепостей и замков, выстроенных польскими королями и московскими царями (последними — Велиж, Себеж и Невель). В особенности этот северный белорусский рубеж замечателен тем, что определился по уездам Невельскому, Себежскому и Городецкому линией поселений доживших до нашего времени так называемых «панцирных бояр» — остатков древней польской земщины, обязанных именно охранять границы и нести пограничную военную службу. Линия, идя на Себеж, включает в Белоруссию часть Опочецкого уезда Псковской губернии и в этой последней совпадает с той прямой пограничной чертой, которою отделил Шафарик местопребывание литовского племени. Замечательно при этом, что на границе латышей и великороссов, в белорусском Себежском уезде (в с.-з. части), лежит болото в 136 кв. верст. Чешский ученый ведет пограничную черту от Печор и Изборска (Псковского уезда) на селение Занкевичи на р. Вилии, при соприкосновении трех уездов Виленской губернии: Свенцянского, Виленского и Ошмянского. Далее идет она на селение Бершты около Гродно, на Белосток и Заблудово и на юго-востоке до того известного Полесья, часть которого носит название Беловежской Пущи. Около Свислочи, Крынок, Яловки и м. Гродка живут уже настоящие (как называют там) «дэкалы», или дэкалы, со своим языком, называемым здесь литовским. Вся эта местность

известна более под именем «Подлясья». Здесь в мокрых местах некогда выжили и выродились ятвяги, а теперь остался троякий рубеж. Отделяя белорусов от Литвы и от малороссов, он в то же время тянется по местам жительства ляхитского племени, говорящего двояким языком: мазовецким и королевским. Таким образом, на долю белорусов и на этот раз, в подтверждение общего правила для всех бессильных племен, достались верховья рек: Немана, Западного Буга и Нарева, но с тем исключением, что на двух последних реках белорусам принадлежат только левые берега. Точно так же жители Пружанского и Волковысского уездов Гродненской губернии называют всю землю, лежащую по правую сторону реки Буга, «Подляхией» (под ляхами), а жителей (т. е. всех живущих в бывшей Белостоцкой области) «полешуками». Полешуки, а чаще «пинчуки», остаются, таким образом, обитателями настоящего Полесья как потомки древних дреговичей — жителей огромной дрягвы, или болот. Этот переход от Белоруссии к Малороссии не особенно типично выражается в говоре, а с известной постепенностью. Для примера возьмем первое попавшееся слово: белорусское «хадзили» в первой по тракту из Минска в Пинск деревне Хотыничи является уже с твердым о: «ходзили», в следующей деревне — Бобровке говорят «ходили», а еще далее, в Плоскинях, — «ходыли».

Н. Орда. Лида над рекой Лидеей. 1873.

Севернее Слонима племенная граница входит в Минскую губернию, где тянется по самой южной окраине уезда Новогрудского и по середине Слуцкого. В Слуцком уезде она отделяет северных «полян», сидящих на возделанных полях и почти безлесных местах, от «полецуков», населяющих знаменитое припятское Полесье. От устьев Сожа пограничная линия идет далее, отделяя пять северных уездов Черниговской губ., и пересекает то черниговское Полесье, о котором мы уже говорили. Направляясь параллельно берегу Десны, эта линия выделяет весь Рославльский уезд Смоленской губернии, населенный коренными белорусами, подлежащими описанию по задаче статьи нашей, и составляющий южную часть белорусской Смоленщины.

Смоленские белорусы

Чего, черце, у балоте сядзишь?

— Бо привык.

Навколо вода, в середине беда.

Белорусские поговорки

Ой, не всхожее мае сямено,

Не взрощенная мая маць-земля.

Из народной песни

В области Десны сухощавому, довольно высокому, наделенному крепким телосложением, черноволосому степняку-малороссу природа противопоставляет белокурого белоруса, небольшого роста (редко выше 2 арш. 3 вер.), слабого телосложением, с вялым взором, при светлых глазах и белой одежде. Степняк сбрил бороду, опустил книзу усы и на своих длинных ногах ходит тою медленною походкою, которая столько в нем характерна и отличительна и показывает собою полную беспечность характера с уверенностью в том, что вовсе некуда спешить и незачем бегать. Белорус с реденькой бородой клином на том же базаре отличается проворством и легкостью в движениях, стремлением хитрить и недоверчивостью при торговых

делках. Но и в нем сквозит некоторая распушенность с придатком вялости, столь характерным во всяком ленивом человеке. Впрочем, это только на первый взгляд: в сущности — самодовольная, сановитая лень степняка не что иное, как естественное спокойствие сытого человека, получившего сполна все то, чего желал, и в то же время лишённого всякой возможности получить неизвестное большее. Земля с избытком вознаграждает его труд — отсюда известного рода беззаботность и порывы к веселью, потому что есть на что выпить и притом некуда деться этому исходному домоседу. Белорусская беспечность тоже кажущаяся: в сущности, это самый трудолюбивый человек, которого скудная почва и природа-мачеха выучили беспримерному терпению, безграничной готовности ко всякой работе; но у него отнялись руки. Он перепробовал многое и нигде не нашел удачи; чрезмерные труды надорвали силы, постоянные беды довели до состояния отчаяния. Он стал казаться апатичным только в силу того, что природа наделила его слишком мягким и нежным характером, и оказался лишённым всякой энергии по силе предвходящих исторических причин. Белорус пьет водку и напивается до бесчувствия уже не потому, что дешева у него горилка и «мае гроши», а уже прямо с неключимого и неисходного горя.

— Рандар, рандар! Атчини вароты, дай гарилки! Ах-ци якая мяцелица: саусим перезябли, и кони чуць цягнуць, и ночь цёмная, ничаго ня видна, и дорогу так замяло, што и найци ня можно. Рандар, рандар, атчини вароты, наливавай гарилки!

В шинках и корчмах покупают водку не на деньги, которых в особенности мало, а на все, что в доме попадет под руку, и больше на то, из чего гонится и самая эта водка. Она есть один из тех рычагов, на котором крепко сидит и вертится вся печальная и скудная жизнь здешнего деревенского жителя.

Насколько здешний крестьянин любит горилку, настолько он охотник до «файки» или «люльки», т. е. любит покурить нежинские корешки, кстати сказать — большими обозами проходящие по пяти трактам Белоруссии в Москву и Петербург.

П. Барковский. Белорусская корчма. XIX в.

Белорус также домосед, не спознавший выхода из тяжелого положения и успевший в одной из своих то-скливых песен высказаться так:

Чужая сторона
Тугю́ брана,
Слезками поли́вана.

Да и своя не лучше. Вот для образца тот угол Черниговской губернии (уезды Мглинский и Суражский), который населен белорусами чистого, беспримесного типа, а уголок Минского уезда непосредственно примыкает к Рославльскому. Здесь живут также необлыжные белорусы, каковых даже перестали называть «литвинами». Почва здесь — либо глина с песком, и в таком случае подпочва также песок, либо глина с самым малым количеством песку, но с известковою подпочвою и оттого на низинах влажная и холодная. Урожаи не вознаграждают посева, и земли принадлежат к самым скудным во всей Белоруссии. Для смежной южной части Рославльского уезда природа, не послушавшись политической границы (каковые вообще в этнографическом и экономическом отношении утратили значение), не сделала исключения: одинаковое бесплодие — как черта самая характерная.

Нет хлеба, соли,
Нет счастья, доли!
Поле пущеець,
И нечем сеець.
Не будзем жици,
Пойдзим блудзици —

тоскует песня на бесплодных и неблагодарных полях, но лишь про домашний обиход, на очистку совести, а не для фактического применения на деле. В местных архивах остались следы всеобщего ропота и неудовольствия, какими встречено было проведение дорог при Екатерине II, сделанных превосходно. Однако дорогам этим не удалось указать путей для выхода из бездолья, не вывели они домоседов на вольный простор. В сущности, смоленские белорусы блуждают только в пределах своей страны, не дальше Поречья и пристаней на Днестре и Двине, занимаясь самым дешевым по вымыслу промыслом извоза. Выручают их в этом случае такие же маленькие, но такие же терпеливые и устойчивые на ходу хохлатые лошадки. Больше 15 пудов на них не кладут, для чего приспособлены и телеги легонькие, самого нехитрого устройства, на очень низких колесах, никогда не обшитых железными шинами. В телеге нет ни одного гвоздя; все части ее деревянные, даже железные втулки почитаются редкостью. Телега состоит из деревянной рамки, укрепленной на двух низеньких подушках, укрепленных на осях. В четырех концах рамки маленькие столбики, сквозь которые продеты деревянные дужки, концами в рамку. В дужки вдеваются дранички соразмерно с длиною телеги и так низко, что на больших кочках, при неосторожности, приходилось через край телеги вываливаться в грязь и терять путевые вещи. Этот экипаж одинакового устройства, без всяких изменений, распространен по всей стране. В нем на гладких местах дороги приходилось любоваться на ту добросовестную настойчивость, с какою тянула пара лошадок нашу собственную тяжесть, и всматриваться на досуге в те украшения, какими снабдил бедный хозяин своего верного друга. Хомутина редко обшита кожей, чаще холстом, а бывало, что просто-напросто жгутом,

свитым из соломы. Дуга тоненькая, низенькая, смешная, а седелки сплошь и рядом совсем не оказывалось. Шлея связывается из пеньковой и посконной тесьмы, а частенько случалось, что и шлеи мы не видали, — думали: «Поторопился ямщик или забыл», — на самом деле таков обычай — обычай по бедности. Она сквозит и в вожжах, и в оброти⁶⁸, и в гужах: они все лычные и, в лучшем случае, веревочные — пеньковые, но не ременные. Точно для этого народа еще не наступил железный век, а все еще продолжается каменный (белорус, между прочим, не умеет пилить бревен, а пока еще колет клином и тешет их тупым, чуть ли не каменным топором).

Вместо лошадей в той же упряжи, под дугой и в оглоблях ходит бычок. Смешную фигуру его в таком неприличном наряде можно видеть даже в губернских городах на базарах, где покупают, между прочим, и дуги из тонкой ветлы или молодого дубка за 7–10 копеек; оглобли, точно по заказу, всегда кривые, делаются дома, из ворованного лесу. При этом для покупок белорусы по базару ходят всегда втроем или вчетвером, гуськом, и так, что передний оказывается самым опытным и посмелее других, а потому и водит за собою товарищей в качестве эксперта.

В деревушке, которую надо считать большою, потому что в ней 12 дворов, мы увидим очень подержанные избы, которые, не шутя, почти все, точно по указу, покосились набок и плаксиво глядят на нас подслеповатыми окошечками, точно щелками. Мы разохотились было искать на гумне сараев, но нашли только закоптелый маленький курятник. Это — *ёвня*, похожая на овин лишь лексически, на самом же деле имеющая с ним общее только в назначении сушить сжатый хлеб. К великому удивлению, мы не нашли во всей деревне того, чем красно всякое великорусское селение, даже одинокое, без чего оно дня не живет с самых древнейших времен, — мы не нашли бани. Впоследствии отыскивали их в других деревнях, но как редкость: одну-две на всех жителей. Точно так же и с трубами: в одной деревне Гродненской

⁶⁸ Недоуздок.

губернии, состоящей из 43 дворов, мы насчитали только три трубы, выведенные на крышу и, конечно, деревянные.

Идем в избу, или, собственно, по-тамошнему, в хату, потому что хотя в Белой Руси и сохра-

Белорусская хата XIX — начала XX в.

нилось в слове «истопка» прямое указание на корень слова «изба» и его толкование, но здесь «изобка, истопка», а кое-где даже и просто «стёбка» означает холодную, нетопленую горенку, служащую кладовой, в некоторых случаях пристроенную к самой хате. Осмотримся здесь. Замечательно, что в одной — все то же и так же, как и во всех других: подобного настойчивого стремления не отличаться от других редко можно где-нибудь встретить. Вот *кубел* — большой ушат (а не сундук), в котором хранится вся одежда, вот и *колыска* (колыбель), в которой пищит маленький ребенок, «божница» в красном углу, где хранятся не только иконы, но и денежная казна семейства, рядом с желтенькой грошовой восковой свечой, поминальником и записками должника. Под божницей стол на *козюлях*, т. е. на двух крестах. Вот и благодетельница печь — конечно, без трубы по всему «дзekaющему» краю, но при этом прямо против чела⁶⁹ печи прорублена дыра, которая называется *окном волоковым* (выволакивающим из курной избы дым). Кроме этой дыры, задвигаемой доской наглухо, бывает еще окно «красное», также обязательное для всякой хаты: без него нельзя. Кто хочет щегольнуть, пускает его в высоту четверти на три. От печки до противоположной стены настланы доски, что служат спальнею и называются во всей России полатами, а здесь «полом». Собственно же «пол» (обыкновенно из осиновых досок,

⁶⁹ Наружное отверстие русской печи.

всегда нестерпимо грязный) величают «мостом», если в самом деле намощен. Обыкновенно же настилки вовсе нет, а заменяется она землею, крепко утрамбованною и поверху покрытою глиной. Эта глина перемешана с конским калом, для того чтобы не отставала пластинами или чешуей или не трескалась. Зимой этот пол очень холоден и в таком случае требует снаружи устройства заваленки, набитой кострой⁷⁰, а сверху накрытой землей. От этого в избе тепло и не сквозит, но пол всегда холоден, и всегда на нем валяются или ползают полунагие ребятишки, покрытые толстым слоем грязи, в неизбежном соседстве с теляткою и поросятами, с петухом и курами. Мы не иначе вспоминаем теперь эту избу, как: либо ребенок свернулся калачиком на холодном полу подле теляткы и спит, обогреваемый этим соседом, либо курица долбанула его в голову, причем отняла у него кусок хлеба и вызвала неистовый плач, который кончается, после истощения сил, глубоким и крепким сном. Домашних нет ни души: никто не может, да и не любит, сидеть дома, оттого и ребята все на полу, потому что с полатай они могут свалиться и изуродоваться.

Хаты строятся просто. Вот построенная на славу и стойкая хозяйину 40 рублей. В землю вкопаны 12 ступьев, и все эти бревна для прочности на одном конце обуглены и этим концом врыты в землю. В каждый угол заложено по большому камню, и на них положены все венцы из бревен: толстых на низу, потоньше кверху до потолка, выше которого венцы идут все короче и короче в треугольнике и заменяют собою стропила. В основание крыши легли жердины, укрепленные концами на венцах и прикрытые дранью в лесистых местах, соломой в безлесных местах. Дранью кроется изба скоро, но не прочно, а потому солома во всех деревнях бьет в глаза чаще и больше дерева. Дрань потребовала желобов (стрех — по-здешнему, «руцешка») для укрепления концов и стока воды и «покрыши» из толстого осинового бревна, обтесанного в треугольник и укрепленного на

⁷⁰ Остатки стеблей льна, конопля после трепания и чесания.

самом верху крыши. Но дрань от дождей и снега обыкновенно загнивает, перекладыны и упорки следуют ее примеру. В желобах без стока вода постоянно застаивается, и не прошло два года, крыша испортилась: и смешно и обидно. Ухитили крышу соломой; тут чернеют остатки гнилой драни, а здесь солома, прикрепленная жердочками, выставила свои нестриженные хохлы. Ветер колышет лапками ельника или хворостинкой, брошенными сюда больше для очистки совести, чем в виде гнета на помощь соломе. Несмотря на этих притеснителей, солома ползет себе да ползет долой и ветром сносится на клеть либо на избу соседа. А в самой избе текут на потолок и сквозь него неугомонные потоки. Надо сказать правду, что и соломой белорусы покрывать свои утлые хаты не умеют.

Не для полноты картины унылого вида деревни сказали мы раньше, что белорусские хаты кривые, всегда погнуты на какой-либо бок: причина тому очевидна. Если по завалинке мы выучились судить о том, что, значит, в той хате битый земляной пол, то привыкли также распознавать, что если хата скривилась на тот или другой бок — значит, в том углу печка. Во всей Белоруссии при устройстве печи такой прием: основанием служит деревянный опечек, поставленный прямо на переводинах пола у самой стены, в которую и врублены связи. Через два года изба начинает осаживать именно в этот угол. Углы спешат разойтись; сквозь них проходит дух; они начинают преть, гнить, и изба кривится набок. Только в местностях, соседних с великороссами, выучились устраивать опечек на особых столбах и в расстоянии от стены на пол-аршина. В этом переулочке хозяйка ставит ухваты, помело, кочергу; оттуда услышишь кудахтанье куриц, мяуканье кошки или визг щенка. В этих местах и соломенные крыши делаются под щетку и стоят лет 40 и, покрытые соломенными снопами, безукоризненно служат по 10 лет.

У печки, как на почетном и главном месте, находится всегда старшая в доме, т. е. старшая сноха (а не мать); у ней в подручные взята из чужих людей вторая сноха. Вообще, везде ведут дом молодые люди; старики в полной отставке, и такой, о которой Великороссия не имеет

Белорусская хата.

ни малейшего понятия. Остановленные на этом явлении, мы усиленно всматривались в домашний быт, спрашивали: где эти большаки-установщики⁷¹, от тяжелых рук которых трещат чубы у детей и внуков, а из ежовых рукавиц еще

никто не вывертывался? Обычай ссаживал их в 60 лет с тягла⁷², но из воли их выходить никто не решался. Умны были старушки и умели править не только избой, но и миром, и не только мужчины, но и женщины, вдовы, для которых сложился на Руси давний закон: овдоветь — помнеть. По пословице: «и не велик большак, да булава при нем», все смотрели на стариков как на уставщиков, советников и заступников не из одного страха, но и из полного, сознательного уважения к их мудрым советам, крепким и верным по опыту жизни. Наоборот — в Белоруссии мы искали старика и не нашли вовсе в буквальном и переносном смысле. Здесь вообще скоро стареют, на дурной пище, от чрезмерных трудов, и человек в 30 лет с небольшим — уже старик подлинный. Как только стал он ослабевать, не поспевая за другими, его гонят на печь и велют молчать. В самом деле, в любой хате стариков ищи где-нибудь в темном углу безропотными, забитыми и молчаливыми. У стариков три дороги: первая — ступай в деды и ходи «дзядулей» по подоконьям с раннего утра и на «Лазаря» выпекай овсяные блины. И в Белоруссии, говоря словами местной пословицы, «старцу сяло (село) не наклад», т. е. везде они у богатых мужиков найдут хлеб-соль и временную угреву. Вторая дорога для престарелых: ложись в сырую землю, а не

⁷¹ Большак — старший в доме.

⁷² Система крестьянской повинности, подушная подать.

берет смерть — впрягайся в самую тяжелую работу: «надевай ярмо в самом деле воловье». Белорусский старик в одно время и сторож, и гуменник: он присматривает и за пчелами, чтобы рой не ушел; он собирает крапиву для кормовых свиней, для которых полагается особое место жительства — «котуха» — особое помещение в сенях вместе с птицей, телятами и поросятами. Старик в белорусской семье найди за всем вышеуказанным час и время взять в руки «коцатык» или «спику», т. е. кривое костяное шило, и «подковыряй» лапти для молодух. Он же обязан на ручных жерновах намолоть муки на хлеб для всей семьи и для скота. Им командуют решительно все, кому только не лень и не жалко. В этом случае по достоинству и услуге цена, и учет производится самым строгим образом, по смыслу и значению в скудном и тяжелом домашнем хозяйстве, а совсем не по принципу или по народному бессердечию. Надо видеть в то же время, сколько холи, баловства и послаблений там чужому человеку или сиротке, оставшемуся без отца и матери. Сирот стараются наперерыв друг перед другом взять в семью «примнем», или «примаком», без разбору: будет ли то девочка или «хлопчик». Из мальчика выйдет молодой работник со свежими силами, а девочка возьмет к себе парня в «приставни», т. е. в ту же хату хозяином и таким же бесплатным рабочим. Сироты растут всем довольные и обеспеченные, и еще не было примера, чтобы примак или примачка оставили хату и хозяйство своего приемщика; благодарность — одно из живых и явных чувств в этом скрытом и замкнутом в себе народе.

Не выходя из хаты, осмотрим, кстати, «кубел», т. е. узнаем, во что мужик и баба одеваются, чем богаты они и в чем состоит их движимое имущество. Вот холст на новые рубахи из поскони, так дурно вычищенной и торопливо сотканной, что будет обдирать живое тело и, по нашему, едва-едва годится на базарные мешки, и то под зерновой хлеб. Осмотренное нельзя похвалить — да и не хвастаются. Вот эта красная «хустка» — бумажный платок — на «красник» (т. е. на красном торгу) куплена для дочки Ганки, а рядом и «косник», там же приобретенная

лента в косу второй дочки Проси (Евфросиньи), и «камзелька» (жилет), выменянная у еврея на хлеб для обоих сыновей, Автуха (Евтихия) и Атроха (Трофима), чтобы носили оба по праздникам и по очереди. Если порыться в кубеле еще, попадем, пожалуй, на «крали», т. е. красные, зеленые и желтые бусы, которые бережет старшая сноха в доме для себя и надевает их на шею в праздник, когда идет в церковь к обедне, вместе с медным крестом, выпущенным сверх платья на красной шерстяной тесемке. Тут же подле и в том же кубеле — праздничные «ходаки», т. е. род кожаных башмаков, при которых полагаются для окрутки ноги, вместо лычных веревок, черные суконные оборы. Если, при осмотре кубела, порасспросить старшую сноху, то окажется, что тут же, в этом небольшом сосуде, и скопленное приданое невесты; сверх того, что на ней, — «ковалка» два-три, аршина в три длиною, домашнего холста на рубашечный стан, новый кабат, новый андарак, да и все. При этом несчастная подвижность эта столь высока в цене, что, по смерти жены, вдовец должен возвратить эти приданные вещи обратно теще. Все остальное богатство, все носильное платье — на себе неснимаемо и несменяемо, пока не превратится в труху, за исключением зимнего коротенького полушубка, надеваемого под летнюю свиту. Полушубок валяется на полу, т. е. на полатах.

«И у людзи и у кабак все адзин андарак», — говорят эти бедные люди. *Андарак* — женский наряд: праздничная суконная синего цвета юбка, летом и зимой одна и та же. К нему пришивается *кабат* — суконный же лиф всегда красного цвета, без рукавов, и оба домашнего изделия (евреи считают унижительным для себя шитье грубых крестьянских одежд). Для этого имеются особые мастера, которые здесь называются против нашего наоборот: «кравец» — сшивающий овчины на полушубки, а «шевец», или «швец», здесь означает сапожника. Местечко Могилевской губернии Дребен прославилось тем, что отсюда выходят «шаповалы» и выкатываются из войлочного лоскута те классические колпаки, которые называются *магерками* и которые белорус снимает только перед Богом, да

перед паном, да когда ложится спать. Спать ложится прямо на пол, не раздеваясь, и в том, в чем ходит целый день (свита — одежда и одеяло), выставив ноги в лаптях, тоже домашнего приготовления. Это собственно лапти, т. е. легкие, сделанные на скорую руку, не совсем прочные, но из лыка, либо густо сплетенные на русский манер, крепкие, на которые идет лыка втрое больше и которые называются «похлопни», либо, наконец, щегольские и аристократические «каверзни», самые крепкие и прочные, потому что подплетаются пенькой.

После одежды и жилища (и не выходя из последнего) следует говорить о пище, перечислить то, что едят. Вот тут задача немалая и трудная; ответ подобрать нелегко. А все-таки надо попробовать.

Пришла старшая сноха в праздник от обедни вместе с ребятами: в чистой и белой наметке из куска холста в 4 аршина длины, навитого на голову так, что концы на пол-аршина висят на плечах: что-то вроде чалмы — некрасиво, но типично, потому что наметки носят только одни белорусские женщины, и в этом для нас также этнографический признак племени. Девушку в этой наметке можно распознать только по волосам, видимым из-под повязки, тогда как замужние волосы совершенно прячут. Младшая сноха тем временем все приготовила: у ней на столе целый столб свежих, но простывших овсяных блинов, сложенных на деревянной тарелке. В печи верещат щи, и лежит подле деревянной солонки и деревянной (тоже домашнего досужества) кружки с квасом в виде ведра большой «бохан» (каравай) хлеба, того самого, который известен под именем «пушного» и за который всех белорусов прозвали «мякинниками», от которого у малых ребят большие вздутые животы, а у больших — частые колики и постоянное худосочие. «Пушном» здесь называется мякина, и в надломленном куске эти неотвеянные ржаные усы, вместе со стеблями, делают из куска хлеба решительное подобие комка грязи, взятой прямо с улицы и высушенной: где соломинка, а где и целый кусок щепки; некрасиво и грязно и непривычными зубами не гложется. Впрочем, для прихотливых и у богатых имеется

в подспорье «сковородник» — лепешка, испеченная на сковородке, и в придачу эти блины, заменяющие пироги, которых белорусы не знают вовсе, пожалуй, и клецки, т. е. галушки, и «колтуны», или пельмени, и «грибок», драчена и «латки» — оладьи, «налесники», пресные блинчики. Вместо щей — «панцак», или «груца», — суп из толченых ячневых круп, или «крупник», похлебка с крупой. У кого есть корова, у того и «скалотины» — пахтанье, и «сырники» — вареники с творогом, и «постоялка» — пресное молоко. Впрочем, все больше овощи: «снытка», ботвинья из свекольного листа, «ражинка» — брюква, «губы», или грибы, но все квашеное и ничего соленого (приготовленного в крепкий прок) — квашеное за дороговизной и крайним недостатком соли. Зато у всех и у каждого «шмалец» — соленое свиное сало, без которого белорусу и не жить на белом свете. Сало это и в договорах на работу на первом месте, и в большие праздники дома на разговенье, и в дороге за пазухой, как о том давно сказано: «Кто свиню мае, той и недзелю (праздник воскресенья) знае». Свиньи, исправляя роль городских санитаров, до того овладели правом гражданства, что даже в губернских городах остаются свободными и независимыми, рядом с еврейской козой, пропитывающейся также на общественный счет и на кошт зазевавшегося на базаре мужика. Здешние черные свиньи носят большие, торчащие клыки, как бы в доказательство того, что они очень часто огуливаются с дикими лесными кабанями. Возвращаясь из лесов в ноябре, они приводят за собой огромные стада приплода: у нашего знакомого девять свиней привели сорок две штуки молодиков. Словом, сало для белоруса — то же, что сельдь для всего севера, сушеный судак для всей лесной Великороссии, чехонь и вобла для Поволжья; то же, что сельдь с кофейными перемалками для петербургской бедноты и кухарок.

Если присчитать ко всему упомянутому *школондзу* — толстую копченую колбасу, да несколько обеденных, праздничных блюд (осенью — курочку или поросенка), то и весь разносол, или «страва», почти перечислен, а затем опять «шкода» и еще «шкода», т.

е. беда повсеместная и горе житейское, непокрытое и неизбежное, в хате и в поле. Едучи осенью по Днепру, мы видели замечательно рослых баб (составляющих здесь редкое исключение изо всего Белорусского края), видели в деревне все печи, затопленные по окончании ломовых осенних работ, и, удивившись поздней топке, спрашивали: «Бульбу варят?» — отвечали нам: бульбу, т. е. один только картофель да пушной хлеб, а затопили печи сегодня в первый еще раз — значит, завтракали всухомятку.

Насколько народ неприхотлив в пище, настолько же он неразборчив на воду. Дурная колодезная и вредная болотная играют видную роль, потому что народ привык селиться без разбора, лишь бы удалиться в лесную глушь, спрятаться подальше от большого проезжего тракта и от многолюдного соседства. На приболотных местах дети растут очень медленно, вялы, одутловаты; мышцы слабо развиты; грудь узкая, живот большой.

Не умывшись, белорус садится есть и едет работать, но обязательно умывается, когда идет в церковь молиться Богу или на «крыницу» (колодезь или родник) за водой. Он никогда не станет точить топор, когда хлеба сидят в печи; в то же время женщины стараются не сажать наседок, чтобы не испортить яйца. Пока хлеб прозябает в земле, даже когда еще задумывают его сеять, а тем более когда его убирают, — у белорусов разнообразный и бесконечный цикл обычаев, примет и суеверий, как и следует быть у неудачливого, но исконного и исключительного земледельца. Из группировки этих верований составляется полная мифология, вся языческая славянская вера до христианского культа, сохранившаяся под шумок борьбы двух коренных исповеданий (православного и католического) и безличного третьего (унии). Краткий рассказ наш не вместит во всей полноте этих языческих цельных и живых верований как характерного и типичного народного достояния.

Основание всего быта этого племени — земледелие. Белорусы — земледельцы по преимуществу и пахари исключительные, давно уже выговорившие заветное

правило: «Умирать собираешься, а хлеб сей». На тех землях, с которых великороссы давно уже убежали в отхожие промыслы, эти основывают надежды существования с упрямством, настойчивостью и постоянством. При этом труд и надежды обращаются на каменистые и песчаные почвы и на такие земли, которые не успели отдохнуть под паром и по несколько лет не удобрялись. В результате, при лучших условиях, урожай средним счетом не свыше пяти зерен, но ниспадает в иных местах до 2½. Десять десятин весьма часто не обеспечивают жизни. Дробные дележи малосемейных стали обыкновенными и еще более усугубили несчастье.

Среди таких злых и враждебных сил смоленские белорусы выросли и воспитались в ту особицу, у которой получились резкие отличия от всех соседей. Вот что наблюдается в Смоленской губернии, в обеих ее разнородных половинах. Восточный житель (великоросс), говорят опытные наблюдатели, сметлив, деятелен, заботлив в семье, изворотлив в отыскании средств к жизни, зажиточен и опрятен, бодр и свеж видом. Жители западной полосы Смоленской губернии (белорусы) вялы, малорослы, мешковаты, пренебрегают удобствами жизни, отличаются недостатком сметливости; любовь к труду соединена с терпением и некоторым добродушием не по сознанию, а по лености. Ко всему этому присоединяется лукавство и скрытность, ловкая уклончивость в прямых ответах, даже на дешевые обыденные вопросы, — свойства как продукт исторической жизни и политического воспитания. Белорус, между прочим, отличается самыми яркими чертами скопидомства, доводимого до крайней скаредности. Как бы ни был богат и зажиточен крестьянин, хотя бы у него хранились в ямах еще дедовские хлебные запасы в зерне, — он помнит час смертный и ест хлеб с мякиной. У него на этот раз имеется еще новый сорт хлеба, называемый «субором». Это — смесь овса, гречи, ячменя и немного ржи, смолотых, по обычаю, на скверных домашних жерновах, вместе с шелухой и соломой. Такая пища недаром развила в народе худосочие, выражающееся характерным видом болезни волос, так называемым колтуном (*plica polonica*), развивающимся

только в этой болотистой стране. В какой степени белорус неразвит в росте и строении груди, очень характерно объясняет таблица, вычисленная по племенному составу новобранцев северо-западных областей в 1875 году. Годные к военной службе, в процентном отношении, расположились в следующем порядке: литовцы — 75,52, поляки — 71,85, жмудины⁷³ — 67,61, русские — 66,20, белорусы — 65,85, евреи 32,67%.

Евреи (талмудисты).

Замечательно при этом то, что лишь только кончаются плодородные земли, сейчас же начинаются жилища белорусов со всех сторон белого света, без исключения. Как только кончились эти уединенные, намеренно обегаящие друг друга жилища, чтобы не потеснить и не обидеть беднейшего соседа, начинаются селенья народа, хлопотливого в ремесле, находчивого на промыслы, у которого мыслительные способности до того живы и изошренны, что устремляются и на духовные предметы, на вопросы веры. В самом деле, нельзя не заметить той особенности по границам белорусского племени, что они неизбежно сопровождаются селениями старообрядцев различных толков и вновь измышленных сект. В старообрядцах и пограничных раскольниках происходили при этом благодаря ослабленному надзору самая энергическая борьба, сильное

⁷³ Этническая группа в составе литовцев.

движение и волнения, вызывавшие экстренные правительственные меры и продолжительные преследования. Известны всем движения в стародубских слободах, организация в них особого сильного и самостоятельного толка «лужковского», история Ветки и закрытие многолюдных строптивных монастырей, богатых вкладами, древними иконами и старопечатными книгами, с огромными церквами, при высочайших колокольнях и т. д. В Орловской губ. (в Севске, Кромах и Болхове), в Калужской, в Опочковском уезде Псковской губернии появлялись скопцы, в смоленском городе Юхнове — хлысты, в Болховском — иконоборцы и «Спасово согласие». Эта собственно приволжская вера забралась сюда при помощи учителя из посадских черниговских слобод. Коренное и давнее старообрядчество сидит по всем торговым городам, и с особенно упорным характером в калужских Сухиничах, в псковских Сольцах, в смоленском Гжатске и т. д. В черниговском селении Крупцы проявлялись даже раскольничьи мощи, в слободе Клинцы основана была типография; в Себежском уезде Витебской губернии, в деревне Обители, собирався собор федосеевцев, постановивший 48 правил, касавшихся религиозной и общественной жизни. В деревне Носе, близ Чудского озера, когда построена была церковь, рассерженные раскольники с публичным пением и кадильницами, огромной толпой, похоронили православного по староверскому обычаю. Даже не уходя столь далеко от смоленских белорусов, припоминаем очень недавний случай такого рода. В 20 верстах от г. Сычевки, в самом центре раскольничьего населения, лежит село Бехтеево, в котором жило несколько староверских попов, устроены «молельни» и хранились «походные церкви». Около 20 лет назад здесь построена была православная церковь. Когда звонили на колокольне ее, бехтеевцы закладывали и завешивали окна и двери; всего лет десять назад в смоленском окружном суде разбиралось дело, где в качестве обвиняемых фигурировало до десятка баб, устроивших в том же селе смехотворное подобие крестного хода на Святой неделе по обычаю православных. Когда однажды загорелись дома церковников и отворена была церковь для выноса

церковных вещей, в нее ворвалась толпа раскольников под предводительством своего попа Иуды. Толпа разрушила и разбила все попадавшееся под руку: иконы, колонки; добралась до алтаря, разломала царские ворота и самый престол с криками: «Разорь, разорь вражье гнездо!»

Словом — в то время, когда повсюду кругом происходили разные энергические движения, доходившие до крайностей фанатизма, — белорусы всегда и неизменно оставались совершенно безразличными и равнодушными. Еще до сих пор никто не мог указать, чтобы какой-нибудь уголок этой неподвижной страны увлекся учением соседей и пленился их старой верой и учением. А между тем — как известно — раскольники из пограничных мест, и уже очень давно, врезались в самую глубь страны и поселились не только в городах слободками, но и целыми деревнями. Беспоповцы преобладают в северной части Северо-Западного края, поповщина сильнее и виднее на юге его. Селились те и другие на свободных помещичьих и церковных землях и предпочитали лесистые места, самые уединенные пущи. Первоначальная аренда ограничивалась орехами, ягодами, грибами и медом. Когда пришельцы обстроились и возделали дикие земли, цена за землю возвысилась, появились контракты, и помещики начали забирать вольных и беспаспортных людей в свои руки, записывали их даже в крепостные. В одной Витебской губернии старообрядцев насчитывают более 50 тысяч, и из них филиппонов, филипповцев и федосеевцев до 40 тысяч. Живя здесь, они прежде всего остаются верными языку, бороде, длинным кафтанам и высоким сапогам, а потом и тому духу изворотливости, изобретательности и предприимчивости, которые столь значительны в промышленном великорусском народе. От белорусов староверы отличаются трезвостью, чистоплотностью и достатком. Они горды и недоверчивы, но честное слово в торговых сделках равняется векселю.

Мы видели их скупщиками меду и воску, белых грибов, полотен и ниток, основателями кафельных и кирпичных заводов; знаем лесопромышленниками, подрядчиками, торговцами скотом и лошадьми, арендаторами садов, а в городах и местечках — огородниками. Этими

великороссами исключительно продовольствуется там другой класс великорусского народа — служилое сословие. Вероятно, по той причине, что большинство старообрядцев — горожане, а коренные белорусы — исключительно сельские жители, великорусское влияние не привилось и уже не первое столетие бьет мимо и работает только про себя. К соседям белорусы совершенно равнодушны и с ними незнакомы. Мы тщательно искали у них отзыва о соседях в присловьях и пословицах и нашли только два.

По второму эпиграфу, выбранному нами для III главы настоящей статьи, видно, какое понятие составил себе белорус о великороссах. Про запас он держит еще другое:

«Тату, тату, лезе черт у хату! — Дарма! абы не москаль».

Но и обе эти поговорки не своего изобретения, а взяты напрокат у малороссов.

Под наибольшим влиянием Великороссии оказывается лишь город Смоленск, некогда прозванный «ожерельем Москвы и России».

Ожерелье России

Азов славен, Смоленск грозен,
а Вильна дивна.
Русское присловье

За мязгой в город ездил, в красные
ряды ходил.
Хоть бейся об Малаховские ворота
(такая нужда и бедность в городе).
Местные поговорки

Смоленск известен еще с тех пор, когда белорусы назывались кривичами. В летописных сказаниях он одновременно упоминается с Киевом, Псковом и Новгородом, вместе с которыми исторические судьбы судили ему впоследствии стать оплотом возрастающего на востоке государства против притязаний сильных соседей, каковы Литва, Польша, Швеция и Тевтонский орден. И если

по количеству нападений и их сил, выпавших на долю всех этих четырех окраинных пунктов, станем судить о степени услуг великорусскому племени каждого из них, то, во всяком случае, первое место принадлежит двум пограничным с Белоруссиею — Пскову и Смоленску, и последнему из них наиболее видное и важное.

В те времена, когда Смоленск был вечевым, или народным, городом и когда он стал потом стольным, или княжеским и, наконец, подвластным Литве и Москве, ему многое благоприятствовало. Счастливое географическое положение выразилось его удачным положением на такой реке, как Днепр, который берет начало там, где плоский характер водораздельных высот, как бы спускающихся уступами, послужил причиною скопления всяких вод (озер, рек, речек, болот) на значительных пространствах. От этого водного обилия и Днепр, как все другие большие реки, имеющие здесь свои истоки (Двина, Волга, Мста), стал судоходным не в далеком расстоянии от истока. Это обстоятельство усилилось еще тем, что в близком расстоянии от города получили начало другие две реки (Сож и Десна) как единственные и притом облегченные пути для торговых сношений и колонизационного движения. Здесь же и тот волок, на восточном склоне которого насчитываются притоки главных рек Московского княжества. С незапамятных времен шел тут летописный «путь из варяг в греки», и, при помощи Каспли, устроилось место для сношений с Ганзою⁷⁴, ливонскими рыцарями и Балтийским морем. У смоленских князей, таким образом, был в руках ключ к землям двинским, волжским и днепровским. Кто владел Смоленском, тот требовал Киева, а в силу этих важных обстоятельств явились последствием те бесконечные войны, которые часто велись государствами Московским и Литовским. Смоленск стоял между двух огней и служил постоянным яблоком раздоров. Когда татары овладели Русью, он

⁷⁴ Торговый союз, составленный в 1210 г. вольными немецкими городами Любеком и Гамбургом; с течением времени к этому союзу примкнули многие другие города, в том числе Новгород и Псков.

подпал под власть Литвы. В 1239 году город опять имел своих князей русского имени и племени, на которых через сто лет (в 1340 г.) объявила притязания возраставшая Москва: московские войска, вместе с татарскими, ходили опустошать смоленские волости. В 1351 году Ольгерд защищал Смоленск от Москвы, а вскоре сам ходил на него войною, опустошал смоленские пригороды, взял Мстиславль. Его примеру следовал и Витовт, занявший Смоленск в 1395 году и владевший им пять лет и затем во второй раз взявший его под свою власть, после чего вся Смоленская область потеряла самостоятельность до 1514 года. Тогда князь Василий Васильевич присоединил город с пригородами к Москве, которая впоследствии (в 1599–1604) постаралась защитить его такою же твердынею, какая была во Пскове, которая сохранилась до наших дней. Новая стена, однако, не удержала 12 тысяч всадников польского короля Сигизмунда IV (1609). По Деулинскому миру (1613), Смоленск отдан был Литве, а по Андрусовскому (1654) — возвращен и навсегда присоединен к Московскому государству.

В 1812 году на смоленские стены навалились новые полчища негаданных завоевателей — французов, шедших здесь на Москву. Только после этого умилилась судьба, действовавшая до тех пор как бы по заказу, но самый город был ослаблен вконец и уже не имел сил подняться и поправиться.

Тревожная жизнь, неизбежно сопровождавшаяся крайними жестокостями и самыми крупными разрушениями, со времен которой деревянный город превращался в пепел, а в каменных сооружениях не оставалось камня на камне, — такая тревожная жизнь оставила яркие следы свои до наших дней. Если в течение семи столетий, при спокойном движении городской жизни, земная толща успевает обогатиться новыми пластами, то нет ничего удивительного, когда нынешний Смоленск с его строениями, не переменив места на новое и оставаясь все на том же старом, стоит не на первоначально избранной почве. Под ним лежат груды прежних развалин на толстом земном пласте, прикрывающем в свою очередь

наиболее древние остатки первобытных жилищ и первобытных укреплений. Из древнейших городов земли Русской едва ли найдется другой, где бы так мало сравнительно сохранилось надземных остатков старины, но где бы в то же время было такое их множество, скрытых под толстыми пластами наносной земли. Развалины всякого рода во множестве окружают и наполняют город: часть их открыта, отрыта и объяснена; другая еще ждет раскопок и земляных работ.

До начала второй половины настоящего столетия найдены остатки четырех каменных сооружений; в текущей половине самым случайным образом нашли еще три. При речке Смядынке, давно пересохшей, оказались следы развалин Борисоглебского мужского монастыря, построенного (1126–1160) смоленским князем Ростиславом Мстиславовичем на том месте, где убит был муромский князь Глеб (1015). На Покровской горе, близ нынешней кладбищенской церкви, по правую сторону Днепра, найдены развалины другого монастыря — Крестовоздвиженского, неизвестного по времени основания, но памятного тем, что в нем, в начале XII века, жил преподобный Авраамий, перешедший сюда из Успенского монастыря, в шести верстах от города, где теперь Селище, или село Богородицкое (по Рославльской дороге). По правую сторону Днепра, на запад, близ деревни Чернушки, отрыты развалины Спасского мужского монастыря, год основания и время упразднения которого неизвестны; уцелел только колокол, сохраняющийся на соборной колокольне, с польскою надписью. При небольшой речке, между предместьем Рачевкою и деревнею Шелновою, открыты следы фундамента Святодухова монастыря, существовавшего еще в XVI веке, потому что на Виленском соборе 1509 года находился игумен этого монастыря Афанасий. На наших глазах, при посещении Смоленска в 1868 году, когда строилась железная дорога, для надобностей ее понравился строителям каменный курган в двух верстах от города и в 1 версте от деревни Шеиной, на том месте, которое называется Крупцом (за то, что тут действительно течет «крупец», т. е. небольшая

речка, вышедшая из горы, короткая, вроде ручья, со всегдашней светлой, чистой и холодной родниковой водой). Когда сняли верхние пласты земли и начали выламывать камень, ломы рабочих-арестантов стали попадать в пустоты. Затем на выломанных одна за другой плитах оказались рисунки, в которых ясно обозначались настенные живописные изображения святых. Когда работы стали производиться тщательнее и правильнее, обнаружилась подземная церковь, отрыты были черепа. Подобные же развалины попались и на самом полотне дороги, и такие же развалины древнего строения, также погребенного под землю, подозреваются смоленскими археологами в том месте, где одна из загородных дорог перекидывается через приметное возвышение, в виде бугра.

Внутри города находится древнейший из монастырей, основанный в начале XII столетия, при сыне Мономаха Мстиславе, преподобным Авраамием Смоленским. Когда в городе гостил польский король Сигизмунд, монастырь был взорван, а царем Алексеем восстановлен уже на новом месте. Мощи смоленских угодников, св. Авраамия и Меркурия, исчезли в то же время. Тогда же погребена под развалинами и виденная нами церковь в Крупце во имя великомученицы Екатерины, бывшая некогда великокняжескою и построенная в первые времена смоленского христианства. Виденные нами стенные иконы (Богоматери, архангелов Гавриила и Михаила) — самого древнего грубого письма; на стенах сохранились еще апокалиптические эмблемы, и между прочими ромб и в нем круг — известная эмблема вечности. Церковь очень большая; кирпичи тонкие и широкие, похожие на те, из которых сложена и лучшая в городе церковь, более других характерная, Петропавловская в Заднепровье (близ нового вокзала железной дороги). У этой последней четыре яруса окон. В нее ведут две каменные крытые лестницы, похожие на таковые же у московского храма Василия Блаженного. С площадки лестниц открывается прелестный вид на город, лежащий по ту сторону Днепра и соединенный с

пригородом деревянным мостом на плашкоутах⁷⁵. Так как весь город разбросан на отлогой и длинной горе, изрытой оврагами и ручьями, то и все церкви его и все достопримечательности выдаются рельефно с господствующим надо всем величественным Успенским собором, принадлежащим к числу самых грандиозных сооружений в России и уступающим по красоте лишь очень немногим соборам. Недаром пощадил его и Наполеон.

Вид на Смоленск из-за Днепра особенно тем поразителен, что весь город утопает в зелени садов и, развернутый на широком пространстве, весь окружен каменной стеною Кремля, одною из величайших в России, имеющей в окружности около семи верст, 36 башен готического стиля, зубцы в два ряда. Толщина стены везде имеет три сажени⁷⁶. Это скрижаль, с уже истлевающими письменами, к сожалению, небрежно содержащаяся и разрушающаяся, на которой кровавыми красками написана последующая история города и самые тяжелые эпизоды жизни всей Русской земли и ее народа, в 1612 и 1812 годах. На смоленских стенах, читая историю города, читаем и самые яркие и знаменательные страницы отечественной истории.

Городская стена начата постройкою в 1599 году, при царе Феодоре Иоанновиче, и производилась под наблюдением царского шурина и ближнего боярина Бориса Годунова. При царе Феодоре она не могла быть достроена и окончена уже тогда, когда сам Борис сделался царем и на излюбленное им дело мог выделить из казны значительные по тем временам средства. При таких условиях стена могла быть окончена в три года, несмотря на то что белый камень привозился за двести и более верст. Таковы исторические свидетельства. Однако мы слышали в Смоленске о постройке стены следующее характеристическое предание:

«Годунов, окончив стену, явился к царю Феодору и стал похваляться:

⁷⁵ Здесь: опоры наплавного моста.

⁷⁶ Старая русская мера длины, равная 3 аршинам (2,13 м).

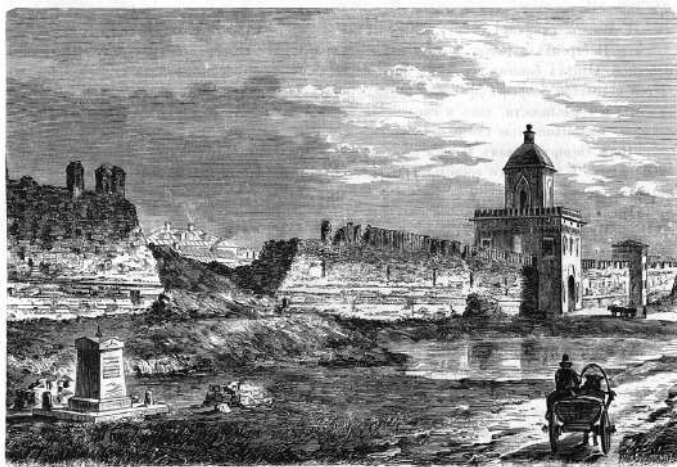
— Построил я такую красоту неизглаголанную, что подобной ей уже нет во всей поднебесной. Одних башен на стене 36, и по верху ее свободно поезжай на тройке. Как на сытой и толстой боярыне красовито лежит аксамитное многоценное ожерелье, прибавляя ей красоты и горделивости, так и смоленская стена стала теперь ожерельем всей Руси православной, драгоценностью своей на зависть врагов и на гордость Московского государства.

Царь Федор словам Бориса не совсем поверил. Он послал в Смоленск скорого гонца узнать у тамошнего воеводы Трубецкого: правду ли говорит Борис и по заслугам ли похваляется?

Принес гонец такой ответ воеводы:

— Правду говорит Годунов: и на ожерелье боярыни смоленская стена похожа, и башен счетом тридцать шесть, и зубцы в два ряда по стене, несметное число, и каждый зубец крепко выкрыт листовым железом. Да боится смоленский воевода, чтобы промеж красивых башен и тмочисленных крепких зубцов не завелись вши и гниды.

Вскоре страх воеводы, как сон в руку, оправдался: пришли поляки, и крুলь Сигизмунд кантовал тут не один год».

Пролом стены у Малаховских ворот
и памятник полковнику Энгельдарту.

Вот и следы этого тяжелого для города события: подле Малаховских ворот — «Шеинов пролом», а на месте круглой башни, разбитой боярином М. Б. Шеиным во время приступа к Смоленску в 1632 году, — земляной бастион. Воевода Шеин на сей раз отбивал у поляков тот самый город, который 12 лет тому назад защищал от них же столь храбро. По истечении 20 месяцев осады вторая неудача стоила ему жизни: его казнили в Москве как изменника. Другой круглой башни, где этот храбрый воевода скрывался от поляков, уже овладевших городом в 1612 году, также не существует. Сохраняются, однако, остатки земляного укрепления, названного Королевским проломом и насыпанного на том месте, где стояла круглая Годуновская башня, разбитая поляками в 1612 году. Вот и *Иверская башня*, четырехугольная, взорванная в 1812 году французами, но теперь возобновленная, — место Никулинской башни, также взорванной по повелению Наполеона при выходе французских войск из города 4 ноября; место Богословской, бывшей четырехугольной, также и в то время взлетевшей на воздух вместе с четвертой четырехугольной Безымянной, пятой четырехугольной Гольшевской и шестой Лазаревской. Большая башня, стоявшая подле Малаховских ворот, снабженных проездом и земляным равелином для прикрытия, также взорвана в том же, 1812 году. Три башни изгрызло время, и они были разобраны, но четвертая — Черепашовая, или Костыревская, — уничтоженная таким же способом, возобновлена на выделенные императором Николаем I средства. От Сигизмундовых времен остались еще: 1) Королевская крепость с проломом, через который поляки вошли в город и где произошла страшная сеча (улица, идущая здесь, до сих пор носит название Резницкой), и 2) Сигизмундов шанец⁷⁷ на юге от города, вырытый польскими войсками. На правой стороне Днепра, в версте от Московской заставы, на «Девичьей горе», находятся остатки земляных укреплений и место лагеря царя Алексея Михайловича, лично управлявшего

⁷⁷ Военный окоп, редут, небольшое укрепление.

осадою Смоленска в 1655 году, отданного царю на капитуляцию польским комендантом Обуховичем.

В 1706 году, по повелению Петра I, устроена была, для прикрытия днепровского моста, новая земляная крепость, но она во многих местах теперь скрыта. Лучше сохраняется французский редут прямо против Королевской крепости, где Коновницын, Дохтуров и Паскевич выдержали неоднократные жестокие натиски французских отрядов. Вправо от Малаховских ворот, за озером, в одном из остатков рвов, окружавших некогда всю крепостную стену, в большом небрежении видим мы и памятник Павлу Ивановичу Энгельгардту, расстрелянному здесь по приказанию Наполеона за то, что он, вместе с коллежским асессором Шубиным, выказал особую ревность при истреблении французов. Отечественные услуги самого города Смоленска почтены особым памятником 1812 года, воздвигнутым в 1841 году на площади против Королевского бастиона, бывшего главным пунктом сражения 5 августа. Памятник вылит из чугуна в византийско-готическом стиле. Видим мы за рвом и остатки древнего земляного вала, некогда окружавшего всю крепость, а теперь раскапываемого для глины, но в других местах отлично сохранившегося. Некоторый ревнитель старины из смоленских губернаторов, видя, что по готовым колеям, вырытым для глины, вода творит свое разрушительное нападение и стене грозит опасность, обложил скат горы камнем, но в наши дни и он продан на выломку для полотна железной дороги. Ни водостоков, ни контрфорсов у стены нет. Стена малопомалу рассыпается, так что большой пролом зияет громадной пустотой, которую мы могли различать даже в 14 верстах от города по дороге в Витебск, откуда в особенности красив и рельефен Смоленск, укрепившийся на высокой горе. Отсюда можно было разобрать и четырехугольные большие въезжие в крепость ворота с башней, называемой Днепровской, где некогда висел набатный колокол, а под шатром покровительница города — икона Смоленской Божией Матери Одигитрии.

Во время нашествия Наполеона чудотворная икона, при

вступлении наших войск в Смоленск, была перенесена в армию на Покровскую гору, к кладбищенской Георгиевской церкви. Здесь всю ночь на 6 августа отправлялось пред нею молебствие. В день Преображения она препоручена была 1-й роте 3-й артиллерийской бригады, при которой и была возима, поставленная на ходу взорванного зарядного ящика, обшитая холстом. По изгнании неприятеля эта святыня, столь тесно связанная с воспоминаниями об Отечественной войне, возвращена из-под города Красного в Смоленск. Сначала она была поставлена в Успенском соборе, но потом (1813) перенесена в надворотную Спасскую церковь по освящении ее. Здесь она находится и поныне. В Успенском соборе показывают железный шишак и железные башмаки с кривыми носками оригинальной формы, в которых — по преданию — преп. Меркурий бился с богатырем Батыевых полчищ, когда приведены они были под Смоленск московским князем в наказание за непокорность татарам всей земли Смоленской.

Внутри города, подле женского Вознесенского монастыря, на горке, жил Петр Великий — по выслушанному нами преданию — с большою осторожностью: одна только мать-игуменья имела к нему свободный доступ. Только те кушанья ел царь, которые приготавливала эта старица, сама приносила и прежде пробовала. А приносила игуменья только три блюда: щи, похлебку и кашу. Впоследствии этой старице удалось услужить стрельцам, жившим в башнях на стене, а жены их населяли слободку по другую сторону оврага на горе, теперь скудно заселенную и до сих пор носящую название Бабьей. Стрельцы приговорены были к смерти и для того поставлены рядами подле монастыря, на площадке. Игуменья бросилась к ногам Петра, и царь смилостивился: отменил казнь.

В особенности много воспоминаний в Смоленске о Наполеоне. Указывают, между прочим, каменный дом над оврагом, близ Авраамиева монастыря, где первоначально жил император французов. Боясь подкопа со стороны оврага, он перебрался в город, в Солдатскую слободку, где, при нашем посещении, еще цел был деревянный домик, совсем обветшавший и вросший в землю.

Помнят Наполеона сидевшим верхом на складном стуле, в особенности же помнят, сколько зла нанес своими выстрелами городу Понятовский, стоявший на Бабьей горе. Одно ядро, пущенное им, до сих пор сохраняется в стене, примыкающей к Авраамиеву монастырю.

До сих пор находят в земле каменные ядра времен царей Михаила и Алексея, зарытые после отступления наших войск. У одного любителя древности (П. А. Васильева) мы видели французские карты России, которыми руководились наполеоновские войска и которые приобретены у крестьянина, явившегося с ними на рынок. Видели шалаш Петра I, сделанный в Голландии и там подаренный царю, о чем свидетельствует надпись. Старинные монеты польской и русской чеканки сплошь и рядом выкапываются крестьянами на полях и даже в самом городе. При прорытии полотна чугунок тоже высыпались деньги, непременно в горшках, неизменно залитых воском, завязанных и опутанных веревками.

Одними преданиями о славной старине приходится довольствоваться и жить этому древнейшему из городов русских, вслед за другими лесными и северными городами пришедшему в совершенный упадок. Настоящее его бедно и неинтересно — с тех пор как изменились пути и обошли Смоленск далекой стороной: на востоке через Гжатск, на западе через Поречье. Упадок виден и в том, что теперь весь город исключительно замкнут в пределах своей каменной стены, а пять-шесть слободок вне ее слишком малы, чтобы увеличивать объем города. Он остался на горе и в стороне, когда по Заднепровью прошла Московско-Смоленская железная дорога, и вокзал ее потребовал с своей стороны большого шумного рынка с бойкою базарною торговлею, и застроился тут новый Смоленск. В старом, крепостном Смоленске резко бросаются в глаза множество незастроенных пустырей и та запущенность, которая неизменно является везде там, где бессилие опустило руки и выродилась полная апатия. Скаты оврагов размыва вода, деревянная лестница в одном из них, ведущая на дно, где сочтется какой-то ручеек, грозит опасностью и пригодна только привычным ходакам

и способна соблазнить лишь самых смелых. От нищих нет проходу, в особенности у Пречистой в воротах и около Спасской церкви, где они неотвязчивы до дерзости, очевидно живут плотными артелями и нищенствуют на обе руки: по бедности и лености, как тот же «клепенский мужик» (из села Клепени Сычевского уезда), который вошел даже в пословицу. Видимое падение города обозначилось такими явлениями и признаками запустения, с которыми не могут сладить никакие власти, в отчаянии махнувшие на город рукой. Набережной, например, здесь — по обычаю всех белорусских городов — нет вовсе: берега предоставлены всевозможным громадным складам камня, бревен, дров и т. п. Сейчас же за городом днепровские берега обросли тальником и ивняком. Река пробила себе глубокое русло, очевидно доказывающее, что она была несравненно глубже нынешней, извивающейся дробными коленами. Смоленский Днепр, особенно в летнее время, — река незавидная, не внушающая уважения.

Торговля в городе до очевидности слаба, хотя, в частности, судя по некоторым сортам товаров, видна здесь встреча Москвы с Ригой, как в населении — смесь Польши с Россией. Самобытного мы долго искали и ничего не нашли; даже столь всем известная смоленская крупа — не городского дела. В городе с некоторого времени прославилось кондитерское дело в приготовлении, на манер киевских, сухих конфет из фруктов, ягод и плодовых листьев. Этому способствует обилие садов как в самом городе, так и в губернии, в захудалых помещичьих имениях. Смоленские конфеты, впрочем, перещеголяли киевское варенье и в особенности замечательны изящною укладкою в деревянных ящиках.

Смоленские рынки с базарами для нас занимательны тем, что здесь можно наблюдать интересные встречи. Белая без околыша магерка, обыкновенно старая, поношенная, рваная, стало быть, настоящая белорусская, здесь мешается с такой, которая либо вся коричневая, либо белая с коричневыми также подогнутыми кверху краями. Это из-под Смоленска. Тот же валяный колпак, наподобие опрокинутого горшка, в котором здесь держат

молоко, явившийся из-под города Белого, встречается с магеркой, имеющей сходство с железным ведром, из которого поят своих лошадей извозчики. Эту последнюю принесли сюда из-под Вязьмы и показывают рядом с настоящей шляпой, на манер петербургских детских. Эта — из-за Вязьмы. Свиты сзади по талии и по краям карманов у коренных смоляков обшиты черным или синим шнурком. Замечено также, что ямщики за Вязьмой просят у проезжих «на чай», под Смоленском, по дорогам к Красному и Поречью, — «на водку», близ могилевской и витебской границы — «на кавалок хлеба».

Смоленские пригороды

Глупая Вязьма, бестолковый Дорогобуж.
Вязьма в пряниках увязла.
Мстиславцы — недосеки.
Мсцислав не одного сциснув
(т. е. в нем не проживешь).
Торопчане — фараонитяне,
чертовы наставные головы. —
Рославцы — дегтяри; торопчане — кожевники.
Народные прозвища и присловья

Как исторически верно то, что на чем решал главный вечевой город, на том стояли и пригороды, так точно, когда неприятель хотел объявить войну области, он занимал и опустошал какой-нибудь из его пригородов, и народная рать или княжеское войско обязательно шли на выручку или, в свою очередь, разоряли ближайший пригород вражеской области. Ольгерд, желавший завладеть Смоленском, занял его пригород Мстиславль и посадил в нем своего наместника, а сын его занял Ржев, в то время бывший также смоленским пригородом. Святослав Смоленский, заступившись за свою вотчину, был убит под Мстиславлем. Царь Алексей Михайлович, решившийся отнять Смоленск у Литвы и овладевший им после осады, немедленно послал Трубецкого на Мстиславль. Жестокий

Трубецкой действовал с такою энергиею, что всех до единого из жителей города истребил, оставив до настоящего времени память в народе об этой людской бойне под именем «Трубецкой сечи». Нынешние жители обзываются в насмешку «недосеками», т. е. как бы потомками остальцев, ускользнувших от истребления в 1654 году. В городском кармелитском костеле, подле хор, направо, сохранилась фреска, изображающая это кровавое событие: одни воины в шлемах убивают ксендзов, другие заходят; часть лезет на гору, на которой белеется не существующая уже православная церковь; виден и самый костел.

Итак, прежде всего о Мстиславле — древнейшем из смоленских пригородов, несмотря на то что современная политическая граница, по обыкновению, мало обращающая внимания на племенное сходство и народные связи и симпатии, отделила этот город от Смоленской земли и присоединила его к Могилевской губернии. Искусственный прием сделал, однако, кое-что свое: мстиславский белорус называет своего ближнего соседа «полячком с русского боку» (бок — сторона), точно так же, как красненский называет мстиславца «полячком с польского боку». На этом, собственно, и оканчивается все различие: оба соседа с ног до головы похожи друг на друга, потому что оба — родные братья, сыновья одной матери.

Самое основание Мстиславля принадлежит смоленскому князю Роману Ростиславичу, назвавшему это новое укрепление, ближайшее к Киеву, именем сына, которому вся ближняя волость в 1180 г. и отдана была в удел. Но самостоятельным княжеством эта местность оставалась недолго: до 1359 года город пребывал под властью Смоленска. Когда в этом году взял его Ольгерд, смоленский князь опять пытался отнять свой пригород, хотя — как известно — и неудачно. Оставаясь под властью Литвы, а потом Польши, Мстиславль мало-помалу утрачивал свою самобытность и то сходство, которое он имел с древним Смоленском. Осталось лишь разительное подобие в местоположении. Город стоит на такой же крутой горе, над узкою долиною, прорезанною такою же извилистою рекою, Вёхрою. Одна из высот

(по-видимому, искусственная) в этой долине у самой городской горы носит также смоленское имя Девичьей, хотя с ней и соединено предание такого рода, что будто бы натаскана сюда земля в фартуках девицами-богатырями на могилу любимого ими доброго молодца. Так же как и в Смоленске, здесь недосчитываются пяти церквей, упоминаемых в актах, и, между прочим, самых древнейших из них, Троицкой и Ильинской, но на этот раз с тем различием, что не дорылись и до фундаментов их. При Троицкой церкви с 1537 года существовал даже монастырь, называвшийся «нагорным» и выстроенный вдовою мстиславского князя Михаила Ивановича. Жители и сами князя были православного исповедания, а потому, когда политический интерес католической Литвы требовал наибольшего закрепления этой местности, здесь явились в 1616 году иезуиты, основавшие коллегийум (колледж) и костел св. Николая (обращенный теперь в православный монастырь). За иезуитами прибыли кармелиты, построившие величественный костел, сохранившийся до настоящего времени. За кармелитами прибыли доминиканцы и, наконец, бернардинцы: все со своими церквями. В противодействие им православные основали в версте от города деревянный монастырь Тупичевский (одновременно с Кутейнским в городе Орше) в 1641 году, с назначением быть преимущественно миссионерским. Но политическое значение всего этого места настолько было важно в глазах Польши, что в пяти верстах от города базилианами устроен был монастырь Пустынский, а в 16 верстах, в селении Онуфриеве, — униатский монастырь с архиепископскою кафедрю. В тех же видах с давних времен поселена была в этих местах околицами и застенками шляхта, до сих пор сохраняющая племенные черты народного характера.

Шляхтич бреет бороду, отпускает усы. Вместо свиты надевает камзол, род однобортного длинного сюртука, при широких шароварах и картузе с козырьком. Все соседи согласны в том, что обыкновенно шляхтич разгулен, беззаботен, немного сварлив, но откровенен, словоохотлив, приветлив. Он большой хлебосол и при грязной избе,

в которой у него также живут свиньи и птица, старается пристроить горенку. Он задорен и хвастлив: громко говорит, не прочь и подраться, а в корчме — в этом клубе для отдыха, в этом зале для совещаний, брани, плясок и драки, и в то же время торговой бирже и денежном банке, — в корчме или шинке шляхтич требует почета. Не получая такового, всегда готов он наострить кулаки, перед которыми белорус отступает; но старовер спорит, борется «око за око, зуб за зуб». В корчму, играющую громадную роль в белорусском быту, тамошний крестьянин ходит посидеть и «погомонить» (потолковать), послушать новостей и свидеться с нужным человеком. Это кафе — к нашему общему удивлению — играет даже роль столичных кухмистерских: в них справляются свадьбы, сопровождаемые столь обильным количеством обрядов, что все торжество кажется цельным языческим священнодействием, в православную старину носившим имя *требища*. Вообще, здешний крестьянин всегда найдет предлог зайти в насиженное им и милое сердцу заведение, которое и строится очень просторным, даже почти всегда на две половины. Шляхтич, однако, не брезгает заходить похвастаться и в черную половину.

Шляхтич перед высшими почтителен, льстив, предупредителен и угодлив. В домашнем хозяйстве живет спустя рукава. Окна украшает бальзаминами, гортензией, геранью; дочерям и жене покупает перчатки; шляхтянки одеваются в белые как снег юбки, в белые кофточки или рукава и в праздничное время распускают зонтики; но на дворе грязь не чистят, в избе полов не настилают, ходят по земляному, битому. Околицы раскидывают самым беспутным образом: все как-то наляпано, напутано. Тут началась, по-видимому, широкая улица, и вдруг свернула она в узкий переулок, притупилась закоулком: стоит дом, но за забором. Забор рассыпался, ворота покривились. А то вдруг выступают плетни и потянутся без конца и без толку и, очевидно, в ненужном избытке, даже до роскоши. Но зато видишь веселенький садик, всегда пасеку, огородец. Скот у шляхтича не так изнурен, как у крестьян, хотя такой же хохлатый и малорослый. Вообще,

шляхтич зажиточнее, меньше пьет, опрятнее, чище и рослее. А круглолицые, румяные, веселые девушки-шляхтянки на сумрачном фоне белорусских картин выделяются яркими, привлекательными пятнышками. Они оттого шаловливы и веселы, что сыты и течет в их жилах горячая кровь. Нам попались, по выезде из Мстиславля в Кричев, целые группы шляхтянок, и мы залюбовались их открытыми лицами, грациозной, легкой походкой, кокетливостью с легким задором и насмешкой, в контраст нашему молодому парню-ямщику белорусу. Этот сидит на козлах кулем, подняв плечи, не взглянет на них, не присвистнет и не приударит кнутом лошадей, словно он сам застыдился. Идут шляхтянки молиться Богу и чудотворной Пустынской иконе Богоматери в Пустынском монастыре, где тогда был праздник (между мстиславской шляхтой много православных). Эта шляхта охотно учится грамоте, охотно идет на службу. Из нее вышли все местные чиновники, уездные и губернские, и образовалось почти все тамошнее православное и католическое духовенство. Такова и смоленская шляхта, в среде которой также иные успевали богатеть и делались панами, исключая Рославльского уезда, преимущественно перед другими населенного этими дворянами без крестьян и нигде не служившими. Эти остатки древних польских и литовских фамилий, переселившихся сюда во времена Сигизмундов в количестве до 21 тыс. душ, живут отдельными селами. Они, по словам писателя — губернатора Хмельницкого, «как деревья, приросли к своему грунту и сделались неподвижными». Правительство предоставило этим бедным дворянам право на переселение в Самарскую и Тамбовскую губернии, где даже приготовлены были участки земли по 60 десятин на душу в вечное владение. Однако не многие из них воспользовались этим правом.

Мы поспешили оставить Мстиславль затем, что и в нем взять нечего: город бедный и неторговый. Обессилили его Хославичи — местечко, некогда замечательное своими ярмарками, шумными и буйными, а обездолило вконец то, что через город идет только одна

дорога, да и то почтовая. Некоторая часть мещан принуждена выработать особенный промысел, не совсем чистый и честный, известный под именем «кубрачества», т. е. хождения по России с книжками для сбора подаяний на церкви. Церквам, впрочем, «кубраки» нисколько не помогли; из старинных деревянных не выстроили ни одной каменной, но, по правилу «грош в ящик, пятак на сапог», успели вырядить жен в телогрейки из парчи, жертвованной в Москве на ризы, и сами оделись в картузы и сибирки на манер настоящих великорусских мещан.

Прямая дорога из Мстиславля проведет нас в другой старинный смоленский пригород, Красный (на этот раз уже в пределах Смоленской губернии); но этот город ничем не замечателен, как совершенно забытый и заброшенный и выделившийся из числа прочих только по сражению в 1812 году. О третьем смоленском пригороде, более других выдающемся по древности и историческим воспоминаниям и по некоторому экономическому значению, — о Торопце — мы уже имели случай говорить в своем месте (см. нашу статью «Города озерной области»), потому что и он отчислен к другой губернии (Псковской). Четвертый смоленский пригород — Велиж также выделен из Смоленской губернии и состоит теперь в Витебской, вместе с ближним соседом своим, городом Себежем, который, однако, в старые времена (напр., в 1414 году) считался уже пригородом Пскова на равных правах с Опочкой и Великими Луками.

Стоит город Велиж на Двине. Берега реки обрывисты и круты. Строят барки, лайбы; делают посуду, сани, обшевни⁷⁸ и колеса; торгуют с Ригой и поживляются кое-чем от проходящих судов. Ничего замечательного не имеется. Мы старательно искали, на чем бы остановиться, — и ничего не нашли. И здесь вся жизнь в прошлом и все прошлое в развалинах либо под новыми наносными пластами земли. Убереглись еще, как древнее достояние православного смоленского пригорода, 10 церквей. О многом приходится говорить гадательно и наверняка

⁷⁸ Широкие сани, обшитые лубом.

ошибаться. Вот для примера еще смоленский город, но опять-таки бывший пригородом не нынешнего губернского города, а уже Чернигова, — Рославль.

Рославль, говорят, построен Владимиром Святым и назвался так потому, что отдан им был в удел сыну Ярославу (?). А в подкрепление этого гадательного предположения приводят торговое село Рогнедино, названное в свою очередь этим именем будто бы потому, что здесь нашла убежище несчастная полоцкая княжна Рогнеда, бывшая супруга св. князя. Кстати, имеется местечко Заславль, или Сеславль, напоминающее имя ее сына от Владимира — Изяслава, и еще вдобавок Княгинино, где для пущей натяжки допущена первоначальная остановка Рогнеды (кстати, эта деревня находится от Рогнедина всего в 2 верстах, от Рославля в 57). Но, к сожалению, имеется другой претендент на историческую славу, другой Заслав — местечко Минской губ., в 20 верстах от губернского города, около Ландварово-Роменской железной дороги: местечко маленькое (1500 душ жителей), но с курганом, в котором будто бы и покоится прах Рогнеды. Есть еще и третий Заслав — уездный город Волынской губернии, а курганов по всему Белорусскому краю так много, что они попадаются не только вблизи селений, но и в непроходимых лесах посреди обширных и топких болот.

По берегу Днепра, от самой Орши до Киева, курганы тянутся сплошным, почти непрерывным рядом, в десятках разнообразных направлений и положений. Это может указывать лишь на то, что в белорусских краях нынешнее племя живет на старых пепелищах другой, отжившей жизни, погребенной в неизвестности и оставившей лишь темные следы в могильных насыпях и в каких-то укреплениях, кого-то и от чего-то оборонявших.

Рельеф страны изменялся в известные периоды лет. Истощенная почва обрастала негодным кочкарником и сгоняла народ прочь. Равновесие сил природы и ее экономики постоянно и безрасчетно нарушалось: ослабела деятельность лесов и болота поспешили на свою сокрушительную работу. Кое-как налаженная жизнь вымерла; курганы стали признаками этой прекратившейся жизни,

последние следы которой затягиваются мхом и зарастают лесными пущами, несомненно, уже не в первом (и не в последнем) поколении пород растительного царства. Некоторые курганы прямо указывают на то, что они были некогда людскими жилищами (кроме гнилушек, ничего не откапывается), а группа их в одном месте — на тот порядок домов, в каком они были расположены в селении. Другие действительно обнажают человеческие кости с серебряными и медными остатками языческих времен. Иные курганы стоят на тех местах, где происходили битвы и стычки, ни одним историком не упомянутые, но столь многочисленные и почти непрерывные во всей этой стране, бывшей театром всевозможных кровавых расчетов между единоплеменными и разноплеменными соседями. Другой подобной страны в этом значении уже нет на всем пространстве громадной России. В разных местах Белоруссии можно указать много таких мест, про которые сам народ говорит как об урочищах, сменивших не только селения, но и города. Одни на верхушках гор провалились сквозь землю и в нижних пустотах возвышенностей предлагают умелым и смелым целые кладовые с золотом и серебром. Другие города затонули в светлых озерах, и во многих из них до сих пор, ежедневно на восходе и закате солнца, можно слышать колокольный звон. Собственно исторических преданий Белоруссии осталось поразительно мало: народ все простил и забыл, а на вопросы о видимых остатках отдаленной и близкой старины дает один ответ: «Была какая-то руина»; «Насыпано во времена этой самой руины»... А сама «руина» — в этом случае самое тусклое отвлеченное понятие, с мистическим оттенком, ничего ясного и образного собою не представляющее. Для археологов в Белой Руси — еще далеко не початое поле. Для нас, по принятой последовательности рассказа, ясно только то, что историческая жизнь, напр., Рославля начинается с самого начала XV века, а прежнее экономическое процветание города давно уже кончилось.

В 1494 году Рославль отошел от Литвы к Москве, потом по несколько раз переходил из рук руки, пока Алексею

В. Грязнов. Лидский замок XIV в.
1860–1870.

Михайловичу не удалось, по Андрусовскому договору, окончательно закрепить его за Москвою, но не слить с нею. И здесь поселенная шляхта, вызванная из Польши, упорно удерживала свои особенности и влияние.

Цари московские принуждены были принимать против этого свои меры. Также известно, что Рославль был живым торговым пунктом, и в особенности значительную торговлю производил воском и медом. Эти продукты домашнего хозяйства закупали немцы и отправляли за границу. Уменьшение лесов, а с тем вместе упадок пчеловодства, исторические события XVIII века, прекращение подвоза товаров из Риги и Киева, основание Петербурга и завоевание Риги с балтийскими городами вычеркнули Рославль из списка торговых городов. Теперь эта местность только деготь гонит, а мещане скупают мелкими партиями пеньку, которая идет через Поречье в Ригу. Стечение рабочих для трепания пеньки водворило в городе особый род торговли солониной и горшками, с которыми ездят по деревням и обменивают на зерновой хлеб. При дегте торгуют еще лыками. Впрочем, из села Кошелева вывозят в год до 120 тыс. штук мочальных циновок.

В своей губернии Рославль уступил торговое первенство городу, лежащему в восточной половине губернии, на р. Гжати, соединяющейся с Вазузою и впадающей при г. Зубцове в Волгу. На гжатскую пристань стекается уже обилие всяких товаров для дальнейшего сплава, в следующем порядке, по количеству их и степени значения: пенька и пеньковые изделия, разного рода хлеб в зерне, мука, льняное и конопляное семя, железо, чугун и железные вещи, сало, солод, стекла и т. д. Петр Великий подспорил здесь торговое движение искусственным

образом через поселение здесь переведенцев — знатнейших купцов из городов: Калуги, Можайска, Боровска, Вереи и других соседних. Образовалась сначала слобода, которая до 1775 года называлась «Пристанью», а с этого года стала зваться городом Гжатском, который к тому же, для большего процветания, очутился на шоссейной дороге из Смоленска и Вязьмы в Москву. Город выстроил 6 каменных церквей, завел фабрики и заводы и, по требованию хлебной торговли, настроил по берегам реки множество дворов, амбаров и сараев. Вообще, по мере удаления от Смоленска тускнеют черты Белорусского края, а великорусские выступают в крупных и ярких красках, вместо маленьких деревушек тянутся селения большие и длинные, как города, и тем многочисленнее и скученнее, чем ближе они к племенным границам. Таким образом, здесь замечается то же явление, как и в Псковской губернии, в пограничных уездах. По поводу границы и соседства Белоруссии провожающий нас ямщик, между Новоржевом и Великими Луками, после того как мы перед огромным селом Ашево переехали по мосту через довольно узкую и текущую в песчаных берегах р. Алту, на берегах которой убит был Борис, — как толковал ямщик:

— Здесь вот мы чай любим и пьем его в трактирах. Заведений этих у нас много даже и по селам. А там у них в «Польше» (т. е. под Велижем) чаю не знают: все водка, и корчмы для того у них не только в деревнях, но и по дорогам.

Толкует ямщик просто и границу объясняет типично и справедливо.

В великорусских городах и селах каменные церкви вместо тех деревянных, которые среди сосновых роц можно распознать только по железному кресту, поднимающемуся над верхушками деревьев. При церквях настоящие отдельные колокольни, а не те два сосновых столба, на перекладине которых висят два-три колокола. По деревням жизнь и движение, и в каждом окне избы любознательные лица, а не мертвая тишина полного безлюдья. Ситцевые платья ярких цветов и такие

же сарафаны сменили однообразные понёвы; молодежь завязывает хороводы и распевает свои песни, а старики на завалинках обсуждают мирские дела. Темные боры, подобно облакам висевшие на горизонте, исчезли: пошли всё поля; начались места густонаселенные, стали попадаться люди, наладившиеся на сухую прозаическую жизнь, далекую от первобытной природы, хотя бы и такой дикой, как в покинутой нами Белоруссии. Перестали бить в глаза и те группы крестов на дорогах и в стороне, которые как бы намеренно делают целую страну похожею на кладбище.

При одинаковых условиях со Гжатском, Вязьма, ко времени возрастания этого близкого своего соседа, имела уже 24 церкви и 2 монастыря и около ста заводов и фабрик. Благодаря примеси чернозема к основным почвам уезд Вяземский сделался плодороднейшим в губернии и завел торговлю хлебом и мукою поблизости и соседству со Гжатском. Скопление в городе и около него этих продуктов дало возможность развиваться самостоятельному промыслу печения пряников или коврижек со вкусной начинкой и безграмотным надписанием. Кто печет пряники, тот и продает их. В работе труд разделен: мужчины мнут пряничное тесто, женщины пекут. Ремесло нехитрое, но таково, что одно не кормит, а требует подспорья другим промышленным занятием, и притом капризное: один печет лучше, другой хуже. Теперь, при возрастании цен на хлеб и муку, стало печение пряников невыгодным. Мещане гжатские, воспользовавшись теми же удобствами, поступили практичнее, выпекая для проходящих судовых рабочих булки и баранки. Да и эти стали жаловаться, что много товара остается на руках непроданным: хоть сам ешь. Около вяземских пряников приладились столяры со своим досужеством — делают ящики под сладкий хлебный товар заветного желтого цвета, но весьма непрочных креп. Но теперь и столяры также стали жалобиться. Эта великорусская половина губернии останавливает нас еще на одном явлении, которого нельзя пройти молчанием.

В какой мере здесь, на этой окраине, отразилось

влияние московского элемента и русского духа, могут служить те патриотические подвиги, которые с такою энергиею выказались в Отечественную войну. Одновременно с расстрелянным, по приказанию Наполеона, П. И. Энгельгардтом действовали известный в свое время патриот и автор «Писем русского офицера» Сергей Николаевич Глинка и Григорий Антонович Глинка (уроженцы Духовщинского уезда): последний также как автор и воспитатель императора Николая Павловича. Сергей Николаевич издавал журнал «Русский Вестник» и не прекращал его даже в то время, когда поступил в московское ополчение первым ратником и первым же принес денежное пожертвование на военные надобности. В литературе за ним осталось имя «писателя-патриота». Автор опер «Жизнь за царя», «Руслан и Людмила», «Камаринской» и проч., Михаил Иванович Глинка — гениальный народный композитор и творец русской музыки — также родился в Смоленской губернии и принадлежит к одному дворянскому роду с предыдущими.

Город Юхнов — тоже молодой, как и Гжатск, но уже решительно ничем не замечателен, а приписанный к нему уезд совершенно бесплодный. Духовщина — точно такой же новый и такой же бедный и ничем не замечательный город, а Дорогобуж имеет перед ним лишь то преимущество, что существует давно и, как старинный город, при малолюдьи и бессилии, изобилует каменными церквями. Дорогобуж — предмет постоянных споров между Русью и Литвою (в его окрестностях дана известная Ведровская битва⁷⁹) — главною частию лежит на крутизне левого берега Днепра. Он, как и Смоленск, раскидан по обоим берегам, также имеет очень красивый вид и также сохраняет остаток старины, в виде земляной крепости, в которой имеется и вал, и ров. Больше город ничем не замечателен. Ельня, по крайней мере,

⁷⁹ Одна из наиболее значимых битв в русской истории, в результате которой к Московской Руси отошло более трети земель Великого княжества Литовского. Произошла 14 июля 1500 г. в 50 км к западу от Калуги.

Вид Дорогобужа с ярмарки. XIX в.

прославилась хоть тем, что в семи верстах от нее вытекает из болота Десна и наполняется столь быстро, что в городе на ней стоит уже большая, о двух поставах мельница. В 1522 году в договоре о перемирии между Русью и Литвой здесь намечен «Еленский рубеж», и город оставлен был за Москвой.

Для нас это обстоятельство важно тем, что мы вернулись обратно туда, откуда вышли, а потому и рассказ свой можем на этом кончить.

КУЛЬ ХЛЕБА И ЕГО ПОХОЖДЕНИЯ (фрагменты)

<...> В старинных, самых древних и первых по времени землях русских, каковы Малороссия и Белоруссия, до сих пор сохраняется и справляется особый обряд *каравая*. Вот как делают это в Белоруссии, где обряд такой называется *расчиненьем* (раствореньем) *каравая*.

В доме жениха собираются мужчины. Женщины из кислого теста замешивают каравай и поют в это время свадебные песни. Изготовив, заставляют мужчину вымести веником печь и сажать каравай, то есть делать бабье дело. Сами поют в это время другие песни. Тот, кто сажал каравай, поднимает правую ногу и бьет сапогом три раза в край печи, чтобы понудить ее испечь хорошенько, — иначе нехорошо будет молодым. Когда учат печь, женщины подхватывают и поднимают дежу (то есть квашню, в которой размешивали хлеб) к самому потолку. Затем того же мужика повязывают утиральником, чтобы походил на бабу и обманул печь, и сажают его в задний угол, чтобы каравай не разошелся. Но вот и поспел каравай. Молодой берет его, садится

В поле. Пахари в Смоленской губернии. XIX в.

на лошадь верхом; сват с белою перевязью через плечо едет впереди. Жених отправился за невестой. Каравай лежит на веке, то есть на круглой доске, которою покрывают квашню. Молодого встречает мать невесты (теща) в полушубке наизнанку (шерстью вверх) и с ковшом в руках. Молодой пьет воду и бросает ковш через голову, сходит с лошади и подает каравай. Каравай этот всякий обязан поднять и сказать: «Наше выше». Молодая тут же и также в шубе наизнанку. Молодым соединяют руки и вместе поворачивают их три раза, затем вводят в избу и сажают. Девичий косник⁸⁰ снимают с головы и дают в руки черную барашковую шапку, которую молодая, два раза бросив на пол, надевает. Женщины голосят. Наконец молодых выводят, сажают на телегу и покрывают обоих полушубком, опять шерстью вверх. Молодая, выезжая из отцовского дома, бросает через голову пирог и поднятый пирог этот, подъезжая к женихову дому, бросает через голову уже вперед себя, в знак того, что о старом доме будет хранить память и любовь, а здесь думает заводить любовь вновь. В воротах молодых ждут зажженная солома и мать жениха, также одетая чучелой, в шубу навыворот. Она подает невестке руку, молодая должна ступить на квашню, с квашни на холст, по которому и входит в избу, где снимает шапку и повязывает бабий убор, называемый наметкой. Молодой на другой день идет к тестю звать его *делить каравай*. Когда каравай делят, новобрачных ведут к колодцу и обливают водой их ноги. Суденки эти берет молодой и передает жене, которая обязана налить воды, принести ее в избу и вылить на руки тестю и теще, затем подать им полотенце, а остальную воду вылить на скамейку и вытереть. Все это знаки покорности и готовности к будущим занятиям в доме мужа, и эти лишь первые. Первый хлеб из новой ржи печет молодая. Приготовив тесто, она кладет на крышку квашни пирог и деньги. Пирог и деньги оставляет она и у того колодца, где ей для честного житья вымыли ноги.

⁸⁰ Лента или шнурок, вплетаемые в косу, или чаще украшение, привязываемое к концу косы.

Без этих длинных обрядов и свадьба не в свадьбу. Все это делается после венца, когда молодые выйдут из церкви и разъедутся по своим домам с этого окончательного домашнего обряда. Обряд этот сохранился с древнейших времен, и кто поручится за то, что это не тот свадебный обряд, который справляли наши предки-славяне в старину, когда еще не были христианами и не подчинялись обычаям православной церкви?

Мы рассказали про белорусскую свадьбу. Малороссийская очень похожа, да и в Великороссии свадьба — тоже языческое игрище с такими сложными обрядами, которые знают и которыми руководят особые бабы — свахи, на этот раз как бы языческие жрицы. Кстати сказать, что с тех же давних времен седой старины сохранились все обряды около хлеба, о которых я рассказал и вперед буду рассказывать.

<...>

Куда бы мы ни пошли, в любую сторону и город, найдем, что русский человек себе верен. Не выдумал он разносолов, разных вкусных яств, ни французских соусов и паштетов, ни английских ростбифов и бифштексов, но по части хлебных, мучнистых кушаний превзошел даже себя. Мудрено представить себе такой город, который бы не прославился вкусным хлебным печеньем. Кто не знает Москвы с ее пшеничными калачами из жидкого теста и сайками из теста крутого? А с московскими калачами спорят еще муромские заварные, подсыпанные отрубями.

Для примера пойдем из Петербурга на Волгу: вот, например, новгородский городок Валдай, который звонит на Московской железной дороге колокольчиками; в нем — знаменитые баранки, обварные крендельки или хлебные кольца, но только мелкие, не те, которые зовутся сушками и какими славится местечко Мир в Минской губернии и Филиппов с Борисовым в Петербурге. В Валдае девушки с ног сшибают, предлагая хлебный товар свой, приговаривая: «Молодец, купи баранок, да хороших каких!» Вот и сам город Новгород, жителей которого давно уже зовут гущеедами: «Хороши-де пироги, — говорят они, — а гуща и пуще». Вот и Волга: в городе Кашине

около нее выпекают особые булки калитовки — четырехугольные в виде ватрушек с кашей, со сметаной и творогом. Еще дальше по Волге, в Твери, — пряники, в Калязине живут толоконники; в уезде этого города, в Семендяевской волости, сплошь булочник да колбасник, прянишник да пирожник, всё отхожие люди, досужие на эти мастерства в Москве и Петербурге. Под Нижним село Городец печет пряники, о которых слава идет далеко; они уступают только вяземским, которые привозят сюда, но чаще выпекают здесь на тот же манер и с таким же безграмотным надписанием «коврышка вяземска»; городские испечены на меду и сохраняются долго.

Повернувши с Волги на Москву, у Троицы Сергия, подле монастырских стен в балаганах круглый год угощают блинами, о которых знает также вся богомольная Россия. Мимо московских калачей мы в одну сторону можем попасть через пряничную Вязму на Смоленск, прославившийся крупой, и на Калугу, где знаменито тесто, то есть та же мука, густо замешенная на воде и соложенная, — тесто сладкое, тягучее, которое, говорят, меряют аршинами и в котором смоляки будто бы целого козла утопили. В другую сторону попадаем мы на Рязань, про которую говорят, что там блинами острог конопатили. Рязанцам велено было проконопатить мохом деревянную их крепость, они всё ленились, откладывали дело. Подошла масленица, их приструнили; моху не запасено, а блинов сколько хочешь; они и проконопатили свою крепость блинами.

Калуга и Рязань привели нас в ту сторону за рекой Окой, где пошли черноземные земли, где хорошо родится пшеница и лежат наши степные губернии и между ними Малороссия, справедливо прозванная за свое хлебородье счастливым, благословенным краем. Здесь уже очень неохотно едят ржаной хлеб, сменив его пшеничным, здесь выдуманы и затирки, и галушки — самое простое хлебное кушанье, род клецок, сваренных в воде, в борщу, иногда замешенных на молоке или затертых на свином сале, — самое любимое и общее блюдо для целого Малороссийского края. Здесь выдуманы и всем известные отварные треугольные

пирожки с творогом из пресного теста, называемые варениками, распространившиеся теперь по целой России. Выдуманы и другие хлебные яства, как паляницы и т. д., которым можно и счет не свести. Не отста-

К. Костровицкий. За сохой. Начало XX в.

ла от Малороссии и бедная малохлебная русская страна Белоруссия, придумавшая все-таки свое хлебное, так называемые «колдуны» — такие же вареники, но с мясом.

Несмотря на то что белорус с приметным усердием сеет хлеб и настойчиво пашет свою неблагодарную, мокрую, болотистую землю, она ему служит плохо. Несмотря на то что им давно выговорено, что хоть и умирать собираешься, а хлеб сей, — хлеб, однако, его плохо выручает. Вычислено, что собственного сбора хлеба хватает тамошнему крестьянину на $\frac{3}{4}$ года: то недород, то хитрый и плутоватый корчмарь соблазнил на водку и взял хлебом, то сам добровольно хлебом выплатил долг. Конец один: надо сделать так, чтобы хлеба, оставшегося лишь на девять месяцев, хватило на двенадцать. Такая нужда и беда выучили и приучили растягивать наличное количество муки на целый год, но, уж конечно, с примесью посторонних веществ: семян различных трав, мякины, в особенности сушеной и истолченной в порошок древесной коры. Хлеб этот непривычный и в рот не возьмет, а не выдавший его примет скорее за комок грязи или навоза, чем за людскую пищу. Редкий крестьянин сверх того не прикупит от двух до шести четвертей, если семья человек в десять—двенадцать, и при этом купит вдвое дороже тот же хлеб, который сам продал. Затем уже нигде так не развита болезнь бесхлебья, которое и сказывается тем, что белорусы, как скряги серебро и золото, хлеб прячут, зарывают в землю и ежегодно с этим запасом ждут голодовок. И придет голодовка — они не

К. Альхимович. В поте лица. XIX в.

едят хорошего хлеба. От этих ям самый лучший, беспримесный хлеб у достаточных крестьян пахнет затхлостью и всегда неприятен на вкус. Нужда же заставляет есть и такой хлеб, о котором в Великой России не слыхивали: хлеб «суборный», или смешанный из ячменя, ржи, гречи и других зерен, которых удастся нагрести кое-как и кое-где по уголкам и щелям. Несогласную смесь эту вместе с шелухой и соломой растирают дома на скверных жерновах в муку.

Этим субором засыпают они также след покойника, вынесенного из избы на кладбище, чтобы умерший работник не уносил из дому свою рабочую силу. В первый день Рождества садятся на полатный столб в черной рубахе и едят колбасу, чтобы уродилась греча; в Рождественский сочельник кладут в избынную стреху под кровлей блины и краюшку хлеба для будущего урожая. На Щедрый вечер (под Новый год) с теми же блинами тамошние девушки ходят заворачиваться. Летом, в урочные дни, вертят из домашнего воску свечу и пекут каравай, один на всю деревню. Святой каравай этот переносят от избы к избе и, придя, обносят вокруг стола, выставленного против ворот каждой избы. И все это с

хлебом, и все это в видах урожая его, и все это сплошь и рядом понапрасну. Не дается белорусам пшеничный хлеб малороссов и разносортные пироги Великой России.

Несмотря, однако, на то что и у белорусов в особые праздники свое хлебенное: весной девичий праздник — пекут латки, сдобные булочки, и зовут молодых парней на угощение. В третью субботу после Покрова у всех семей праздник «Дзяды» и «Прадзяды», день воспоминания о родителях, дедах. Хозяин отправляется в баню, хозяйка тем временем печет блины и расставляет их кругом стола, по краям, столбушками. Хозяин садится, самый старший в избе говорит: «Святые радзицели! Просим вечераць з нами!» Покойники будто бы приходят питаться от блинов паром; блины же съедают живые. Кто хочет видеть этих мертвецов, становись в сени и смотри в избу (однако никто не смотрит, потому что может сам в тот год умереть). На следующий день, то есть в воскресенье, опять садятся за стол и за блины и опять зазывают тех, которые вчера не слышали зову или опоздали и не пришли.

На могилках поминают родителей опять блинами и рассыпают в то же время кашу. По большим праздникам и на большую радость угощаются сырниками, «колдунами» с творогом. Едят «панцак» и «груцу» — суп из толченых в ступе яшных круп; едят пироги да называют их то булками, то калачами; знают про оладьи под названием «ладок», про «грибок», то есть драчену, про «налесники» — пресные булочки и т. д. Хлебенного и у белорусов довольно, тем более что и они по преимуществу возделыватели хлебных зерен, коренные и исконные хлебопашцы. Никаких ремесел они не знают, ни к каким сторонним промыслам не привычны: бедный народ! <...>

Проходя всею Русью, видим, что по сортам потребляемого хлеба она делится на три части. В теплой России — в Малороссии — неохотно едят аржаной хлеб, в Средней и Северной России в аржаном хлебе все спасенье, пшеничный только по праздникам, в самой северной холодной России аржаной хлеб как лакомство, а в замену его яшный — из ячменя, каковой годится в пищу только на тот день, когда испечен, на другой превращается

он в такой крепкий комок, что надо рубить топором и жевать невозможно. Ячменю приходится дозревать в то время, когда солнце хотя светит и греет, но потеряло много силы и земли не прогревает. Ячмень снимают с поля недозрелым и для того ставят стойком колья с поперечинами в виде лесенок, называемых пряслами, и подвешивают снопы. На ленивом солнышке и на ветрах ячмень дозревает, то есть вянет и сохнет, а то и просто солодеет: зерно делается сладковатым. Тем не менее и в этом краю, где рожь плохо родится и ячмень недозревает, выдуманы очень вкусные лепешки и булочки, называемые шанежками. Архангельцев за то и зовут шанежниками и дразнят прозвищем «шаньга кислая». До того шаньги вкусны, что об них стосковались голландцы, прибывшие по зову Петра Великого на своих кораблях в новую столицу Петербург вместо Архангельска.

Полюбовался мужичок и на это и еще пуще укрепился на том, что быть завтра вёдру (ясной солнечной погоде), ретивее стал припасаться к угощению, поторапливал хозяйку тесто месить на пироги. Возились они долго, улеглись спать, но лишь до первого луча солнечного. Тогда вся помочь соберется в поле, помня и веруя святому правилу, что рука руку моет, зато обе чисты живут. Сегодня я помогу, завтра и мне не откажут. И сноп без перевясла (без перевязи) — солома, а с миром, с товарищами и помощниками, и беда не убыток. Одному страшно, а всем уже не страшно. Если же все за одного, то и один за всех, — это то, что попросту и по-крестьянски называется круговой порукой, а в хлебном поле является

К. Альхимович. <Сенокос>. XIX в.

бесплатною, готовною помощью, «помочью».

Собирают помочь обыкновенно в праздничный день, когда у всех больше досуга. В Белоруссии, например, в пятницу на себя работать нельзя, к пятнице надо кончать все,

К. Альхимович. Жатва. 1869.

что ни делал, и грешно и опасно начинать — например, запрягать новую вязку ниток, начинать шить рубаху. А придется работать на других, соберут они толоку (ту же помощь, только под иным именем) — идти можно, потому что пригласивший берет уже весь грех на себя (оттого там и помочи чаще по пятницам).

Приглашают на помощь такие хозяева, у которых достанет настолько времени, что можно изготовить обед и ужин, есть деньги купить вина, есть солод сварить пиво. Угощение пойдет как плата, вместо денег. Здесь о последних всякий и вспоминать стыдится.

Денег не берут; как же после этого не покормить тех, которые за меня силы свои истощали, для меня на работе есть захотели и трудились для того лишь, чтобы и я был сыт? В таких случаях стараются не только накормить, но и накормить послаще, повкуснее, побольше. У хозяек это первым в памяти, потому что всякая знает присловку жнецов: «Ела коса кашу — пониже бери, не ела каши — ходи выше», — меньше соломы хозяину в хлебном поле, меньше сена в травяных лугах за скупость, которая все-таки в этом случае бессовестная неблагодарность. <...> После хорошего угощения забирают колосья чуть не под самые корешки, и после хорошего обеда, к солнечному закату, в один день все поле очищено так, как будто ходили по нем не серп и не коса, а ножницы либо бритва.

Идут на помощь со своими серпами и граблями, идут как и в самом деле на праздник или в почетные гости: вырядились в лучшие платья, в красные ситцы, в платки с городочками. Если взглянуть на поле — и гудит оно от людского говора, и цветет фабричными цветами из москательных лавок, — значит, помощь сбита и работа кипит. Перед началом ее в иных местах, например в Малой и Белой России, хозяйка одна или с другой женщиной выходит в поле, взявши с собою хлеб, соль и водку. Нажавши первый сноп, садятся на него и поют песню, смысл которой заключается в следующем: «Благодарю Бога, дождалась я нового хлеба, снопок жита нажала! Буду жать — не лежать, чтоб копну жита нажать; нажавши, смолотить, каши наварить и гостей накормить». Затем пьют водку и закусьвают. Это — зажинки. После них смело приступают к работе, и опять работа кипит.

Подхватила одна охапку колосьев, сколько ухватила левая рука и могла спрятать под мышку, — правой рукой отрезала на себя зубастым серпом этот ворошок. Бережно положила его подле себя к ногам, и опять одной рукой захватила и подобрала другой ворох колосьев, и опять их перерезала серпом. Приметнула глазами: показалось на глаз таких пучков четвертей на восемь в охапку — стал, значит, полный сноп. Надо его связать, потрудиться над ним, поворочаться. Надо его подпоясать скрутом, или перевяслом, то есть пучками того же хлеба, свитого жгутом, поставить его вверх колосьями на обрезанные концы соломы да и опять собирать новый сноп. Сутул-горбат (кривой зубренный нож) скачет по полю, валит хлебушко. И в спину наклонившимся жнецам постукивает, и голову поламывать начинает — ничего этого замечать не хочется: не торчали бы только на глазах стоячие стебли. Жнут обыкновенно по ветру, начиная подбирать на себя наклоненные ветром колосья; против ветра жать — значит перепутать всю рожь так, что потом не доберешься толку и со всеми переругаешься. Пошел опять серп подбирать, подчищать поле; этот маленький, горбатенький все поле обрыщет, домой прибежит, целый год пролежит, отдохнет. А теперь пока никому не до

отдыха. И серпы на этот конец покупают хорошие, чтобы не ломались, не тупились, и очень часто привозные из чужих земель, между которыми прославилась в изделии серпов Австрия. Ходили туда наши мужички-офени⁸¹ и покупали их из первых рук.

Вот и последний сноп, пожинальный и заветный, прозванный перед сотнями товарищей своих в поле почетным именем: на севере России обжинком, на юге — дожинком. Его отставляют в сторонку и не трогают до времени, до урочного часа. Когда поле примет жалкий вид — вместо колосистого моря станет поле, уставленное снопами в линию, строем, как на городской площади солдаты, — тогда снопы вяжут в суслоны, или в большие копны: в одних местах по пяти, в других по шести и по девяти снопов в кучу, стоямя, нахлобучив сверху их последний головой вниз, гузлом⁸² вверх. Сталась над снопами крыша и со скатами для воды. Пусть беспокойно шевелятся все животные: кроты старательно роют норы, мыши громко свистят, лесные птицы спешат в гнезда, водяные купаются и ныряют, мухи льнут и больно кусают; пусть все это наверное предвещает дожди, и сильные, если собаки едят траву и кошки долго умываются: хлебный суслон дождя и сырости не боится, пока прикрыт соломенной покрывкой.

Однако работа кончена: это и видно, а в особенности очень слышно. Повесивши серпы на плечи, идут жницы ужинать с поля в деревню, каши есть со всяким придатком и вкусной приправой, с покупным вином и домашней брагой. Впереди самая красивая девушка; вся голова ее в голубых васильках, васильками украшен и последний сноп с поля — дожинок. Девушку эту так и зовут «толокой». Идут жнецы и поют самые веселые песни: пожилые бабы басами, молодые девушки самыми визгливыми голосами, бойкие и веселые прискакивают и приплясывают. Мало таких веселых песен, какие поются на этот раз.

Когда оставалось в поле небольшое количество ржи, рабочие рвали руками сорную траву из этой ржи, рвали

⁸¹ Офени — коробейники, торговцы вразнос.

⁸² Гузло — нижняя часть снопа.

«бороду». Самую рожь, то есть колосья, имела право рвать только избранная девушка. Вырывая, она делила колосья на две части и клала их крестом на землю, а посередине, по бокам и на концах клала хлеб. Остальные жнецы вязали огромный сноп, называемый «бабой», и сажали на него избранную девушку. На глазах у ней плели из колосьев и из васильков венки и, когда они были готовы, снимали «толоку» с «бабы», наряжали венками и шли позади ее. «Толока» несла в руках связанный ею крест из колосьев.

На чарке водки пока и все желания жнецов, когда подвигаются они к дому того хозяина, который сбирал толоку и запросил их всех к себе на помощь. Середь дня было уже им угощение — «палудзень» и с водкой. Теперь захотели того же во второй раз по укоренившемуся и не отмененному еще обычаю.

Идут деревней, веселее и голосистее поют, выше скачут, хитрее приплясывают. С большим торжеством вносят в избу хозяина поля сноп-дожинок и крест из колосьев, положив его на хлеб. С хлебом и солью встречает и хозяин гостей своих. Девушка «толока» садится на почетное место, в передний угол. Туда же ставится и последний сноп с поля. «Толоке» хозяин делает какой-нибудь подарок (помещики целовали ее и дарили красные башмаки). С «толоки» и угощение начинают: она как бы и в самом деле языческая славянская живая богиня, наместо той, которой теперь не веруют, но в древности называли также «толокой» и почитали покровительницей жатвы.

Так в угрюмой Белоруссии и в поэтической Малороссии. В нашей суровой Великороссии обычай этот забыли и, помня и уважая последний сноп под именем обжинка, в одних местах оставляют его в поле, называя именинником. Веруют, что, оставаясь там на всю зиму, сноп этот спасает землю от бесплодия. В других местах Великороссии вместо снопа забывают в поле несжатым клочок хлеба, называемый «бородой», в третьих обжинок приносят домой, чтобы на Покров закормить им скотину, заколдовать от болезней на всю зиму. Со дня Покрова домашний скот: коров, овец и лошадей — уже не пускают в поля, а держат дома, в

К. Альхимович. Дожинки. XIX в.

хлевах на дворе под навесами, в возможном тепле. В иных местах великороссийских губерний последний сноп с поля одевают бабой, в понёву и кичку⁸³, перевязывают поясом, надевают платки. Одна баба возьмет его на руки, идет впереди и пляшет: выходит смешно, а не так красиво, как в степных малороссийских губерниях. <...>

Сами крестьяне делают складчины, братчины, варят пиво: пошли бабьи праздники. Для этой хлебной нови спешат после Семенова дня (1 сентября), когда думают, что семена выплывают из колосьев, — спешат работать. Ленивых велит пословица гонять тогда в поле вальком⁸⁴, а не то и плетью. Работают с огнем, выходят на полосу

⁸³ Понёва — в северных местностях так назывался женский головной убор в виде повязки, в центральных и южных губерниях — род юбки. Кичка, кика — головной убор замужних женщин.

⁸⁴ Деревянный брусок с рукояткой или округлая палка (для валяния шерсти, для выколачивания белья при полоскании или для катания его на скалке), а также палка, используемая в качестве катка, оси и т. д.

в поле, что называется, с *головней*, то есть зажигают костры. На Воздвижение (14 сентября) последняя копна с поля. 24 сентября, день первомученицы Феклы, называется *заревницей*: зарево от овиных огней всюду видно; издали, как волчьи глаза, светят овины в темных осенних ночах. Начинаются замолотки: спешат с огнем молотить по утрам, чтобы на Покров успеть закормить скотину пожинальным снопом, дожинком, то есть последним снопом с поля. С Покрова начинают держать скот дома. В глухих местах думают темные люди, что леший вместо ветра выходит из лесу в поле раскидывать снопы и шалит с ними в овинах, а потому надевают тулуп наизнанку, берут кочергу и садятся стеречь и пугать чертову нечистую и злую силу: и в поле, и на овинах.

Добытое зерно складывают в клетях и в амбарах в сусеки. Где хлеба много, а леса истреблены, там ссыпают хлеб в земляные ямы. Сухое зерно в этих ямах сохраняется превосходно, в особенности от огня и пропажи. Однако голодные шведы, шедшие с Карлом XII под Полтаву, проходя Белоруссией, придумали такую штуку. Сообразивши, что в зерне довольно теплоты, которая на поверхности земли сказывается тем, что сушит выпадающую росу, перед восходом солнца искали места, где не было росы, и угадывали, выгребали хлеб. Хлебная яма выкапывается в глиняном грунте в виде кувшина, выжигается соломой и обивается берестой. Наружное отверстие закрывают доской и засыпают землей; иногда делается небольшая крыша, или колпак. Зажиточные люди выкапывают ямы на гумнах под крышей и, насыпая хлебом, заваливают соломой и сноповым хлебом. Для воздуха совершенно нет доступа; сухое железо не ржавеет, сухая мука не портится, в сухом месте мешок не гниет, а потому и в тех местах уже внуки наталкиваются на дедовские хлебные запасы, превосходно сохранившиеся в течение нескольких десятков лет. <...>

Вековой опыт и примеры предков, выстрадавших великие беды голодовок, выучили народ малохлебных стран придумать подспорье пище на случаи полного бескхлебья и голода.

Всего чаще идет в подмесь к хлебу и сменяет его древесная кора, особенно сосновая болонь, или заболонь, то есть молодые, еще не отвердевшие слои древесины, лежащие сейчас под кожей. Она нарастает два раза в году: весной и осенью. Оба раза срезается она ножом в виде лент, в свежем виде сладких на вкус и лакомых для крестьянских ребят. Для хлеба эти ленты сушат на медленном огне, высушенные толкут в деревянной ступке деревянным пестом в мелкий порошок и прибавляют в муку: хорошо еще, если половина на половину, а то и две трети на треть ржаной муки. Выходит хлеб очень горький. Я его пробовал и, однако, ломтя съесть не мог. Вот почему и смеются сытые москвичи над полуголодными смоляками⁸⁵: «Сосна кормит, липа одевает»; или так: «Все краснорядье исходил, мязги не нашел» (мезга — это и есть сосновая заболонь). В северных бесхлебных губерниях это подспорье в хлебе обычное и привычное (особенно по всей Карелии). В Белоруссии, как видим по смолякам, такому мешаному хлебу также большая честь. Там, по давней привычке к дурному хлебу, хлеб из чистой муки, пожалуй, и не понравится. Обыкновенный свой хлеб там мешают с пушиной или мякиной, хлеб невеяный и в таком сорном виде смолотый, отчего и называется пушным. Кажется он комом грязи, на вкус для непривычного несъедобен, в разломе преисполнен колючек, как бы еж щетиной. От этих несваримых желудком придатков белорусские животы очень велики, лица болезненно-бледны. В этих же и во многих других малохлебных местах примешивают к муке траву лебеду и за эту помощь называют ее *мучником*. Она и растет рядом с хлебом, и глушит его, мешая правильному и надлежащему его росту, и служит помощью только как путеводитель, указывая на непочатых местах ту почву, которую любит пшеница. Впрочем, не то беда, что во ржи лебеда, а то беды, когда ни ржи, ни лебеды, говорят бедные крестьяне. Ищут они при бесхлебье подобие хлебу везде, где только трава чем-нибудь на него похожа

⁸⁵ Смоляки — жители Смоленской губернии.

К. Русецкий. Жнея. 1845.

и не мутит с нее на первый прием внутрь. Весной, когда подойдет нужда хлебная, питаются щавелем, снытью и другой зеленью и овощами, разваривая и приправляя рассолами из-под огородных овощей. Конечно, такое питание не проходит даром: на лучший конец — колики желудка, брюшные страдания и другие очень сердитые болезни; а в настоящий голод, так называемый голодный тиф, — и самая смерть.

В боязни ее в тех малохлебных местах, где чувствуют ее всегда вблизи и стоит она наготове, народ наш издавна озаботился приправами других сортов и достоинств. Хлебом оскомины не набьешь (сказал он себе давно), но одним хлебом не прокормишься. Хлеб без приварка и придатков приедается, особенно же крутой и ежедневный хлебный стол. Хорошо, если отделаешься от того временной икотой, а то она переходит в постоянную и докучную болезнь до судорог и обмороков. Мясо у крестьян — большая редкость: корова дорога для хлебных полей наземом и для домашнего стола молоком. Курица выгоднее не на столе, а на насесте: в урочное время, с приближением тепла и во все теплое время она неустанно и бесплатно несет яйца, которые и съесть приятно, и продать можно за деньги. Кое-когда, по самым великим праздникам, баранина да свинина услаждают вкус и подкрашивают бедную деревенскую трапезу, но всего охотнее и чаще приходит на выручку овощ, а затем рыба в разных своих видах и породах.

Овощи заставили заводиться около изб огородами с репой, горохом и картофелем. Нужда проголоди сотворила чудо: из врага, названного «чертовым яблоком», против которого вели сильную и ожесточенную войну почти вчера, сегодня сделали самого близкого друга. Говорю про

А. Кендирский. На уборке картофеля. XIX в.

привозное из Америки растение, дающее вкусные и питательные клубни, — про картофель. Он настолько полюбился людям, что им пропитываются целые страны, а у нас из него не только похлебки с грибами, картофельники на сковороде, но даже картофельная каша в пирогах (то есть на ватрушках, вместо творогу).

Горох стал известен еще с древних времен, со времени того царя, который носит в сказке его благородное имя. То же следует сказать и о репе. Их обоих высевают обыкновенно на полях и даже стараются поместить при дороге, чтобы всякий прохожий и голодный мог пощипать и на свое здоровье покушать. Запрету на это нет, а обычай свят по всем местам глухих и полуголодных селений. Там оперят (утыкают хворостом) горох, дадут ему вырасти, выщиплют и лакомятся прямо с веток зеленым и обмолоченным на овинах в постных похлебках и пирогах, а смолотым на мельницах в муку — в столбушках-гороховиках. Не всяк и определить сумеет, что слаще — гороховик или грешневик, особенно когда надрезать первый и пропустить внутрь конопляного масла. Бурлаки полагают их за самое лучшее кушанье: тяжело жуется, зато на животе ложится плотно, споркое⁸⁶ кушанье: и дешево

⁸⁶ Сытное.

и сытно. В деревнях, когда горох сеют (обыкновенно на Иова-горошника, 6 мая), то и приговаривают:

— Сею-сею бел горох! Уродися, мой горох: и крупен, и бел, и сам-тридесят старым бабам на потеху, молодым на веселье.

Природа посылает помощь, снабдив наше отечество множеством рек и озер. Реки — первые пути сообщения народов. Самые простые двигатели мельниц, естественные средства орошения почвы полей и лугов, они же первые и самые значительные поставщики животной пищи — рыбы.

За то, что у нас течет много рек и все они богаты рыбой, и за то, что по этим причинам продукт дешев, а постов установила церковь почти на целую треть года, благословив есть в это время рыбное, рыбе на крестьянском столе принадлежит почетное место. Она выручает в проголодь и во многих местах совершенно заменяет хлеб. Самая крайняя бедность находит в ней защиту, хотя и в самых худших сортах и самого низкого достоинства. <...> Из подручных рыб озерных и речных (так как наша Русь озерами и реками снабжена в обилии) могут быть готовы к услугам окуни, караси, лещи, плотва, пескари, в особенности щука, и на холодное кушанье сваренным, и на такое нехитрое горячее, как уха или щерба⁸⁷.

⁸⁷ Уха, рыбий навар.

НЕЧИСТАЯ, НЕВЕДОМАЯ И КРЕСТНАЯ СИЛА (фрагменты)

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Черти-Дьяволы (Бесы)

Хотя чертям для их походов и отведена, по народному представлению, вся поднебесная, тем не менее и у них имеются излюбленные места для постоянного или особенно частого пребывания. Охотнее всего они населяют те труппы, где дремучие леса разрезаются сплошными полосами недоступных болот, на которые никогда не ступала человеческая нога, и лишь осторожно шагают длинноногие болотные птицы. Здесь на трясины или заглохших и заросших озерах, где еще сохраняются пласты земли, сцепленные корнями водорослей, человеческая нога быстро тонет, а неосторожного охотника и дерзкого путника засасывает вглубь подземная сила и прикрывает сырым и холодным пластом, как гробовой доской. Тут ли не водиться злой дьявольской силе и как не считать чертям такие мочаги⁸⁸, топи, ходуны-трясины и крепи-заросли благоприятными и роскошными местами для надежного и удобного жительства?

— Отчего ты, черт, сидишь всегда в болоте? — спрашивает обездоленный болотистой и мокрой родиной белорус своего рогатого и хвостатого черта.

— Привык! — коротко и ясно отвечает тот, и отвечает как за себя лично, так и за других, столь же неохотно переменяющих старое и насиженное место жительства на неизвестное, хотя бы и лучшее, новое.

— В тихом болоте черти водятся, — неизменно верят великороссы.

— Было бы болото (подкрепляют они, с другой стороны), а черти будут.

⁸⁸ Мочага — сырое, болотистое место.

— Не ходи при болоте: черт уши обколотит, — доброжелательно советует третья из множества и столь же распространенная пословица⁸⁹.

— И вылез бы черт из болота, и пошел бы в деревню к мужику на свадьбу, да попа боится, — выдают за истинно проверенное наблюдение.

Болотные черти живут семьями: имеют жен, плодятся и множатся, сохраняя свой род на бесконечные времена. С их детьми, бойкими и шустрыми чертенятами (хохликами), такими же черными (в отличие от немецких красненьких⁹⁰), мохнатыми и в шерсти, с двумя острыми рогами на макушке головы и длинным хвостом, не только встречались деревенские русские люди, но и входили с ними в разнообразные сношения. Образчики и доказательства тому в достаточном количестве разбросаны в народных сказках и, между прочим, в известной всем пушкинской сказке о работнике Балде. Один солдат, строгих николаевских времен, проносил чертенка в тавлинке⁹¹ целый год со днем. Некоторые уверяют, что черти — востроголовые, как птицы сычи, а многие, сверх того, уверены, что эти духи непременно хромые. Они сломали себе ноги еще до сотворения человека, во время сокрушительного падения всего сонма бесов с неба⁹². Так как на землю было свержено нечистой силы очень много, то она, во избежание вражды и ссор, очертила свои владения кругом. Этот круг возымел особое действие и силу: всякий попавший в него и переступивший след нечистого обязательно блуждает и без помощи особых

⁸⁹ Из подобных пословиц в народе возвращаются, напр., еще следующие: «Навели на беса, как бес на болото»; «Ходит черт по мхам, по борам, по болотам»; «Всякий черт свое болото хвалит»; «Вольно черту на своем болоте орать»; «Иной ворочает в доме, как черт в болоте, и правит домом, как тот же черт болотом»; «Гнилого болота и черти боятся» и т. д. (Примеч. С. В. Максимова).

⁹⁰ У наших чертей красным бывает только колпак на голове.

⁹¹ Тавлинка — плоская табакерка из бересты.

⁹² Как сообщают из Смоленской губ., черти летели с неба сорок дней и сорок ночей, и кто где упал, тот там и остался хозяином (Примеч. С. В. Максимова).

средств из него не выйдет и не избавится от дьявольского наваждения.

Когда народная фантазия наделила чертей многими человеческими свойствами, последовательность воображения потребовала избрания дальнейших сходств и уподоблений. Бесспорно решено, что эти духи подвержены многим людским привычкам и даже слабостям: любят ходить в гости друг к другу, не прочь попировать с размахом. На своих любимых местах (перекрестках и росстанях⁹³ дорог)

Сцены из жизни белорусов.

черти шумно справляют свадьбы (обыкновенно с ведьмами) и в пляске поднимают пыль столбом, производя то, что мы называем вихрями. При этом люди, бросавшие в такие пыльные столбы ножи или топоры, удачно разгоняли свадьбу, потом на том месте находили всегда следы крови, и после того какая-нибудь слывшая ведьмой колдунья долго ходила либо с обвязанным лицом, либо с подвязанной рукой. На пирах, устраиваемых по случаю особенных побед над людьми, равно как и на собственных свадьбах, старые и молодые черти охотно пьют вино и напиваются; а сверх того любят курить табак, получаемый в дар от догадливых и трусливых людей⁹⁴. Самое же любимое занятие, превратившееся у чертей в неутолимую

⁹³ *Росстань* — место пересечения дорог, перекресток.

⁹⁴ Олончане даже к рыболовным сетям привязывают листовую табак.

страсть, — это игра в карты и кости. В игре для чертей нет удержу и не установлено законов: проигрывают всё, что есть за душой (а душа им полагается настоящая, почти такая же, как у людей). Впрочем, если пойдет дело на полную откровенность, то окажется, что дьявольская сила виновна в изобретении и самого вина и табачного зелья, да и нечистая игра в карты с передержкой и подтасовкой отнесена прямо к бесовским же вымыслам и науке. Конечно, все эти наветы требуют тщательной проверки ввиду того, что уже слишком во многом обвиняют чертей, напр. даже в изобретении таких злаков, как чай и картофель, — не далее начала прошлого столетия вошедших во всеобщее употребление. В последнем случае оказывается явный поклеп; первое же обвинение — в изобретении вина и табачного зелья — затемняется противоречивыми показаниями. Очевидно, свидетели, недостаточно уверенные в самом факте, стремятся лишь настойчиво навязать то, в чем сами не вполне убеждены и еще колеблются. Так, напр., вологжане думают, что предков их выучил варить веселое пойло какой-то странник в благодарность за то, что один добрый мужик приютил его: посадил за стол, нарезал несколько ломтей хлеба, поставил солонку с солью, жбан с квасом. Вдвоем они открыли несколько кабаков, и потянулся туда народ бесчисленными толпами. Во Владимирской губ. черт (также в виде странника, в лаптях, в кафтане и с котомкой за плечами) поведал тайну варить пиво встречному бедняге, который выплакал ему свое житейское горе и разжалобил его. Счастливый мужичок впоследствии похвастался своим умением царю, а неизвестный царь велел варить во всем государстве это самое пиво, которое теперь прозывают вином. У смоляков черт со своим винокурненным мастерством нанялся в работники и научил доброго хозяина гнать водку как раз накануне свадьбы дочери и т. д.

В рассказах о происхождении табаку еще больше разногласий: то он вырос из могилы кровосмесителей (сестры и брата), то из головы евангельской блудницы (Вятск. г.), то из тела свихнувшейся чернички, убитой громом (Пенз. губ.), то, наконец, из могилы какого-то

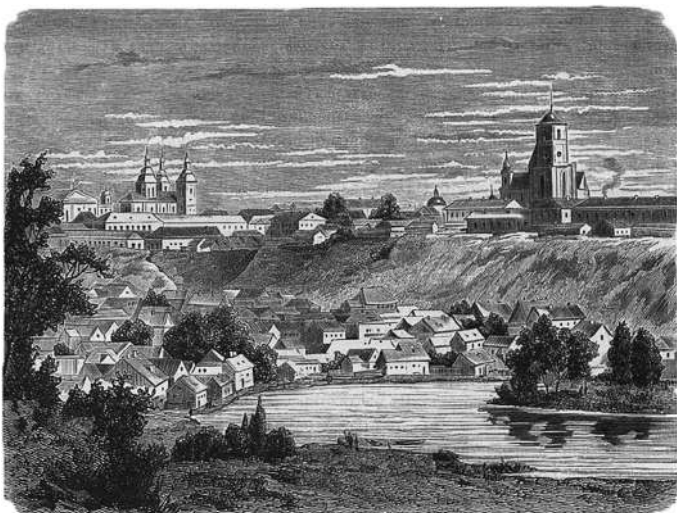
неведомого человека (Симб. г.). У вологжан есть поверье, что разводить табак выучил встречного в лесу помещика неизвестный черный охотник, и т. д.

В подобных догадках и розысках дошли досужие люди до забавного и веселого. Раз у черта (рассказывают мещовские калужане) померла теща и захотел он ее помянуть получше. Собрал он всех грешников по этой части, т. е. курильщиков и нюхальщиков. Вот куритель курит-курит да сплюнет. Черт увидал это и велел всех курильщиков прогнать: они теще его все глаза заплевали. А нюхальщиков всех оставил: они понюхают и их прошибет слеза — значит, и хорошо для поминок-то чертовой тещи. У тех же калужан, придерживающихся старой веры (в Мещовском уезде), сложилась насмешливая поговорка: «наша троица в табаке роется» (намек на то, что нюхальщики роются в табакерках тремя пальцами, и как раз теми, которые слагаются для крестного знамения). <...>

Кикимора

Не столь многочисленные и не особенно опасные духи из нечисти, под именем «кикиморы», принадлежат исключительно Великороссии, хотя корень этого слова указывает на его древнее и общеславянское происхождение. На то же указывают и остатки народных верований, сохранившихся среди славянских племен. Так, в Белоруссии, сохранившей под шумок борьбы двух вероучений — православного и католического — основы языческого культа, существует так называемая Мара. Здесь указывают и те места, где она заведомо живет (таких мест пишущему эти строки на могилевском Днепре и его притоках указали счетом до пяти), и повествуют об ее явлениях вживе. В Северной лесной России о Маре сохранилось самое смутное представление, и то в очень немногих местах⁹⁵. Но слова, выражающие

⁹⁵ Напр., в Пошехонье, где Мару представляют красивой, высокой девушкой, одетой во все белое, но зовут ее «полудницей», относя прямо к «полевым духам». В Олонецкой губ. *мара* — невидимое существо, живущее в доме помимо домового, но с явны-

Могилев. XIX в.

однородные понятия, находятся во всеобщем употреблении. Появляется в знойное лето сухой туман, называемый «маревом»; стоит он в виде мрачности при ясной погоде. <...> Зато в Малороссии явно таскают по улицам при встрече весны (1 марта) с пением «веснянок» чучело, называемое *марой* или *мареной*, а великоросский морок — та же мрачность или темнота — вызвал особенную молитву на те случаи, когда эта морока желательна или вредна для урожая. <...>

Если к самостоятельному слову *мор* приставить слово *кика*, в значении птичьего крика или киканья, то получится тот самый дворовый дух, который считается злым и вредным для домашней птицы. Эта кикимора однозначаща с «шилиморой»: под именем ее она зачастую и слывет во многих великорусских местностях. А в этом случае имеется уже прямое указание на «шишей», или

ми признаками кикиморы (прядет по ночам на прялке, которую забыли благословить, рвет куделю, путает пряжу и т. п.) (Примеч. С. В. Максимова).

«шишигу», — явную нечистую силу, живущую обычно в овинах, играющую свадьбу свои в то время, когда на проезжих дорогах вихри поднимают пыль столбом. Это те самые шиши, которые смущают православных. <...>

Мифы о кикиморе принадлежат к числу наименее характерных, и народная фантазия, отличающаяся таким богатством красок, в данном случае не отлилась в определенную форму и не создала законченного образа⁹⁶. Это можно видеть уже из того, что имя кикиморы, сделавшееся бранным словом, употребляется в самых разнообразных случаях и по самым разнообразным поводам. Кикиморой охотно зовут и нелюдимого домоседа, и женщину, которая очень прилежно занимается пряжей. Имя шишиморы свободно пристегивается ко всякому плуту и обманщику (курянами), ко всякому невзрачному по виду человеку (смолянами и калужанами), к скряге и голышу (тверичами), прилежному, но копотливому рабочему (костромичами), переносчику вестей и наушнику в старинном смысле слова, когда «шишки» были лазутчиками и соглядатаями и когда «для шишиморства» (как писали в актах) давались (как, напр., при Шуйских), сверх окладов, поместья за услуги, оказанные шпионством. <...>

Водяной

Мечется и плачет, как дитя больное
В беспокойной люльке, озеро лесное.

В этом двустистишье говорится о небольшом озере, берега которого все на виду и настолько отлоги, что разбушевавшийся ветер гонит две волны, нагонную и отбивную, разводя опасное волнение, так называемую

⁹⁶ Несколько полнее обрисовывается он в самых глухих лесных трупобах. Здесь сохранился рассказ о том, что кикиморы о святках, в ненастную погоду, рожают детей, причем страшно стонут и воют. Новорожденные же их, тотчас по явлении на свет, вылетают из избы через трубу на улицу, где и живут до Крещенья (*Примеч. С. В. Максимова*).

толчею. В бурю оно неприступно для рыбацких челнов, хотя именно в эту пору обещает более богатую добычу. Но и во всякое другое время, как вообще все озера круглой формы, оно пользуется недоброй славой бурного и беспокойного: самые малые ветры заставляют его колыхаться, как бы от тревожных движений какой-то невидимой чудовищной силы, покоящейся на дне его. И достаточно одного случая неудачного выезда в заподозренное озеро, окончившегося гибелью человека, чтоб в окольности, где всякий на счету и каждого жалко, прослыло оно «проклятым». Пройдут года, забудется имя несчастного, но случай останется в памяти с наслойкою придатков небывалого: простой случай превращается в легенду на устрашение или поучение грядущим векам. Одна из таких легенд связывается с именем суздальского князя Андрея Боголюбского, устроителя Залесской страны, памятного также по своим благочестивым деяниям. В темную ночь, на 29 июня 1174 г., коварные царедворцы, в заговоре с шурьями и женою князя, изменнически убили его. Брат князя, Михаил, свалил казненных убийц в короба и бросил в озеро, которое с того времени до сих пор в роковую ночь волнуется. Короба с негниющими, проклятыми телами убитых, в виде мшистых зеленых кочек, колыхаются между берегами, и слышится унылый стон: это мучаются злобные Кучковичи. Коварная и малодушная сестра их брошена, с тяжелым жерновым камнем на шее, в темную глубь другого, более глубокого, озера «Поганого».

На всем пространстве Великой России попали в сильное подозрение и приобрели добрую и худую славу в особенности небольшие, но глубокие озера, нередко в уровень наполненные темной водой, окрашенной железною закисью. Они обилуют подземными ключами и теми углублениями дна, в форме воронки, которые образуют пучины, где выбиваются воды из бездны или поглощаются ею. Темными ночами, в одиночестве, к таким водоемам никто не решается подходить. Многим чудится тут и громкое хлопанье, точно в ладоши, и задушенный хохот, подобно совиному, и вообще признаки

А. Горавский. Вечерний пейзаж. 1855.

пребывания неведомых живых существ, рисующихся на пуганному воображению в виде туманных призраков. А так как этому воображению не указано предельных рамок, то и те светлые озера, которые очаровывают своими красивыми отлогими или обсыпчатыми, крутыми берегами, привлекательные веселым и ласкающим видом, не избавлены также от поклепов и не освобождены, в народном представлении, от подозрений.

Во многих из них все, начиная от чрезвычайных глубин, от разнообразной игры в переливах света и причудливых отражений на ясной зеркальной поверхности, — настраивает послушное воображение на представление картин в виде следов исчезнувших селений и целых городов, церквей и монастырей. С образца и примера четырех библейских городов, погребенных за содомские грехи в соленых водах Мертвого моря, народная фантазия создала несколько подобных легенд о наших русских озерах. И у нас, как и у других народов, оказались такие же подземные церкви и подводные города. Так что в этом отношении французская Бретань

ничем не отличается от русской Литвы. Во французской Бретани в незапамятные времена поглощен морем город Ис, и рыбаки во время бури видят в волнах шпицы церквей, а в тихую погоду слышится им как бы исходящий из глубины звон городских колоколов, возвещающих утреннюю молитву. «Мне часто кажется, что в глубине моего сердца, — пишет Эрнест Ренан, — находится город Ис, настойчиво звонящий колоколами, приглашающими к священной службе верующих, которые уже не слышат. Иногда я останавливаюсь, прислушиваясь к этим дрожащим звукам, и мне представляются они исходящими из бесконечной глубины, словно голоса из другого мира. В особенности с приближением старости мне приятно, во время летнего отдыха, представлять себе эти далекие отголоски исчезнувшей Атлантиды».

В 30 верстах от гродненского Новогрудка разлилось небольшое озеро (версты на две в диаметре) по имени Свитязь — круглое, с крутыми береговыми скалами, поглотившее город того же имени за грехи жителей, нарушивших общеславянскую заповедь и добродетель гостеприимства (они не принимали путников, и ни один из таковых в их городе не ночевал). Поэт Литвы Мицкевич вызвал из недр этого озера поэтический образ женщины («Свитязянки»), превратившейся, подобно жене Лота, в камень за такое же нарушение обещания не оглядываться назад после выхода из города, обреченного на гибель. Еще в 50-х годах прошлого столетия виден был в этом озере камень, издали похожий на женщину с ребенком, но теперь он затоплен водой и рвет у неосторожных рыбаков сети⁹⁷. <...>

⁹⁷ Подобными провалившимися церквями вообще богат весь болотистый и лесистый Северо-Западный край. В Литве провалился город Рай в окрестностях целебного местечка Друскеник. Белорусские провалы представляют существенные затруднения для учета всех тех жилых мест и Божьих храмов, которые поглощены водой и скрыты в озерах. Оттуда также слышатся и костельные звоны, и церковное пение, шум и людской гомон многолюдных площадей; на поверхность воды временами выплывают св. кресты и книги, Евангелия и т. п. (Примеч. С. В. Максимова).

Как же объяснить подобные загадочные явления темному уму, воспитанному на суевериях, если не призвать на помощь нечистую силу? И народ наш так и делает.

К. Русецкий. Мельница графов Тышкевичей в Поплавках. 1858.

<...> В выборе мест для жительства водяные неразборчивы и, вместо чистых и прозрачных озерных пучин, охотно селятся в реках, причем из рек предпочитают те, которые прорезаются сквозь непроницаемые чащи еловых боров и тихо, медленно пробираются в низменностях и впадинах. Сюда, сквозь сеть сплетшихся корней, никогда не проникают солнечные лучи; здесь опрокинутые в воду деревья бурелома никем не прибираются и никому не нужны. Они образуют или естественные мосты, или самородные плотины, а между ними получают те глубокие, обрывистые омуты, какие намеренно устраиваются около мельниц. Тут любят водиться крупные щуки и нередко приселяются речные богатыри, придорожные разбойники, усачи-сомы. Не брезгуя ни лесными, ни мельничными омутами, водяные духи предпочитают, однако, «пади» под мельницами, где быстрина мутит воду и вымывает ямины. Под мельничными колесами они будто бы обыкновенно любят собираться на ночлег. В это время ловкие и зоркие мельники видали духов в человеческом образе с длинными пальцами на ногах, с лапами вместо рук, с двумя, изрядной длины, рогами на голове, с хвостом назад и с глазами, горящими подобно раскаленным угольям (это в Смоленской губ.). Во Владимирской губ. водяного знают седым стариком; в Новгородской (Черепов. у.) видали его в виде голы бабы, которая, сидя на коряге, расчесывала гребнем волосы, из которых бежала неудержимую струею вода. У вологжан (напр., Никольского у.) водяные духи, имея

человеческий вид, обросли травой и мохом и росту бывают очень высокого, а в Грязовецком уезде они черные, глаза у них красные, большие, в человеческую ладонь, нос величиною с рыбацкий сапог; в Кадниковском у. видали духа в виде толстого бревна, с небольшими крыльями у переднего конца, летящим над самою водою. У орловского водяного борода зеленого цвета и только на исходе луны — белая, седая; волосы точно так же длинные и зеленые. Из воды в этих местах он показывается только по пояс и очень редко выставляется и выходит весь. Ярославский водяной (в Пошехонье) любит гулять по берегу, наряжаться в красную рубаху; уломский водяной (Новгород. г.) несколько раз уличен был самовидцами в том, что прикидывался иногда свиньей. В вологодских реках водяной принимает иногда вид и образ громадной рыбы (пудовой щуки), одетой меховым покровом, которая, в отличие от всех рыбных пород, при плавании держит морду обычно не против течения, а по воде. Раз видели такую рыбу крылатой (в Двинской волости), видели все до единого, и ни один человек не дерзал к этой реке подходить. Нашелся, однако, смельчак, который и разобрал, в чем дело: оказалось, что ястреб вонзился когтями в огромную щуку, и столь глубоко и крепко, что не мог их вытащить из рыбьей спины в то время, когда погружался в воду. Там он захлебнулся и погиб, а затем, мертвым телом, с распростертыми в предсмертных судорогах крыльями, заоченел и стал появляться таким образом на щуке под водою и над водою. В Тульской губ. (в Одоевском у.) в зарослях реки Упы (около села Анастасова) поселилась птица водяной бык, или выпь⁹⁸, невиданная здесь до тех пор и неслыханная. Не было сил разуверить крестьян в том, что этот ночной рев, похожий на рев коровы, не производит водяной черт, а издает птица во время сидки на яйцах...

⁹⁸ Ardea Stellaris — букалице, напоминающее водяного зеленоватым цветом ног и клюва и сходное с зловещею совою серым оперением. Когда водяной кричит выпью, значит, он перекликается с лешим (Примеч. С. В. Максимова).

Недоброжелательство водяного к людям и злобный характер этого беса выражаются в том, что он неустанно сторожит за каждым человеком, являющимся, по разным надобностям, в его сырых и мокрых владениях.

В. Дмоховский. Ночное. XIX в.

Он уносит в свои подземные комнаты, на безвозвратное житье, всех, кто вздумает летней порой купаться в реках и озерах после солнечного заката, или в самый полдень, или в самую полночь. (Эти «дневные уповоды⁹⁹» считает он преимущественно любимыми и удобными для проявления своей недоброй и мощной силы.) Кроме того, на всем пространстве громадной Великороссии он хватает цепкими лапами и с быстротою молнии увлекает вглубь всех забывших, при погружении в воду, осенить себя крестным знаменем. С особенным торжеством и удовольствием он топит таких, которые вовсе не носят тельных крестов, забывают их дома или снимают с шеи перед купаньем. Под водою он обращает эту добычу в кабальных рабочих, заставляет их переливать воду, таскать и перемывать песок и т. д. Сверх того, водяной замучивает и производит свои злые шутки с проходящими, забывшими перекреститься во время прохода нечистых мест, где он имеет обычай селиться и из водных глубин зорко следит за оплошавшими. <...>

Кровоподтеки, в виде синяков на теле, раны и царапины, замечаемые на трупах вынутых из воды утопленников, служат наглядным свидетельством, что эти несчастные побывали в лапах водяного. Трупы людей он возвращает не всегда, руководясь личными капризами и соображениями, но трупы животных почти всегда оставляет для семейного продовольствия.

⁹⁹ Уповод — срок, время в несколько (от 2 до 4) часов; время работы в один прием.

Хорошо осведомленные люди привычно не едят раков и голых рыб (вроде налимов и угрей) как любимых блюд на столе водяного, а также и сомовину за то, что на сомах, вместо лошади, ездят под водой эти черти.

Как и вся бесовская сила, водяные любят задавать пиры и на них угощать родичей из ближних и дальних омутов и вести сильные азартные игры. <...>

Никогда не умирая, водяные цари, тем не менее, на переменах луны изменяются: на молодике они и сами молоды, на ущербе превращаются в стариков. <...>

Подобно тому как плотникам не мешает дружба с домовым, а для удачливых охотников обязательна связь с лешими, — с водяным также приходится людям входить в ближайшие сношения, находиться в подчинении у них и заискивать.

От водяных чертей доводится терпеть и всего больше страдать, конечно, мельникам, хотя шутки шутят они и над рыбаками, и над пчеловодами. <...> упорно держится повсюду слух, что водяной требует жертв живыми существами, особенно от тех, которые строят новые мельницы. С этой целью, в недалекую старину, сталкивали в омут какого-нибудь запоздалого путника, а в настоящее время

И. Трутнев. На речку с бельем. XIX в.

бросают дохлых животных (непременно в шкуре). Вообще, в нынешние времена умиротворение сердитых духов стало дешевле: водяные, напр., довольствуются и мукой с водой в хлебной чашке, и крошками хлеба, скопившимися на столе во время обеда, и т. п. Только по праздникам они любят, чтобы их побаловали водочкой. <...>

Удачи рыболовов также находятся во власти водяных. Старики до сих пор держатся двух главных правил: навязывают себе на шейный крест траву «Петров крест»¹⁰⁰, чтобы не «изурочилось», т. е. не появился бы злой дух и не испортил всего дела, и из первого улова часть его или первую рыбу кидают обратно в воду как дань и жертву. Идучи на ловлю, бывалый рыбак никогда не ответит на вопрос встречного, что он идет ловить рыбу, так как водяной любит секреты и уважает тех людей, которые умеют хранить тайны. Некоторые старики-рыболовы доводят свое угождение водному хозяину до того, что бросают ему щепотки табаку («на тебе, водяной, табаку: давай мне рыбку») и, с тою же целью подкупа, подкуривают снасть богородской травкой¹⁰¹ и т. д.

А затем и у рыбаков, как и у охотников, сохраняется множество рассказов о неудачных встречах с водяными, о шутках, проказах этих духов и т. п.

Пчеловоды поставили свое чистое дело, уход за прославленной «Божьей угодницей» — пчелкой, также в зависимость от водяного и исстари придерживаются обычая кормить его свежим медом и дарить воском, понемногу из каждого улья, накануне Спасова дня (Преображения Господня), ночью, до петухов. Точно так же об ту же пору несет пчеловод первый рой, или «первак», в пруд или болото и там его топит. <...>

Кроме услуг профессионального характера, водяные бывают полезны и в некоторых других случаях. Так, напр., для того чтобы отыскать место нахождения тела утопленника и похитить его из объятий водяного,

Пчеловодство
в Белоруссии.

¹⁰⁰ *Петров крест* — он же заячий горошек (Примеч. С. В. Максимова).

¹⁰¹ *Богородская травка* — народное название тимьяна, чабреца.

достаточно пустить на воду деревянную чашку с тремя восковыми свечами, прикрепленными по краям: погрузившись, она останавливается — и всякий раз над тем местом, где лежит утопленник. Это поверье лишний раз доказывает, насколько еще существенна и жива в народе вера в водяного и могуществен беспричинный страх, порождаемый этой верой. <...>

Впрочем, подобно тому как с истреблением лесов ослабевает вера в леших и за справками о них приходится обращаться уже на далекие окраины, в темные вологодские сюземы и непролазные костромские раменья, — так и с высыханием рек и осушением болот постепенно тускнеет образ водяного, и начавшиеся среди водяных предсмертные беспокойства выражаются пока в переселениях или переплывах из святых озер в поганые. Но для них все же еще много остается приволья и простора в громадной озерной олонецкой стране и в тех неодолимых болотах, которые разлеглись во множестве мест громадными площадями, составляющими целые страны, подобно белорусскому Полесью, вятскому Зюздинскому краю и т. д. Здесь, в удобных местах, живут не по одному, а даже по несколько водяных вместе. Кругом же и около, вблизи и вдали,

К. Альхимович. Святязанка. XIX в.

остаются всё те же мыслящие живые люди, неспособные в своих верованиях отрешаться от тех вещественных и материальных образов, которые рисует им воображение, ограниченное лишь пятью чувствами. <...>

Оборотни

От русалок прямой переход к «оборотням» — таким же мнимым существам, почти однородного происхождения. Чтобы стать настоящей русалкой, т. е. потерять навсегда право и возможность возвратиться в первобытное состояние, по народным толкам, необходимо четыре года. Только девушкам-самоубийцам возврата назад нет. Точно так же не закрыт путь для обратного превращения в людей всякого сорта оборотням, не исключая даже волколаков, крепче других зачурованных.

Эти «волкодлаки» (по-старинному), или «волколаки»¹⁰², по современному произношению малороссов и белорусов, суть всего чаще люди, обращенные в волка, который затем может оборачиваться в собаку, кошку, в куст, пень и проч. (Ведьмы также обращаются в волколаков и обращают

Из Беловежской пущи.

¹⁰² «Волкодлаки» как название составилось из двух слов, причем «кудла» принята в смысле косматой и растрепанной шерсти, какая бывает у шершавых или кудлатых собак и каковою в особенности отличаются волки (Примеч. С. В. Максимова).

других.) Несмотря на то что это поверье свойственно всем европейским народам (француз. *loup-garou*, нем. *Wehrfwolf* и проч.), наибольшею распространенностью и устойчивостью оно пользуется на юге и западе. Так, например, в то время как в Великороссии вера в волколаков привилась чрезвычайно слабо, — в среде белорусов и малороссов она является самую законченную, полную живых образов и совершенно искреннюю. У них стоит лишь найти в лесу гладко срубленный пень, воткнуть в него с приговорами нож и перекувырнуться через него — станешь волкодлаком. Порыскав волком, надо забежать с противной стороны пня и перекувырнуться обратно; если же нож кем-нибудь похищен, то придется остаться перевертышу навек волком. Так объясняет это поверье Даль в «Толковом словаре» великорусского языка. <...>

Клады

Безграничная в суеверных измышлениях и неудержимая в поисках чудесного, народная фантазия сумела изобрести особых духов, которые охраняют зарытые в земле сокровища и ценности, известные под именем кладов. В южных окраинах Великороссии этот дух зовется «кладовиком», а подручные его — «кладенцами», и только в Севском у. Орл. губ. главный дух по недоразумению носит имя Кудиара. На севере же его иногда попросту зовут «кладовым» и признают, что эти сторожа действуют всегда вдвоем: один из них «лаюн», прозван так за то, что обращается в собаку-лайку при первом покушении на похищение клада, другой — «щекотун», оберегающий клад в виде белобокой птицы сороки-щекотухи. В Белоруссии этот дух превратился в маленького бога — Коншу, которого просят указать место кладов и помочь их отрыть, а при удаче благодарят, оставляя в его пользу известную часть добычи. Уже по этому последнему признаку видно, насколько древен народный обычай взрывания кладов и насколько устойчива вера в их существование. Обычай этот создали тяжкие условия быта, в которых складывался исторический строй жизни

русского земледельческого народа. Близкое соседство с кочевыми ордами диких племен, живших опустошительными и внезапными набегами, и желание оградить интересы потомков-наследников указали этот странный путь охранения имущества, нажитого тяжелым трудом. Со времени первых печенежских и половецких набегов вплоть до татарских погромов, когда мирная жизнь земледельцев очутилась на краю гибели, русские люди неумоимо придумывали всевозможные меры самозащиты личной и охраны имущественной. Но в те трудные времена ни на кого нельзя было положиться, и потому люди доверяли свое имущество только матери сырой земле. Этот обычай не утратил своего глубокого практического значения и в последующее время, когда в народную жизнь ворвались новые враждебные элементы, в сопровождении всяких внутренних неурядиц в виде разбоев, казачества и крепостного права. Разнузданное своеволие, не знавшее меры и предела и приученное к легкой наживе путем грабежа или собирания оброков, устремило всю свою алчность на чужие плоды трудовых сбережений и повергло народ в совершенную нищету, возможную только в дни истинного лихолетья. От этих насилий люди вынуждены были бежать в неоглядную даль, искать новых земель и там, запасаясь новыми сбережениями, покинуть старый обычай зарывания добра в землю. На прежних же местах, как, напр., у исконных земледельцев — белорусов, и до нынешнего дня обмолоченный хлеб зарывается в ямы, и притом тем же способом, как и в те времена, когда войска Карла XII шли на соединение с Мазепой. (Известно, что шведские солдаты, выходя на поля перед солнечным восходом, разрывали ямы, наполненные рожью, узнавая эти места по отсутствию росы, которую высушивала скрытая теплота зарытого зерна.) У великороссов точно так же еще жива любимая святочная игра «хоронить золото и чисто серебро». <...>

При содействии тех же кладоискателей образовалась целая своеобразная наука о различных способах отрывать и находить клады. Для получения клада надо, прежде всего, знать зарок, с которым он положен, а эти

Н. Орда. Усадьба Костюшко в предместье Меречевщина.
Коссовский замок. 1875.

заклятия настолько капризны, что без записей или подсказок знающих людей невозможно и приступить к делу. Так, напр., на большой дороге, между почтовой и казенной просекой, зарыт клад: чтобы найти его, надо спеть 12 песен, но таких, чтобы ни в одной не было сказано ни про друга, ни про недруга, ни про милого, ни про немилое. Лежит другой клад под сосной; чтоб получить его, нужно влезть на эту сосну вверх ногами и спуститься назад точно так же вниз головой. Разбойники обычно зарывали свои сокровища «на сто голов человеческих», но значение этого заклęcia мудрено отгадать: сотому ли дураку приходиться, чтобы дались те деньги на голодные зубы, или следует самому быть разбойником, чтобы загубить сто человек, прежде чем взяться за заступ¹⁰³.

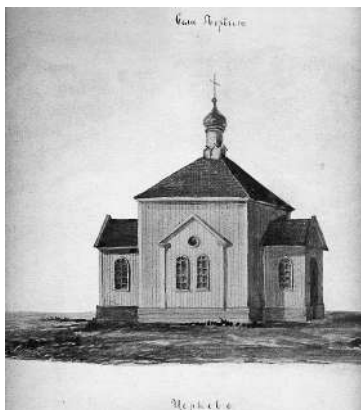
¹⁰³ Существует очень распространенный рассказ об одном счастливце, которому удалось подслушать волшебный зарок «на сто голов» и даже перехитрить колдуна, зарывшего клад; когда колдун говорил: «человечьих», счастливец шептал: «воробыиных», когда колдун говорил: «сто голов», счастливец шептал: «осиновых колов» (Примеч. С. В. Максимова).

Бывают на клады и такие мудреные заклęcia: «попадайся клад доброму человеку в пользу, а худому на гибель», или еще: «тому это добро достанется, кто после моей смерти тотчас же голым пропляшет»; зарывают и на человека определенного имени — это, если можно так выразиться, «именные» клады.

Для заурядных искателей чужого зарытого добра исстари существуют могущественные средства, при помощи которых можно одновременно узнать и место нахождения клада, и способ добычи его. Беда только в том, что эти средства даются нелегко. Таковы цвет папоротника¹⁰⁴, разрыв-трава, шапка-невидимка и косточка-счастливица. Первый хотя и принадлежит к числу бесцветковых растений, но в ночь на Ивана Купалу, когда, по народному убеждению, все цветы на земле достигают наивысшей силы расцвета, — горит несколько мгновений огненно-красным отливом. Вот этот-то момент и должен уловить кладоискатель, чтобы обеспечить за собой успех. Нечистая сила, охраняющая клад, очень хорошо знает таинственные свойства папоротника и, с своей стороны, принимает все меры, чтобы никому не позволить овладеть цветком. Она преследует смельчаков диким хохотом и испуганными воплями, наводящими ужас даже на человека неробкого десятка. Однако на все эти остратки нечистой силы всероссийское предание советует не обращать внимания, хотя, как говорят, не было еще случая, чтобы самый хладнокровный смельчак остался равнодушным ко всем этим ужасам. Но зато бывали случаи, когда папоротник сам собой попадал некоторым счастливицам в лапоть, задевавшим его нечаянно ногою. С той поры такие избранники все узнавали и видели, замечали даже место, где зарыт клад, но лишь только, придя домой, разувались и роняли цветок, как все знания исчезали и счастье переставало улыбаться им. Некоторые думают даже, что стоит положить цветок за

¹⁰⁴ По вологодским приметам, это скатертник-кочедыжник, названный первым именем за узоры на листьях и корневище (*Примеч. С. В. Максимова*).

щеку в рот, чтобы стать невидимкой. Впрочем, для последней операции придумана особая косточка, которую находят в разваренной черной кошке¹⁰⁵.

Д. Струков. Поречье. 1864–1867.

«Село Поречье, навдалеке от селения ищут клады, и предание сохранило имя какого-то пана или князя Ростислава, приезжавшего на охоту в окрестности <...> В 14 верстах от Поречья приписная церковь св. апостолов Петра и Павла в селе Бубновка <...> Недалеко от Бубновки село Косачи, близ села ищут клады. Церковь построена в 17 столетии, иконостас резной 18 столетия <...>» (Д.М. Струков. Записки. На странице: <https://mozyrxvek.blogspot.com/2016/02/1864-1867.html>)

Разрыв-трава также отыскивается в ночь на Ивана Купалу. С ее помощью можно ломать все замки, сокрушать все препоны и разрушать все преграды. Но так как и она, подобно папоротнику, держит цвет не дольше того времени, которое полагается для прочтения Символа веры и молитв Господней и Богородичной, то имеет, следовательно, достаточное основание считать ее просто сказочным зельем.

Сверх таинственных обрядов и сложных приемов, из которых ни одного нельзя позабыть, — для искателей кладов придуманы еще заговоры и даже молитвы. Те и другие сотканы из гнилого прядева пустых слов: «Пойду

¹⁰⁵ Добывается шапка-невидимка еще и таким образом: во время Христовой заутрени, когда обходят церковь крестным ходом, надо бежать домой, встретить на дворе своего домового, сорвать с его головы шапку и надеть на него свою и, с непогашенной свечой, бежать назад в церковь, чтобы поспеть к крестному ходу, и т. п. (Примеч. С. В. Максимова).

в чистое поле, во леса дремучие, за черные грязи, через океан-море». А здесь «стоит столб, а на нем сидит Спас-Пресвятая Богородица». «За болотом немного положено — мне приходится взять. Отойди же ты, нечистая сила, не вами положено, не вам и стеречь». При розыске таинственных сказочных цветков главная мольба заключается в том, чтобы черт поиграл им да опять отдал и не шутил бы, не глумился над рабом Божиим. В самодельных же молитвах, придуманных для раскрытия клада, рассчитывают на то, чтобы силою слов и знаменем креста сокрушить нечистую силу, приставленную сторожить клад, и «отчитывать» самый клад¹⁰⁶. Впрочем, прямой нужды в этом отчитывании не имеется, но требуются особые благочестивые приемы в тех случаях, когда над кладом или находится часовня, или поставлен крест, или висит на золотой цепи икона Богородицы в золотой ризе, или же, наконец, подвешена одна лампадка. И то, и другое, и третье знаменует присутствие такого клада, который спрятан с таким зарокон, чтобы нашедший его построил церковь, или часть приобретенного разделит нищим, или разнес по чтимым монастырям. Народное воображение даже над кладами великого чародея и беспримерного богача Стеньки Разина поставило в некоторых местах иконы Богоматери и перед ними повесило неугасимые лампы.

Д. Струков. Церковь
в Косаричах. 1864–1867.

¹⁰⁶ По Поволжью известны так наз. «вызывные книги», где и записаны эти молитвы, достаточно длинные и довольно ловко подделанные под общепринятый способ молитвенных церковных возношений.

Когда, при помощи папоротника, клад будет найден, то кладоискатель еще не может считать свое дело оконченным, так как мало найти клад, но нужно еще уметь взять его. Иным счастливым не надо ни молитв, ни заклинаний, ни вызывных книг, ни руководителей — к ним сами клады напрашиваются, а у иных неудачников уже найденные, отрытые — из рук уходят, не даются. Чтобы взять клад, надо знать известную сноровку. Если клад, выходя из-под земли, превращается в какое-либо животное или даже в живого человека, то надо его ударить наотмашь левой рукой со словами «аминь-аминь, рассыпья». Без этого кладом не овладеешь. <...>

НЕВЕДОМАЯ СИЛА

Царь-огонь

Древнее почитание огня, основанное на величайших услугах, оказанных им человечеству, и в настоящее время не совсем изгладилось из народной памяти. Хотя это теперь лишь обрывки чего-то целого, разбитые и не скрепленные в одну непрерывную цепь, но и по ним с полным основанием можно заключить, что эти обломки былого мирозерцания представляют собой не что иное, как остаток древнего богопочитания. Стихия, дающая тепло и свет, снизошла с неба, чтобы разделить свою власть над человеческим родом лишь с другой, столь же могучей стихией — водой, которая ниспадает в виде дождя и снега, образуя на земле родники, ручьи, реки и озера, а в смеси с солями — и моря. Эти последние оказались прямыми и облегченными путями для заселения земного шара, огонь же пришел на помощь для повсеместного распространения и закрепления оседлости человеческого рода на материках. Многоводные русские реки привели первых насельников на обширные, глубокие озера, на берегах которых основались самые первые опорные пункты, послужившие средоточием политической жизни и прикрытиями дальнейшего ее разветвления по междуречьям, в дремучих непочатых

лесах. Сюда врубился топор и, при содействии огнива, проложил дороги и отвоевал места, удобные для земледелия, а стало быть, и для оседлой жизни. На срубленном и спаленном лесе объявились *огнища*, или *пожоги*, они же *новины*, или *кулиги*, — места, пригодные для распашки. Народился на Русской земле, в самое первое время ее истории, особый класс поселян-огнищан, или «житых людей», хозяев-землевладельцев, крестьян-пахарей; выработался особенный вид крестьянского хозяйства, огневого или кулижного, общего всей Северной лесной России, дожившей от времен Рюрика до наших дней¹⁰⁷.

Но, составляя основу человеческой культуры на земле, огонь вместе с тем является и истребителем ее: при неудачном и несчастливом применении он временами проявляет могучую и страшную силу, которая сметает с лица земли все, что попадает ей на пути, и которая заставляла первобытных людей в благоговейном трепете поклоняться огню и умилоствлять его молитвами и жертвами. Та же сила поддерживает и в современном поколении неизбывное тревожное состояние души, и в этом отношении лесная и деревянная Русь находится даже в особенном, исключительном положении перед прочими странами: она представляет собой как бы неугаемый костер, который, никогда не потухая совершенно, то ослабевает, то разгорается с такой чудовищной силой, что пропадает самая мысль о возможности борьбы с ним; целое море пламени каждый год огненным вихрем проносится из конца в конец по нашей многострадальной земле и без остатка истребляет леса, засеянные поля, деревни, села, города. Выросшие под впечатлением этих вечных пожаров, русские люди воспитали в себе

¹⁰⁷ Тот же огонь, который пособил земледелию укорениться в лесах, содействовал в степных местах развитию скотоводства «напуском палов», или искусственных пожаров, осенью или ранней весной выжигающих все луга, пастбища и покосы, чтобы старая трава — *ветошь* — не мешала расти молодой и чтобы попутно сгорали зародыши вредных насекомых, до саранчи включительно (Примеч. С. В. Максимова).

В. Дмоховский. Пожар в лесу. 1860.

наследственный, заразный страх перед силой огня: они целыми веками живут под его грозной властью, почти не помышляя о борьбе и только цепenea от ужаса. Впрочем, и то сказать — русские пожары так грандиозны, что хоть кого приведут в панический страх. <...>

Естественно, что под влиянием подобных устрашающих явлений природы мог свободно укрепиться культ почитания огня; этот культ выразился у славян в поклонении Перуну, а у соплеменной Литвы — в почитании Знича. Но начало его восходит ко временам доисторическим, когда древний человек, пораженный зрелищем молнии и грома, обоготворил это явление природы и тем положил начало поклонению огню, которое сохранилось и до наших дней. В Вильне и теперь могут указать то место, где горел вечный огонь и жил жрец, его охранявший, а по всему Северо-Западному краю великорусская «моланья», «молóтка» (молния) зовется не иначе, как «перуном» (ударение на первом слогe). Это мгновенное освещение тучи и неба огненной струей повсюду среди славянских племен признается небесным огнем и издревле называется священным, причем если гром ударит в человека или в строение, то никто не станет их спасать, считая это сопротивлением воле

Божией. Предрассудок этот распространен как в целой Литве, так и в Белоруссии, и понятно, что он порожден верой в Перуна. Тот же предрассудок можно наблюдать и в Великороссии: если молния зажжет строение, то крестьяне считают это Божиим наказанием, ниспосланным свыше. Противиться ему невозможно, но надо воспринимать с чувством умиления и благоговейной покорности; точно так же людей, убитых молнией, многие считают святыми. Между прочим, из Ярославской губернии получают такие сведения: «Кто умоется водой во время первой грозы, тот в течение целого года не будет хворать никакой болезнью». Средством, предохраняющим человека и его имущество от губительного действия молнии, является тот же огонь: следует держать в доме головню от пожара, происшедшего от молнии, но когда молния опять причинит пожар, то пламя можно тушить не иначе, как исключительно одним молоком (или молоком от бурой только коровы). Последний предрассудок еще настолько распространен, что его можно считать общим для всего женского населения России. Не хватит молока — заливают квасом, но отнюдь не водой. От воды же такой огонь только больше разгорается. Существует и другой предрассудок (вполне, впрочем, невинный), к которому точно так же прибегают при тушении пожаров, происшедших от молнии: в костер пожара бросают яйцо, так называемое «первохрестное» (им первым привелось похристоваться), в предположении, что только им одним можно затушить пламя (верят также, что если бросить яйцо против ветра, то можно отклонить в ту сторону направление пламени).

Когда в христианской Руси этот небесный огонь из глиняных рук Перуна передан был в незримую длань библейского пророка Илии и подковы копыт огневидных коней его вместе с огненными колесами пламенной колесницы начали выбивать искры и производить гром, явилось верование, что рука всехвального пророка мечет на землю молниеносные стрелы, чтобы разить насмерть злых духов, враждебных человеку. Ведая про то, злые, но трусливые бесы в неопишемом смятении мечутся

по земле, отыскивая себе надежные места для защиты. Обыкновенно скрываются они в жилых и нежилых строениях, вскакивая через открытые двери и окна и влетая через печные трубы и всякого рода отверстия. Столь же нередко спешат они укрыться в густой хвое, в тени развесистых листьев деревьев, за всяким подходящим прикрытием. В числе последних самыми надежными, вполне безопасными считаются в блудливом бесовском сонме живые люди, застигнутые под открытым небом на лошади или в телеге, так как небесная огненная стрела находит виноватого всюду и разит без разбора, убивая из-за бесов и людей (бесы вполне безопасны от ударов молнии лишь в чистом поле на межах). Илья, впрочем, знает невинность того человека, которого избрал дьявол себе для защиты, и жалеет Божье создание, хотя в то же время твердо убежден, что все равно тот человек, в которого успел вселиться дьявол, погиб бы, так как злодей не покинет своей жертвы уже во всю жизнь и рано или поздно заставит потонуть или повеситься. Илья — усердный Божий помощник в борьбе с нечистой силой — не только не враг человеческому роду, но радетель и старатель за православный люд; убивает он избранного как случайную жертву, в уверенности, что Бог милует и приемлет таких несчастных, удастаивая их царства небесного, так как они явно сослужили полезную службу людям своей смертью, которая вместе с тем вызвала одновременно и смерть злого духа. Вот почему для ограждения себя от дьявола, кроме общепринятого обычая крестить рот при зевоте, издревле установилось благочестивое правило налагать на себя крестное знамение и при всякой вспышке молнии со словами самой простой молитвы: «Свят, свят, свят».

Осторожные хозяева в деревнях предусмотрительно соблюдают все, что указывается вековыми обычаями, зародившимися в глухие и давние времена безверия, чтобы обезопаситься от беса, не допустить его прятаться в избе и тем подвергать ее в грозное время опасностям пожара.

С этой целью опытные, пожилые деревенские хозяйки советуют: «Во время грозы нельзя быть с

растрепанными волосами, в подоткнутом платье — много места тут укрываться анчутке беспятому (бесу). Всякую посуду в избе надо опрокинуть, если она пустая; налитую следует поспешно закрестить. Не надо в голове искаться: не одну такую бабу стрела забила насмерть, других же оглушила». Полезно также держать на чердаке громовую стрелу или чертов палец (белемнит — скипевший или вообще сплавленный ударом молнии песок). В последнее средство слепо веруют все поголовно и, найденный на песчаных берегах речек, этот конусообразный камень в виде пальца бережно прячут и тщательно хранят. Но всего полезнее держать пост, особенно в Ильинскую пятницу, или мазать молоком косяки дверей и окон, полезно также вывешивать за окно полотенце с покойника. Если же бес не побоится ни того, ни другого, то, наверное, не устоит он перед горящей свечкой, с которой молились в Страстной четверг на «стояниях», когда читались 12 Евангелий Господних Страстей. Хороши и пасхальные, а того лучше богоявленские свечи, уверяют богомольные деревенские люди, не раз применявшие этот способ на деле с видимым успехом.

— Громовых стрел два сорта: от огненных происходят пожары, а каменные или чугунные убивают людей, расщепляют деревья¹⁰⁸, — толкуют словоохотливые деревенские старушки, и каждая из них на случай грозы припасает ладан, чтобы посыпать его на уголья в печной загнетке или на раскаленную сковородку, так как «черт ладану боится».

Кроме «небесного» огня, великую силу имеет также тот сорт огня, который обычно называется «живым».

Крутили мужики около палки веревку, веревка загорелась. Приняли огонь на сухую смоляную спицу — развели костер. Разобрали огонь по домам и старались его долго поддерживать. Очень его ценили и почитали, потому что это был именно «живой огонь»,

¹⁰⁸ По мнению захолустных крестьян, молния особенно часто ударяет в телеграфные столбы, так как они неуютны Богу (*Примеч. С. В. Максимова*).

из дерева вытертый, свободный, чистый и природный. Вологодские мужики сняли колосники (жерди) с овина, изрубили их на части и также терли, пока те не загорелись. Огнем таким разожгли они костры: один на улице, другой в скотском прогоне, третий в начале поскотины и четвертый в середине деревни. Через второй костер перегнали они весь скот, чем и воевали с сибирской язвой.

Вообще, как мера борьбы с болезнями живой огонь в большом употреблении. <...>

Уверовав в скрытую, таинственную силу живого огня, крестьяне вместе с тем не теряют благоговейной веры в мощь и влияние всякого огня, каким бы способом он ни был добыт. Коренной русский человек, с малых лет приглядывающийся к родным обычаям и привыкший их почитать, не осмелится залить или плюнуть в огонь, хотя бы он убедился на чужих примерах, что за это не косит на сторону рот и виноватые в этих проступках не чахнут и не сохнут. Точно так же те, которые придерживаются старых отеческих и прадедовских правил, не бросят в затопленную печь волос (чтобы не болела голова), не перешагнут через костер, не сожгут в нем экскрементов человеческих из боязни корчей и судороги тем людям. Почтение к огню во многих местностях Великодержавии (а в Белоруссии повсюду) доведено до того, что считают великим грехом тушить костер на полях, теплыни¹⁰⁹ на ночном и т. п., предоставляя самому огню изнывать в бессилии и тухнуть. Оберегая огонь от набросов нечистот, сжигают в печах сметенный сор и не выносят его вон, не выбрасывают через порог, чтобы не разнесло ветром и чтобы недобрый человек по нем, как по следу, не наслал порчи¹¹⁰. При наступлении сумерек огонь зажигается всегда с молитвой, и если при этом иногда начнут ссориться между собой невестки, то свекровь говорит:

¹⁰⁹ Огнище; огонь, разведенный в поле, в лесу, на становище, чтобы греться всю ночь.

¹¹⁰ Отсюда и выражение «выносить сор из избы», то есть разглашать семейные тайны, не держать секретов (*Примеч. С. В. Максимова*).

— Полно вам браниться, удерживайте язык, аль не видите, что огонь зажигают?

И ссора прекращается, перебранка смолкает.

— Огонь грех гневить — как раз случится несчастье, — говорят крестьяне, вспоминая известную легенду, предостерегающую от перебранок при зажигании огня.

Вот эта легенда или, вернее, нравоучение:

«Зажглись на чужом дворе два огня и стали между собой разговаривать:

— Ох, брат, погуляю я на той неделе! — говорит один.

— А разве тебе плохо?

— Чего хорошего: печь затапливают — ругаются, вечерние огни затепливаются — опять бранятся...

— Ну гуляй, если надумал, только моего колеса не трогай. Мои хозяева хорошие: зажгут с молитвой и погасят с молитвой.

Не прошло недели, как один двор сгорел, а чужое колесо, которое валялось на том дворе, осталось целым»¹¹¹.

Когда на Руси появилось христианство, оно хотя и ломало коренные народные обычаи, но в то же время зорко присматривалось к наиболее упрочившимся предрассудкам и старалось осторожно обходить их. Поэтому и огонь, издревле почитаемый русскими людьми, оно приняло под свое священное покровительство. Провозвестники нового учения оценили в огненной стихии ее очистительное начало и, угождая всеобщим

¹¹¹ Подобная легенда известна и малороссам, с той разницей, что огонь недоволен был хозяйкой за то, что она замечает его грязным веником и ничего не подстилает, ничем не укроет (не сгребет на плоску и не спрячет в печь). «Она, может быть, исправится», — советовал другой огонь, у которого хозяйка была добрая — всегда, бывало, его перекрестит и сбережет. Сошлись оба огня у той же плохой хозяйки. «Ну что, поправились?» — «Нет, сегодня же сожгу ей избу». Услыхала угрозу сама виновная и тотчас же сгребла уголья в загнетку и стала потом всегда делать так, т. е. загребать огонь особым веником, а отнюдь не тем, которым метут полы, всеми мерами стараясь избегать дотрагиваться до огня ножом или топором или говорить про огонь что-либо бранное или неприличное и т. п. (Примеч. С. В. Максимова).

верованиям, признали в нем освящающую силу. В таком смысле внесли слово «огонь» и в молитвенные возношения, поставив его с изумительным дерзновением неизмеримо высоко, наравне с дарами Святого Духа. Несколько веков стояло это слово в церковных требниках не на своем месте и произносилось в возгласах при освящении воды в навечерие Богоявления: «Сам и ныне Владыко, святив воду сию Духом Твоим Святым и огнем», пока не догадались, что это явная и грубая ошибка, противная коренному смыслу христианского верования. Так было до 1616 года, когда духовному люду привелось твердо убедиться в том, что этого придатка нет в тех греческих богослужебных книгах, с которых переведены все «обиходы» церковные. Поэтому в богатых церквях велено было отобрать те требники и заменить их исправленными, а в бедные приходы, которым было не по силам покупать новые и дорогие книги, приказано было ехать поповским старостам (нынешним благочинным) и то предательское слово зачернить, замазать, заклеить бумажкой. Самим же священникам указом предписано этого «прилога не говорить». Указ был исполнен в точности, без всякого прекословия, и только не налаживалось дело у стариков-священников, которые по закоренелой привычке продолжали говорить это слово и, спохватившись, оправлялись и досадовали на себя, делая беспокойные телодвижения. Кончилось тем, что на эти случаи свидетели поповских неудач приладили к старой поговорке новый «прилог» — стали говорить: «грех да беда на кого не живет — огонь и попа жжет». И кроме того, шутки ради стали укорять виновных в обмолвках попов при честном народе: «На воду глядит, а про огонь говорит». Справедливость требует, однако, заметить, что далеко не везде исправление священных книг окончилось столь мирным и безобидным образом. В центре России оно вызвало недовольство. <...>

Кроме живого огня, русские люди придают большое значение так называемому «освященному огню». Это огонь, вынесенный из церкви после великих священнодействий и в то время как бы получивший особенную

силу и исключительную благодать. В Великий четверг после чтения Страстей благочестивые люди несут из церкви зажженные свечи, с которыми стояли в торжественные моменты важнейших богослужений. Причем важное значение придается не только огню, но даже свечам. Так, «венчальная» свеча зажигается при трудных родах и иногда ставится в изголовье умирающего в расчете на то, чтобы скорее кончились страдания. «Пасхальная» свеча, по влиянию и благодати равносильная с прочими, имеет громадное значение для пастухов, у которых будет сохранно стадо, если в рожок закатан будет воск от этой свечи. «Богоявленская» и «четверговая» свечи, кроме защиты во время грозы, имеют еще особые свойства: первая, как и «венчальная» свеча, помогает в родах и при смерти, вторая владеет могучей силой уничтожать чары колдунов и лечить лихорадки, ею выжигают на косяках дверей и окон кресты, чтобы злые духи не посещали жилищ. Затем всякая свеча, побывавшая в храме и там купленная, обладает магической силой при разных случаях, перечисление которых, по многочисленности, было бы утомительно¹¹².

Признавая за огнем целебную и предохранительную силу, наш народ в то же время сохранил уверенность, что священный огонь имеет и множество других полезных для человека свойств: чем, например, наказать непойманного вора, ловко ускользнувшего и схоронившего концы? Для этого надо взять восковую церковную свечу, известную всюду под именем «обидающей» («за обидающего»), и прилепить перед образом оборотным концом для того, чтобы, подобно свечке, стоящей нижним концом вверх, Господь таким образом поворотил душу врага, навел на неизвестного вора такую тоску, чтобы тот раскаялся и возвратил украденное. Еще дальше пошли те

¹¹² Эта вера в силу свечей распространена всюду, но в особенности она сильна в Белоруссии, где существуют не только «врачающие» и «спасающие» свечи, но издревле устроен даже специальный праздник «Громницы», совпадающий с Сретением Господним (2 февраля) (Примеч. С. В. Максимова).

суеверные фанатики, которые готовят свечи из человеческого жира в расчете, что такая свеча делает обладателя ее невидимым. Вера в эту свечу-невидимку до сих пор так велика, что люди добровольно обрекают себя на законную кару за разрытие могил. Не менее суеверен и другой обычай — «отогревание покойников». По некоторым сведениям, он состоит в том, что тело усопшего, накрытое простыней и положенное на железную решетку, подогревается снизу костром из березовых дров (отнюдь не сосновых и не осиновых, так как на осине Иуда задавился). Обычай этот соблюдается лишь раскольниками и притом тайно и непременно ночью.

Последние два обстоятельства: тайна, не поддающаяся проверке, и указание на раскольников как на виновных в такого рода суеверии дают право глядеть на это сообщение как на злую сплетню, так как на раскольников, как и на мертвых, привыкли взваливать все что угодно. Но, с другой стороны, способы поминания усопших родителей чрезвычайно разнообразны, и один из них действительно называется «греть родителей». Практикуется он во многих местах (между прочим, в Тамбовской и Орловской губерниях) и состоит в том, что в первый день Рождества среди дворов сваливается и зажигается воз соломы в той слепой уверенности, что умершие в это время встанут из могил и придут греться. Все домашние при этом обряде стоят кругом в глубоком молчании и сосредоточенном молитвенном настроении. Зато в других местах около этих костров, взявшись за руки, весело кружатся, как в хороводе на Радоницу (во вторник на Фоминой неделе)¹¹³.

В массе суеверий, не поддающихся никаким влияниям и внушениям и уживающихся рядом с христианскими верованиями, выделяется одно, где огонь также играет влиятельную роль и где поразительна именно

¹¹³ На юге и западе России народное верование, что умершие души не перестают жить за гробом, выражается ежегодными празднествами в честь некогда боготворимых «дядюшек» (предков). Вера эта сохранилась и в Великодержавии в обычаях Дмитриевой субботы, Красной Горки и Радоницы (*Примеч. С. В. Максимова*).

живучесть обмана и его повсеместное распространение. Это бабьи рассказы о «Летучем» (он же и «Налетник» или «Огненный змей»), являющемся в виде сказочного чудовища — достойного соперника храбрых и могучих богатырей, «Змея-Горыныча», превратившемся в удалого доброго молодца — женского любовника.

Многие женщины, особенно в местах, живущих отхожими промыслами, передают священникам на исповеди, что их отсутствующие, а часто и умершие мужья являются к ним въяе и спят с ними, то есть вступают в половое сношение. Сплошь и рядом не только вдовы, но и замужние женщины, войдя в доверие с любознательными школьными учительницами, охотливо рассказывают им о своих похождениях подобного рода со всеми мелкими подробностями. Изучающим деревенский быт или наблюдающим его по обязанности соседства часто доводится получать указания даже на те избы, куда летят огненные змеи, и на тех женщин, с которыми они находятся в плотском сожитии.

Рассказы подобного рода чрезвычайно распространены, причем бросается в глаза удивительное однообразие частных этого явления и его печальных, нередко трагических последствий.

Хотя самая основа этого стойкого поверья лежит, несомненно, в существовании того явления природы, которое называется «огненными метеорами», но в глазах темного люда оно получило вид и характер верования в нечистую и злую силу. Иконография успела даже закрепить в представлении молящихся этих уродливых крылатых и хвостатых чудовищ, изображая их в виде змеев, дышащих пламенем и несущих на своих хребтах женщин, обреченных на погибель или влекомых на соблазн.

У огненного змея голова шаром, спина корытом и длинный-предлинный хвост — иногда до пяти сажен. Прилетая на свое место, он рассыпается искрами, которые вылетают как бы из решета, а летает он так низко, что бывает виден от земли не свыше сажени. Посещает он исключительно таких только женщин, которые долго и сильно тоскуют об отсутствующих или умерших мужьях. <...>

Самого посетителя сторонним людям не видно, но в избе слышен его голос: он и на вопросы отвечает и сам говорить начинает. Сверх того, посещения его заметны и потому, что возлюбленная его начинает богатеть на глазах у людей <...>, хотя в то же время всякая баба, к которой повадился змей, начинает худеть и чахнуть (говорят: «полуночник напущен»), а иная изводится до того, что помирает или кончает самоубийством (все случаи женских самоубийств приписываются змею). Есть, впрочем, средства избавиться от посещения змея. Совестливая и стыдливая баба спохватится и обратится к колдуньям за советом, а уж те укажут, как узнать, кто по ночам приходит: настоящий ли муж или сам нечистый. Для этого они велят в то время, как избранница сидит за столом с огненным змеем и угощается всем, что он приносит и выставляет, уронить со стола какую-нибудь вещь и затем, поднимая ее, наклониться и поглядеть: не копытами ли ноги, не видать ли между ними кончика конского хвоста? Если затем окажется, что прилетевший змей подлинно черт, то, чтобы избавиться от него, надо сесть на порог, очертиться кругом, расчесать волосы и в то же время есть коноплю. Когда же змей спросит: «Что ешь?» — надо отвечать: «Вши». Это ему столь не по нутру, что он «попихнет в бок или больно ударит, но с того случая больше летать не станет»¹¹⁴.

Ходят повсеместно слухи о том, что от огненных змеев женщины рожают детей, но большей частью недолговечных («как родился, так и ушел под пол») или прямо мертвых. Рождение уродов точно так же

¹¹⁴ Слепая вера в существование огненного змея, приносящего золото и вообще доставляющего богатства, доведена до того, что существует даже способ добычи этого змея вживе. Для этого следует достать «спорышек», т. е. маленькое уродливое яичко, суевенно признаваемое за петушьё (в нем один желток и нет белка), и носить его шесть недель под левой мышкой и, когда вылупится змей, то надо на ночь лечь спать в нежилой избе (например, в бане). Во сне черт передаст этого змея в услуги смельчаку на определенный срок и при известных условиях. Тогда отогретый змей начнет носить деньги (*Примеч. С. В. Максимова*).

приписывается участию змея, причем бабки-повитухи, которые ходили принимать таких детей, зачатых от нечистой силы, рассказывают, что дети рождаются «черненькие, легонькие, с коротеньким хвостиком и маленькими рожками». На помощь и как бы в поощрение таким верованиям прибегают и шатающиеся по деревням странники. Они от всех подобных проказ и нечистой силы во образе огненных змеев пишут на бумажках сорок раз псалом «Да воскреснет Бог» и велят надеть на крест и носить не снимая.

Устойчивость верований в огненных змеев, а тем более живое и наглядное олицетворение их несомненно находятся в связи с тем представлением, какое существует вообще о происхождении самого огня. Здесь разнообразие народных воззрений, резко расходящихся между собою, явно свидетельствует о том, что к первобытным понятиям уже успели примешаться те новые, которым довелось вступить в открытую борьбу с языческой стариной. Но победа еще далеко впереди, а пока на боевом поле обе враждующие стороны обнаруживают достаточно сил и стойкости.

Наиболее господствующее убеждение заключается в том, что первый огонь изобрели бесы в то самое время, когда они были изгнаны с неба. При этом рассказывается легенда о том, как Бог со свв. Петром и Павлом ходили по земле и неожиданно увидели костер, разведенный и охраняемый бесами. Бог приложил палочку, и, когда она загорелась, бесы вздумали ее отломать. Тогда Господь ударил этой палочкой о камень, полетели искры, и с той поры люди узнали, как добывают огонь из камня. Так думают и в Малороссии, где эта легенда общеизвестна. В решительном противоречии с ней находится великорусская легенда, свидетельствующая, что огонь дан людям самим Богом, который ниспослал его с небес на помощь первому человеку по изгнании его из рая, когда человек очутился в безвыходном положении и не знал, как готовить себе пищу. Бог послал молнию, которая расколола и зажгла дерево, и тем показал способ добывания столь чтимого и признаваемого святым «живого огня».

Другие легенды стараются примирить оба начала, признавая два огня: адский и небесный, а одна из легенд говорит, что до первого греха первых людей огня на земле не было. После же грехопадения отворились адские ворота, и пламя вырвалось оттуда и появилось на земле, чтобы причинять людям вред пожарами, обманывать вспышками на местах кладов, смущать огневидным появлением в воздухе самих бесов в виде огненных змеев и т. п. Кроме адского огня, был послан с неба и тот огонь, которым зажигались жертвы, приносимые Богу, и устранялись многочисленные бедствия, посещавшие людей и домашних животных в виде различных болезней. Теперь (свидетельствует один из наших корреспондентов со слов верующих) «тот и другой огонь смешались вместе и их не различишь». Но несомненным считается лишь то, что на болотах огни зажигают водяные, чтобы заманивать и топить неосторожных путников; на кладбищах огонь горит над могилами праведных людей; на местах кладов зажигают огонь для обмана легковверных охранители зарытых сокровищ — «духи-кладовики». И все-таки остаются неразрешенными вопросы: каким огнем сжигается масленица, через какой огонь прыгают в Купальскую ночь? И здесь несомненно лишь одно, что в Святую ночь, называемую также и Светлою, по всему громадному пространству Святой Руси около храмов зажигаются костры, а в окнах жилищ — лишние свечи во славу воскресшего Господа, показавшего нам свет.

Вода-царица

Еще на заре человеческой истории люди отчетливо сознавали великое значение водной стихии. Это подтверждает и мифология всех стран и всех народов и позднейшие философские системы древних, которые, при всей их наивности, все-таки успели установить один незабываемый принцип: как без огня нет культуры, так без воды нет и не может быть жизни.

Сообразно с таким пониманием мировой роли воды языческие народы всех времен неизменно обоготворяли

эту стихию как неиссякаемый источник жизни, как вечно живой родник, при помощи которого оплодотворялась другая великая стихия — земля.

Позднее, с распространением христианства, вера в божественное происхождение воды хотя и умерла, но на обломках ее выросло убеждение в святости и в чудодейственной силе этой стихии. Замечательно при этом, что такого рода убеждение в целительных свойствах воды разделяется, наряду с христианскими народами, и магометанами, и евреями, и почти всеми представителями современного язычества.

<...> Пишущему эти строки случилось побывать в урочище, называемом Черный Ручей (верстах в 2–3 от Мстиславля Могил. губ.). Сюда некогда, во времена борьбы православных братств с униатами, устраивался крестный ход братчиков, теперь оставленный. Ближе ручья, почти в самом городе, находится родник, называемый Здоровец, с отличной ключевой водой, почитаемой целебной. «Черным» назван ручей за то, что в нем накапливается и оседает достаточное количество грязи, которою больные мажут себе глаза, получая облегчение. К такому средству прибегают не только окрестные православные и католики, но едва ли не чаще и охотнее прочих евреи, наиболее страдающие всякими глазными болезнями.

Если перенесем наши наблюдения выше, на север, то и здесь найдем немало таких же прославленных родников, привлекающих толпы богомольцев. Напр., в 5–7 верстах от реки Мсты, возле погоста, называемого «Пятницей», из-под пригорка бьет сильный родник, скопляющий в колодезном срубе воды столько, что можно тут искупаться. Родник этот прославился бесчисленными случаями чудесного исцеления больных, и ежегодно, в 10-ю пятницу после Пасхи, здесь устраиваются крестные ходы. Высоко над толпою вздымаются носилки с большою киотою, в которую поставлено деревянное изваяние иконы св. Параскевы Пятницы, несомое над головами народной толпы, длинной цепью склонившейся на коленях. Пелена, висящая на иконе, признается также

Маршрут «Край животворных криниц». XXI в.

лечебно, и ею обтирают лица и глаза. (Торговля удачно приладилась и здесь; по крайней мере, ярмарка из года в год с нетерпением ожидается не только окрестными жителями из Боровичского уезда, но и отдаленного Тихвинского¹¹⁵).

<...> Мы оставляем в стороне другие сообщения, доставленные из каждой губернии, главным образом потому, что они однородны и слишком многочисленны. Притом же и в этих трех указаниях достаточно ярко выражается древняя, присущая не одному православному люду, слепая вера в родники и почтение к ним не как к источникам больших рек-кормилиц, а именно как к хранителям и раздавателям таинственных целебных сил. Это одно из наследств седой старины, но из разряда таких, которые наиболее усердно оберегаются и, несмотря ни на какие соблазны, не исчезают. Если в доисторические времена вместо храмов посвящали богам ручьи и колодцы, а христианство взяло под свое покровительство

¹¹⁵ Больных детей привозят купать и купаются сами родители на той же реке Мсте в подобном же роднике, при селе Белом, у часовни Скорбящей Божьей Матери (Примеч. С. В. Максимова).

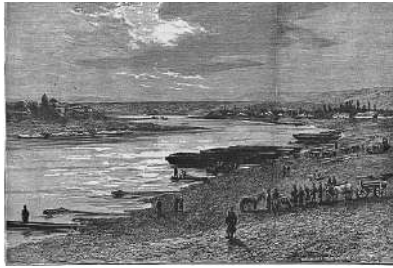
наиболее выдающиеся из них, — то все-таки осталось еще много таких, которые, сохраняя за собою общее древнее название «прощей», не признаны церковью, но признаются народом за святые и к которым народ сходится в известные дни на богомолье. <...> В то же время эти родники или криницы представляют собой несомненные памятники седой старины, когда младенческий ум подзревал в них явное, хотя бы и незримое присутствие и, во всяком случае, близкое участие высших существ. Милостивым заботам этих существ и поручались такие места. Здесь попечительная мать сыра земля устроила так, что ключом бьющая из нее водяная жила и сильна, и непрерывна. Народившийся поток обилен чудесной водою, зимою не поддающейся даже лютым морозам, а летней порой, в палящий зной, холодной, как лед, чистой и прозрачной, как хрусталь, и при всем том обладающей особенным вкусом, резко отличающим ее от воды прочих источников. Достаточно одних этих свойств, чтобы сделать подобные урочища заветными и назвать их «прощами», — словом, самый корень которого свидетельствует о древности происхождения¹¹⁶. Действительно, здесь издревле искали прощения и отпущения, т. е. духовного и телесного освобождения от внутренней душевной тяготы и от внешних телесных повреждений, и именем «прощеника» до сих пор зовется всякий чудесно выздоровевший или исцеленный на святом месте. Хотя в Великодержавии лишь по некоторым местам сохранилось это слово в живом языке (по всему вероятно, вследствие стремления духовенства, а в особенности монастырей, к искоренению языческих обычаев и верований) — но зато в Белоруссии оно употребляется повсеместно. Название «проща» присвоено и тому Черному Ручью, о котором

¹¹⁶ Хотя в Далевском словаре живого великорусского языка «проще» дано иное толкование, очевидно, зависящее от неполноты собранных сведений, но точно указан корень: «простой, прощать, простить — сделать простым от греха; “проща” — прощение, разрешение духовное, индульгенция католиков» (*Примеч. С. В. Максимова*).

выше упомянуто, и тем криницам, которые, подобно находящимся в местечках Лукомле (Могилев. г.), Дивине (Грод.) и др., выбрасывают из недр земли на ее поверхность воду с целебными свойствами, подкрепленными верою многих десятков поколений. Эта вера сохранилась и в настоящем поколении, привлекая к прощам в урочные дни огромные толпы народа, так что эти многолетние сборища вошли даже в поговорку. Когда собирается много народа на ярмарку, или торжок, на обычное гулянье и пр., говорят: «идут, как на прощю»; к радушному хозяину охотно собираются гости также, «как на какую-нибудь прощю», и т. д. В довершение полного сходства при этих прощах, кроме обычных кермашей¹¹⁷, или красных торгов, устраиваются еще и игрища молодежи с песнями и хороводами. По народным представлениям, прощи находятся под особым покровительством св. Пятницы — не той св. мученицы греческой церкви, пострадавшей за Христа при Диоклетиане в Икони, в 282 году, которую вспоминает церковь православная 28 октября под именем Параскевы, изреченная Пятницы, а иной, особенной, своей, и поныне обретающейся в живых и действующей. Эта Пятница всеми тремя главными русскими племенами согласно чествуется в определенный день недели, именно в пятый, считая с понедельника, и, кроме того, в виде исключения, в девятую либо десятую пятницу по Пасхе и в грозную Ильинскую — последнюю перед 20 июля — днем св. пророка Илии. В преимущество перед всеми святыми православной церкви, за исключением Николая Чудотворца (так наз. Николы Можайского), сохранился обычай изображать ее в виде изваяния из дерева. Обычай такой несомненно уцелел с тех времен, когда обращение в христианство было, большею частью, внешним и пользовалось готовыми формами старой веры, более или менее удачно видоизменяя или приспособляя к ним обрядовую часть церковного чина. Лишь впоследствии новое учение стало понемногу входить в плоть и кровь, отступая, однако, перед тем, что успело уже слишком

¹¹⁷ Ярмарка, часто в храмовый праздник.

глубоко проникнуть в народную жизнь и составило коренную и незыблемую основу верований. К числу таковых, между прочим, относится почитание Пятницы именно в связи с занимающим нас вопросом¹¹⁸.

Днепр близ Могилева. XIX в.

Начиная с крайних границ болотистой Белоруссии, от берегов Десны и Киева, до далеких окраин Великороссии и Белого моря — поклонение образу Параскевы Пятницы, в виде изваяния, остается до сих пор неизменным и все-народным. Точно таким же образом всюду на этом громадном пространстве земли, населенной православным людом, целебные родники-криницы и святые колодцы поручены особому покровительству святой Пятницы. Эта связь имени Пятницы с источниками текучих вод не ограничивает силы народных верований в нее как в защитницу вообще воды, в самом широком значении этого слова. Это вытекает, между прочим, из того, что в старинных городах, укрепившихся на высоких берегах больших рек, подобно Киеву¹¹⁹, Брянску и другим, Пятницкие храмы построены на низменностях, у самой воды, — древний обычный прием, который, помимо Великого Новгорода и Торжка с их Пятницкими концами, наблюдается и близ Москвы, в Троице-Сергиевской лавре. Кроме того, во многих местах, а в особенности в Белоруссии, сохраняется обычай молиться о дождях, потребных в весеннее время для всходов и в летнее для

¹¹⁸ Описанию чествования Пятницы отведено будет отдельное место в третьей части трилогии — «Крестная сила» (Примеч. С. В. Максимова).

¹¹⁹ Здесь, на Подоле, под Лаврской горой, находился Дольный, или Пятницкий, монастырь, от которого сохранилась теперь кладбищенская церковь (Примеч. С. В. Максимова).

урожаев, обязательно святой Пятнице, и непременно с некоторыми суеверными приемами: молитвы возносятся в таинственной ночной обстановке и состоят из таких прошений, самодельная форма которых указывает также на давность их сочинения.

Иконы Пятницы, охраняющие святые колодцы, признаются (за малыми исключениями) явленными, а стало быть, и чудотворными, причем преимущество отдается скульптурным изображениям этой святой, но скульптура эта, разумеется, младенческая, она составляет древнейшую форму русского искусства, существовавшую еще во время язычества и в наши дни имеющую археологическое значение. Это изделия тех времен, когда мастера не дерзали еще слишком удаляться от плоской резьбы для изображения естественных округлых фигур и грубый резец, в форме долота, направляемый младенческою рукою, был в состоянии лишь намечать признаки лицевых органов. Но невзыскательные молеельщики равнодушно относятся к явным неудачам первобытных художников. <...>

Не столько бревенчатые стены и дощатые крыши охраняют святые колодцы, сколько именно эти изображения Пятницы, в том или другом виде, и от их присутствия зависит и самая святость и целебность воды. А чтобы не иссякала спасающая и врачующая благодать, приносятся к подножию икон посильные жертвы: рыбьей чешуйкой серебрятся на дне колодцев серебряные гривенники и пятиалтынные, через головы толпы, предстоящей и молящейся, передаются или прямо бросаются разные изделия женского досужества, часто с громким заявлением о прямой цели жертвования: сшитое белье в виде рубах, полотенца на украшения венчика и лика, вычесанная льняная кудель или выпряденные готовые нитки, а также *волна* (овечья шерсть) («Угоднице на чулочки!» — «Магушке Пятнице на передничек!» — кричат в таких случаях бабы). Все это — в благодарность за полученные щедроты и в ожидании будущих милостей: чтобы, не умаляясь и не иссякая, текли дары невещественной благодати, как текут холодные светлые струи живого источника. Эти вещественные приношения

образу поступают обыкновенно в пользу ближайших жителей, причем предполагается, что последние придут на себя заботу по охране святынь от засорения и осквернения¹²⁰. В селе Овстуге (Брян. у. Орлов. губ.) в святом колодце иссякла вода оттого, что одна женщина выполоскала в нем свое грязное белье; в другом месте вода иссякла по той причине, что нечистая женщина дерзнула в источнике выкупаться. В первом случае многие слышали, в течение целых трех недель, подземный шум уходящего в Киев (в Днепр) источника, на месте которого, под старую деревянную церковь во имя св. Параскевы, остался только обвалившийся погнивший сруб. То было давно, и сведение о событии сохранилось в памяти старожилков как смутное предание. <...>

Ввиду такого повсеместно распространенного почитания воды первые просветители темных людей и последующие за ними основатели монастырей, святые отшельники, одною из главных забот ставили себе рытье колодцев. Послуживши хозяйственным нуждам в тех случаях, когда на высоких берегах, но далеко от воды, строилась первая келья и первый деревянный храм, эти колодцы, вскопанные работавшими без усталости руками подвижников, стали почитаться святыми. Они сделались местами особого почитания как видимые следы благочестивых подвигов на земле святых просветителей и молитвенников. В настоящее время трудно припомнить хотя бы один из старинных нагорных монастырей, который не обеспечился бы на подгорном подоле часовенным строением, укрывающим родник, обделанный обычно каменной кладкой или заключенный в деревянный сруб. Все такие колодцы народными преданиями обязательно приписываются трудам подвижников, просявших благочестием на ближние и дальние страны. <...>

В народном представлении, таким образом, становятся священными не только колодцы, вскопанные святыми

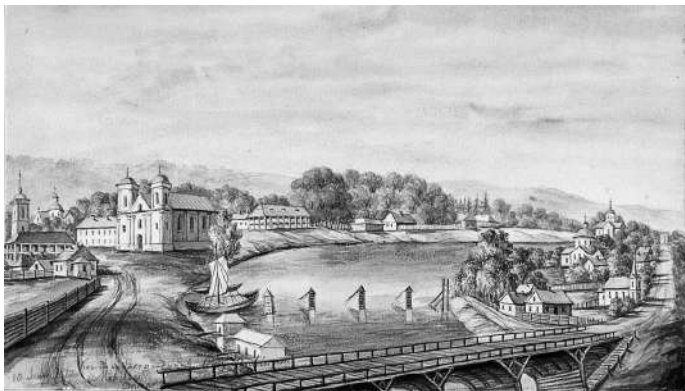
¹²⁰ В целях предупреждения краж пожертвований (вообще, кражи представляют поразительно редкое явление) ходят различные устрашающие легенды <...> (Примеч. С. В. Максимова).

подвижниками, но также и те, появление которых вызвано каким-либо чрезвычайным случаем, как, напр., так называемые «громовые» ключи, бьющие из-под камня и происшедшие, по народному поверью, от удара грозы. Подле таких ключей всегда спешат поставить часовенку и повесить образа, по нынешним обычаям — Богоматери. В двух (известных нам) случаях в число святых колодцев записаны те родники, которые вызваны были падением тяжелых колоколов, свалившихся с колоколен на улицу во время церковных пожаров, и т. п. В этих неожиданных явлениях природы, принимаемых за знамения особой милости Божией, ищут наглядных проявлений тайных и скрытых сил, не утрачивая слепой веры в эти силы и их целебное свойство и при неудачах. Последние объясняются личным недостойнством, греховностью, недостатком веры и разнообразными мелкими упущениями подготовительного и обрядового характера со стороны самих прибегающих к помощи. От этих же причин, между прочим, зависит и то, что и так называемая «спорная вода» не всегда и не везде проявляет издревле присущую ей чудесную силу. Эта вода, взятая из того места, где соединяется течение двух рек, имеет таинственную способность решить вопрос об участи труднобольных, не встающих долгое время с постели: к животу или смерти ведет их теперь таинственная судьба. Собственно же как устья всех рек, так и источники главнейших из них не отличены особенными знаками народного почтения и признательности, хотя эти реки и величаются иногда «кормилицами». Даже исток такой величайшей благодетельницы русского народа, препетой и превознесенной, какова Волга, остается без всякого внимания, в полном пренебрежении. Вместо величественного сооружения над истоком Волги высится часовня в виде сторожевой будки, сооруженная окольным людом. Конечно, местные жители бессильны, по ограниченности своего кругозора, понять весь смысл мирового значения нарождающейся тут реки и к тому же они не знают, что вода источника владеет целебною силою и заслуживает, не менее всех прочих, украшения богатым иконостасом.

За нашими главными и за некоторыми из второстепенных рек сохранились, в виде легенд, следы олицетворения их как живых существ богатырского склада. Это остаток древнего мифического представления, родившегося в ту эпоху, когда первые две реки (Западный и Южный Буг), указавшие славянам путь переселения из-за Карпат, прямо названы были Богом. Наиболее известен рассказ о споре Волги с Вазузой по поводу старейшинства. Эти две реки порешили окончить свой спор таким образом: обе должны лечь спать и та, которая встанет раньше и скорее добежит до Хвальинского моря, будет первенствовать. Ночью Вазуза встала раньше и неслышно, прямым и ближним путем, потекла вперед. Проснувшаяся Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как надо. Но в Зубцове она догнала Вазузу, причем была в таком грозном виде, что соперница испугалась, назвалась меньшей сестрой и просила Волгу принять ее к себе на руки и донести до Хвальинского моря¹²¹.

Другая сказка менее известна, но не менее замечательна. Волга оказывается любимую дочерью слепого отца и сестрою Сожи и Днепра. Отец задумал их выделить и объявил о том только обеим дочерям (Сожи и Волге), а от непокорного сына Днепра скрыл о своем намерении. Днепр, однако, подслушал, как обещал отец наградить Волгу красивыми городами, Сожи подарить лучшие места, а Днепру уделить мхи и болота. Первою проснулась Волга, прибежала к отцу со словами: «Батюшка, пора уходить». Слепой отец велел ей подойти поближе, ощупал ее и, убедившись, что она действительно Волга, так как тело у нее, как вообще у всех счастливых, обросло волосами, благословил ее идти красивыми местами, селениями и городами. Загремела Волга и ушла. Проснулся Днепр и, увидев, что Сож еще спит, и решившись обмануть отца, обвернул руки паклей, так как тело у него было гладкое, и, подражая голосу сестры, сказался отцу Сожью. Слепой ощупал и поверил. Днепр

¹²¹ Вазуза весной вскрывается раньше Волги и своим ледоходом будит Волгу от зимнего сна (наглядное оправдание заносчивости перед главной рекою побочного притока) (Примеч. С. В. Максимова).

Н. Орда. Могилев, Днепр. 1877.

бросился бежать, сколько набралось у него сил, разрывая горы, изгибался коленами — спешил, чтобы сестра тем временем не успела проснуться. Проснулась и Сож: бежит к отцу, сказывается своим именем, но старику пришлось награждать ее лишь теми местами, которые остались у него в запасе, т. е. мхами и болотами.

Этот же Днепр в олонечких былинах является в виде женщины, под именем Непры Королевичны¹²². На этот раз она вступает в богатырский спор на пиру князя киевского с Доном Ивановичем. В единоборстве она осталась побежденной. Дон убил ее каленой стрелой и сам, в отчаянии, пал на ножище-кинжалище. Вот от этой-то крови и потекла Непра-река: «во глубину двадцати сажен, в ширину река сорока сажен».

Олицетворение рек на этих примерах, однако, не остановилось, в народной памяти сохраняются такие же рассказы относительно рек: Десны, Западной Двины, Шачи и Красивой Мечи. И хотя время уже успело стертть краски с этих мифических сказаний, тем не менее русский народ продолжает проявлять на время скрытые, но вечно живые верования.

¹²² Собственно именем Непры зовут Днепр все прибрежные его жители, белорусы Могилевской губ. (Примеч. С. В. Максимова).

<...> Святыми названы народом другие небольшие озера, во множестве разбросанные по лесной России, и притом не только те, которые оказались в соседстве с монастырями. С некоторыми из таких святых озер соединены поэтические легенды о потонувших городах и церквях. Из глубины этих озер благочестивым верующим людям слышатся звон колоколов, церковное пение и видятся кресты и куполки затонувших храмов. Таковы из наиболее известных и выдающихся: в Северо-Западной Руси — озеро Свитязь близ гродненского Новгорода (Новогрудка), воспетое Мицкевичем, и Светлоярое в Керженских завожских лесах, близ г. Семенова. Последнее до сих пор привлекает на свои берега тысячи народа, верующего, что в светлых струях пустынного лесного озера сохраняется чудесным образом исчезнувший во времена нашествия Батяя город Большой Китеж¹²³.

При погружении Святого и животворящего креста в воду из нее, силою и наитием Св. Духа, изгоняется дьявольская скверна, и потому всякая вода становится безукоризненно чистою и непременно святою, т. е. снабженною благодатью врачевания недугов не только телесных, но и душевных. «Богоявленской воде» в этом отношении всюду придается первенствующее значение, и она как святыня наивысшего разряда, вместе с благовещенскою просфорою и четверговою свечой, поставляется на самое главное место в жилищах, в передний правый угол к иконам. Освященная по особому чину в навечерие Крещения Господня, эта святая вода перед прочею, освящаемою в иное время, — имеет то преимущество, что на случай смерти, при полной невозможности приобщиться Св. Тайн, она может заменить их и, во

¹²³ В своем месте (в книге «Нечистая сила») мы уже имели случай говорить о значении озер в этом отношении, а равно и о том, в какой форме сказываются народные представления о водохранилищах этого вида, как известно, весьма разнообразных. Есть озера святые, есть, в противоположность им, поганные, есть чудные и чудные, т. е. необыкновенные, странные и поразительные по внешней красоте или целебной силе (*Примеч. С. В. Максимова*).

всяком случае, умиротворить беспокоящуюся совесть умирающего и близких его. В обыкновенное время при нужде пьют эту воду не иначе как натошак. При этом существует повсеместное непоколебимое верование, что эта вода, сберегаемая круглый год до новой, никогда не портится (не затхнет и не мутится), а если и случится что-нибудь подобное, то это объясняется прикосновением к сосуду чьей-либо нечистой руки. Точно так же повсюду сохраняется суеверное убеждение, что в верхних слоях освященной в чанах воды заключается наиболее благодатной силы, устраняющей недуги и врачующей болезни. Поэтому всякий спешит зачерпнуть воды прежде других, вследствие чего нарушается церковное благочиние криками и перебранкой, невообразимой суетней и толкотней, как на любом базаре.

Что касается неосвященной воды, то и к ней наш народ относится с большим почтением: вода, находящаяся в реках и озерах, имеющих истоки, безразлично почитается чистою, и притом в такой степени, что исключительно ей одной поручается, напр., охранение тех святых икон, которые, за ветхостью, приходят в негодность и теряют изображение ликов. Такие иконы благочестивая ревность не позволяет предавать огню, а обязывает «пускать на воду» не иначе, как с краткою молитвою, оправдывающею вынужденный прием. Охрана чистоты воды доведена в некоторых местах до таких крайностей, что никто из верующих не решится плевать в воду, а тем более производить в ней испражнения и т. под. Стихийная природная чистота воды, сделавшая ее единственным, верным и легким, очистительным средством, потребовала, в самые глухие времена язычества, особого себе чествования, выразившегося в торжественном празднике Купалы. Как предшественники этого главнейшего праздника во многих местах еще сохраняются определенные дни, когда производится обязательное «обливание водой», — обычаи, в некоторых случаях успевшие пристроиться к христианском праздникам¹²⁴. Обливают

¹²⁴ Не говоря уже о далеко не исчезнувшем обычае купанья в морозные дни в крещенских прорубях всех надевавших на себя

холодной водой всех проспавших одну из заутрень на неделе Св. Пасхи (эти заутрени, как известно, совершаются, согласно уставу, «порану»). В некоторых местах, как, напр., в г. Весьегонске (Тв. г.), этот обычай превратился в самостоятельное празднество. Вечером, в день заговенья на Петровский пост, здесь разрешается всякого проходящего по улице обливать из окон водой вполне безнаказанно, и если осмотрительный и догадается ходить посередине улиц, то все-таки и здесь он подвергается опасности: из-за ближнего угла на него налетает кучка молодежи с ведрами, наполненными, на лучший случай, колодезной водой, а то так и квасом и даже квасной гущей. Крики, беготня и смех прекращаются только с закатом солнца. Ради тех же забав, но исключительно направленных молодыми ребятами против девушек, последних обливают водой (в Пошех. у.) на каждый второй день весенних и летних праздников, в первый день Петровского поста (Морш. у. Тамб. г.), когда не спасают хозяев в избах даже запертые двери, в Чистый понедельник и в день Преполовения¹²⁵. Обычай обливания водой носит совершенно другой характер в тех случаях, когда он получает название «Мокриды»: в этой форме он сохраняет явные осколки цельных языческих праздников, устраивавшихся в предупреждение бездождия и сопровождавшихся песнями и плясками на краях прудов и берегах рек. <...>

Прибегая к таким чрезвычайным мерам для вызова дождя, наш народ в то же время очень чтит дождевую воду. Выбегая на улицы босыми, с непокрытыми головами, деревенский и городской люд становится под благодатные небесные потоки первого весеннего дождя, пригоршнями набирает воду, чтобы вымыть лицо три раза;

личины на Святках, нельзя не указать на очень распространенный прием — выставлять за окна сосуды с водой перед кончиной кого-либо из членов семьи: каждый день, в течение всех сорочин, души умерших прилетают сюда, купаются и очищаются от плотских грехов, чтобы предстать святыми на судилище (*Примеч. С. В. Максимова*).

¹²⁵ Христианский праздник, отмечаемый на 25-й день по Пасхе, середина между Пасхой и Пятидесятницей (днем Святой Троицы).

выносит чашки, собирая целебную влагу, и в крепко закупоренных бутылках сохраняет ее круглый год, до нового такого же дождя. Точь-в-точь так же чтит народ и речную воду, когда пройдет весенний лед и реки вскроются. <...>

Эти обычаи приводят нас к целому ряду суеверных гаданий, где воде предоставлено главное место, подобно так наз. «отчерпыванию воды» и «прощению у воды». В первом случае (напр., в Углицком у. Яр. г., близ границы Ростов.), при болезни домашних животных или ввиду какой-либо неприятности, окачивают водою крест или медный образок, стараясь спускать эту воду на уголья, облепленные воском и ранее sprыснутые богоявленскою водою; в то же время читают про себя самодельные молитвы и кропят и поят тех, кто нуждается во врачебной помощи. «Прощение у воды» испрашивается больным и обездоленным. Обычай этот покоится на том убеждении, что вода мстит за нанесенные ей оскорбления, насылая на людей болезни. Поэтому, чтобы избавиться от таких болезней, на воду опускают кусочек хлеба с низким поклоном: «Пришел-де я к тебе, матушка-вода, с повислой да с повинной головой — прости меня, простите и вы меня, водяные деды и прадеды!» — Отступая по одному шагу назад, до трех раз повторяют этот приговор с поклоном и во все время заклинаний стараются ни с кем не разговаривать, не оборачиваться и ни одного раза, конечно, не налагать на себя крестного знамения. <...>

На Святках повсеместно при гаданьях девицы смотрят в воду, чтобы увидеть суженого-ряженого, а ворожей — ворога, причинившего кому-нибудь вред. Колдуны на воду нашептывают, чтобы наслать беду на недруга, и вообще, редкое гаданье обходится без того, чтобы вода не играла в нем существенной роли. Так что выработался даже целый кодекс обрядов, которые, несмотря на самые неблагоприятные географические условия для обмена и заимствований, все-таки поражают своим сходством: сопоставленные рядом в цельной группе, они ясно свидетельствуют о существовании всеобщей старой веры и являются в настоящее время не чем иным, как ее обломками. На развалинах этой старой

веры, разрушенной христианством, наш народ и строит свое мирозерцание, причем одной рукой он держится за старую веру, а другой — за христианство. Эта обычная путаница старых и новых понятий приводит к поразительной неустойчивости народного мировоззрения: веруя, например, в гадания, наш народ в то же время верит, что есть несчастья, которых не устранишь гаданьями. «Воде и огню Бог волю дал», — говорит он в утешение и успокоение на те случаи, когда нарушается в природе равновесие и вода, в меру питавшая землю, из явной благодетельницы временно превращается в лютого врага, наводящего страх отчаяния. «Где много воды — там жди беды», «хороши в батраках огонь да вода, а не дай им Бог своим умом зажить». Никакими гаданьями таких бед не предусмотритишь, никакими заговорами не устранишь — остается одна надежда на молитву о Божьей помощи не только в то время, когда стряслось несчастье, но главным образом когда оно только что собирается и посещение его только возможно. Впрочем, в наше время, когда обмелели реки и повырублены леса, народ страдает не столько от изобилия, сколько от недостатка воды, и редкий год проходит без того, чтобы в любом русском селе или деревне православные не молились о ниспослании дождя. Выработаны даже своеобразные подготовительные приемы для такого рода коллективных молебствий.

Созвал староста сходку — и не обсказывал, зачем потревожил, а прямо приступил к тому, чтобы порешили старички, сколько собирать с каждого двора пятаков на молебен и когда подымать иконы. Поднялась вся деревня на ноги, как один человек: засуетились и заспорили промеж себя бабы, как принимать иконы, чем уболагодворять духовных: надо печь пироги — на голодное их не примешь. Запрягли мужички лошадей в телеги — ехать за вином да сладкой наливкой. Двое выборных ушли позвать на мольбу батюшку священника со всем причтом, посулили плату за общий молебен да в особину¹²⁶ по гривне с дома; пообещали прислать за духовными подводу.

¹²⁶ Отдельно от других, особо.

В назначенный день поднялись ранехонько: еще и звону в селе не было слышно. Натощак (не только никто ничего не ел, а даже воды не пил) отправились все, конечно, одетыми во все лучшее и чистое, отстаивать заутреню и обедню. После нее станут вынимать те иконы, которые укажет батюшка. Церковный фонарь принимает старостин сын; больших херувимов (хоругви) берут молодые ребята, на очередь промеж собою. Иконы нести охотятся все бабы, а потому надо устанавливать порядок: наиболее чтимую икону понесет та девица, которая побойчее всех и покрасовитее; остальные иконы, по двое на каждую, принимают на руки, обернутые платками или полотенцами, другие бабы и несут, приложивши одним краем к плечам. Никаких разговоров богоносцам на все это время не дозволяется, и даже сельские колокола мешают тому, не переставая звонить во вся, пока крестный ход можно видеть с колокольни.

В деревне, на площадке около колодца, уже все приготовлено и место излажено: вынесен стол, покрытый чистой скатертью, и поставлено на нем блюдо под святую воду; подставлены чистые скамейки под иконы. Учительница наладила умелых девиц, к ним пристали чернички — составился хор. Когда, во время водосвятного молебна, запели из канона: «Даждь дождь земле жаждущей, Спасе!» — все пали на колена, и на лицах молящихся как в зеркале отразилась вся гнетущая тоска от напряженных и несбывающихся надежд на благодатные теплые дождички.

С деревенской площадки иконы несут в поле «на зеленя» и, если попадается по дороге родник или хотя бы и высохший колодец, тут останавливаются и снова поют молебен, как бы вызывая иссякшую воду на знакомое старое место. Отдельные, частные молебны продолжаются по особым приглашениям в домах, и когда все они окончатся — в более просторной избе начинается подкрепление сил и затем полное угощение в складчину досыта и допьяна, чтобы искреннею, от души, выговорилась благодарность: «За хлеб за соль, за лапшу за кашу, за милость вашу». Во всяком случае, главная цель достигнута: пришли на мольбу в благоговейном настроении, — разошлись успокоенными, с надеждою на милость Божию. <...>

КРЕСТНАЯ СИЛА

Святки

<...> Из числа других игр, представляющих собой зародыш младенческой комедии, необходимо указать на очень распространенную «игру в барина». Эта комедия носит, несомненно, сатирический характер, и происхождение ее восходит ко временам крепостного права. В избу для посиделок ряженные вводят человека необыкновенной толщины, в высокой шапке, с лицом, густо вымазанным сажей, и с длинным чубуком в руках. Это и есть «барин». Подле него суетятся казачок, подающий огонь для трубки, и кучер (он же бурмистр), гарцующий верхом на палочке и хлещущий бичом то палочку, то девок. Барин неповоротлив, глух и глуп, кучер, наоборот, — хитрая бестия, хорошо знающая барские вкусы и барскую повадку. Барин усаживается и начинает ворчать и ругаться, а кучер подобострастно вертится около и поминутно спрашивает: «Что прикажете, барин-батюшка?» — Самое представление начинается с того, что кучер, обращаясь к парням, спрашивает у них, не желает ли кто жениться, и приказывает спрашивать разрешения барина. Вслед за тем

М. Кулеша. Церковь свв. Бориса и Глеба на Коложе. Конец 1850-х гг.

один из парней приближается к барину, кланяется в ноги и говорит:

— Батюшка-барин, прикажи жениться.

— Что-о? Не слышу, — переспрашивает глухой барин.

— Жениться! — кричит во весь голос парень.

— Телиться?

— Жениться!

— Ягниться?..

— Жениться!

— А, жениться!.. Ну что ж, женись, женись, выбирай девуку!

Парень выбирает девушку. Товарищи его подхватывают ее под руки и подводят к барину. Девушка, разумеется, всеми силами упирается и не идет. Тогда кучер бьет ее «шелепугой» (бичом) и кричит: «Благодари барина, целуй барина». Как только девушку подведут к барину, с него как рукой снимет прежнюю апатию и сонливость: он делается необыкновенно подвижен, оживлен, рассыпается мелким бесом и то лезет целовать и обнимать девушку, то делает полные непристойности жесты. Кучер же в это время помогает барину ухаживать и придерживает увертывающуюся от поцелуев девушку. Потом к барину подходит второй парень, который тоже испрашивает разрешения жениться, и так продолжается до тех пор, пока все не переженятся.

В некоторых местах эта сатирическая комедия представляется с различного рода вариантами, причем характерно, что комедия не застыла в раз и навсегда определенной форме, а подверглась целому ряду изменений, сообразно с новейшими изменениями в судьбе барина. Так, например, в ней нашло отражение и современное помещичье оскудение. По крайней мере, наш смоленский корреспондент свидетельствует, что в Юхновском уезде действующими лицами пародии являются промотавшийся помещик и его слуга-пройдоха. Пародия начинается монологом помещика, который жалуется на трудные времена и на то, что народ от рук отбился. Ему, барину, сейчас нужны деньги, он вчера дотла проигрался

в карты, а староста, между тем, не несет оброка¹²⁷, хотя давно должен был бы явиться. От нетерпения барин наконец кличет слугу:

— Ванька новый!

— Чего изволите, барин голый?

— Что-о? Что ты сказал?

— Я говорю: чего изволите, мол, барин?

Барин посылает слугу в лавку набрать товару в долг. Но слуга возвращается и говорит:

— Не дает лавочник-то. Говорит: этакому шаромыжнику да в долг давать? Твой, говорит, барин больше ничего, как мазурик...

— Молчи, молчи, дурак! — прерывает барин расходившегося лакея. Но лакей не унимается.

— Я что же-с, я молчу... А только лавочник говорит: этакому, говорит, жулику — и в долг? Сохрани меня Боже... Ежели бы, говорит, порядочному господину — я с моим удовольствием, а твоему, говорит, беспортошному барину ни в жисть... Много, мол, развелось их нынче, рвани всякой...

Барин, наконец, не выдерживает и кидается на лакея с чубуком. Лакей убегает, и на его место является староста. Барин очень рад старосте, но боится прямо спросить про оброк и заводит разговор издали, осведомляясь о деревенской жизни и о своем хозяйстве. Староста начинает с того, что на деревне все обстоит благополучно, и незаметно возбуждает у барина надежду на получение денег. Но, как только эта надежда переходит в уверенность, староста докладывает, что хотя и все благополучно, но жеребец издох.

¹²⁷ Анахронизм этот не так велик, как может показаться с первого взгляда, т. к. помещики через сельских старост собирали оброк с крестьян и после их освобождения, пока крестьяне не согласились пойти «на выкуп»; в общем, при освобождении крестьян «выкуп» земли у помещиков не был обязателен, и во многих местах «оброк» за пользование ею платился весьма долго и продолжался бы, может быть, и дольше, если бы крестьяне платили его исправно (*Примеч. С. В. Максимова*).

— Что? — кричит барин, — мой жеребец?
— Ваш, батюшка-барин, ваш. И дом сгорел.
— Что-о? Мой дом?

— Ваш, сударь, ваш. И рожь уродилась такая, что сноп от снопа — столбовая верста, а копна от копны — целый день ходьбы.

Помещик подавлен всеми этими известиями, а староста не унимается и выкладывает все новые и новые беды, пока барин не прогоняет его.

Кончается пьеса тем, что к барину является кредитор и барин опрометью, без души, улепетывает от него на улицу.

Эта пародия очень нравится крестьянам, так что актеров-любителей не только принимают с распростертыми объятиями, но угощают и дарят деньгами. <...>

Благовещение

<...>

По силе народного почитания и по размерам чествования христианских праздников в сельском

И. Ф. Хруцкий. К святому месту. 1840-е гг.

быту отведены первые места Рождеству Христову и Св. Пасхе, с тем различием, что на юге России и западе воздается большая честь и хвала первому, а по всей Великороссии — второму. На третьем же месте излюбленных торжественных дней Св. церкви повсеместно поставлен день 25 марта — Благовещение Пресвятыя Богородицы, и притом в самые первые времена водворения на нашей земле православия. Ярослав I, оградивший город Киев каменной стеною со входными в нее Золотыми воротами, построил над ними Благовещенскую церковь и сказал устами летописца: «Да сими врата благие вести приходят ко мне в град сей молитвами Пресвятыя Богородицы и св. архангела Гавриила — радостей благовестника». Такой же храм был сооружен над воротами Новгородского кремля, и затем вошло в обычай ставить надворотные Благовещенские церкви во всех больших старых монастырях, включительно до позднейшего из них — Александро-Невской лавры.

В обиходе трудовой деревенской жизни самый праздник считается днем полнейшего покоя. <...>

Радуница

Вторник Фоминой недели носит название «Радуницы», или «Радоницы». В этот день православная Русь обыкновенно поминает родителей. Еще загодя крестьянские женщины пекут пироги, блины пшеничные, оладьи, кокурки, готовят пшенники и лапшевики, варят мясо, студень и жарят яичницу. Со всеми этими яствами они отправляются на погост, куда является и священник с причтом, чтобы служить на могилах панихиды. За панихиды бабы, собравшись человек по пяти, платят, в складчину, духовенству пирогами, студнем и кашей. Так как во время богослужения бабы поднимают невообразимый рев и плач на голоса, с причитаниями и завываниями, то мужики во многих местах (напр., в Саратовск. губ.) избегают ходить на панихиды, чтобы не глядеть на бабьи слезы, в искренность которых они не совсем верят. Зато когда духовенство, отведав угощения,

которое готовится для него особо, разойдется затем по домам, — на кладбище являются и мужики, и начинается пир на могилках. Крестьяне христосуются с умершими родственниками, поминают их, зарывают в могилы крашенные яйца, поливают брагой, убирают их свежим дерном, поверх которого ставятся всевозможные лакомые блюда, а в том числе и водка, и пиво. Когда яства расставлены, поминальщики окликают загробных гостей по именам и просят их попить-поесть на поминальной тризне. Но, угощая покойников, крестьяне, разумеется, не забывают и себя, так что к концу поминания на кладбище обыкновенно бывает множество пьяных, которые еле стоят на ногах и путаются между могильными крестами, не будучи в состоянии найти дорогу домой. Такое же, если не большее пьянство происходит и на городских кладбищах, куда в день «Радуницы», для пресечения безобразий, наряжаются даже усиленные наряды полиции. <...>

Лошадиный праздник

<...> В древней Смоленщине (Дорогобужский у.) существует, напр., такая легенда. Святые Флор и Лавр были по ремеслу каменщики и находились в числе строителей стен Киево-Печерской лавры. Один раз, когда они обламывали камни, осколок одного отлетел так неудачно, что попал в глаз единственному сыну и наследнику князя, заведовавшему работами. Разгневанный князь приказал закопать обоих братьев по пояс в землю и держать в ней до тех пор, пока не исцелится глаз, а в случае если глаз вытечет, то князь собирался виновных закопать совсем в землю живыми. По молитвам братьев Господь исцелил больного, и святые получили свободу.

Хотя эта легенда и оправдывает обычай прибегать к этим святым с молитвами при глазных болезнях, но такой обычай — исключительный и узкоместный. Главное же и основное верование не утрачивает своей силы на всем пространстве Русской земли. <...>

Ильин день

На огненной колеснице могучий, седой старец, с грозными очами, разезжает из конца в конец по беспредельным небесным полям, и карающая рука его сыплет с надзвездной высоты огненные каменные стрелы, поражая испуганные сонмы бесов и преступивших закон Божий сынов человеческих. Куда ни появится этот грозный старик, он всюду несет с собою огонь, ужас, смерть и разрушение. Его непреклонное сердце не смягчат ни вопли, ни стоны пораженных, и взор его грозных очей не остановится на зрелищах земных несчастий. Совершив правосудие неба, он, как бурный вихрь, мчится на своей сверкающей колеснице все дальше и дальше, и по могучим плечам его только рассыпаются седые кудри да по ветру развеивается белая, серебристая борода.

Таков, по воззрениям народа, Илья-пророк, олицетворяющий собой праведный гнев Божий. Повсюду на Руси он именуется «грозным», и повсюду день, посвященный его памяти (20 июля), считается одним из самых опасных. Во многих местах крестьяне даже постятся всю Ильинскую неделю, чтобы предотвратить гнев пророка и спасти от его стрел свои поля, свои села и скотину. Самый же день 20 июля крестьяне называют «сердитым» и проводят его в полнейшей праздности, так как даже пустая работа считается великим грехом и может навлечь гнев Ильи. Если в этот день на небе появятся тучки, народ с боязнью следит за ними глазами; если дело доходит до грозы, то боязнь эта переходит в панический страх: все население забивается в дома, затворяет наглухо двери, занавешивает окна и, зажигая перед образом четверговые свечи, молит пророка сложить гнев на милость. <...>

Приписывая пророку Илье власть производить гром и молнию и направлять тучи по своему усмотрению, т. е. отдавая в его руки самые страшные и вместе самые благодетельные силы природы, наш народ твердо верит, что плодородие земли есть дело пророка и что без его воли не может быть урожая. Поэтому народ представляет себе Илью не только как вестника небесного гнева, но и

как благодетеля человеческого рода, дарующего земле изобилие плодов и прогоняющего нечистую силу, эту виновницу человеческих несчастий и болезней. По народному поверью, для нечистой силы страшен не только сам Илья, но даже дождь, который проливается в его день, имеет великую силу: ильинским дождем умываются от вражьих наветов, от напусков и чар. Сам же Илья наводит на бесов панический, беспредельный ужас: как только на небе раздастся грохот его колесницы, черти толпами бегут на межи, прячутся за спины людей или укрываются под шляпки ядовитых грибов, известных в народе под именем «яруйки». Даже сам сатана трепещет перед грозным Ильей и, застигнутый пророком в облаках, пускается на хитрости, чтобы избежать могучих ударов. «Я в христианский дом влечу и сожгу его», — грозит сатана. А Илья гремит ему в ответ: «Я не пощажу дома, поражу тебя». И ударяет в ту пору своим жезлом с такою силой, что трещат небесные своды и огненным дождем рассыпаются каменные стрелы. «Я в скотину влечу, а в человека войду и погублю их, я в церковь Божию влечу и сожгу ее», — снова грозит сатана. Но Илья неумолим: «Я и церкви святой не пощажу, но сокрушу тебя», — гремит он опять и все небо опоясывает огненной лентой, убивая скотину, людей, разбивая в щепки столетние деревья и сжигая избы и святые храмы. <...>

Такая же путаница и разногласия наблюдается во всех рассказах крестьян, когда они начинают объяснять, отчего бывает дождь. Один мужик Смоленской губернии так объяснял причины дождя нашему корреспонденту: «Илья развозит по небу воду для всех святых, и если расплескает малость, так на земле дождь идет». Когда же этого мужика спросили, отчего не бывает грозы с дождями зимой, он не задумываясь ответил: «А зимою святые без воды сидят». <...>

Считая Илью-пророка властителем ветров и дождевых туч, крестьяне связывают с днем этого святого множество календарных примет. «До Ильи, — говорят они, — облака ходят по ветру, а с Ильи начинают ходить против ветра». «До Ильи поп дождя не умолит, — после

Ильи баба фартуком нагонит». «После Ильина дня, — говорят вологжане, — в поле сива коня не увидишь — вот до чего темны ночи». «С Ильина дня ночь длинна: коцап (работник) просыпается, а кони наедаются». «С Ильина дня вода стынет». <...> Земледельческие приметы также связываются с днем Ильи: «Если в этот день с утра облачно, то сев должен быть ранний и можно ожидать обильного урожая; если облачно в полдень — средний сев, а если вечером — сев поздний и урожай плохой».

Никольщина

Под именем «Никольщины» следует разумеать не определенный числом праздничных дней период времени, предшествующий и следующий за зимним Николой (6 дек.). Это празднество всегда справляют в складчину, так как одному не по силам принимать всех соседей. В отличие от прочих — это праздник стариковский, большаков семей и представителей деревенских и сельских родов. Общее веселье и охота на пиво длятся не менее 3 и 4 дней, при съезде всех ближайших родственников, но в избранном и ограниченном числе. Неладно бывает тому, кто отказывается от складчины и уклоняется от празднования: такого домохозяина изводят насмешками в течение круглого года, не дают проходу от покровов и крупной брани и отстают и прощают, когда виновный покается: призовет священника с молебном и выставит всем обильное угощение. После этого он может уже являться в многолюдных собраниях и не надо ему на ходу огрызаться от всяких укулов и покровов — стал он «душевным» человеком. На самой окраине Великороссии, где она приближается к границам Белоруссии, — а именно в Смоленщине (т. е. в Вяземском у. Смоленск. г.), в среде стариков наблюдается старинный (в Белоруссии повсеместно) обычай «свечу сучить». Он состоит в том, что посреди праздничных кушаний подается (по обычаю) сотовый мед. Поедят и начнут лакомиться сотовым медом, жуют соты и выплевывают воск в чашку с водой. Из этого воска выйдет потом мирская свеча Николе

И. Трутнев. Крестный ход на водоосвящение в деревне. 1858.

Угоднику, толстая-претолстая. Обычай требует, чтобы перед тем, как начать есть мед, все молились Николе Угоднику, чтобы умолить у Бога для дома достаток, на скотину — приплод, на хлеба — урожай, в семье — согласие. Крест кладут истоиво, поклоны кладут земные.

Никольщине в иных местах предшествует такой же веселый и сытый праздник — Михайлов день. <...>

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА

(Неспроста и неспуста слово
молвится и до веку не сломится)

Огонь по́пá жжет

<...> Силен живой огонь, вытертый из дерева, тем, что помогает от многих при́ток и порчей с ветру и с глазу, а между прочим, пригоден при скотском падеже, если провести сквозь него еще не зачумленную животину. Божий огонь, то есть происшедший от молнии, народ боится тушить и, если разыграется он в неудержимую силу великого пожара, заливает его не иначе, как парным коровьим молоком. Огонь очищает от всякия скверны плоти и духа, и на Ивана Купалу прыгает через него вся русская деревенщина, не исключая и петербургских, и заграничных немцев. Святость огня, горевшего на свече во время *стояний* на чтении 12 Евангелий в Великий четверг, признается и почитается даже в строгом Петербурге, и непотушенные свечи из церквей уносятся бережно на квартиры. В местах первобытных и темных, где, как в Белоруссии, языческие предания убегают целнее, почитание огня обставляется таким множеством обрядов, которые прямо свидетельствуют о том, что в огне и пламени не забыли еще старого бога Перуна. На Сретеньев день (2 февраля) в тех местах в честь огня установлен даже особый праздник, который зовется Громницей.

Колокола лют

<...> Вообще, следует сказать, что этим церковным благовестникам не только приписывается врачевная сила (например, для глухих, для больных лихорадками и проч.), но народное суеверие зачастую подозревает в них нечто мыслящее и действующее по своему желанию.

Так, например, один сослан был в ссылку за то, что, когда во время пожара хотели бить набат, он «гулку не дал». Царь Борис сослал углицкий колокол в Тобольск за то, что он целый город собрал на место убиения царевича Димитрия. При подъемах новых на колоколенные башни иные упрямятся и не поддаются ни силе блоков, ни тяге веревок, предвещая нечто недоброе и во всяком случае зловещее. <...> Не говорим уже о чрезвычайном множестве провалившихся городов с церквями, колокола которых не перестают в известные дни слышно звонить и под землю, и под водами, напр. в реке нижегородского города Большого Китежа. В одной Белоруссии я знаю таких мест больше десятка. <...>

Семь пятниц

<...> За справками всего благонадежнее отправиться туда, где старинная народная жизнь сохранилась цельнее и языческие верования мало поколебались и отлично сбереглись благодаря изумительному домоводству жителей и уединяющему географическому положению. Около года мне привелось там производить наблюдения, видеть эти самые пятницы лично и слышать про них довольно много, чтобы быть в ответе и рассказать об одной пятнице, которая навязывается всякому, изучающему нравы белорусов.

Буквально на первых шагах, когда привелось удалиться от городов и отдаться наблюдениям в белорусских деревнях, заветным днем недели оказался не тяжелый день понедельник и даже не воскресенье, называемое здесь по-старинному и по-славянски «недзелей» (неделя). Выделяется пятница, или, по-тамошнему, «пяценка» и «петка», тем, что по всей этой лесистой, болотистой и исключительно земледельческой стране этот день полагается днем нерабочим: по крайней мере, еще до сих времен нельзя шить, нельзя купать ребят, мыть и золить белье. Начатую работу, обойдя запретный день, кончают в субботу, и с тем, чтобы тогда же непременно начать новую,

предназначенную на следующую неделю. До изумления старательный, терпеливый и трудолюбивый белорус семи русских губерний в этот день старается не работать на себя, не пашет полос пашни своим семейством. Он искушается на такой тяжкий грех лишь по найму, трудится в людях и на чужих с глубокой верой, что эти уже примут на свою душу грех и ответят за него кому следует, и, между прочим, самой Пятнице. Когда в Великороссии остались в народной памяти и в чести только три пятницы (9-я, 10-я и в особенности Ильинская), в Белоруссии таким образом опасны и страшны все 52, и между ними требуют особенного себе почета и чествования все весение, до Десятухи (десятой). На них выпали все праздники и игрища с дудой и песнями, так называемые «весенины». Понятно, что, пользуясь таким благоприятным обстоятельством свободных от работ дней, на них основались и те сроки торжков, белорусских «кермашей» и «красного торга», которые особенно дороги и умеют удачно подслужиться перед страдою. Точно так же все работы в больших хозяйствах, когда своими силами не управиться и надобится великорусская «помочь» или белорусская «толока» за приличное угощение, везде, по всему русскому западу, производятся в эти дни, как бы в воскресные или праздничные. Принося хозяйству значительную помощь, пятницы, как и прочие обетные дни (заказанные по случаю градобитий¹²⁸, сильных наводнений и других народных бедствий), — являются одним из основных, краеугольных камней и нынешних хозяйств. В то же самое время для неимущей братии эти дни — великое спасение и утешение, и потому она здесь является на глазах у всех первою и последнею, выманивает и благодарит, непрестанно распевая «за поящих, за кормящих, за весь мир православный». <...>

В Белоруссии вышло естественным путем также и то, что торговые дни разбросаны по всем пятницам, а более удачным и счастливым местечкам досталось на долю

¹²⁸ *Градобой* — физическое повреждение отдельных растений, а также целых полей, садов, лесов и огородов выпадающим градом.

по несколько таковых разом. Так, в Могилевской губернии, близ самого губернского города, в одном из самых древних местечек, расположенном по подолу Днепра, в Польшковичах¹²⁹ (в старину — Отмут), чествуются три пятницы: десятая, одиннадцатая и двенадцатая; в гор. Быхове и местечке Кричеве — Десятуха в местечках Шклове и Журавичах — Девятница, да еще, сверх того, сама по себе, осенью Параскевьевская перед днем 14 октября, когда празднуется память мученицы Параскевы, нареченная Пятница, пострадавшей при Диоклитиане в Иконии и, в первые времена христианства на Руси, сменившей древнее божество кривичей. Уже потому оно было важно и почиталось сильным, что потребовало такой замены, и боготворение его несомненно было повсеместным, так как понадобилось при этом религиозном перевороте изображение святой греческой не иначе, как в виде *изваяний из дерева*.

В местечке Лукомле (в Сенненском уезде Могилевской губернии)¹³⁰ такое изваяние «Пятенки» собирает

¹²⁹ Целебный источник в деревне Польшковичи не просто памятник природы республиканского значения, как утверждает табличка у ведущей к нему тропинки. Это святой источник, слава о котором давно пересекла границы Белоруссии.

¹³⁰ Упоминание об этом камне есть в «Крылатых словах», «Неведомой силе», «Священных рощах». «Наше внимание в настоящем случае, главнейшим образом, останавливает этот след человеческой ноги, почитаемой таковым в силу слепого фанатизма, но на самом деле не имеющий ни малейшего сходства с обыкновенным следом человека уже ввиду своей чрезмерной величины. Замечательно, что подобного рода камни, существующие во множестве, пользуются благоговейным почитанием не только среди православного населения, но и в католическом мире, причем суеверное воображение народа создает целые легенды о происхождении этих камней, окружая их ореолом святости. Так, например, подобного рода камень, называемый „стопю“, с изображением креста и славянскую надпись в течение не одного столетия усердно лобызает поклонники в местечке Лукомле (Сенненского у. Могилевской губ.). В церковь, охраняющую изваяние Пятницы, во вторую пятницу после Пасхи собирается до трех тысяч богомольцев из трех соседних губерний (Могилевской, Витебской и

в 11-ю пятницу после Великодня (Св. Пасхи) до трех тысяч человек богомольцев из трех соседних губерний (Могилевской, Витебской и Смоленской). При местном храме сохраняется камень, называемый «стопа́», с изображением креста и славянской надписи, которую, по причине давнего, в течение нескольких столетий, усердия богомольцев, выражаемого прикладыванием губ, в настоящее время прочесть нет никакой возможности. Почитается камень как святыня, но по какой причине и с какого повода, нельзя было дознаться о том даже из темных преданий. Таковую же чудотворную икону заведомо чтут еще в местечке Дивине (Гродненской губернии), и в последнее время еще с усиленным рвением с той поры, когда, во время пожара, хотели ее вынести, но не могли сдвинуть с места. Везде, конечно, пристраивается также шумный и живой торжок с тою неизменною особенностью его, что количеством народа он, во всяком случае, уступает осенним пятницким торгам, когда свободны все руки и покойно сердце: полевые работы все кончены и начинается время отдыха; для всяких праздников (если имеется на что) — широкий досуг. Тогда выбираются сроками для сходов последние пятницы перед Колядами (Рождеством Христовым) и носят общее название «красных торгов». Впрочем, как бы ни путалась в годовых неделях удобная для торгов обетная пора, она старательно выбирает преимущественно пятницы.

Всматриваясь в списки ярмарочных сроков, невольно убеждаешься в том, что если обойден где-нибудь занимающий нас день, то наверное потому, что по соседству в другом ближнем месте воздано ему обязательное внимание. Точно так же кажется, что если весенние и осенние ярмарки приурочены к другим выдающимся праздникам, ежегодно сменяющим дни, то устроилось это лишь за недостатком требуемого числа пятниц, т. е. спрос совершенно

Смоленской), и находящийся здесь камень-стопа, о котором не сохранилось даже легенды и на котором уже нельзя разобрать вконец истершуюся надпись, чтут не менее самого образа» (Максимов С. В. Священные рощи).

превысил на этот раз предложение. Из пятницких торгов в этом древнейшем русском крае составляет поразительно длинный список: достаточно сказать, что на одну Могилевскую губернию приходится 17 пятницких ярмарок и в 14 городах и местечках происходят базары обязательно в каждый пятый день христианской недели, несомненно бывший главным праздничным и первым в неделе у языческих кривичей. Соображаясь же с тем обстоятельством, что и у западных славян (у сербов в будний день, у босняков, галичан и т. д.) почитается «святая Пятка» (и ее поминают во всех молитвах по поводу хлебного урожая рядом с Пресвятой Девой), — в Белоруссии пятницкие торги, часовни на подолах рек и при них игрища, церкви во имя св. Параскевы служат признаками и прямыми указаниями на древнейшие славянские поселения в крае, совершившиеся во времена дохристианские.

В самом деле, при учете Пятницких храмов во всей обширной Белорусской стране сравнительно большое число их резко бросается в глаза, и притом часто сопровождается следующими обстоятельствами. Первый христианский князь в земле кривичей (Брячислав, а по другим Вячеслав) строит в стольном городе Полоцке три храма: Софии, Бориса и Пятницы в 1203 году. Первая православная церковь в Вильне (и притом каменная и, конечно, весьма небольшая, недавно возобновленная) — Пятницкая. Это та самая, в которой Петр Великий крестил предка нашего бессмертного поэта А. С. Пушкина — любимого арапа Ибрагима (Ганнибала); построена женой литовского князя Ольгерда, княжной витебской Марией, на месте языческого капища около 1330 года¹³¹ (здесь она и погребена).

¹³¹ Во всех заведомо древнейших городах неизбежно являются Пятницкие церкви, так что перечисление и указания постройки в первые годы христианства на Руси становятся совершенно излишними. Припомним лишь при этом, что имя Параскевы было любимым в великокняжеских древних родах, и дочь того же полоцкого Брячислава, отданная замуж за Александра Невского, носила это имя (*Примеч. С. В. Максимова*).

Из других исторических памятников выводится именно то прямое заключение, что славянская Пятница, как божество, была покровительницею усопших душ. Монастыри ее все — кладбищенские, или, как называли в старину, «божедомки». В таком смысле верование это перешло и в Великую Россию, на восток и север. Здесь изваяниям Пятниц принадлежит такое же исключительное право и почетное место, здесь Пятницкие церкви богаты синодиками, так как богатые люди предпочитали творить молитвы за своих умерших именно тут. Поэтому Пятница явилась покровительницею убогих и нищих во всей Древней Руси, и около этих церквей (обычно выстроенных на подоле, у рек и самой воды) — во всех местах селилась нищая братия своими хатами и логовищами¹³². Где не было воды, там непременно рыли колодцы и пруды. До сих пор белорусские женщины не перестают молиться святой Пятенке о дождях для урожая, поступая при этом так:

Когда наступает время жатвы, одна из деревенских старух, легкая на руку и этим достоинством всем известная, отправляется в поле ночью и сжинает первый сноп. Связав его, ставит она на землю и три раза молится в это время Прасковье Пятнице, чтобы помогла рабам Божиим (помянет всех женщин своей деревни, на которых, по белорусскому хозяйскому обычаю, лежит обязанность жнитва). Просит старуха об окончании, без скорбей и болезней, тяжелой работы и быть заступницей от лихих людей, особенно тех, которые умеют делать «заломы». Затем берет она свой сноп и, крадучись ото всех, несет его в свою избу. Всякая встреча при этом — недобрый знак.

Для окончательного подкрепления представленных здесь наблюдений и убеждения в древнейшем значении пятого дня всех годовичных недель в той же Белоруссии поступают так:

¹³² Так, между прочим, было и близ Москвы, в Троицко-Сергиевской лавре, где Дольный, или Пятницкий, монастырь (от которого сохранилась теперь только кладбищенская церковь под лаврской горой, на Подоле) собрал слободку из бедных и потребовал от обители особого приюта для убогих и престарелых, преимущественно женщин (*Примеч. С. В. Максимова*).

Осенью, в урочный день поминок по родителям, в так называемый праздник «дзядов» (дедов), непременно вечером, с пятницы на субботу, каждый дом для своего семейного покровителя — духа-деда — печет блины, режет кабана (свинью) и варит борщи с салом, которых бывает четыре сорта. Все эти кушанья в горшках и на латках расставляются по лавкам. Выступает живой дед, самый старший старик, берет черепеньку с угольями вроде церковного кадила, кладет в нее смолу и машет, чтобы охватило дымом кушанья. Сядет он потом за стол, положит на него плетъ и зачитает самодельные молитвы без склада и смысла, — и беда тому, кто осмелится усмехнуться — под руками лежит и орудие расправы. А бессмысленные и смешные молитвы читает старик перед всяким блюдом, после чего следует легкий загул. Меня уверял этот самый живой образ и религиозное лицо кривского культа, старейшина Несторовой летописи, заблудившийся в белорусских пущах до наших дней, что маленькая семья в этот вечер выпивает не меньше четверти¹³³ водки.

После всего сказанного нам уже незачем переходить в Великороссию, потому что если и попробуем поступить так, то неизбежно встретимся с тем же языческим обликом Пятницы, несколько потускнелым (сравнительно с белорусским), и с христианскими образами Параскевы, совершенно потемневшими от времени. Великороссы на большую часть вовсе забыли в чествуемых пятницах соименное им женское божество. Но изваяния св. мученицы Параскевы в очень многих местах по Северной лесной России (в особенности по Олонецкой губернии, вплоть до села Шуи Архангельской, лежащего уже на берегу Белого моря) почитаются либо явленными, либо чудотворными. Они занимают видные места (в красивых и богатых киотах) либо в церквах, либо в нарочно сооруженных часовнях, при обязательных родниках и копаных колодцах. Затем, кто же по всей России не благоговеет в страхе перед Ильинской пятницей?

¹³³ ¼ ведра.

Ильинская пятница

Ильинская пятница — всем пятницам мать и наибольшая: все пятницы в году — тяжелые дни, но эта — опаснее всех прочих и считается таковою с тех самых темных времен, как занялись на земле русская жизнь и народная вера. Как ни напрягали свои усилия христианские учителя, чтобы ослабить это суеверие, все попытки их оказались втуне. Заменяли они Пятницу мученицей греческой церкви Параскевой, — народ слил оба имени вместе и счел за одно. Снисходя слабости душ и сердец и уважая твердость убеждений и прочность верований, проповедники отделили 12 особенных, обявзавши их постом, но народ отстоял все 52, окружил каждую почтением и суеверными страхами и давал в том даже формальные записи. <...> «а в пятницу ни толчи, ни молотить, ни камня не жечи, проводить с чистотою и любовью». <...> Выкидывали Пятницу из списка или «Сказания, каким святым каковыя благодати от Бога даны и в каковыя дни им подобает возносить молитвы», — народ все-таки продолжал чтить в ней богиню — «водяную и земляную матушку» — и чествовал праздником по соседству и в равенстве с Ильей — бывшим Громовником. <...> В молодой России, где православие сильно мутится новыми толками в духе рационализма или обезличивается равнодушием к делам и обрядам веры, языческая пятница все-таки не перестает смущать. <...> Пробовали в апокрифических писаниях, в списках, распространенных в народе в громадном количестве (разнообразных и несходных), умалить и самое значение поста в Ильинскую пятницу; писали, что «тот человек сохранен будет всего только от плача и рыдания»¹³⁴, — и этому не вняли верующие. До сих пор в этот заповедный день не пашут, не боронуют. Уверяли, что в награду за этот пост поведутся в благочестивом хозяйстве хорошие, крепкие лошади, а у

¹³⁴ По моему списку, приобретенному на Печоре в 1867 г. (Примеч. С. В. Максимова).

матерей семейств будут легкие роды¹³⁵. Народ твердит свое: «Если зародится в тот день чадо, то оно будет либо глухое, либо немое, либо выродится из него вор, разбойник, пьяница, чародей или вообще всем злым делам начальник». Девицы-невесты молятся 28 октября, в день св. мученицы Параскевы, нареченная Пятницы, так: «Матушка Прасковья, пошли женишка поскорее!», но на Ильинскую пятницу о таком желании своим помалчивают. В Белоруссии они даже в открытую распевают: «Породзила меня матушка у несчастный день у пятницу, не велела мне матушка белиться и румяниться».

А где таким образом поют и молятся, там, когда сладится свадьба, перины и все невестино имущество отпускают в дом жениха не иначе, как в пятницу вечером. В Малороссии обрядовый свадебный хлебец «лежень» кладется на стол невесты в пятницу же и лежит до венца под двумя ложечками, связанными красной ленточкой, и т. д.

В столице Белоруссии, в Смоленске, духовенство достигло, однако, того, что отбило пятницы первых четырех недель св. Четырехдесятицы. Там приучили народ (однако лишь только с половины прошлого века) ходить в Авраамиев-Спасский монастырь (один из древнейших в России, как основанный еще в XII веке) и выстаивать особые службы в воспоминание Страстей Господних, известные в Смоленске под католическим именем «Пассий». На повечериях читались среди церкви Евангелия Страстей, пелись две песни: «Тебе, одеющегося светом яко ризою» и «Приидите ублажим Иосифа приснопамятного» — и читалось поучение с очевидным

¹³⁵ По списку протоиерея Малова, помещенному в его «Письмах к воинам» (СПб., 1831 г.). Во многих, впрочем, списках Ильинская даже не упоминается вовсе: так, во всех распространенных по Малороссии и Белоруссии, и тоже между собою не схожих, ее заменяет либо та, которая предшествует второй Пречистой (Рождеству Богородицы), либо Зеленым святкам (Троице), либо, наконец, той, которая бывает перед «Ушесцьем» (т. е. Ушествием или Вознесеньем). Разное распределение — разное и значение у каждой пятницы (*Примеч. С. В. Максимова*).

намерением службою величайшей в христианстве пятницы Страстной недели сокрушить неодолимую мощь и силу языческих пятниц. <...>

Пятница, ходя по земле, сама за всеми наблюдает (а хождение Пятницы — повсеместно распространенное верование). Ходит она всюду вместе со смертью, а потому немедля и наказует ею: обычно делает так, что скрючит на руках пальцы, а мужчинам вложит в спину стрельё и лому. Пятницу все могут видеть, и кто видел — тот хорошо распознал, что это еще молодая женщина. Иногда она очень милует и награждает, а в иную пору жестоко наказывает. У одной женщины, не почтившей ее и работавшей, она просто-напросто содрала с тела кожу и повесила на том же стану, на котором та ткала холст. Попался ей раз навстречу по дороге работник, который отошел от хозяина. Сел этот прохожий закусить, а к нему и спрашивается неведомая красавица, чтобы разделить с нею хлеб-соль. Поели они: «Вот тебе за то награда: иди в это село, найди там богатую девушку-сиротку, бери ее за себя замуж. А я даю тебе сто лет веку». Он так и сделал. Жил он ровно сто лет, и пришла к нему Пятница с тем сказом, что пора-де умирать. Умирать не хочется: — «Прибавь еще одну сотню!» Прибавила. Когда исполнился последний день этой второй сотни лет, она опять пришла. — «Еще прибавь сотню!» — Прибавила. Жил-жил человек и самому даже надоело, и такой он стал старый, что по всему телу мох вырос. Приходит святая Пятница и смерть с собой привела: «Ну, теперь пойдем: и вот тебе хорошее местечко здесь остаться». Место очень понравилось, но она повела на другое, которое ветхому старику еще больше полюбилось. Когда привела его на третье, то отворила дверь и пихнула его прямо в ад и промолвила: «Когда бы ты помер на первой сотне своих лет, то жил бы в первом месте, на второй — на другом месте, а то в триста-то лет ты столько нагрешил, что где же тебе и жить, как не у чертей в когтях?»

Этотю легендою дается, между прочим, объяснение тому повсюднему на Руси обстоятельству, что Пятницким церквам отводятся места на кладбищах (как

св. Власию на выгонах) и «девятничают и пятничают», т. е. по-старинному старухи весь день проводят в строгом посте, воздерживаясь даже от рыбы, и по нынешним обычаям — пьянствуют в память умерших родителей именно в Ильинскую пятницу особо и сверх прочих поминальных и панихидных дней. Понятным делается и название в древнейших городах Пятницких концов, приходившихся за окраинами города, как было то, например, в древнем Торжке и в самом древнем Новгороде, а равно и учреждение на «божедомках» скудельниц. Сюда в старину свозились и сваливались в кучу умершие насильственную или неестественную смертью, погибшие на поединках и самоубийцы. Их тела, без отпевания, оставлялись не преданными земле до Ильинской пятницы (в иных местах до Семика), когда благочестивые люди обыкновенно рыли для несчастных могилы, погребали их и, за свой страх, пели по ним панихиды.

В Ильинскую пятницу исстари, как и во все прочие годовые, по селам и городам собирались земледельцы и купцы для торгу, но Ильинская отличалась от прочих тем, что тогда производился суд, расправа и казни, конечно, наводившие еще больший страх и запечатлевшиеся в народной памяти. С преклоненной головой, с согнутой в кольцо спиной, ползает под образами мученицы Параскевы вся женская деревенская Русь. <...>

Главный интерес для наблюдателя, конечно, представляют во всяком случае эти следы древнего почитания дерева и камня, старинного по существу и облеченного лишь в новую форму. В газетных корреспонденциях нередко наталкиваешься на подобные указания, и в особенности на эти следы человеческих ног на камнях. Так, например, кроме знаменитой стопы, показываемой в Почаевской лавре, имеется указание на местечко Лукомль (Могилевской губ., Сенненского уезда), где в местной церкви хранится такой же камень со стопой, как уже сказано нами.

Указанием на эти живые урочища и вещественные следы древнего языческого культа мы желаем обратить

внимание исследователей и на покинутых славянских богов, и на места их почитания. Сколько известно, изучения в этом направлении не производились до сих пор. Не нашлось до сих пор ни одного досужего человека, который составил бы, по готовым материалам, хотя бы краткий перечень сохраняемых как заветные деревьев и почитаемых за святыню камней. Те и другие в изумительном множестве рассажены и рассыпаны по лицу земли Русской, оживленные различными интересными легендами, с достаточной ясностью свидетельствующими о живучести старой народной веры. <...>

Семипудовый пшик

Как у портного на ножницах, у некоторого кузнеца осталось «на клещах» семь пудов железа. Куда с ним деться и на что употребить? Место глухое и бедное, заказов никаких нет, ездят все на одноколках и не только не обивают шинами колес, но и в самой телеге не найдешь ни одного железного гвоздя. Таких местностей на Руси еще очень много, и для примера можно взять даже целую страну, Белоруссию, которая захватила собою шесть русских губерний. Кто купит топор, или обзаведется сошником, или запасется заступом, тот уже показывает их всем и хвастается. Кто это видит, тот завидует. Ждет кузнец, пока у какого проезжего лопнет шина или потеряется подкова, а скопленное железо тем временем лежит попусту, и ест его ржавчина. Надо же его, наконец, к чему-

А. Горавский. У кузницы. 1862.

нибудь приспособить. Выдумал кузнец выковать из него крест.

— Свезу на базар: приглянется какому купцу, захочет порадеть на матушку-церкву — купит. <...>

Курам на смех

Ни одно из домашних животных не представляет наибольших поводов к презрительным насмешкам или унижительным уподоблениям, как куриная порода, с древнейших времен сделавшаяся домашнею и очень полезною. Именно женская половина этого вида, наиболее оказывающая куриных услуг людям (некоторые курицы приносят до ста двадцати яиц ежегодно), вызывает самое большое количество насмешек. <...> Ничего не может быть обиднее и унижительнее сказать или сделать на смех этим смешным курам (совсем худо, если «курам смех»), как ничего не может быть жалчее и опять-таки в то же время забавнее «мокрой курицы».

Вялый в работе, неповоротливый в движениях человек, на которого нечего и рассчитывать, обзывается, с великой досады, этим самым унижительным прозвищем «мокрой курицы», потому что непригляднее ее, попавшей под дождь и не успевшей спрятаться под навес и на насест, трудно уже представить себе что-нибудь другое.

«Слепая курица» есть тот человек, который бестолково тычется и суетится, разыскивая вещь, лежащую, что называется, у него на носу. Толпа на базаре, горожане на бульваре ходят долго и много, но без всякого толку — это они как куры бродят. Утлая избушка сказочной бабы-яги и всякой иной ведьмы стоит не иначе, как на курьих ножках: такая неустроенная и необрядная, что хуже ее не бывает.

Против этого мимоходного сообщения довольно пространно возражает г. Никольский (сначала в газете «Южный край», потом дословно в воронежских «Филологических записках», 1891 г., вып. IV–V). Он прямо, ничтоже сумняся, ставит сказочную избушку «на курьих», а не на курьих ножках.

В Олонецких краях, где умели целно сохранить (более, чем где-либо) песенную и сказочную старину, избушка на курьих ножках снабжена еще придатком «на веретенной пятке», то есть до того неустойчива, что свободно могла поворачиваться, как укрепленная на тонком конце вертлявого веретена («пятке»). Иван-царевич так

и говорит ей: «Устойся — устойся — туда тынцем (то есть тыном, забором), ко мне крыльцем. Мне не век вековать, одну ночь ночевать». Весь интерес сказки вертится именно на архитектурной особенности и исключительности этой постройке, а вовсе не на местоположении ее. Напрасно мой судья взвел напраслину на сказочников, что они не понимали выражения «на курьях»; стали-де искать к прилагаемому (на курьих) существительное, каким и оказалось «ножки». На Севере в особенности всем известно, что *курья* — тот изгиб реки, который отделяется от главного русла большим коленом, образуя остров. Так делает это Печора и сделала Двина против Холмогор, отрезавши большой остров — «Кур-остров», на котором уместилась целая волость с деревнями, и в одной из них, как всем известно, родился наш гениальный Ломоносов. Напрасно, стало быть, выписывал автор из словарей целую группу финских слов, которые довели его лишь до неверного понятия о курье как о «высохшем русле реки или оврага, теряющегося в болотах». Стремясь поместить «едва заметную убогую избушку» еще как можно дальше — в курье, «в оврагах и лощинах, где русского духа слыхом не слыхать», как видим, сам толковник забрел без всякой надобности в болота и там доброхотно завяз. Кур-островская курья течет себе вольно, пропуская даже пароходы, да и в избах побережных деревень петухи поют, напоминая, что старинное славянское имя им — кур («куре-доброгласие»), да и сейчас «попал как кур во щи», и уже по нем супруга из его гарема называется курицей. Отсюда от него же прилагательное законное «курий», а от особи женского пола, по произволу, и «куричий», и «курячий», и даже «курицын сын», как слегка бранное и насмешливое¹³⁶. Слово же «куриный», рекомендуемое

¹³⁶ В «Вопросах Кирика и Слове христороубца» сказано: «Кумирную жертву ядят, и кур (петухов) им режут». В 1289 г. кн. Мстислав установил с берестьян подать со ста «по 30 куров», а княгине Витовтовой давали с дыма (то есть с каждого двора (очага)) в кухню по *курети* (по курице) и по 10 яиц. По «Русской правде» за куря взыскивали по 9 кун и т. д. В цельном своем виде живым сохраняется

оппонентом, относится ко всей птичьей породе, ко всему семейству этих пернатых животных. Теперь как же объяснит автор предлагаемой мне поправки со своим финским аршином московское урочище «На курьих ножках», где стоит (между Поварской и Арбатом) церковь Николы, чрезвычайно далеко от Москвы-реки? И наконец, как он посоветует приспособить к имени обитательницы избушки производимое с финского «ягать и яжить» к белорусской старухе, которая зовется «бабой-Югой», а чаще просто «Югой»? В Белоруссии, при чрезмерном обилии болот, о болотистых курьях и не слыхивали, даже и в тех местностях, которые соседят с финскими племенами.

Где куры не поют

Природа из числа куриных пород наделила только весьма немногих приятным голосом, и в числе их кое-каким однообразным и крикливым нашего домашнего петуха. Вещее пение его и переключка всех его родичей и соседей служат по ночам заменой строго выверенных деревенских часов, а днем — указателем погоды и даже предсказателем грядущего. Запели первые петухи — это полночь: ворочайся на другой бок; вторые поют перед зарей, третьи на самой заре — вставать пора. Если же днем или ночью они распоятся не вовремя, то либо видят злого духа и гонят его прочь, либо предсказывают покойника, либо новые указы будут, либо начнется ненастье. Если поют они целую ночь, то напевают всем на голову какую-нибудь непрошеную беду и неминуемую напасть. За это преимущество, предоставленное петуху природою в исключение перед прочими, за это право петь он получил, в замену коренного и древнего имени «кур» и наиболее употребительного в деревенском быту названия «кочетом», прямо определяющее и его

до сих пор старинное имя современного петуха при выражении о неудачнике: «попал как кур во щи». При этом объясняется, что такое изречение применено было еще к судьбе первого самозванца (по свидетельству современника М. Бэра). (Примеч. С. В. Максимова.)

право, и способность петь, — повсеместное имя петуха. Оно равнозначает с церковнославянским «петел», с древненовгородским «пеун», или певун, с нынешним казацким и белорусским «певен» и с малорусским «пивень». Все это он, тот самый (по художественной картинной характеристике одного из зоологов) гордый, поющий посреди своего гарема султан, украшенный короною, гребнем и хвостом, который великодушно заботится сначала о слабейшем поле и только потом уже о себе самом. Этот патриарх и ментор вполне совмещает в себе смешную, но все-таки умилительную поэзию куриного быта. В упорной кровавой битве, сражаясь шпорами, клювом и крыльями, он прогоняет из своих владений чужих пришлецов и тогда возвещает с высокого места, далеко разносящуюся триумфальною песнью, об унижении бегущего врага. Поэтому называется он уже в санскритском языке (самом древнем из известных языков) «krikavaka».

Бывают, однако, такие случаи, что нарушаются уставы естества и на грех курица свищет, силится спеть петухом, как равным образом случается, что, по пословице, кому поведется, у того и петух несетя (спорышком — уродливым куриным яичком в твердой скорлупе, без белка, с одним желтком). Тот и другой случай предсказывают великие беды. Суеверие обратило это уродливое маленькое яичко — «спорыш» или «сносок» — в петушьё яйцо, из которого высиживается василиск, т. е. дракон или змей. Если же заметят, что курица подарила таким спорышком, то твердо убеждаются в том, что она хочет перестать нестись. Большею частью таким заподозренным птицам немедленно рубят головы, а потому сложилось и пословичное убеждение: «не петь курице петухом, а и спеть, так на свою голову»¹³⁷. Впрочем, судя по разным

¹³⁷ Какая бы птица ни залетела в избу, надо изловить ее и сорвать голову с приговором: «На свою голову!» Это же надо сказать громко, если собака начинает выть по ночам, и при этом обязательно перевернуть под головою подушку. Как бы собака ни выла, в обоих случаях к худу: воет, держа голову к земле, — быть покойнику; задрала голову вверх — быть пожару, и т. под. (Примеч. С. В. Максимова).

местностям, в этом случае замечается некоторое противоречие: так, например, в Южной России таких поющих кур считают плодливыми, называют «носками» курами и не режут их. Вообще же наиболее распространено то мнение, что «не к добру курица петухом поет».

Вот на этом же самом юге России нашлось такое село, где куры совсем не поют, по особенно важной причине. Такое знаменитое село отыскалось в Волинской губернии, в тридцати верстах к западу от уездного городка Староконстантинова. Зовется оно Чернелевка и расположено на реке Случи и при пруде, довольно живописно и удобно. <...> Тамошний народ до сих пор твердо помнит и рассказывает (оправдывая свою с трудом поправимую бедность) про недавние «панские времена», и про «войтову путу и плеть», и про «войтову бирку». На последней безграмотные войты или сельские старосты нарезками замечали количество принятого зернового хлеба и прочее. <...> По словам самих сельчан: «Волк ягнят так не душит, как душили нас, — не было к нам никакой жалости». <...> Бывало, весной каждой хозяйке в хате раздадут по 20 яиц и велят осенью доставить 20 кур: не донесла этого числа — либо прикупай у жиждовок в корчме, либо плати по гривеннику за каждую недостающую до полного счета птицу. Приводилось больше расплачиваться не птицами, а деньгами. «Село до такой степени запицало, что не подойди к тому времени воля — сталось бы большое худо: все бы поднялись бунтом».

«Стали говорить соседи и все проезжие с обозами, не то из жалости к нашей куриной подати, не то на смех, за недостачу всегдашнюю у наших жинок кур, — называть наше село не настоящим именем, а всегда так-то: “Это то село, что куры не поют”».

Настоящее название села с языка у соседей пропало. Таким и слывет оно в народе до сих пор, изживая прежние невзгоды, но оставаясь на людских памятях как ведомые и видимые горемыки — особняки. В Белоруссии так и говорили в те времена, с полной уверенностью, что «дере коза лозу, а вовк козу, вовка мужык, мужыка пан, пана юриста, а юриста чертов трыста».

Подкузьмить и объегорить

<...> Сколь величествен в представлении народном самый мифический образ св. Егория, столь же знаменателен в народной жизни этот день, т. е. не астрономическое число празднования в честь великомученика, а ближайшие окружающие его дни, вроде осенних Кузьминок, зимней Никольщины и т. п., среди которых указанный представляется лишь починным или срединным, как бы своего рода эрою. Вся группа последующих дней составляет определенный период, на который упадают известные сроки обязательств, вынуждаемых в деревенском быту либо общественными, либо домашними требованиями, а в экономической жизни указуемых временами года и явлениями природы. «У Егорья по локоть руки в красном золоте, по колени ноги в чистом серебре, а во лбу-то солнце, во тылу месяц, по косицам звезды переходящие», — поет былина, подслушанная мною на побережьях Белого моря. Егорий разъезжает в поднебесье на белом коне, в лесах раздает наказы зверям, которые все у него в строгом подчинении; на полях спускает он на нивы питательные живоносные росы и, приглашая сюда деревенский домашний скот, обещает ему на все лето защиту от зверей и покровительство при питании¹³⁸. Он начинает красную весну и указывает срок посевам, отчего и называется «Егорий — ленивая сошка»: выезжает запахивать на этот день пашню даже лежебока, если не желает на весь год «подъегорить», т. е. обмануть и обездолить семью, оставив ее на чужом, горьком хлебе. К этому сроку весеннего бесхлебья все запасы подошли к концу: осталась одна надежда на милость Господню и на св. великомученика, который, по этому обычному явлению в сельской жизни и народном хозяйстве, зовется повсюду «голодным» (в отличие от Егорья холодного — 26 ноября). С

¹³⁸ У белорусов на нем: белый плащ, на голове — венки, в руках колосья; ноги босые. По приказу матери он отворяет небесные ворота, и с выездом его на землю начинается настоящая весна (Примеч. С. В. Максимова).

Егорьева дня начинают обычно весенние хороводы, выгоняют вербой, сбереженной от Вербного воскресенья, в первый раз скот в поле и запахивают пашни. Из дальней, глубокой старины, ведавшей твердо свои права и руководившейся свободой в исторический «Юрьев день», в старину (до конца XVI века) этим днем точно определялись сроки всякого рода наймам рабочих, сделкам промышленных и предприимчивых людей и сроки платежей у торговцев. Две недели до осеннего Юрьева дня и одна неделя после него полагались конечным сроком, когда крестьяне садились на новые земли и обязывались отдавать половину или треть жатвы за пользование ими: либо богатому купцу или ловкому промышленнику, либо сильному князю или честному монастырю. Кроме этого срока, ни владелец не мог отказать, ни сам крестьянин отбиться от работ и уходить с земли к другим. Борис Годунов «подъегорил» весь крестьянский русский люд тем, что отнял у него это право переходов от худых владельцев к хорошим. По старой памяти и по неизменному почтению к старине, это обычное правило отчасти убереглось до наших времен во всей неприкосновенности. В самом деле, Егорий починает полевые работы (весной), как он же их и кончает (осенью). Древние сроки наймов на весь этот рабочий период в нынешние времена лишь сократились, ограничившись в иных случаях Семеновым днем, «летоководцем» (1 сентября), — началом бабьего лета и концом посева озимей, в других — днем Покрова, который кончает уличные хороводы, сменяя их для молодежи посиделками в натопленных избах. При наймах в другие работы выговариваются более отдаленные сроки, каковы, например, Кузьминки (начало ноября — древние «братчины»), как начало зимы. Это такое время, когда въявь обнаруживаются итоги и плоды летних полевых работ и можно из своего ячменя, с придачей с женина огорода хмеля, сварить разымчивое пиво. Может «подъегорить» рабочий наемщика, давши слово или взявши задаток, — не прийти в срок на работу; может подкузьмить, т. е. обмануть, и мироед-хозяин при расчете с наймитом за потраченный полугодовой труд с весеннего Егорья до

осеннего «Кузьмы-Демьяна». Может и купец в одно и то же время и подкузьмить, и подъегорить, не прибывши в заговоренное время с готовыми деньгами для расплаты или с готовым товаром для расчета. Кстати, можно и самому рабочему вскоре «просавиться» или «проварвариться» (кому как угодно), т. е. на своих сладких пивах, а равно и на покупном зеленом вине прогулять все заработки, увлекшись зимними Никольщинами, когда во всяком доме пиво. <...>

Дело в шляпе

Некоторые думают производить его в виде переводного слова с французского языка, хотя, по многим признакам, выражение это можно считать коренным или если и заимствованным, то в очень далекие времена. Метать жеребьи, определяя очереди — прием, известный библейским евреям, — практиковался и на Руси. Шляпа, валянная из овечьей шерсти, — также издревле русский народный головной убор, и белорусский колпак-магерку

Головные уборы

мы видим на скифских изваяниях. В эти шляпы на всем разнообразном протяжении Русской земли бросаются всякие жеребьи в виде условных знаков — будут ли то каменные или надкусанные и нацербленные рубилом монеты, или кусочки свинца с меткой на счастье — при спорах и наймах. «Жеребей — Божий суд» (говорит пословица); «жеребей метать — вперед не пенять». Чья метка вынется, на том

человеке и всем спорам конец; его право на получение заказа перед соперниками на куплю и продажу, на поставку лошадей в разгон и т. д. неоспоримо, и дело в шляпе ожидало лишь очереди: надевай ее на голову — теперь дело твое из нее уж не выскочит. <...>

Покамест

Здесь, между прочим, следует искать происхождения слова «покамест» как старинного, оставшегося кое-где в ненарушенной форме: «ждали по ка, — подождем и по та», т. е. подольше, — слышится зачастую. «По ка (по какое место) укажут, по та и отрубись», — обычно говорят плотники северных лесных губерний. «По ка мест живется, по та мест и жить стану», а индо уже подмененное общеупотребительным наречием *пока*, *покудова*, на северо-востоке России *дока*, *докуда*, *поколь*, *поколе*, на юго-западе — *поколь*, *покелева*, *покелича*, *покедь*, *поколи*; на юге — *покаме*, *покамест*, *покилича*, а у белорусов и малороссов *поки* и *допоки*. *По ка место*, как сложное существительное, издревле склоняется в любимой и более употребительной форме множественного числа, например, как в старых актах, «по кех мест те судные деньги (т. е. взятые займы) за ними, исполщиками (половинщиками в работах), побудут (вперед за условленную работу), а где ее запись выляжет, тут по ней суд», и проч. <...>

И зверю слава

Животное царство дало много подобий, пригодных для пословичных выражений и крылатых слов. Так, между прочим, наблюдения над животным царством из пернатых привели к уподоблению галкам людей, ненаходчивых в трудные минуты жизни и ввиду неожиданных препятствий. <...> Полоротые дикари захолустных мест получили такое насмешливое прозвище, заслуженное ими

явно показанным изумлением при виде невиданных и незнакомых диковинок. <...> Летит умная и смышленная птица к гнезду — и вдруг поглупела: ветка, взятая поперек, не идет в маленькое отверстие гнезда. <...> птица бьется изо всех сил, стараясь просунуть, хлопает крыльями, вертит головой и хвостом, — и не попадает. Выбившись из сил, она бросает ветку и летит за новой, с которой начинается такая же возня, как в сказке про белого бычка. Кто всматривался в галочки гнезда, тот видал, как много под ними разбросано сухих прутиков и веток: все это собранные материалы, но, без ватерпаса, топора и скобля, не прилаженные к сооружению в должную меру. Выходит, по пословице: «галка не прытка, и палка коротка», «разбросались палки на чужие галки»¹³⁹.

¹³⁹ По отношению к названиям птиц в нашем родном языке замечательна выдержанность при усвоении их в звукоподражании. Не говорим уже о зловещей кукушке, накричавшей свое прозвание целому свету и всем народам; хитрый, осторожный, выступающий театральною поступью с гордо приподнятой головой и высматривающий умными и пронзительно-зоркими глазами ворон называется в Белоруссии необыкновенно верно, в соответствии его крику на полете, — «круком». «Карр», а всего чаще «ккра», «грра», — с самыми первыми признаками весны должен слышаться ежеминутный неустанный крик в городских садах и пригородных рощах, где много старых деревьев. На них-то и накидывается птичья стая, со времен творения привычная жить большими колониями, бесчисленными артелями, — стаи вороньего рода сплошь черные, и белоносые грачи (этим-то звуком «грра» и рекомендует себя при первой встрече старая птица этого рода). Прислушайтесь, когда летит за добычей самая маленькая изо всего вороньего рода птица с коротким и толстым клювом, черно-серая цветом, похожая на ворону, но отмеченная особым именем «галки», — прислушайтесь к крику ее внимательнее: она ясно сама выговаривает свое неважное имя. Весной, сидя парочками, галки умеют очень мило болтать вполголоса и на разные лады, подобно щebetунье-сороке, — как подметил то прислушливый к жизни природы и ее голосам профессор Дмитрий Кайгородов. Такой естественный народный прием в присвоении прозваний довольно нагляден, обычен и понятен, не требует представления дальнейших доказательств (Примеч. С. В. Максимова).

Лентяй, вечный соня и неповоротливый лежебока обзывается именем хомяка... Таким понят он у нас (у немцев хомяк превратился в поговорку, рисующую образчик скудости, соединенной с гневною яростью).

Кто работает суетливо, но без пользы и добрых последствий; кто всю жизнь хлопочет, состоя при одном и том же деле или ремесле, мучительно перебиваясь в нужде, тот трудится, что белка в колесе.

Болтливую, неугомонную бабу — рыночную торговку, свах и прочих разносчиц вестей и сплетен зовут сороками, с сорочьим языком. <...> Она скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу. <...> Вообще, эта птица, совершенная лисица между пернатыми, народом не любима. Ее считают проклятой трижды: одни говорят, что она, склонная воровать чужое добро, утащила у великого постника и подвижника не то просвирку, не то лепешку с окна кельи. <...> С другой стороны, о вороне — родной сестре белобокой сороки — не установилось одинакового мнения: кто считает ее воровкой, кто приписывает ей похвальные добродетели, кто находит в ней комические стороны, применимые к людским свойствам. Большой рот ее пригодился в укор тому, кто имеет дурную привычку, слушая, разевать рот. <...> Полоротая ворона, одетая в павлиньи перья, понадобилась для укора и насмешки над тем, кто не по заслугам хвалится и гордится. <...> Плох сокол, если ворона с места сбила, и частенько бывает в жизни и службе, что «сокол (снимается) с места, ворона (садится) на место».

Настойчивый до докучливости человек уподобляется у нас дятлу. <...> Бестолковый, туго сменяющий и плохо вникающий в чужие речи и мысли человек, сидя, хлопает глазами, «как сыч» (не сова или филин, а совушка). <...>

Глухой человек и по свойствам, в нем замеченным и приравненным к лесной птице глухарю или тетереву-косачу, в самом деле обнаруживает характерное наружное сходство. <...>

Орлиный и соколиный взгляд, ястребиный взор в смысле уподобления известного выражения глаз человека, как немой, но высшей речи его, — выражения,

весьма всем известные не по одним поэтическим произведениям. <...> хищные птицы в особенности наделены от природы остротой зрения. <...>

Шиворот-навыворот

«Шиворот-навыворот», как и «зад наперед», — однородное несчастье и прямая неудача: сделать вовсе не так, как бы следовало, истолковать превратно, разъяснить извращенно, сказать и поступить совсем наоборот, думать затылком, как говорят попросту крепкие задним умом деревенские русские люди. Шиворот в обиходном употреблении разгуливает по свету и в смысле ворота, и в значении затылка, одинаково в народной жизни имеющих большое значение. Для пущего позора обычно бьют по шеям, сгоняя прочь с занятого места и отказывая от дела, в расчете, что у русского человека шея крепка: многое на ней висит тяготой и бременем — и ничего, выносит себе. Блажен и счастлив тот, кто «сваливает с шеи» — отделяется от докучного дела и освобождается для отдыха; но не завидует никто тому человеку, который «берет на свою шею», то есть на свой ответ, конечно, обязываясь при этом разнообразными хлопотами и многочисленными заботами. За тот же шиворот хватают тех, которых ловят на месте преступления или ведут на суд и к ответу. Равным образом бывает обязательно для всех, как непреложный закон: «по шее и ворот». И самый ворот также имеет большое значение и получает разнообразный переносный и прямой смысл. В последнем значении он служит даже важным племенным этнографическим признаком, по которому легко различаются северные русские люди, пристрастные к косому вороту на верхнем (армяках и полушубках) и на нижнем одеянии (рубашках), от южных жителей (малороссов и белорусов). Эти последние искони предпочитают прямой ворот — с разрезом посередине шеи на гортани — косому, застегнутому на правом боку для пущей защиты груди от холода. В старорусских обычаях этот ворот играл даже более значительную роль: он

отличал боярина от простолюдина тем козырем¹⁴⁰, который на торжества и царские выходы прикреплялся, весь вышитый золотом, серебром и жемчугом, сзади шеи, на затылке к вороту парадного кафтана (зимой к нему пришивался ожерелок, то есть меховой воротник). Расшитый козырь торчал так внушительно, придавая осанке прямое и гордое положение, что до сих пор сохранилось выражение «ходить козырем»: надменно, высоко и прямо держа голову и не сгибая спины, с полнейшим сохранением важного достоинства и вида, с видимым презрением ко всем прочим. С тех пор все, что резко выдается вперед, как бы наступает и грозит, зовется козырем, начиная с кожаного зонтика, пришитого к картузу или шапке, и кончая передком саней, дерзко загнутых кверху. Оказалась козырем та игральная карта, которая бьет остальные масти, и «kozyрь-девка», которая выделяется от подруг находчивостью, веселым духом, видным ростом и бойкими ухватками и всегда и везде впереди всех.

Ни один боярин ни разу не надевал своего ворота наизнанку и навыворот не по одному лишь тому, чтобы не стать в глазах других посмешищем. С последнею целью выворачивали наизнанку, на исподнюю, выворотную сторону, все носильное верхнее платье, чем особенно любил забавляться грозный царь Иван Васильевич, а за ним и московская чернь. Обреченные на такой позор отягощались еще тем, что их сажали на лошадь лицом к хвосту. И в наши дни, когда второпях надевается платье и нечаянно загнетса ворот, поправляют его с невольной улыбкой и поспешностью — и теперь так же точно надеть платье наизнанку значит не к добру: «биту быть», как спроста говорят мужики. К добру выворачивают намеренно они же овчинные шубы и полушубки только на свадьбах, как родители жениха, при встрече молодых из-под венца, чтобы наглядно¹⁴¹ показать им желание свое быть богатыми, жить в тепле и холе. В старину чаще всего практиковался этот способ выворачиванья одежды наизнанку,

¹⁴⁰ Высокий стоячий воротник, закрывавший весь затылок.

¹⁴¹ Наглядно.

или — по-деревенскому — наизворот, в самосуде над пойманными на месте и уличенными в грязном деле. Однако этот прием не исключителен для русских людей, а, по всему вероятно, сохраняется с древнейших времен. Он, между прочим, употреблялся среди библейских евреев.

Задать корочуна

<...> Корень этот заключается в глаголе «коротать», по прямому указанию начертания этого слова в летописи (в обоих случаях к сохранением звука о). До сих пор во многих местах Великороссии именем Корочуна зовется день Спиридона-поворота, т. е. 12 декабря, или «Солноворот». Тогда наступает конец нарастанья темных ночей и, по народному календарному выражению, солнце идет на лето, а зима на мороз. Столь важное время с обычными молитвенными гаданьями и практическими предсказаниями из опытных наблюдений начинает хозяйственный период, который кончается на днях равноденствия. На сорок мучеников, 9 марта, кончается зима, начинается весна, знаменуясь прилетом жаворонков на проталины. Все время, когда длятся самые короткие дни, старинные новгородцы называли Корочуном, до последнего дня, когда начинают убывать ночи. Имя этого дня и придано всему длинному предыдущему периоду времени. Действует очевидная, но непонятная (темная) сила, укорачивающая светлую половину суток. Когда христианство, вступив в борьбу с язычеством, между прочим, сменяло имена богов именами святых, на месте Корочуна встал «Поворот-Спиридон», и все предшествовавшее время с канунным заговеньем 14 ноября стало позднее называться Филипповками (от дня св. апостола Филиппа) и Рождественским постом, как предшествующим дню Рождества Христова (у карпатских славян также до сих пор *Корочуном* называются святки¹⁴²). Понятным

¹⁴² Под *Корочуном*, указанным Новгородскою летописью (так называемою Первою, изд. 1888 г., стр. 134), надо принимать

становится изумление новгородского летописца столь продолжительной дождливой погоде и странному физическому явлению запоздалой зимы, непонятному и чудесному в глазах современника, когда и климат был суровее, и погода устойчивее. Очевидно одно, что кто-то борется с той злой силой, которая умерщвляет жизнь природы, напускает леденящие лютые морозы. Ведьмы-вьюги заслепляют глаза, злые метели засыпают все пути и тропы — ни входу, ни выходу, ни света в очах. При этом невидимо происходит и борьба света со тьмой, добра со злом, с преобладанием последних над первыми. Царствовал, хозяйничая над землей, в это время этот самый Корочун — подземный бог, повелевающий морозами. По толкованию знатока славянской мифологии Киркора, подземный бог воевал со светлым богом Перуном и, зная, что родится «Божич» (красное солнышко), оборачивался в медведя, набирал стаи волков (метели) и гонялся за женою Перуна (Громовницей, или Калядой, или Пятницей), которая пряталась между ивняками и на деревьях и там родила сына «Дажбога». Этот-то и сокрушал лютого врага, сменяя долгие ночи такими же светлыми днями на тепло¹⁴³.

Значение этой таинственной силы, производящей непонятный переворот, когда «солнце пошло на лето, а зима на мороз», не только понималось, но требовало обрядового чествования даже в позднейшие времена, например при последних московских царях. <...>

именно день преподобного Спиридона, епископа Тримифийского, 12-го декабря. Это ясно видно из последующего текста летописной записи, что в ту ночь озеро Ладожское замерзло, но ветер разбил лед («растьрза и вьнесе в Волхово»). Причем льдом поломало городской мост и снесло неизвестно куда («без вести») четыре городки (т. е. либо 4 сруба, насыпанных землей и камнями для укрепления в виде быков или устоев под мостом, либо четыре обыкновенные сваи). Во всяком случае, в следующем, 1144 году «делаша мост весь через Волхов, по стороне ветхаго, нов весь» (Примеч. С. В. Максимова).

¹⁴³ См. «Живописная Россия», изд. Вольфа, где оппонент мой (Филолог. Зап., Воронеж, 1891 г.) увидит, что этот рассказ не мною выдуманная сказка (Примеч. С. В. Максимова).

Г. Вейсенгоф. Снег. 1894.

В силу этих представлений о смене тьмы на свет среди пустынных болот и в дремучих лесах России, при вое голодных волков, щелкающих железными зубами, сохранилось имя покинутого бога и живое о нем представление. До сих пор верят, что в самый день св. Спиридона Тримифийского медведь поворачивается в берлоге с одного бока на другой. До сих пор во время святок непременно стараются сами люди наряжаться медведями. Словом — память о старом боге Корочуне жива, и за справками об его более определенном существовании стоит лишь отправиться к белорусам. У них Корочун в живой речи и до сего дня — злой дух, сокращающий жизнь, а в переносном смысле — нечаянная и преждевременная, в молодых годах, смерть: «Корочун его возьми!» — до сих пор там побраниваются со зла. Там еще не свыклись с «Поворотом», как великороссы, но Корочуна хорошо помнят. Это — «старый дзед (дед) — сива борода». Он носит эту седую бороду длинную; сам ходит в белой шубе, но всегда босоногим и без шапки. В руках он держит тугий лук и железную булаву, и когда рассердится, то ударяет ею в пень, вызывает вихри и рассылет их по земле, а самым стуком производит трескучие морозы. Зато и зовут его кое-где «морозом» и «зюзей». Молитва ему такая: «Хадзи куцьцю есьць: на чугунную

бороду железным кнутом». Это темное мифическое выражение значит так: «не мешай уродиться хлебу и всему тому, что можно положить сковородником (железным кнутом) в чугуны или на сковородку (железную борону)». При этом и священнодействие в полной форме: в самый вечер Коляды за ужином или «куцёй» бросают первую ложку праздничной кутьи за окно для умиловления сердитого бога с вышеупомянутым ласкательным приговором. А затем во время колядок чествуют его обязательно и безбоязненно тем, что водят живого медведя с козой, благодаря местечку Сморгоням, где князь Радзивилл научил обучать этих неповоротливых, но понятливых зверей затейным пляскам. Нет под боком цыгана с живым медведем — сами наряжаются зверем, выворачивая кожиху наизнанку. <...> Г. Киркор, несомненный и признанный знаток литовской и белорусской народности, отождествляя Корочуна с Ситивратом, Зюзей, Морозом как подземного бога, рассказывает (мною повторенный) миф о борьбе его с Перуном — миф, легкомысленно приписанный моему изобретению. А что в посуле *корочуна* любому недоброхоту заключается пожелание гибели, смерти — это тоже верно и по словарю белорусского языка. Верно также и то, что к некоторым выражениям прилагивается двоякое объяснение, на выбор производящего. <...>

Чересчур

<...> Применение загадочного слова «чересчур» в обиходной речи для каждого совершенно понятно. Неясно лишь его происхождение, так сказать — колыбель и место его родины.

Если мы расчленим (говоря учебным выражением) слово «чересчур», т. е. разделим на обе составные части наше наречие, то получим предлог «через» и существительное «чур».

«Чур» — у наших предков, у язычников-славян, могло быть божеством не особенно высокого ранга,

скорее полубогом, мифическим существом, однако таким, что имя его повсюду знали и особенно чествовали. В Белоруссии, например, «чур» до сих пор не забыт (как случилось в Великороссии), но пользуется особенным уважением. Он почитается покровителем и оберегателем границ поземельных владений и еще живет на земле как существо, которое может награждать и наказывать, любить и ненавидеть и т. п.¹⁴⁴

Все славянское племя, и в том числе русская ветвь его, — преимущественно хлебопашцы. Вот, например, старорусский богатырь Чурило Пленкович, не помнивший ни отца, ни матери, идет от короля в Литве в свою сторонушку, на свою родину, а все дойти не может. Идет он дорогой широкой и осматривается, а все видит, что пахарь попахивает. День идет до него — дойти не может, а прислушается: все пахарь лошадку понукивает. И на третий день все одно и то же, и видит и слышит, как у пахаря соха поскрипывает. Насилу он дошел, словно в образное предсказание исторических судеб земледельческой Руси, которую, после Киева и Волхова, надо было искать на Клязьме, на Печоре, за Камой, на Иртыше и далее. Всем понятно и известно, до какой степени любит и ценит, холит и удабривает всякий земледелец свой участок. Ту почву, которая родит хлеб и питает семью, он зовет не иначе, как «матерью» (сырой землей). Проще сказать, крестьянин боготворит землю: плодотворную силу ее почитает за божество, чествует приношениями и жертвами и устанавливает особые праздники с песнями и плясками. Так было и у всех народов на земле, а у нашего языческие верования и суеверное боготворение земли как питательной почвы соблюдаются до сих пор в такой мере, что можно их наблюдать и ясно видеть. В особенности это удобно делать в тех местах, где вся жизнь зависит от земледелия, как в Малороссии и

¹⁴⁴ Между прочим, «чура» у запорожцев и малороссов был нечто вроде мальчиков-оруженосцев, доверенных воспитанников. Так у Богдана Хмельницкого чурой был «Иванец» — впоследствии Ив. Март. Бруховецкий (*Примеч. С. В. Максимова*).

Белоруссии, там, где языческие верования еще борются с христианскими, как в указанных странах и в глухих отдаленных местностях Великороссии.

Везде и всякому дорог тот участок земли, от которого он питается, который с величайшим трудом отбил от леса и болота, удобрил, возделал и буквально полил своим потом. Всякий строго следит за своей полосой земли и старается не запахивать чужой соседней, но есть лихие, дерзкие и бессовестные люди, которые любят жить чужим добром и трудом. Существуют в природе такие могучие и неожиданные явления, в виде ураганов с лютыми дождями и губительными наводнениями и проч., что смыывают и разрушают определенные межи так, что потом бывает трудно разобраться в своем и чужом. Надобится посредник, который разобрал бы споры и прекратил ссору; желательна такая сила, которая сберегала бы межи от разрушения и истребления. Но где найти и то и другое, когда и самые межи невозможно определить с точностью, и пределы поземельных граней выяснить на почве точно так же, как делается это пером и циркулем на бумаге?

В старину, да и теперь, там, где земли много и лежит она в диком состоянии, будучи никому не принадлежащею, поневоле прибегали к случайным и неточным межам. В старинных актах мы то и дело наталкиваемся на такие обозначения границ: «с камня на вяз да с березы долом прямо через поперек бору к грановитой¹⁴⁵ сосне, и на ней граница крест».

Налетала на ту сторону огненная стрела молнии, и сгорало столетнее дерево как свечка; вырывал ураган развесистый вяз с корнем и замывал песком и илом бешеный ливень вместе с тем и все другие грани и знаки. Наконец, размножалось население в такой степени, что валил топор весь дремучий бор, соха и борона превращали лес в пашню и пожню¹⁴⁶. Затем размывало овраги и

¹⁴⁵ Т. е. порезанная знаками крестика, очка, угла, квадратика (Примеч. С. В. Максимова).

¹⁴⁶ Чересполосица — расположение земельных участков одного хозяйства попеременно с чужими участками.

буераки, высыхали ручьи и колдобины и все те приметные урочища, вообще называемые живыми, которые служат более надежными признаками поземельных граней. У кого же искать защиты и к кому обращаться за управой? Приходилось надеяться не на усталую и неверную память старожилов, а на сверхъестественную силу, на случайности и неизменное народное «авось». В старину, привыкшую верить в чудесное, так и поступали в подобных случаях, что искали помощи в той же матери сырой земле. Нашли или — лучше — заподозрили в ней такую новую силу, которая оберегала межи, удерживала дерзких и своевольных нарушителей чужих владений, останавливала зазевавшуюся или разгулявшуюся соху, тупила, запутывала и ломала размахавшуюся косу, расходившийся топор. Эта сила и был «чур» — справедливое существо, как помощник матери-земли в той правде, которую искали при земельных спорах, в запутанных чересполосных владениях¹⁴⁷.

«Чура», как всякую живую и действующую силу, олицетворяли, представляя его в видимом образе, в деревянном изображении, имевшем форму круглыша, короткого обрубка, толщиной в руку. На нем вырезались условные знаки, обозначающие семью и владельцев. Такие обрубки сохранили древнее название свое в известных словах, уцелевших до нашего времени, как-вы: *чурбак*¹⁴⁸, *чурка*, *чурбан*, *чурбашка*, *чурак*¹⁴⁹, *чурок*¹⁵⁰, *чушка*. Они ставились в давнюю старину по межам на тех местах, «куда топор и соха ходили», как привычно выражались в старинных владенных актах. Несмотря

¹⁴⁷ Насколько было важно перепаживанье межи или уничтожение пограничных знаков, видно из «Судебника» Ивана Третьего, в котором, как известно, вместо пени Русской Правды впервые узаконено битье кнутом на торгу. «Торговая казнь» ожидала всякого, кто решался уничтожить чужие чурки и заезжал сохой в чужую полосу пахотного поля, наравне с татьбой (*Примеч. С. В. Максимова*).

¹⁴⁸ Обрубок дерева, короткое бревно.

¹⁴⁹ Короткий обрубок бревна, жерди, круглого дерева.

¹⁵⁰ Чурка, круглый короткий отрезок дерева, колющийся на поленья.

на грубость работы и ничтожность того материала, из которого вырубались, эти «чурки», стоящие на границах, почитались предметами священными и неприкосновенными. Безнаказанно их нельзя было уничтожать; вырванные случайно должны быть заменены новыми тотчас же, чтобы не свела неосторожных рук судорога, чтобы не высохли они на том же самом месте. На нем уже предполагалась невидимо поселившаяся сила, которую следовало бояться, так как ей предоставлено право наказывать: насылать беды и наделять болезнями до пожизненной слепоты и преждевременной смерти включительно. В Белоруссии до сих пор можно видеть, с какими стараниями и опаскою опахивают эти «чурки», боясь того духа, который поселился в них. Там это — небольшие курганчики или бугры, нарочно насыпанные на межах и очень нередко огороженные частоколом, состоящим именно из толстых и коротеньких чурок. Ни один белорус не покусился разрыть хотя бы одну такую земляную кучку. Этими покровителями пограничных примет и знаков и защитниками прав собственности в Белоруссии еще до сих пор не отвыкли клясться. Там часто говорят таким образом: «Чурочками клянусь, што гэтого не буду дзелать»¹⁵¹.

В Великороссии «чур» как божество совершенно забыт — осталось в памяти только его имя да в глухих лесных местах кое-какие обычаи из далеких времен язычества. По всей Великороссии слово «чур» перенесли прямо на поземельные границы и этим именем зовут всякую межу, грань, рубеж и т. п. Говорят «не ступай за чур» (за черту); «не лей через чур» (через край), «наше по чур» (т. е. по эту грань) и т. д. Затем по всей обширной России чураются и зачуровываются, т. е. делают себя и разные вещи заговоренными, неприкосновенными, заповедными;

¹⁵¹ См. «Словарь белорусского наречия» Носовича. Восстановляю эти указания в свою защиту против подозрений, высказанных в «Новороссийском крае» и настойчиво и самоуверенно повторенных (перепечатанных) в «Воронежских филологических записках» (Примеч. С. В. Максимова).

словом, не забыли выражения, старого, как русский белый свет и родная мать сыра земля: «Чур меня!».

А. К. Киркор в статье «Следы язычества» («Живописная Россия», т. III) говорит: «Чур белорусов — бог, оберегающий границы поземельных владений», а затем далее: «в то же время чур является домашним пенатом, так что каждый дом, каждое семейство имеет своего чура, охранителя домашнего очага, преследующего и отгоняющего демонов мрака». Я воспользовался для своего рассказа первым значением ввиду задачи объяснить слово «чуресчур»; г. Никольскому (рецензенту моей книги) понравилось и понадобилось второе. Понравилось, между прочим, потому, что в слове «пращур» ему послышалось слово «чур», а понадобилось, конечно, с целью противопоставить свое объяснение, основанное на почитании предков. К этому чуру как «духу предка, защитнику семьи» он и отнес все то, что принадлежит, по моему мнению, пограничному чуру. Забывши на этот раз самим же высказанное убеждение, что «мифология славян вообще — дело темное и запутанное», автор сам поспешил в поучение всем доказать это на самом деле, запутавшись со своим чуром-пращуром на самом открытом и ярко освещенном месте этой мифологии. Сомнительному чуру он приписал те свойства и действия, которые нераздельно принадлежат «дзядам и прадзядам», которых поэтически описал Мицкевич и прозаически, но очень наглядно и открыто чувствуют белорусы в первый день Колядок. В *первую куцью* (постную кутью) первую ложку бросают за окно «дзядам», души которых слетаются на этот день навещать потомков. Их громко вызывают и приглашают: «Хадзице куцью есьць». В иных местах их изображают даже в лицах: старый дед в черной рубахе, с колбасой в руках, лезет на печной столб и т. п. А молятся и гадают при этом, исключительно имея в виду урожай хлебов, а не межевые вопросы. Весной же установлен самостоятельный праздник «Дзяды» (также Радоуница), отправляемый чрезвычайно торжественно, с весенним обновлением природы пробуждая память о погибших отцах и дедах. Именно на том основании,

что это отдельный культ и особый цикл верований, я не останавливался на них при вопросе о рубежах, имевши случай личными наблюдениями поверять границы белорусских суеверий, отделяя Коляду от Купалы, чуров от дзядов и т. д. (Эти исследования своевременно были подробно изложены мною в печати.)

Чур меня

Идут или едут несколько человек в товарищах по одной дороге. Заезавшийся и неосторожный путник, ранее проходивший тут, обронил какую-нибудь вещь. Вещь эта валяется забытою, и кто-нибудь другой ее непременно подымет. Хозяин оброненной вещи, видимо, не спохватился о своей потере и не возвращался ее отыскать и взять. Взять чужое, конечно, все равно что украсть; от такого греха избави Бог всякого человека. Все так и думают: «Нашел, да не сказал, — все равно что украл». Чужую, однако ж, вещь, которая валяется на проходном пути, велят считать за находку: не искал, а набрел на нее неожиданно. Это бывает так редко, что всякому приятно зачесть за особое свое счастье: «Бог послал». Если бы вернулся хозяин, объявил, представил доказательства — бесспорно, чужую вещь отдать надо. Отдать ее следует и в том случае, когда бы можно было разыскать владельца; да где же его уследить в незнакомом месте, в целой толпе неизвестных прохожих людей, между которыми всегда можно рассчитывать на обманщика? Он вклеплется, назвав чужую вещь своею. Всего же чаще случается так, что лежит чужая потеря среди чистого поля, в бесследном перелеске и на проезжей дороге.

Хотя находке и не велят радоваться, как об утрате горевать, однако кому же ее взять, когда шло несколько человек? Из глубокой старины установлено так, что, если спутников двое, находку надо делить пополам с товарищем. Не всегда это бывает легко и возможно (смотря по вещи). Если шли втроем, впятером и разделить никак нельзя, да и из деленого каждому почти ничего не

достанется и вещь может быть дележом испорчена, в целом же виде она кому-нибудь очень бы погодилась, — как поступить? На этот-то раз выручает одно только слово, этот самый «чур».

«Чур одному!» — спешит выговорить тот, который первый заметил находку. Этим запретным словом он бесспорно и бесповоротно заручил ее за собой как нераздельную собственность: «чур одному — не давать никому». И чтобы вконец было верно слово на деле, к находке притрагиваются рукой. «Чур чуров и чурочков моих!» — говорят при этом в Белоруссии.

У белорусов это слово во множественном числе относится ко всем тем вещам и предметам, которые, будучи приговорены словом «чур» как присвоенная находка, становятся для всех запретными, являются собственностью единоличной, а не общественной. Клады, например, спрятанные в земле, считаются общим достоянием всех ищущих, но остаются собственностью того, кто умеет «чуроваць» (по белорусскому выговору), то есть словом «чур» ослаблять и разрушать волшебную силу наложенного запрета или очарования. «Чурую землю, веды и гроши», — говорится в местных сказках. Например, тамошний рыбак из тверских осташей, ведомых и искусных истребителей озерной рыбы, никогда не возвращается с ловли домой с пустыми руками. С белорусом случается противное, потому что бородастый осташ в кожаном фартуке зачурал во всей стране для себя все рыбные места, все подводные тайники. Как «чаровник», он видит даже, где подо льдом кучатся лещи, спят щуки и т. д. Осенней порой, когда небо покрывается черными облаками, осташ уверенно бросает в озеро сети. Буря вздымает волны, покрытые пеной, а он как нырок: то появится на ребре самой большой волны, то низвергнется в кипящую бездну; только и видно, как крутятся над ним крикливые птицы-рыбалки. Он знает, что иные породы рыб ловятся только в непогоду, другие — когда тихо и ясно, а потому зовет ветры на озеро, волнует воду, поднимает и беспокоит рыбу, а когда этого не нужно ему, он гонит ветры прочь и возвращает на землю день ясный.

Такова сила чурования, вѣдомая практическим великороссам, по понятию суеверных белорусов.

«Чур пополам, чур вместе», — торопятся выговорить все товарищи, если все увидели находку разом или когда ранее усмотревший ее не успел или не догадался ее «зачурать», то есть заповедать. По этой причине скорее чурают ее, доколе кто не увидал, — вся тайна и все права в этом. Обыкновенно же поступают так, что, по взаимному соглашению, обязывают того, кто возьмет себе находку, платить соответственную долю товарищам.

Зачурованные, то есть чуром приговоренные, присвоенные находки на этом основании называются также «чурами». А тех людей, которым находками случайно посчастливило в жизни, зовут «чураками».

По народному поверью, помогало слово «чур» с неизвестных времен тем, кто находил клады, то есть зарытые в земле сокровища. Зарывались клады с зарокami, например на три головы молодецкие, на сто голов воробьиных и т. п. Три головы должны погибнуть при попытке овладеть кладом — следующему по счету, четвертому, он обязательно достанется.

Надо зарок знать и притом помнить, что клад стережет злая сила — нечисть. Когда клад «присумнится», то есть выйдет наружу и покажется блуждающим огоньком, и выговоришь зарок, черти начнут стращать, отбивать клад. Тут слово «чур» и очерченный круг только одни и выручают, спасая от мучений.

По народному верованию, на архангельском Севере клады достаются только тем, которые «не обманывают Бога», то есть кто, заприметя клад, скажет три раза: «Чур мой клад, с Богом пополам». Это значит, что дан твердый обет половину из открытого отдать на доброе дело или в пользу церкви.

«Чур меня!» — говорят (и вслед за тем спешат положить на себя крестное знамение) те люди, которых поражает какое-нибудь неожиданное явление: не расшибло бы чем, не убило бы как-нибудь.

Каждый из нас с ранних детских лет хорошо помнит, насколько важно было в товарищеских играх оставить

за собою занятое место, хотя бы в игре в медведя, или оставить себя безопасным от ударов и от «ожогов», например в игре мячом (в «лапту»), на рюхах (в «городки»). Кому надо отойти по какому-нибудь частному поводу в сторону, вне порядка игры, тот обязан оговориться: «Чур моя ямка, чур мое место, чур меня!» Зачуровавшийся, равно как и заговоренное место становятся священными и неприкосновенными, как бы и впрямь какая-нибудь важная пограничная собственность.

Путник в дороге, догнавший другого пешехода, добрым приветом «Мир доро́гой» зачуровывает, заговаривает его в свою пользу: вместе идет, коротает время, чтобы не было скучно, сокращаются расстояния, меньше чувствуется усталость и проч.

Деревенские колдуны-обманщики и знахари-лекаря, действуя на воображение, опутанное в туманную сущность, вызывают или нечистых духов, или темные врачебные силы такими заговорами и мольбами, в которых неверующий человек не найдет никакого смысла. Эта бессмыслица в суеверных людях даже увеличивает и страх, и веру. Когда ловкие и опытные колдуны видят, что воображение верующих достаточно напугано, они выговаривают страшное слово: «Чур меня, чур!» Этим они желают показать, что нечистая сила уже явилась, невидимо присутствует тут, у него за плечами, и готова творить всякое зло. Но колдун, сильный человек, ее обуздывает, останавливает одним этим могучим словом «чур меня, чур», то есть не тронь меня, не смей тронуть, в то самое время, когда нежить готова кинуться на людей и натворить разных бед и напастей. За проговоренным же словом все стали безопасны и неприкосновенны, как за каменной стеной, потому что заручены вызванным добрым духом, всегда готовым на помощь, чуром: они «зачурованы» — заговорены от нечистой силы. Для пущей уверенности в том колдуны обратившихся к ним за помощью очерчивают кругом, за который уже не посмеет заскочить самый бойкий и дерзкий чертенок. Велика сила этого слова, и им пользуются все суеверные люди с древнейших времен и повсеместно. Народ твердо

убежден в том, что от нападения вражьей силы только тем и избавиться можно, если поспешить очертить вокруг себя круг, хотя бы перстом или палкой, и заручиться заговором, и оградиться криком «чур меня!».

Таким образом, немудреное слово неважного¹⁵² бога живет на русском белом свете заведомо вторую тысячу лет. Всякому делается известным оно с младенчества и пришедшему в зрелый возраст напоминает дорогое и золотое время детства, весну человеческой жизни.

Накануне

Таково свойство всех чисто народных праздников, доставшихся в наследство от предков и целно сохранившихся со времен славянского язычества, что они начинаются с вечера того дня, который посвящен тому или другому богу. Так, начинают с вечера и прыгают через огни во всю ночь на Ивана Купалу, перед днем перелома лета¹⁵³. Точно так же в Святой вечер, начинающий двенадцатидневные Коляды и совпадающий с Рождественским сочельником христианских времен (перелом зимы), стелют на обыкновенный стол солому и, покрывая скатертью, ставят обетные кушанья: разварные зерна, насыщенные медовым или маковым соком, овсяный кисель, блины, толокно и т. п. Это — первая кутья, «постная», и первая Коляда.

В Малороссии и Белоруссии вторая кутья (исчезнувшая в Великой России) поедается с вечера, накануне городского Нового года, в деревенский Васильев вечер, в языческую «Щёдровку». Эта кутья — самая важная; эта коляда настоящая: *ласая, мясная, товстая* (толстая), *щедрая, жирная, богатая*, а потому и любимая. Она почтена многими прозвищами за то, что требует непременно мясных кушаньев, и, по мере возможности, в роскошном обилии. Здесь первое место принадлежит колбасам

¹⁵² Незначительный.

¹⁵³ День летнего солнцестояния.

разных сортов, ветчине, студню — все из свинины, все жирное и все мясное. С колбасой лезет старший в семье на печной столб в черной рубахе и съедает всю колбасу в расчете на урожай всякого жита. Самая кутья поедается теперь с коровьим молоком или топленым скоромным (а уже не постным) маслом. Девушки хватают со сковородок первые блины и из горшков первые ложки кутьи и бегут с ними на перекрестки гадать — прислушиваться. Молодые ребята выбирают из среды своей самого рослого и красивого парня, одевают его стариком в парик из кудели и в рваное вретиче. Это — *щедрец*, который водит по домам ватагу товарищей, распевающих для подачек особые песни, называемые «щедровками». Молодежь также теперь «щедрует» (гадает), тогда как накануне Рождества она «колдует», славит Христа и коляду. Существенная разница здесь заключается в том, что песен-колядок очень много и они весьма разнообразны, а щедровки от древнейших времен остались в виде маленьких осколков и притом в замечательно ничтожном числе (меньше десятка) и с однообразным содержанием. Великороссы-псковичи поют: «Щедрин-ведрин, дайте вареник, грудочку кашки, шма-ток колбаски», а коренные белорусы: «Дарите, не барите¹⁵⁴, коротки свитки — померзли лытки, коротки кожушки — померзли петушки, матка казала, штоб кусок сала» и т. п.

Третья кутья бывает в Крещенский сочевник (неправильно «сочельник», ибо слово происходит от «сочива», именем которого называется всякий сок из семян: мака, льна, конопли и проч.). Такая кутья (последняя в году) носит прозвание «голодной», потому что она опять постная и оттого что на этот раз все запасы съедены. Во время первой кутьи первую ложку чествуют мороз и зовут его есть кутью зимой, а летом просят жаловать мимо, лежать под гнилой колодой, не губить посевов. Тогда же обязываются домовые хозяева подарками и приношениями духовным лицам. Отдаривались здесь, откупались подарками и в Великороссии за грехи, преследуемые этими самыми служителями веры.

¹⁵⁴ Медлить, мешкать, задерживать (зап.).

В Архангельской губернии под кануном разумеют те «богомольные дни», когда чествуются заветный праздник особо в каждом селении всею общиною, в одном из домов поочередно. Складчина требует, чтобы все участники приносили съестные припасы «по силе — по мочи». В складчину же варят пиво, кое-где освящаемое духовенством. Оттого самое празднество называется «пивá», а самый напиток, с вечера заправленный хмелем, именуется *кануном*, канунным пивом. Начнут молитвой в сельской церкви за обедней, а кончат попойкой и играми. Чтобы не смешивать таких канунов, справляемых в известные дни (например на Ивана Богослова, 8 мая, на Илью, на Петра и Павла и проч.), для прочих праздников имеются свои названия: «богомолья, поварки». Я видел одно торжество, которое мне называли «борода». То было окончание уборки сена (или, все равно, хлеба). Зовут на «бороду», когда дождут и свяжут последний сноп (белорусские «дожинки», великорусские «обжинки»). Одну кучу стеблей оставят на ниве с колосьями горсти на три; солому разогнут, присыплют туда горсть земли и начнут завивать «бороду». Девушки соберут по меже цветы, подовьют их к «бороде» и разбросают по ниве около того места. Тогда уже идут в избу хозяина угощаться, затем водить хороводы, петь песни, играть во всякие игры. Из кушаньев здесь играет общественную роль «отжинная каша».

Христианская церковь уступила народным привычкам и вековым обычаям и в свою очередь начинает чествовать наступающий праздник также с вечера, совершает «правила». А это последнее слово — перевод с греческого «канон», превратившееся на русском языке в «канун» и выражающееся церковными песнопениями в похвалу святого или чествуемого праздника. Эти стихиры, или похвальные тропари, эти ирмосы, или вступительные стихи, выражающие содержание прочих стихов канона и других, иногда читаются, иногда поются на заутренях и вечернях. На таких канунах как начале отправления праздника, по известным правилам, или, проще, в вечер наступающего знаменательного дня,

приготавливаются и праздничные столы с символическими кушаньями, то есть «справляют канун». Оттого и все такие дни, «кануны», и всякое совершившееся событие, всякое законченное дело к известному дню, но, во всяком случае, в этот, который предшествует срочному или видному празднику, за день, с вечера, породил прямое и ясное выражение «накануне», то есть случилось на тот день и в тот раз, в самый канун. Таким образом, а не иначе мы вправе понимать слово, поставленное в заголовке, в его расчлененной форме.

Канун, сделавшись самостоятельным словом, выражающим определенный день, в свою очередь допустил в языке новое и законное выражение «канун кануна», то есть день до кануна, вечер перед кануном. Говорят и «накануне третьего года», то есть в четвертом году. В самом деле, и священник ездит и собирает *кануны* — всякие приношения; и по усопшим совершают *кануны*, то есть поминки; и в начале и по окончании полевых работ заказывают *кануны*, то есть молебны; и варят *кануны*, то есть заготавливают домашние пиво и питейный мед. С успехом читают *кануны* по усопшим на дому приглашенные начетчики. Пошло даже и на то, как откровенно высказывает поговорка, что «хоть сусек снести, только канун свести», лишь бы изловчиться совершить поминки по усопшим родителям. Зато водятся и такие скарденные люди, которые «за чужими канунами своих покойников поминают»; а иные, руководясь таким правилом, совсем забывают про то, что «если все кануны справлять, ин без хлеба стать».

Свин-голос

Говорят обычно: «кричать в свин-голос» (по объяснению Даля) — кричать не вовремя, некстати, до поры или спустя пору, заранее, а особенно запоздно. Повод к этому выражению дали те грязные и глупые домашние животные, которые, в летнюю пору, гуляя без пастуха, бегут с поля домой всегда поздно, когда уже подоили коров и загнали овец, нередко даже ночью, с ревом и хрюканьем.

В отчаянии, что замешкались и загулялись по рассеянности и несмышлености и нашли ворота крепко запертыми, свиньи разводят хрюканье до самого утра и визжат как зарезанные. Кто помнит деревню, тот не забыл этих ежедневно и в разных местах повторяющихся сцен отчаяния и жалоб, где своя вина валится на чужую голову. Не сообщает глупая свинья того, что вот и ворота крепко заперты, и хозяева сладко спят, — нечего больше делать, как ложиться спать на том самом месте, где стоишь. К чему же вопли и отчаяние, когда перед глазами пример: собака-жучка свернулась кольцом у завалинки и спит себе молча и крепко? Отсюда — по настойчивости применения и точности живых наблюдений — имеется в языке еще выражение: «в свины полдни», т. е. тоже поздно, и при этом настолько поздно, как это могут делать люди совершенно ленивые, рассеянные, непривычные не только ценить золотое время, но и соблюдать часы. К ним-то и обращается этот злой и насмешливый, но справедливый упрек, известный, однако, не только великороссам, но и белорусам, — «свинья полудня не знает». <...>

Божиться

Призыванием имени Божьего во свидетельство сказанной правды и самую клятвою как личным доказательством у нас на Руси зачастую злоупотребляют так, что божба потеряла подобающую ей силу. Тем не менее на нее предъявляют требования изверившиеся люди и в ней ищут успокоения совести и подкрепления своего убеждения, когда другие пред ними рбтятся и клянутся. Делается так или по дурной привычке, или из личных корыстных видов, но во всех случаях вопреки евангельской заповеди, повелевающей говорить только «да» или «нет», и в полном согласии с древними, далеко не покинутыми приемами и обычаями языческих времен. Проповедники слова Божия запрещали употреблять в клятве имя Бога, а у нас «ей-Богу!» стало равносильно евангельскому «ей-ей!», простому «да», и идет оно мимо

ушей и не вменяется уже ни во что. Не больше верят и таким тяжким заклинаньям, как «лопни мои глаза, развались утроба на десять частей», как «с места не встать — света белого (креста на себе) не видать»; как ссылка на телесную сухотку: «отсохни руки и ноги; всему высохнуть; иссуши меня, Господи, до макова зернушка»; как базарное перед большими праздниками — «праздника честного не дожидаться, разговеться бы Бог не привел, и куском бы мне подавиться». Не больше веры и тому, кто скажет: «вот Бог видит» — и при этом наклонится и сделает такое движение правой рукой, как будто берет горсть земли и затем подносит руку ко рту, как будто бы ест эту мать сырую землю (а иные даже, напр. у белорусов, и на самом деле едят ее). Бывают, однако, и такие клятвы, которые не признаются «малыми», но настоящими «тяжкими», судя по условным понятиям и местным вкусам. Иному верят, если он просто удостоверяет, что у него сегодня ни пито, ни едено, что у него крохи во рту не бывало, что у него только вода на лице была и т. п. Клятва своими детьми почитается везде одною из самых убедительных и строгих. Ее не вменяют в правду только в устах цыган, над которыми за то и подсмеиваются зло, говоря: «Цыган божится, на своих детей слыгается¹⁵⁵», или «шлется на своих детей».

Усердно божится и клянется купец за добротность товара, в котором он знает толк, перед тем бестолковым и слепым покупателем, которому понравился товар по внешности, но неизвестен по внутренним качествам. Тем охотнее божится продавец, чем больше покупатель обнаруживает готовности купить, не умея разобраться в добротности неотложно необходимой вещи. В торговле столько обманов в подделке, столько хазовых концов¹⁵⁶, а стало быть, обширное поле для ошибок и промахов, что недоверие невольно ищет себе поддержки и оправданий в божбе и тяжких клятвах. Некоторые продажные

¹⁵⁵ Ссылается.

¹⁵⁶ *Хазовый конец* — лучшая часть, показная, выигрышная сторона чего-либо.

вещи до того обманчивы и так подделаны, что на них может «обмишультиться» самый опытный глаз и привычная ощупь. Затем, чем темнее продаваемая вещь, тем больше недоверия покупателей и больше клятв от продавцов, которые «поневоле клянутся, коли врут». Так, например, нет ничего труднее купить хорошую лошадь (у цыган даже совсем не советуют их покупать). Не покупают коня деньгами, покупают всего чаще удачей. Кто бывал на конных торжках и ярмарках, тот легко вспомнит и вполне согласится с тем, что нет больше шуму, отчаянной божбы и бессовестных клятв, как именно на этих местах, где действуют наглые и дерзкие на словах барышники. Они и язык особенный выдумали для своих плутней, и по конюшням держат целые аптеки и химические лаборатории. Вот почему случилось так, как подсказывает верно сложенная поговорка: если барышник «не божится, то и сам себе не верит, а если божится, то люди ему не верят». В старину будто бы купцы имели обыкновение божиться вслух, а про себя отречься от выговоренной клятвы. Теперь замечают, что совсем вывелась из употребления эта старинная «отводная» клятва, задняя мысль с отводом от себя по такому способу: «лопни глаза» (например, бараньи), «дня не пережить» (собаке), «отсохни (вместо “рука”) рукав» и т. п. Теперь говорят: «Люди праведно живут: с нищего дерут да на церковь кладут». Теперь стоит лишь пройти мимо места продажи и купли, чтобы услышать самую разнообразную и беззастенчивую божбу на всякие лады, перемешанную с грубыми перекурами и сильною руганью.

Ввиду такой несостоятельности божбы и клятвы при неверном расчете на то, когда правда себя очистит, придуманы разные способы острастки, чтобы добиться уверенности в зачурываемой голой истине. Самоед никогда не согласится соврать, стоя на шкуре белого медведя и держа его голову в руках: он убежден еще, что за показную ложь съест его этот зверь при первой же встрече на Новой Земле. Старинные казаки боялись целовать дуло заряженного ружья, и теперь присяга на ружнице у донских казаков употребительна во многих станицах.

Она считается вполне убедительною и страшною, если у ружья со взведенным курком поставлена будет святая икона. То же снятие со стены иконы и целование ее при свидетелях почитается еще клятвенным доказательством там, где ружье не играет такой большой роли, как у казаков, и где думают, что снимать для клятвы икону значит «потянуть руки на Бога». Икона на голове, а кое-где, вместо нее, кусок свежего дерна также иногда служит бесспорным доказательством настоящей правды, как самая тяжкая божба (о чем я уже имел случай говорить в другом месте). У белорусов до сих пор живо выражение «землю есць», т. е. клясться землей, — и не исчез обычай в доказательство истины класть в рот щепотку земли и жевать ее. Тверда и неизменна только та клятва, которую несут миром, когда идут круговой порукой, т. е. стоят все за одно и каждый за всех.

Одеваться

В наглядное доказательство того, насколько изменяется даже на нашей памяти не только внутренний смысл народной жизни, но и внешние отличительные этнографические признаки русского человека, достаточно остановиться на одежде и здесь, не уходя в дальнейшие скучные подробности, ограничиться, например, лишь одним головным убором. Не говоря об исчезнувших уже женских киках, кокошниках, повойниках и сороках¹⁵⁷, — более устойчивые мужские шляпы становятся теперь также большою редкостью.

До освобождения крестьян на глазах у всех было больше десятка сортов этой головной покрывки, носивших отличительный покрой и соответственные названия. По ним опытный, приглядевшийся глаз мог уверенно различать принадлежность их владельцев к

¹⁵⁷ Последний женский убор, сорока, — некрасивый, был особенно распространен. В. И. Далю еще удалось видеть сороку ценной в десять тысяч рублей (*Примеч. С. В. Максимова*).

известной местности: шляпы, как наречие и говор, служили верными этнографическими признаками и точными показателями. Весьма многие, несомненно, и помнят классические «гребневики» на головах московских извозчиков из подмосковных деревень, разъезжавших на зимних санках и на отчаянных клячах. Помнят и базарную общеизвестную «ровную» шляпу, где тулья была одинаково ровна около дна или верха и около полей на низу. Солидные старички и до сих пор ее не покидают, дорожа ее удобствами, именно потому, что «дело в шляпе», — в буквальном смысле поговорки: хранится синий ситцевый платок с завернутыми в нем деньгами, личным паспортом, нужными бумажонками, со счетами и расписками, с письмом от баламута-сына из Питера и проч. Молодежь требовала на эту ровную шляпу цветную ленточку с оловянной раскрашенной пряжкой. Из этой шляпы выродилась «череповка» всей Новгородчины — не слишком высокая, а середкой на половине: стопочкой и коробочком. Некоторые местности у семеновских и макарьевских мастеров-кустарей требовали перелома этих ровных шляп по самой середине, другие делали перехваты ближе ко дну для украшения их в этих местах лентами и пряжками. В первом случае выходили шляпы «с переломом», во втором «с перехватом», где ленточка, пришитая ближе к верху, спускалась к полю наось, как у рязанцев. Для Поволжья валяли из овечьей же шерсти, заваривали в кипятке и сушили на солнце, вместе с теплыми валяными сапогами, шляпы-верховки и шляпы «срезок» (пониже и пошире). Свеляют покрепче, чтобы войлок стоял лубом, наведут поля пошире (у верховки узенькие), подошьют лакированную кожу и, вместо ленты, кожаный ремешок, наведут пушок или ворсу — выходит шляпа «прямая» или «кучерская», на потребу этим важным и гордым городским особам. Изготавливался в семеновских валяльных избах и ублюдок среди шляп, называвшийся полуименем «шляпок», и настоящие уроды по форме и покрою: «ровный шпилек» (ибо был еще «шпилек московский»), «кашник» и «буфетка». Ровный шпилек похож был на опрокинутый кувшин, в каких до

сих пор продают в Москве молоко, а кашник имел поразительное сходство с опрокинутым горшком, в каких обычно варят щи и кашу. Для поволжских инородцев изготавливаются особые шляпы: «чувашки», всегда черного цвета, и «татарки» — всегда белые и некрасивые: либо грибом, либо перевозданным колпаком, наподобие скифских (или тоже белорусских) магерок. Как под шляпами городского фабричного дела с широчайшими полями, или крыльями, всегда легко и просто можно было видеть священников, так из-под «бриля» глядит серьезное, усатое и мужественное лицо малоросса. Одним словом — во всех этих и других, неупомянутых, случаях воочию подтвердилась истина изречений «по Сеньке и шапка» или «по Еремке колпак, по Милашке шлык».

В настоящее время за этими и иными разновидностями народного наряда нашим ученым обществам, для пополнения музеев, приходится гоняться с трудом. Многие уже, как выражается сам народ, и прозевали, а что еще остается на виду, на все то надо, что называется, смотреть в оба. Всякие преобразования и улучшения последних десятилетий, в самом деле, всколебали коренную народную жизнь до самого дна, доведя ее даже до таких видимых мелочей. На смену старинных заветных шляп вышел даже в глухие деревни городской щеголькартуз с лакированным светлым ремешком и шелковой ленточкой. Вместе с ним появилась, вместо балалайки, гармоника в руках франта при жилетке, дождевом зонтике, серебряной цепочке красносельского изделия и в смазных скрипучих сапогах. Вспомнилась мужичья шляпа как раз в то самое время, когда «Спирьки», «Стрелочки» и самые плоские «частушки», коротенькие, но безобразные, выступили на смену смолкающей не вовремя, но, по-видимому, в очередь — бесподобной народной песни.

К изумлению, уберегается еще в обычаях прародительская стрижка волос «в скобку», наподобие буквы П, когда ножницы обрубают волосы в середине лба, а затем опять прямо по затылку кругом всей головы, обойдя уши для того, чтобы они были закрыты волосами. Надо ушам

быть прикрытыми, чтобы не зябли, если больше полу-года стоит холодное время, точно так же как по той же причине выгоднее на рубахах и полушубках запахивать грудь косым воротом, чем распашным прямым (усвоенным малороссами и белорусами). Впрочем, коренные русские люди, более дорожащие старинными обычаями и обрядами и придерживающиеся старой веры, стригутся все еще «под дубинку» в отличие от господской стрижки по-польски или по-немецки с косым пробором и висками и от солдатской «под гребенку»: гладко, насколько захватят казенные ножницы. «Под айдар» — круглая казачья стрижка, обрубом, не в скобку, под чуб или верховку. Под Нижним по Волге, вопреки обычаю, макушки не стригут, и самый способ называют «ардаром». Староверский способ требует обруба волос ровного кругом всей головы, и при этом простригают макушку, т. е. «гуменце», что делалось встарь на «постригах», когда отрокам княжеским наступал возраст возмужалости. Это производится до сих пор при посвящении священнослужителей. Староверы упорно веруют, что такой прием облегчает достижение благодати свыше при молитвенных возношениях и земных поклонах, через открытое темя прямо в голову. <...>

Песни играть

<...> Остановилось мое внимание на странном выражении «играть песни», когда они в самом деле поются. Слышалось это выражение и прежде, но, по обычаю, бессознательно пропускалось мимо ушей, хотя в этой, упорно неизменной форме оно настойчиво повторялось всюду в иных местах. <...>

Первая «игра песен», которую довелось наблюдать, были «вечерковые» или, по времени года, святочные. В тесной и душной полутемной избе разыгрывался «зайнышка», сохранившийся с глубокой старины, заманчивый своей классической простотой, повсюдный и любимый до докучливости, немудреный напевом, небогатый

вымыслом: «Где ты был-побывал?» Что бы ни рассказывал про него ответный хор, взявшиеся за руки пары молодых и девушек неустанно кружились; при конечном стихе кружились еще быстрее, подпевали возможно скорее и живее, почти бормотали. За «заинькой» играли «старину». На сцену выходила девушка и садилась в кругу хоровода. Парень ходил кругом и пел: «Вкруг я келейки хожу, вкруг я новья хожу, — младу старину бужу: спасенная душа, встань, — встань: к заутрене звонят, на сход говорят». Старица отвечает с целым хором: «Не могу я встать, головы поднять: голова моя болит, грудь-сердечушко щемит».

А вот когда певец рассказал ей, что миленький идет, гостинцы несет, — она вскакивает с места и поет вместе с хором: «Уж и встать было мне, поплясать было мне». Затем снова быстрое кружение и веселый припляс в виде новгородского «бычка», подмосковной «барыни», малороссийского «журавля» и всероссийской «камаринской». И эта «старица» кончалась поцелуями. Таков же и «голубь», с одним различием, что стоящие друг против друга пары целуются все вместе одновременно. Да так-ва и почтенная более глубокой стариной «Как со вечера цепочка горит». Эта песня начинается плавным пением, а кончается круженьем, щелканьем языком, свистами и топаньем каблуками, когда девица решила сойти с терема, соблазнившись тем, что «на улице сушохонько, в переулочке темнехонько», что «башмачки не стопчутся и чулочки не смажутся».

С такими любовными играми, как и с самыми поцелуями, на которые, по пословице, что «на побои нет ни весу, ни меры», можно было бы не кончить, если бы эти самые обрядовые и открытые знаки любви и привета не приводили прямо к своей цели. Близость мясоеда, пригодного, по досугу своему, для свадеб, объясняет и оправдывает старинный обычай. На смену его выступает целый ряд настоящих «действ» со сговора до венца, полное сценическое представление с начала до конца, когда «играют свадьбу». Здесь только одними песнями и объясняется символическое значение свадебных обрядов, а

М. Микешин. Из серии «Белорусские рисунки». 2-я половина XIX в.

зато и эти самые песни не столько разнообразны, сколь чрезвычайно многочисленны. И здесь уже ясно видится несомненный, бережно сохраненный след дохристианского обряда, потребовавшего так же, как и все, песенной помощи. Воспевают любовь в весенних хороводах, и в старинных (теперь полузабытых и даже изуродованных) можно было видеть представление полной деревенской свадьбы с выбором невесты и отдельно жениха, с последующими семейными раздорами и расчетами. И «сеяли просо», чтобы разыграть заключительную сцену похищения, «умыканья» невесты, как драматический бытовой эпизод: он до сих пор не утратил во многих коренных русских местностях своего доисторического значения. И «плавала по морю белая лебедушка, пленяя сизого селезня», чтобы справлял весенний хоровод свою вековую службу для выбора невесты, заплетался бы плетень на союз да любовь и завершался, запечатывался невинными и откровенными поцелуями, это согласие суженой на зимних вечерках, чтобы вступить затем в целый ряд «свадебных игр». Для этих предвечных действ на

родном языке и нет уже иного названия. Безуспешно истомились здесь благочестивые ревнители веры, искоренявшие языческие обряды, проповедники живого слова и составители Кормчей книги, воспрещавшей дьявольские песни и бесовские игрища¹⁵⁸. Тем не менее свадебные недели и теперь заключаются языческой «масленицей», с катаньем целыми поездами и заключительным сожиганием чучелы. Таково положение песенного дела в Великороссии. Когда привелось перенести наблюдения в более древний и совершенно противоположный русский край, какова Белоруссия, оказалось не только то же самое, но и в более целостном и обширном развитии. Оказались в лицах и «женитьба Терешки», и выдача невесты за немилого, и мак на горе, требующие сценического представления, или, что называется там, «танок» (пляска, танец). Когда зажинают хлеб и когда отжинают его, совершаются полные священнодействия, сопровождаемые переодеваниями и целым циклом пьес, которые и приурочиваются к обычному времени и играют только тогда и ни за что ни в какое другое. Там даже и письменные записи, со слов знающих, чрезвычайно затруднены именно тем, что белорус становится в тупик при требовании песни в сухом пересказе. Он понять не может, чтобы песню можно было снять с голоса и вести ее рассказом, как сказку, да притом еще так, что при этом отсутствует вся приличная и обязательная обстановка: хоровая поддержка и образное пояснительное представление в лицах. Доводится не выслушивать с глазу на глаз, а прислушиваться, выжидая поры-времени, когда вживе и

¹⁵⁸ Известная, даже слишком популярная игра песни, или, вернее, сочиненного ромansa, «Вниз по матушке по Волге» с хлопаньем в ладоши сидящих друг против друга на полу, в подражание ударам весел, с атаманом, расхаживающим между рядами и прикладывающим кулак к глазу при разговоре с есаулом о погоне, — доказывает то же стремление к изображению песенного смысла в лицах. К сожалению, излюбленная песня эта — не народная, и самое представление, приделанное к ней, — вышло из солдатских казарм по следам «Царя Максимилиана» (*Примеч. С. В. Максимова*).

въяве развертываются живые картины в движении и действии в той веселой обстановке, которая обрисовывается словами великорусской пословицы: «Песни играть — не поле орать». <...>

В соседях

Пословичное правило советует жить миром с теми людьми, которые поселились домами рядом, бок о бок, двор о двор, стена об стену или межа с межей и зовутся в более частых случаях соседями (или, вернее, *суседями*, соседящими вместе) или *шабрами* (по испорченному старинному летописному от *сябер*, *сябр*). Применение похвального правила обеспечивается давними законами, нигде не записанными, но всеми обязательно соблюдаемыми. Чтобы быть и слыть добрым соседом, конечно, не следует нарушать границ чужой собственности: не захватывать своими строениями или огородными грядами соседской земли.

Это прежде и главное всего. Затевая на своем участке новые постройки, всякий обязан помнить святое правило — не стеснять соседа ничем. Для этого каждый огораживается забором или плетнем; устанавливает грани и кладет на них клейма, которые служат и знаками собственности, и знаками происхождения. Не только нельзя зарыть вырытую им, для просушки земли, канаву, но и свою надо направить так, чтобы она не подмыла амбара, не затопляла соседского огорода. Опытный и совестливый человек не решится прорубить дверь не только из своей избы, но и из сарая во двор к шабру¹⁵⁹ и не только не дерзает прогнать здесь свой скот на пастьбу или водопой, но и сам осмеливается проходить по чужим владениям, ради сокращения пути и иных уважительных причин, не иначе, как с разрешения. Он вправе требовать места для прохода только в таком случае, когда другого пути нет. Когда надобятся для общего

¹⁵⁹ Сосед, товарищ, собрат в славянских языках.

пользования дороги, улицы и переулки, всякий обязан от своего участка отрезать требуемое количество земли и притом соблюдать, чтобы проездное или прогонное место не было тесно.

Можно закрыть этот путь, если он никому не нужен и если нашелся другой, который может удобно его заменить. Хозяйкам из давних времен указано не бросать сору на чужой участок и не позволяется даже ссыпать золу под соседском забором. Кто проведет к себе воду из общественного источника и этим его изубожит¹⁶⁰, тому, по мирскому приговору, достанется плохо: велят все переделать из нового по-старому и заплатить денежный штраф. Что каждый выбрал себе и огородил свое излюбленное место, тем и владей, как знаешь, но без сторонних ущербов, помня одно, что если сосед дрова рубит, то нас не разбудит. Святое правило, изжитое веками и добытое долговременным опытом, прямо говорит: «Не купи двора, купи соседа». Он не запретит брать из своего колодца воду для питья даром и разве, на случай порчи сруба или журавля, попросит пособить починкой, из совести. Он вообще явится первым на помощь с топором или могучим плечом во всех тех случаях, где одному невозможно справиться, и т. п. Конечно, эти коренные и другие подобные им и многочисленные правила установились не сразу, а после множества ссор и пререканий, следы которых в обилии встречаются в старинных актах юридического характера, открывая обширное и любопытное поле для ученых исследователей. Жалобами и спорами устанавливалось то могучее начало общинного права, которым сильна и крепка наша Русь. Каждый при своем является вместе со всеми, на общем деле, неодолимою силою.

<...> Если углубиться больше в этот живой вопрос, выяснится крупная разница в крестьянских хозяйствах: великоросских общинных и белорусских подворных. В последних запахивание чужих полос продолжается годами и представляется явлением заурядным, вызывающим

¹⁶⁰ *Изубожить* — испортить.

множество тяжб. Каждый домохозяин из племени кривичей, дреговичей и древлян заботится всецело о своем лишь благосостоянии. Желание одних привести в известность межи разрушается всегдашним несогласием других. Вопреки всероссийскому общинному строю деревенской жизни, здесь не только в обществе, но и в семьях все стремится к отдельному, независимому друг от друга самостоятельному быту. Община давно здесь исчезла, и слабые следы ее лишь тускло выражаются в единственном остатке славянской старины — в толоках или помочах — обычае, применяемом в тех же случаях, как и в Великороссии. Ни о круговой поруке, ни о каких земельных переделах и о прочем здесь не имеют ни малейшего понятия после продолжительных стремлений к обезземелению крестьян местными панами. <...>

Начай

Я просил наборщика набрать, а корректора не исправлять этого слова, стоящего в заголовке, на том основании, что чувствуется в нем такое плотное слияние начального предлога с управляемым существительным, каковое слияние замечается и в самом обычае с народной жизнью. Из двух частей речи народилась одна. Это нарицательное имя, означающее всем известную и для каждого обязательную установленную подать, родственно, по внешней форме и внутреннему смыслу, например, со словами *настол* (русский калым или плата, полагаемая на стол за невесту), *наславенье* — сбор в руках духовенства, вещественный знак благодарности за духовное славенье при посещении домов со крестом и святой водою, *нахрап* и *нахрапы* — взятые насильем взятки и жадно награбленные состояния вымогателей, *нарост* — деньги, даренные крестным отцом, или то же, что общепотребительный *назубок*, и прочее. Все эти старинные слова, подобно *приданому*, *подушному* и т. п., издавна склоняются по всем падежам обоих чисел. Говорят, например, смело и не оглядываясь на свидетелей, таким

образом: «Не жалел кум н́аростов крестникам» — ударение на первом слоге, чтобы не смешивать с болезненным возвышением на живых телах, — не жалел этих подарков: без н́ароста никогда не подходил к купели, рассчитывая этим привлечь любовь крестного сына, и на щедром н́аросте достигал того же и у кумовьев. На том же основании и наше составное слово, удалившееся смыслом на неизмеримое расстояние от своего корня (*чай* — растение, а *начай* — мелкая взятка, плата сверх условия или за небольшой труд), начинает в живой речи подчиняться всем грамматическим правилам. <...>

Слово «начай» действительно новое, но составленное по тому же старому закону, как *хлеб-соль*, да еще и с *челобитьем ради спасибо*. Оно лишь в середине нынешнего столетия дерзнуло счастливо посоперничать и с притворною ласковостью, и с обманом подменять заветную и старинную «наводку, наводочку, навино». Год, когда началось повальное московское чаепитие, с точностью определить трудно: говорят, что вскоре «после француза» получила свое начало трактирная жизнь и дикие, домоседливые купцы начали посещать театры, отдавшись обоим развлечениям с неудержимым увлечением и охотой. Изменились люди до того, что давно уже в Великороссии сложилась поговорка, что «ныне и пьяница наводку не просит, а все начай». Исключение представляют два родственные народа: белорусы и малороссы, за которыми, в числе многих древних привычек, осталась и эта просьба, высказываемая откровенно и напрямик, — «на горилку». На больших дорогах, вблизи племенных границ, эта просьба ямщика, обращаемая к проезжему, смело засчитывается в число этнографических признаков таковых границ. Так, например, по Псковской губернии все просят «начаек». В Витебской и Смоленской тот же почтовый ящик, почесывая спину и в затылке, выпрашивает на прощанье «навино». Почтовая «наводка» сделалась даже обязательною, законом установленною прибавкою (от 5 до 10 коп.) для едущих даже по казенной надобности, освобожденных от платы шоссейной и за экипаж (по 12

коп.). Право это до того всосалось в плоть и кровь ямщиков на всем пространстве Русской земли, что отказ считается невероятным и вызовет неприятные сцены. Обещанная прибавка к «наводке» наверное обещала ускоренную езду, а приведенная в исполнение по пути натурой тешила и веселой песней, и острыми прибаутками и приговорами. Насколько скудна деревня и велика деревенская нужда, можно видеть из того разнообразия указаний, которым наскоро и счет подвести нельзя. Со всех ног мчатся босоногие ребяташки отворять проезжим ворота, выходящие на деревенские поля, а если ворота из деревни на выгоны остаются незапертыми и даже сняты с петель и нет даже такой работы, те же ребята гурьбой стоят у двери и ждут подачки, что сбросят: пряники, баранки, медные копеечки, орехи. Не догадался запастись всем этим проезжий — смелые бранятся, малые во всю глотку ревут и все-таки бегут следом вподпрыжку, пятки сверкают.

В одних местах, как в той же Новгородчине, прямо, без всяких обиняков просят на хлебушко — подавайте этим, ради Христа Самого подавайте; своего хлеба не хватило им далеко до Николы зимнего, а привозный и продажный купить совсем не на что. В местах посытнее просят на калачики — на сладкий кус, на пшеничные баранки; на Кавказе и за Кавказом — на кишмиш. Красным девицам дают на орешки, горничным — на помаду, барышням либо на булавки, либо на перчатки; солдатам на табачок и т. д. Складывают правую руку в горсточку и вытягивают ее во всю длину навстречу прохожему малые дети, прося на орешки, где их нет, и на пряники, где их пекут, да не дают даром. Суют руку и взрослые, говоря еще проще: «Прибавь на бедность». Часто услышишь: «Подайте на погорелое», хотя последнее бывает двух сортов: правдивое и лживое. А иной «Абросим совсем не просит, а дадут — не бросит»: ему, пожалуй, уж и не такая великая нужда в милостыни, да от дарового не велят отказываться, если уже расходилась милостивая и неоскудевающая рука дающего.

Степенный старик с окладистой бородой, с подвешенным на груди планом храма и со внушительным видом, выпекает: «Будьте вкладчики в церкву Божию, на каменно строенье» (на кабацкое разоренье — подсмеиваются остряки). Молодой парень с длинной палкой от собак и с блюдечком, накрытым шелковой тряпицей, для доброхотных даяний, просит «на благовестное колоколо». Подачки или подарков просят даже на свадьбах: «на шильце, на мыльце, на кривое веретено». Выражение «шильцем и мыльцем» вошло даже в поговорку о тех людях, которые, по бедности, пробиваются кое-как, но не выпускают из рук ничего подходящего и ничем не пренебрегают. Малые нищие молят «на хлебец копеечку», большие «для праздника Господня — телу во здравие, душе во спасенье от своих трудов праведных». Это очень длинно и нараспев, и в таких местах, где надо надокучать, чтобы разжалобить, надо долго петь, чтобы обратить внимание. В архангельской тайболе¹⁶¹, в самых глухих и совершенно безлюдных местах, ветхие старики-кушники¹⁶², неспособные за увечьем или старостью к работе и от долгого житья в пустынном одиночестве даже разучившиеся говорить, мозолистую правую руку, сложенную корытцем, протягивали мне со словами: «Не сойдет ли что с твоей милости?» Тут уже нет определенного вида нужды, ибо все нужно, ничего нет, кроме общественной курной избы. Этому что ни дашь — все ладно: яичко ли, недоеденный пирог. Здесь, пожалуй, за деньгами не очень гоняются, ничему они не послужат, потому что и купить негде и нечего в этой мертвой лесной пустыне. Остался один не помнящий добра желудок, который и просит хлебушка, а в прочих желаньях не на чем остановиться, все неизвестно, а бывшее забыто и замерло. Тут все ясно, а потому и коротко. В населенных местах нужда болтлива: она просит, распевая и длинными стихами, и коротенькою складною речью, всегда

¹⁶¹ Густая, проходимая только зимой чаща.

¹⁶² Кушник — житель кущи, т. е. хижины, временной лачуги в лесу, на безлюдье.

уныло и протяжно. Придуманы праздники и с ними установлено, когда и о чем просить: яичка и сыров на Пасху, ветчинки и колбаски на Рождество, блинов на могилах. К этим временам прилажены длинные стихи, распеваемые в Белоруссии особыми артелями так называемых волочечников, в Великороссии мальчишками, разными нищими и т. п. Во всяком случае здесь нужда мудрена: пошла на все выдумки, хотя на самом деле истинная нужда скромна и молчалива. <...>

Чужой каравай

Старинная пословица говорит: «На чужой каравай рта не разевай», иногда с прибавкой, кажется, позднейшего вымысла: «а пораньше вставай да свой припасай». <...> Является здесь отчасти странною ссылка на непечатый печеный хлеб, а не на иную снедь, более вкусную, заманчивую и соблазнительную для всякого любящего поесть на чужой счет и незаслуженно. Не из одного же поползновения к созвучию и складной речи выдумалась эта общеизвестная поговорка. Каравай в бытовом смысле имеет особенно важное значение, несомненно восходящее к древнейшим славянским временам и сохранившееся в свадебных обрядах малороссов и белорусов (в Великороссии только кое-где в южных губерниях, например в Воронежской, Тамбовской, Курской, на Дону).

Выпила девица вина из бутылки, принесенной женихом, сняла с себя пояс, обмотала им ту бутылку и в таком виде возвратила сосуд принесшему — значит, согласна на брак, сделалась невестой, подписала контракт и, за безграмотством, узелком пояса указала место печати (в Великороссии этот обычай заменен посылкою жениху белого полотенца невестина рукоделья). Теперь она ни в каком случае не имеет права отказать жениху, который начинает производить затраты, готовясь к свадебному пиршеству. Белорусские волостные суды, в случае отказа невесты, приговаривают ее родителей

к денежному вознаграждению жениха в размере произведенных им трат: на пропой (угощение) родственников; «посажную (свадебную свинью) жених заколол, обручальные кольца купил» (не принимают лишь подлежащие возврату те деньги, которые употреблены были на подарки самой невесте). Со дня заручин начинается стряпня «каравая» в обеих семьях: невестиной и жениховой. Здесь-то сосредоточивается главнейшим образом вся мистическая часть обряда, до сих пор отстаивающая себя от всех прочих церковных обрядов. Эти — сами по себе, но языческие символы прежде всего и впереди прочих. «Расчиненье» каравая (растворение теста) имеет вид особого священнодействия, где жреческие обязанности возлагаются на какую-нибудь, непременно замужнюю, женщину, причем все мужчины удаляются вон из хаты. Мальчик бегаёт по соседям и собирает гостей¹⁶³. Сажает каравай в печь, не иначе как с общего благословения, мужчина, голова которого повязана бабьим платком. При этом поют соседки, «каравайницы», особые «каравайные» песни, между прочим о том, как бояре печь затопили железными дровами, как шелковые дымы вышли и выпекся каравай, как колесо. А затем все это для того, что «у нашего господаря кудрявая голова, ён кудрями потрясе, нам горелки унесе». Так как это бывает в субботу, всегда накануне венчанья, то на следующий день каравай становится главным символом и выступает на первое место. В обоих случаях (и у жениха, и у невесты) каравай выносятся из чулана или с гумна на веке (крышка на квашне), несется двумя девочками, ставится на стол перед сговоренными. Каждый из них должен приложить к караваю лицо свое и поплакать. Только после того начинается благословение родителями. Перед отъездом под венец

¹⁶³ На Дону когда сажают каравай в печь, то все собрание держится за лопату; свахи освещают печь, и эти свечи, обвитые лентами, на другой день вручаются жениху и невесте пред алтарем. Теперь всё это стало там забываться и не везде исполняется (*Примеч. С. В. Максимова*).

жениха и невесту три раза обводят кругом стола, и они целуют свои караваи, берут их в руки и с ними выходят из хаты. Священные хлебы эти увозятся в церковь, кладутся на аналое, а по возвращении домой обрядовая возня с ними все еще не прекращается. Молодых встречает мать невесты, обязательно в надетом навыворот кожухе (шерстью вверх) и в мужицкой шапке для богатой жизни. Начинают расплетать косу, надевают наметку — убор замужней женщины, — делят каравай так, что первые два куска даются новобрачным, а остальные непременно каждому из свидетелей и участников брачного пиршества. Режет каравай ребенок, а куски раздает гостям сват.

Для последней цели этот пшеничный пирог печется большим: на верхней корке делается крест и украшения в виде птичек, свернутых из теста. Украшают также маленькими венчиками, золочеными бумажками; на веточки вешают ягоды калины и проч. Калине приписывается также мистическое значение, и она воспевается в песнях в применении к невесте: «Пришел час, пора и годиночка — зацвела калиночка». «Сгибаю каравай (как поется в песне) с цветками, с перепелками, с дорогими маковками». В прежнее время с этим караваем, завернутым в холст, ходили к пану, к священнику и к иным почетным лицам на поклон.

Не без намерения привелось остановиться на подробностях обычая именно в силу его символического значения, и притом замечательного своею обязательностью во всех местностях Белоруссии, где мне ни доводилось расспрашивать и прислушиваться к описанию свадебных обрядов. Везде они поразительно одинаковы; везде каравай, подобно именованным пирогам, масленичным и погребальным блинам, родильной каше, святочным колбасам и пасхальным яйцам, играет роль священного хлеба. Обязательно его расчинение с таинственными обрядами и песнопениями и дележ также со священнодействиями, подобными переходу от венца в хату через огонь, подобными поджиганью невестинной косы двумя свечами, сложенными накрест, и сиденью

на деже¹⁶⁴, приему молодых в вывороченной шубе, выходу новобрачных после отдыха с полотенцем, которое держат они за оба конца, и т. п. В таком смысле и религиозном значении каравай мог быть принят, в исключение перед прочими яствами, в поговорку, упрекающую тех, кто любит и привык оживляться чужим добром, не запастись собственным трудовым. Белорусский каравай (по песне) «Сам Бог месит, Пречистая святит, ангелы воду носят, Христос приступает, хустою (платком) накрывает». Во всяком же случае обряд «каравая», перешедший в обычай христианские, с ними смешавшийся и ими освященный, не утрачивает значения древнейшего языческого обряда доисторических времен. Он исчез в Великороссии под известным влиянием наиболее энергического и усердного давления проповедников христианства и насадителей православных обрядов, но сохранился вместе со множеством других старинных в Белой и Малой Руси под шумок долговременной борьбы двух исповеданий, выразившейся унией¹⁶⁵. Народ предпочел вековечную старину и дорожит ею до сих пор как наследием предков тех «дзядов» (дедов), которых признает олицетворенными, живыми духами и в честь их повсеместно установил особые праздники, обставленные многоразличными мистическими обрядами.

По-белорусски выходит, таким образом, что после символического закрепления договора поясом жених и невеста получают право жить до венчания между собою брачно, и они уже называются теперь молодыми, т. е. новобрачными. <...>

¹⁶⁴ Дежа — квашня, деревянная кадушка для замешивания теста; в традиционной культуре восточных и западных славян символизирует достаток и благополучие.

¹⁶⁵ В. И. Даль в своем Толковом словаре привел приговор на свадебном пиру, когда вынимают каравай: «Мой каравай в печь перепелкой (небольшой птичкой), из печи коростелкой» (т. е. с припеком, значительно покрупнее). Указан также старинный свадебный чин каравайника, обязанного, во время свадебного домашнего священнослужения, носить каравай (*Примеч. С. В. Максимова*).

Старый воробей на мякине

Князь Кутузов молвил слово, —
Хоть нескоро, да здорово: —
Старый воробей!
*Из патриотической песни
Отечественной войны*

Опытную птичку воробья, пожившего год-другой и налетавшегося по Божьему свету, не приманишь на те кучи, где сложена ворохом мякина (она же *пелева* и *полова*, древнеславянское и евангельское *плевелы*), — не обмануть птички этим призрачным видом сжатого и сложенного в скирды хлеба. В мякине нечем воробью поживиться: это хлебный колос, избитый цепами в мелкую труху, от которого самым усердным образом отваяно съедобное зерно хлебных злаков. За последним именно и гоняется эта маленькая домашняя птичка, отличающаяся кратковременною жизнью и торопливостью истратить свой жизненный порох. Этим хлебным зерном она и жива. В Сибири до прихода русских воробей был неизвестен; с покорением же этой страны земледельческим русским народом и с заведением в ней пашен прилетел и этот повадливый вор, вооруженный опытом и острым глазом, привыкшим отличать хлебные скирды от мякинных ворохов. В хлебородных местах этот вор притом же докучлив и настолько многочислен, что потребовал мистических заклинаний, признан проклятой птахой, породил особую легенду о своем происхождении от чертей и в Малороссии приравнен к жидам. Тем не менее воробей счастливее многих людей, которым приходится — по пословице — «сеять хлеб, а есть мякину», «ходить по солому, а приносить мякину», примешивая ее в опару в таком избытке, что выпеченный хлеб кажет комком грязи, поднятым на проезжей дороге, а потребленный в пищу производит у непривычных людей острые желудочные колики и другие болезни. Такова, между прочим, судьба белорусов, питающихся так называемым «пушным» хлебом, который колет рот, язык и горло, но скудно питает. «Все едино — что хлеб, что мякина», — в отчаянии говорят там

и в других бесхлебных местностях Русского Севера в те времена, когда совсем нечего есть и стучится в дверь и лезет во все окна настоящая голодовка: «чем бы ни обмануть, только бы набить брюхо».

Голодный молодой воробей на мякину, по неопытности, сядет — старый пролетит мимо. <...>

Ни дна ни покрышки

<...> Является в значении шуточной брани в России; в Сибири же советуют принимать пожелание это не за легкую шутку, а в самом строгом смысле зложелания. Там разумеют под дном гроб с неотъемной крышкой, будет ли он сколочен из досок, как у православных, или окажется выдолбленной колодой, как у беспоповщинских староверов, или «домовиной» — такой же однодеревной долбленной колодой, которую любят и православные в северных лесных губерниях, несмотря на то что употребление колод запрещено законом. Эту домовину, в шутку называемую там «деревянным тулупом», привычно сулят вору или обидчику («возьми себе на домовину»). Разумея завет всегда думать о смерти, верующие люди, особенно старухи, заранее шьют себе саваны и запасают гробы: саваны прячут на дне сундука, гробы — на чердаках или подволоках. Соблюдают при этом лишь то поверье, чтобы гроб был в меру, по росту, ибо если окажется не в меру велик — быть в доме новому покойнику. Таким образом, заданное выражение, по сибирскому толкованию, оказывается самым злым пожеланием — именно быть похороненным без гроба, умереть без покаяния и возвратиться в лоно матери-земли без обрядового честного погребения. У малороссов заменяется оно одинаковым по смыслу: «щоб тебе паковали на ростаньках». А росстани, или распутье, т. е. перекресток, где сходятся несколько дорог, — и в Великороссии недоброе место: на нем любят шалить черти (в Белоруссии они играют здесь в виде особых духов «вихрей»). Здесь в старину хоронили самоубийц, казненных преступников и злодеев всякого рода, по словам одной старинной песни: «промеж трех дорог, промеж тульской, рязанской, владимирской». <...>

Туру ногу пишет

Бессмыслица одной очень старинной песни и другой таковой же сказки, смущавшая нас с детских лет и со слов нянек, останется таковою, если отправиться за объяснением к слову *тур*, дикий бык, зубр, некогда водившийся по всей Руси (теперь только на Кавказе в горах и в Беловежской пуще Гродн. губ.), воспетый в былинах и упомянутый в известном завещании Владимира Мономаха детям. Поется «в стариках»: «Что царь делает? — Туру ногу пишет. Стул подломился, царь покатился. Коза пришла: — Где коза? — В горы ушла. — Где горы? — Черви выточили. — Где черви? — Птицы исклевали», и т. д. Когда же вспомним, что на Севере издавна, а в Архангельской губ. до сих пор «турóк» и «тур» означает печной столб, основание которого, называемое *ногой*, всегда расписывается красками очень пестро, то выражение становится совершенно понятным. <...>

Глупая баба и песту молится

Пословица народилась от побасенки, как одна старуха вздумала помолиться Богу в церкви. На селе она сроду не бывала и, встретив на пути мельницу, приняла ее за храм Божий: к тому же и на мельницах она сроду не бывала. Знала только попов, которые наезжали, по указным праздникам, «со славою». Приводилось и ей давать им «отсыпного»: мукой, крупой, пшеном; откупалась и печеным хлебом, свежими яйцами и т. п. Спрашивает она бородатого старика, всего выпачканного мукой: «Не вы ли попы будете? — Мы. — А где у вас тут Богу помолиться?» Он ей указал на толчею: «Вот тут!» А в ней, по обычаю, ходят на рычагах деревянные бойцы-песты, да постукивают и все себе толкут, не уставая и не останавливаясь, по указанному издревле закону: «пест знай свою ступу». Глупая баба и помолилась песту: больно уж он сильно ворочает и словно бы и сам шепчет какую-то молитву, подсказывает и облегчает.

Такой же путь для розысков объяснения темных пословиц в народных сказках, притчах, рассказах и побасенках указывают и прочие родственные нам племена. Между прочим, мне привелось встретиться в Белоруссии с очень распространенною пословицею, очень непонятной с первого раза, но нашедшею полное и ясное объяснение в сказке. Говорят: «Пускай тот середит, кто вверх или на небо глядит». Оказывается, что шла себе путем-дорогой лисица и нашла поджаренную говядину, а подле налаженную железную пасть. Догадавшись, что это ловушка, она не притронулась к мясу, а дождалась медведя. Спрашивает его: «Куманек-голубчик, ел ли ты что-нибудь сегодня? — Нет, кумушка-голубушка, не случилось. — Ну, пойдем, я сведу тебя в такое место, где хорошая пища лежит. Сама бы я съела, да сегодня середя: ведь я католичка». Подвела лиса медведя к той говядине. Лишь только он сунулся к ней, как железо обхватило его поперек и подняло кверху. Лисица взяла кусок и съела. Медведь с навесу говорит: «Кумка-голубка, ведь у тебя сегодня середя. — Эх, кумок-голубок, нехай той серадзиць, кто у гору (вверх) глядзиць!» <...>

Дорого яичко к Христову дню

<...> Для задачи объяснения ходячих выражений и крылатых слов гораздо важнее значение, напр., «новоженой куницы» — платы за венчание, по необыкновенной живучести с первых веков истории донныне. Название ценного пушного зверька в этом смысле кое-где сохранилось до сих пор, что очень знаменательно. Учреждение этой подати в казну удельных князей — очень древнее, одновременное с «полюдьем» и «погородьем», теми даними и дарами, которые собирали князья во время объездов своих волостей для вершения судных дел. Эти дани упоминаются еще в XII веке. Потом это название исчезает, но куница до сих пор не забылась в народе. В Белоруссии всякий жених, кроме свадебных угощений, обязан «годзиць куницу», т. е. платить священнику

за венец. Это исполняют сваты, обязанные, сверх того, непременно поднести матушке-попадье петуха. Может быть, в очень отдаленную и глухую старину, когда меха пушных зверей заменяли деньги и были «кунами» — ходячею разменной единицею, куница или ценность ее полагалась мерою при покупке в дом работницы. И это могло быть повсеместным обычаем. Теперь же в Великороссии куница вспоминается еще при свадебных обрядах, но старинный прямой и безраздельный смысл ее совершенно утрачен. По-старинному, напр., на нашей памяти величали новобрачных пожеланием (около Галича):

Куницу шубу до полу,
Божьи милости до веку.

Сваты приходят в невестин дом «не за куницей, не за лисицей, а за красной девицей». Кое-где просят выкупом за невесту «куницу да еще и лисицу» (по пристрастью к созвучиям) с придатком золотой гривны да стакана вина. Дружки, в приговорах своих, также безразлично приплетают сюда еще соболя («повар-батюшка, повариха-матушка, встань на куньи лапки, на собольи пятки», и т. д.). В Северо-Западной России народ гораздо последовательнее и тверже в старых памятях и заветах. Так, напр., там везде значение куницы перенесено и на самое заявление священнику о желании венчаться. *Куницу мириць* или *годзиць* являются целой гурьбой, и потом хвастаются: «Уже хвала тебе, Господзи, куницу помирили и запывидза (запоины, пропоины невесты) пошла». Во время крепостного права куницей исстари назывался также выкуп у пана — владельца невесты вольным человеком, избравшим крепостную девицу, которая таким образом выходила в чужую вотчину, и за нее давали деньги. Священнику за венец не всегда платят наличными деньгами, а иногда рассчитываются и работой. В некоторых местах (напр., витебской губернии) слово *куница* также забыли (говорят «попа мириць»), но смысл сохранился, и сейчас можно слышать это старинное выражение цельным на окраинах той же губернии, смежных с губерниями Смоленской и Могилевской. Надо надеяться, что изречение это и здесь

затеряется, когда окончательно исчезнут все следы крепостного быта и потускнеет о нем представление. <...>

Черту баран

Во всех концах России, не исключая Белоруссии, самоубийцам приурочивается вековечное прозвище «черту баран», в котором чувствуется и то презрение, какое глубоко вкоренилось в народном убеждении по отношению к этим преступникам, и сказывается та основа поверья, из которой выродилось это живое крылатое слово. На самоубийство, как и на множество других преступлений, помимо доброй воли и порченной природы, натравливает нечистая сила или дьяволы, черти всякого рода и всегда «нежить». В этом случае черт творит зло в личных расчетах, но по особому приказу и прямому указанию верховного своего начальника — сатаны, несмотря на то что иногда цель наущения, по-видимому, ничтожна. В данном случае покусившийся на свою жизнь наказывается как бы временным превращением в животное для того, чтобы черти на том свете до сорокового дня могли ездить на нем неустанно или возить на нем воду. Человек, таким образом, доброхотно сам себя принес, вместо обетного и обрядового барана, в жертву подземным богам, злой и нечистой силе. По глубокому народному верованию, она одна является здесь основной причиной неумолимого греха, толкая в воду, накладывая на шею петлю и подвешивая трупы на деревья в укромных лесных местах и на балках холостых¹⁶⁶ строений по задворкам: бань, овинов, амбаров и проч. В Белоруссии при этом твердо укоренилось даже такое повсеместное верование, что того человека, который вынул из петли удавленника и хотя бы оживил его, всю жизнь во время сна будет преследовать таинственный голос, нашептывая: «Зачем ты его спас; зачем ты его увел от нас?» За то принято народом за правильный закон всюду хотя и хоронить самоубийц на кладбищах, но где-нибудь в углу и поодаль от прочих

¹⁶⁶ *Холостой* — неиспользуемый.

могил. «Черта потешил — из себя барана сделал, — говорят в Новгородской губернии, — сунул голову в петлю, а черт и затянул ее; он и натолкнул на греховную мысль, и пособил привести ее в исполнение». Сорок дней умершая душа всякого человека ходит по мытарствам; непогребенная душа скитается по миру; самоубийца отдает душу черту и не допуская ее до мытарств.

Убить бобра

Выражение это, обращаемое к неудачливому человеку как насмешка, ввиду приобретения им дурного вместо хорошего, например товара и других разных предметов до жены включительно, произошло, конечно, от того зверька, который дает на воротники густой мех. Такая горькая неудача предполагается равносильною тому, как если бы, намереваясь убить ценного зверя, хотя бы и речного (castor fiber), не говоря уже о драгоценном морском (lutra), — довелось убить свинью. Так, между прочим, поступили калезинцы: они свинью за бобра купили, и за то эту неудачу, как забавный случай, обратили им в вековечную насмешку в виде присловья. Обман темных людей поставлен таким образом в зависимость от тех серебристых волосков, которые увеличивают ценность морского зверька, но ничего не стоят в виде щетины домашнего животного. Известен анекдот, как глупый денщик, из усердия и услужливости, выщипывал из воротника своего барина-офицера эту красивую особенность меха на том соображении, что сам барин выщипывал такие же сединки из своих волос на голове и бакенбардах. В доказательство того, что именно речной бобр дал повод к сочинению выражения, служит то обстоятельство, что некогда в России бобры водились почти везде и о бобровых гонах упоминается во всякой владенной записи. Теперь их нет нигде, за самыми ничтожными исключениями кое-каких рек в белорусских и пинских болотах, как, в свою очередь, сделался редкостным драгоценный камчатский бобр, особенно тот, который ловится около мыса Лопатки у камня Гаврюшкина. <...>

БРОДЯЧАЯ РУСЬ ХРИСТА РАДИ (фрагменты)

Кубраки и лабори (из быта белорусов)

У Голенкиной рощи
Проявились мощи:
Дайте на покрывало!
Белорусское присловье

I

Странствуя по невеселым захоlustьям Могилевской губернии, ехал я из города Горки, замечательного только тем, что в нем некогда существовал земледельческий институт, превратившийся в очень скромную земледельческую школу, и в самом деле имеются две-три горки.

И. Аскназий. Нищий в церкви.

Не крупными впечатлениями наделил меня городок этот; без особых приятных воспоминаний остался он теперь назади, заслоненный густым лесом. С трудом пробивается узенькое полотно дороги посреди непролазных тущоб этого белорусского леса, веками выроставшего на сочной почве без всяких помех, и выходит в поле, закиданное камнями, под защитой которых ютится тщедушная рожь.

Затем опять лес и опять, не всегда — луг и поле, а вернее — болото, которыми, как известно, и в самом деле несомненно, — с сокрушительным избытком засыпана эта мокрая, лесистая страна — Белоруссия.

Навстречу нам в одном месте вышло такое болото версты на четыре поперек, верст на 10 в длину, с неприятным кислым запахом. Это не *багна* (топь), не *багнуво* или *на́зма* (топкое место), не *на́спа* (болотная росль, болотный лесок) или *ни́мяреча* (заваленное валежником мокрое место), а подлинное болото, как мы привыкли понимать его в России, с одной лишь разницею в произношении, болото не только с *дрягвами* — вечно дрожащими топкими местами, трясовинами и *ветрами* — совсем непроходимыми местами, — но и с *тванями*, иловатыми топями, глубиною иногда до трех аршин, на которых уже ничего не растет и из которых продолжают сочиться подземные ключи. Там и *аржі́* — места с накопившею ржавчиною болотных руд и железной окиси, и *миа́ры* — места, поросшие мохом и кочками, и *крутьі́* — водовороты, и иная болотная благодать и разновидность, на названия которых белорусское наречие настолько же, по закону необходимости, богато, насколько богаты, например, названия водоизменений приморских берегов на севере, лесистых местностей в середине России, разновидностей гор, долин и уступов на востоке России и в Сибири и т. п.

Местами спопутное нам болото успело просохнуть и превратиться в луговины, на которых поставлены стога с сеном и растет *ситник* (трава, похожая на мелкий тростник), охотно употребляемый белорусами на постели. На лугах маленькие ростом белорусы — мужики и малые ребята — убирают сено: мечут не в стога, а в копенки; большие ворочают, мальчишки возят домой. Подпоясавши рубашку веревочкой и обвязав голову полотенцем, жнут рожь бабы, еще более маленькие ростом, чем мужчины.

Дорога наша кое-где идет гатью, но всего чаще по свеженабросанным ветлам. Вместо мостов встречаются лишь признаки таковых, и, вопреки правилу русских

почтовых дорог, словно торжествуя победу, дорога взбирается на мельничную плотину, выстроенную частным лицом про себя, вовсе не для подобных неожиданных целей. Маленькие мужички на маленьких лошадаках и телегах могли проторить дорогу лишь очень узеньким полотном (сравнительно с общерусскими). Малое движение на нем с редкостным встречным обездолило дорогу еще тем, что проложило только одно узкое полотно и делаются два лишь там, где надобятся объезды. Во многих местах битая дорога совсем заросла травой — и давно. В иных местах среди самой дороги выросли густые кусты — могучая сила природы одолела бессильного человека. В отчаянии он опустил руки, опустил сам и запустил все кругом себя, время от времени просыпаясь только для мелких и ничтожных починок и поправок, а не для энергической коренной перестройки, как бы следовало. Вот на том месте, где произошли расстани, т. е. встретились две дороги, по древнему русскому обычаю — на таком крестце выстроилась часовенка с неизменным резным распятием.

На этот раз около него поставлены две резные из досок фигуры, имеющие изображать двух Марий: одну перегнуло ветром — и никто не поправит. Нарисованному распятию и признаков нет; дожди загноили и ветры зачернили все фигуры до такой степени, что лучше было бы, когда бы их совсем тут не было. Запущенность и уныние на каждом шагу навязчиво бросаются в глаза и наводят сумрачные думы, для которых много простору. Белорусский ямщик не развлечет: он не поет песен и не разговаривает; он весь углублен в себя и, разбуженный настойчивыми вопросами, является плохим толкователем виденного:

— Отчего трудные работы делают у вас бабы, а легкие мужики?

— Мужики к жнитву непривычны. За бабой у нас еще *крóсна*, пряжа. Потому ей и цена такая малая.

— Да ведь она, стало быть, больше мужика работает?..

— Ну, так ведь она и податей не платит.

Затем опять, помолчав очень долгое время, говорит белорус:

— Баба хороша тем, что когда мужик придет в избу — изба теплая: баба вытопила.

Он замолчал надолго: тряхнуло нас так, что он чуть не соскочил с козел. Меня метало из стороны в сторону еще очень долго все по той же ломаной дороге, которая то брела по оврагу, то поднималась на гору и награждала тут и там толкотней по болотистым накатам и бестолково разбросанному фашиннику. Вот, наконец, и станционный домишко, до невозможности безобразный. При этом он так стоит под крутой горкой, что разбежавшихся лошадей трудно остановить у крыльца, а шальная дорога то и дело заворачивается, вертится, кубарем бежит под гору. Для того чтобы попасть на станционное крыльцо, надо проехать его мимо и опять вернуться назад на гору.

— Вот и у рай приехали, — заметил ямщик, сияясь острить, и добавил: — Из пекла (совершенно справедливо) у самый рай приехали.

При этом он вяло улыбнулся.

Действительно, мы приехали в селение Рай, названное так потому, что и соседний фольварк носит это сильное и красноречивое название, ничем, собственно, не оправдываемое и присвоенное местности, вероятно, каким-нибудь затейником и шутником-паном.

Впрочем, в Могилевской губернии есть еще один Рай да три Раевки, одна Раевщина. Сейчас за тем Раем, где я меняю лошадей, по дороге — в контрасте — деревня Чортово, стоящая в ущелье и в местности очень скучной. Но этот Рай — не цель нашей поездки. Цель еще впереди на целый перегон.

Поредели леса, обещая скученные селения, и наконец они совсем исчезли, когда селения чаще и чаще стали выбегать навстречу и виднеться во множестве с обеих сторон; сбиваются в группы и как бы слияются тяготеть к ближнему, большому и сильному центру, который в этих случаях охотливо подзревается.

Кое-где виднеются рощи, большею частью сплошные липовые, искусственно насаженные при усадьбах. Одна

роща стоит дубовая, нарочно сбереженная и бережно охраняемая. Усадьбами или фольварками изрезаны все окрестности.

— Тут что ни хата, то и пан, — объясняет ямщик.

Селения эти — околицы, некогда основанные для ополячения края и населенные шляхтой.

Но вот, не доезжая 12-ти верст, на высокой горе, выясняется красивый город, даже белеющий церквами, что большая редкость в уездных белорусских городах.

Эта цель нашей поездки — город Мстиславль, превратившийся на белорусском языке в Амцислав (по тому же закону, как из орловского Мценска стал Амченск). Мстиславль — город почтенной древности, одно из первых заселений края, укрепленный в те времена, когда русские князья не придерживались еще христианских имен, а назывались, по старой привычке, народно-славянскими.

Укрепил селение городом и дал городу имя своего сына — Мстислава — смоленский князь Роман Ростиславич раньше 1180 года.

Впрочем, не для археологических разведок и раскопок мы сюда приехали, хотя в бедной впечатлениями белорусской стране стараемся взять все, что дадут.

Охотно идем навстречу этим подачкам. Они на первых шагах и на первых порах во всяком городе и местечке всего Западного края одни и те же, как заказные. Пройти мимо нельзя, потому что очень навязчивы и у нас, в Великороссии, вовсе не известны. Первый знакомый — еврей, и первый разговор неизбежно с ним, когда бы ни приехали — положим, вечером, как случилось со мною во Мстиславле.

Не успел я отыскать гвоздь, чтобы повесить запыленное пальто, как в полуотворенную дверь классическим полуоборотом, столь всем известным даже по александрийской сцене, уже протискивался еврей с предложением:

— Послать не надо ли куда?

За ним другой с новыми услугами:

— Булок не надо ли? (Он видел, как третий еврей, фактор¹⁶⁷ постоялого двора, самовар раздувал.)

— Баранок не угодно ли?

Это уже третий. Для удобства мучить приезжего труд разделен: один булочник с белым хлебом, другой исключительно с одними баранками, которые, кстати сказать, евреями, искусившимися на национальных пресных хлебах, пекутся очень вкусными, не хуже исторических валдайских.

Когда принесли самовар, евреи-продавцы дали отдохнуть.

Убрали самовар — новое предложение услуг новыми торговцами; новые мучения.

От одного:

— Спички.

От другого:

— Золотые и серебряные вещи, так купить на выбор и на деньги или поменять на что-нибудь.

Опять:

— Спички! Не надо спичек? — так дайте заработать что-нибудь (на этот раз не Христа ради, а «на сабас»).

К. Кукевич. Букинист. XIX в.

Что-то долго не является еврей с материями шерстяными, московскими и материями шелковыми.

Вот и он: есть у этого, сверх того, еще ленты шелковые.

Впрочем, он, собственно, пришел затем, чтобы по системе Бобчинского сказать, что есть-де такой магазин с такими товарами. Понадобятся они — не ходите к другим. У него еще брат есть. У брата: сыр, чай, сахар — все есть, все самого лучшего сорта; сам за товаром ездит, сам его выбирает.

¹⁶⁷ Доверенное лицо; управляющий (устар.).

— Может, календарь на новый рок требуется? — спрашивает в дверях бог знает который мучитель.

А впрочем, и этот о товаре не хлопочет, а не дадите ли и ему что-нибудь заработать?

К вечеру обыкновенно продавцы стихают.

Спустились на землю и город Мстиславль глухие темные осенние сумерки.

Пора ложиться спать и отдыхать после мучительно-тряской и скучной дороги. Сейчас дверь заложим крюком, и пусть хоть лбом бьются об нее неустанные мучители.

Однако мысль наша уже предугадана, и крючка мы наложить не успели.

Скрипнула дверь и полуотворилась. Влез еврей «с пачками папирос» и, получивши отказ, не уходит, а, напротив, весь протискивается в дверь. Стало быть, не в папиросах тут дело. Об них он также особенно не хлопочет.

— Может, так не надо ли вам чего?

Он лукаво улыбается и подмигивает.

Вот, собственно, какого стола он начальник, какие дела ведает, и за какими справками ходят к нему. Это один из любимых еврейских заработков.

Предлагая товар, комиссионер старается выхвастаться им до возможной степени доброт и красот.

Когда вы уже прогнали одного, по всем вероятностям — последнего, когда дверь на крюке и вы в постели, — сквозь полудремоту можно услышать еще не один раз, как шевелят ручкой двери другие поставщики и комиссионеры, вероятно, все того же однородного живого товара.

На другой день вам на свежую память — полнейший простор для размышлений на вчерашние вечерние темы, напомнить о которых не замедлят тотчас же, как только вы составили ноги с постели и не надели еще сапог:

— Постричь, побрить не угодно ли?

Вот у него через плечо и кожаная сумка с орудиями и принадлежностями ремесла.

— Мыло с духами заграничное.

Опять: «булки»; затем «баранки», галстуки, перчатки: все, надо заметить, разыгрывается как бы по нотам, т. е. в порядке и строгой постепенности ваших утренних занятий и надобностей: будете, вставши, умываться, чай пить, собираться с визитами или просто осматривать город. Можете в дороге растеряться, забыть чем-нибудь запастись из необходимого и т. п.

Вот, не угодно ли: все это вам принесли и охотно предлагают.

И в самом деле — будет: пора оставить докучную квартиру, которая успела достаточно очевидными доказательствами убедить вас в том, какая там, за стенами этого дома, живет непокрытая бедность, крупная нужда, которая вынуждена так громко и настойчиво кричать за себя. До того нужда эта крупная, что один случайный проезжий способен стать соблазном и приманкою для двух десятков бедняков, и около этого временного заезжего группируется целый базар. Если не покупаете, дайте хоть так заработать какую-нибудь копейку. Этим только вы спасаете себя от дальнейших навязчивых предложений и даете некоторое утешение истинно неимущему, оборванному и общипанному.

И. Трутнев. Евреи на молитве. 1911.

Посмотрите, как суетливы улицы, как кишат по ним мужчины-евреи, бегая так скоро, что положительно сверкают пятки, машутся фалды долгополых сюртуков и светятся на солнышке их камышовые, наведенные лаком, палки в руках.

«Жидки» с раннего утра до позднего вечера мечутся по улицам как угорелые, чтобы нажать лишнюю копейку. На беду, завтра шабат (праздник), в который самый бедный и оборванный еврей не откажет себе в сладком кусочке, в лишнем блюде за обедом.

Женщины сидят на лавках и зазывными криками мучат неотвязчивее и неистовее, чем знаменитая ножевая линия московского Гостиного двора.

В одной такой еврейской лавке действительно понадобилось мне что-то купить, и полученную сдачу вздумалось отдать вертевшемуся тут кудрявому, красивому ребенку: надо было видеть радость матери, восторг вспыхнувшего краской ребенка! Мать о такой щедрости поспешила даже выхвастаться соседке, которая в свою очередь позавидовала девочке: «Вот-де сегодня и ты нажала!» И долго все провожали меня глазами и гладили счастливую малютку по кудрявой, красивой головке.

Прохожу мимо дома с открытым окном, и, лишь только я поравнялся с ним, у окна стоит уже еврей, который тотчас же поспешил снять с головы ермолку и тотчас же заговорил:

— Не надо ли вам золотых? (деньги менять).

— Не надо.

— Не сшить ли вам что? Починка какая не требуется ли?

Все это он проговорил так быстро, что я не успел еще медленными шагами пройти мимо его утлой, полуразвалившейся хаты.

Но успел я полюбоваться и пожалел, что не владею кистью, — передо мною стоял характерный тип бедняка-еврея: на ногах клетчатые, полинялые и заношенные штаны, оканчивающиеся бахромой выше сапог; сверху такая же рваная жилетка. Из-под ермолки торчат запрещенные и преследуемые пейсы и клином выветрившаяся бороденка; на ногах тоже запрещенные башмаки.

II

Вот какими невеселыми впечатлениями встречает нас город, вчера издали показавшийся нам очень красивым, а теперь вблизи — очень бедный, хотя, по видимому, порядочно обстроенный.

Город беднеет в особенности в еврейском населении; многие отсюда успели уже выбраться в Россию от недостатка средств к жизни, в Крым, на Волгу, да и не пересчитаешь, кто куда выбрался. Мстиславль — как и все прочие белорусские города — бедняк безвыходный, особенно с тех пор, как ослабела некогда шумная и веселая, ближняя ему ярмарка в Хославичах и сам он дотла (в 1858 году) погорел. После пожара он стал гораздо хуже и очень туго исправляется: остовы каменных домов так и стоят неисправленными, а на крыше сгоревшего и полуразрушенного костела успел даже вырасти кустарник.

Впрочем, все эти внутренние недостатки не умаляют достоинства и красоты наружных видов, открывающихся глазам с городских гор, и особенно с той, которая называется Замковой. Вид отсюда — на широкую долину, образованную рекой Вехрой, текущей в Сож. Леса порядочно-таки опустошены и горизонт очень расширен, но сильная растительность взяла свое и пустила новые березовые рощи. Таких видно с горы очень много; таковые же завязались везде там, где обсохли болота и красиво зеленеют во всех тех местах, где устроились закутанные в зелень панские фольварки¹⁶⁸.

Около одного фольварка сохранился дубовый лесок, а липовые рощи всегда указывают на те места и земли, которые принадлежали ксендзам. Таких очень много.

Лента Вехры прихотливо извивается по долине и оживляет всю эту красивую окрестность в такой степени, что можно несколько раз сряду на эту Замковую гору

¹⁶⁸ *Фольварк* (польск. folwark, от диалектизма нем. Vorwerk) — хутор, мыза, усадьба, обособленное поселение, принадлежащее одному владельцу, помещичье хозяйство (в Речи Посполитой и некоторых других странах Центральной и Восточной Европы).

возвращаться и любоваться вновь с обеих точек зрения: и как на прелестную местность, одну из наилучших во всей губернии, и как на замечательную твердыню, способную постоять за себя при древних способах осады и обороны. Она, впрочем, несколько раз и отстаивалась от московских войск, когда Западная Русь отошла к Литве. Выведены мстиславские укрепления все в северо-восточную сторону, — стало быть, прямо против Москвы. На крепость твердыни положились жители и в то время, когда царь Алексей принял под свою защиту угнетенную Малороссию, послал на Литву войска, успел отнять Смоленск, Витебск, Полоцк, Быхов, Шклов: мстиславцы, не принимая этого в расчет, на крутых горах своих вздумали упорно сопротивляться. Они раздражали воеводу русского, князя Трубецкого, и когда изнемогли в силах и покорились — были все изрублены с таким ожесточением, что это событие осталось в памяти народа под названием *трубецкой сечи* (резни), а за мстиславцами современными осталось прозвище *недо-секов* (потомков недобитых) вот уже на третью сотню лет после исторического события.

Следом за историческим преданием и не сходя с Замковой горы — вблизи и воочию живой исторический памятник: величественный каменный древний католический костел. Выбрал он для себя самое лучшее, красивое место, несомненно, в то время, когда католичество здесь начало хозяйничать с решительностью и ставило в самых отдаленных православных странах (на окраинах их) передовые свои посты в противоборство и противодействие. На севере Могилевской губернии, в местечке Обольцах, поставлен Ягеллом первый по времени в Белорусском крае римско-католический костел еще в 1387 году, — а вот второй мстиславский на восточной окраине литовских земель.

Громкий гул органа этого второго костела сильно и торжественно разносится на весь околоток. По четыре раза в день, неустанно и ежедневно, совершаются здесь церковные службы, и одна продолжается ровно два часа (с 8 до 10). В церкви на стене — изображения (al fresco) событий, прославивших костел.

На одном совершается приступ к городу: направо вырисовывается гора, та самая, которая слывет под именем Замковой, и на ней, как голубок, белая православная церковь (теперь уже тут не существующая)¹⁶⁹; налево — угол здания, того самого костела, который теперь остановил нас на пути по городу. Между православною церковью и костелом батарея из 4–5 шведских пушек, и при них два рыцаря в шлемах с перьями и в кольчугах. От горы заходят войска точно в таких же шишаках, которые при нас выкопаны были в Могилеве в горе, называемой Костернею. По церковной горе в разных направлениях катятся бревна — последние следы и остатки защиты против врагов. А вот на второй (левой от входа) картине и самая драма — избиение ксендзов у дверей этого костела, очень похоже изображенного, хотя изображение мечей и бритых голов с клочками волос по краям значительно попортилось. На этот раз шведы Карла XII мало на шведов похожи, согласно словам предания. Краски очень полиняли, а в других местах просто полопались.

Самый оргán, под звуки которого мы переносились воображением в старину, — расшатался от долговременного и частого употребления до такой степени, что сильно стучит и вводит новые неприятные и ненужные звуки, бесцеремонно заглушающие пение. Да и костел уже порядочно позастоялся, и все это в виду того, что на иезуитском сгоревшем и заброшенном костеле выросли деревья, а противоположный ему костел на той же площади преобразован в православную церковь, принадлежащую Николаевскому монастырю.

Не значит ли это, что католические передовые посты забрались слишком далеко, и жили не тужили при искусственной поддержке; а приняли подгнившие подпорки, и здание либо надтреснуло и стало разваливаться, либо и совсем рухнуло.

¹⁶⁹ Передовые костелы сделали свое дело; теперь в Мстиславле 7 церквей, прежде было 14. Недосчитываются заведомо шести; Спасской, Никольской, Ивановской, Троицкой, Ильинской и Богословской. На Замковой горе, вероятно, была Никольская; на Девичьем городке Ильинская (*Примеч. С. В. Максимова*).

Я заходил в костел несколько раз, и молельщиков больше 5–6 человек не видал, считая старух, из которых одна совершенно пластом (*крыжсем*) лежала на полу и целовала кирпичи, порядочно-таки выбитые ногами. Две были бессменные и обе нищенки в качестве представительниц местного католичества, к которому, впрочем, очень много принадлежит околной шляхты и землевладельцев. Тем не менее костел, вместе с другими, сделал свое дело и успел ввести в православный обычай и народную жизнь очень много такого, что не скоро и не так легко искоренят новые ревнители русского дела и веры.

Однако не о том теперь и здесь речь наша.

Поспешим от этого памятника, принадлежащего уже истории, к другим древностям, наиболее солидным и почтенным.

В той же красивой долине, которая прорезается Вехрой и стелется под высотами Замковой горы, верстах в 2–3 от города, бежит в реку так называемый Черный ручей, в воде которого накапливается достаточное количество грязи. Грязью мажут глаза. Источники чествуют и боготворят бросанием в него денег; творят приношения по древнему способу и с тех самых пор, когда предки белорусов, кривичи, веровали в источники, боготворили леса. Вот подлинная древность и древняя вера, через тысячелетие дожившая до нас в неприкосновенности и в такой целостности только в одной Белоруссии.

Таких святых мест, обыкновенно в ложбинах, под горами, над чистыми ключевыми источниками, целые сотни сохраняются в различных местах Белоруссии, и все посвящены Пятенке (древнему богу женского пола), на место которой во времена христианства устроены часовни Параскеве Пятнице. В большей части из них сохраняются всегда очень старинные изваяния св. мученицы из дерева и всегда очень грубой работы тех далеких времен, когда не ведали долота и скобля, еще кое-как владели топором, и то не всегда железным. Плоские лики таких изваяний с трудом напоминают что-либо человеческое, но сплошь и рядом увешаны всякого рода приношениями, от серебряных вещиц до шелковых лент и кусков холста.

Все такие от глубокой старины священные места носят старинное, везде забытое славянское название, ни к чему уже больше и по Белой Руси не применяемое, — название *прощи*, и «идти на *прощу*» значит идти в крестном ходу на святое место, а «идти як на *прощу якую*» значит идти веселой толпой на девичье гулянье. Известное дело: девичьи хороводы и пляски натаптывают не только здесь, но и везде на Руси все святые и почтенные места, и притом с большим усердием именно в те самые времена, на которые указаны у древних кривичей и новгородцев с полянами дни празднования в честь богов.

На Мстиславскую *прощу* некогда, во времена борьбы с католичеством, когда энергически заводились православные братства, ходил народ многолюдным крестным ходом (давно вышедшим из обычая). Мстиславские православные девушки ходили петь песни, водить хороводы и другие древние прародительские игры на так называемый Девичий городок, на Троицкую гору (Кладбищенскую) и еще на одно место на так называемом *Подболе* (т. е. узком побережье р. Вехры, отделяющем ее от городских гор, по тому же примеру, как на Киевском подоле, на Могилевском и друг. под., на этих местах первоначальных заселений).

Девичий, Девий, а может быть, некогда и просто *Дивий* (от *див* — божество) городок — такой же примечательный остаток укрепления, как и замок, но гораздо меньше объемом и ниже — обращенный, однако, в ту же сторону, на реку Вехру, стоящий в долине, отдельно от городских возвышенностей. Тут и там возвышения имеют одинаковый вид с приподнятым, выше насыпанным одним краем и покатым другим: первый, конечно, против неприятеля, второй — подъемный к своим. Кругом того и другого возвышения насыпаны валы: на замке хорошо сохранившийся, на Девьем городке — гораздо хуже: время почти сровняло их с площадкой возвышения, давая вероятие предполагать, что укрепление городка очень подержанное, старее замкового. К тому же и народ сохранил предание, что гору Девью натаскали фартуками девки-богатырки, засыпая могилу богатыря, доброго

молодца, всеми ими оплаканного. Потом, на горе этой, в урочный день, богатырки-девки творили по нем тризну, делали всякие игрища. Вот и следы кривичей.

Тут и теперь, как растает снежок, нынешние горожанки в шубейках поют веснянки, пляшут, играют, *просо сеют, лён топчут*; ребята играют в свинку. С возвышения этого один только спуск, направленный в сторону Подола — первоначального места мстиславского поселения. Во все другие стороны горка опускается круто, напоминая собою ванну обычной, всем знакомой формы. К тому же среди площадки глубокая выемка, такая же, как и на замке, только значительно меньшая. Замковая впадина, образованная нарытыми валами с хорошо сохранившимися амбразурами или впадинами, разрыта теперь огородами и обставлена семью избушками на курьих ножках, принадлежащими отставным солдатам и построенными в очень недавнее время. Площадка настолько большая, что могла вместить и Никольскую церковь, которую мы видели раньше на костельной картине, и княжеский двор с приспешнями. Солдаты, копавшиеся в огородах своих, откопали седло, совершенно сгнившее, с перержавевшим железом. Во многих местах отрывали гробы.

Площадка Девьего городка настолько, однако, широка, что на ней могла установиться небольшая церковь — конечно, исчезнувшая церковь Ильи; вот по какому соображению¹⁷⁰.

На всех возвышенных местах, круто оступающихся в воду (как в данном случае на Девичьем городке), по свидетельству наших летописей, ставили славяне изваяние своего верховного бога грома — Перуна, покровителя земледелия и семейной оседлости. Когда приходила на его честь и славу невзгода, катить его в воду было недалеко и нетрудно. Вот почему развенчанный бог всегда уплывал по реке, и народ бежал за ним по Подолу, прося его «выдывать» из воды. В Киеве он послушался (на том месте теперь Выдубецкий монастырь). В других местах,

¹⁷⁰ Места других исчезнувших церквей довольно ясны: Троицкой — на Кладбищенской горе, Ивановской — на земле причта и т. д. (Примеч. С. В. Максимова).

где не брала его сила, об нем забывали, на месте свергнутого бога ставили православную церковь и посвящали ее пророку Илии, который и до сих пор, по народному суеверию, производит гром колесницею и низводит молнию от копыт своих огненных коней. В Белоруссии до сих пор нет иного названия для молнии, как — *пёрун*. А между тем, по сказаниям летописи, в Киеве самая первая христианская церковь Илии, в Чернигове и Полтаве — также. В Кричеве, соседнем Мстиславлю местечке, Ильинская церковь также на отдельной горе, круто оступающей в воду р. Сожа; также и в г. Могилеве на Днепре, во Пскове над Великой, и везде, где только население города самое древнее. Для Белорусского края это неизменный закон, который мы теперь не развиваем подробно: пора выходить из трущоб седой старины и из мстиславского захолустья-оврага, застроенного лачугами крайней мещанской бедности, на гору, в город. Здесь ждут нас более современные и свежие впечатления.

Полюбуйтесь.

Мы попали на ту сторону города, где въезд во Мстиславль из торгового местечка Хославич и из окрест-

К. Кукевич. Корчма в предместье. До 1842.

ностей, где разбросано наибольшее количество деревень. На улице, вблизи самой дороги, стоит большой точильный камень, предлагающий услуги тем, кто мимо идет, поточить топоры, косы, ножи: нечего хлопотать и искать точильщиков по городу. Точит еврей и собирает деньги.

Вот и шинок, а подле продавец бубликов: выпить и закусить не угодно ли? И тут, и там, конечно, евреи.

— Чи не надо ли лошадь подковать?

Вот для этого три кузницы.

— Что продаешь? — покажи! Что везешь в город?

Для этой перекупки и поселились на этом въездном краю города (как и во всех) евреи целым десятком домов.

— Куда торопишься? — подожди; вот поди выпей, а потом потолкуем. Я тебя угощу, и деньги за тебя заплачу.

На наших глазах седой плут оплел молодого парня, и толковал недолго. Постояли — торговались: еврей 50, мужик 85. Еврей надбавил, побожился, что на базаре цена 70 коп., — и ездить-де незачем. Мужик сел на 80 и уперся. Еврей больше 70 не давал: мужик тронул в гору, но еврей, идя позади телеги, не выпустил его, ухватясь рукою за соблазнительный мешок с рожью. Вот уж и повернули в сторону, — к дому покупателя-еврея.

Не доезжая до поворота, еврей совал в задаток два пятиалтынных — остальные дóма, на дворе. Совал он задаток навязчиво и торопливо: с горы сходил рыжий еврей, говорят, самый опасный. Он уже окликнул продавца, но дело было кончено.

Я поспешил объяснить рыжему: продано, мол.

— Что?

— Рожь.

— За сколько?

— За 80 копеек.

— Ограбил, даром взял.

Причмокнув языком и с отчаянием махнув рукой, поплелся рыжий еврей в свой дом, который, как и все другие, по милости таких операций и на таких бойких местах, снаружи довольно благообразный, светлый и новый.

Еврейские дома, кроме бойких въездов, заняли теперь середины всех городов. Туземцы-русские все

И. Аскназий. Еврейская свадьба.
1893.

вытеснены на окраины, и в такие тесноты, как слободка под Девичьим городком. Города, конечно, от этого также не выиграли: исторические мстиславские горы застроены отхожими еврейскими местами без всякого покрови-

тельства и защиты, и теперь по ним не только ползать, но безнаказанно и пройти нельзя.

Также на краю города стоит и историческая святыня города Мстиславля, мимо которой также пройти невозможно, потому что она выводит нас уже прямо к цели. Это — Тупичевский монастырь, сослуживший свою службу православию на грани с католичеством, вместе с Кутеинским (в г. Орше), как миссионер в прошлом. В настоящем это деревянная развалина, приписанная к городскому каменному Николаевскому монастырю. Кругом Тупичевского монастыря низенькая каменная ограда и затем все деревянное и ветхое. Кругом церкви обходит своеобразная крытая галерея — паперть. Три низенькие здания келий, одна жилая половина с бальзаминами и геранями на окнах; другая запущенная. В церкви режущая глаза бедность; торцовый дубовый пол перекокоробило до того, что

Д. Струков Кутеинский монастырь.
1864–1867.

есть опасность споткнуться и упасть: давно пол сделан и сильно выбит.

Возвратившись из монастыря по узенькой, обсаженной деревьями аллее в город, увидим каменный собор, переименованный в таковой из полковой

церкви, выстроенной на казенные деньги, а затем все остальные приходские городские церкви деревянные. Все пять заветшали, и в особенности Афанасьевская молит о внимании и защите: на стенах, обитых тесом, буквально сидит заплатка на заплате — истинное рубище, из-под которого даже невозможно распознать, в каком стиле задумана была и исполнена эта бедная, разрушающаяся церковь. И все это ввиду следующего, весьма оригинального и серьезного обстоятельства.

На том краю города, где стоит Тупичевский монастырь и расположена Казимириова слобода (с бывшею униатскою, также деревянною и ветхою церковью), выстроилась вторая отдельная слободка, не носящая особого прозвания. При посещении ее нас резко поразили дома знакомой великорусской конструкции, каких в Белорусском краю слыхом не слышать, видом не видать. В стенах крупные бревна, постройка на стульях; прорублены широкие окна по три и по пяти. Под крышей опять окно и под ним классический великорусский балкончик с балюстрадой, ни к чему, как известно, не пригодный, но тем не менее неизбежный. Дом резко выделяется из всех остальных полуразвалившихся низеньких землянок пригородной слободки. В бревенчатом (а не плетеном, по белорусскому обычаю) заборе тесовые ворота с навесом.

Это — дома кубраков, особого рода промышленников белорусского племени из мстиславских мещан, занимающихся сбором подаяния на церкви по всей России, в Москве, за Москвой и в Петербурге.

Промысел этот давний, так что до начала и корня его, как равно и до корня слова, выражающего прозвание, подлинным путем и добраться теперь, за давностью лет, невозможно. Несмотря, однако, на то, мстиславские кубраки городских церквей своих не поправили, а между тем занимаются сбором денег на церкви, *кубрачат*, говорят, человек до пятидесяти. В 1865 году Могилевская консистория, по наведенным в ней справкам, выдала на имя мещан сборных книг в пользу церквей Могилевской епархии 27 и на имя других лиц 24, итого 51.

В 1866 году новых книг выдано мещанам	24
Того же года и тех же книг другим лицам	28
Итого	52
В 1867 г. первым скреплено книг	25
... вторым	29
Итого	54

При таком постоянстве цифры можно судить об устойчивости кубрачества и о твердости основ, на которых движется это странное, немудреное дело.

И вот и дело в ходу, и книжки в деле по сведениям канцелярии спб. обер-полицмейстера, обязанной свидетельствовать все те из них, которые будут потом разноситься по столичным дворам, показываться и подноситься по петербургским церквям и частным квартирам. Из 580 (средним счетом) ежегодно свидетельствуемых здесь книг (иногда одну и ту же по два и по три раза в год) в 1868 году подписано крестьянам 208, мещанам 17. Между фамилиями этих мещан мы встречаем две таких, которые хорошо известны во Мстиславле (Голенок и Хижинский), но и в остальных выразились те, которые наглядно свидетельствуют о том, откуда вылетели птицы, — певчие птицы петербургских дворов во всякое время дня без разбору (чаще, впрочем, после обеда)¹⁷¹. Прислушаемся к ним и познакомимся с ними.

Без дальних и окольных слов скажем прямо.

Кубраки — промысловые люди, характерные разве тем только, что народились в стране, где дремлют все промысловые силы и давно убито в коренном населении всякое ремесло, но где все сплошь земледельцы с ничтожными оттенками промысловых людей для неизбежных дешевых домашних надобностей.

¹⁷¹ Вот для примера из канцелярских книг 1868 года фамилии мещан: Голенок, Хижинский, Малей, Погорецкий, Бельзский, Бочок, Титенко, Ассовский, Реут, Губняковский, Вуран, Далец, Тумаш, Левченко, Курбач, Ступанович, Казюк, Большой. Из крестьян: Воронец, Химиченко, Склюпа, Дубяга, Вубновский, Камлыга, Ивашкевич, Марценкевич, Лысак, Мыслак, Мишкевич и Шершень — все до одного — и, конечно, все — не великороссы (Примеч. С. В. Максимова).

Кубрачество — промысел самого грубого дела, самым обыкновенным образом основанный на коммерческих расчетах и обставленный однородными же беззастенчивыми приемами. Где какой товар в ходу, чем больше торгуют, туда и за тем мы и едем.

Издравле в Великой России велико усердие не только к храму Божию, но и к его благолепию. Золотят иконостасы, главы и крыши, не забывают даже и колокола: не только отливают их с громким звоном, но стараются навешать таких голосистых по нескольку. Мало того, навешавши множество колоколов, подбирают их под тон и заставляют звонить так умильно и согласно, что, например, в ярославский Ростов ездят слушать из Москвы нарочно. На постройки заново больших каменных храмов у богатого купечества являются крупные заветные и обетные суммы. Выделяются дни, особо посвящаемые многообразным подаяниям на благотворительные дела, между которыми жертва на церковь полагается самым богоугодным делом. Ни одному просящему на церковное строение отказать не хочется, и последняя копейка даже крайнего бедняка сплошь и рядом звякает на жестяном блюдечке сборщика. Ни один трактир в Москве не откажет во впуске просителя на нужду церковную; один купец в Москве (Ив. Ив. Четвериков) собрал на церкви Северо-Западного края больше миллиона. На школу иной не даст, над богадельней задумается; на построение же и украшение Божьего храма у великорусского купечества растоплено сердце и нет заветной копейки.

«Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь», — гласит надпись на многих из московских церквей.

«Возлюбих благолепие дому Твоего от юности моя», — ответно гласит другая надпись.

За даянием на подобные дела не стоит коренной, обеспеченный в жизни, русский человек. Попробовали поверить это на деле западные русские люди, когда началось в Малой и Белой России гонение на православную веру и православные церкви (а местные ревнители все обратились в католичество, и великие князья и

Д. Струков. Витебск. Марков монастырь (Марковщина). 1864.

княгини Литовские, и Солтаны, и Ходкевичи, а православные братства успевали собирать только малые рубли). Попробовали первые ревнители сходить за помощью в православную Московскую Русь и самым делом убедились в том, что рука дающего там действительно не оскудевает. Сделались хождения эти обычным делом. Один выходил больше, умел просить и рассказывать; узнал подходы, проникнул в тайны благотворительных сердец и в свойства характеров благотворителей, — стало хождение это семейным достоянием, за смертью счастливого отца передаточным-преемственным для его сына, потом и родственников, а наконец, и ближних соседей, по справкам и наблюдениям и после откровенных разговоров.

— И наше дело требует науки, — наивно заметил мне один из мстиславских кубраков.

— Весь город Мстиславль есть кубрак, — откровенно высказывал мстиславский обер-кубрак, давая намек, что теперь все городские жители, по родству, принимают участие в кубрачестве.

Сделалось, таким образом, это занятие привилегированным для целого города. Объявились в нем такие мастера, что к ним хоть с заказом приходи (да так и дельвали): лучше никто не сделает. На том встали мстиславцы — и прославились. Кубрачит еще кое-кто из дубровенских (жители местечка Дубровны Оршанского

уезда), да против мстиславских им не сделать, особенно с тех пор, как в благочестивый подвиг вкрались, греховным людским делом, злоупотребления, и богоугодное занятие, от разных посторонних соблазнов, стало превращаться в промысловое предприятие, с вознаграждением за личный труд, когда, словом, стали нанимать кубраков и за известное вознаграждение посылать их на Русь за подаваниями. Ревнителю на такое дело нашлось много (даже известны имена многих из них). На поощрениях недобрые дела возросли и укрепились, а подходы и приемы приняли систему и законченную организацию.

Попробовали положить предел злу книжками со шнуром и казенной консисторской печатью:

— Попробуй вырвать, что написано; попробуй не донести тех денег, которые указаны в книге!

Завели книги, но забыли, что грамотных жертвователей на Руси еще очень немного: записал бы иной имена на поминовение, да писать не умеет, да на ходу и написать нечем. Из иной деревни за чернилами и грамотеем надо бежать до села и до самого отца дьякона. Забыли также и то, что истинно благочестивые вкладчики стараются жертву свою оставить втайне и дают правой рукой с тем, чтоб не ведала и не видела левая. Но так как многие и пишут (надо же и записать кому-нибудь, чтобы принести что-нибудь), то, чтобы крупные деньги не вывалились из-за пазухи, можно подделать и подсунуть фальшивую книжку. Здесь, в Петербурге, не так давно поймана была сборщица, у которой в сборной книжке откровенно и бесцеремонно написаны были чувствительные и веселые стишки.

— Ох, много насеяно греха по белому свету! — говорил мне правдивый оценщик кубрацкого промысла из туземцев мстиславских.

— Дело кубраков — грех большой перед Богом: на церковь просить — на себя тратить.

Книжка сборная в неграмотной и бесписьменной России, к тому же раздающей милостыню по буквальному евангельскому слову, нерассчитанно придуманная, стала помогать делу далеко на меньшую половину, но

обнаружила своего рода особенности: в числе вкладчиков оказались рядом с князьями — архиереи, рядом с жертвою в 2 коп. за здоровье десяти человек (четко прописанных) — жертвы в 250–400–500 руб. за упокоение души усопшей. Книжка сборная, таким образом, оправдывает необходимость сборщика, который пришел бы ко мне и намекнул о нужде, и если я не в духе или без денег, понаведался бы в другой раз, когда у меня и деньги будут, и доброе елейное настроение духа меня не покинет.

Хорошие сборщики так и делают: кричат на одном дне по несколько раз.

У мстиславских кубраков их промысловое дело повелось самым простым способом и в наше время руководилось такими приемами:

Скопивший деньги (без денег на кубрачество, как на чисто коммерческое предприятие, выходить уже давно нельзя) в ближайших деревнях нанимает работников, в качестве пособников человека 3–4. Между ними двое молодых, третий поопытнее, бывалый, но несчастливый. На этого последнего обер-кубрак сумеет выправить отдельную книжку и, таким образом, идет играть на две руки в один карман.

Впрочем, такие случаи редки. Обеспеченным собственным капиталцем можно, наверно, указать двух, действующих уже, конечно, шире, самостоятельнее и решительнее других. Чаще и обыкновеннее кубраки — люди смелые, но бедные, при легкости заработка привыкшие не ценить плодов его и пристрастившиеся пропускать их прахом, т. е. пропивать. Тем не менее это люди, вкусившие соблазна до острой болезни, называемой попросту повадкой или привычкой, или своего рода запоем.

Подошла с острыми клещами нужда — он и задумался:

— Надо добыть денег на дорогу. Ноют ноги, просят работы, давно не бывали в деле, в дороге. Давно по Питеру не гуливал, Москвы не видывал: в тамошних кабаках водки не пивал. Надоели до тошноты эти домашние шинки и еврейские морды.

Мелькают в настроенном воображении все эти докучные Мордки, Шмули, Мееры, Гирши, но впереди всех и

чище других те Моисеи и Самуилы, которые дают взаем деньги. Тем край счастлив, что без ссудных касс и банков можно достать наличные деньги, конечно, за неистовые проценты, носящие название «жидовских», но человеку бывалому, уже не раз делавшему заем и аккуратно расплатившемуся, всякий еврей поверит с охотой. Понажмет он, помучает разговором и запутанными условиями, обставленными хитрейшими уловками, но поверит.

Сумма, нужная для того, чтобы собраться «в дорогу», собственно и не Бог знает какая крупная, чтобы из-за нее искать Кронебергов и Ротшильдов. Таких богачей и во Мстиславле каждый кубрак находит для себя довольное число.

Для того чтобы подняться с места и пуститься в путь, полагают обыкновенно достаточным 200 руб. сер. Надо себе выправить паспорт и заручить таковыми же помощников, которые, сверх того, требуют еще задатков для домашних. Плачивали благочинным за рекомендации консистории, плачивали в консисторию за рекомендацию России и за то, чтобы получить книжку не на одну какую-нибудь церковь, а на всю епархию. Грехов и расходов было много.

Надо было лошадь купить, телегу; выезжали на Русь, как цыгане. Теперь необходимо и товарищей одеть порусски: вместо колпака-магерки — картуз с козырьком, вместо куцей свитки — долгополый черный армяк, вместо лыковых каверзней и лаптей — кожаные сапоги.

Теперь кто идет на чистые деньги и на богатые приношения парчой, шелковыми материями и церковными принадлежностями, тот прямо садится в Витебске на железную дорогу и едет в любую сторону: через Динабург в Петербург или через Смоленск прямо в Москву, — куда возьмет смелость и куда наторена дорога. Впрочем, и теперь те, которые умеют ладить с деревенскими вкладами, в виде холста, отсыпного хлеба, яиц и тому подобного, отправляются в путь старым способом, в телеге, а бывалые — не на одной, а на тройке. Первые уходят года на два, чаще на один год. Бедные и несмелые пускаются на промысел в ближнее соседство, в чужие губернии, напр.

Смоленскую и Псковскую, раза два в год: уедут осенью, на зиму, а к «Колядам» (Рождеству Христову) возвращаются. После святок опять в путь до «Велико́-дня» (Пасхи). Лето дома: занимаются хозяйством, помогают женам.

Мстиславль. XIX в.

— Приходят, и кому посчастливит, — объясняет знаток и руководитель мой во Мстиславле, — один с деньгами, а другой и так приходит, ворочается ни с чем. Тоже и у них кому счастье. Что наберут из товару, тем в городе нашем не

торгуют (тоже совестятся!), продают где-нибудь «на боку» (по-белорусски; «на стороне» — по-великорусски).

— Уедет на плохой тележонке; лошаденку уведет маленькую мужичью, — назад оттуда приводит коней во́ каких здоровенных! Продают их здесь с большим барышом. У счастливых промысел в руках очень выгодный. Поглядите их в церкви (молиться они любят и крест кладут не по-здешнему, а размашисто: ото лба до подпояски с заброской, а от плеча со спины до другого плеча со стуком и с вывертом).

В церкви мы видели кубраков в суконных сюртуках, при жилетках, в брюках и смазных сапогах. Серый белорус совсем в них исчез. На головах на улице в праздник круглые шляпы, ценой рубля в три.

— Женам привозят пояса дорогие, — продолжали мои толкователи, — привозят дорогие материи. Вон кубрачка идет, а на воре и шапка горит: материя-то на платье такая самая, из которой ризы шьют. Ох, велик их грех и не умолить им его!

— Знаете что? У нас такая вера про них: ни один кубрак в родную землю не лег, — помирал где-нибудь *на боку* (на стороне). Сказывают, недалеко где-то корчма есть такая; а кругом могилы: все это кубраки. Опиваются.

— Пришел домой — праздник: давно не видались, вживе нашли. А у него деньги. Давай пировать на радостях. Сегодня пир, завтра пир. Так и опиваются. Где пил, тут и слег, а опивцев не велят класть на кладбище, *ховают* (хоронят) их на околицах. Вот слово-то про них не мимо шло, и поверье свято. Про это в наших местах и уличные мальчишки смекают. Кубрак кричит своим голосом «на каменное строение», а они за него докрикивают «на кабацкое разорение».

— Каким способом они промышляют?

— Нам за горами — не видно, а знаем, что через полгода вышлет домой хозяйке сто рублей. Хозяйка 50 спрячет, 50 за долги жиду отдаст. Прошел год — опять присыл: опять хозяйка половину на себя, другую половину жиду за долги. Сама защеголяла: беспутные они у нас. Муж вернется, а долги кое-какие все еще ждут его и стоят у ворот. Начнет его жид пропекать, только отмахивайся. От этого одного они часто опять уходят «в дорогу».

— Кубрацкие жены (надо говорить правду) никакими работами не занимаются. С них довольно присыльных денег. Правда, свиней разводят: это для нашего города хорошо. Евреи свиней не любят, а они для нас против евреев большая подмога. Дрянить евреи любят, — свинья за ними чистит достаточно хорошо.

— Мы судим дела их по-здешнему: как собирают? Пришло сюда письмо с деньгами от московского купца на новоявленные мощи, и имя сказано. А сказано имя живого архимандрита. Так-то один голубчик и попался, да который — узнать не могли: ушло их много.

— Еще доходили слухи, что один такой-то в Кронштадте по кораблям стал ходить, и хорошо ему там было: собирал много. Стал один монах следить за ним. На американских кораблях насбирал он, по его счету, тысячи две. Спросил он у него книгу, а там его рукой копейки записаны, рублей нет. Отписал монах секретно куда следует: «Такой-то-де то и то, вернется — поверьте его книгу». А он вернулся да домик себе подновил. Этот опять на промысел пойдет — занимать денег не станет.

— То и худо, что такие стали малых ребят брать из деревень и учить нехорошему своему ремеслу. Обученные спознали науку, сами стали этим заниматься. Вышло кубрачество из нашего города в деревню — вот худо! Короче сказать, их уличные мальчишки так дразнят: «У Голенкиной рощи проявились мощи — дайте на покрывало». Этим они очень бывают недовольны и обижаются.

— Знать, нехорошо занятие, и сами они его не хвалят, когда свой язык выдумали: когда они промеж себя говорят, разуместь их никак не возможно, только и слышишь: шайка-шири, шайка-шири и какие-то опять слова; тарабарщиной они такой разговор свой называют¹⁷². Такому языку своему и ребят-учеников они выучивают.

— Ребяткам этим хорошие деньги платят: рублей по сорока в год. Большим работникам выделяют больше 50 руб. Ряда, впрочем, по успеху. Он уж так и смотрит, кто больше выпрашивает, тому больше выделяет, меньше собирает — больше 30 руб. не даст. Сам он редко выходит, а охотливей поверяет вечером работников своих. Всего его обшарит, всего прощупает, разденет дónага, наизнанку выворотит — и опять постукает да посмотрит. Этого работники не скрывают — жалуются здесь на это самое.

— А как выделяют церквам, на которые просят? Надо спросить в полицейском управлении — там то и дело пишут: «взыскать с такого-то 40 руб., добрать на таком-то 60». Один целых сто рублей не донес. Редкий из них полнотой-то доносит. Только одни богатые этого побаиваются: им своя честь дорога. И на это у нас, по таким их делам, такое слово есть — *подкубрить*, значит, совсем надуть.

¹⁷² Впрочем, до кубрацкого языка я, при всех усилиях и стараниях, добраться не мог. Кажется, это не офенский язык (иначе бы выскользали эти слова в обыденном разговоре). Вероятнее, это — разговор вроде семинарского по херам, или, в самом деле, тарабарского, весь секрет которого состоит в том, чтобы приобрести привычку говорить скоро, бойко, смешивая и перепутывая слогги слов с условными бессмысленными вставками по образцу вышеуказанному (*Примеч. С. В. Максимова*).

— А как на них смотрят соседи? Могу смело сказать — нехорошо. Горела раз ихняя слободка. В наших городах на эти несчастные случаи бывает большая суматоха и беда, если ночью случится и если жидаы перепугаются и со своим гвалтом тут сунутся — светопреставление идет. Жидаы только кричат да фалдами машут — больше мешают и помогать не умеют. Наши все от мала до велика спасать бегут. Бегут, спрашивают: кто горит?

— Кубраки, — говорят.

— А, кубраки!..

Да с этими словами кто рукой махнул и тише пошел, а кто и назад вернулся. Очень-то не спешили. А на другом пожаре надо сказать: один некубрацкий дом уцелел, когда кругом все кубрацкие дома сгорели, — сам я слышал, как все потом говорили: «Вот милость Божья на праведного, гнев его на грешников».

— Большого почтения и похвалы им от нас нет: не за что. Даже евреи их попрекают и осуждают, а у них один сказ: так отцы наши делали.

— Зачем кубраку грамота? — продолжал отвечать на мои вопросы руководитель мой. — Хозяину одному она в пользу: надо уметь прочитать, что запишут, счета писать. Хозяев много грамотных. Простому кубраку грамота, могу сказать, — враг. У этакого прямой ответ при учете: затем я подаяние и не записал, потому что грамоте не разумею. Поди — ищи с такого!

— Надо их изводить, надо их изводить, а как их изведешь? Пробовал на них ходить войной один хороший исправник (покойный Ив. Ив. М-ч), да они сами ему сказывали: «Не советуем, — нас-де много, ты, мол, один. Пустимся хлопотать — все по-нашему будет. По белу свету ходим неспуста — друзей наживаем». Один тут ему, покойнику, и побасеночку такую так-то ловко подвернул (бойкие они у нас все, и на язык вострее людей не найти).

«Был, говорит, у нас городничий и не так, чтобы очень давно. Пришел к нему жидок. Он его ударил в висок и положил на месте. Испугался его высокородие. Смотрит в окно, а мы по улице ходим с товарищами, как бы то надо сказать — во свидетелях. Выслал солдата — меня

зовет. Пришел: вижу тепленького — лежит. Вижу живого — хуже савана, холодней мертвого. Экое, говорю, горе. А лежит он, ваше высокородие, надо быть, в обмороке. — Да, говорит. — Понимаю, — говорю я, — ваше положение, на наших глазах человек умереть может. — Нехорошо, — говорит он, — это для меня. — Слушаю, мол, и понимаю: завтра поутру свидетели будут; случился удар — помер; сами видели вот так, как теперь окно это самое видим. Поездил я по деревням — сейчас нашел, что обещал и что было надо. Вот какова наша кубрацкая сила!» — Надо бы говорить «совесть», потому что вот он и ложную присягу не прочь принять...

Главная, впрочем, сила кубраков заключается в следующем.

По сведениям могилевской консистории, 51 человек, ходившие с книжками в 1865 году, собрали 7969 руб. 83 коп., то есть каждый принес по 156 руб. 27 коп. 42 человека, сбиравшие в 1866 году, доставили консистории 10512 руб. 83³/₄ коп., то есть принесли каждый еще больше (по 250 руб. 30 коп.), — велик соблазн!

Отходя от этих цифр, можно судить о полном сборе кубраками денег, и едва ли во многом ошибаются ближние их соседи, полагающие приблизительно, что каждый кубрак выхаживает в год до тысячи рублей. Вот и опять соблазн, едва ли одолжимый при весьма многих и сильных поощрениях!

Равным образом, все уверены (и доказывают множеством наглазных примеров) в том, что легкое и несправедливое стяжание не идет им впрок: они не делаются богатыми, сшибаются на вине и загульном пьянстве, столь обычном явлении в белорусской жизни и в Белорусской стране, заставленной шинками с ловким продавцом и подносчиком-евреем. Хозяйства их запущены. Прежде занимались они землепашеством — теперь совсем бросили. Замотавшись и навязавши на себя петель, они, как в беличьем колесе, от пропитых на кубрачестве денег опять лезут за добычей средств тем же единственным, им ведомым путем сбора подаваний: обманом и задержкою про себя тех сумм, которые даны на церковь. Мало

того: для многих самые сборные книжки сделались источником спекуляций, особенно с тех пор, как в последнее время начали затруднять и суживать кубрацкие пути к наживе. Книжки, выправленные счастливыми, стали своего рода выигрышными билетами с большою премиею, когда получателями принесены были из могилевского банка на мстиславскую биржу. Вместе с книжкой начали покупать еще право, сверх оплаты предварительных издержек, возмещаая последние щедрою рукою (как спекулировали продажею на охотников поддельных книжек, то есть прошнурованных, но в исходящий журнал не записанных).

Из этого можно судить, насколько, и в самом деле, прибылен промысел и сколько группируется данных для того, чтобы все промышленники сбились в тесный круг, в своего рода общество или артель, где все должны играть в одну руку и вставать друг за друга плотной стеной. Общественное недовольство с некоторым оттенком нескрываемого презренья к ним и их ремеслу еще больше сплачивает их между собою и объединяет в известного рода силу, борьба с которой представляет уже некоторые трудности и препятствия.

— Если не выдавать им вовсе книжек, — толкуют местные ревнители правды, — то бедность церквей и настоятельные нужды (не для роскошного, а для приличного только вида) всегда вызовут надобность в помощи таких людей, которые были бы посредниками между нуждающимся и готовым помочь. Форма готова — зачем ходить далеко? Наймешь охотливого и умелого, отправишь ему книжку сам, чтобы избавить его от излишних расходов и на церковь получить больше, — и пошлешь. Все же что-нибудь и принесут — принесут несомненно, а и что-нибудь, ввиду нужд заветшалых деревянных церквей наших, много значит.

— Однако посланники эти (возражали мы) ходят с такими вредными товарищами, каковы: обман и своекорыстие...

— Некоторые, говорят, про всякой случай запасаются монашеским платьем (поддерживали и подкрепляли

нас). Один в Петербурге сказывался монахом с Афона из монастыря, который погорел, и 60 братьев осталось в одних рубахах. Случился наш мстиславский при этом: узнал в монахе кубрака и уличил его.

— У них в слободке и сейчас можно встретить такого, у которого очень круглая борода выросла (в наших местах такие редко попадают); указывают на него, что он-де и ризу надевал, и молебны певал, где это требовалось, и тому веровалось. Но все это слухи, требующие подкрепления.

Тем не менее лучших слухов, хороших рассказов про них не слышно, а все такие возмутительные — про плутни и вранье, в которых можно утешаться лишь одним, что они топорного, грубого дела и нехитрого вымысла: сметливый и толковый может сейчас догадаться.

На меня, на ловца этих сведений, набежал зверь сам без привады, явившись (по возвращении моем в Петербург из восточной половины Белоруссии как раз на второй день) с блюдечком, книжкой и рассказом о несчастном городе, в котором-де сгорело 12 церквей.

— Какой же этот несчастный город?

— Мстиславль.

— Да там, кажется, и всего-то семь церквей — я там был.

— Не вы ли это с Иваном-то Ивановичем на Девьем городке были?

Вот и знакомый даже, который нисколько, однако, не сконфузился и, признавшись таковым, не торопясь повернулся и направился к двери; не пожелал даже и подаяния.

Как теперь помню его чугунное, отекавшее лицо с красными и ясными так называемыми «чертами из жизни» на носу, — не пьяный, но с крепкого похмелья и последствиями его, не позволявшими, стоя к нему близко, с ним разговаривать.

Это ли достойные звания и чести адвокаты за церковную нужду и представители такого подвига, который на Руси считается святым? Неужели нет иных способов заменить их, этих паломников, отживших свой век и переродившихся из овцы в волка? Неужели наш век,

облегчивший пути сообщения и сокративший дороги для пешего хождения, не дает иных средств на замену древнерусских? Несомненно, главным образом то, что добрая доля причин, поддерживающих кубрачество, все-таки заключается в неграмотности и неразвитости деревенского люда и в предрассудочности городских жителей, — словом, основывается на тех подпорах, которые достались от предков, сильно погнили и готовы рухнуть при первом решительном и смелом натиске.

Не выходя из того же Мстиславля, в котором две сотни кубраков в сотню лет не только не построили каменных церквей, но и не зачинили четырех наличных деревянных, — мы находим определительный ответ на вопросы.

Пустынский Свято-Успенский монастырь (Пустынки).
Фотография 2000-х гг.

В 12-ти верстах от этого Мстиславля лежит давний Пустынский Успенский мужской монастырь, два столетия находившийся во владении монахов униатского базилианского ордена. По соединении униатов монастырь заветшал и близился к совершенному упразднению: собственных средств вовсе не имел, расчет на бедный народ был плохой! «Православного русского купечества, которое отличается усердием к храмам Божиим, совсем нет; все рынки, все оборотные капиталы страны, все более доходные оброчные статьи, все промышленное и торговое движение края в руках евреев, которые, привившись к православному

русскому туземному населению, имеют в виду одни свои выгоды, и где помещики поляки, которые хотя и благоговееют к находящейся в этом монастыре святыне, но, по нерасположению своему к православной вере, не оказывают поддержки существованию обители».

Стоило явиться в монастыре догадливому, энергическому архимандриту, стоило ему попасть на одно из современных средств распространения известий посредством печатного слова через газеты — и монастырь узнать нельзя. Я видел кругом его огромную, в окружности на целую версту, каменную ограду, каменный двухэтажный братский корпус, каменные службы, две деревянные на каменном фундаменте гостиницы, большую каменную крытую железом церковь, большое двухэтажное каменное здание, также с церковью посередине; переделывалась третья церковь. Работы эти все были начаты лишь в 1863 году, и, смотря на результаты их, нельзя не дивиться значительным капиталам, собранным в столь короткое время.

По адрес-календарю знакомился настоятель с именами богатых русских купцов и посылал им письма. Получив приношение, он спешил отправлять жертвователям литографированную икону Пустынской Богоматери. Присыл денег усилился. На эти деньги из монастыря стали отправлять книжки: монастырскими тюками завалена бывает мстиславская почтовая контора. В нескольких десятках тысяч разлетелось оттуда печатное «Извещение» (которое лежит теперь перед нами и из которого мы выбрали несколько строк, помещенных выше в кавычках).

Извещение давало отчет жертвователям о произведенных работах, о неоконченных, необходимых и предполагаемых, а между тем денежные присылы на имя «Анатолия с братиею» не иссякают.

Нужно ли прибавлять еще что-нибудь ко всему сказанному?

Тем не менее на днях я встретил опять кубрака, по обыкновению, в заветном мундире: в синем русском армяке с большим отложным воротником. Певучая речь,

искусственный, испещренный словесами от Писания разговор, резкое «г» да смягченный звук «ы» в «и» его выдает. Впрочем, по последним приметам, это, может быть, не кубрак, а *лаборь* (одного дела слуги, но не одного поля ягоды в буквальном смысле этого слова, то есть один белорус, другой малоросс). По черным волосам можно отличить второго от белокурого первого. Поле, возрастившее кубрака, лежит на северо-востоке Белоруссии, близ границ Белой Руси с Великою; место родины выходца лабора — на юго-западе Белоруссии, близ ее границ с Малороссией, в Гродненской губернии, Кобринского уезда, главным образом местечко Янов. Как белорусский Мстиславль заразил примером Дубровну, так и малороссийский Янов увлек примером деревню Мотоль (того же уезда), из которой также выходят лабори, но меньше и реже.

III

«Лаборь» — тот же кубрак. Мудрено найти различие между ними, зато сходных черт не оберешься. Сначала — о первых, потом о вторых.

Источник происхождения слова *кубрак*, вероятно, завалилось где-нибудь в архивах; слово *лаборь* любят производить от латинского *labor* (труд, трудник), хотя у малороссов название это превратилось в *лобырь* и местами просто в *лодырь*, что по-великорусски уже совсем нехорошо, а впрочем, очень пригодно, потому что лодырем зовут человека, который в одно и то же время и шатун? и плут (см. словарь Даля).

Может быть, в цветущие времена Польши, столь искусившейся в знании латыни, народилось это слово для отличия людей этого рода, — мудреного в том нет уже и потому, что с давних времен в Польше *ius patronatus* — право подаяния — давалось только известным церквам по выбору и по протекции, в расчете на благотворительность православных русских. Так, в 1510 г. это право получила королева Елена Ивановна

на Троицкий монастырь в Вильне; в 1522 году Федько Хрептович получил его на Лаврентьевской монастырь. О том же просил Василий Михайлович Сангушко для церкви св. Василия во Владимире Волынском. Связь и зависимость лаборства от панства была свежа и ясна, даже в последнее время. Промысел этот ими поощрялся как их собственная доходная и оброчная статья.

Известно, что при недавнем расчете с крепостным правом в Северо-Западном крае оказалось громадное количество батраков и бобылей, т. е. тех несчастных, которые обезземелены, и при них — значительное число владельцев, пользовавшихся доходами с тех самых, которые несомненно могли принадлежать лишь крестьянам, только их кровавым продолжительным и настойчивым трудом могли быть отвоеваны у девственных лесов, отбиты у непролазных болот, а в Полесье даже и от воды — те острова и оазисы, которые стали потом пахотными полями. Не только у мелких, но и у крупных владельцев велся обычай отнимать суму у нищего, посредством отрезков земель на самого пана многоразличными способами. Между последними чаще практиковался простой сгон с земли осиротевшей семьи в том случае, когда умерший отец оставлял вдову и малолетних.

Первая пускалась на произвол судьбы в чине и звании бобылки, а малолетки отдавались в другие семьи и жили весь век свой на чужой земле, под именем *примаков* и *батраков*. Всякий повод не упускался из виду; всякая случайность была на руку для тех, которые силились увеличить объем своих владений, не жалея мужика. Конечно, чем хуже была земля, тем случаи эти были чаще, поводы разнообразнее, способы обезземеления безжалостнее, поползновения настойчивее.

В Янове и Мотоле земля песчаная и неблагоприятная; всякий выделенный кусок — лакомый кус. Захотел последовать примеру соседей — ступай, сделай милость, на все четыре стороны.

Земля, между тем, прирезывалась ко владельческой, переставала считаться и быть крестьянской.

При таком выгодном промысле можно и оброк наложить высший — выдержать; можно и книжку выхлопотать. Не удастся в консистории — попа заставляли выдавать не фальшивую, но незаконную. Многие были уличены в том и отданы под суд (у иных еще и до сих пор дела эти не кончены) — да об этом католические паны мало думали и православных мало жалели. Отсюда все православные яновцы — лабори; отсюда с древнейших времен ни у одного из них не бывало больше 2–3 десятин земли (на двор). Всю эту землю обрабатывали у них наемные рабочие, которым платилось гораздо больше, чем пан-помещик налагал на самого лаборя оброку.

Яновский лаборь так уже себя и понимает, что быть ему безысходно прошаком и скитальцем, а потому и пускает в дело другой прием, новый. Когда прознает про церковную нужду и сдержит это известие в тайне про себя, он идет к священнику той бедной церкви и сам навязывается с услугами, бесцеремонно торгуется; не отказывает в денежном задатке, не останавливается на обещании выдела из заработков тому, кто укажет для него путь и снабдит правом.

Таким образом, кубрак — мещанин, лаборь — крестьянин, и в списке фамилий с юго- и западнорусским оттенком бóльшая часть показанных нами (выше) в крестьянах — выходцы из Янова или Мотоля¹⁷³. Впрочем,

¹⁷³ Бывают, впрочем, лабори и из других мест. Вот, между прочим, что мы читаем в «Киевлянине»: «В Луцком уезде, Волынской губернии, находится замечательное, по историческим воспоминаниям, местечко Олыка. В нем до сих пор существует особенный промысел так называемых лобуров, или прошаков. Лобурцы, прошаки — это мещане-христиане олыкские, занимающиеся хождением по разным местам Волынской губернии и соседних с нею для сбора пожертвований на устройство и починку церквей. Они, проведая, что на постройку или починку церкви в каком-нибудь селении или местечке последовало разрешение епархиального начальства, отправляются туда, принимают на себя, по договору, обязанность собирать пожертвования на церковь, берут с собою книги, выданные из духовной консистории, и двигаются в путь-дорогу. Некоторые из них, как уже опытом

они чаще шатаются по ближайшим местностям: в Минске, Гродне, Вильне, забираются в Жмудь и собирают по всей Ковенской губернии, не обходя и хат католиков. В этих случаях сборщикам на православные церкви, по самому ходу дела, приходится подражать кубракам — прибегать поневоле к ложным рассказам, к хитростям и бесхитростным обманам и надувательствам. Простаков и на таких немудреных хитрецов в тех глухих странах — непочатый лес. Лаборь должен лишь уметь говорить по-польски, а затем он уже сумеет наврать, что пришел из далекого Рима, от самого наисвятейшего Папежа, для сбора на новый костел, который будет выше и больше всех на свете.

Сумеет лаборь и поторговать священными предметами, в виде наичаще встречающихся у католиков штофиков, в которых бывает заключен маленький из фольги алтарик. Не задумываются яновские лабори принимать на себя вид ксендзов, одеваясь в белые комешки (рубашки костельные) и служа суппликации. Где надо и того требуется, лаборь не откажется и поколдовать — *отробыть зрбленое* (т. е. отчурать заколдованное, изгнать из дому нечистую силу), полечить святой водой или частицею животворящего древа. Слыхали многие, как они уверяют простаков: «Знаем, что у Бога на небе делается; нам это все открыто».

Одни лабори¹⁷⁴ надували баб тем, что выдавали себя за лекарей головных болей. Когда приходили больные, один яновец снимал с бабьих голов *наметки* (длинные куски холста), другой прибирал их в мешок. К головам простоволосых и простоплетеных баб прикладывался

приноровившиеся к этому делу, действуют довольно успешно; крестьяне, по своим средствам и по усердию, дают лобурам деньги, хлеб в зерне, холст, муку, сало и т. п.; само собою, что в книгу записываются только жертвуемые деньги. По преданию, сохранившемуся в Янове, будто бы из этих мест были переселены в Янов каким-то давним паном несколько таких прошаков, которые и заразили остальных» (Примеч. С. В. Максимова).

¹⁷⁴ По сведениям, сообщенным туземцем, близко знающим этих промышленников (г. Ставровичем, см. «Виленский Вестник», т. I, 1869 г., изд. В. Кулина) (Примеч. С. В. Максимова).

потом кусок какого-то дерева, под видом животворящего, а к рукам лаборей прибавлялся еще новый предмет на обмен и продажу в соседство к тем, которые пожертвованы на церковь и которыми лабори, подобно кубракам, также торгуют и продают, не доходя до родного Мотоля или Янова. Приходят же домой всегда два раза, также к Пасхе и к Петровкам: в первом случае для Великодня, во втором по той причине, что в летнюю пору поживиться нечем, все на полях и все без денег: нечего и не у кого уже и попросить. Зато летом Янов тем и отличается, что, когда везде происходят изнурительные полевые работы, — в нем царствуют разгул и веселье. Лабори на этот случай ухитрились даже обзавестись своим оркестром, — все соседи зовут жидов, у яновцев и капельмейстер свой — Адам Фрак по имени.

Другие выдавали себя за апостолов и советовали крестьянину Брестского уезда Гоголюку служить Богу пророчеством и учить людей покаянию, обещая им, в случае непослушания, несчастье, именно: смертельную болезнь, сначала на любимых животных — свиней, потом на необходимых — коров, а наконец, и на самих людей. На кладбище, под новым крестом, указали и то место, где избранный пророк мог найти грамоту на посланничество. Доверчивый хохол отдал им все свое денежное имущество, а остальной скарб они сумели ночью выкрасть сами — и скрылись. Обманутый уверовал в слово их до умопомешательства: бросил хозяйство, стал бродить по деревням, всех проклинал...

Третьи, под видом ксендзов из Рима, врачующих болезни, выманили в Виленской губернии у старухи-польки, страдавшей неизлечимою болезнью, больше тысячи рублей для нового костела в Риме, но попались: вернувшийся домой сын старухи поймал лаборей и предал суду.

Четвертые... впрочем, нужно ли приводить новые случаи обманов и следить за всеми проделками лаборей? Довольно сказать: двуличность и здесь, как у кубраков, идет рядом с наружным благочестием. И эти волки в овечьей шкуре умеют класть большие кресты с заброской с плеча на плечо и с вывертом при переносе руки ото лба к животу.

Тот же автор, о котором я упомянул и к которому обращался за справкой, говорит: «Религиозность яновцев и приверженность их к своей приходской церкви достойны замечания. Редкий из них позволит себе во время путешествия говеть, исповедаться и причащаться где-либо на стороне. Напротив того, всякий считает своею священной обязанностью возвратиться к этому времени домой и исполнить свой христианский долг на родине, в своей приходской церкви. В заутрени и обедни, если яновцы дома, церковь всегда бывает переполнена народом. Даже в будни, если есть богослужение, народа в церкви бывает очень много. Церковным празднествам яновцы стараются придать всевозможную торжественность. Во время пасхальной заутрени они устраивают вокруг церкви костры, плошки и, приготовив множество факелов из смоленых канатов, сопутствуют с ними крестному ходу. Сорокоусты и поминовение усопших родственников составляют у яновцев священные времена. В поминальные дни родственники и знакомые считают своим неизменным долгом помолиться за усопшего на обедне и почтить память его поминальною трапезою. Такая трапеза устроится в том доме, где жил усопший», и т. д.

Вот пока результат сношений с великороссами и посещения России, очень резко, впрочем, выделяющейся в среде народа северо-западной полосы России, где повсюду церковь заменяет в воскресенье — шинок.

— Кто это поехал? — спрашивал тот же автор крестьянина-подводчика.

— Лаборь.

— А как же ты узнал его?

— Бо шапка с козырьком, — отвечал мужичок.

Итак — еще приобретение, по кубрацкому примеру, и с присоединением полушубка с ремненным кушаком и сапогов с длинными голенищами, вместо неизменных и повсюдных белорусских каверзней и лаптей.

Нельзя упустить также и того обстоятельства, что лаборская изба уже не хата: в ней настлан дощатый пол и в углу поставлена печка с трубой. Словом, лаборская изба — не курная с копотью, а белая, и притом такая,

где все стены, словно в старовойской молельне, увешаны образами. Но по причине близкого соседства католических стран святитель Николай висит с Антонием Падуанским — любимым святым всего края; с иконой новгородского Знамения Богоматери — св. Розалия с пламенеющим сердцем и т. п.

— Неужели и только? — спросит читатель.

— Поищем еще, но предупреждаем вперед, что иных приобретений уже очень немного.

Выделяется простое, но характерное для того края отличие: лаборь учтив и льстив, при встрече снимает шапку и кланяется. Вместо убивающей всякого свежего человека замкнутости туземца лаборь словоохотлив и, как бывалец и проходимец, предусмотрителен и осторожен: сразу узнает, с кем говорит и имеет дело и как надо говорить. Говорит он витиеватым языком, отборными словами — речь проникнута своего рода диалектикою и, во всяком случае, скромна и умна. Все лабори, в силу закона своего происхождения, конечно, говорят по-русски, но, так же как и кубраки, два языка знают¹⁷⁵. Добросовестно в этом случае, по крайней мере, то, что они, в сознании нечистоты своего промысла, принуждены прибегнуть, подобно столичным мазурикам и всероссийским офеням, под покров ширм, не особенно благовидных, но по временам пригодных и местами удобоприменимых.

Жены кубраков и лаборей, за отсутствием мужей обязанные исполнять их должность по ведению хозяйства, превратились в бойких и расторопных баб. Они резко отличаются от своих землячек именно более подвижным умом и находчивостью и тою очень характерною в крае особенностью, что всякая крестьянка там только продаст (да и того сделать толково не умеет), а яновская крестьянка и продаст, и купит не хуже еврейки.

¹⁷⁵ Вот несколько слов, уловленных тем же автором: Бог — *Охвес*, церковь — *хлюса*, священник — *корх*, крест — *ставер*, хлюсный ставер — церковный крест, рубль — *хруц*; книга для записки пожертвований — *ребсанька*. Язык свой они называют «либерская гавридия» (Примеч. С. В. Максимова).

Если эти оба мастера, под разными именами играющие в одну руку, и успели совсем обменять тяжелый земледельческий и ремесленный труд на легкий и веселый промысел, то, тем не менее, они сумели и выделиться среди своих соседей. Маленькие хозяйства свои они ведут в чистоте, порядке и с приметными удобствами. На дворе у них чисто; в избах светло и опрятно. Перед иконами по-купчески горят лампадки; столы всегда накрыты белыми и чистыми скатертями; везде прибрано, подметено и подскоблено, как бы для приема большого начальства или какого-нибудь дорогого гостя и как бы в намеренный контраст с другими — не кубраками и не лаборами. Как в избе, так и на дворе и на гумне. В этом отношении они очень напоминают степенных, скопивших копейку, торговых мужиков Великой России и уже не сохраняют за собою никаких черт одноплеменных с ними белорусов и малороссов. Шатанье по белу свету и по чужим людям сделало свое дело: совершило наружное превращение.

Кубрак и лаборь, на простоте и доверчивости набожного народа укрепившие свой промысел, поддерживают его и в то время, когда последовали ограничения, запрещения и тому подобные препятствия.

Имеется распоряжение, чтобы «выдачу сборных книг по возможности ограничить и строго придерживаться существующих постановлений. Производство сборов в С.-Петербурге для церквей прочих епархий разрешать не более ста лицам, и притом тем, которым выданы книги от их епархиальных начальств, руководствуясь в этом случае правилом, для заграничных сборщиков постановленным, т. е. дозволить сбор тогда только, когда нормальное число их неполно, или по выбытии кого-либо из получивших таковое дозволение».

Местные епархиальные начальства (могилевское и гродненское) сделали также своего рода распоряжения в видах устранения всяких злоупотреблений религиозными обетами и пожертвованиями христиан. Так, между прочим: «не выдают книг без предварительного заявления о нуждах известной церкви местного благочинного; если же окажется, что какая-либо церковь действительно нуждается в починке

или перестройке, то выдают книгу только прихожанину той церкви, на которую имеет быть производим сбор, за надлежащим посвидетельствованием местной полиции о благонадежности и добросовестности сборщика».

Обычай, унаследованный от древних паломников и низведенный в новейшие времена до промысла офеней, таким образом, теперь надломлен. Но он все еще живет и действует, энергически хватаясь за разломанные доски и разорванные снасти разбитой ладьи.

В бытовом море многообразной русской народной жизни мы видим, таким образом, одно крушение, но зато перед нами выплывают новые лодки с другими пловцами. Всмотримся и в них и что увидим — расскажем сейчас.

Эти встречные пловцы и ходоки по всему лицу земли Русской — подлинные, без обмана.

Нищebroды и калуны

<...> Снова, переменяя точки наблюдений, мы наталкиваемся на однородные картины, куда бы ни перекинулся глаз на географической карте.

Вот в мокрых лесах верховьев Днепра и Западной Двины с притоками лежит Богом забытая белорусская сторона, которая только Ему одному известно чем питается и чем сдерживается от поголовного нищенства. Однако Петербургу хорошо известны такие же мнимые погорельцы и забытые нищие, напоминающие о себе в сумерках и по пригородным местам: все это, с давних времен существования этого города, — выходцы из Псковской и Витебской губерний. Столичный город стал также центром тяготения, надежею, покровителем и защитником нищенства.

В Северо-Западном крае из подобного рода людей давно известны как заведомые тунеядцы очень многие. Среди плодородной жмуди и привилегированных литовцев и польских выселенцев-шляхтичей, по рекам Вилии и Неману, прославился охотой жить на чужой счет и без труда пожирать труды делателей ошмянский шляхтич.

Между смоленской и могилевской шляхтой вырос другой чужеродный гриб, под именем «ленивого клепенского мужика», в Сычевском уезде Смоленской губернии. Этого мужика из с. Клепени как разорил француз в Отечественную войну двенадцатого года, так он и не поправлялся. Как удалось ему в первый же год счастливо походить по чужим местам за милостынькой, так и на последующих, — он ничего другого для прокормления себе не выдумывал. Отсюда же, из этой Белоруссии, и именно из Витебской губернии, выходят те «нищоброды», которые безобразят красивые и парадные улицы строгого Петербурга. Витебские, как и все другие тунеядцы вроде псковских и тверских, живут в особых квартирах, собственно для них содержимых, на нарах, на которых каждое место стоит 1 руб. или 75 коп. в месяц. «Хозяин» квартиры, ценою в 20 руб., платит за нее ввиду предназначения для нищих 50 руб. и более и держит «сборную братию» не иначе, как под ответственностью и поручительством ими же избранного старосты. Редкий из таких не выручает даже одного рубля в день. Витебские приходят целыми семьями, из Псковской губернии — старики и старухи, из Тверской и Новгородской — бабы и отчасти бывшие ямщики из шоссейных, теперь заброшенных ямов. <...> В благодатной Украине, и, конечно, опять в городах, соблазнительных большим скоплением торгующего народа, — то же самое.

Калики переходные

<...> Умели в Малороссии деда-жебраки выделить артисты слепых, которых и зовут «лирниками»: играют на лире и поют божественные песни. Без лиры они и в народ не ходят, и для этого самые молодые, чтобы иметь право называться дедом, отпускают бороду вопреки народным обычаям. <...>

Перейдем в Белоруссию, столь же древнюю и неподвижную.

Здесь певцы духовных стихов по образу жизни называются *волочесниками* и, сообразно занятиям,

Витебск. XIX в.

лалынщиками и ходят всегда артелями человек в 8–10 и более, с дудой и скрипкой¹⁷⁶.

«Под дуду не пойду, под скрипцу не хочу, под жалеюку помаленьку», — шутливо говорят в тех странах эти нужные люди, которые затем и берут с собой сопелку, что также приходится им петь веселые и загульные песни по заказу. Собственно, надо петь духовные и следует видеть в том религиозную обязанность и святое дело.

¹⁷⁶ *Лалынь* — песня, которую, как уверяют они, начали петь с тех времен, как сменилась вера. А так как в Белоруссии менялась вера три раза (с языческой на православную, с этой на униатскую и затем на католическую), то и не совсем можно догадаться, когда это случилось. Вернее думать, что осталось так в первом случае. Классическая же дуда, национальная особенность и принадлежность белорусского племени, — не что иное, как самая первобытная дудка из тростника, бузины или камыша, а того проще — из молодой ивовой коры, снятой ранней весной. При ней надутый воздухом кожаный мешок. В Белоруссии это любимый инструмент. «Гудок да дуда, собери наши дома», — говорят в насмешку над тамошними горемыками. Жилейка (так красиво и характерно прозванная) — родная сестра первому инструменту, только еще попроще и пищит посмешнее в устах ребят, пастухов и нищих (она без мешка). (Примеч. С. В. Максимова).

И здесь певцы, исполняя обет, священнодействуют. Подходя к избе, становятся под окнами полукружьем; впереди и в середине мужик средних лет — «починальщик» с дудой. Боковые «подхватники» поют, а во время припевка хлопают в ладоши.

Не гуси летят, не лебеди, — заводит починальник.

Христос воскрес на весь свет, — вторят голосами и хлопают ладонями помощники.

Идут, бредут волочebники,

Волочebники, полуночники,

Челом здоров, хозяйнушка!

Чи спишь-ляжишь, чи споциваешь?

Коли ж ты спишь, то Бог с тобой!

Коли ж не спишь, говори ты с нам!

Не хошь говорить, хадзи ты с нам!

Хадзи ты с нам с волочebничкам,

С волочebникам, со полуночникам,

По темной ноци грязи толоци,

Собак дразнить, людей смешить,

Не хошь хадзиць, дари ж ты нас¹⁷⁷.

Подарки выговариваются: «Починальщику яичек, да денег, да горелки; помощникам сыр на тарелке; мехоноше (заднему сборщику подаяний) пирог с ношу; дударини хоть солонины — дуду помазать, струны погладзить, чтобы играла, не залегала. А за то, хозяйнушко, живи здорово, живи богато! Дай тебе Боже пиво варить, сынов женить, горилку гнать, дочек отдавать!»

Жертва обязательно передается из каждого окна и всегда в приметно-достаточном количестве. Где крепко спят, там громко стучат и укоряют. Где упираются по бедности или по неохоте, там опять певцы становятся в круг и поют ругательный стих, припасенный на такой случай.

Такова обязанность пения и такова сила в проявлении волочebников, что если поют они в то время, когда

¹⁷⁷ Волочebники ходят обыкновенно с первого дня Пасхи и непременно к ночи. Переходя по порядку к каждой избе и не пропуская ни одной, бродят по деревне всю ночь, несмотря ни на какую погоду (*Примеч. С.В. Максимова*).

на дворе тихо, нет дождя, ночь ясная и звездистая, — значит, весь год будет урожайный, и в особенности хорошо яровым посевам. Очень худо, если поют певцы в дождливую и сырую погоду: волочebники того не разбирают и неустанно поют, чтобы обязательно обойти всех. В Витебской губернии не лишают такой чести даже издавна поселившихся там великороссов-раскольников: посещают и этих. Дележ сбора производится не без ссор и драк, но всем поровну — часть для дому, другая половина — в шинок.

Если мы вернемся в Великороссию, то едва ли найдем что-нибудь особенное, что можно добавить к рассказу. <...>

СЕРГАЧ

Очерк

Приступая к рассказу об одном из оригинальных промыслов, составляющем исключительную особенность русского нрава, спешим оговориться.

Промысел или способ прокормления себя посредством потехи досужих и любопытных зрителей шутками и пляскою ученых медведей не так давно был довольно распространен. Теперь, при изменившихся взглядах, при усилиях общества покровительства животных, промысел сергачей значительно упал и близок к окончательному падению. От столиц сергачей положительно отогнали; теперь не видать ученых медведей, пляшущих на окраинах, на дачах наших столиц в летнее время. Кое-как держится еще этот промысел около мелких ярмарок в глухих и отдаленных местностях, всего больше в северных лесных и южных степных губерниях. Но и на юге, в Одессе, организовалось общество покровительства животных, обеспечившее членами в разных других городах Херсонской, Подольской и Волынской губерний; оттого, может быть, теперь и на севере стали чаще появляться с медведями бессарабские цыгане. В то же время очень мало уже показывается и сергачей из Приволжья.

В наших северных великороссийских губерниях обычай водить медведей усвоен жителями известных местностей; большею частью водят татары Сергачского уезда Нижегородской губернии. И вот происхождение названия сергача, которое переходит с хозяина-поводыря и на мохнатого плясуна; один проводник остается при своем неизменном названии — козы. Имя *сергач* сделалось в последнее время до того общим, что, будь поводь из Мышкина (Ярославской губернии), владимирец, костромич, ему непременно дается имя нижегородского городка. Часто, однако, появление плясунов повещается и еще более общим криком — говорят обыкновенно: «Медведи пришли!» Впрочем, мало-мальски знакомый с

коренными, главными отличиями великороссийских наречий и говоров легко отличит сергача от мышкинца и владимирца: первый говорит своим мягким низовым — нижегородским наречием, оба остальных — суздальским грубо-окающим. Цыгане с медведем решительно никогда не заходят на север, вероятно, ограничиваясь своей благодатной Украиной. Однако нелишне заметить и то обстоятельство, что нет правил без исключений, нет закона безусловно неизменного: попадают и такие, которые так себе надумали приняться за медведя, без исконного обычая предков, и потому неудивительно, если при расспросах признается поводырь, что он не ближе, не дальше — сосед ваш, только бы жил он на бору да водились в этом лесу медведи. Но это бывает очень и очень редко.

Ученые медведи носят еще название *сморгонцев*, наш «серагачий барин» переименовывался в «сморгонского студента», «сморгонского бурсака», но это медвежье прозвище было распространено лишь в западной половине России, да и там теперь исчезло. Исчезновение произошло вслед за тем, как прекратились, повымерли все те ученые медведи, которых воспитывал богач Радзивилл, знаменитый «Пане-Коханку», и на которых, по преданию, он ездил в Вильну и раз даже явился на сейм в Варшаве. По преданию этому (кое-как сохранившемуся на месте), Радзивиллу ловили медведей в густых первобытно-диких лесах Полесья до Припяти около Давид-Городка. Вели их 300 верст до знаменитой резиденции Радзивилла — Несвижа, в трех верстах от которого (в фольварке¹⁷⁸ Альбе) существовал разнообразный зверинец. Здесь косолапый ставленник отдыхал короткое время и затем уводим был в другое имение Радзивилла — местечко Сморгоны, лежащее на почтовом тракте из

Герб города
Сморгонь,
Белоруссия.

¹⁷⁸ Хутор, мыза, усадьба.

Вильны в Минск, в тридцати верстах от г. Ошмян и более чем в двухстах от бывшей резиденции князя Радзивилла. Здесь, в Сморгонах, было особое каменное строение, медвежье училище, носившее шуточное прозвище Сморгонской академии. Косолапые студенты здесь обучались особыми мастерами в двухэтажном здании, в котором каменный пол второго этажа накаливался громадною печью из нижнего этажа. Студенту надевали лапти (каверзни) на задние лапы, предоставляя передним становиться на горячий пол; но так как нежные медвежьи подошвы жару не выдерживали, то медведь и был принужден держаться на задних лапах на дыбах. Достигая такой привычки или способности, медведь приучался затем к известным штукам, которые делали из него зверя ученого, но которые, однако, не вызывали таких остроумных приговоров, какими славятся нижегородские сергачи. Выученные медведи производили репетиции и жили потом в местечке Мире, другом радзивилловском имени, в сорока шести верстах от г. Новогрудка (в Минской губернии) и уже только в двадцати восьми верстах от радзивилловских дворцов в Несвиже. В Мире ученые медведи поступали к цыганам, которые, как известно, издавна были поселены здесь и имели, по преданию, даже собственного короля, пожалованного в это звание чудачком и самодуром Паном-Коханком. Мирские цыгане водились со сморгонскими бурсаками, бывшими в саду в особом деревянном здании-зверинце, превратившемся теперь в уютный и теплый жилой дом современного владельца (гр. Витгенштейна). Кроме экстренных случаев сеймовых поездок эксцентрического Пана-Коханка и прогулок его на медведях по собственным местностям, цыганам предоставлено было право водить медведей на посторонние потехи и для собственных заработков. Отсюда и появление с учеными медведями — сморгонскими бурсаками — и цыган вслед за нижегородскими татарами. В настоящее время (по личным нашим расспросам в тех местах) не только не существует в Сморгонах чего-либо похожего на этот промысел, но и в Мире не осталось даже следа цыган, переродившихся

В. Дмоховский. Несвиж. XIX в.

в коренных белорусов. Самые предания очень слабы, неточны, хотя и существуют указания на место бывших зверинцев. И только в склепе Несвижского огромного костела среди других Радзивиллов сохраняется скелет и Пана-Коханка, человека огромного роста с высокою грудью, одетого в высокие кожаные ботфорты (хорошо сохранившиеся), в полуистлевший бархатный кунтуш¹⁷⁹, с вышитой на левой стороне высокой груди звездой и с тканым серебром широким шелковым поясом.

* * *

— Ну-ко, Михайло Потапыч, поворачивайся! Пристань, приподнимись, на цыпочках пройдишь, поразломайка свои старые кости. Видишь, народ собрался подивиться да твоим заморским потяпкам поучиться.

Слова эти выкрикивал нараспев и тем низовым наречием, в котором слышится падение на мягкие буквы

¹⁷⁹ Верхняя одежда с отрезной приталенной спинкой и небольшими сборками и отворотами на рукавах, иногда с прорезными рукавами.

с некоторой задержкой или как бы коротеньким, едва приметным заиканьем (каким говорят по всей правой стороне Волги), низенький мужичок в круглой изломанной шляпе с перехватом посередине, перевязанным ленточкой. Кругом поясницы его обходил широкий ремень с привязанною к нему толстою железною цепью; в правой руке у него была огромная палка — орясина, а левой держался он за середину длинной цепи.

В одну минуту на заманчивый выкрик сбежалась толпа со всех концов большого села Бушнева, справлявшего в этот день свой годовой праздник летней Казанской¹⁸⁰. Плотно обступила глашатая густая и разнообразная стена зрителей: тут были и подвизавшие пестрые передники под самые мышки — доморощенные *орженушки*, охотницы щелкать орехи, хихикать, закрываться рукавом и прятаться друг у дружки за спиной, когда какой-нибудь незнакомый любезник начнет *отгибать колена* и поведет медовые речи. Толкались и ребята в рубашках, без шапок, готовые при первом удобном случае прилично встретить и проводить захожего любезника, если он не сойдется с ними заранее. Подобрался позевать и приезжий посадский парень, вырядившийся в свою праздничную синюю сибирку¹⁸¹, страстный любитель пощелкать в бабки¹⁸² и для того всегда державший в заднем кармане несколько гнезд и свинцовую битку, за которую часто доставалось его бокам и микиткам¹⁸³. Подошел посмотреть и волостной писарь в халате, мастер выкуривать одним духом целую трубку самбраталического и не поперхнуться. Не было только одних стариков и солидных гостей, которые, забравшись в избы, поднимали страшный шум о какой-нибудь запущенной мельнице, да бабы-большухи¹⁸⁴ как угорелые метались от

¹⁸⁰ 8 (21) июля.

¹⁸¹ Длиннопольный, утепленный, двубортный из толстого сукна сюртук; кафтан; также шапка-ушанка (барашковая или норковая).

¹⁸² Старинная народная игра, прототип игры в кости.

¹⁸³ Место в нижней части груди под ребрами (разг., сниж.).

¹⁸⁴ Старшая в доме, хозяйка.

шестка¹⁸⁵ к столу и обратно, выставляя жирные пироги и поросят с кашей на потребу дорогих гостей, которые кучами валили из избы в избу от раннего полудня до позднего вечера.

Между тем на площадке раздавалось звяканье цепи, и мохнатый медведь с необычайным ревом поднялся на дыбы и покачнулся в сторону. Затем, по приказу хозяина, немилосердно дергавшего за цепь, медведь кланялся на все четыре стороны, опускаясь на передние лапы и уткнув разбитую морду в пыльную землю.

— С праздником, добрые люди, поздравляем! — приговаривал хозяин при всяком новом поклоне зверя, а наконец и сам снял свою измятую шляпу и кланялся низко.

Приподнявшись с земли в последний раз, медведь пятится назад и переступает с ноги на ногу. Толпа немного осаживает, и поводитарь начинает припевать козлиным голосом и семенить своими измочаленными лаптишками, подергивая плечами и уморительно повертывая бородкой. Поется песенка, возбудившая задор во всех зрителях, начинавших снова подаваться вперед:

Ну-ка, Миша, попляши,

У тя ножки хороши!

Тили, тили, тили-бом,

Загорелся козий дом,

Коза выскочила,

Глаза выпучила.

Таракан дрова рубил,

В грязи ноги завязил.

Раздается мучительный, оглушительно-нескладный стук в лукошко, заменяющее барабан, и медведь с прежним ревом — ясным признаком недовольства — начинает приседать и, делая круг, загребает широкими лапами землю, с которой поднимается густая пыль. Другой проводник, молодой парень, стучавший в лукошко и до времени остававшийся простым зрителем, ставит барабан на землю и сбрасывает привязанную на спине котомку. Вытащив оттуда грязный мешок, он быстро просовывает

¹⁸⁵ Часть печи.

в него голову и через минуту является в странном наряде, имеющем, как известно, название козы. Мешок этот оканчивается наверху деревянным снарядом козлиной морды, с бородой, составленной из рваных тряпиц; рога заменяют две рогатки, которые держит парень в обеих руках. Нарядившись таким образом, он начинает дергать за веревочку, отчего обе дощечки, из которых сооружена морда, щелкают в такт уродливым прыжкам парня, который, переплетая ногами, время от времени подсакивает к медведю и щекочет его своими вилами. Этот уже готов был опять принять прежнее, естественное положение, но дубина хозяина и щекотки козы продолжают держать его на дыбах и заставляют опять и опять делать круг под веселое продолжение хозяйской песни, которая к концу перешла уже в простое взвизгиванье и складные выкрики. С трудом можно различить только следующие слова:

Ах, коза, ах, коза,

Лубяные глаза!

Тили, тили, тили-бом,

Загорелся козий дом.

Медведь огрызается, отмахивает козу лапой, но все-таки приседает и подымает пыль.

Между тем внимание зрителей доходит до крайних пределов: девки хохочут и толкают друг дружку под бочок, ребята уговаривают девок быть поспокойней и в то же время сильно напевают вперед, отчего место пляски делается все уже и уже, и Топтыгину собственной спиной и задом приходится очищать себе место. Песенка кончилась; козы как не бывало. Хозяин бросил плясуну свою толстую палку, и тот, немного огрызнувшись, поймал в охапку и оперся на нее всюю тяжестью своего неуклюжего тела.

— А как, Михайло Потапыч, бабы на барщину ходят? — выкрикнул хозяин и самодовольно улыбнулся.

Михайло Потапыч прихрамывает и, опираясь на палку, подвигается тихонько вперед, наконец, оседлал ее и попятился назад, возбуждив неистовый хохот, который отдался глухим эхом далеко за сельскими овинами.

— А как бабы в гости собираются, на лавку садятся да обуваются?

Мишук садится на корточки и хватается передними лапами за задние, в простоте сердца убежденный в исполнении воли поводитаря, начавшего между тем следующие приговоры:

— А вот молодницы — красные девицы студеной водой умываются: тоже, вишь, в гости собираются.

Медведь обтирает лапами морду и, по-видимому, доволен собой, потому что совершенно перестает реветь и только искоса поглядывает на неприятелей, тихонько напевая про себя какой-то лесной мотив. Хозяин между тем продолжает объяснять:

— А вот одна дева в глядельцо¹⁸⁶ поглядела да и обомлела: нос крючком, голова тычком, а на рябом рыле горох молотили.

Мишка приставляет к носу лапу, заменяющую на этот случай зеркало, и страшно косится глазами, во всей красоте выправляя белки.

— А как старые старухи в бане парятся, на полке валяются? А веничком во как!.. во как!.. — приговаривает хозяин, когда Мишка опрокинулся навзничь и, лежа на спине, болтал ногами и махал передними лапами. Эта минута была верхом торжества медведя; смело можно было сказать ему: «Умри, медведь, лучше ничего не сделаешь!»

Ребята закатились со смеху, целой толпой присели на корточки и махали руками, болезненно охая и поминутно хватаясь за бока. Более хладнокровные и выдавшие виды сделали несколько замечаний, хотя и довольно сторонних, но все-таки более или менее объяснявших дело.

— Одна, вишь, угорела, — продолжал мужик, — у ней головушка заболела! А покажи-ка, Миша, которое место?

Медведь продолжал валяться, видимо, желая до конца напотешить зрителей, но хозяйская палка, имевшая глупое обыкновение падать как раз не на то место, где чешется, напомнила зверю, что нужно-де всему меру знать, а хозяйские уроки не запомнить. Очнувшийся

¹⁸⁶ Зеркальце.

Мишка сел опять на корточки и приложил правую лапу сначала к правому виску, потом перенес ее к левому, но не угодил на хозяина. Этот, желая еще больше распотешить зрителей, сострил и, дернув порывисто за цепь и ударив медведя по заду, промолвил:

— Ишь ведь, старый хрыч какой! Живот ему ломит, а он скулу подвязал! Покажи-ка ты нам, как малые ребята горох воруют, через тын перелезают.

Мишка переступает через подставленную палку, но вслед за тем ни с того ни с сего издает ужасный рев и скалит уже неопасные зубы. Видно, сообразил и вспомнил Мишка, что будет дальше, и крепко не по нутру ему эта штука. Но, зная, такова хозяйская воля и боязно ей поперечить: медведь ложится на брюхо, слушаясь объяснений поводатаря:

— Где сухо — тут брюхом, а где мокро — там на коленочках.

Недаром Топтыгин неприязненным ревом встретил приказание: ему предстоит невыносимая пытка. Хозяин тащит его за цепь от одной стены ребят до другой, противоположной, как бы забыв о том, что зверь всегда после подобной штуки утирается лапой. С величайшею неохотой поднимает он брошенную палку и, схватив ее в охапку, кричит и не возвращает. Только сильные угрозы, на время замедлившие представление, да, может быть, воспоминание о печальных следствиях непослушания заставляют медведя повиноваться. Сильно швырнул он палку, которая, прокозырявши в воздухе, далеко перелетела за толпу зевак. Наказанный за непослушание, медведь начинает сердиться еще больше и яснее, он уже мстит за обиду, подмяв под себя вечно неприязненную козу-барабанщика, когда тот, в заключение представления, схватился с ним побороться. Прижал медведь парня лапой, разорвал ему армяк, и без того худой и заплатанный, и остановился, опустив победную головушку. Только хозяйская памятка привела его в себя, громко напомнив и о плене, и о том, что пора-де оставить шутки, не место им здесь.

Осталось Мишке только пожалеть об этом и сойти со сцены, но неумолимая толпа трунит над побежденным и

поджигает его схватиться снова с медведем. Однако этот последний совсем не расположен тягаться, достаточно уверенный в собственных силах. Он окончательно побеждает противника уже простою уступкою: Мишка валится навзничь, опрокидывая на себя и козу-барабанщика.

— Прибодришь же, Михайло Потапыч, — снова затянул хозяин после борьбы противников. — Поклонись на все четыре ветра да благодари за почет, за гляденье, — может, и на твою сиротскую долю кроха какая выпадет.

Мишка хватает с хозяйской головы шляпу и, немилосердно комкая, надевает ее на себя, к немалому удовольствию зрителей, которые, однако же, начинают пятиться, в то время как мохнатый артист, снявши шляпу и ухватив ее лапами, пошел по приказу хозяина за сбором. Вскоре посыпались туда яйца, колобки, ватрушки с творогом, гроши, репа и другая посильная оплата за потеху. Кончивши сбор, медведь опустил голову и тяжело дышал, сильно умаявшись и достаточно поломавшись.

Между тем опять начались на время прекратившиеся хороводы, сопровождаемые писком гармоник и песнями горластых девок. В одном углу, у забора, щелкали свайкой¹⁸⁷, в другом играли в бабки, соображаясь с тем, жохом или ничкой ляжет битка. На одном крыльце показалась толпа подгулявших гостей и затянула песню, конченную уже в соседней избе на пороге. Чванились гости, кланялись хозяева, прося хоть пригубить чарку и не погнушаться пирогом с морковью, и буйно-весело разгорался деревенский праздник, которому и веку-то только три дня, и то потому, что покосы кончились, а рожь только лишь недавно начала наливаться.

— Что, земляк, поди, с Волги аль с Оки, что ли, какой? — спросил старик, подходя к жожаку, пробиравшемуся в питейный.

— Маленько разве что не оттеда! — отвечал тот и поплелся дальше.

¹⁸⁷ *Свайка* — русская народная игра, заключающаяся в попадании свайкой — заостренным железным стержнем с массивной головкой — в кольцо или несколько колец, лежащих на земле.

— Давно, поди, возишься с суседушкой-то? — спрашивал старик, указавши на Мишку, который, понурился, плелся за хозяином и искоса поглядывал на допросчика.

— Годов пять будет, коли не больше. Да не балуй, неповадной¹⁸⁸! — продолжал он, дернув за цепь медведя, который успел уже присесть на корточках и начал сосать лапу.

— От себя, что ли, ходишь али от хозяина?

— Мы от себя ходим. Нынче охотников-то и в нашей стороне куды-куды мало стало: всяк лезет в бурлачину, а зверь и гуляет себе на всем просторе.

— А поди, уж, чай, по привычке к свояку-то? — продолжал спрашивать любопытный старик и шепнул что-то парнишке, который, спустив рукава рубашонки и разинув рот, пристально разглядывал мохнатого плясуна.

— Вестимо, по привычке, ко всему привыкнешь! — отвечал вожак как бы нехотя и как будто крепко надоели ему людские расспросы на каждом перекрестке. Но когда парнишка принес деревянный жбан хмельной деревенской браги и старик попотчевал провожатого, сергач стал заметно словоохотливее и, утерши бороду, удовлетворял любопытству тароватого¹⁸⁹ старика.

— Да вот как привык: коли когда поколеет — ссохну с тоски, коли не того еще хуже. Известно, почти свой человек стал, без него хоть сгинь да пропади — вот как привык! На-ко, Миша, пивка, попей, сколько сможешь, ты ведь у меня завсегда ко хмельному охочий был, годи вот маленько, а то и сердитей чего хватим. Пей-ка, брат, коли есть что — не чванься!..

И вожак, налив пива в шляпу, поднес своему кормильцу.

— Вот видишь, старина, сам что ешь или пьешь — ему завсегда уж уделишь. И совесть тебя мучает, коли не отлотишь чего, да и он-то таково жалостно смотрит, что кусок не лезет в горло, — и все делишь пополам! — продолжал рассуждать поводырь, в то время как Мишка,

¹⁸⁸ Упрямый, непокорный.

¹⁸⁹ Щедрый.

утершись лапой и пощелкав зубами, выказал нетерпеливое желание идти дальше.

И видел старик-расспросчик, как куцый зад Топтыгина скрылся за дверью питейного, и слышал он, как взвизгнула баба, нагибавшая коромысло колодца и обернувшаяся назад как раз в ту минуту, когда мохнатый философ проходил мимо, не дальше как пальца на три от ее сарафана. Бросилась она опроретью в избу, оставив ведра подле колоды, и долго ругала на всю деревню и зверя и провожатого.

Не уйти сергачу от любопытных расспросов и не отмолчаться ему, когда возьмет свое задорный хмель и начнет подмывать на похвальбу и задушевность.

— Маленьким, братцы, взял, вот эдаким маленьким, что еле от земли видать было, — говорил он любопытным завсегдадаям, обступившим пришельцев и всегда готовым слушать все, что ни предложит им досужество, будь это хоть в десятый, хоть даже в сотый раз.

— Было, вишь, их два брата, вестимо двояшки: ни тот ни другой старше. А жил-то я, братцы, у нашего благочинного в батраках — отцом Иваном звали, — продолжал сергач уже таким тоном, который ясно говорил, что вы-де народ темный, а мы люди бывалые, слушайте только да не мешайте, таких диковин наскажем, что вам и во сне не привидится.

Кое-кто из слушателей подперлись локотками, другие самодовольно обтерли руки о полы своих полушубков, а краснорожий сиделец¹⁹⁰ всю массую жирного тела перетянулся через стойку и вытаращил масляные глаза.

— Жена у меня померла; домишко весь ветром продуло и солому всю снесло на соседский овинник, а вон Мишутка мой еще махонькой был. Эх, думаю, худая жизнь без хозяйки! А все лучше хлебушко путем доставать — не биться о холодный шесток, вот и нанялся я к отцу-то Ивану. Ну и живу, братцы, ничего... живу путем-толком, ни он меня, ни я его не обижаем, все идет по миру, по согласию. Да вот стали раз как-то недобрые слухи

¹⁹⁰ Приказчик, продавец.

ходить: ниоткуда взялась медведица да и начала рвать скотину по соседству, досталось-таки на порядках и нашим сельским — которой вымя выест, которую всю изломает, а сычухинский мельник еще хуже рассказывал. Ухватил, слышь, медведь-от Базихину буренку за шиворот да и поволок к лесу. На первых порах все, слышь, задом пятился, да, зная, корова-то больно ревела или сам-от добре приустал, только взвалил он ее на закорки, стал на дыбы да и потащился к оврагу. Собрались наши сельские миром да и порешили идти сообща против зверя; кое у кого ружьишки понабрались, у Матвея Горшка достали рогатину. Хотели было ямы вырыть да и позавалить берестом, так старики да девки пристыдили. Начало, братцы, и меня подмывать пойти на охоту. Берет такой задор, словно в лихоманке¹⁹¹ хожу, — и ружьецо было, на тридцать сажен хватало, и долото промыслил для заряду.

— Пусти, — говорю, — отец Иван, с ребятами на охоту! Рогатины, — говорю, — достали, и ружей никак с пяток было.

Тот — никак, и матушка тоже.

— Убьет! — говорят. — Что тебе в этом толку? Да и парнишка сиротой останется, некому и порадеть будет. Чем, — говорят, — на медведя-то ходить, в другом чем будешь пригоден. А там и без тебя народу много, сам говоришь — все село идет.

«Дело, — думаю, — толкуешь! Твои бы речи и слушать». Подумал я, братцы, подумал да и пошел клепать косы на *повить*¹⁹². Пришли наши ребята с охоты и медведя приволокли с собою убитого: шкура вся взбита, словно решето какое, и брюхо распорото. Медведь бы куды ни шло: затем, стало быть, ходили, а то, вишь, с ним еще барского повара притащили, тоже побывшился (умер). А дело-то было вот как: сунулся он с ножом кухонным, что говядину режет, разогнал ребят, никого не подпускал к себе, «сам, — говорит, — справлюсь, один на один,

¹⁹¹ Лихорадка.

¹⁹² *Повить* (или *поветь*) — нежилая пристройка к дому (сзади), используемая под хозяйственные нужды.

только, — говорит, — не мешайте». Пошел он по медвежьей тропе, да и не приходил назад, слышали ребята, как ревел благим матом, а подступиться боялись, да уж потом целым миром и подошли к оврагу-то. Видят ребята, оба лежат не шелохнутся, подмял медведь Еремку, задрал, слышь, с затылка, да и сосет мозги. Начали палить — не сдвинулся медведь, все лежит на одном месте. Подошли наши, а он уж и помер. Кабы, говорят, Еремка в сердце угораздил да подшиб его под ноги, может, и убил, говорят, и сам бы жив остался. А то как понажал тот его да изловчился ухватить за затылок — ну и помер.

— У нас так это не так бывает, — перебил один из слушателей. — Живем мы в лесах глухих, волока верст по сотне будут, едешь ты лесом — ни одной деревни, все дуб да береза, взглянуть, так шапка валится. На всем волоку и жилья-то только две либо три избенки, и то лесники строят.

— А ты из каких мест? — спросили бушневские.

— Вятские — из Яранска-города бывали.

— Не знал ты там Гришуху Копыла — торговал хомутами и пошел-то из нашей деревни?

— Где, братцы, знать, народу всякого есть, всех не спознаешь.

— Вестимо, где там всякого знать! — подтвердил тот же, который задал вопрос.

— Ну! — крикнули завсегда-таи, проводив это «ну!» тяжелым вздохом.

— Да вот теперь, он рассказывал, летом было, а у нас так по осеням за медведем-то ходят. Как, примерно, началась перевозимица¹⁹³, набросало снежку, он, говорят, и поидет искать берлоги, и все старую выбирает, а то выгребают и новые, так, на пол-аршина. А уж коли пошел он к берлоге, знамо, чернотроп¹⁹⁴ после себя оставит. Охотники-то уж и знают это время, замечают тропу по деревьям да по кустам, а ему дают улечься. У них только бы знать, в какую сторону пошел, а уж там найдут по чутью, на нос.

¹⁹³ Первопутье, первый зимний санный путь.

¹⁹⁴ Путь по земле, не покрытой снегом.

— Берлогу-то найти — нехитрая штука. Сам, брат, хаживал, хоть и не рассказывай, все сам поизведал, коли хошь, так и тебе расскажу, — прихвастнул сергач. — Берлогу он завсегда вглубь на три четверти роет, только бы самому улечься. Как, стало быть, ляжет, так и навалит сверху хворосту всякого, лапок сосновых, валяжнику, а дырочку для духу завсегда-таки оставит наверху. Вот и видишь, как завалит хворост-от снегом, из дырочки пойдет пар змейкой — ну, знать, засел тут дедко и сосет лапу. Тут его только сам не замай да не говори про него, не поминай его имени, чтобы не услышал он; не тронет, ни за что не тронет, да и такой-то увалень, что и не повернется. Один раз только и повертывается он во всю зиму, а то целых ползимы на одном боку лежит, да ползимы на другом.

— Слыхать-то слышали об этом, — поддакнули слушатели. — Ну, а ловить-то как?

— Да так же, поди, как и у них. Главная причина из берлоги вытравить — поймают, вишь, зайца да и начнут щипать, а сам-от больно этого писку не любит; а не то собак улюлюкают. Потапыч-то, вишь, осерчает, вылезет из берлоги да и встанет на дыбы, тут его в пять, шесть рогатин и начнут донимать. Из ружей мало стреляют, плохо берет его пуля-то — тепла, вишь, шуба, пальца в три будет, коли не того больше. А ноготки? Гляньте-ка, ноготки-то!

И хозяин полюбовался двухвершковыми когтями своего воспитанника.

— Ведь вот бьешь его палкой — думаешь, больно, так нет тебе, словно деревянный, разве в щекотное место попадешь. Только и надежда одна, что на кольцо, а то всего бы, кажись, изломал. Бывали и такие случаи, что подымут облавой, собаками, тут бы и бить его, так иной раз косою шут деру задает с перепугу да спросонья, начнет кувыркать — на доброй лошади не догонишь, а коли он сам пустился в погоню — ни за что не уйдешь! Тут уж он всю зиму не лежит — и бродит все по соседству. Злей его тогда нет зверя на свете, хуже волка голодного. Человек тогда не попадайся ему, хоть в другой раз и не тронет, если молодой еще да не попробовал человечьего мяса.

— Мед, говорят, охотник он есть? — поджигали сергача его слушатели.

— Винцо, братцы, больше любит. Вот и теперь бы выпил, кабы было чего...

Догадались бушневские, куда наметил рассказчик, да только переступили с ноги на ногу и почесали затылки. Первый начал вятский.

— Нехорошо, — говорит, — братцы, обижать прохожего человека. Пойдет далеко, понесет худую славу: вот-де был на бушневском празднике, да, знать, у них свои свычай — сами пьют, а гостей не потчуют.

Сергач после угощения сделался еще разговорчивее. Мишка сладко облизывался, и, когда хозяин опять растобарывал с земляками, он свернулся на полу и крепко заснул, пустив страшный храп и сап на всю избу.

— А далеко ходишь? — спросил опять вятский. — Домой-то, чай, не скоро попадешь?

— Наше время известное: как вот начнет немного заветывать, станет эдак моросить первоснежье — мы и потянемся на наседаю. Ходим-то, вишь, босиком, так зимой уж и щекотно станет: сам-то он не привык, так и делаешь во всем по его. А не то, так куда больно серчает!

И поводырь, защуривав глаза, медленно покрутил головой:

— Ни за что ты его не приневолишь на ноги встать, коли зима застанет, знает, шут, это время: свои-то, вишь, в берлогу залягут да и сосут на досуге лапу, ну, а ведь на него не лапти же надеть. Да коли правду сказать, так и сам лето понамаешься, рад-рад как попадешь домой на печь поотогреться.

— Эх, земляк, куда ни шло! Расскажи уж заодно — как ты его залучил под свою стать? А трудновато, поди, было, долго не поддавался, да ведь чего человек-от не сделает? Вон один, говорят, блох выучил пляске, слышал я в Питере, а за морем так еще облизьяну выдумали! — поджигал сергача один из бушневских и хитрою речью, и хмельной водкой, которая до того развеселила поводыря, что он затянул песню, подхвативши щеку, и такую заунывную, что самому сделалось жалостно. Однако благодарность за угощение и чувство довольства самим

собой, а еще больше воспоминание прошлого, которое чем страшнее, тем приятнее, заставили сергача рассказать всю подноготную, которую у него же у трезвого не вышибешь колом, не то что лукавым словом.

— Давно, братцы, было, и, признаться, не то чтобы очень, а таки Мишутка мой еще и пушком не зашибался, а теперь, глядите-ка, и борода полезла. Да что, Мишук, нешто спать захотел; кажись, брат, рано? Ты на этого-то мохнача не гляди, зверь ведь он, как есть зверь, поел, да и потяготки взяли, — говорил отец, обращаясь к товарищусыну, который, сидя на лавке, поминутно закрывал громкие и широкие зевки не менее широким кулаком.

— Тоска, тятка, слушать-то все одно да одно. Который уж раз доводится? Вот вечер тоже рассказывал, а мне запрет сделал: ничего, говоришь, про медведя не рассказывай! А сам, где ни спросят, всю подноготную скажешь!..

— Эх, Мишуха, брат ты Мишуха! Правду старики молвят, — продолжал отец с тяжелым вздохом и с укором качая головой, — зелен горох невкусен, молодой человек неискусен. И толк-от бы в тебе, Миша, есть, да, знать, не втолкан весь! Слушай-ка вот лучше, умная речь завсегда и напередки пригодна бывает. Жил я, братцы, у нашего отца Ивана в работниках, и как раз вот на ту пору, как медведя-то ребята убили.

— Помним, земляк, помним, еще барского-то кучера больно помяли! — поддержали слушатели.

— Не то на другой, не то на третий день после охоты, не помню, братцы, вот хоть лоб взрежьте, не помню, поехала матушка с дочкой своих проведать. Жили-то они всего с поля на поле от нашего села, и церковь ихняя словно на ладонке стоит — все видно, только одна река и отделяла. С нашей стороны берег, и ничего бы, покат и ровен-гладок, а вот оттуда — крутояр такой, что береги только скулы да ребра придерживай, а то как раз на макушку угораздишь. Прибежали, вишь, наши, волком воют, все село перепугали, думали — уж опять не медведь ли им встретился. Так, вишь, нет, говорят, другое что. Пошел я на

двор да и смекнул сразу, чему бабы взвыли. Пришла, вишь, буланая-то кобыла, что с ними отпустил, да без телеги, одну оглоблю цельную приволокла — другой только осколышек, а заверток так совсем не нашел, пополам порвались. Пришел я к оврагу, стоит телега вверх бардашкой, и на одном колесе шина лопнула и спицы повыпрыгали. Пришел я домой да и говорю батюшке: «Так и так, — говорю, — отец Иван, телега на мосту лежит, надо бы домой привезти». — «Что ж, — говорит, — возьми саврасого мерина да и привези». — «Что, — говорю, — савраску возьми — я и на себе приволоку, не этакую, — говорю, — тяжесть важивали». — «А что, — говорит, — Мартын, ведь колесо-то новое надо?» — «В кузницу, — говорю, — снести надо — обтянуть шиной, на себе, — говорю, — снесу, и коли хошь, так сегодня». — «И оглоблю-то, — говорит, — новую надо. Поди, — говорит, — выруб!» — «Ладно, — говорю, — отец Иван, вырублю!» Взял я, братцы, топор да и пошел за гуменники. Тут у нас лес идет, да такой благодатный, что иное дерево с утра начнешь тяпать, а к обеду едва одолишь.

— Нешто уж больно толсты? — спросили бушневские.

— Сучков, видишь, много, да такие коренастые — насилу обрубишь; коли не прихватишь пилы — хоть матушку-репку пой. Выломил я ему оглоблю березовую — веку не будет и для заверток зарубку наметил да так, ради прохлаждения, и завернул в малинник. Он тут и пойдет вплоть до реки, пытаются есть ребята, а все ягод много, и такие все сладкие да крупные, что твоя морковь или репа. Ем я, братцы, малину и еще песни попеваю от радости. Слышу, сзади поурчит что-то да пощелкает, почавкает да опять заурчит. Забралась, думаю, корова чья, кому больше? Да нет, думаю, корове тут нечего взять, да не пойдет она в малинник — всю исколет. Взял меня, братцы, задор посмотреть. Только бы ступить, ан шмыг мне под ноги медвежатка. Взвизгнул я благим матом, да уж дома одумался — коли, думаю, не изломали, так, стало быть, некому, а коли медведицу убили, так, знать,

это сироты ее горемычные. Может, пестун¹⁹⁵ остался при них? Да где, думаю, поди, того теперь и с собаками не сыщешь — далеко ухрял¹⁹⁶, ему до чужого добра дела мало. Вот и загорелось, братцы, ретивое, больно захотелось медвежат-то изловить. Прихватил про всякий случай и ружьишко, и рогатину — думаю, коли пестун наскочит, поборемся, постоим за себя. А там задами, чтоб свои не знали, пробрался я в малинник и смотрю из-за сосны, куда медвежатка подевались? Слышу, опять поляскает да пощелкает, да опять, — я выдвинулся немножко вперед и рогатину наладил. Долго смотрел, больно долго: выбежали пострелята и начали на спине кататься, один ухватил лапами малину и сосет ягоду. Все, братцы, стою да гляжу, как один другого лапой мазнет да и отскочит и спрячется за кустом. Нет-нет да опять подскочит и достает другого лапой, да не достал, — кувырнулся через голову, а братишку опять задевает. Один подпрыгнул ко мне. Стою, братцы, не трогаюсь, а сердце вот так ходуном и ходит, а все смотрю по сторонам, думаю, выскочит пестун, коли не мать сама, — приму на рогатину. Постреленок тем часом развязал мне оборку у лаптя, ухватил в рот и защелкал, а сам жужжит, словно шмель или оса какая. Немного погодя и другой подскочил и тоже лапоть дергает, а братишку нет-нет да и мазнет лапой. Смотрел я, смотрел, сгреб их в подол да и света в очах не взвидел. Домой прибежал — языка не доищусь, от одышки сердце ходуном ходит. Своим показать боюсь: велят выбросить, а больно жаль. Снес я их в овин да и запер до поры до времени. Сходил опять за оглоблей, прислушался — смирно везде, нет, думаю, далеко пестун — коли матери брюхо вспорото, хоть и брат, а, видно, свои животы-то подороже.

— Знать, правду говорят, что пестун-то им братом доводится? — допытывал любопытный вятский.

— Да ведь вот как у них это дело-то ведется: родила мать двояшек, один медведь, а другой Матрена

¹⁹⁵ Медвежонок 2–3 лет, оставшийся при матери, часто «воспитателем» младших братьев.

¹⁹⁶ Ушел.

Г. Вейсенгоф. Литовский хутор. Начало XX в.

Исаковна. Вот и ходят они с матерью, говорят, до первого снега, медведица-то поскорей растет, так и мать поскорей ее от себя гонит: ступай-де на свои харчи, а мне тебя девать некуда — невоготу уж стало. Братишка вот дело другое, его она всегда с собой берет и в берлоге холит, а как выведет новых, то и приставит к ним; блюди-де да посматривай за ними, чтоб не баловали, а коли в чем непослушны, сам расправы не делай, мне скажи! И уж тут что не по ней — выволочку задаст такую, что, вон рассказывал Елистрат Кривой, долго валяется на земле да ревет что есть мочи. Поревет-поревет да и перестанет, а все, слышь, плетется за матерью: знать, в большом страхе держит, коли и колотухи не донимают.

— И злющая же эта медведица! — заметил вятский. — Коли человека, говорят, где изломает — все она. Сам не таков, толкует народ. Того как раз самого испугать можно, только, слышь, коли завидел, иди смело навстречу — не тронет. Сзади зашел, только ухни что ни есть мочи — забежит, слышь, и следа не отыщешь. Да если и начнет кувыркать он к тебе, только на землю ложись да не дыши. Придет, говорят, понюхает, попробует лапой, а лежачего ни за что не тронет, только лежи дольше, пока совсем не уйдет, а завидел, что ты встал да

пошел, тут хоть и ложись опять — другой раз не надуешь. А за зад не дает хвататься, и уж если собаки впелись туда — пропала медвежья сила. Так ли я говорю, дядя?

— Попытал, брат, я этой медвежьей силы — был под хмельком да и ударь раза два для смеху. Взревел Мишук и плясать перестал, как ни ломал — не хочет! Я его еще колонул, как он рывкнет, братцы, да вскинется, вот о сю пору памятка осталась.

И сергач, в удостоверение истины, показал на изрытое рубцами плечо, где еще ясно можно было разглядеть пять кругленьких ран — следы медвежьего гнева.

— Насилу, братцы, водой отлили! — закончил сергач. Дивились слушатели и качали головами.

— Ведь вот, почтенные, толковать теперь будем: и зверь, глядишь, а сердце словно человечесь! — заметил целовальник¹⁹⁷.

— Да и ухватки-то все человечесь! — поддержал его один из самых молчаливых слушателей. — И на лапах-то у него по пяти пальцев, и мычит-то он, словно говорить собирается, а сбоку попристальнее глянешь — словно видал где и человека-то такого.

— Уж и смышлен же, ребята, откуда разуму понабрался! — продолжал между тем сергач. — Вот как повозишься-то с ними, и поприглядишься ко всему, и все запомнишь, коли и рассказать — так слова не выкину. Все, бывало, в овине сижу да с ними и занимаюсь: и на задние-то лапы ставлю, и падог¹⁹⁸ в руки дам, ну и побьешь в ину пору, коли не понимает. Уж пытал батюшка-священник уговоры делать: «Чтой-то, — говорит, — Мартын, ты, братец, тот, да не тот, никак тебя теперь к дому не залучишь — уж не жениться ли собираешься? Вот овин бы, — говорит, — топить надо да и снопов остатки нужно перевезти туда, а то погниют совсем». Тут-то меня словно по лбу кто, а у самого догадки-то не хватило: сгреб я пострелят-то мохнатых да и поволок в свою избу, что пустой стояла: жила тут нищенка да и померла в осенях.

¹⁹⁷ Продавец, кабатчик.

¹⁹⁸ Палка, посох, дубинка.

Бегом бегу я домой и крепко полы придерживаю, да как раз на самого-то тут тебе и наткнулся. Начал стыдить — земля, братцы, подо мной загорелась. «Ты-де не малый ребенок — нанялся бы в няньки, все лучше с человеком-то возиться. Повойник бы, — толкует, — надел, сарафан синий, взял бы копыл¹⁹⁹ и нитки сучил». Гвоздил, братцы, до того, что горю со стыда, деться негде, а и выпустить медвежат — так впору. Да нет! Удержался, хоть и народ обступил. «Ни за что, — говорю, — не брошу, хоть и стыдно больно, а не кину; привык, — говорю, — водой не разольете!» Как приду, бывало, к ним в избу — овсянки натолочь или щей налить, что у матушки выпросишь, — идут к тебе пострелята вперевалку. Станут на задние лапы и на руки к тебе просятся, а сами друг дружку толкают — приучил, вишь, так: кому первому, так и берут завидки и того и другого. Приласкаешь немножко, покормишь, играть начнут с тобой. Дашь им палец — сосут, а не кусают, пока зубов-то не было. Начали вот и зубы прорезаться, так с зуду, что ли, али потехи ради все лавки изгрызли. Корыто, вишь, было — так и то никуда стало не годно: все исщепали. Гляжу-погляжу: стали мои ребята промеж собой драки заводить, да так часто, что уйму не было. Слышу, бывало, из сенцов, возню да рев подымут такой, что унеси ты мое горе. Прихожу как-то раз в осенях: лежит один косоглазенькой и еле дышит, глянул на меня да и опять нос под себя подвернул. Поставил я овсянки — так не ест и с места не встает; братишка его такой шустрый да веселенький — нет-нет да и щипнет лежачего-то. Ну, думаю, подрались ребята — помирятся. Пришел я по вечеру — лежит еще тот и на меня уж не глянул. Братишка возле сидит да нюхает, и лапой-то двинет, и на меня-то обернется. Э, думаю, худое дело! Зашла шутка не туда, где ей следно быть. Потрепал живого сорванца, да, видно, одно и осталось — стащил мертвого на зады да и закопал в ямку. А уж куды, братцы, жалостно было — ино место слеза прошибла. И остался я при одном, вот при этом, а ту, медведицу-то, так и поучить не удалось.

¹⁹⁹ Брусок.

— Возился-то я с ним до весны, — продолжал сергач, утерши слезинку, выжатую не то хмелем, не то и в самом деле воспоминанием об утрате одного кормильца. — Пришел я, братцы, в хозяйскую избу — сидит эдак батюшка за столом, под тяблом²⁰⁰, и книгу толстущую с поллицы снял да читает. А тут попадья сидит на конике²⁰¹ и считает яйца. Положил я на полати шапку, рукавицы, распоясался и начал разболочаться²⁰². Слышу — крякнул отец Иван, поглядел на меня через очки да и стал выговаривать. «Что ты, — говорит, — Мартын, не поприглядишь себе местишка какого, ведь вон весна наступает? Али с медвежатами, — говорит, — пойдешь, да ведь, поди, еще не пляшут? — А сам улыбнулся да и опять сердито смотрит. — Ищи, — говорит, — Мартын, места другого, а уж нам ты не нужен!» Больно разобидел он меня этим словом, уж лучше бы инако как вымолвил. Ну, думаю, ладно, служил я тебе без перебору, а коли медвежонок тебе не люб — прости, отец Иван, не поминай лихом! Да на другой же день и перебрался я, братцы, к себе в избу. Кое-как перебился и лето и зиму — то лыки драл да плел лапотки да березки молоденькие подрубал, то веники вязал да продавал в город. Больше, впрочем, ученика-то своего обучал. Прислушался у татар приговоров, кое-что от себя понабрал на досуге, да как поприсохло весной, я и поволок его в город: ходи-де, Миша, похаживай, говори да приговаривай. С тех пор вот и мыкаемся с ним по чужим людям и везде — спасибо — обиды не видим. Разве у иного ребят перепугаешь, так велят убираться. Зимой лежишь дома. Сам-от спит, а ты свое дело справляешь: лапти, что ли, тачаю... По три, братцы, пары в сутки делаю! — прихвастнул сергач и, разбудивши товарищей, поплелся вон на свежий воздух, сопровождаемый единодушным, тяжелым вздохом всех своих слушателей.

Вышел вятский на крыльцо, и видит он, как поднялся сергач на гору и повернул направо к густому перелеску.

²⁰⁰ Ряд икон.

²⁰¹ Скамья.

²⁰² Раздеваться.

Все меньше и меньше становятся путники, далеко бредут они по оголенному пару, чуть-чуть видна вдали деревенька, словно одна изба, и ничего кругом: одно только длинное поле, по которому босому пройти кромешная мука: торчат остатки ржаной соломы попеременно с пестами, до которых охотники малые ребята да деревенские свиньи. Идет хозяин все впереди, опираясь на палку. Чуть-чуть передвигая ноги и низко опустив голову, плетется и его медведь, сзади идет с котомкой коза-щелкунья. Можно еще и цепь различить, и ноги пешеходов, но вот все это слилось в одну сплошную массу, и чуть распознаешь их от черного перелеска. Скоро и совсем потонули они в куче деревьев. Вот завывли где-то далеко собаки, видно, почувляли незнакомого зверя и дикое мясо. Вздохнул вятский и вернулсЯ в питейный да прямо к сидельцу.

— Дай-ка, — говорит, — поскорее еще красовулю!

* * *

Недалеко ушли наши путники, где-нибудь под сенкой или просто в дорожной канаве завалятся они на ночевку: тут медведь, рядом с ним и сам поводитарь. Ухватил Мишук хозяина лапой и дует ему в лицо и ухо целые столбы пару. Крутит головой сонный хозяин, а проснуться не хочется — крепко умаялся в запрошлый день да и отяжелела голова от бушневского угощения. К утру только очнулся сергач и, изловчившись от тяжелых и удушливых объятий зверя, положил свою голову на его мягкую, мохнатую спину и поглядел на сына. Крепко спит тот, уткнувшись в котомку и накрыв лицо шапкой; ни с того ни с сего ухватился он за веревку на барабане-лукошке и тянет на доморощенном свистке нескладную песню. Но вот выкатилось солнышко из-за верхушек сосен, потянулось по небу и назойливо глянуло в защуренные глаза наших комедиантов; обдает их варом, и ложится на лица загар новым слоем, а тут налетели комары да мошки; собака взвыла поблизости, лошадь бешено заржала, и коровы мычат как-то жалобно. Овцы рыкают по полю, и собрались свиньи в особую кучу, тесно сбившись спинами. Проснулись и наши путники и,

умывшись в первой попавшейся речке, снова поплелись в дальний путь-дорогу.

Сегодня опять будет плясать и медведь, и коза, и поводырь. Может быть, опять попадут на праздник, и угощают их густым пивом, крепко приправленным свежим хмелем. Будет хозяин читать опять те же приговоры, ничего не прибавит. Попробовал было раз, да плохо вышло, и почесал он под бородой, а на другой день встал, совесть мучает, и спрашивает вожак своего сына:

— А что, брат Мишутка, никак уж я вечер больно дурить начал? Вишь ведь эта хмель проклятая, прямо тебя на смех сует. Надо завсегда бояться того, чтобы такой приговор твой поперек сердца не пришелся становому, что ли, или какому начальнику. Захочется брякнуть — оглянись, а то все лучше привяжи язык свой на веревочку. Меня уже за это раз в городе отодрали и выгнали вон.

И зарекся он с тех пор прибавлять от себя и решил один раз навсегда: «Видно, как все говорят, так и мне приходится, а новое-то как-то и не под стать, да и ребятам не нравится, разве уж когда под хмельную руку и выскочит что не думавши, так тому стало этак и быть».

Может быть, попадет сергач в барскую усадьбу и начнет покрикивать перед балконом, поминутно путаясь от старания говорить не то, что прилично слушать своему брату, а господскому уху не стать и неприлично.

Станет расспрашивать его барин, пригласивший медведя для удовольствия детей:

— Что это у тебя — медведь или медведица?

Сняв шапку и низко кланяясь, сергач говорит своим низовым наречием, свысока и с выкриком:

— Вядмидь, батюшка, вядмядича-то ашшо махонькой померла.

— А как ты выучил его пляске?

Сергач, почесывая затылок и опять с поклоном, отвечает барину:

— Все, батюшка, палкой! Знать, на все-то она пригодна, кормилец. Палкой Мишку донял, палкой и науку втемяшил.

Усмехнулись все гости и дальше продолжают расспросы:

— Из выручки-то остается, поди, лишок?

— Какой, господа милостивые, лишок: еле конец с концом сведешь, да и то бы ладно.

Говорил поводырь сущую правду. Ремесло сергача не для наживы, а для прокорму: еще ни один из них не только каменного, но и деревянного дома не выстроил, а вернее, что и тот у него, который от отца достался, разметал ветер и прогноили дожди. Промысел этот — весь ради шатанья, и эти плясуны — бродяги настоящие (что и медведь в лесу), к тому же бродяги такие, которые и в народе не пользуются никаким уважением, как шуты гороховые и скоморохи. От последних они, впрочем, и происходят по прямой нисходящей линии как законное и кровное потомство. Для медвежатников, как бы широко ни концентрировались круги, у всех один центр — кабак. Для вина и пьянства, кажется, сергачи и с места поднимаются и лет по десятку не возвращаются на родную сторону. Не только спаиваются сами хозяева, но спаивают и делают пьяницей и медведей, зверей лесных; пьют они с горя по утрате воли.

Но барин продолжает спрашивать:

— А не продашь ли ты медведя-то? Мне бы вот сани казанские обить хочется, знатная бы полость вышла из твоего зверя.

Увлеченный предположением барина, сергач погладил медведя, любуясь его густой жесткой шерстью.

— Нет, кормилец, ста рублей твоих не надо! — отвечал он решительно. — Пусть лучше сам поколеет, тогда разве не жаль будет и шкуру снять. А теперь нам продать не из чего. Нет уж, ваша милость, не утруждайтесь! Еще послужит он на мое убожество. А убить за что? Худого не сделал, кроме добра одного, — продолжал рассуждать вожак, с любовью глядя медведя и кланяясь барину.

— Отчего он у тебя маленький — молод, что ли? — спросила остроглазая барышня. — К нам недавно большого приводили.

— Уж такой, стало быть, уродился маленький. Вот медведица, так та, вишь, завсегда покрупней бывает.

— А чем ты кормишь его? — продолжала востроглазая расспросица.

— Высевками²⁰³, кормилица, да мякиной. Сделаешь месиво на горячей водице да тем и кормишь. Мясато-вишь, боимся давать, хоть и охоч он до него, особо до сырого-то. Злится он больно, благует так, что из послушания выходит, и уйму нет никакого. А уж плясать, матушка, так ничем не приневолишь — урчит да огрызается и рыло под себя подбирает.

— Принесешь ты нам медвежоночков маленьких? — картавил баловник в плисовой курточке. — Папаша! Вели ему принести медвежоночков.

Кланялся сергач домочадцам, и утешал папенька баловня-сынишку.

— Не кусается он? — спросила опять любопытная барышня.

— Нет, матушка, не кусается.

— Да я думаю, и нечем? — подтвердил барин. — И кольца в зубы продеты, да и самые-то зубы, чай, все повышиб с места. Если и оставил какие, так и те, я думаю, сильно качаются. Так, что ли?

— Как же, коли не так, ваша милость.

— Так ступайте же на кухню, там вас обедом накормят и вина поднесут. А это сын, что ли, твой?

— Сынок, кормилец, Мишуткой зовут.

* * *

Вот так, пробираясь по барским усадьбам, маленьким городкам и деревенским праздникам, бредет наш сергач и на родину, чтобы плесть дома из лыка лапти, тачать берестяные *ступанцы* или веревочные *шептуны* из отрепленных прядок, и вьет к ним оборы, а потом целым возом таскает их на ближний базар и кое-как пробивается до весны, в которой ему ровно нет никакого дела. Уж если обзавелся медведем, так одна дорога — мотаться по чужим людям, куда редко пойдет тот, у кого есть запашки²⁰⁴ и пожни,

²⁰³ Остатки от просеянного.

²⁰⁴ Количество запаханной земли.

хотя даже и небольшие. В свою очередь, ограничиваются и неприхотливые зрители одним и тем же представлением и от души смеются тем же присказкам и остромам, какие, может быть, только вчера рассыпал перед ними другой вождь. Редкое, диковинное наслаждение, истинный на улице праздник, когда появятся в деревне в один день два зверя и четыре проводника: во-первых, и грому больше — в два лукошка грохочут, и борьбы больше — два парня снимаются. А во-вторых (и это едва ли не главное), стравливают медведей, которые, как звери незнакомые, рвут на себе шерсть до того, что клочья летят, режут так, что у слушателей волос дыбом становится, и сильная медведица так быстро и далеко бросает менее сильного медведя, что человеческой силе и во сне не привидится. Это удовольствие хотя и просто делается — стоит только соединить обе цепи противников или столкнуть их задами да подальше прогнать толпу зевак, — но зато случается чрезвычайно редко. Не всякий хозяин решается жертвовать своим кормильцем, разве соблазнят его большие деньги, затаенная мысль о предстоящих выгодах и прибыли да крепкий задор похвастаться силою своего питомца. Тогда он даже готов согласиться с охотником-помещиком и на травлю собаками: снимет цепь да и отойдет, подгорюнясь, к сторонке.

Долговечно ремесло сергача, как и всякое другое, на какое попадает русский человек, который не любит метаться от одного к другому и крепко стоит за знакомое и привычное, только бы полюбилось ему ремесло это. А там не до жиру, быть бы живу, рассуждает он, и сыт и весел, как попался мосол, лишь бы только свой брат не попрекал негожим словом. И ходит он с медведем, пока таскают ноги, а свернулся зверь от лет или болезни, и купит его шкуру наезжий кожевенник, — берет тоска хозяина: не ест, не пьет, все об одном думает. За дело хватится — да все прыгает вон из рук, отвык от всего, ни к чему способа нет приступить. Подумает, подумает горемыка да и пойдет, при первой вести о лютном звере, с рогатиной или другой какой хитрой уловкой, чтобы загубить медведицу и отнять у ней детищей. Потом опять набирается он терпением: учит медвежат стоять на задних

лапах, передвигает им ноги для плясу и других потех, какие делал покойник, а там кое-как проденет кольца, попытает ученика перед своей деревенской публикой, и смотришь — повел он зверя на людское позорище²⁰⁵ и опять выкрикивает свои старые приговоры.

Но вот стареет сергач, долго ходит он все с одной потехой, приелась она ему, как иному старику сулой²⁰⁶ с овсяным киселем, и стыдно становится, да и укоры начались от других стариков-сваяков: «Что ребятской-де потехой занимаешься на старости лет? Зубы ведь крошатся, а ты песни поешь да пляшешь перед народом».

— Брось, Мартын, пора за ум взяться, какое ведь твое ремесло? Ничего ты не нашёл, вот и выходит, что и с седой ты бородой, да с худобой.

«Может, и дело говорят», — подумает вожак да и сбудет выученика первому наклевавшемуся охотнику. Немного протоскует, конечно, да найдет утешение: просто-напросто делается из поводыря записным медвежатником — одно от другого недалеко, оба ремесла двор о двор, по соседству живут.

Первую песенку зардевшись спеть, говорит поговорка, — так-то и медвежатник начинает свою охоту хитрыми уловками, которые состоят в том, что он ловит медведя там, где этот невольно показывает свою слабую струнку. Известно, что нет ни одного зверя, который бы любил так мед и так бы часто посещал борты, как мохнатый, Михайло Потапыч. Сколько смешных и вместе с тем остроумных шуток придумал враг-человек: повесит чурбан, который чем сильнее бьет медведя в лоб, тем больше злится зверь и качает чурбан лапами; соорудит навесец — лабаз, который отгораживает сласти от лакомки, и лишь только мишка пропихнет свою лапу в единственную щель, оставленную ему хитрыми врагами, и иной раз даже вытащит соты, как десятки острых гвоздей готовы уже к его услугам, как ни бьется медведь, а приходится умереть самую глупую смертью: разобьют

²⁰⁵ Зрелище.

²⁰⁶ Кисельный раствор, вода с мукой и с закваской.

его зад толстыми палками и примут потом на рогатины. К таким штукам прибегает на порах охотник и не заводит собак, не покупает двухствольного ружья, предоставляя это дело настоящим охотникам; он без крику и шуму выберет в лесу березовую толстую палку, обточит ее поглаже, пойдет к соседу-кузнецу и просит сделать копые-наконечник, потом приделает под копые перекладинку из той же березы — и вот он, обладатель рогатины, идет подбивать кое-кого из охотников.

Втроем-вчетвером, все с рогатинами, один про запас ружьишко прихватил, — идут смельчаки по протоптанной траве, прямо к берлогу. Разбудили зверя и криком, и шорохом, подняли на дыбы, и зачинщику первое место. Наученный зараньше, как вести дело и остерегаться, чтоб зверь не вышиб или не переломил бы рогатины, смельчак, невзвидев света, рванулся на зверя и врубил половину оружия в медвежье мясо, прямо под ложечку. Дико заревел медведь, но напал не на олухов. Не успел он, может быть, осмотреться порядком, как охотник упер рогатину в корень дерева, и чем больше бился зверь и хватался за рогатину, тем она дальше и дальше уходила внутрь. Осталось товарищам дорезать добычу ножом и разделить между собою.

Но вот, полонивши с десяток медведей сообщая с товарищами, охотник задумал новую штуку: понабрал пуха, сыромятной кожи и обтянул себе затылок, шею и плечи, засел на печь, и заскорузли снаряды толстой броней. Два дня принимался он точить широкий нож, заостренный с обоих концов, и никому не говорил о задуманном, как ни добивались ребята-товарищи. Они уж после смекнули, что надумал он идти один на один.

— Пускай попытает! — решили они, и ему ни полслова о своей догадке.

Пришли только раз да сказали, что вот-де верст с десяток оттуда проложил медведь тропу и ревет по зорям. Закипело сердце у охотника: и страх, и радость, и боязнь, и храбрость — все в один раз приступило. Привязал он нож туго-натуго ремешком к руке, надел полушубок и захватил одну только рогатину. Идет по тропе и прямо к

тому месту, где медведь показался. Смотрит мохнач и заподозрил врага: встал на дыбы и прямо к нему навстречу. Минуты не прошло, как уже рогатина попала в зверя и крепко рассердила его. Пока он собирался с духом, охотник прислонился за толстым деревом и выжидал удобной минуты. Свирепствует зверь и хватает землю огромными глыбами; начал вырывать кусты и швырять их в сторону. Стоит охотник незамеченный, и взбрела ему мысль непрошенная: дать тягу, да куда-нибудь подальше. Но, видно, не совсем потерялся, вспомнил, что тут-то ему в бегстве и неминуемая гибель. Загорелись его глаза каким-то страшным огнем, и губы дрожат, а мурашки так и сыплют по телу: бросился он вперед что было силы и, заслонив лицо левым локтем, лежал уж под зверем и порол ему брюхо острым ножом. Через минуту внутренности медведя, одни за другими, показались на свежий воздух. Угораздил смельчак, как истый знаток, в самое сердце и разодрал шкуру от самой лопатки до клочка хвоста. Льет с него пот крупным дождем и от трудной работы, и от огромной массы, которая тяжелым камнем легла ему на плечи. Облегчился он от нее, свалил мертвого медведя и ни с кем уже не делил его, никого не брал в складчину.

Было бы хорошо начало, а за другим чем уж дело не стало: понравилось молодцу ходить один на один, и бьет он на то, чтобы дойти до тридцатого, а там, говорят, сколько ни ходи, — ни один уж медведь не уйдет и не тронет.

ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК СТАТЬИ О БЕЛОРУССИИ²⁰⁷

Прежде чем удастся мне со временем привести в одно связное целое все приобретенные мною сведения во время последней поездки моей по Белой России и нарисовать картину края, с которым не расставался я в течение целых семи месяцев, — спешу пока заявить о тех приемах в работе моей, на которые, с одной стороны, обязывала меня моя добрая воля, руководимая опытом прежних лет и шести поездок, а с другой стороны, спешу объявить и о тех приемах, которые вызваны были новым моим положением в иной стране, среди других людей. При этом считаю себя обязанным предупредить о том, что как те сведения, которыми владею я теперь, не удовлетворяют меня настолько, чтобы я мог

Рукопись С.В. Максимова
о поездке по Белоруссии.
ИРЛИ. Ф. 565. № 15. Б/д.

²⁰⁷ ИРЛИ. Ф. 565. № 15. Бд, 4 лл. Рукопись хранится в Пушкинском Доме, на 4 листах, не датирована, с пропусками. Фрагменты рукописи вошли в очерки «Обитель и житель (Из очерков Белоруссии)» и «Белорусская Смоленщина с соседями». Рукопись условно можно разделить на географическую и этнографическую части. Можно предположить, что данная рукопись могла быть черновиком отчета о поездке С. В. Максимова в Северо-Западный край, тогда она может быть датирована приблизительно 1867–1869 годами.

иметь решимость говорить определенно и окончательно, так и приемам, употребленным мною до сих пор, предстоят впереди новые испытания, а может быть — и перемены. Работы мои в Северо-Западном крае не кончены, я только приостановил их по причине неодолимых препятствий, встречаемых в том болотистом краю во время бездорожицы. Настоящая беседа моя застаёт меня на отдыхе, когда мучительный процесс работы, докучливо обставлявшийся в течение целого лета, осени и части зимы безотрадными впечатлениями, еще берет верх над всем тем, что обязательно должно выделиться и встать особняком, вне личных ощущений. Эту беседу мою вдохновляет одно только то, что в изысканиях моих по предначертанной программе (значительно, впрочем, измененной не от меня зависевшими обстоятельствами) — в изысканиях своих, по силе моих личных средств, я переступил уже за половину.

Оглянусь назад.

На первых же шагах мне привелось встать в обычное положение человека, пришедшего в дом незванным и непрошеным, когда хозяева гостя не звали, к приему его не приготовились и вот, бессильные уразуметь настоящую цель его прихода, начинают смекать и догадываться о том по крайнему своему разумению и по заветным образцам и приемам. Дело ясное, положение привычное; мы на это уверенно рассчитывали, тем же самым встречали нас и дома, в своей родной стране, где появление всякого странника за обычай; там уже быстро выработались кое-какие подходы к тому, чтобы сразу определить себе нового человека: богомолец ли он, проезжий ли купец, заезжий торговец, так ли вольный человек, что вот взял да и приехал в нашу деревню. Всего этого новая для нас страна не ведаёт: там если купец, то еврей, там даже составилось твердое убеждение в том, что купцом только и может и должен быть один еврей, и никто больше. *Пра́солят*²⁰⁸ здесь тоже евреи; на богомолье в эти страны дальние люди не ходят:

²⁰⁸ *Прасол* — оптовый скупщик мяса, рыбы, сельскохозяйственных продуктов.

здесь даже и святых мест таких нет, каков, например, Киев для Юго-Западного края.

Здесь новый человек за большое диво, а тем больше такой, который пришел из чужой и дальней стороны, хотя бы даже и следом за многими другими подобными.

Передовые объяснились: они пришли с известным делом; требования и желания свои объявили ясно: начали старое бранить; стали вместо них новые порядки урять и настаивать на том, чтобы это бросили, от того отреклись, к тому-то привыкали. Новым людям всё не нравилось: изба — говорят — такая, что у нас в ней только скотину держат; наши бани лучше вашей хаты: образа висят не тут, не в правом, почетном углу, а чаще — где случится; полатей нет — полати стройте, лавки приделывайте к стене, а скамейки уродливые и треногие вон выносите. Привыкли к битому земляному полу — настилайте доски, настоящий пол делайте. Печей не клали, а заменяли их очагом, от дыму глаза резало, и болели они зачастую: бейте печи, выводите трубы: после наедем, глядеть на крыши станем, трубы считать и в бумагу писать. Надо в этом перед начальством отвечать за вас. Опять же привыкли по́лы целовать, в землю кланяться, и эта штука

Р. Гаврилов. Крестьянская изба в Белоруссии. XIX в.

Белорусская хата. Фото. 1898.

стара: ее бросить пора. Говорили вам, что вы быдло и держали вас так, за скотину: теперь просим вас понимать себя за людей, за такое же Божье творение, не верить в том ни панам, ни ксендзам, ни

жиду некрещеному. Все это ваши вороги, и напрасно вы их за друзей понимаете. Напугали, запугали, и именно в то самое время, когда еще и от прежних старых страхов не совсем оправались.

Для первоначальных основных работ я выбрал Могилевскую губернию, как такую, которая находится в выгодных для России географических условиях — стало быть, обещала облегчить приступ к делу при запасе имевшихся у меня личных средств. К тому же эта губерния населена тем русским племенем, за которым бесспорно признается название белорусов в прямом и непосредственном происхождении их от древнего славянского племени кривичей. Приднепровье и Посожье — по моим расчетам — должны были направить первые шаги к разумению общих характерных черт племени, добываемых простым способом наглядного изучения при помощи сравнений да уподоблений. В противоречии и отменах должны были высказаться отличительные и своеобразные черты. Процесс ознакомления посредством расспросов при наглядном изучении бытовых приемов в то же самое время должен был приучать ухо

М. Микешин. Белоруска. XIX в.

к своеобразному говору и обогащать память запасом новых слов из наречия, с которым знакомство до сих пор приобреталось книжным путем.

В ответ на первый способ новый, незнакомый для меня народ отвечал резкими чертами, сумевшими убедить на первых же порах в том, что приходится иметь дело с народом действительно особенным и действительно незнакомым. Черты сходства с другим родственным племенем, живущим в той обстановке: на такой же скудной мокрой и болотистой почве, среди таких же густых лесов — вдали от живых центров и в одинаковых климатических условиях, черты сходства на первых порах выясняются смутно, мелькают неясно. На всем лежит поразительное однообразие, каковое как будто обещает впереди облегчить предстоящие исследования; как будто вся трудность будет состоять в первоначальных работах; как будто стоит только осилить трущобу перволесья, а там пойдет уже чищенный бор, где всякое дерево на подбор и освещено дневным светом. Впоследствии же во многом пришлось разочароваться, но на первое время, когда нервы еще слишком возбуждены были опасностью неудачи и желанием вернее и поскорее возобладать таинственным ключом, в это время привелось встать в положение человека, попавшего в такую страну, где всё не по-нашему, где всё *не по-людски* — как привыкли выражаться великорусские люди. Маленький человек, примечательно малого роста человек, называющий самого близкого соседа своего Смоляка человеком «с русского бока» и полагающий себя в людях «польской стороны», — действительно человек особого оттенка. Мутные глаза его не горят жизнью, не служат признаком мышлености, не обещают ума, они утратили всякое сходство с глазами великороссов, но настолько близки к типу глаз финских племен, что в этом для нас нет никакого сомнения. Маленький человек к тому же сутоловат, ходит сторбившись; вял и неповоротлив в движениях. Робость во взгляде — одна из особенно характерных черт его белого лица, снабженного такой реденькой, рваной бороденкой, что он даже охотливее старается ее брить и

держат потом щетинистой, чтобы таким образом еще более уподобиться чухонцу — коренному типу из всех финских народцев. Он даже и на людях не отстал от лесной чухонской привычки и, например, по базару, по городу ходит всегда в куче и при этом непременно гуськом. Этот неопрятный, загнанный и забитый маленький человек действительно *белорус*: белый цвет на нем преобладает: белое лицо — его резко выделяющаяся особенность; других рубах он и не носит, как непременно холщовую белую, непременно с прямым воротом; суконная до колен свита также белого цвета из белой овечьей шерсти. Валяный колпак — магерка, которую редко снимает он и надевает по преимуществу на *белокурую* голову, — также белого цвета, как и портки, по которым на самом низу под коленами захватывается крестами белевая веревка, привязывающая к ступне; либо *каверзни* — лапти, подплетенные для прочности пенькой, либо лапти

С. Кудрявцев. Крестьянин Гродненской губернии, Волковысского уезда в праздничном наряде. XIX в.

в собственном смысле, сделанные из лыка на скорую руку, не совсем прочные, но дешевые, либо *похлопни* — густо сплетенные лапти на святорусский манер.

Живет этот маленький человек в маленькой нищенской избе, столько же приземистой, как сам хозяин, так же сиротливо поглядывающей на улицу и приходящих подследповатыми, узенькими, словно щели, окнами. Так же неопрятна хата эта внутри на большую часть с битым земляным полом, с очагом вместо печи и с

низенькой дверью, в виде лазейки, заменяющей в утреннее и вечернее время трубу для выхода дыма. Красного угла не полагается, иконы стоят безразлично, где придется; полатей нет, лавки заменяются кривоногими скамейками, к стене не приделанными. С большим трудом отыскиваешь кое-где стол, заменяемый большей частью древесным обрубком, пнем, каковой и торчит обыкновенно среди хаты. Нищета до убожества кричит из каждого угла: только слепому распознать трудно, что хозяева — самые несчастные, убитые люди, каких он до сих пор и не видывал. Как они сами являются какими-то недоростками, недоразвившимися до полного подобия русского типа, сумевшего на остальных пространствах Великой России уйти в поразительное разнообразие типов, так же точно и жилище этого как бы заостеневшего в изломанном и уродливом виде люда представляет нечто первоначальное. Почти несомненно, что способ построек измышлен во времена седой старины предками нынешнего народа, впервые поставившими ногу на тогда девственную, да и теперь еще далеко не выведенную из дикого состояния, почву. Нынешняя белорусская хата — то самое немудрое строение, слаженное наскоро, кое-как, непривычными руками второпях, какие могли строить полукочевые люди, еще искавшие новых мест, еще неуверенно пытавшие новую почву во всегдашнем расчете покинуть ее, если она не полюбитя, а с нею бросить и дешевое строение, свою зимнюю угреву, без сожаления. Нынешние белорусские хаты, имеющие подобие только в беломорских промысловых избах и в жилищах полуоседлых и бродячих инородцев Севера, — во всяком случае, жилища для оседлого человека неудобные, хотя бы некоторые из них и силились разделиться на две половины с сенями посередине. Хате этой еще очень далеко до того, что давно выработано в Великой России; в нее еще каплей не капнуло живой водой удобства. Пока она представляет тот древний первообраз жилья древнего русского человека, который новые и сильные русские люди применили (оставили только) к архитектуре временных

Изба в Полесье. Фотография XX в.

жилищ: лесных избушек, сторожек, кушней²⁰⁹, клетей, бань и тому под.

Таковыми же ублюдками, такими же недоразвившимися продуктами природы и искусства являются в поддержку общности

и однообразия впечатлений: и домашний скот, и домашняя утварь. Такие же маленькие хохлатые лошадки с грязною растрепанною шерстью, представляющею некоторое подобие людской болезни здешних стран — колтуна. Столько же неуклюжи эти лошади, так же точно сгорблены и тощи они как бы в силу какого-то зарака какой-нибудь мары и всякой нечистой силы, зачуравшей волшебством злого слова дорогу к росту и совершенству, как эта же самая сила успела заговорить — по народным верованиям того края — многие озера, превратив их в болота и проч. Та же дьявольская сила (с особенным искусством, настойчивостью и постоянством владеющая тою страню больше, чем какую-либо другою) успела поспеть всюду, успела замешаться и проникнуть во всякую мелочь домашнего обихода. Развинтила она все гайки, повывихнула все кости из суставов и обездолила человека до того, что он не хочет ладить ничего прочного, не имеет надежд и потерял всякое желание улучшать свою собственность, иметь к ней призор и любовь. Всё у него делается, строится, шьется, кроится кое-как, спустя рукава. Невидимая вражья напасть

²⁰⁹ На Севере, в беломорской и карельской тайге, встречаются так называемые кушни — маленькие избушки в лесу, сторожки, специально сооружавшиеся в непроходимой лесной чаще для лесничих и охотничьих нужд, зимовья, которые служили также пристанищем для заплутавших путников. В Архангельской и Вологодской губерниях лесные избушки, названный славянским словом «кушней» (от кущи), в Сибири переименованные в «займки», — великие, но мало оцененные пособницы при народных переселениях (Примеч. С. В. Максимова).

придавила его и не перестает нажимать и вдобавок шутить с ним всякие шутки. Между прочим переломала и изуродовала домашнюю посуду, земледельческие орудия, оборвала ему сбрую, оставив какие-то клочья, из которых упрямая лошадь при первом желании может свободно высвободиться и уйти на волю. Свободе этой не мешает ни шлея (ее не полагаются), ни дуга (неправильно носящий таковое имя кое-как гнутый низенький обод из тонкой ветлы или молодого дубка).

Но довольно: мотив задан в минорном тоне; но данные задачи — весьма крупного свойства, не для чего ходить за другими. Нам казалось, что, если мы подыщем объяснение всем резким явлениям, обступившим нас со всех сторон в этом новом краю на первых шагах в нем, половина нашей задачи будет решена. Мы в том и не ошиблись.

К решению задачи мы пошли с помощью обычных средств: наглядного изучения и расспросов. Насколько

Ю. Озембловский. Крестьяне окрестностей Борисова. Гравюра. До 1847.

выручил нас первый способ, постараемся показать впоследствии; насколько помогал второй, скажем теперь же в силу нашей задачи и нашего обещания. К кому же первому с вопросами, как не к самому крестьянину? Мы к нему и обратились.

Всё, что доступно было наглядному осмотру, всё то, что стоит на виду, показывают крестьяне охотно и объясняют без застенчивости, только с приправой жалоб и сетований, которые явились

продуктом старого времени и вышли теперь наружу, будучи вызваны новыми порядками, действительно радеющими на крестьянскую руку. Крестьянин начал понимать теперь, чего ему недоставало, начал высказывать желание на лучшее и доказывать это самым делом. В делах, желаниях и стремлениях этих он сам таким образом указал на одну вражью силу, до сих пор державшую его в курных хатах. Ничего теперь не делает он с большею охотой (и ни в чем новые деятели не имеют большего успеха), как дела по улучшению жилища: новые избы дозастраивают с большими окошками, даже в старых прорубают пошире, на земляной битый пол настилают доски и делают настоящие полы; вместо очагов кладут печи и выводят трубы на крышу. Форме жилищ предстоит скоро повсюдная перемена, и если в некоторых местах народ еще упорно придерживается за старый обычай, то всё-таки белоруса уже успели вывести на новую дорогу, с которой скоро мудро будет сбить его. В настоящее время хлопотливой заботливости улучшать свои жилища пособляют крестьянам, во-первых, лесные наделы, остававшиеся до сих пор в исключительном владении панов, во-вторых, недавнее право воспользоваться даром всем лесом из лесных просек, которые прорубили против шаек повстанцев. <...>²¹⁰

Такой характер местности сопровождает и Днепр, вышедший из болот Бельского уезда (Смоленской губернии) по Бельскому уезду, называемому Сибирью и за климат, и за негостеприимную почву, покрытую лесами и болотами; то же продолжается и в Поречском уезде, наполненном сверх того озерами, образующими обширную, почти непрерывную водяную сеть. Под болотами же в этих двух уездах 50 тысяч десятин с лишком. Эти обширные мокрые пространства прерываются только по течению рек (Межи, Каспли) с притоками, вдоль берегов которых тянутся узкие полосы обработанных полей и заселенных земель. Извилинами в крутых берегах белеет среди

²¹⁰ Дальнейший текст утрачен.

болот довольно преглубая²¹¹ река Молодой Туд и в селе Сквороде при Самаринской мельнице впадает в Волгу. Это — самая северная и дальняя река, на которую могли выселиться с юга белорусы навстречу великороссам подо Ржевом (до села Бобровки), изумляя всех честным, миролюбивым характером и гостеприимством с прибытком простодушия, породившего множество забавных рассказов (включительно до капитан-исправника Бабая, патриархальным способом мирившего ссорившихся).

Здесь и классическая дуда — кожаный круглый мешок с приставленной дудкой к отверстию, дуда, играющая не только тогда, когда дуют в нее и водят пальцами, но и когда перестанут; здесь и неуклюжая магерка из холста или шерстяная: валяный колпак домашнего приготовления; здесь и несменяемая свитка, и неизменное дзеканье, и буква *г*, твердая по-белорусски, и *в* вместо *л* (*гаварив, патсеряв*), и *а* вм. *о*, и *ён* вм. *он*, и *усе* вм. *все*, и т. д. Здесь и отсутствие всякого промышленного духа, столь свойственное земледельческому племени белорусов, и как раз вблизи коренного великорусского Ржева. Во Ржеве, ввиду индифферентизма белорусов, — приверженцы старого креста и книги; город промышленный и торговый, с канатными фабриками и знаменитыми заводскими красками (кармином и баканом). Здесь, ввиду постоянных торговых сношений с губерниями Смоленской и Курской для пеньки, с Петербургом и Москвой ради красок и с Ригой для заграничного вывоза хлеба и пеньки, — самое неудобное место для племенной уединенности и косности, самое благоприятное для народных сближений и смешения. В древней «Ржеве Володимировой» очутился граничный пункт еще в те далекие времена, когда усилилась Литва и город стал яблоком раздора, переходя из рук в руки и несколько раз оставаясь за Литвой. Невозможность в этом месте или отсутствие всякой племенной встречи, если предположить, что могло быть некогда единое стадо (лишь с разными пастырями), один народ — выходец из-за Карпат,

²¹¹ Глубокая.

определить теперь нет никакой возможности. Летописи, самые древние и первоначальные, сохранили лишь различия, как факт, несомненный в том отношении, что, в силу влияния почвы, климата, образа занятий и жизни и несходства политического устройства (вечевого и княжеского), оба родственных племени ко времени христианства обособились. На этом мы остановимся и постараемся определить свое настоящее место, т. е. самые северные границы Белоруссии.

С этим незначительным исключением увалы — водораздел Волги, Северной Двины, Днепра и Невы — составляют определенную этнографическую границу. К северу от них — финское племя, к югу (в Новгород и Тверь) — чисто славянское в двух особенных представительствах.

Подчиняясь прямому указанию естественных облегченных путей с юга на север, белорусы перебрались с Днепра на Двину. Следуя приемам, общим для всех народов мира, они, как слабое племя, поспешили занять верховья рек, чтобы освободить себя от всяких недобрых влияний народов сильнейших. Очутившись таким образом на истоках Двины и Днепра, белорусское племя свободно могло занять побережья притоков первой реки и по реке Меже и через коротенький переволок выбраться на р. Молодой Туд — приток Волги, бойко бегущий по почве, усеянной мелким булыжным камнем, и заставленный столь выгодными здесь водяными мельницами. Удалось ли белорусам выселиться на самую Волгу, как в этом столь удобном месте, так и на с.-з., где истоки обеих великих рек сближаются, или выселившимся не удалось потом отстоять самобытность под влиянием сильнейшего племени, или встречная ранее укрепившаяся здесь новгородская колонизация сдержала дальнейшее движение — вот вопросы, на которые мы не видим прямых и положительных ответов. Видим, однако, намеки и кое-какие следы.

В придзекивающем говоре не только всего ржевского населения, но и зубцовского, а отчасти и старицкого мы видим эти следы с некоторыми частностями в обрядах и

подробностях мирозерцания. Не сомневаемся, однако, и в том, что встречная новгородская колонизация, шедшая с Ильменя по Мсте на Тверцу, создавшая древние сильные, богатые и торговые пункты вроде Волочка и Торжка, не могла позволить развиваться самостоятельности слабейшего племени. Не могла она установиться на этом торговом пути, где столько благоприятных условий для объединения многих несхожих народностей, где в противодействие явилась вдобавок еще третья — из Суздальской земли, и потом четвертая на тот же пункт (Ржев) через Старицу, прямым и ближайшим путем другой Волок (Ламский) из Москвы. Тем не менее в стороне от этих торговых путей, в северо-западной части Ржевского уезда, белорусские племенные особенности успели уберечься до сего времени в неприкосновенности с малыми и немногочисленными изменениями и уступками.

Точно так же ввиду поразительного сближения истоков Зап. Двины, занятых белорусами, с истоками Волги едва ли возможно вполне отрицать участие этого народа в первоначальном оживлении этого края, по меньшей мере до города Кличева, названного при Дмитрие Донском Осташковом. При сыне Донского новгородцы его взяли и разорили; Алексей Михайлович принужден был учредить здесь пограничную таможенную и построить крепостцу, которую литовцы разорили. Если в городе этом в сторону и по дороге в Новгород выстроен был монастырь (женский) в честь покровительницы Новгорода иконы Знамения, то зато в то же время на выезде в сторону Смоленска, на месте, называвшемся Церковищем, построен был мужской монастырь — Смоленский. Конечно, эта двойственность народных симпатий в одном и том же городе также не могла удержаться на стороне слабейшей — и Осташков, как и Ржев, успел к нашему времени поразительно отличиться ото всех городов белорусского племени: в нем теперь несколько десятков кожевенных заводов, и вследствие того заграничная торговля <...>

Страна великих водоразделов, замкнутая с севера группою холмов, носящих несвойственное им прозвище Валдайских гор, и Алаунскою, или Волынскою,

возвышенностью, представляет нам в направлении трех остальных стран света три системы текучих вод, образующих обширнейшие речные области России. Одна из них, принявшая восточное направление, составляет первую по величине в целой Европе — область Волги (24840 кв. нем. миль²¹²), вторая в южном — область Днепра — третья по величине (10605 кв. миль) и третья в западном — Западная Двина (2090 кв. м), представляющая собой (среди 24 речных европейских областей, взятых для сравнения) одиннадцатую по степени и массе тех услуг человечеству, какие вообще предлагаются этими естественными путями народных сношений и сближений. Самые водоразделы, однако, — настолько некрупные возвышения почвы, что не могут быть отличены от равнин, а вся страна водоразделов является болотистою страной в 1500 кв. миль, с поразительным избытком наделенною наземными водами. Разъединяющей стены нет: возвышенности замечаются лишь при переезде чрез выдающиеся узлы гор и цепи холмов, и самая ничтожная возвышенность Вышний Волк сумела отделить обе такие крупные области, как Волжская и Днепровская. Если и в самом деле сила воды не смотрит на каменные и высокие горные препоны (вроде Амура в Хингане), то тем более неудивительно, если в одной равнине, по видимому, составляющей область одной большой реки, текут две большие реки, в противоположном друг ко другу направлении, и даже соединяются посредством рукава. Так в данном случае и на данном месте случилось с системами Волги и Невы²¹³ и системами Невы и Днепра. Черта, отделяющая водоем Волги от Двины, приходится только в 9 верстах от водораздельной черты, отделяющей Волжский бассейн от Невского, и притом так, что между

²¹² Немецкая (географическая) миля = 7420 м.

²¹³ 1/2 версты от села Свапуца (25 верст от г. Осташкова) лежит глубокое Чайячье озерко, из которого вода идет двумя потоками: первый впадает в Селигер, другой, обратясь в противную сторону верстах в десяти от истока, вливается в Щебереху, а эта в Полу, текущую в Ильмень (Примеч. С.В. Максимова).

озером Двинец, из которого выходит Двина, залегло довольно большое озерко (Орлино) со стоком (р. Орлинкой) к Волге. Точно таким же образом, как Волга пробилась в каменистом грунте, разбивши его в крупные и мелкие камни с суглинистой подпочвою, — Зап. Двина и Днепр, подчиняясь тому же геогностическому свойству почвы, пробили свои долины в более мягком грунте (известковом). Около истоков Двины из озера Охват — Жаденье слой известкового камня имеет почти от 4 до 5 сажен толщины. Берег и русло Днепра обнаруживают тот же известняк. Конечно, в том и другом случае не обошлось также без влияния впадающих притоков, и именно тех, которые близко вливаются с значительною энергиею, и совокупности соединения мелких ручьев и речек. Данные долин объяснили направление рек; они же выводят из тех затруднений, которые порождаются многократно извивающимися речными линиями, когда нельзя определить, какое направление следует принять за главное.

Для нас в данном случае важно то обстоятельство, что, попадая на верховья Зап. Двины и Днепра, мы очутились непосредственно на почве и земле, бесспорно принадлежащих белорусскому племени. Здесь естественная граница обоих соседних племен, и здесь те же естественные причины их разделили.

На реке. XIX в.

Плоский характер водораздельных возвышений, как бы спускающихся уступами, послужил причиною скопления всяких вод (озер, рек, речек, болот) на значительных пространствах. Этим водным обилием объясняется то, что все большие реки, получающие здесь начало (Двина, Днепр, Волга, Мста), становятся судоходными не в далеком расстоянии от истоков. Перерезывая собою равнины в многообразных направлениях, воды эти (особенно большие озера и болота) затрудняют сообщения между жителями сухим путем в осеннее и весеннее время, да и в летнее до наших дней сообщение это обеспечивается лишь первобытными способами при помощи плохих плотов или двух сплоченных комья, т. е. двух связанных между собою бревен. Зима, умеющая мостить мосты, не позволила произойти полному разъединению соседей, но и не сумела помочь надлежащей ассимиляции их (о чем имеются доказательства и в истории). Болота, питающие истоки рек, значительно воспрепятствовали впоследствии объединению народностей еще более тем, что образовались из озер и до сих пор еще очень глубоки. Многие из этих мшистых болот до настоящего времени — не что иное, как скрытые озера, затянутые тонким слоем мха и различных водяных растений: добраться длинными шестами до дна их — нет никакой возможности. В особенности это характерно на юге, на границах Белоруссии. В силу этих причин многие селения весной и осенью разобщаются с проезжими дорогами, преграждаемыми непролазными болотами, быстрыми ручейками и топкими пустотами. Самые селения с пашнями уцепились лишь на возвышенных местах редкими жильями: в низких, мокрых местах всегда глаз едущего встречает лишь смешанный дровяной лес: мелкий березняк, ельник, ольшаник и вересковые кустарники, на болотах или мхах редкий сосновый кустарник да те среди болот лужи, которые носят характерное название окон, — в сущности, бездонные пропасти. Мокрые места бывают проходимы только в сухое время. Прямые сообщения между деревнями весьма затруднены: чтобы попасть в деревню, отстоящую от соседней напрямиком на 5 верст, надо делать объезд в 15 и более верст.

Озера не замерзают даже зимою, каково, напр., Бездонное, лежащее среди неприступных болот. Мох Стаховский по реке Кремянке имеет длины 12 верст; Свитские мхи на с.-в. от деревни Свиты — около 25 квадратных верст, оба непроходимы летом и т. под. Прибавим к этому и то немаловажное явление, что реки, направившиеся в белорусскую сторону, имеют быстрыны и течение стремительное, которое не только весьма затрудняет сношения, но и делает вовсе не возможным для плоскодонных барок обратный путь. Зато Волга с весьма тихим и равномерным течением обеспечила с древнейших времен сношения, выродившие богатый и торговый Осташков до Ржева, Зубцова и Торжка включительно, и открыла свободный путь для колонизационных разливов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Портрет С.В. Максимова (1831–1901).
Фотография второй половины XIX в.

М. И. Щербакова
С. В. МАКСИМОВ И ЕГО КНИГИ

Имя известного писателя-этнографа Сергея Васильевича Максимова (1831–1901) было вытеснено из нашей литературной памяти вскоре после его смерти. Молчание о писателе длилось семьдесят лет. Только в 1980-е гг., в связи с юбилейной датой — 150-летием со дня рождения, — книги С. В. Максимова начали переиздаваться¹; появились первые работы о его жизни и творчестве, адресованные широкому кругу читателей².

Творчество С. В. Максимова укладывается в границы второй половины XIX в.: от 1850 г., когда он стал студентом Московского университета и сблизился с «молодой редакцией» журнала «Москвитянин», до 1901-го — года смерти. Своеобразие живого творческого темперамента помогло писателю стать энергичным участником и очевидцем всех наиболее значительных событий общественной жизни страны, неизменно дававших импульс его собирательской и исследовательской работе: будь то

¹ Избранное. М., 1981 (сост., вступ. ст. и примеч. С. Н. Плеханова); Куль хлеба и его похождения. М., 1982 (предисл. Т. Мальцева, подгот. текста и примеч. С. Н. Плеханова); Год на Севере. Архангельск, 1984 (вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. Н. Плеханова); Литературные путешествия. М., 1986 (сост., вступ. ст. и комм. Ю. В. Лебедева); Избранные произведения. Т. 1–2. М., 1987 (вступ. ст., подгот. текста и комм. Ю. В. Лебедева); Куль хлеба. Рассказы и очерки. Л., 1987 (сост., вступ. ст. и примеч. А. Н. Мартыновой); Крылатые слова. Красноярск, 1989 (вступ. ст. В. П. Астафьева, примеч. Н. С. Ашукина); Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989 (предисл. Т. Жариковой).

² Плеханов С. Н. Странник // Наш современник. 1981. № 10; Лебедев Ю. В. С. В. Максимов и Н. А. Некрасов // Русская литература. 1982. № 2; Гуминский В. М. Судьба писателя — слово народное // Литературная учеба. 1982. № 5; Плеханов С. Н. Охота за словом. М., 1987; Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М., 1987; Мартынова А. Н. Бытописатель земли русской. М., 1987; Лебедев Ю. В. В середине века. М., 1988; Лоциц Ю. М. Слушание земли. М., 1988.

запись народных песен, обследование амурских земель и каторжных рудников, моленных домов старообрядцев и жилищ инородцев, изучение условий чайной торговли и жизни сектантских общин, подготовка книг для народного чтения в Соляном Городке или участие в работе Географического общества и Литературного фонда.

Круг современников С. В. Максимова, питавших к нему чувство творческой близости, единомыслия, наконец, дружеской привязанности, чрезвычайно широк и представлен именами А. Н. Островского, И. С. Тургенева, И. И. Панаева, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Д. И. Завалишина, Н. И. Костомарова, А. Н. Пыпина, А. К. Толстого, Н. С. Лескова, П. И. Якушкина, И. Ф. Горбунова, А. А. Потекина, М. И. Писарева, А. А. Бахрушина, А. В. Старчевского, А. Ф. Кони, М. М. Стасюлевича, Д. Е. Кожанчикова и многих других.

Начало литературно-этнографической деятельности Максимова совпало с периодом, когда, с одной стороны, реалистической литературе становились тесны рамки «дагерротипности», а с другой — этнография все дальше уходила от романтических созерцаний, предпочитая им научные исследования. Оба эти процесса влияли на формирование бытописательной прозы молодого автора.

Этнографическое направление творчества Максимова определилось сразу и во многом было подсказано впечатлениями экспедиций и командировок по всей России, в которых писатель провел четырнадцать лет, с 1855 по 1868 г. Его бытописательная проза в полной мере отвечала актуальным потребностям времени в научном и художественном исследовании современной жизни и исторического опыта страны.

Тематический диапазон бытописательной прозы Максимова широк и разнообразен. Писатель посвящал свои книги тем пластам русской культуры, которые уже при нем исчезали из национальной исторической памяти: изображал народный быт центральных губерний, как городской, так и сельский, подробно писал о промыслах и ремеслах российских окраин, изучал уклад старообрядцев во

всех основных местах их расселения, народные верования, приметы и суеверия, создал эпопею сибирской каторги, подробную классификацию русского странничества и нищенства. Художественно-документальной прозе Максимова присущи обилие материалов современной жизни разных слоев простонародья, этнографические зарисовки, ретроспективный взгляд в глубину отечественной культуры.

Творческий метод Максимова проявился в справочно-энциклопедическом характере его книг — наглядном результате активной работы собирателя-этнографа. Писатель создал уникальный в своем роде образец бытописательной прозы, как он ее понимал: насыщенной фактами, беллетризованной и вполне сохранившей роскошь неизуродованной русской речи.

Верность художественным принципам бытописательной прозы сказалась и в мемуаристике Максимова, подробно воссоздавшей культурно-историческую и бытовую атмосферу эпохи. Писатель реальности, человек опыта, Максимов хорошо представлял ценность «мелочей» для исследования и верного понимания отечественной истории. На этом построены его мемуарные очерки — единственные в своем роде — о Л. А. Мее, П. И. Якушкине, Д. И. Завалишине, И. Ф. Горбунове, А. Н. Островском, литературной экспедиции.

Книги Максимова — явление литературы. Можно согласиться и с тем, что они принадлежат науке. Но науке, о которой писал И. А. Ильин как о «творческой свободе в исследовании»: «Русский ученый по всему складу своему призван быть не ремесленником и не бухгалтером явлений, а художником в исследовании, ответственным импровизатором, свободным пионером познания. Отнюдь не впадая в комическую претенциозность или в дилетантскую развязность самоучек, русский ученый должен встать на свои ноги. Его наука должна стать наукой творческого созерцания — не в отмену логике, а в наполнение ее живую предметностью; не в попрание факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними»³.

³ Ильин И. А. Собр. соч. В 10-ти т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 430.

Популярность Максимова при жизни была прочной и стабильной. Алфавитный указатель статей, вошедших в 1908–1914 гг. в 20-томное собрание сочинений Максимова, насчитывает 552 названия; но и это далеко не все литературное наследие писателя. В отечественной периодике — 37 журналах и газетах — вышло 342 его публикации, в русских издательствах — 84 отдельных издания и переиздания книг, в том числе: «Год на Севере», «Лесная глушь», «На Востоке», «Край крещеного света», «Сибирь и каторга», «Куль хлеба и его похождения», «Бродячая Русь Христа-ради», «Крылатые слова», «Нечистая сила».

Становление Максимова как писателя пришлось на 1850-е — 1860-е гг. — период большой популярности этнографической беллетристики и спроса на нее. «В литературе этнографическая беллетристика заняла такое место, какого еще не занимала никогда», — писал в 1864 г. журнал «Современник»⁴. Всеобщий интерес к изучению народного быта и национальной культуры был обусловлен ходом общественно-социального и историко-литературного процесса: развитием литературы, этнографической науки и общегосударственными преобразованиями, обеспечившими благоприятные условия для серьезной работы.

Ключевую роль в процессе активного развития этнографической науки сыграло основанное в 1846 г. Императорское Русское географическое общество, быстро завоевавшее авторитет серьезного предприятия и привлекавшее к осуществлению своих программ наиболее талантливых современников. В 1850-е гг. этнографическими исследованиями занялись также Академия наук и Общество истории и древностей при Московском университете.

Сам способ собирания этнографических материалов и работа с ними претерпели коренные изменения. Характерным явлением стали организованные научные

⁴ Современник. 1864. № 9. С. 64.

экспедиции в рамках разработанных академических программ. Центральные научные общества начали координировать усилия отдельных исследователей-энтузиастов и создавать отечественную школу научно подготовленных специалистов.

В трудах этнографического отделения Императорского Русского географического общества принимали участие Н. И. Надеждин, К. М. Бэр, И. И. Срезневский, К. Д. Кавелин, Н. В. Калачов, А. Н. Афанасьев, В. В. Стасов, А. Ф. Гильфердинг.

В этнографическом изучении русского народа обозначились два важнейших направления: собирание материалов народной поэзии и народного быта и их научное объяснение. «Эти труды, — писал А. Н. Пыпин, — вознаграждены были богатыми результатами, совершенно изменившими вид русской этнографии, открывавшими неподозреваемое обилие народной поэзии»⁵.

Для писателей, определивших на стезе этнографической прозы, изучение народного быта выросло в дело и смысл их жизни. Одним из первых таких примеров в истории русской этнографической литературы была деятельность Максимова.

Работа Максимова с материалами и источниками будущих книг дает представление о секретах творческого процесса писателя и художественном своеобразии его литературного наследия. Проза Максимова органично включает в себя живые впечатления шести этнографических экспедиций автора по всему пространству Российской империи; разнообразные письменные источники из архивов в виде юридических и политических актов, указов, реестров, деловой переписки; материалы научных публикаций по вопросам истории, этнографии, географии, экономики, медицины, биологии, социологии и др. — в зависимости от темы книги. При всем их обилии характеристика творчества Максимова была бы неполной вне литературного контекста эпохи, который высказывался в дружеских отношениях и знакомствах,

⁵ Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 2. С. 61.

творческой близости и сотрудничестве, общности взглядов и направления творчества, наконец, цитировании, заимствовании материалов, обмене творческими импульсами с современниками.

Тематический диапазон бытописательной прозы Максимова широк и разнообразен. Писатель одним из первых обратился в своем творчестве к изучению и изображению русской провинциальной жизни, значительно предугадав интерес к теме, возникший в литературе и общественной жизни России в 1870-е гг. в связи с развитием земства. На страницах книг Максимова — картины народного быта, семейного уклада, промыслов и ремесел, экономических и культурно-исторических отношений различных групп населения всего государства.

Особая заслуга Максимова — в создании эпических по охвату материала картин народной жизни, тех ее сторон, которые традиционно оставались в тени: нищенство, странничество, каторга, старообрядчество и религиозные секты, «инородцы» пограничных территорий России. Ярлык писателя-этнографа, ставший неременным сопровождением имени Максимова, умалил роль его неподражаемого таланта в истории русской культуры и отвел ему место в пресловутом «втором ряду» литературы.

Между тем, сообщая о смерти Максимова, газета «Новое время» поместила в некрологе такие строчки: «Он не был ученым-этнографом. Он не измерял черепа, не определял обхватов груди и длины оконечностей. Но то, что он мерил, и то, чего нельзя смерить никаким другим прибором, кроме человеческой чуткости и таланта, была душа народная, народная психология, народное мировоззрение»⁶.

Родился и вырос Максимов в посаде Парфентьев Кологривского уезда Костромской губернии. Посад располагался на почтовом тракте Галич — Кологрив, на берегу реки Неи. 7 (19) октября 1831 г., когда родился будущий писатель-этнограф, его отец, мелкопоместный

⁶ Новое время. 1901. № 9668. 4 июля.

дворянин Василий Никитич Максимов, служил почтмейстером в Парфентьеве.

Воспоминания о «костромских палестинах» легли в основу первых очерков Максимова, опубликованных в журнале «Библиотека для чтения» в 1854 и 1855 гг. «Крестьянские посиделки в Костромской губернии», «Извозчики», «Швецы» являются в литературном наследии писателя самым ранним примером творческой обработки живого материала современности, создания художественного текста на основе реальных исторических событий и фактов.

Место действия очерков реально — «углы»; те самые «углы», которые призывала тщательно исследовать «натуральная школа»; правда, «углы» не петербургские, но дальней провинции, «глухие углы одного из самых глухих уездов»⁷, деревни «при колодцах», «при пруде» или «при речке», в пять–семь дворов, неотъемлемая часть русской жизни: село Вожерово на берегу речки Лавровки, Бушнево, Безино, свидетель «неключимых бед и напастей от пожаров» Починок (14, 297), деревни Демино, Соснино, Лошково...

Географическая достоверность не противоречит художественности пейзажа. Природа родных мест неизменно восхищала Максимова: «Подъезжая к Парфентьеву, оглянитесь: много ли таких картинных местностей на Руси Святой?.. По горам стоят густые сухие леса, так называемые боры, кое-где перерезанные пустырями, означающими присутствие пашен, лугов и селений; пять сел кажут через лесные гребни золотые кресты и белые каменные здания: вот прямо Успенье Нейское, левее Дмитрий-Потрусово, Ефремье, Веденье и Никола-Ширь. Последний справедливо, с поразительно поэтической правдою рисует свое место — действительно непроглядную ширь, действительно одну из красивейших, очаровательных местностей, перед которою может уступить даже и парфентьевская» (14, 298).

⁷ Здесь и далее тексты С. В. Максимова цитируются по изданию: Максимов С. В. Собрание сочинений в 20-ти т. СПб., 1908–1914 — с указанием тома и страницы.

Летом 1897 г. Максимов в последний раз побывал в «милых и дорогих сердцу местах» своей родины — «очень красивых, но очень глухих, а главное — весьма отдаленных»⁸, дышал воздухом, пропитанным смолистым ароматом окрестных сосновых лесов, — целительным для его больных легких.

«Живя в среде родных воспоминаниями давно мелькнувшего детства и юности, не забываю и тех добрых и радушных знакомых и приятелей, которые лаской и приязнью подслащали горькие годы невеселой старости, — писал Максимов А. А. Бахрушину, — любовался на то святое мне место, где я родился, и, очарованный красотами местоположения, старался забыть невеселое настоящее»⁹.

Это была последняя встреча писателя с родиной, которой он посвятил самые сердечные страницы своих книг.

Эпоха «сороковых годов», манившая провинциальных юношей из патриархальных родительских домов в Москву и Петербург на поиск службы и фортуны, привела Максимова в Московский университет. В Москве Максиму-студенту суждено было провести только два года: с 1850 по 1852-й. Но именно Москва дала энергию всей жизни писателя. «Я здесь как гусь в воде, даже не принимая в расчет ни поповки, ни листовки, ни квасок Сундучного ряда», — писал Максимов из Москвы 30 мая 1880 г. В. О. Михневичу, приглашая в город своей молодости¹⁰.

С переездом в Петербург, где он прожил полвека, Максимов не утратил эту московскую закваску: «Здесь я чужой и как будто даже эксцентрик». Не случайно в одном из путешествий, выбрав для успешного сбора

⁸ Государственный центральный Театральный музей им. А. А. Бахрушина. (Далее — ГЦТМ). Ф. I. Оп. I. Ед. хр. 1660.

⁹ Там же.

¹⁰ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (СПб.). Отдел рукописей. (Далее ОР ИРЛИ). Ф. 183. Арх. Михневича В. О. Оп. I. № 221. Л. 6.

этнографического материала обличье питерского купца, писатель так и не сумел провести старика-крестьянина Яранского уезда:

— Да что хошь, а человек ты не питерский.

— Почему же тебе так кажется?

— Да не стал бы так толковать с нами долго. Ты либо из Москвы, либо откуда поближе (11, 56).

«Молодая редакция» «Москвитянина» (или «кружок Островского»), Малый театр, Московский университет во многом способствовали определению таланта Максимова, началу его целенаправленного развития. Обо всем этом, о дорогих именах, о незабываемом московском периоде своей жизни Максимов напишет в 1897 г. в «личных благодарных воспоминаниях», обширном мемуарном очерке «Александр Николаевич Островский (По моим воспоминаниям)».

Мемуаристика и бытописательная проза Максимова насыщены не столько фактическими материалами московских лет, сколько «закваской» и духом Первопрестольной.

Идея, тесно сближавшая членов «кружка Островского», объединяла служение изящному, интерес к отечественной истории, быту и народной экономической жизни, языку, русской песне. Не абстракция размышлений о народе, а живая натура коренного русского человека оказалась предметом самого серьезного изучения и художественного изображения. Пора теоретических споров, приведших к распаду «молодой редакции», еще не наступила. Удаливость купеческой Москвы, застолья по законам старины и молодецкие загулы, цыганщина, балагурство, народный костюм не перерастали в порочную распущенность, экзальтацию и маскарад. Молодые художественные силы Москвы, собравшиеся в «кружке Островского», «подошли друг другу под лад и под статью»¹¹.

Максимов сблизился не только с главными фигурами «молодой редакции»: А. Н. Островским, А. А. Григорьевым, А. Ф. Писемским, Е. Н. Эдельсоном,

¹¹ Русская мысль. 1897. Кн. 3. С. 62.

Б. Н. Алмазовым; завязались дружеские отношения с Л. А. Меем, Г. П. Данилевским, Е. Э. Дриянским, П. И. Мельниковым (Андреем Печерским), И. Т. Кокоревым, П. И. Якушкиным, М. А. Стаховичем. Участие в товарищеских сходках в московских домах принимали Т. И. Филиппов, артисты Малого театра П. М. Садовский, С. В. Васильев, П. А. Максин, И. Е. Турчанинов, певцы оперной труппы Большого театра А. О. Бантышев и Е. И. Климовский, композитор О. И. Дютш, музыкант А. И. Дюбюк, пианист и впоследствии известный музыкальный деятель Н. Г. Рубинштейн, художник П. М. Боклевский, скульптор академик Н. А. Рамазанов.

А. Н. Островский оставался незаменимым ядром кружка, рядом с которым естественным казалось присутствие и профессора Московского университета Н. И. Крылова, и зоолога Н. А. Северцова, чиновника и переводчика Н. И. Шаповалова, землемера Н. Н. Ягужинского, купца И. И. Шанина, сапожного мастера С. А. Волкова. Спустя много лет, в 1880 г., память дружбы привела Максимова в деревню Сухую, расположенную в семи верстах от Кимр вниз по Волге, к Сергею Арсеньевичу Волкову; «в молодости шил он на всю “молодую редакцию” “Москвитянина” фасонистые и крепкие сапоги»¹². М. П. Лихарева, дочь П. М. Боклевского и племянница по материнской линии Константина Мальцева, познакомившего студентов с Островским, так записала свои детские впечатления: «В это время я видела у нас кружок лиц, составлявших, как узнала впоследствии, знаменитую “молодую редакцию Москвитянина”... Помню ясно фигуру А. Н. Островского, как он сидит у окна на кресле и свет скользит по его грузной, рыхлой фигуре, улыбающемуся лицу и светлым, чуть рыжеватым волосам. Помню Писемского, сильного brunета. Он казался мне озабоченным и каким-то всклокоченным, особенно брови. Помню Алексея Потехина. Они читали у нас свои произведения... Помню я скульптора Рамазанова — небольшой, довольно плотный

¹² Русская мысль. 1897. Кн. 3. С. 65.

оживленный румяный человек... Я слышала часто имя университетского товарища отца Аполлона Григорьева. Отец был очень дружен с ним, но все о чем-то жалел, говоря о нем. По-видимому, он часто сильно пил. Отец горячо отзывался о его статьях и восхищался, как быстро, сразу набело, без помарок и в то же время блестяще писал он их... Отец мой вообще любил музыку, особенно русские песни... с восхищением говорил о знаменитом тогда певце русских песен Третье Ивановиче Филиппове, впоследствии государственном контролере, большой персоне. Он бывал у нас и пел... Часто видела я у нас Ивана Федоровича Горбунова, входившего тогда в славу своими талантливыми рассказами. Отец впоследствии говорил, что это «мы, общество редакции Молодого Москвитянина, создали из Ванички Горбунова, молодого еще, но даровитого рассказчика, знаменитого артиста своими поощрениями, а иногда и советами»... Все это общество часто бывало у нас»¹³.

Русские песни действительно пользовались в кружке Островского особым почетом. Virtuозов игры на инструментах, исполнителей, умевших голосом разбередить душу, разыскивали повсюду, не гнушаясь трактиров и постоянных дворов. Заветными местами в Москве, где в начале 50-х гг. прошлого века самый взыскательный ценитель русской песни мог услышать превосходных певцов, были московский трактир Гурина, Литературная кофейня Печкина, погребок Зайцева. Неудивительно, что своими людьми в разночинном кружке Островского оказывались гитарист Никола Рыжий, Алексей с торбаном, цыган Антон Сергеевич, приказчик-ярославец, обладатель серебряного — высокого звучного чистого тенора Михайло Ефремыч Соболев. Но никто не мог соперничать с Третье Ивановичем Филипповым, которому еще не было и тридцати, и высокая должность государственного контролера не обременяла заботами и степенством. Рассказывают, что однажды после исполнения

¹³ Российский гос. архив литературы и искусства (Москва). Ф. 939. Арх. Боклевского П. М. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 32–34.

Филипповым русской песни Аполлон Григорьев упал перед ним на колени.

«Наши кабаки — эти народные клубы, откуда, по пословице, идет весь мирской толк и разум, — одно из важных и живых подспорий для исследователя, — сформулировал свои наблюдения Максимов в очерке «Нижегородская ярмарка». — Здесь русский простой человек распоясывается, чрез искусственное возбуждение делается крайне откровенным и разговорчивым. Сюда он несет и заветную вещь, и заветную мысль. Не боясь внутреннего себя, он решает здесь легко и скоро то, что не решить ему нигде в другом месте. Пусть исследователь смело, с полною верою в себя и в свое дело, идет в кабак... тут видится жизнь без подготовки, без хитрости, вся нараспашку; тут слышатся песни... в которых высказывается и бойко прыщет весь юмористический склад хитрого русского ума, вся его затаенная мысль, которая подчас дышит бешеной веселостью и всегда жаждет свободы, простора и воли. За дверями кабака русский человек таких песен не поет, как не высказывает всего себя с душой на ладони, с сердцем за поясом, говоря словами его же поговорки» (11, 58).

Сам трактир, его убранство, неизменные атрибуты и устоявшийся этикет, иными словами — «обстановка любого московского трактира», — тоже запечатлены пером этнографа: «Те же маленькие столики с вечно мокрыми и сомнительной чистоты скатертями, накрываемые маленькой салфеткой; те же полоскательные чашки на столах; тот же песок на полу и морс на среднем большом столе, всегда готовый к услугам даром и без платежа пошрины; те же заветные парочки и вечный кувшинчик сливок; та же даровая закуска к водке, состоящая из куска ветчины или соленой рыбы с двумя огурцами, и, наконец, те же половые в белых рубашках, с полотенцем на одном плече, — бойкие ребята-ярославцы, охотники прислушаться к вашему разговору и, по мере средств и возможности, вмешаться в него, надеясь вполне, что их не оставят без внимания» (13, 292).

Москва как источник наблюдений, неизменный и неиссякаемый, дала Максиму материал для описания

половых — безусловных «художников» и мастеров своего ремесла: «Подойдя к столу, он разложил салфетку, оправил ее, бессознательно повернул полоскательную чашку, вытер, поставил ее на салфетку и вопросительно перебежал взглядом с одного гостя на другого... не проходит пяти минут, половой уже мчится на всех парусах, растопырив руки и живо передергивая плечами. В одной из рук мотается приподнятый выше головы поднос с чашками и двумя чайниками, которые, Бог весть каким чудом, не падают на пол и, кажется, только чисто акробатической ловкости служителя обязаны этим спасением. Половой не поставил, а ловко бросил поднос на стол, причем посуда страшно зазвенела, но, к удивлению, осталась цела. Он отскочил и опять дал знать о своем присутствии подле стола, метко бросив серебряную ложечку прямо в чайную чашку, причем ложечка жалобно завизжала и раза три перевернулась с боку на бок. Половой опять отошел на свое место...» (13, 293–294). «Натурные» описания трактира неполны без фигур посетителей, чаще всего купцов, у которых свой, строго расписанный этикет поведения, поскольку в трактирах за чаем заключались торговые сделки.

Доминанта Москвы навсегда утвердилась в творчестве Максимова. Он, как и Островский, по верному наблюдению И. А. Гончарова, «исписал» всю московскую жизнь: не города Москвы, а московского, великороссийского государства, в котором еще сохранялся тип русского человека — с русским складом ума и сердца. «Русь настоящая, та Русь, до которой не коснулась немецкая бритва, на которую не надели французского кафтана, не окормили еще английским столом» (11, 67), стала немаловажным критерием оценок и отзывов писателя в последующие годы.

Переезд в Петербург ознаменовал качественно новый этап жизни и творческого роста Максимова. Петербург контрастно оттенил костромские и московские впечатления, и в этом столкновении противоположностей родилась внутренняя художественная энергия творчества писателя.

В петербургской жизни для Максимова было мало привлекательного, еще меньше в этой жизни способствовало его работе и совпадало с теми целями творческого труда, которые все с большей отчетливостью определялись. «Я не понимаю Петербурга, дурно образованного, скверно знающего Россию, но при этом хвастливого, нахального до проведения в дальнюю даль, и не люблю его до того, что, если бы предоставилась возможность жить подальше, я бы с озлоблением ухватился за эту мысль. Метаться из угла в угол и суету эту принимать за жизнь я не в силах, а бесплодно изнывать в призраках и надеждах — пора отошла; да и дело мое совсем другое, диаметрально противоположное», — писал Максимов летом 1862 г.¹⁴

Неприятие европеизированного города отнюдь не исключало его этнографического изучения. Серьезный исследователь был не вправе отворачиваться от жизни города и тех перемен, которые в ней происходили. В сущности, о переменах можно говорить начиная с 1860-х гг., а о симптомах их появления — с 1840-х гг. Таким образом, Максимов оказался живым свидетелем преобразования русских городов, не только обеих столиц, но также уездных и губернских.

К 1897 г. в России было 945 городов, не считая местечек, которые также носили городской характер и число которых превышало 1600. Едва ли возможно перечислить все большие и малые города, в которых за полвека своей литературно-этнографической деятельности побывал Максимов. Ярославль, Рыбинск, Углич, Кимры, Тверь, Калязин, Торжок, Ржев, Владимир, Нижний Новгород, Вязники, Астрахань, Чебоксары, Казань, Козьмодемьянск, Пермь, Кунгур, Оханск, Екатеринбург, Тобольск, Томск, Ишим, Ялуторовск, Омск, Иркутск... — это лишь некоторые, о которых он писал.

Новыми источниками творчества Максимова становятся городская низовая культура, типы городского народонаселения и уклад жизни русского города второй

¹⁴ Щукинский сборник. М., 1912. Вып. X. С. 435.

половины XIX в. На основе этих материалов были созданы очерки писателя 1850-х гг. «Маляр», «Сергач», «Дружка», «Сысоев. Современный случай», «Питерщик. Похождение Кулачка». Максимов оставил исчерпывающую классификацию сословных групп русского города и определил роль каждой из них в развитии национальной культуры. Как этнографу писателю важно было прояснить, насколько сохранилась или, наоборот, ослабела связь этих социальных групп с традициями национальной жизни.

Последствия урбанизации, сказавшиеся в городских сословиях, — не только экономические, но и нравственные, духовные. Город обезличивал национальное жизнеустройство, воззрения и правила русского общества, частный домашний быт. При этом процесс урбанизации писатель справедливо считал сложным, многоэтапным и многоплановым. Важнейшие ипостаси жизни человека — труд и досуг — в условиях городской среды изменялись качественно. Эта черта времени нашла отражение в работах Максимова. Писателем представлен полный спектр неземледельческих отхожих промыслов, развитие которых в аграрной России протекало в общих чертах одинаково: сначала относительно слабое развитие по причине их невостребованности в деревне, а затем высокий спрос на них в молодом растущем капиталистическом городе. На страницах книг Максимова читатель встречает извозчиков, портных, сапожников, столяров, плотников, кузнецов, обойщиков, печников, шапошников, шляпников, садовников, огородников, медников, штукатуров, каменщиков, скорняков, стекольщиков, полотеров, маляров, колбасников, сидельцев и пр.

Ремесленный город создавал новый тип простолюдина: «Из Питера приходят всегда переделанные, с формом, с похвальбой, хвастуны и охолоделые» (13, 171). Городская среда породила свою этику и эстетику, культуру, имевшую влияние на все сословные группы. Предметом этнографических наблюдений Максимова становятся язык, костюм, домашний быт, семейные отношения в среде городского люда — все то, в чем особенно

наглядна гордость «завидным преимуществом столичного человека, и притом грамотного» (14, 193).

Максимов с интересом наблюдал городские развлечения и увеселения. В них особенно ярко отразились последствия урбанизации. «В нашем обществе развито стремление к общественности, ко взаимному сближению», — писал он, подразумевая характерную черту всех сословий русского государства. Однако в условиях города «общество еще до сих пор не придумало положительных средств к своему развлечению... Существующие средства несостоятельны и в большей части дышат тою же скукою, которая их породила» (11, 65). «Карты — лучшее пока развлечение, получившее у нас право гражданства, развлечение, дальше которого не шло современное человечество» (11, 65); на втором месте в образованных городских сословиях в числе развлечений оказывается чтение газет, беллетристических статей; далее следуют театральные представления, больше напоминающие «не театральные, а балаганные представления» (11, 66); наконец, балы, которые ясно свидетельствуют «о замечательной несостоятельности, как будто даже племенной неподготовке нашей веселиться общественно» (11, 66). Увеселения в городе неизменно являлись для Максимова-этнографа контрастным материалом к картинам народных праздничных гуляний, пирушек, вечеринок, девичников и мальчишников, посиделок, супрядок, игр, плясок, хороводов и множества других народных забав.

Видимым и скорым результатом переезда Максимова в Петербург стал его успешный литературный дебют в январе 1854 г. на страницах журнала «Библиотека для чтения» и, как следствие, представившаяся возможность совершить свое первое путешествие по России.

Начался четырнадцатилетний период экспедиций Максимова по России. Вряд ли существовало не испытанное им средство передвижения. «Плавал на карбасах и на шкунах, ездил на почтовых парах и тройках в телегах, ездил на оленях, на лошадях верхом и, наконец,

ходил пешком» (11, 42). Добавим еще пароходы, паровозы, корветы, шлюпы, лодки. В преклонном возрасте писатель с полным правом подписывался: «Усталый путник, старый бродяга С. Максимов»¹⁵.

«Странствовал долго, забирался далеко, видел многое и написал много», — оценил сам писатель свое сорокапятилетнее служение отечественной литературе.

Первое путешествие — по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям — Максимов совершил летом 1855 г., «когда повеяло новым духом и предчувствовался запрос на людей, знакомых с народом, которому приготавливалась великая реформа освобождения»¹⁶. По примеру П. И. Якушкина Максимов выбрал подходящий для успешного сбора материала костюм — представился семинаристом, отыскивающим место учителя. Программа экспедиции заключалась в следующем: во-первых, по заданию А. В. Старчевского написать энциклопедическую статью о В. И. Дале и с этой целью встретиться с ним в Нижнем Новгороде; во-вторых, на Нижегородской ярмарке изучить условия книжной торговли; в связи с этим Максимов планировал ближе познакомиться с офенями-книгоношами в их родных местах Владимирской губернии. О первых неделях этого путешествия, встречах с офенями, своих наблюдениях и собранных материалах, о неожиданном подозрении со стороны офеней и вынужденном отъезде Максимов написал в книге «На Востоке».

О трудностях первых опытов полевой работы этнографа писатель вспоминал: «Позади — ничтожная практика, сложившаяся из цепи случайностей, когда смотрелось на дело с точки зрения фланера, дилетанта и никак не работника, обязанного известным делом и непреложным обетом. Впереди — темное дело с темным успехом, даже с вероятностью неудачного исхода, тем более что опять-таки позади ни одного примера, никакой школы и поучения» (11, 5). Записи делались и сведения

¹⁵ ГЦТМ. Ф. I. Ед. хр. 4986.

¹⁶ Якушкин П. И. Собр. соч. СПб., 1884. С. III.

собирались не по обдуманому плану, а наугад, «как они доставались и сообщались случайно: дело неопытное, дело новое!» (11, 20–21). Отсутствие разработанных приемов сбора этнографических материалов — методики, говоря языком современной науки, — поставило Максимова перед необходимостью изобретать их самому. Помогли общительность молодого литератора и его артистизм, бойкий язык и чувство народного юмора, интуиция этнографа и художественная одаренность. Более тысячи офенских слов и их значений записал Максимов, найдя подход к офене-хозяйчику. Завязавшиеся с ним приятельские отношения позволили ближе сойтись и с другими жителями села.

Офенские материалы первого путешествия Максимова положили начало его дальнейшей работе над этой темой. Через несколько месяцев писатель наблюдал офеней на Нижегородской ярмарке, позже — в Москве на Ильинке, на Никольской, путешествуя по Архангельской губернии — в Кеми и Мезени, а также в губерниях Пензенской, Тверской, Костромской, Вятской, замечал их в Сибири, на Кавказе и в Западном крае.

В Вятской губернии, куда поехал Максимов после офеней, его ждал иной материал: инородцы, их история, культура, традиции, обычаи, промыслы, семейно-бытовые отношения. В очерке «Вотяки», напечатанном в ноябрьской книжке журнала «Библиотека для чтения», сохранилось описание той «черновой работы» этнографа, которая заслуживает самого пристального внимания и детального описания. Максимов стал одним из первых, чей практический опыт полевых экспедиций заложил основу будущей методики сбора этнографического материала. В литературном наследии писателя обнаруживаются свидетельства того, как постепенно, порою слишком медленно, приобретались навыки собирательской работы, опыт общения с людьми разных возрастов, религиозных взглядов, бытовой культуры, характеров — пополнялась фактическая этнографическая основа его будущих книг.

Второе путешествие Максимова — командировка в Архангельскую губернию в 1856 г. — отличалось четким заданием и более продуманной программой. Во-первых, об этом позаботились организаторы так называемой «литературной экспедиции»; во-вторых, и сам Максимов, приобретя опыт в своем первом путешествии, мог избежать многих промахов. Ему предстояло написать ряд статей для ведомственного журнала «Морской сборник» о быте населения берегов Белого моря, Ладожского и Онежского озер, об условиях развития местных промыслов, способах охоты и рыбной ловли, судоходстве, а также о народных верованиях и суевериях. На этот раз, поскольку путешествие было официальной командировкой, Максиму не пришлось придумывать «легенду». В его распоряжении было открытое предписание городским и сельским властям оказывать предьявителю содействие. Официальный статус помогал избежать задержки в пути и открывал доступ в архивы. Но он же и затруднял самую важную часть работы: «Все то, что составляло для меня самый живой интерес, что обещало поучительную жатву, — передо мною замыкалось, от меня сторонилось...» (11, 43).

Северная экспедиция Максимова состояла из двух этапов, каждый из которых определялся своим маршрутом. Базовым городом был Архангельск. Первый этап начался в июне 1856 г. Водой и по суше Максимов проехал из Архангельска по Летнему берегу. «На том же карбасе, заменяющем здесь тряскую телегу и пару обывательских лошадей, объехал я и Онежский берег, до села Нижмозера, откуда, через Кянду, Тамицу и Покровское, шла уже почтовая дорога и везли на той же паре почтовых лошадей», — писал Максимов о продолжении своего маршрута в книге «Год на Севере» (8, 80). 2 июля 1856 г. он выехал из Онеги в Кемь на поморской шкуне «Николай Старков». «Близкая неизвестность, не изведанный еще мною морской путь, надежное судно, способное лавировать (по-здешнему — *бетаться*), ласковый хозяин, говорун и остряк, прямо из корня всего поморского края — каково Кемское поморье и деревня Сорока, — все

это, взятое вместе, соблазнило меня», — объяснял свое решение писатель (8, 107–108).

На пути из Онеги в Кемь Максимов посетил Соловецкий монастырь. Соловки дали материал для одной из первых журнальных публикаций по итогам северной экспедиции писателя. В 1858 г. в «Библиотеке для чтения» (т. 151, кн. IX) был напечатан очерк «Поездка в Соловецкий монастырь. Из путевых записок». Максимов художественно объединил исторические факты с собственными живыми и тонкими наблюдениями, придал рассказу о поездке форму художественного повествования, обрисовал типы соловецких насельников, заточников и паломников, на их фоне — себя и своих попутчиков. Последующая творческая обработка соловецких материалов основывалась в равной степени как на личных воспоминаниях о поездке, так и на документальных источниках. С Соловками связан еще один сюжет прозы Максимова: рассказ о земляке писателя, старовере федосеевского толка Н. А. Папулине. Но в цельное художественное повествование он был оформлен значительно позднее, спустя тридцать лет.

Из Соловецкого монастыря писатель отправился в Кемь и далее в Колу, вдоль Карельского берега. На карбасе им были сделаны ценные фольклорные записи, хотя для этого пришлось прибегнуть к хитрости. Кемские девушки, попутчицы писателя, охотно пели песни, но сразу замолкали, когда появлялись карандаш и бумага для записи. Уговоры не действовали. Когда же начался дождь, Максимов устроился в будке на карбасе и согласился пустить просившихся к нему девушек «под условием контрибуции, по пяти песен с горла: и тридцать песен успел записать до того времени, пока прибывшая вода не подняла нашего карбаса и допустила нас до пристани» (11, 52).

Записи духовных стихов, исторических и солдатских, лирических и обрядовых песен были сделаны Максимовым также в Коле, Калгалакше, Онеге, Кеми, Шуе, Шенкурске, Холмогорах, Пинеге, Усть-Цильме и других местах Архангельской губернии. Вероятное

число песен, привезенных писателем из северной экспедиции, — 108. Некоторые из них (о Егории Храбром) вошли в 1860 г. в «Сборник духовных стихов», составленный В. Г. Варенцовым; в 1884 г. записи Максимова были полностью напечатаны в разделе песен тома сочинений П. И. Якушкина, изданного В. О. Михневичем. Фрагментарно песни, привезенные с Севера, включались писателем в его прозу.

Второй этап северной экспедиции Максимова — на Печору — начался поздней осенью 1856 г. Канинский и Мезенский берега писатель застал снежными и пустыми, брошенными на всю зиму даже самоедами. Дальнейший путь лежал в «дальние печорские страны» (10, 161), в Усть-Цильму. Максимов совершил поездку и к устью Печоры, в Пустозерск: «Пустозерск давно манил меня в свою глушь и даль близким положением к океану и как городок, сохраняющий в обычаях много старины честной и неиспорченной и населенный добрым народом, сколько мог я судить по общим слухам. Наконец, любопытен он как самое первое заселение новгородцев в Двинской земле, сколько можно верить в этом народным преданиям и некоторым намекам, разбросанным в исторических документах. 27 декабря 1856 года я был уже там» (9, 352).

Материалы печорской поездки оказались не менее богатыми, чем привезенные с Белого моря. Встреча с «печорским князем» Евсеем Осиповичем Палавандовым в Усть-Цильме легла в основу мемуарного очерка о нем и одной из поздних глав книги «Год на Севере». Наблюдения за жизнью старообрядцев Севера стали необходимым камертоном для дальнейших работ писателя над этой темой. Переселявшись подальше от центра России, старообрядцы несли с собой не только иконы, старопечатные и рукописные книги, нехитрый скарб; они несли традиции национальной культуры, которые столь же преданно старались уберечь от нововведений. Как этнограф и бытописатель Максимов стремился выявить многосторонние причинно-следственные связи, объединявшие в национальной культуре русского народа

вероучение, литургику, рукописную и печатную книжность, иконопись, музыку, фольклор, этику общезищества, прикладные искусства, ремесла и промыслы. Писатель не идеализировал раскол, но не мог не ценить как этнограф, что старообрядчество продлило жизнь кондовой Руси на три столетия, сохранив верования, обряды, устои, обычаи, характеры и национальное творчество. «Надо было много испытаний, много труда и терпения, чтоб войти в доверие тех лиц, от которых ждал и получения, и нравственной пищи; много надо пускать в ход всяких пружин, чтоб оправдать себя в глазах крестьян и рассеять подозрения и опасения всякого рода. Но, раз добившись этого права, можно смело ручаться за непрерывный успех дела. Откуда бралась и откровенность, и словоохотливость, и долгие подробные разговоры, которыми счастливили меня и на Печоре, и на Терском, и на Поморском берегах Белого моря, на Двине, Мезени и Пинеге... Хотелось ли мне записывать песни, я сначала пел сам одну, другую и третью, хвалил свои песни и, незаметно возбуждая зависть, а затем соревнование, слушал потом лучшую песню туземную, мне неизвестную. Хотелось мне сказки — я рассказывал свою и далее слушал уже или ее вариант, или новую сказку. Рассказами множества анекдотов я почасту доходил до понятий и убеждений крестьянина о чиновнике, о попе и проч. и слышал от них, в свою очередь, подобные же рассказы, анекдоты, бывальщины и случаи, всегда чрезвычайно характерные и поучительные...» (11, 54).

Год, отведенный Морским министерством на командировку, подходил к концу. Оставалась необследованной вся южная часть Пинежского уезда. Двина — от Холмогор до Сийского монастыря — планировалась для изучения на возвратном пути в Петербург.

Поездка на Север укрепила интерес Максимова к этнографическим исследованиям и определила его творческие планы на несколько лет вперед. Собранных материалов оказалось так много, а впечатления настолько разнообразны и новы, что Максимова потребовалось месяцев десять на их первичную обработку. Публикации

о северной экспедиции писателя начали появляться с ноября 1857 г. в «Морском сборнике», «Библиотеке для чтения», «Живописном сборнике», «Иллюстрации», «Сыне Отечества». В 1859 г. издательство Д. Е. Кожанчикова выпустило книгу Максимова «Год на Севере». Благодаря живо переданным впечатлениям она читалась с необычайным интересом, сделала имя автора популярным и получила множество положительных откликов в печати. Императорское Русское географическое общество в 1861 г. присудило Максимова за книгу «Год на Севере» Малую золотую медаль. Награда ускорила переиздание книги: сначала в 1864 г., а затем в 1871 г. Когда в 1890-м в Москве предпринималось четвертое прижизненное издание «Года на Севере», книга уже была включена в хрестоматии русских гимназий наряду с классическими произведениями отечественной литературы.

Третье путешествие писатель предпринял летом 1858 г. Цель новой экспедиции состояла в изучении народного быта пяти черноземных губерний юга России. Русский костюм торговца средней руки способствовал прекрасным результатам путешествия: в пять месяцев была выполнена программа, предназначавшаяся на год по самым крайним расчетам. Успех Максимов объяснял так: «Крестьяне не считали меня ни барином, ни начальником, ни управителем, ни земским, раскрывали мне такую бездну подробностей, которые являли иной мир, неведомый, интересный до мельчайших подробностей, хотя и возмутительно-печальный, крайне несовершенный» (11, 55).

Результат третьего путешествия Максимова не был сразу воплощен в отдельную книгу, как после экспедиции в Архангельскую губернию; но это не умаляет значения собранного материала в творческом арсенале писателя-этнографа. Пример третьей экспедиции Максимова подтвердил справедливость слов М. П. Погодина о необходимости «осмотреть, что поближе и понужнее», изучить российские пределы, в которых исследователей-этнографов ожидает богатая жатва. «Во всякой губернии

найдется человек, который на одной вакации натаскает вам столько сведений, что не оберетесь. Лишь надо уметь его найти, поддержать, ободрить»¹⁷. Картины народного быта Центральной России заняли свое место в книгах «Сибирь и каторга», «На Востоке»; многие эпизоды третьего путешествия были воссозданы Максимовым спустя шестнадцать лет в книге «Бродячая Русь Христа ради». Без впечатлений южнорусской экспедиции вряд ли бы появились книжки писателя для народного чтения: «О русской земле», «О русских людях», а также «Куль хлеба и его похождения». Оригинальный труд Максимова «Крылатые слова. Неспроста и неспуста слово молвится и до веку не сломится», работа над которым шла с 1883 по 1890 г., основан на доскональном знании народной психологии и этики, бытовой культуры и вековых традиций, близко наблюдать которые писатель имел возможность летом 1858 г.

Часть маршрута — из Орла в Елец — Максимов прошел вместе с П. И. Якушкиным; вместе они гостили у М. А. Стаховича. Это была прекрасная возможность творческого и дружеского общения единомышленников и сотрудников, в которых А. Н. Пыпин угадал постепенно нарождавшийся в России «особый тип исследователей народной жизни, каких не знала прежняя литература»: «Это — этнографы-народники в лучшем смысле этого слова. Их создала эпоха освобождения крестьян и других реформ; они вдохновились идеей служения народу, которое осуществлялось для них ревностным изучением его быта. Многим из них досталась на долю тревожная личная жизнь, причина которой лежала в юношеских увлечениях этой идеей, в порывах, не соразмеренных с условиями действительной жизни; столкновение с этими условиями не уменьшало их ревности, и в конце концов из среды их вырабатывались знатоки народного быта по разным его отраслям. Их отношение к народу не имело в себе ничего натянутого

¹⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Т. 10. С. 497–498.

и искусственного: это был их сознательный, жизненный интерес; о быте народа говорили они как о близком их сердцу деле»¹⁸.

Осенью 1859 г. началось четвертое, самое дальнее путешествие Максимова — в Сибирь и на Дальний Восток. Необходимость экспедиции была вызвана оживленной полемикой об Амуре: заселении «новой страны, не совсем удобной для оседлой жизни и обеспеченного быта, но прорезанной превосходным водным путем, на пространстве трех тысяч верст, связующим Восточную Сибирь прямо с Тихим океаном» (4, 247). Вдохновителем официальной политики заселения амурских земель был генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев. В оппозиции выступил Д. И. Завалишин, посвятивший изучению амурского вопроса в общей сложности двадцать три года своей энергичной деятельности — с 1858 по 1881. Противниками нового территориального приобретения были также А. И. Герцен и М. В. Буташевич-Петрашевский. Они настаивали на том, что неудачные попытки цивилизовать пустынные территории Амурской области, наладить пароходное сообщение по Амуру и почтовый тракт обернутся для населения Восточной Сибири тяжелыми гражданскими и экономическими притеснениями. «Все это возводят в подвиги, а это были ужасные насильственные дела, от которых гибли жизни», — определил смысл происшедшего Л. Н. Толстой, прочитав «Записки декабриста» Д. И. Завалишина летом 1905 г.¹⁹

Таким образом, задача Максимова сводилась к наблюдениям за условиями жизни переселенцев, изучению их нужд и потребностей в условиях нового и малообжитого края. Его кандидатура как этнографа представлялась Морскому министерству удачной, во-первых, потому, что он уже зарекомендовал себя обязательным исполнителем;

¹⁸ Пьтин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 2. С. 346.

¹⁹ Маковицкий Д. П. У Толстого. Яснополянские записки. М., 1979. Т. I. С. 323.

во-вторых, именно этнографическое исследование края могло дополнить фактическую сторону вопроса и придать объективность его решению. В ходе экспедиции возникла еще одна цель: посетить рудники и остроги, познакомиться с бытом заключенных, ссыльнокааторжных и ссыльнопоселенцев. На свой запрос Максимов получил из Петербурга разрешение продлить командировку и официальный допуск в места заключения.

Путь Максимова лежал тем маршрутом, которым отправлялись и партии арестантов в сибирские рудники, и партии переселенцев в амурские станицы: из Москвы в Нижний Новгород, потом Казань, Оханск, Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Шадринск. «Вот и могила Ермака, исторический Иртыш, на днях только остановившийся и еще не успевший затянуться в зимний саван» (11, 133). Был октябрь 1859 г. В ноябре Максимов проехал по Барабинской степи, через Тюкалу, Колывань. В Томске была остановка для отдыха: «Сзади меня легли с лишком тысячи верст и восемь суток скорой езды днем и ночью; то и другое круто сказалось на моих спине и плечах и на всем физическом составе... Отрадно, весело и приветливо мелькнул передо мною этот один из лучших сибирских городов, не уступающий даже во многих отношениях столице Восточной Сибири — Иркутску» (11, 146). Почти два месяца прожил писатель в Иркутске, воочию наблюдая результаты культурного влияния декабристов на жизнь Сибири. Забайкалье не задержало Максимова, однако вызвало огромный интерес и твердое решение на обратном пути изучить этот край подробнее. К весне писатель был на реке Шилке — началась речная часть маршрута, которая длилась до начала июня: 5-го числа Максимов прибыл в Николаевск.

Дорожные записи этого отрезка пути — ценнейший историко-краеведческий материал. В них Максимов зафиксировал состояние первых амурских поселений, особенности их застройки, расположение улиц, огородов, бань и прочих хозяйственных строений; записи содержат подробности о здоровье поселян и характерных заболеваниях людей и скота, о нравственном

климате в станицах, о взаимоотношениях с соседями-«инородцами» и казаками. Уникальность амурских материалов Максимова — в статистических данных. Для изучения демографической динамики этого региона они бесценны.

Едва разобравшись с материалами сибирского путешествия, Максимов 15 июля 1862 г. написал Д. И. Завалишину о своем плане изучить побережья Каспийского моря: «Предполагаю объехать его кругом, даже и теми местами, которые принадлежат Персии. С Каспия переиду на берега Черного моря; оттуда в Малороссию и через два года буду счастлив тою мыслью, что объехал всю Россию. Тогда запрусь в кабинете и поведу усидчивые настоящие работы, хвост которых теряется пока в неизвестности и беспредельности»²⁰.

После успешного отчета о сибирской экспедиции в виде цикла амурских очерков в «Морском сборнике» и отдельного издания под грифом «Секретно» материалов о каторге «Ссылные и тюрьмы» Морское министерство предложило писателю новое задание — поездку на Каспий. В этой командировке было заинтересовано также Министерство просвещения, поручившее Максиму «собрать данные для будущего устава о сельских школах»²¹. Началась пятая — южная экспедиция в первых числах августа 1862 г., однако продлилась недолго. 25 мая 1863 г. Максимов был срочно вызван в Петербург как подследственный по делу «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами»²². Когда обвинение было снято, писатель возобновил командировку и еще три месяца посвятил выполнению программы. Первые путевые очерки «С дороги в Уральск» и «Из Уральска» напечатал осенью 1863 г. «Морской сборник». Основной объем

²⁰ Щукинский сборник. М., 1912. Вып. X. С. 436.

²¹ Там же.

²² Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 61. № 63916.

литературно обработанных кавказских материалов печатался в 1867 г. в журналах «Дело» и «Отечественные записки». Цикл «За Кавказом» составили девять очерков: «Иргизские старцы», «Город Ленкорань», «Секта общих», «Субботники», «Прыгунки», «Хлысты», «Скопцы», «Духоборцы и коренные молокане (уклейны)», «Божий промысел». В 1881 г. «Нива» опубликовала еще три очерка Максимова по материалам южной командировки: «В Астрахани», «Калмыцкий хурул», «Персидская мечеть в Астрахани». Известный журналист и путешественник П. И. Пашино, хорошо знавший Максимова, вспоминал: «Мы с ним где-то встретились, и он так живо рисовал картины северной Персии, т. е. Мазандерана и Гиляна, что я был поражен — как человек, едва там побывавший, настолько мог изучить страну, насколько он это сделал» (1, XXVI).

Очерки по итогам южной экспедиции ясно определили еще один пласт народной жизни, который на этот раз больше других привлек внимание писателя-этнографа, — сектантство. Вероятно, писатель, отправляясь на Кавказ, не ожидал найти там столь богатый источник новых материалов, потому что этот раздел своей программы формулировал довольно расплывчато: «Для приблизительных соображений беру подмосковные и приволжские губернии и раскольничьи центры на Урале, в Закавказье, в Таврической губернии и по другим местам»²³. Но вскоре обнаружилось, что собранный материал открывает новые перспективы. Как только цикл «За Кавказом» был напечатан, Максимов на зимние месяцы 1867–1868 гг. уехал в Белоруссию.

Последняя — шестая экспедиция была организована Русским географическим обществом.

Впервые мысль изучить Западнорусский край возникла в официальных кругах в 1862 г. в связи с докладом министра народного просвещения А. В. Головнина.

²³ Щукинский сборник. М., 1912. Вып. X. С. 436.

Согласно разработанной программе, требовалось исследовать племенные различия народностей Западного края, их численное соотношение, распределение по вероисповеданиям и степеням культуры, хозяйственный быт и уровень материального благосостояния.

Область наблюдений охватывала девять губерний Западного края: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Киевскую, Волынскую и Подольскую. Выполнение программы исследований было поручено Гильфердингу (этнографические исследования), Кояловичу (изучение религиозного быта), Бушену (статистика и хозяйство). Однако в связи с политическими событиями 1863 г. экспедиция была отложена. В 1867 г., когда вновь встал вопрос о необходимости изучить Западный край, назначенные ранее исполнители от экспедиции отказались. Их обязанности взяли на себя бывший секретарь Могилевского статистического комитета Н. Дубенский (статистико-экономические исследования) и Максимов (этнографическое изучение белорусов).

Согласно научной программе, задача Максимова заключалась в определении племенной границы белорусов и сопоставительной характеристике этнографического типа белоруса с типами великоросса и малоросса. Писатель объездил губернии Псковскую, Смоленскую, Могилевскую, Витебскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую. Заказанный материал о белорусах был собран; частично он вошел в доклад писателя на заседании Русского географического общества.

4 ноября 1869 г. Максимов писал Д. И. Завалишину: «Теперь занимаюсь приготовлением статей о Белоруссии и “Белорусов” буду читать в конце этого месяца в заседании Этнографического отдела. Ею занят в настоящие дни с усердием и усидчивостью»²⁴. «Полный отчет ожидался в 1873 г., но не появился и доньше», — колко, хотя не без сожаления заметил А. Н. Пыпин в 1892 г.²⁵

²⁴ Там же. С. 448.

²⁵ Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4. С. 147.

Белорусские материалы оказались незаменимы для другого большого замысла. Предполагался рассказ о разных видах бродяжества и нищенства: о прошаках, запрощиках, каликах переходящих, богомольцах, скрытниках, христороубцах и пр., о бродягах ради промысла, ради ремесла, ради торговли и ради самой идеи бродяжества. Готовилась эпическая книга о русском странничестве — «Бродячая Русь Христа ради», книга о том, как движется этнос по открытым пространствам своей земли, по своим дорогам, но этнос не кочевой, а сохраняющий самосознание оседлого. Сначала Максимов решил было предложить Русскому географическому обществу сотрудничество в изучении этой темы, но передумал. Наступал период его домашней, семейной жизни в Петербурге. К тому же опыт писателя-этнографа подсказывал, что за четырнадцать лет путешествий он накопил достаточно наблюдений и записей, чтобы воплотить этот замысел.

С марта 1868 г. Максимов вступил в должность редактора «Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции» и занимал ее вплоть до 1892 г.

Последнее десятилетие века было и последним в жизни Максимова, порой итогов достойно пройденного пути. Ежегодно выходили популярные у читателей книги: «Год на Севере», «Крылатые слова», «О Русской земле», «О русских людях», «Край крещеного света», «Ледяное царство и мертвая земля», «Голодовка и зимовка на Новой Земле», «Бродячая Русь Христа ради», «Соловецкий монастырь». Причем книга «Год на Севере» предлагалась учащимся наряду с классическими произведениями русской литературы в учебных хрестоматиях. Журналы охотно печатали воспоминания и очерки Максимова. Ему как почетному и желанному гостю неизменно присылались приглашения на литературные собрания, торжества, юбилеи и обеды. Прежних молодых сил для выступлений, конечно, не было, но осталась лукавая улыбка: «Какой уж я чтец. Мой прирожденный сиплый голос уподобился теперь некрасовским шептам.

Увольте! Вот если бы понадобился выход в хороводе или медведем на цепи, чтобы только урчать, я в таких случаях на мир поработать готов»²⁶.

Императорская Академия наук почтила Максимова своим вниманием. В 1900 г., по предложению А. П. Чехова, он был избран почетным академиком. Рассказывают, что, узнав о присвоении почетного диплома академика, Максимов будто бы с постоянной, ему только присущей незлобивой улыбкой спросил: «На сколько персон?»

Почти полвека продолжалась активная литературная деятельность Максимова. За эти годы имя писателя неоднократно появлялось на страницах русских газет и журналов. 37 — вероятно, точное количество периодических изданий второй половины XIX в., в которых он сотрудничал. Среди них литературно-политические («Отечественные записки», «Сын Отечества», «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Русская мысль»), педагогические («Семья и школа», «Русская школа», «Школьная жизнь»), издания для детей младшего («Игрушечка») и старшего возраста («Задушевное слово», «Детское чтение»), научные издания («Памятники древней письменности. Отчеты о заседаниях Общества древней письменности», «Древняя и новая Россия», «Живая старина»), издания для народа («Друг народа») и солдат («Досуг и дело»), сатирические журналы («Искра», «Осколки»), «Модный магазин», журнал для семейного чтения «Нива», в ежемесячном приложении к которому в 1901 г. состоялась последняя публикация писателя²⁷. Статьи писателя также были разбросаны, как он сам говорил, в «разных газетах и газетках, их же заглавие Ты, Господи, веси»²⁸.

При жизни Максимова вышло 84 издания и переиздания его книг: «Год на Севере», «Лесная глушь», «На

²⁶ ОР ИРЛИ. Ф. 62, арх. Вейнберга П.И. Оп. 3. № 316.

²⁷ Максимов С. В. Коновалы и конокрады // Ежемесячное приложение журнала «Нива». 1901. Кн. VII. С. 413.

²⁸ Знакомые: Альбом М. И. Семевского. 1867–1888. СПб., 1888. С. 222.

Востоке», «Край крещеного света», «Сибирь и каторга», «Куль хлеба и его похождения», «Бродячая Русь Христа ради», «Крылатые слова», «Нечистая сила» и др. Сегодня каждая из них является библиографической редкостью.

Самым полным изданием литературного наследия Максимова остается собрание сочинений писателя в 20 томах, выпущенное посмертно в 1908–1914 гг. издательским товариществом «Просвещение». Молодое, основанное в Петербурге в 1896 г., оно быстро завоевало книжный рынок при финансовой поддержке Библиографического института Мейера в Лейпциге. Чрезвычайно популярной оказалась выпущенная издательством серия «Всемирная библиотека». Она состояла из собраний сочинений знаменитых русских и иностранных писателей: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. А. Крылова, А. В. Кольцова, А. Н. Островского, Н. Г. Помяловского, А. А. Потехина, Георга Брандеса, Элизы Ожешко, Чарльза Диккенса, Ги де Мопассана. В этом ряду стоит и имя Максимова.

Алфавитный указатель статей в собрании сочинений насчитывает 552 названия, но это далеко не всё из написанного Максимовым; сюда не попала мемуаристика, представляющая не только значительный объем текстов, но и богатейший материал для историко-литературных исследований.

В феврале 1914 г. А. Г. Горнфельд писал: «Надо пожалеть, что первое собрание сочинений Максимова нельзя назвать полным. Критико-биографический очерк, предпосланный сочинениям, дает очень высокую оценку литературным воспоминаниям Максимова; между тем в собрании сочинений мы не находим ни статей о Мее, Островском, Горбунове, “Литературной экспедиции”, ни биографии Якушкина. Том, посвященный этим ценным литературным материалам, был бы, несомненно, уместнее в собрании сочинений, чем “Куль хлеба” — книга неплохая, но все-таки детская»²⁹. Отметим, что к концу XX в. «детская книга» «Куль

²⁹ Русское богатство. 1914. № 2. С. 365.

хлеба...» оказалась равной — по количеству собранных в ней сведений — добротному справочному тому об истории русского хлеба.

Тематический диапазон прозы Максимова широк и разнообразен. На страницах книг писателя — картины народного быта, семейного уклада, промыслов и ремесел, экономических и культурно-исторических отношений различных групп населения всего обширного пространства Российской империи. Максимов одним из первых обратился в своем творчестве к изучению и изображению русской провинциальной жизни, значительно предугадав интерес к этой теме, возникший в литературе и общественной жизни России в 1870-е гг. На исходе века, анализируя весь путь русской реалистической литературы и искусства в целом, Л. Н. Толстой так сформулировал ответ на вопрос о предмете и содержании искусства: «Жизнь трудового человека с его бесконечно разнообразными формами труда и связанными с ними опасностями на море и под землей, с его путешествиями, общением с хозяевами, начальниками, товарищами, с людьми других исповеданий и народностей, с его борьбой с природой, дикими животными, с его отношениями к домашним животным, с его трудами в лесу, в степи, в поле, в саду, в огороде, с его отношениями к жене, к детям не только как к близким, любимым людям, но как к сотрудникам, помощникам, заместителям в труде, с его отношениями ко всем экономическим вопросам не как предметам умствования и тщеславия, а как к вопросам жизни для себя и семьи, с его гордостью самодавления и служения людям, с его наслаждениями отдыха, со всеми этими интересами, проникнутыми религиозным отношением к этим явлениям, нам, не имеющим этих интересов и никакого религиозного понимания, нам эта жизнь кажется однообразной в сравнении с теми маленькими наслаждениями, ничтожными забавами нашей жизни не труда и творчества, но пользования и разрушения того, что сделали для нас другие. Мы думаем, что чувства, испытываемые людьми нашего времени и круга, очень значительны и разнообразны, а между тем в действительности почти все чувства

людей нашего круга сводятся к трем очень ничтожным и несложным чувствам: чувству гордости, половой похоти и к чувству тоски жизни. И эти три чувства и их разветвления составляют почти исключительное содержание искусства богатых классов»³⁰.

Художественно-документальная проза Максимова, с одной стороны, включает в себе четко обозначенную Толстым тематику и проблематику искусства для народа; с другой — в книгах Максимова нет и намека на то, что присуще, по наблюдениям Толстого, искусству богатых классов и составляет его идейно-эстетические принципы. Это во многом объясняет судьбу этнографического направления русской литературы в целом, те причины, по которым оно осталось как бы в пасынках в общелитературном процессе второй половины XIX в.

Прозе Максимова присуще обилие материалов о современной жизни разных групп простонародья, этнографические зарисовки, исследовательский характер описаний, чрезвычайная подробность в воссоздании панорамы народной жизни, ретроспективный взгляд в глубину отечественной культуры. «Кладем в основу откровенность, личные наблюдения, голые факты, целостно взятые из жизни» (11, 4), — так определял сам писатель особенности своего творчества.

Рассказы Максимова «из народного быта» с годами не потускнели: напротив, работа писателя над обозначенными в них темами продолжалась, исследование разрасталось и вширь, и вглубь, первоначальные зарисовки складывались в панораму. Так произошло, например, с очерком «Сергач», впервые напечатанным в «Библиотеке для чтения» в ноябре 1854 г. Он посвящен одному из древнейших и любимых народных увеселений — медвежьей комедии. Максимов едва ли не первым из писателей обратился к этому оригинальному, чисто русскому промыслу. Годом позже публикации Максимова А. И. Левитов работал над очерком «Типы и сцены сельской ярмарки», в котором также есть описание

³⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 т. М., 1951. Т. 30. С. 86–87.

медвежьей комедии. А в 1868 г. «Отечественные записки» напечатали стихотворение Н. А. Некрасова «Генерал Топтыгин». Очерком Максимова восторгался И. С. Тургенев; И. И. Панаев написал прекрасную рецензию. Молодой автор единогласно был провозглашен учеником В. И. Даля и Д. В. Григоровича. Действительно, в очерке «Сергач» этнографы и по сей день располагают «самым полным из известных науке изображением всех сенок, песенок и прибауток» традиционного медвежьего представления³¹.

При подготовке книжной редакции «Сергач», один из самых удачных ранних очерков писателя, претерпел изменения в тексте, дополненном впечатлениями и материалами экспедиции писателя в Западный край в 1867 г. Семнадцать лет, отделявшие журнальный вариант очерка от его книжной редакции, оказались переломными в судьбе медвежьей потехи. «События, следовавшие за реформой 1861 года, внесли немало нового в крестьянскую жизнь. Многие устарело, перестало соответствовать формировавшемуся новому жизненному укладу и мировоззрению трудового народа, поэтому ушло в прошлое. Медвежья потеха оказалась как раз таким явлением. Исчезновение этого вида народного искусства было ускорено деятельностью организованных во второй половине века обществ покровительства животным. Немалую роль здесь сыграл указ сената о запрещении медвежьей комедии и убийстве всех дрессированных животных, а также увеличение числа зверинцев и цирков». Этим необратимым переменам и посвящены начальные страницы книжной главы.

Проехав в декабре 1867 г. по Минской губернии, Максимов уже не застал и «академию медведей» князя Радзивилла в «местечке Сморгоны, лежащем на почтовом тракте из Вильны в Минск, в 30 верстах от г. Ошмян». «В настоящее время (по личным нашим расспросам в тех местах) не только не существует в Сморгонах чего-либо

³¹ Мартынова А. Н. С. В. Максимов // Русская литература и фольклор. Конец XIX века. Л., 1987. С. 171.

похожего на этот промысел, но и в Мире не осталось даже следа цыган, переродившихся в коренных белорусов. Самые предания очень слабы, неточны, хотя и существуют указания на место бывших зверинцев. И только в склепе несвижского огромного костела среди других Радзивиллов сохраняется скелет и Пана-Коханка, человека огромного роста с высокою грудью, одетого в высокие кожаные ботфорты (хорошо сохранившиеся), в полуистлевший бархатный кунтуш, с вышитой на левой стороне высокой груди звездой и с тканым серебром широким шелковым поясом». Перед читателем тоже открытый склеп, в котором сохраняется предание о самобытной эстетике медвежьей потехи, древнейшей народной традиции.

В творчестве Максимова ясно обозначен интерес к социологическим проблемам: крестьянской общине, ее возможностям, функциям, организующей роли и значению в традиционной национальной культуре, к семье как хозяйственной и нравственной основе жизни крестьянства и как первичному производственному коллективу, крестьянскому правосознанию и правотворчеству. Жизнь общины, артели, коллективное противостояние условиям и обстоятельствам жизни едва ли не главная тема всего творчества писателя. В его книгах собраны редкие сведения об артелях биржевых, бурлацких, торговых, промысловых рыболовных и звероловных, чумаков и возчиков, ремесленников и сельских работников, казачьих, нищенских, потребительских, продовольственных, по религиозному принципу (сектантских, старообрядческих). Вся история России, как справедливо показывает писатель, связана с историей артельного единения и объединения людей. В ранних очерках Максимова изображены профессиональные артели швецов, извозчиков, маляров и других отходников, преимущественно петербургских. На Севере предметом изучения писателя-этнографа стала жизнь промышленников — звероловов и рыбаков, староверов, «инородцев», монахов Соловецкого монастыря. Офени, ярмарочные торговцы, балаганщики, раешники, артисты, нищие, купцы всех гильдий, бурлаки — эта сторона русской жизни открылась Максимову

в его путешествии по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям. В сибирском путешествии уникальным материалом для изучения коллективных форм народного жизнеустройства стали арестантские артели, их деятельность на всем пути по России, из европейской ее части через Сибирь до дальних нерчинских рудников; взаимоотношения арестантской артели с причастными к жизни арестантов караульными солдатами, местным населением, деревенским миром; артели ссыльнокаторжных по виду и роду преступления, у государственных и политических преступников — по национальному признаку (как, например, у сосланных в Сибирь поляков), у преступников против веры — по принадлежности к религиозным конфессиям. Примеры артельных отношений в специфических сибирских условиях Максимов находил в среде золотопромышленников, старателей, рудодобытчиков, заводских рабочих, горнорабочих, каменотесов. Общий артельный обычай был глубоко вкоренен в сознание и уклад русских людей и представлял существенную черту экономических понятий народа. Это подтверждается тем фактом, что существовали и были широко распространены не только артели бурлаков, каменщиков, извозчиков, плотников и др., но также нищих, слепцов, скоморохов, конокрадов, воров и мошенников.

Особая заслуга Максимова как писателя-этнографа — создание эпических по охвату материала картин народной жизни, тех ее сторон, которые традиционно оставались в тени: нищенство, странничество, каторга, старообрядчество и религиозные секты. Эти нетронутые пласты народной жизни были не только тщательно изучены писателем, но и представлены в книгах с той объективной полнотой, которая делает его наследие незаменимым источником наших сведений по этим вопросам.

Нищенство занимало далеко не последнее место в ряду характерных и вместе безрадостных явлений русской жизни. С самого начала христианства нищая братия выделялась из различных слоев общества как некая особенная каста, пользовавшаяся сочувствием общества

и даже некоторыми известными привилегиями. На Руси щедрость к нищей братии составляла священную обязанность христианина наравне с соблюдением постов.

Одна из центральных проблем книги «Бродячая Русь Христа ради» была предметом продолжительных социально-философских и религиозно-догматических споров: каковы пределы милосердия и благотворительности, за которыми они перестают служить благородным целям, перерождаясь в поощрение тунеядства. Известно, что в результате петровских преобразований, вмешательства светского начала, из соображений «государственной пользы», в национальные традиции и соборность общественной жизни по-новому стало трактоваться и христианское милосердие. В подаянии было усмотрено поощрение нищенского промысла и тунеядства. Указ 30 ноября 1691 г. определил нищенствовавшим наказание кнутом и ссылку в Сибирь, а несколько позже пятирублевым штрафом стали облагаться сами милостивцы. Лишь с 1775 г. высочайшая власть предоставила возможность частным лицам и обществам устраивать благотворительные заведения. Однако официально обнародованные благодеяния теряли глубину человеколюбного смысла, ибо нарушали заповедь о тайной милостыне и предавали забвению притчу о мытаре и фарисее. И все-таки русскому народу, который, по мысли Пахомия Логофета, сам может просвещать вселенную, удавалось противопоставлять свою внутреннюю жизнь новой идеологии, героем которой становился расчетливый и практичный чиновник. Об этом свидетельствуют русские пословицы, выбранные Максимовым для эпиграфа к главе «Нищая братия» («Бродячая Русь Христа ради»): «И церковь не строй, а сиротство прикрой да нищету пристрой», «Не родом нищие ведутся, а кому Бог даст».

«Бродячую Русь...» составляют очерки быта и нравов, зарисовки, картины, типы, органично сплетенные в цельное повествование. Как характерное явление на дорогах России Максимов изобразил толпу задымленных, немых, в рваных армяках погорельцев. Это нищие временные, а потому не тяготят и не докучают. В их

поведении писатель отмечает важную художественно-психологическую деталь: «Погорельцы действуют с открытым лицом и со спокойной совестью; для городов умывают даже лица, одеваются в лучшие платья, заручаются открытыми форменными свидетельствами — и, во всяком случае, на сборе в качестве нищей братии и попрошаек ходят недолго» (5, 132).

Иную картину являет «деревенское подоконное “Христа ради”», по домашнему положению и взаимному договору, бесхитростная, прямодушная и грубо откровенная голь из самого ближнего соседства»: «Голь, впрочем, настоящая: сторбленная и оборванная, очень растрепанная, с черемуховой палкой в руках и перекинутым через плечо к левому боку на бедро холщовым мешком» (5, 147).

Есть нищие, которые, отдавшись однажды подобного рода промыслу, никогда больше и не помышляют о каком-либо другом образе существования, о самостоятельном домашнем благоустройстве и попрошайничают «Христа ради» всю жизнь, до могилы. Характеристические особенности нищих обусловлены разнообразием причин и отчасти личным характером: кубраки, нищоброды, калуны. Рельефно изображен один из типов нищей братии — «шувалики». «Это — бродяги настоящие: ремесла никакого не знают, товара с собой не берут, а идут просто клянчить и собирать милостыню. Все — народ простой и черный: лжет и унижается, что соберет — то и пропьет. В этом они — не чета трезвым “гуслякам”»: по постоянным дворам, идя со сбором, шувалики безобразничают, хвастаются, пьянствуют и ведут неподобные речи, а придя домой — остаются такими же» (5, 318).

В «Бродячей Руси...» Максимов создал уникальную в истории русской культуры классификацию не только русского нищенства, но и странничества. Он обратился к целому пласту русской жизни, издавна существовавшему, но прятавшемуся от внимательного взгляда наблюдателя. И хотя облик России немислим без православных храмов, монастырей, отовсюду стекающихся к ним толп

богомольцев, странников, убогих и нищих, — эта тема весьма редко становилась предметом художественного осмысления в светской литературе. Многие страницы книги «Бродячая Русь Христа ради» посвящены русскому способу быть, совершенствоваться и искать Бога, русскому странничеству, соединившему в себе пространственное и духовное естество России. В ярких картинах быта изображено движение этноса по открытым пространствам своей земли. От обыденности — в богомолье, от ветхости — к обновлению: такова русская дорога. Как далеко уйдет по ней странник, зависит от того, насколько велика в нем жажда праведности.

Среди разных категорий русских путешественников и странников особое место занимал православный паломник. Порог родного дома богомольец покидал не ради поиска наживы, праздных развлечений или красот пейзажа. Его душа стремилась к чтимой православной святыне, прикосновение к которой порою меняло жизнь человека. Поэтому удавшееся богомолье паломник ценил как особую милость Божию. В 1845 г. Н. В. Гоголь настойчиво рекомендовал «проездиться по России», «чтобы узнать, что такое Россия нынешняя»³². В 1930-е гг. И. А. Ильин писал: «Нам нельзя не странствовать по России; не потому, что мы “кочевники” и что оседлость нам “не дается”; а потому, что сама Россия требует, чтобы мы обозрели ее и ее чудеса и красоты и через это постигли ее единство, ее единый лик, ее органическую цельность; и более того: чтобы мы научились, созерцая ее, видеть Бога — и в ее природе, и в ее истории, и в осевших гнездах ее праведности (от Киевской Лавры до Китежа, от Соловков до гор Кавказа)»³³. В этом точном наблюдении заложена формула единого пространственного и духовного естества России, остающаяся верной не только для богомолья в узком, прямом смысле, но и для того вечного пути к Богу, по которому Святая Русь издавна ведет за собою Русь несвятую.

³² Гоголь Н. В. Собр. соч. В 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 87.

³³ Ильин И. А. Одинокий художник. М., 1993. С. 127.

Труд Максимова «Бродячая Русь Христа ради» выгодно отличался многоаспектностью и полнотой, хотя сам писатель не считал его завершенным; его творческие планы распространялись далее того, что было оформлено в книгу. В разработке этой редкой темы Максимов проявил себя и как этнограф, и как художник. Как художник — сумел передать впечатление непрерывного передвижения народа по громадной территории своей страны; передвижения, при котором мир оседлой, устойчивейшей жизни остается неколебим в созданной системе ценностей, так как в значительной мере именно он определяет и направляет движение русского этноса. Как этнограф — предпринял целостный анализ проблемы и создал подробную классификацию материала.

Насколько важна работа, проведенная Максимовым, можно судить по констатации современными этнографами степени научной разработанности этой темы: «В рамках русской культуры явственно различаются два комплекса — “дома” и “дороги”, однако этнографическое описание почти полностью замыкается на домашних традициях. Это и понятно, поскольку речь идет о культуре в целом оседлой, а главное — сознающей себя оседлой. Традиционное мировосприятие нередко игнорировало дорогу, утверждая ценности дома... Если верить традиционному взгляду, человек в пути вообще терял всякий статус... Дорожные обычаи скрыты. Это не означает, что их нет, а только что сама традиция их как бы не видит. По этой причине они оказались отчасти невидимы и для этнографов, оставаясь только дополнением к изучению “дома”, на периферии этнографических описаний»³⁴.

Не многие современники Максимова в такой степени и с таким мастерством, как он, владели богатствами русского языка. Проза писателя — пример того, как сильный, свежий, богатый, краткий и ясный народный язык способен оплодотворить литературный язык, уберечь

³⁴ Щепанская Т. Б. Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 102.

его от опошления. То, что удалось собрать Максимова на страницах своих книг, — роскошь народной речи, из которой только и может выработаться настоящий язык, а не пресное подобие его как результат тех невосполнимых утрат, о которых предупреждал В. И. Даль.

Спокойной повествовательной манере Максимова присуща глубина вдумчивого исследования. Разумеется, что такого рода литература требовала и от читателя известных качеств. Об этом впервые начали писать по поводу книги «Год на Севере». «Для любителей здорового чтения книга Максимова покажется дорогим подарком», — писала «Библиотека для чтения»³⁵. Это мнение поддержал «Современник»: «Максимов имел большой успех в нашей читающей публике с своей первой книгой “Год на Севере” — по крайней мере, такой успех, какой редко находят в этой публике вещи серьезные, не имеющие какой-нибудь особенно раздражающей привлекательности. Максимов спокойно рассказывал свои наблюдения над страной мало известной, но и мало интересующей большинство; но книга нашла много читателей потому, что в ней был и несомненный талант наблюдателя и серьезность, которые публика начинала понимать инстинктивно»³⁶.

Своеобразие художественно-документальной прозы Максимова — в том, что не менее важной, чем сюжеты и их композиционное оформление, оказывается в ней сама авторская манера повествования, ее стилистика, подробно и достоверно передающая народное мировосприятие.

В иерархии речевой культуры писатель на первое место ставил простого мужичка, не лезущего в карман за словом и округляющего речь легко и удачно; того мужичка, о котором Н. В. Гоголь написал в «Выбранных местах» (гл. XXXI «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»): «Крестьянин наш умеет говорить со

³⁵ Библиотека для чтения. 1860. Т. 160. Кн. 7. С. 16.

³⁶ Современник. 1864. Т. 104. Кн. 9. Отд. 2. С. 53.

всеми себя высшими, даже с царем, так свободно, как никто из нас, и ни одним словом не покажет неприличия...»³⁷

Пословицы, поговорки, присловья, фразеологизмы составляют в прозе Максимова тот культурно-речевой фон, который абсолютно необходим в этнографических зарисовках и картинах народного быта.

Так, многоцветным букетом пословиц и поговорок о хлебе начинает Максимов свою книгу «Куль хлеба...». Не перелагая на читателя труд правильно понять их смысл, порою размытый временем, автор тут же ненавязчиво комментирует их: «— Хлеб да соль! — говорит коренной русский человек, приветствуя всех, кого найдет за столом и за едой. — Хлеба кушать! — непременно отвечают ему в смысле: “Милости просим, садись с нами и ешь”. Этим приглашением доказывается наше особенное русское свойство гостеприимства, которое по этой причине и называется чаще хлебосольством. Давно уже нами выговорено: “Брось хлеб-соль на лес, пойдешь — найдешь”, т. е. накорми первого встречного и незнакомого, но голодного, потому что, если и тебе самому захочется и придется попросить есть, никто тебе в том не откажет. Хлеб-соль — заемное дело; хлеб хлебу брат, т. е. за угощение — ответ, за любовь — отплата. Хлебом и солью встречают и подносят хлеб-соль дорогому, любимому человеку, которому желают доказать почтение и покорность. — Хлеб да вода — солдатская еда! — хвастаются храбрые русские воины. — Хлеб — всему голова! — уверяют трудолюбивые крестьяне, которые всех ближе и вернее могут судить об этом деле: крестьянин землю пашет, хлеб сеет, собирает и продает; ел бы богач деньги, кабы убогий не кормил его хлебом. Ни о чем так сильно не хлопочут, ни о чем так усердно не молятся Богу простые русские люди, как о росте посеянного хлеба. Без хлеба — не крестьянин. Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска. Без хлеба не сытно, без него и у воды худо жить, без хлеба — смерть; хлеб — дар Божий, Батюшка-кормилец».

³⁷ Гоголь Н. В. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1994. Т. 6. С. 182.

Наблюдая современную жизнь, Максимов пришел к пониманию того, что русские люди на его глазах переставали быть русскими, не знали, как говорили их недавние предки. Они не только сами перестали сочинять пословицы, но и плоховато понимали готовые. Речевому народному этикету писатель посвятил несколько очерков, адресованных детям и простонародному читателю: «Знать сову по полету. В защиту родной речи и родных обычаев», «Русский человек в гостях. Этнографический очерк», «Русский человек в дороге. Этнографический очерк», «На привет — ответ. Этнографический очерк» и др.

Уникальная работа по сбору и систематизации образцов русской народной речи была предпринята Максимовым в 1880-е гг. Это серия этнографических миниатюр и небольших очерков об истории происхождения идиоматических выражений. В 1890 г. все они были объединены в книгу, вышедшую в издательстве А. С. Суворина, «Крылатые слова. Неспроста и неспуста слово молвится и до веку не сломится. По толкованию С. Максимова». Творчески восприняв идею Георга Бюмана, выпустившего в 1864 г. книгу «Geflügelte Worte» («Крылатые слова»), Максимов, однако, обратил внимание не на книжные изречения и слова, пришедшие из других языков, а на те устойчивые, художественно емкие выражения, которые утвердились в простонародной русской речи. «Я задался подобною же задачею, но сделал опыт в противоположном направлении, остановившись для объяснений не над учеными и книжными апофегмами, а над теми мимолетными словами и ходячими выражениями, которые исключительно принадлежат отечественной речи, имеют корень в русском разнообразном мире и даже получили значение народных пословиц и поговорок». Две сотни рубрик книги вместили трактовку и авторское объяснение пятисот крылатых слов, утвердившихся в русской речи на правах емких образов: *добро пожаловать, бобы разводить, грех пополам, колокола льют, задний ум, из семи печей хлеб есть, курам на смех, с бухты-баряхты, лясы точат, подкузьмить и обьегорить, попасть впросак* и многие другие.

Время показало, что и этот оригинальный труд Максимова является ценным источником наших знаний о самих себе. Собранные и растолкованные писателем народные речения наглядно иллюстрируют сегодня те катастрофические перемены, которые произошли в русском языке.

Прекрасные слова были сказаны В. О. Михневичем: «Есть этнографы не менее талантливые и заслуженные, чем Сергей Васильевич Максимов, но не много есть между ними таких, которые знали бы так близко и глубоко русский народ и его территорию и так задушевно были бы влюблены в него, как он знает и как он влюблен, — именно влюблен, до готовности даже впадать порой в увлечения и преувеличения славянофильского толка. Занимательнейший собеседник и рассказчик, С. В. бесспорно принадлежит к числу самых симпатичных современных русских писателей и как писатель, и как человек, обладающий эпически незлобивой ясностью взгляда и неотразимо привлекательной сердечностью. В нем есть типичные черты истинного паломника, научившегося долгим скитальчеством понимать и любить людей во всевозможных положениях и уметь сходить с ними»³⁸.

³⁸ Михневич В. О. Наши знакомые. СПб., 1884. С. 137.

М. С. Акимова
ЭКСПЕДИЦИЯ С. В. МАКСИМОВА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ
(1867—1868)

В. Г. Белинский во вступлении к знаменитому сборнику «Физиология Петербурга...» (1845) писал: «У нас совсем нет беллетристических произведений, которые бы в форме путешествий, поездок, очерков рассказов, описаний знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев и которой коренное русское народонаселение представляется такую огромною массою, с таким множеством самых противоположных и разнообразных пластов и слоев, пестреющих бесчисленными оттенками. <...> А сколько материалов представляет собою для сочинений такого рода огромная Россия! Великороссия, Малороссия, Белороссия, Новороссия, Финляндия, остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь — все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям, и особенно по смеси чисто русского элемента со множеством других элементов, из которых иные родственны, а иные совершенно чужды ему!...»¹

Нельзя сказать, что белорусские земли вовсе не описывались и не изучались. Это было бы нелогично даже с точки зрения государственной — политической и экономической. Между тем именно пограничное положение этих земель создавало известные трудности в их изучении.

Со времени присоединения белорусских земель к Российской империи шло постепенное систематическое научное исследование этих территорий².

¹ Белинский В. Г. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1948. С. 548.

² См.: Пытин А. Н. История русской этнографии. Мн.: БелЭн, 2005. Т. 4: Белоруссия и Сибирь. С. 239–245. На странице: <http://>

В Белоруссию и Прибалтику в 1773 г. Академией наук направляется экспедиция И. И. Лепёхина, описавшая белорусскую природу и собравшая гербарий для Ботанического сада Петербургской академии наук. Участник экспедиции, будущий академик Н. Я. Озерцовский, собирал также этнографический материал³. В 1780 г. отправилась в путешествие в белорусские земли сама Екатерина II, дабы познакомиться с ходом проводимых реформ, состоянием промышленности и торговли, укладом жизни населения. Путь императрицы ознаменовался щедрыми жертвованиями на общественные нужды. Позже Академией наук была выпущена книга «Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Её Императорского Величества в Белорусские наместничества» с подробной информацией по этнографии восточнобелорусских территорий⁴.

Орнитологическими исследованиями в крае занимался К. Тизенгауз⁵. В 1856 г. его коллекция поступила в открывшийся музей Виленской археологической комиссии.

by.ethnology.ru/by_lib/poupin_01/graf/poupin_cont.html; Российские и белорусские исследователи истории, культуры, этнографии Белоруссии и российско-белорусских этнокультурных связей. На странице: <http://by.ethnology.ru/win/issled.htm>; *Шидловский С. О.* Краеведение. На странице: <https://www.psu.by/images/stories/spf/kaf-turizm/umk-kraevedenie.pdf>; *Бандарчык В. К.* Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. Мн.: Навука і тэхніка, 1964, и др.

³ *Таранович В. П.* Экспедиция академика И. И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г. // Труды Института истории науки и техники. М.: АН СССР, 1935. Т. 5. С. 535–568.

⁴ *Романов Е.* К пребыванию императрицы Екатерины II в Пропойске // Могилевская старина. Могилев, 1901. Т. 2. С. 69; *Брикнер А. Г.* Путешествие императрицы Екатерины II в Могилев в 1780 году // Русский вестник. 1881. Т. 154 (8–9). С. 459–509, 311–367.

⁵ *Вінчэўскі Дз. Я., Вінчэўскі А. Я.* Канстанцін Тызенгаўз (1786–1853) — патрыёт і заснавальнік беларускай арніталогіі // Маэрыялы VII міжнароднай навукова-практычнай канфэрэнцыі «Актуальныя праблемы экалогіі», Гродна, 2010. Гродна, 2011. С. 3–5.

Дважды (1819, 1821) побывал в Белоруссии один из создателей Русского географического общества — известный ученый П. И. Кёппен, оставив ряд историко-краеведческих работ.

Дважды посетил Белоруссию академик, основатель русской минералогической школы В. М. Севергин («Записки путешествия по западным провинциям Российского государства...», 1803; «Продолжение записок...», 1804)⁶. Живя в Гомеле, граф Н. П. Румянцев⁷ организовывал археологические экспедиции и создал в своем замке домашний музей. Благодаря ему найдены Добрилово Евангелие 1164 г., Супрасльская летопись и архив Сапег, множество других документов. Помощниками в этом нелегком деле были профессора Виленского университета М. К. Бобровский⁸, И. Н. Лобойко, И. Н. Данилович, И. Лелевель, И. С. Анацевич⁹. Член румянцевского кружка гомельский протоиерей И. И. Григорович издал солидный «Белорусский архив древних грамот», составил «Словарь западно-русского наречия», но главным его трудом стал 5-томник «Акты, относящиеся к истории Западной России» (СПб., 1843–1853) — архивные документы по истории Белоруссии, Украины и Литвы XIV–XVII вв.¹⁰

⁶ Севергин В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802–1803 гг. СПб.: Императорская Академия наук, 1804.

⁷ Граф Румянцев и круг Виленского университета. На странице: <http://bo0k.net/index.php?p=achapter&bid=14143&chapter=1>

⁸ Щавинская Л. Л. Н. П. Румянцев и начало белорусоведческих исследований: Деятельность профессора М. К. Бобровского // Библиотечная Ассамблея Евразии. Информационный бюллетень. М.: Российская государственная библиотека, 2000. Т. 12. С. 52–61.

⁹ Габрусевич С. А., Марозава С. В. Прафесар Ігнат Анацэвіч. Жыццё. Спадчына. Гродна: ГрДУ, 2005.

¹⁰ Св. Алексей Хотев. Труды протоиерея Иоанна Григоровича по белорусской археографии. На странице: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/662-2012-05-31-14-03-40.html>; Щавинская Л. Л. Гомельский протоиерей Иоанн Григорович и начало белорусской археогра-

Переправа наполеоновской армии через Неман. 24 июня 1812 г.
Неизвестный художник.

Отечественная война 1812 года напрямую коснулась белорусских земель. Данные о Белоруссии этого времени оставили офицер К. Ф. Калайдович (составил и в 1822 г. опубликовал¹¹ краткий словарь белорусского языка, издал найденные им в московской Синодальной библиотеке сочинения Кирилла Туровского); будущий генерал, военный писатель-историк В. Б. Броневский («Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 году»); И. И. Лажечников («Походные записки русского офицера», 1820)¹². Этнографические сведения оставил А. К. Бошняк, проехав белорусские земли в 1815 г.

В Петербурге и Москве были изданы основные источники по политической, социально-экономической, этнической и социокультурной истории Белоруссии (Белорусский архив древних грамот, 1824; Акты, относящиеся к истории Западной России, 1846, и др.).

фии // Н. П. Румянцев на белорусской земле: материалы Международного круглого стола. Мн.: Национальная библиотека Беларуси, 1996. С. 47–56.

¹¹ Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете, 1822, ч. I.

¹² Грыцкевіч В., Мальдзіс А. Шляхі вялі праз Беларусь. Мн.: Мастацкая літаратура, 1980.

Ряд важных исследований были проведены официальными правительственными экспедициями России. В конце 1830-х гг. военное ведомство Российской империи начало статистическое изучение страны. После плодотворной работы вышли две многотомные серии исследований: «Военно-статистическое обозрение Российской империи» и «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» в 39 томах (документы из архивов, статистические сведения о губерниях, их географические описания, карты и планы)¹³. Несколько томов было посвящено именно этим территориям: Виленской губернии (т. 3, сост. А. К. Корево, 1861)¹⁴, Смоленской губернии (т. 21, сост. М. Цебриков, 1862)¹⁵, Гродненской губернии (т. 5, сост. П. О. Бобровский, 1863)¹⁶, Ковенской губернии (т. 11, сост. Д. Ф. Афанасьев, 1861)¹⁷, Минской губернии (т. 15, сост. И. И. Зеленский, 1864)¹⁸. Параллельно шла картографическая работа. В 1873 г. вышла Карта почтовых дорог северо-западной части Российской империи (сост. поручик Кондратьев¹⁹).

По заданию Генерального штаба в 1831–1847 гг. в Минской, Витебской губерниях и Белостокском округе проводилось топографическое и военно-статистическое изучение местности под руководством генерал-майора М. О. Без-Корниловича («Витебская губерния», 1852, и

¹³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1859–1868. Издательство части томов: Департамент Генерального штаба. На странице: <https://www.prlib.ru/item/426801>

¹⁴ На странице: <https://www.prlib.ru/item/426806>. А. К. Корево также опубликовал очерк об истории белорусских рек «Речки Древности».

¹⁵ На странице: <https://www.prlib.ru/item/426801>

¹⁶ На странице: <https://www.prlib.ru/item/426807>. За свою работу генерал-майор П. О. Бобровский был принят в члены-корреспонденты РГО и продолжил краеведческие штудии.

¹⁷ На странице: <https://www.prlib.ru/item/426787>

¹⁸ На странице: <https://www.prlib.ru/item/426791>

¹⁹ На странице: <http://maps.southklad.ru/forum/>

«Исторические сведения о примечательнейших местах Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся», 1855)²⁰.

В 1860-е — 1870-е гг. от ИРГО ездили в экспедиции С. В. Максимов, Н. Я. Дубенский, П. П. Чубинский. Этнограф П. П. Чубинский в 1869–1870 гг. возглавил экспедицию на Украину, в Белоруссию и Молдавию (Бессарабская обл., Люблинская, Седлецкая, Гродненская, Минская, Полтавская, Киевская, Волынская, Подольская губ.). Сам сделав солидные записи (особенности говора, фольклор, обряды), он сумел привлечь к сбору информации большое количество местных собирателей, любителей фольклора и этнографии. В капитальный семитомник «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край» (т. 1–7, 1872–1879) вошли фольклорно-этнографические материалы Минской и Гродненской губерний.

С. П. Микуцкий получил для «написания сравнительного словаря литовского и славянских языков» командировку на два года от Академии наук в Литву, в результате которой составил «Отчеты о путешествии», опубликованные в «Известиях Императорской Академии наук» (1853–1854), печатал материалы по фольклору. Микуцкий был одним из инициаторов перевода литовского языка с латиницы на кириллицу.

Создатель Виленской археологической комиссии и Виленского музея древностей, граф Е. Тышкевич, живя в Вильне и в своей усадьбе Антонополь, собрал огромную коллекцию старых рукописей, книг, монет, карт и гравюр, собирал фольклор, этнографический материал, производил раскопки, публиковал архивные материалы и писал свои («Описание Борисовского уезда» (1847), «Археологические исследования памятников ремесел и т. д. в древней Литве и Руси Литовской» (1850) и др.). Его брат К. Тышкевич исследовал археологические памятники («Исторические сведения о древних замках, городищах и курганах в Литве и Руси Литовской» (1859),

²⁰ Яновіч М. Міхаіл Без-Карніловіч: генерал ад краязнаўства // Народная воля. [Мн.], 2001. 29 сакавіка. С. 3.

«О курганах в Литве и Западной Руси» (1865), «Вилия и ее берега» (1871) и др.). Виленская временная археологическая комиссия, основанная на средства Е. Тышкевича, находилась под покровительством цесаревича; ее целью было «систематическое обозрение всех памятников древности». К 1856 г. она имела 66 членов, Музей древностей²¹ выпускал «Записки Виленской временной археологической комиссии» (1856, 1858), другие труды.

Большой вклад в развитие белорусского краеведения внес минский адвокат З. Я. Доленга-Ходаковский. Результатом его археологических исследований стала работа «О славянщине до христианства» (1818), дававшая представление о быте и культуре древнеславянского общества, а этнографических — фольклорный материал (обряды и обычаи, песни (около 500), определение границ распространения белорусского языка). Большинство трудов, к сожалению, не опубликованы²².

Интересный, хотя и часто спорный этнографический материал опубликовал П. М. Шпилевский (псевдоним П. Древлянский)²³. Работали на ниве краеведения археолог М. Ф. Кусцинский, поэт и драматург П. В. Кукольник («Исторические заметки о Литве» (1864), «Исторические заметки о Северо-Западной России» (1867) и др.)²⁴.

²¹ Подробнее см.: <http://museum.logosk.info/ru/tyszkiewicz/62-archeology/1072-vilnya-museum-of-antiquities.html>

²² См.: Малаш Л. А. Пионер славянской фольклористики З. Я. Доленга-Ходаковский. Автореф. дис. ... к. ф. н. АН УССР. Киев, 1967.

²³ Левкиевская Е. Е. Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского // CD-ROM «Фольклор и фольклористика». Хрестоматия по фольклористике. СПб., 2004. На странице: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya3.htm>; Топорков А. Л. О «Белорусских народных преданиях» и их авторе // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М.: Ладомир, 2002. С. 255–310.

²⁴ Шверубович А. И. Братья Кукольники. Очерк их жизни: Биография, служебно-литературная деятельность и Хроника современных им событий в Северо-Западном крае. Вильна: Типография Губернского правления, 1885.

Директор виленского училища, член Общества любителей русской словесности, историк и фольклорист-славист П. А. Бессонов, в 1864–1867 гг. возглавлявший Виленскую археографическую комиссию, издал сборник песен-литаний старцев «Калики переходные», в который вошли и белорусские песни. В 1871 г. он выпустил в Москве сборник «Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда и всего быта».

Давно занимавшийся издательским делом, основатель журналов «Вокруг света», «Новый мир», «Новь», «Задушевное слово» М. О. Вольф осуществил под редакцией П. П. Семёнова-Тян-Шанского издание много-томного сборника «Живописная Россия», где третий том «Литовское Полесье и Белорусское Полесье» (1882)²⁵, содержащий преимущественно очерки авторства А. К. Киркора, был посвящен истории и природе белорусских земель, материальной и духовной культуре белорусов.

Чиновник департамента путей сообщения И. П. Боричевский исследовал Великое княжество Литовское, оставил работы по белорусской истории, этнографии и археологии, фольклору. Секретарь Витебского губернского статистического комитета А. М. Сементовский первый занялся систематическим краеведением Витебщины. Оставил краеведческое наследие профессор Киевской духовной академии и редактор «Вестника Европы» И. О. Эремич («Панские фацеции» (Вильно, 1865) и «Очерки белорусского Полесья» (Вильно, 1868))²⁶.

Огромный материал собрал этнограф и фольклорист Е. Р. Романов (его коллекции находятся в РЭМ, сделал ряд крупных публикаций). Не менее солидный материал опубликовал и А. Н. Пыпин в своей «Истории русской этнографии»²⁷. Большой вклад внес П. В. Шейн. В

²⁵ На странице: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-belorusskoe-polesie-spb-m-1882#mode/grid/page/1/zoom/1>

²⁶ Эремич И. Очерки белорусского Полесья. Вильно, 1867.

²⁷ Пыпин А. Н. История русской этнографии. С. 239–245. На странице: http://by.ethnology.ru/by_lib/poupin_01/graf/poupin_cont.html

середине 1850-х гг. он стал собирать белорусский фольклор и публиковать его с комментариями. Ему удалось создать широкую сеть корреспондентов, позже выступивших с самостоятельными публикациями и ставших известными исследователями белорусского народа (Е. Ф. Карский, Н. Я. Никифоровский, А. Е. Богданович, Янка Лучина, Ю. Ф. Крачковский, З. Ф. Радченко и др.). В 1867 г. Шейн разработал программу собирания фольклорно-этнографических материалов и разослал ее в сотнях экземпляров в разные места Белоруссии, а также напечатал в «Виленском вестнике» за 1877 г. обращение к учителям школ и семинарий — «Программу для собирания памятников народного творчества». Главными его трудами стали сборник «Белорусские народные песни...» (1874) с более чем тысячей текстов и «Материалы изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» (т. 1–3, 1887–1902), включающие разнообразные этнографические и фольклорные материалы²⁸.

Этнографией и фольклором белорусов занимался также П. Шпилевский, издавший в 1852 г. сборник «Памятники и образцы народного языка и словесности». В том же направлении в эти годы работал и знаменитый славянофил И. В. Киреевский; его собрание белорусских песен доходило до 500 единиц²⁹. В 1869 г. в Вильне М. А. Дмитриев издал «Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев Северо-Западного края».

Историк П. А. Гильтебрандт, помощник архиварисуса Виленского центрального архива древних актов книг (1865–1879), а затем заведующий отделом рукописей Виленской публичной библиотеки, выпустил в Вильне масштабный «Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае» (1866), основу которого составили материалы, собранные учениками Молодеченской учительской семинарии.

²⁸ Новиков Н. В. Павел Васильевич Шейн: книга о собирателе и издателе русского и белорусского фольклора. Мн.: Вышэйшая школа, 1972.

²⁹ Об истории и судьбе этого собрания см. № 19 «Виленского вестника» за 1866 г.

Директор новогрудской, а затем гродненской гимназий М. А. Дмитриев стал собирать белорусский фольклор в 1850-е гг., много публиковался. Р. С. Зенкевич занимался археологией и фольклором белорусов еще начиная с 1840-х гг., впервые в этнографии рассказал о белорусском обряде «дзяды». Инспектор народных училищ Г. И. Кулжинский публиковал в 1860 — 1870-е гг. этнографические заметки, «Воспоминания о Северо-Западном крае» (1861–1874). Активно занимался краеведением редактор (с 1869 г.) «Литовских епархиальных ведомостей», член Виленской археографической комиссии И. А. Котович. Владелица усадеб в Рогачёвском уезде Е. И. Павловская (1830–1915), мать писателя В. Л. Кигна (Дедлова), составила сборник «Народные белорусские песни» (СПб., 1853), на который откликнулись журналы «Современник» (1853, т. 42) и «Отечественные записки» (1853, т. 90). На основе описаний жителя Витебской губернии Н. Анимеле РГО опубликовало в «Этнографическом сборнике» (1854) очерк «Быт белорусских крестьян», где рассказывалось о семейных обрядах и календарных праздниках, об устройстве белорусской хаты, о видах одежды.

В путевых заметках оставляли ценную информацию С. С. Лашкарёв³⁰, Ф. Д. Воинов, В. В. Крестовский и многие другие.

Ю. Карчевский. Пейзаж. XIX в.

И. И. Носович занялся этнографией, выйдя в 1844 г. в отставку и поселившись в Мстиславле. С 1864 г. жил в Петербурге, где много работал в архивах. Написал целый ряд работ о белорусском устном народном творчестве (пословицы, поговорки, загадки, песни), главной

³⁰ Лашкарёв С. С. Путевые заметки от Москвы до Бобруйска и по Минской губернии. СПб., 1859.

из которых стал «Словарь белорусского наречия» (1870)³¹. Профессор права Виленского университета И. Б. Ярошевич, уйдя на пенсию и поселившись в Бельске, посвятил свое время краеведческой и научной работе (1840-е гг., писал на польском языке).

Историк и краевед А. К. Ельский в своей усадьбе Замостье в 1864 г. создал впечатляющий краеведческий музей (включая автографы Петра I, Наполеона I, Людовика XVI, тысячи записей белорусских фольклорных произведений, предметов быта, полотна Рубенса, Веронезе, вещи, принадлежавшие Мицкевичу, Костюшко, и мн. др.). В фундаментальной польской энциклопедии «Географический словарь Царства Польского и других славянских стран» (1888–1902) он описал почти все белорусские уезды, написал множество этнографических трудов (1880-е), в т. ч. «Словарь нищенского говора на Белой Руси» (1886).

Летом 1886 г. в Белоруссию отправилась антропологическая экспедиция в составе членов Антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии К. Н. Икова и Н. А. Янчука³².

Изучались и курганные древности. Сначала эти исследования носили случайный характер. Военный инженер, строитель Бобруйской крепости Теодор Нарбут был послан в 1810 г. М. В. Барклаем-де-Толли в восточную Белоруссию для изучения местности на случай войны с Наполеоном. Нарбут очень заинтересовался курганами близ Рогачёва и даже начал раскопки. Поселившись в Лидском уезде, он

³¹ Спадчына Івана Насовіча і беларускае мовазнаўства. Матэрыялы навуковых чытаньняў, прісвечаных 220-годдзю з дня нараджэньня Івана Іванавіча Насовіча. Мн.: БГУ, Право і эканоміка, 2008.

³² *Иков К. Н.* Программа антропологической поездки в Белоруссию и Литву // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды Антропологического отдела. Вып. 3. М., 1890. Т. XLIX. С. 529–594; *Он же.* Предварительный отчет по экспедиции в Белоруссию и Литву летом 1886 г. // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды Антропологического отдела. Вып. 5. М., 1890. Т. XLIX. С. 720–724.

продолжил раскопки, стал собирать различные документы по истории края, делал сообщения в Виленскую археологическую комиссию. Затем исследования стали более систематическими. Преподаватель Полоцкой духовной семинарии, впоследствии редактор «Витебских губернских ведомостей» и издатель журнала «Вестник Юго-Западной России» К. А. Говорский в начале 1850-х гг. раскапывал курганы близ Полоцка, писал на темы археологии и истории Полоцка (1850-е — 1860-е гг.).

Занимались археологией и в связи с этим историей и этнографией также граф А. С. Уваров, редактор «Минских губернских ведомостей» Р. Г. Игнатъев, генерал Н. М. Турбин, Г. Х. Татур, В. З. Завитневич, Франциск Веренько и др., часто не профессионалы, но увлеченные своим делом краеведы. Их число с каждым годом только возрастало.

Было сильно развито местное краеведение (священники И. А. Берман, А. Троицкий, С. Бакаревич, Д. Г. Булгаковский, мировой судья Мозырского уезда В. Г. Соколов, многочисленные учителя).

Много краеведческих материалов начиная с 1830-х гг. публиковалось в столичных журналах «Исторический вестник», «Журнал Министерства внутренних дел», «Журнал Министерства народного просвещения», в губернских «Епархиальных ведомостях», в «Губернских ведомостях» (Витебские, Виленские, Гродненские, Минские, Могилевские) и с 1840 г. в «Памятных книжках» губерний. Журнал «Вестник Западной России» сначала выходил в Киеве под названием «Вестник Юго-Западной и Западной России» (1862), затем под новым названием (1864–1871) в Вильно. Этнографические материалы печатались в литературном журнале «Athenaeum» (1841–1851), «Tygodnik Ilustrowany» (Варшава, с 1859 г.), научно-литературном журнале «Kłosy» («Колосья», Варшава, с 1865 г.)³³.

³³ Литвинович А. Ф. Вопросы белорусской фольклористики в польской периодической печати второй половины XIX — начала XX в. Автореф. дис. ... к. филол. н. Мн.: Академия наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, 1992.

В 1860-е — 1870-е гг. этнографические и краеведческие материалы из Белоруссии печатались в «Трудах этнографического отдела ОЛЕАЭ³⁴» (при МУ), в «Трудах Вольного экономического общества», «Журнале Министерства государственных имуществ», журнале «Сельское хозяйство и лес» и др. Изучением белорусов занимались основные научные центры России — Академия наук, Петербургский и Московский университеты, в которых работали такие знатоки истории, культуры и быта белорусов, как А. А. Шахматов, Д. Н. Анучин, Д. К. Зеленин, А. И. Соболевский, Н. А. Янчук, которые рассматривали вопросы этногенеза, языка, антропологии и этнографии белорусского народа.

В 1850-е гг. было решено собрать старый архивный материал и систематизировать его для определения шляхетских прав, удостоверения личного дворянства и вообще для выстраивания истории Северо-Западного края. Петербургская Археографическая комиссия в 1860-е гг. продолжила издание западнорусских актов; под редакцией Н. И. Костомарова вышли «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России». В «Русской исторической библиотеке» началось издание памятников западнорусской полемической литературы. В 1862 г. для сбора и хранения документов Великого княжества Литовского образован Витебский центральный архив древних актов. По инициативе генерал-губернатора М. Н. Муравьева и попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова в 1864 г. образовалась Виленская археографическая комиссия с целью посредством публикаций древних актов и грамот подтвердить распространение в Северо-Западном крае российской государственности и православия³⁵. Все ее сотрудники, конечно, занимались краеведением. Профессор-историк П. А. Бессонов собирал, изучал и издавал белорусский фольклор; инспектор

³⁴ ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (при Московском университете).

³⁵ Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М.: Наука, 1973. С. 11, 63, 70.

народных училищ Ю. Ф. Крачковский — автор работ по истории церкви, этнографии Белоруссии; оставили свои труды в этой области виленский преподаватель Ф. Н. Добрянский, Н. И. Гобачевский³⁶. В 1867 г. Виленская археографическая комиссия начала издавать «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси».

В 1867 г. в Вильне был открыт Северо-Западный отдел Русского географического общества, объединивший местных краеведов и призвавший белорусскую интеллигенцию — помещиков, учителей, священников и др. — участвовать в разыскании документов и сборе этнографических данных. Полученные ответы-описания (642) хранятся в библиотеке Вильнюсского университета.

Одним из знаменательных культурных событий стало богато оформленное издание в 8 томах, составленное руководителем Церковно-строительного комитета, построившего в Белоруссии и на Украине около 2 тысяч православных церквей, П. Н. Батюшковым, — «Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с Высочайшего соизволения» (1868–1885).

В. Грязнов. Маломожейковская церковь Рождества Богородицы. Мурованка. 1870.

В 1860-е — 1880-е гг. открываются музеи при статистических губернских комитетах, в 1880-е гг. начали складываться различные этнографические коллекции («кабинеты»).

Историей, географией и культурой белорусских земель стали интересоваться и популярны в ту пору

³⁶ Щавинская Л. Л. Н. И. Горбачевский — исследователь белорусской, литовской, русской и украинской старины // Ученые записки Смоленского гуманитарного университета. 1994. Т. 1. С. 386–394.

польские писатели (Ю. Немцевич³⁷, Ю. Крашевский, Ян Чечот, Е. Фелинская, Г. Пузыня, Я. Быковский, граф Леон Потоцкий, Эмма Дмоховская, Э. Ожешко, В. Савич-Заблоцкий, В. Тропачинская-Огаркова, Г. Аудерская, В. Сырокомля). Домашний учитель и секретарь последнего, Винцесь Коротынский, автор ряда историко-краеведческих очерков, сопровождал Н. С. Лескова в поездке по Северо-Западному краю (1862), которая вылилась в очерки «Из одного дорожного дневника»³⁸. Краеведческие сведения о Белоруссии можно почерпнуть из польских романов, повестей и рассказов.

Среди польских исследователей можно выделить первого председателя Варшавского краеведческого общества Зигмунда Глогера, археолога и музейщика, исследователя деревянного зодчества; этнографа и композитора Оскара Кольберга — автора многотомного труда «Народ. Его обычаи, образ жизни, язык, предания, пословицы, обряды, поверья, развлечения, песни, музыка и танцы» (1857–1890, т. 52: «Беларусь — Полесье»); этнографа и лингвиста Яна Карловича и многих других.

Наряду с бытом белорусов изучался и быт еврейского населения края. Первые описания евреев Белоруссии содержатся в издании Е. Ф. Зябловского «Землеописание Российской империи для всех состояний» (Ч. 6. СПб., 1810). О евреях рассказывается в «Географо-статистическом словаре Российской империи 1862–1866» П. Семёнова, в «Материалах для географии и статистики. ...» А. Коревы, И. Зеленского, П. Бобровского, в работе «Девять губерний Западно-Русского края» Н. П. Столпянского (СПб., 1866). Научно-краеведческие и археографические исследования по истории евреев Белоруссии начались в последней четверти XIX в.

В целом деятельность краеведческих центров Белоруссии XIX – начала XX в. охарактеризовал в своей

³⁷ Немцевича Юлиана Урсына путешествия исторические по землям Польским, совершенные между 1811 и 1828 гг. Париж; Петербург, 1858. На странице: <http://sources.ruzhany.info/047.html>

³⁸ Клейн Б. В годину смятения. Белорусская поездка Н. Лескова // Неман. 1979. № 2. С. 149–159.

книге «Краязнаўства» (Мн., 1929) Н. И. Касперович. Он выделил три краеведческих течения: польское (Виленский музей древностей, Виленская археологическая комиссия, Виленское общество любителей наук), русское (Северо-Западный отдел Русского географического общества, церковно-исторические и церковно-археологические комитеты, Витебская и Смоленская архивные комиссии) и, с конца XIX в., собственно белорусское (в деятельности «Нашей Нивы», белорусского научно-литературного кружка студентов и студенческого кружка для изучения Белоруссии и Литвы).

Важной частью экспедиционной и в целом краеведческой работы была работа художников. В 1864–1867 гг. по приглашению М. Н. Муравьёва художник Д. М. Струков участвовал в этнографической экспедиции по Литве и Белоруссии, задачей которой было «разыскание в крае древнерусских памятников или, по крайней мере, следов тех из них, которые в слепой ненависти к православию и русской народности были уничтожены», и работа была достойно выполнена³⁹.

Выпускник Строгановского училища технического рисования В. В. Грязнов по приглашению попечителя

Д. Струков. Браславский замок. 1864.

Виленского учебного округа И. П. Корнилова поселился в Вильно, где, как он писал художественному критику В. В. Стасову, «посвятил себя с пылкой юношескою

³⁹ Струков Д. Альбом рисунков. 1864–1867. Мн.: БелЭн, 2011; Баженова О. Д. Альбом рисунков Д. М. Струкова 1864 г. как источник по истории белорусской культуры: концепт и контекст альбома // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы Международной научной конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя и др. Мн.: Белорусская наука, 2012. С. 510–515.

страстью различным трудам... и в особенности по изысканию исторических памятников». В 1860-е гг. Грязнов первый исследовал гродненскую Борисоглебскую (Коложскую) церковь, отразив свои впечатления в очерке, вышедшем в Вильне в 1893 г. Рисунки Грязнова стали иллюстрациями к книгам П. Батюшкова («Белоруссия и Литва», 1890), И. Корчинского («Древняя Коложская церковь во имя святых князей Бориса и Глеба в г. Гродно», 1908), третьему тому «Живописной России» (1882) и др. В 1864 г., осматривая в Мозырском уезде церковь в Турове, Грязнов в ящике с углем нашел старые рукописи, среди которых обнаружился письменный памятник XI в., получивший в научном мире название Туровского Евангелия. Также по приглашению И. П. Корнилова с 1866 г. в Вильне работал И. П. Трутнев, писал виды города и окрестностей, жанровые полотна на местные темы, официальные портреты, иконы, преподавал. В 1861 г. альбом пейзажей Полесья писателя и художника Ю. Крашевского вышел отдельной книгой в Варшаве в 1861 г., также он оформил и проиллюстрировал книгу Константина Тышкевича «Река Виляя и ее берега: с точки зрения гидрографии, истории, археологии и этнографии» (Дрезден, 1871). Довольно скоро на смену живописным изображениям пришла фотография. Вопрос о возможностях фотографии на службе этнографии был поставлен еще в 1850-х гг.: в Архиве ИРГО хранится «Дело ИРГО по предложению действительно члена Второва об этнографических исследованиях в России и о применении к ним фотографии» (нач. 16 окт. 1857, конч. 29 ноября 1857)⁴⁰. Фотография стала важным инструментом этнографической фиксации. Минский учитель И. А. Сербов в экспедициях по белорусскому Полесью сделал более 5 тысяч фотоснимков⁴¹.

Таким образом, в той или иной степени белорусские земли в XIX в. изучались, накапливался солидный научный материал.

⁴⁰ Архив ИРГО. 1–1857. Оп. 1. № 26.

⁴¹ Березкина Н. Ю. Библиотеки и распространение научных знаний в Беларуси XVI–XX вв. Мн.: Белорусская наука, 2011. С. 278.

И. Трутнев. Троицкая церковь
Маркова монастыря. 1866.

Но в 1862 г. в среде Отделения этнографии ИРГО возник вопрос о снаряжении специальной экспедиции для исследования этнографического состава населения Западного края⁴². Поводом послужило следующее обстоятельство: в 1862 г. в Отделении

этнографии ИРГО В. П. Безобразов и Н. И. Костомаров возбудили вопрос о важности изучения переходных полос между тремя главными племенами народа русского — между великороссами, малороссами и белорусами. Этнографические отношения в Северо-Западном крае были признаны настолько интересными, что возникла мысль снарядить в этот край особую экспедицию — этнографическо-статистическую. По докладу министра народного просвещения А. В. Головнина Высочайшим повелением от 6 сентября 1862 г. из сумм Министерства народного просвещения в РГО было передано десять

⁴² Подробно излагают историю изучения ИРГО Западного края П. П. Семёнов-Тян-Шанский и Д. И. Довгялло. В данном очерке мы во многом опираемся на их данные. См.: *Семёнов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895: В 3 ч.* СПб., 1896. Ч. 1. Отд. 1–3. СПб., 1896. На странице: <http://www.runivers.ru/bookreader/book485414/#page/427/mode/1up> (Глава XXI. Работы Общества и отдельных его членов в области этнографии в Европейской России и славянских землях); *Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки) // Записки Северо-Западного отдела Русского географического общества.* 1910. Кн 1. С. 10–32. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-1189/RuPRLIB12047235/index.html>; Кн. 2. 1911. С. 17–46. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-1196/RuPRLIB12047236/index.html>

тысяч рублей «для отправления в последующем году этнографической экспедиции в западные губернии, с преимущественною целью исследовать численность народонаселения по народностям, вероисповеданиям, условиям и занятиям»⁴³. Ответственными были назначены члены РГО А. К. Гирс, П. П. Семёнов и А. И. Бутовский. Предполагалось разработать специальную программу для сбора информации, но в общих чертах «задача экспедиции должна обнимать следующие предметы: а) исследование о народностях Западного края, а именно о племенных различиях, выражающихся в языке, нравах, обычаях, относительной численности племен края, важнейших этнографических границах и проч.; б) исследования о распределении населения по вероисповеданиям и степени его религиозной и нравственной культуры; в) исследования хозяйственного быта различных племен Западного края и степени их материального благосостояния»⁴⁴. В состав области, на которую должны были распространяться исследования экспедиции, должны были входить девять губерний, располагающихся в трех группах: Белорусской (Витебская, Могилевская и Минская), Литовской (Виленская, Ковенская и Гродненская) и Украинской (Киевская, Волынская и Подольская). Предполагался примерно годичный сбор материалов для скорейшего их обнародования. В состав каждой экспедиции предполагалось включить, по крайней мере, трех «главных деятелей» («один, преимущественно этнограф-филолог, для исследования отношений племенных, другой для исследования отношений религиозных, третий для отношений хозяйственных»⁴⁵); но, ввиду обширности края и кратковременности экспедиции, к ним должны были быть привлечены также люди, которые занялись бы сбором статистических данных (с помощью местной администрации и большей частью в городах), «между тем как,

⁴³ Семёнов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч. 1. С. 375.

⁴⁴ Там же. С. 376.

⁴⁵ Там же.

наоборот, занятия первых трех членов должны были состоять в исследовании и наблюдении предметов, взятых из жизни народной и большею частью не подлежащих исчислению»⁴⁶. Особое внимание предполагалось уделить «смежным» территориям, пограничным между разными группами и народностями, и населенным пунктам, находящимся вдалеке от больших дорог. «Важность же сих исследований состояла между прочим в том, что они могли указать на обстоятельства, стесняющие развитие нравственного и экономического благосостояния племени, преобладающего численностью в Западном крае (белорусов, литвинов, малороссов), а вследствие того облегчить правительству и приискание способов к возвышению этого благосостояния»⁴⁷. Поэтому выбор людей, которым можно было бы доверить столь важное дело, должен был быть серьезным и продуманным. «Лица эти должны были быть избраны между людьми, по своим талантам выходящими из обыкновенного уровня и приобретшими уже себе известность по своим специальностям»⁴⁸. Ввиду того что экспедиция должна была начать действовать с ранней весны следующего года, требовалось немедленно начать к ней подготовку и выбрать достойные кандидатуры, чтобы они уже могли начинать работу над подготовкой программы для собирателей числовых данных и в целом общей программы экспедиции. О том, что экспедиция представлялась очень важной, говорит тот факт, что предполагалось изыскать дополнительные средства на ее реализацию: полученные в ходе экспедиции сведения должны были быть в короткие сроки опубликованы, а задействованные в ней исследователи освобождались от службы с сохранением места и жалованья.

Первоначально выбор пал на действ. чл. Общества А. Ф. Гильфердинга⁴⁹ («для специально этнографической

⁴⁶ Там же. С. 377.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Гильфердинг Александр Федорович* (1831–1872) — русский славяновед, фольклорист, член-корреспондент Петербургской

части экспедиции, т. е. исследования преимущественно племенных отношений на всем пространстве Западного края»⁵⁰) и действ. чл. М. О. Кояловича⁵¹ (для исследования народного быта по отношениям религиозным). Статистическая часть была возложена на А. Б. фон Бушена⁵², а исторические исследования — на П. К. Щебальского⁵³. Программы, благодаря деятельному участию в их составлении А. Ф. Гильфердинга и М. О. Кояловича, были в короткие сроки составлены, и всё шло к тому, чтобы экспедиция отправилась в запланированном 1863 году. Но польский мятеж вынудил правительство отложить отправку экспедиций до более благоприятного времени.

В ожидании этого времени было решено, «по крайней мере, распространять те этнографические сведения, какие уже приобретены наукой», в частности издать этнографическую карту славянских народов П. Й. Шафарика⁵⁴. Кроме того, предпринимались частные, отдельные попытки не только распространять научные сведения, но и накапливать их: например, в губернии Виленского генерал-губернаторства рассылались опросные листки с целью получения этнографических сведений.

Польское восстание 1863–1864 гг. отодвинуло эти замыслы, но вместе с тем придало им новый импульс и новое направление. После восстания и смены

академии наук (1856). В 1860-е гг. писал проекты проводимых реформ в Царстве Польском.

⁵⁰ *Семёнов-Тян-Шанский П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч. 1. С. 378.

⁵¹ *Коялович Михаил Осипович* (1828–1891) — известный белорусский историк, политический публицист и издатель. Ведущий представитель «западнорусской» исторической школы.

⁵² *Бушен фон Артур Богданович* (1831–1876) — российский статистик, действительный статский советник, писатель. Автор таких трудов, как «Статистические таблицы Российской империи» (СПб., 1863, 2 вып.), «Об устройстве источников статистики населения в России» (СПб., 1864) и др.

⁵³ *Щебальский Петр Карлович* (1810–1886) — историк и публицист.

⁵⁴ На странице: <http://likbez.org.ua/zemelstvo-karta.html>

М. Андриолли. Смерть Людвика Нарбута в Дубичах. 1864–1865.

политического курса в крае тем более требовалось изучение западных регионов Империи.

Разговор об экспедиции вновь зашел в феврале 1865 г. Но только летом 1866 г. было получено заявление от генерал-губернатора Северо-Западного края об удобности и актуальности экспедиции. В 1866 г. были ассигнованы от казны средства на эту экспедицию.

Соединенные Отделения этнографии и статистики снова принялись за дело снаряжения экспедиции и, выслушав вновь составленные еще в 1862 г. А. Ф. Гильфердингом, М. О. Кояловичем и А. Б. фон Бушеном программы, поручили разработку общей программы экспедиции и принятие ближайших мер к ее снаряжению Комиссии из председательствующих в Отделениях и членов А. И. Артемьева, П. О. Бобровского, А. Б. Бушена, А. Ф. Гильфердинга, В. В. Григорьева, М. О. Кояловича, В. Д. Левшина, П. П. Семёнова, С. П. Щепкина и Ю. Э. Янсона. Однако организация экспедиции встретила с большими затруднениями. Никто из желавших

принять участие в экспедиции в 1862 г. (Гильфердинг, Коялович, Бушен, Щебальский) уже не мог участвовать в ней, так как все они были отвлечены или своими служебными, или семейными обстоятельствами. Отделение этнографии предложило заменить Гильфердинга и Кояловича Д. И. Иловайским и Х. Э. Бароном. Здесь нужно отметить, что в каждом случае выбор вовсе не был случаен. Еще в 1857 г. в Записке об этнографических исследованиях оговаривалось, что «этнографические исследования должны бы быть расположены таким образом, чтобы на изучение каждого племени посвятили себя особые лица, по возможности специально к тому приготовленные»⁵⁵. Х. Э. Барон⁵⁶ был природным латышом и, конечно, справился бы с поставленной задачей, однако он не согласился на участие в экспедиции. Д. И. Иловайский⁵⁷, возможно, был приглашен не только как видный историк: во второй половине 1860-х гг. он плотно занимался историей Польши и в 1870 г. с успехом защитил докторскую диссертацию «Гродненский сейм 1793 года: Последний сейм Речи Посполитой». Однако и он, желая быть полезным и соглашаясь принять некоторое участие в трудах экспедиции, не пожелал взять на себя никаких обязательств относительно полного этнографического исследования в Западном крае⁵⁸; кроме того, «предположенная им поездка по Западному краю,

⁵⁵ Ф. 1–1857. Оп. 1, № 26. Дело ИРГО по предложению действительного члена Второва об этнографических исследованиях в России и о применении к ним фотографии. Нач. 16 окт. 1857, конч. 29 ноября 1857. Л. 5–5об., Записка об этнографических исследованиях...

⁵⁶ *Кришьянис Баронс* (латыш. *Krišjānis Varons*; 1835–1923) — латышский писатель, фольклорист и общественный деятель, собиратель дайн — латышских народных песен.

⁵⁷ *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832–1920) — русский историк, публицист, автор пятитомной «Истории России». Известен как критик норманнской теории.

⁵⁸ *Семёнов-Тян-Шанский П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч. 1. С. 384.

к сожалению, не могла состояться вследствие постигшей его болезни»⁵⁹.

Еще в апреле 1867 г. не было ясно, кто отправится в экспедицию. Об этом нам известно из переписки секретаря ИРГО, барона Ф. Р. Остен-Сакена, и И. П. Корнилова. 16 марта 1867 г. в Вильне было получено официальное извещение о высочайшем утверждении Положения Сев.-Зап. отдела⁶⁰. В ответном благодарном письме (от 20 марта 1867 г.) Корнилов упоминает об экспедициях — как «головной», так и местных: «Я очень рад, что это знаменательное для нас событие совпадет с выездом лиц, которые избраны для ученой экспедиции в Западный край. Может быть, некоторые из г.г. членов общества пожелают также почтить своим присутствием наше торжество [имеется в виду официальное открытие Отдела]. <...> Так как при учебном округе предприняты различные учебные работы и, сверх того, готовятся ученые экспедиции, — то для нас было бы весьма важно войти на месте, именно в Вильне, в соглашение с г.г. членами экспедиции, воспользоваться их просвещенными указаниями и ознакомиться с их программами»⁶¹. Ответным письмом от 5 апреля 1867 г. Ф. Р. Остен-Сакен информировал Корнилова в том числе и об экспедициях: «Надеюсь, что некоторые из членов наших поедут в Вильну ко дню открытия. Что же касается до экспедиции в Западный край, то она, к сожалению, что-то очень медленно осуществляется. Комиссия, избранная Отделениями этнографии и статистики для обсуждения вопросов, касающихся снаряжения, еще ни разу не собиралась. Между тем идут переговоры между Вл. Ив. Ламанским и г.г. Иловайским в Москве и Брафманом в Вильне. Обоих предполагают отправить

⁵⁹ Там же. С. 386.

⁶⁰ Письмо секретаря ИРГО, барона Ф. Р. Остен-Сакена на имя И. П. Корнилова от 13 марта 1867 г. за № 337. Из бумаг С.-З. отдела за 1867 г. См.: Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). С. 21.

⁶¹ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 22.

в экспедицию; кажется, люди знающие и талантливые. Несравненно успешнее идет снаряжение экспедиции для исследования хлебной торговли. В Северо-Западный район отправляется г. Раевский, секретарь Отделения статистики, который, вероятно, посетит и Вильну. Позвольте просить Ваше превосходительство не отказать ему в Вашем благосклонном внимании»⁶².

Очевидно, переговоры не увенчались успехом. Наконец, по указанию Отделения статистики и А. Б. фон Бушена выбор пал на Н. Я. Дубенского, известного своими хорошими статистическими трудами по Владимирской губернии, а в последнее время ознакомившегося и с Западным краем в качестве секретаря Могилевского губернского статистического комитета. А по указанию председательствующего Отделения этнографии [В.И. Ламанского], другой выбор пал на С. В. Максимова, «известного путешественника и писателя»⁶³, уже заявившего себя весьма способным для этнографических и бытовых наблюдений: к тому времени Максимов был уже довольно известен — за книгу «Год на Севере» он был удостоен малой золотой медали ИРГО. И всё же можно сказать, что его поездка в Белоруссию была в определенной мере подготовленной случайностью. «Максимов взялся исключительно за этнографическое исследование в западных губерниях русского племени, т. е. обитающих там великоруссов, малороссов и белорусов, со всеми бытовыми их особенностями, причем программа исследования в общих чертах определена была Комиссией следующим образом: 1) Исследовать и определить черты, составляющие границы между тремя племенами русского народа: великорусским, малорусским и белорусским. 2) Исследовать местные разновидности белорусского племени и той части малорусского племени, которая живет на правой стороне Днепра, причем определить границы этих разновидностей. 3) Определить

⁶² Там же. С. 23.

⁶³ Экспедиция в Западный край // Отчет Императорского Русского географического общества за 1867 год. С. 14.

главные черты, составляющие особенности наречий этих племен. 4) Исследовать быт этих племен в религиозном, хозяйственном и других отношениях, как в его самостоятельном виде, так и в соприкосновении с влияниями польским, литовским и еврейским и близкородственным великорусским племенем.

На Дубенского всецело была возложена статистическая часть исследований: работа со списками населенных мест и составление карты племен, сбор — по пути следования — сведений об экономическом положении сельского и городского населения и в особенности о переменах, происшедших в этом положении со времени *последних политических событий и реформ последних лет* (курсив мой. — М. А.). Исследователь должен был обратить внимание на оттенки, отличающие экономическое состояние населения по его племенному составу, и проследить, не сказывается ли в последнее время в экономическом быте края новых племенных влияний: так, например, насколько события последних лет содействовали усилению великорусского элемента в торговле и промышленности Западной России»⁶⁴.

Максимов и Дубенский были командированы на полтора года.

Также Комиссия находилась в поисках людей, которые смогли бы заняться исследованием литовцев, латышей и евреев⁶⁵.

Под «последними политическими событиями и реформами последних лет» следует, конечно, понимать крестьянскую реформу 1861 г., польское восстание и последовавшие за ним реформы и шаги в сторону русификации. В административной, экономической, социальной,

⁶⁴ Семёнов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического Общества. Ч. 1. С. 383–384.

⁶⁵ В 1869–1871 гг. изучением литовцев и латышей в рамках экспедиции ИРГО занимался Ю. П. Кузнецов: <https://www.rgo.ru/ru/proekty/etnografiya/istoriya-etnografii-v-rgo/spisok-etnograficheskikh-ekspeditsiy>

культурно-просветительской, религиозной и общественной сферах жизни Виленского края в середине XIX в. почти безраздельно доминировали представители польских и ополячившихся католических кругов⁶⁶, тогда как

В. Дмоховский. Новоградок.
Церковь свв. Бориса и Глеба. 1856.

собственно белорусское население в результате многовекового польского давления представляло собой преимущественно крестьянские массы, без интеллигенции, буржуазии и аристократии. После своего назначения в мае 1863 г., в разгар Польского восстания, виленским, гродненским и минским генерал-губернатором, командующим войсками Виленского военного округа и главным начальником Витебской и Могилевской губерний М. Н. Муравьев проводил политику основательной русификации Северо-Западного края. Эта политика, однако, по представлениям и терминологии того времени не противопоставлялась местной белорусской культуре, а, напротив, включала ее в себя как одну из составляющих⁶⁷. Губернатор относился к белорусам в соответствии с господствовавшей концепцией трех ветвей русского народа и энергично поддерживал их эмансипацию от польского культурного доминирования. По инициативе официальных властей увидели свет издания на белорусском языке.

⁶⁶ Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в западных губерниях во второй половине XIX — начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.): Материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 199–200.

⁶⁷ Гигин В. Оклеветанный, но не забытый. (Очерк о М. Н. Муравьеве-Виленском). На странице: [HTTPS://ZAPADRUS.SU/ZAPRUS/ISTBL/575-2012-02-22-21-57-02.HTML](https://zapadrus.su/zaprus/istbl/575-2012-02-22-21-57-02.html)

Для доказательства исконно русского и православного характера края по инициативе Муравьева в начале 1864 г. была учреждена Виленская археографическая комиссия для разбора и издания древних актов, имевшая большое значение для формирования исторического самосознания белорусов. В то же время были введены меры, ограничивавшие права польского населения, лиц католического вероисповедания, вызванные их многовековым доминированием в крае (при этом при замене преподавателей-поляков православными наставниками увольняемые поддерживались материально). Из библиотек края были изъяты все антирусские пропагандистские книги и брошюры, в массовом порядке ввозились и издавались на месте православные духовные работы, книги по истории и культуре России. Под началом попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова местная «элитарная» школа превратилась в массовую, школьное обучение было переведено с польского языка на русский, в крае распространялись православные молитвенники, учебники, портреты императорской семьи, картины духовного содержания, которые должны были заменить у учеников изображения из истории польского народа⁶⁸, введено преподавание хорового православного пения. При этом в школьной программе для детей-католиков был оставлен Закон Божий римско-католической веры. Особым направлением деятельности Муравьева было возрождение православного характера края. В укреплении православия как древнейшей и господствующей религии губернатор видел укрепление общерусского элемента и прочное умиротворение края. «Многочисленные документы свидетельствуют, что политика М. Н. Муравьева была направлена против социально-экономического, культурного и религиозного доминирования польско-католического меньшинства над православным крестьянским

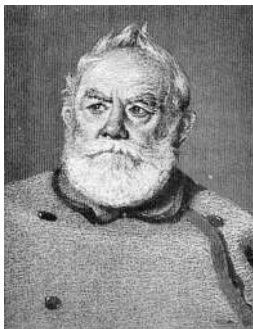
⁶⁸ Из переписки М. Н. Муравьева относительно религиозных и церковно-обрядовых вопросов Северо-Западного края // Русский архив. 1914. № 12. С. 548–555. На странице: <http://www.runivers.ru/bookreader/book435889/#page/578/mode/1up>

большинством. Свою задачу генерал-губернатор видел в том, чтобы с помощью системы специальных мер остановить, а затем обратить вспять польско-католическую экспансию и связанные с ней процессы этнической ассимиляции белорусов. Системно структурированные социально-экономические и культурные реформы, предпринятые в защиту “православия и русской народности”, должны были предотвратить всякие попытки поляков аннексировать край и присоединить его к этнической Польше⁶⁹. Реформы, проведенные М. Н. Муравьевым в интересах крестьянского большинства, придали новый импульс процессам системной модернизации края и формирования русского этнического самосознания православных белорусов. Сам М. Н. Муравьев характеризовал содержание своих реформ следующим образом: “Русскому правительству следовало бы соорудить в Вильне памятник с надписью “Польскому мятежу — благодарная Россия“. Важнейшим, труднейшим и первостепенным делом в Северо-Западном крае является не укрощение мною польского, в сущности, бессильного мятежа, но восстановление в древнем искони русском Западном и Литовском крае его коренных, исторических, русских начал и бесспорного, преобладающего первенства над чуждыми России, пришлыми элементами”⁷⁰»⁷¹. В статье «Образ Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева в современной белорусской историографии» А. Бендин анализирует, как в рамках «национально-государственной историографии» «негативный стереотип в восприятии образа М. Н. Муравьева и его политики превратился

⁶⁹ Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 490–452; Политические записки графа М. Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 6. С. 187–199.

⁷⁰ Жиркевич А. В. Сонное царство великих начинаний (к столетнему юбилею дня рождения Ивана Петровича Корнилова). Вильна, 1911. С. 8–9.

⁷¹ Бендин А. Образ Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева в современной белорусской историографии. На странице: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_650867.pdf. С. 46.

А. Ромер. Портрет повстанца 1863 года. 1886.

в долгоживущий общественно-исторический миф»⁷². «В то же время изучение результатов террористической деятельности повстанцев, определение социального, этнического и религиозного состава их жертв, методов и форм террора, анализ мотиваций, заставляющих прибегать к убийствам мирных граждан, — все это является необходимым элементом исследовательской стратегии вооруженных социальных конфликтов. В особенности таких, которые в силу своей

остроты и масштабности приобретают характерные черты явлений гражданской войны»⁷³.

Вернемся, однако, к деятельности С. В. Максимова, взявшего на себя обязанности обследовать Северо-Западный край в столь беспокойное и интересное время, которое несомненно наложило отпечаток на его впечатления.

О ходе его экспедиции мы узнаем из работ А. Н. Пыпина⁷⁴, П. П. Семёнова-Тян-Шанского⁷⁵, Д. И. Довгялло⁷⁶, а также из документов ИРГО⁷⁷, которыми они активно пользовались.

⁷² Там же. С. 42.

⁷³ Там же. С. 44.

⁷⁴ Пыпин А. Н. История русской этнографии.

⁷⁵ Семёнов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч. 1. Отд. 1–3. СПб., 1896. На странице: <http://www.runivers.ru/bookreader/book485414/#page/427/mode/1up> (Глава XXI. Работы Общества и отдельных его членов в области этнографии в Европейской России и славянских землях).

⁷⁶ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 10–32. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-1189/RuPRLIB12047236/index.html>

⁷⁷ Там же. С. 14–21.

Все лето 1867 г. Максимов посвятил Могилевской губернии, в том расчете, что по составу своего населения она была легче для исследования, чем другие, и могла облегчить исследователю первоначальный приступ и указать новые способы, если таковые понадобились бы для изучения белорусов, после опытов в исследовании быта великорусов. 18 декабря 1867 г. он писал из Минска в Петербург: «Жители Посожья и Поднепровья познакомили меня с теми общими чертами белорусов, которые не утратили своей силы и значения и здесь, на западных, дальних границах этого самобытного русского племени. Оно, несмотря на всю силу враждебных влияний и противодействий, сумело сохранить те родственные черты, которые объясняют его несомненное и очевидное родство с великорусами. Племенная связь особенно поразила Максимова в сопоставлении с тем видом великорусов, который можно назвать новгородским и который населял северные губернии России. Максимов вспал даже на мысль, что едва ли не из белоруса выродился тот промышленный сильный и предприимчивый северный человек, который не убоился враждебных сил природы, ужился вблизи Северного океана, перешагнул через Уральский камень и ушел в леса и за леса Сибири, в то время когда оставшийся на месте белорус, от множества враждебных условий, задержался в своем развитии»⁷⁸. «В Могилевской губернии Максимов всего дольше оставался в уездах Быховском и Чериковском, в которых сильнее сохранился племенной тип белоруса. Вместе с тем он с особенным вниманием присматривался к тем видоизменениям, которые необходимо должны были оказываться в местах, где при встрече двух племен обнаруживалось взаимодействие, как то и случилось в Гомельском уезде, населенном в одно время и старообрядцами, и малороссами»⁷⁹.

⁷⁸ Там же. С. 19–20.

⁷⁹ Семёнов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч. 1. С. 385.

«Вторая его поездка в том же 1867 году была совершена по губерниям Виленской и Гродненской, сначала по тем местам, которые смежны с литовцами, потом по тем, которые прилегают к селениям мазуров. Чрез Слоним и Новогрудок Максимов достиг центральной полосы (г. Несвиж), непрерывно тянущейся до Минска, откуда распространялось сильное польское влияние. Чрез Борисов, Игумен, Мозырь, Пинск и Кобрин Максимов опять возвратился в южную часть Гродненской губернии, чтобы окончательно расследовать степень и средства влияния Польши на ту часть белорусского племени, которая называется чернорусами.

Кроме изучения быта белорусов в деревнях, Максимов останавливался в городах и местечках, где собирал матерьялы для этнографического описания евреев»⁸⁰.

В октябре 1867 г. он уже был в Вильне, где присутствовал на заседании статистической секции Северо-Западного отдела ИРГО⁸¹.

История появления этого отдела теснейшим образом связана с экспедицией. Вице-председатель ИРГО граф Литке писал И. П. Корнилову 6 декабря 1866 г.: «Западные губернии наши представляют весьма обширное поле для исследований по части этнографии, статистики и истории, а потому нельзя не приветствовать с особенным удовольствием образование такого учреждения на месте <...> которое приобретет для Общества еще особенное значение, ввиду снаряжения ныне, по высочайшему повелению, этнографическо-статистической экспедиции в западные губернии...»⁸² Появление

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Заседание происходило под председательством Н. А. Зубкова; присутствовали члены отдела А. Ф. Кребель, П. М. Смыслов, М. А. Соловцов, А. И. Цылов и действ. чл. ИРГО Н. Я. Дубенский и С. В. Максимов (см.: *Довгялло Д. И.* К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 26).

⁸² *Довгялло Д. И.* К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 17–18.

географических обществ было общеевропейской тенденцией того времени. В первой половине XIX в. географические общества были созданы во Франции, Германии, Великобритании. К этому времени Россией были организованы экспедиции для изучения Сибири, Закаспийского края, отдаленных восточных и северных окраин страны. В 1845 г. Географическое общество возникло и в Российской империи, в Петербурге, а с 1850 г. начали открываться его отделы: первым по времени возникновения является отдел Кавказский в Тифлисе, вторым — Восточно-Сибирский в гор. Иркутске, третьим — Северо-Западный в гор. Вильне, четвертым — Оренбургский в гор. Оренбурге и пятым Юго-Западный в гор. Киеве⁸³. Позднее открылись Западно-Сибирский — в Омске, Приамурский — в Хабаровске, а также Туркестанский отдел в Ташкенте.

Надо сказать, что гладко всё возникало только на бумаге. А дело было очень хлопотным и порой мучительным. Подробнейшим образом перипетии истории Северо-Западного отдела ИРГО «первого созыва» изложены в статье Д. И. Довгялло «К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки)»⁸⁴.

Вопрос об открытии в Вильне отдела ИРГО был поднят попечителем Виленского учебного округа И. П. Корниловым и его сотрудниками по управлению округом при содействии тогдашнего секретаря ИРГО Ф. О. Остен-Сакена. Идея родилась в середине 1866 г.⁸⁵, под влиянием этнографическо-статистической экспедиции, снаряженной Обществом в названный край.

⁸³ Положение о Кавказском отделе высочайше утверждено 27 июля 1850 г., Восточно-Сибирском — 6 июня 1851 г., Северо-Западном — 26 февраля 1867 г., Оренбургском — 30 мая 1867 г. и Юго-Западном — 10 ноября 1872 г.

⁸⁴ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-1196/RuPRLIB12047236/index.html> С. 10–32.

⁸⁵ «Дело императорского РГО об учреждении Северо-Западного отдела Общества» датировано 23 сентября 1866 г. (Архив РГО. Ф. 1–1866. Оп. 1. № 15).

2 августа 1866 года Корнилов сделал представление главному начальнику Северо-Западного края К. П. фон Кауфману по вопросу об учреждении в г. Вильне отдела РГО: «Северо-западные губернии нашего отечества представляют обширное поприще для ученых исследований, имеющих важное значение и в государственном значении. Правительство, признавая пользу научного изучения здешнего края, предоставило в распоряжение Императорского Русского географического общества денежную сумму для ученой экспедиции в крае. Желая содействовать географическому обществу постоянными трудами на месте, нижеподписавшиеся обращаются к г. главному начальнику края с покорнейшею просьбою об исходатайствовании учреждения в г. Вильне особого отдела Общества, по примеру Кавказского и Сибирского, под названием Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества»⁸⁶. Однако 13 октября в ответ на свое ходатайство Корнилов получил официальное сообщение (за № 9329 от 30 сентября 1866 г.) фон Кауфмана такого содержания (фактически отказ):

⁸⁶ Записку подписали: И. П. Корнилов, попечитель Виленского учебного округа, действ. чл. ИРГО — А. Савич, ординарный профессор С.-Петербургского университета, действ. чл. ИРГО, П. Смыслов — директор виленской астрономической обсерватории, действ. чл. ИРГО, В. Левшин — управляющий особою канцеляриею при генерал-губернаторе по водворению русских землевладельцев в крае, действ. чл. ИРГО, Е. Стеблин-Каменский, правитель канцелярии виленского генерал-губернатора, Василий Кулин, окружной инспектор Виленского учебного округа, Александр Рачинский, состоящий при управлении генерал-губернатора, Густав Шефлер, правитель канцелярии попечителя Виленского учебного округа, Алексей Владимиров, Николай Соколов, сверхштатный учитель при управлении Виленского учебного округа, Николай Новиков, окружной инспектор Виленского учебного округа, Бартоломей — полковник, действ. чл. ИРГО, Михаил Осипович Коялович, действ. чл. ИРГО, Федор Романович Остен-Сакен, секретарь ИРГО, Ив. Алекс. Шестаков (Д. канц. Вил. уч. окр. 1866 г. 1 ст., № 166) (*Довгялло Д. И.* К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 12).

«... я входил в сношение с управляющим Министерством народного просвещения, который уведомил меня ныне, что, по отзыву г. министра внутренних дел, в ведении которого состоит Императорское географическое общество, необходимость учреждения отделов этого общества для Сибири и Кавказского края могла быть вызвана географическим их положением и местными особенностями, между тем как северо-западные губернии и по управлению, и по положению своему не представляют особых отличий от других русских губерний, а засим нет данных, которые могли бы служить основанием образования для этих губерний особых учреждений, подобно Сибирским и Кавказским»⁸⁷. Однако Корнилов был настойчив. Уже 10 октября 1866 г.⁸⁸ им было сделано новое представление (за № 8564), как бы в подкрепление первого, с повторным ходатайством об открытии Северо-Западного отдела. По этому ходатайству, отдел должен появиться как преемник и прямой продолжатель бывшей при Виленском музее археологической комиссии. Таким образом, Корнилов решил действовать более грамотно, с оглядкой на политическую ситуацию. «<...> я имел честь препроводить к В-му в-ву копию с представления моего к г. управляющему Министерством народного просвещения, от 22 минувшего сентября за № 8057, об учреждении в Вильне публичной библиотеки с музеем при ней. Ныне имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего о нижеследующем: При виленском музее существует, с прежним польским составом членов, временная археологическая комиссия, составляющая учреждение самостоятельное, ни в чем не зависимое ни от одного из русских ученых обществ. Деятельность этой комиссии имела тот же польский характер, какой господствовал в управлении музеем; дальнейшее ее существование, с прежним личным составом

⁸⁷ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 13.

⁸⁸ Сразу после отставки К. П. фон Кауфмана, состоявшего в должности генерал-губернатора Северо-Западного края с 17 апреля 1865 г. по 9 октября 1866 г.

и направлением, было бы прямым противоречием всем мерам, предпринимаемым в северо-западных губерниях для водворения русских начал, и вообще всей системе управления краем. И хотя в настоящее время деятельность виленской археологической комиссии административным порядком прекращена, тем не менее учреждение это продолжает еще существовать; посему необходимо упразднить оное окончательно. А так как северо-западные губернии России представляют обширное поприще для ученых исследований, имеющих важное значение и в государственном отношении, то для всестороннего изучения края и для привлечения к этому делу возможного большего числа исследователей было бы весьма полезно и важно открыть в Вильне, взамен археологической комиссии, отдел Императорского Русского географического общества, который, состоя под покровительством генерал-губернатора и под председательством попечителя учебного округа, руководствовался в своих действиях указаниями и инструкциями Общества. О пользе и необходимости учреждения в Вильне такового отдела заявили также некоторые петербургские и здесь проживающие члены Императорского географического общества, равно и некоторые лица из местной администрации, интересующиеся учеными исследованиями в крае. Представляя на благоусмотрение Ваше копию с проекта Виленского отдела Императорского Русского географического общества, имею честь покорнейше просить ходатайства В-го в-ства об упразднении виленской временной археологической комиссии и об утверждении проекта предполагаемого к учреждению в Вильне отдела Императорского Русского географического общества. При сем долгом считаю присовокупить, что высочайшее утверждение временной комиссии последовало в 29-й день апреля 1855 г., чрез посредство министра народного просвещения, а для утверждения проекта отдела Географического общества необходимо предварительное согласие председателя Совета сего общества»⁸⁹.

⁸⁹ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 14.

Северо-Западный отдел должен был заменить, по мысли Корнилова, существовавшую в крае Временную археологическую комиссию (учр. в 1855 г.), работавшую в полонизаторском направлении. Одновременно Корнилов направил ходатайство о том же и в ИРГО в Санкт-Петербург. В ответном конфиденциальном письме (от 21 (22?) октября 1866 года⁹⁰) секретарь ИРГО барон Ф. Р. Остен-Сакен выразил поддержку Корнилову по поводу учреждения отдела, но выразил обеспокоенность ИРГО и вице-президента ИРГО (с 23 января 1857 г.) графа Ф. П. Литке, касавшуюся § 4 Устава Сев.-Зап. отдела: «Сев.-Зап. отдел избирает в свои члены русских людей, которые могут быть полезны для его ученых трудов»⁹¹. Эта редакция, о которой уже в Вильне происходили прения, была составлена на первом собрании у Корнилова по поводу учреждения отдела. Она, конечно, являлась для Корнилова принципиальной; 25 октября 1866 г. он писал: «Вам угодно знать мое мнение относительно исключения из § 4 проекта положения Северо-Западного отдела Географического общества слов: из русских людей. Вам хорошо известны местные политические причины, почему составители проекта признали решительно необходимым включить эти слова»⁹². Однако этот пункт входил в противоречие с уставом самого ИРГО, и Корнилов уступил, тем более что в компетенции Общества было выбирать членов отдела исходя из их «благонамеренности».

Переписка по вопросу открытия Северо-Западного отдела ИРГО весьма интересна. Дело об учреждении

⁹⁰ В эту пору И. П. Корнилов находился в живой переписке с ИРГО по вопросу об издании этнографического и археологического альбома Северо-Западного края, который был послан в Общество 5 октября 1866 г. Этот альбом был рассмотрен на общем собрании Общества, а затем на общем заседании Императорской Академии наук признано желательным издать этот альбом in folio, литографическим способом.

⁹¹ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 16.

⁹² Архив РГО. Ф. 1–1866. Оп. 1. № 15. Л. 9, 9об. 25 октября 1866. Попечитель Виленского учебного округа Корнилов.

отдела было, конечно, не только научное, но и политическое. Это осознавалось и при открытии отдела. Корнилов писал: «...смею думать, что северо-западные губернии представляют для ее [Императорской АН] благотворной деятельности обширное и благодарное поприще»⁹³, предлагал устроить здесь обсерваторию. И здесь же подчеркивал: «...в ряду мер, принимаемых в Западном крае для его мирного завоевания и полного слияния с империей, строгая, нелицеприятная наука представляет громадную государственную силу, способную нравственно обновить край, поколебать кредит безумных политических лжеучений и истребить зло, насажденное шляхетскими и ультрамонтанскими писателями и учебными заведениями, во главе которых стоял тенденциозный Виленский университет, послуживший гораздо менее науке, чем полонизму, и приготовивший массы политических мечтателей и революционеров, загубивших край и искаживших нормальный род образования. Таково, по моему глубокому убеждению, значение строгой науки; и потому так важно присутствие достойнейших ее представителей в Северо-Западном крае, столь неверно известном, ибо польские писатели преднамеренно и беззастенчиво исказили истину. Особенно важны здесь в настоящее время, для государственных целей, исследования исторические, этнографические и статистические; в видах возбуждения в этом смысле местной ученой деятельности я представил г. главному начальнику края предположение об учреждении в Вильне отдела Императорского Русского географического общества, взамен существующего с 1855 года, с прежним польским составом членов, самостоятельного ученого общества, именуемого “Виленскою временною археологическою Комиссиею” <...> Главный начальник края одобрил означенное предположение <...> Разрозненность и разъединение ученых трудов

⁹³ Архив РГО. Ф. 1–1866. Оп. 1. № 15. Л. 1–1об. Министерство народного просвещения. Попечителя Виленского учебного округа канцелярия. Стол. 23 сентября 1866 г. № 8009. Г. Вильна.

рассеянных в крае лиц может только замедлять успех и ослаблять результаты <...> И. Корнилов^{94,95}.

Старания Корнилова, выбранный им путь для осуществления идеи учреждения Северо-Западного отдела возымели свое действие. Повлияла и смена начальника края: новый виленский, ковенский, гродненский и минский генерал-губернатор и главный начальник Витебской и Могилевской губ. Э. Т. Баранов⁹⁶ в письме вице-председателю ИРГО графу Ф. П. Литке признавал

⁹⁴ *Иван Петрович Корнилов* (1811–1901) — российский государственный деятель, писатель, географ, собиратель древнерусских и славянских рукописей и книг. В 1864–1868 гг. — попечитель Виленского учебного округа. Основал в Вильне отделение Русского географического общества, устроил публичную библиотеку, архив, занимался применением русской азбуки к литовскому языку (при сотрудничестве И. А. Юшкевича, С. П. Микуцкого, Й. Кречинского) и введением в литовскую школу национальных литовских учебников. В 1886–87 гг. при его участии предпринято введение литовского языка в православное богослужение. Несколько статей его напечатано в изданиях ИРГО. Издал сборник «Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева» (СПб., 1898), главную часть которого составили его собственные «Замечания о положении образовательного дела в Виленском учебном округе за 1863–1867 гг.»; сборник «Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в муравьевскую эпоху» (СПб., 1901); трехтомный «Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения» (1893, 1897, 1898), особый интерес в котором представляют материалы о первом попечителе Виленского учебного округа кн. Чарторыйском (предисловие ко 2 т.), данные о светских школах, находившихся в заведовании римскокатолических монашеских орденов, документы, относящиеся к Виленскому университету и к главной при нем духовной семинарии. Автор «Воспоминаний о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае» (СПб., 1900, на странице: <https://www.prlib.ru/item/404625>).

⁹⁵ Архив РГО. Ф. 1–1866. Оп. 1. № 15. Министерство народного просвещения. Попечителя Виленского учебного округа канцелярия. Стол. 23 сентября 1866 г. № 8009. г. Вильна. Л. 2–2об.

⁹⁶ Занимал пост с 9 октября 1866 г. по 2 марта 1868 г., сменив в должности К. П. фон Кауфмана.

учреждение в г. Вильне особого отделения ГО «в высшей степени полезным и благотворным»⁹⁷. Граф Литке на имя Корнилова 6 декабря 1866 г. за № 1274 писал: «Я имел честь получить отношение В. пр-ва за № 8009, в котором Вы изволили сообщить мне предположения Ваши касательно учреждения в Вильне особого отдела И. Р. Г. О-ва под названием Северо-Западного. Мысль об учреждении подобного отдела была встречена с сочувствием членами совета и одобрена Его императорским высочеством августейшим председателем Общества. Западные губернии наши представляют весьма обширное поле для исследований по части этнографии, статистики и истории, а потому нельзя не приветствовать с особенным удовольствием образование такого учреждения на месте, которое бы занялось специальным изучением множества разнообразных научных вопросов, ожидающих в том крае выяснения или окончательного разрешения. Императорское Русское географическое общество с своей стороны сочтет своею первою обязанностью споспешествовать, по мере возможности, полезным начинаниям нового учреждения...»⁹⁸ И вот 26 февраля 1867 г. высочайше утверждено государем императором Александром II «Положение С.-З. Отдела И. Р. Г. О-ва». Официальное извещение об этом было получено в Вильне 16 марта 1867 г. и несказанно обрадовало Корнилова и его единомышленников. В письме барону Остен-Сакену от 20 марта 1867 г. он благодарил его за труды и обещал, что «новое это учреждение, сосредоточивая в себе образованные местные силы и направляя их к постоянной и ясно определенной цели, будет, в этом нельзя сомневаться, — поддерживать и усиливать местную умственную деятельность и обогащать науку сведениями о малоизвестных пограничных

⁹⁷ Архив РГО. Ф. 1–1866. Оп. 1. № 15. Л. 22–22 об. Виленский, ковенский, гродненский и минский генерал-губернатор и главный начальник Витебской и Могилевской губ. 24 дек. 1866. № 415 в г. Вильно графу Ф. П. Литке.

⁹⁸ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 18.

наших областях, имеющих такое громадное современное значение в государстве»⁹⁹.

Началась работа: хлопоты, связанные с приготовлениями официального открытия, сбор книг, контактов, определение направлений работы. Корнилов намечал ядро Отдела в следующем составе: митроп. Иосиф, Н. И. Цылов, Бартоломей, И. П. Корнилов, П. М. Смыслов, Н. А. Зубков, Стеблин-Каменский, В. П. Кулин, Г. Э. Траутфеттер, Шефлер, Рачинский, Никитин. В итоге к открытию набралось их более сорока человек.

Открытие Северо-Западного отдела состоялось 20 июня 1867 г. в помещении Виленской публичной библиотеки. «Для русской Вильны это было одно из целого ряда светлых событий того года. Довольно припомнить, что в 1867 г., 24 мая, была торжественно открыта Виленская публичная библиотека, 13 июня библиотека была осчастливлена посещением государя императора Александра II, во время пребывания его в Вильне на пути из Парижа в Петербург, 1 октября освящена, после капитальной перестройки, древнейшая в Вильне Пятницкая церковь, 22 октября архиепископом Антонием Зубко совершено освящение Николаевского кафедрального собора после его капитального ремонта, начатого еще в 1864 г., 27 декабря учреждена бесплатная школа музыки и пения в здании гимназии, 30 декабря освящен главный храм в Мариинском монастыре»¹⁰⁰.

13 июля 1867 г. состоялось заседание распорядительного комитета Северо-Западного отдела ИРГО. Среди прочего на нем было постановлено, касательно этнографических исследований, что «прежде всего необходимо озаботиться приисканием корреспондентов из местных жителей и составлением программы для их руководства. <...> Председательствующий [И. П. Корнилов] с своей стороны предложил сделать опыт собирания сведений, пригласив к тому лиц, служащих в учебном ведомстве»¹⁰¹.

⁹⁹ Там же. С. 21.

¹⁰⁰ Там же. С. 24–25.

¹⁰¹ Дело императорского РГО об учреждении Северо-Западного отдела общества. Началось 23 сентября 1866 г. Ф. 1–1866. Оп. 1.

Перед членами открывалось широкое поле для деятельности, «великая задача собрания статистических, этнографических, археологических данных в этом, к несчастью, еще мало исследованном крае»¹⁰². Был составлен «Проект положения о Северо-Западном отделе Императорского Русского географического общества»¹⁰³, согласно которому отдел, «под ближайшим руководством главного начальника края, занимается преимущественно изучением сего края во всех тех отношениях, которые составляют предмет занятий общества <...> и в особенности исследованиями по археографии, археологии, статистике и этнографии. <...> с этою целью Северо-Западный отдел Императорского Русского географического общества: во-первых, отыскивает и приводит в известность собранные и уже хранящиеся в местных архивах и у частных лиц сведения о крае, рассматривает их и решает, какое употребление может быть сделано из них для науки. Во-вторых, собирает относящиеся до края географические и исторические материалы чрез местных жителей и снаряжает ученые экспедиции <...> В-третьих, оказывает содействие частным лицам, посещающим Северо-Западный край с ученою целью, и старается привлечь лиц, могущих быть для сего полезными. В-четвертых, старается о собирании и хранении ученых пособий, относящихся к кругу своих занятий, как то: книг печатных и рукописных, актов, карт и этнографических предметов. <...> круг занятий Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества

№ 15. Л. 56, 57–57об. Журнал заседания распорядительного комитета Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества 13 июля 1867 г.

¹⁰² Дело императорского РГО об учреждении Северо-Западного отдела общества. Началось 23 сентября 1866 г. Ф. 1–1866. Оп. 1. № 15. Л. 70–70 об. Императорское Русское географическое общество, Северо-Западный отдел, 17 сентября 1869 г. № 34 г. Вильна, барону Ф. Р. Остен-Сакену.

¹⁰³ Архив РГО. Ф. 1–1866. Оп. 1. № 15. Министерство народного просвещения. Попечителя Виленского учебного округа канцелярия. Стол. 23 сентября 1866 г. № 8009. г. Вильна. Л. 5.

следующий: 1) география физическая, 2) география математическая, 3) этнография, 4) археология, 5) статистика, 6) археография и 7) история»¹⁰⁴. Работал Отдел в 6 губерниях: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской. На первое время приоритетными и возможными для исполнения были выбраны изучение климатических особенностей края и статистические исследования.

Начатая работа неожиданно приостановилась. 1868 г. был непростым для Отдела, «временем прощания с краем попечителя учебного округа И. П. Корнилова. Отдел остался сирым. <...> Найти постоянного правителя не удавалось. Деятельность Отдела приостановилась до августа 1869 г.¹⁰⁵ Что делал в течение этих полутора лет распорядительный комитет, пока не имеем данных для суждения. Не подлежит только сомнению, что отчета о работах по Отделу не выпущено за 1868 г. и первую половину 1869 г.»¹⁰⁶. В 1869 г. руководство взял на себя А. П. Никитин (1869–1871 гг.). На первом заседании под его руководством, 7 октября 1869 г., было постановлено: «а) напечатать систематический каталог всем книгам и картам библиотеки Отдела и разослать членам общества, поступающим же книгам ежегодно печатать опись¹⁰⁷; б) в видах наибольшей практичности и общедоступности занятий Отдела решено было образовать три секции (“специальные отделения”), не стесняя членов, если пожелают, заниматься в нескольких секциях одновременно. Эти секции: 1) физико-математическая — под председательством П. М. Смыслова, 2) этнографическая — под председательством В. И. Гомолицкого и

¹⁰⁴ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного Отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 10–11.

¹⁰⁵ Отчет за 1869 г. С. 34.

¹⁰⁶ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 27.

¹⁰⁷ Виленский вестник. 1869. № 135, прот. засед. 7 окт. 1869 г. [Кажется, это не было исполнено, потому что нигде не нашли мы ни каталога, ни описей поступивших книг. — Примеч. Д. И. Довгялло].

З) археологии и археографии — под председательством Я. Ф. Головацкого¹⁰⁸; в) затем, признано неотложным напечатать воззвание с приглашением к занятиям метеорологическими наблюдениями и просить попечителя Виленского учебного округа о содействии организации метеорологических наблюдений при учебных заведениях округа, и г) наконец, намечены следующие работы по отделу: уяснение коренного значения географических названий по краю; движение населения; определение территории племен, населяющих край; составление библиографии по Северо-Западному краю и нанесение на карту древних названий местностей, встречающихся в актовых книгах¹⁰⁹»¹¹⁰. 17 октября 1869 г. прошло заседание секции археологии и археографии под председательством Головицкого (в составе А. М. Энгеля и Н. И. Горбачевского), где было решено «заниматься географией края в обширном ее значении и преимущественно обратить внимание на древнюю географию Северо-Западного края, для этого: издавать древние инвентари городов края и составлять алфавитные указатели древних названий местностей Северо-Западного края, как-то: городов, местечек, сел, деревень, рек и речек, озер, болот, лесов, гор, курганов, — пользуясь для сего изданиями Виленской комиссии для разбора и издания древних актов и др. и актовыми книгами Виленского центрального архива»¹¹¹; таким образом, разрабатывалась древняя история края, предшествующая польскому владчеству. Помимо этого, 28 октября 1869 г. было решено разработать подробные программы для работ в секциях этнографии и статистики на основании программ соответствующих отделений ИРГО¹¹². За эту работу члены

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Виленский вестник. 1869. № 135.

¹¹⁰ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 28–29.

¹¹¹ Там же. С. 29.

¹¹² Виленский вестник. 1869. № 142. С. 572, 574. Прот. засед. 28 окт. 1869 г.

Отдела принялись настолько усердно, что к концу 1869 г. этнографическая программа, объемом 12 страниц в 16-ю долю листа, была уже напечатана¹¹³. Программа ставила целью «определить территорию каждой из обитавших в Северо-Западном крае народностей, а именно: 1) типическое различие каждого из племен, 2) язык, 3) домашний быт, 4) особенности общественного быта, 5) умственные и нравственные способности и образование и 6) народные предания и памятники»¹¹⁴. Эта программа для собирания этнографических сведений была напечатана в количестве 4 тысяч экземпляров и распространялась по краю чрез посредство православного и римско-католического духовенства, статистических комитетов и канцеляриею попечителя виленского учебного округа¹¹⁵. Также были напечатаны 300 экз. воззваний от имени Отдела с приглашением к производству наблюдений по климатологии края.

Также Отдел выступил на путь активной помощи тем лицам, которые полагали бы работать в целях Отдела. В эту пору Отдел привлек уже к себе внимание и интерес в обществе, в Отдел обращались и иностранные ученые за помощью. Документы конца 1860-х гг. говорят о довольно активной деятельности Общества — по крайней мере, о горячем желании сделать ее таковой. В деле Северо-Западного отдела хранится, например, письмо

¹¹³ [Архив РГО. Ф1-1870. Оп. 1. № 31 (ч. II). Дело ИРГО о снаряжении этнографической экспедиции в западные губернии. Начало 2 октября 1870 г.] На ней пометка: дозволено цензурой декабря 4 дня 1869 г. Таблицы: тело, цвет, кожи, вид лица, голова, волосы, лоб, брови (форма, густота, срастание, величина), глаза (внешний вид, величина, направление, цвет), шея (длина, толщина), плечи и грудь, руки, ладони, ноги, ступни, подъем, походка и другие параметры; производилась разработка таблицы для статистики (П. О. Добровский в помощь Н. Я. Дубенскому: Ф. 1–1870. Оп. 1. № 31 (ч. II). Дело ИРГО о снаряжении этнографической экспедиции в западные губернии. Начато 2 октября 1870).

¹¹⁴ Цит. по: *Довгялло Д. И.* К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 29.

¹¹⁵ Известия ИРГО. 1871. № 8. Журнал заседания распорядительного комитета Северо-Западного отдела. 9 августа 1871 г.

Виленского, Ковенского, Гродненского и Минского генерал-губернатора и главного начальника Витебской и Могилевской губерний [А.Л. Потапова] от 21 июня 1869 г. графу Ф. П. Литке, в котором встает вопрос о людях, способных оживить деятельность Отдела¹¹⁶. В этой же корреспонденции встречаем различную краеведческую и организационную информацию¹¹⁷, в частности просьбы о содействии экспедиции¹¹⁸. До 1871 г., несмотря на разного рода затруднения (неблагоприятные внешние обстоятельства, отсутствие должностных лиц, смерть А. М. Энгеля), работы по Отделу не прекращались¹¹⁹.

¹¹⁶ Дело императорского РГО об учреждении Северо-Западного отдела общества. Началось 23 сентября 1866 г. Ф. 1–1866. Оп. 1. № 15. Л. 66. Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский генерал-губернатор и главный начальник Витебской и Могилевской губ. 21 июня 1869. № 8419. В г. Вильно, графу Ф. П. Литке.

¹¹⁷ Л. 94. Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский генерал-губернатор и главный начальник Витебской и Могилевской губерний [А. Л. Потапов]. 2 марта 1870. № 266. О таблицах, впервые посылаемых Литке. — Очевидно, речь идет о новых таблицах для сбора статистической и этнографической информации.

¹¹⁸ Л. 97. О содействии западной экспедиции (Энгель — Остен-Сакену). 4 апреля 1870 г.

¹¹⁹ Журнал заседания распорядительного комитета Северо-Западного отдела, нап. в «Изв. ИРГО» 1871 г. № 7. С. 310–311. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-514/RuPRLIB12029981/index.html>. В этом общем собрании было сделано Н. А. Зиновьевым следующее сообщение о покойном А. М. Энгеле. «Еще с 1853 г. Энгель работал по составлению словарей: голландско-датско-русского и технических словарей морского и военного, по поручению морского и военного министерства. В 1868 г., уже в Вильне, Энгель приступил к изданию „Описания дел генерал-губернаторского архива“ и довел его до 3-й части. Это издание представляет богатый источник самых разнородных сведений о прошлом здешнего края. Разработкой данных, заключающихся в архиве, статистике края в XVIII столетии, Энгель предполагал содействовать трудам Северо-Западного отдела и в заседании распорядительного комитета 10 августа 1870 г. представил сделанное им извлечение об административном делении края, в разные эпохи с конца XVIII столетия до присоединения его к империи. Сверх того, Энгель занимался еще и подготовкой к печати описания Кобринской области 1564 г.»

Готовилась карта, на которой, наряду с существующими названиями местности, наносимы были бы и древние. Обрабатывались результаты рассылки этнографической программы. Сохранился печатный протокол заседания 5 января 1872 г. общего собрания Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества (напечатанный в «Виленском вестнике»¹²⁰ за 1872 г.), где в отчете указано, что «по части этнографии деятельность отдела заключалась в собирании материалов для этнографического исследования края. С этой целью распорядительным комитетом вновь приглашены к участию в трудах Отдела несколько лиц, известных своим знакомством с краем, и от некоторых из них получено обещание содействия, а от двух лиц доставлены два довольно обширные этнографические исследования»¹²¹. «Эти подробности в достаточной мере свидетельствуют, что Северо-Западный отдел в эту пору обнаруживал жизненные проявления, хотя собраний с их актами и протоколами и не было»¹²². Северо-Западный отдел просуществовал до 1876 г. В 1910 г. он был воссоздан, активно работал (см. «Записки Северо-Западного отдела Имперского Русского географического общества» под ред. Д. И. Довгялло, в 1910–1914 гг. вышли четыре тома записок), но деятельность была прервана Первой мировой войной.

¹²⁰ По распоряжению М. Н. Муравьева с 21 марта 1864 г. газета выходила только на русском языке. «Виленский вестник» редактировал в 1865–1868 гг. русский литературный критик и педагог М. Ф. Де-Пуле (1822–1885). Позднее газету редактировали А. И. Забелин, чиновник особых поручений при губернаторе и генерал-губернаторе в 1856–1865 годах И. А. Никотин. В газете в эту пору сотрудничали белорусские и польские писатели, печатались материалы по белорусской этнографии (работы А. М. Булгакова, А. Я. Васильевой, М. А. Дмитриева, М. В. Довнар-Запольского, Е. Ф. Карского и др.), белорусской литературе, истории.

¹²¹ Дело императорского РГО об учреждении Северо-Западного отдела общества. Ф. 1–1866. Оп. 1. № 15. Л. 117–117об.

¹²² Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 32.

Такова, вкратце, история Северо-Западного отдела ИРГО «первого созыва». Но в начале пути Общество только нащупывало свой путь. Сохранился протокол заседания статистической секции Северо-Западного отдела ИРГО, где присутствовал Максимов, от 20 октября 1867 г. «Так как в собрании присутствовали два члена снаряженной И. Р. Г. О-м в С.-З. край экспедиции: С. В. Максимов (по этнографии) и Н. Я. Дубенский (по статистике), то собрание было посвящено, по указанию последнего, программе работы С.-З. отдела. Дубенский предложил прежде всего заняться статистикой населения края. Схема, намеченная им, состояла в следующем. 1. Счисление населенных мест. 2. Название населенных мест и положение их при реке, озере, дороге, урочище. 3. Расстояние от ближайших городов и торговых мест с поименованием последних. 4. Отметка о достопримечательностях, числе церквей, костелов, приходов, часовен, училищ, волостных правлений, станковых квартир, торговых лавок, базаров, ярмарок. 5. Счисление дворов. 6. Счисление семейств. 7. Число душ мужского и женского пола. 8. Вероисповедание. 9. Сословие. 10. Племя. 11. Занятия. 12. Грамотность. 13. Сколько из общего числа проживает на стороне и для каких занятий. 14. Сколько в общем числе временно проживающих, откуда они прибыли или куда приписаны, для каких занятий, с семействами или без семейств. 15. Вывод числа наличного населения. Для статистики экономического роста крестьян: 1. Сколько душ сельского крестьянского населения наделено землею, в каком количестве, особо удобной и неудобной. 2. Сколько всего земли поступило в черед крестьянского надела и за какую выкупную плату и 3. Наконец, сколько осталось затем безземельных. Для статистики экономического роста шляхты: 1. Число дворов и душ, проживающих на собственной земле, с показанием количества оной. 2. Число безземельных, с показанием, проживают ли они на земле арендуемой или в услужении»¹²³.

¹²³ Там же. С. 26.

Присутствовали Максимов с Дубенским и на втором собрании статистической секции Северо-Западного отдела 14 ноября 1867 г.¹²⁴ «Обсуждался вопрос о наиболее целесообразном методе собирания статистических данных по краю, который бы гарантировал их верность, и решено начать с собирания точных сведений о населенных пунктах. Форму для собирания этой статистики обещал составить Н. Я. Дубенский. Затем, вторым очередным вопросом намечено изучение т. н. обывательских книг, и в частности вопроса о движении еврейского населения»¹²⁵. На третьем собрании, 24 ноября, Максимова уже не было¹²⁶. Он, очевидно, уже направлялся в Петербург. В декабре он был в Минске, откуда 18 декабря писал письмо-отчет в ИРГО¹²⁷. «Проехав в декабре 1867 г. по Минской губернии, С. В. Максимов уже не застал и “академию медведей” князя Радзивилла в “местечке Сморгоны, лежащем на почтовом тракте из Вильны в Минск, в 30 верстах от Ошмян”»¹²⁸. Этим на-

¹²⁴ Под председательством Н. А. Зубкова; присутствовали те же лица, что и в собрании секции 20 октября, и сверх того А. А. Губбенет и А. П. Никитин.

¹²⁵ Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 26–27.

¹²⁶ Под председательством Н. А. Зубкова, присутствовали А. Я. Губбенет, П. М. Смыслов и Н. Я. Дубенский. «Председательствующий сообщил о своих сношениях с вилен. губернатором и секретарем статист. комитета, благодаря чему получил изъявление полной готовности содействовать работам Отдела. Собрание рассмотрело обывательскую книгу 6 стана Виленского уезда, и когда усмотрело, что в нее занесены обыватели всех сословий, кроме крестьянского, которое вошло в свои ревизские сказки, находящиеся по волостям, то признало означенные описи за драгоценный материал для статистики населения края. Н. Я. Дубенский принял на себя работу по собиранию возможно полных сведений о еврейском населении края» (Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела (Материалы и заметки). Кн. 2. С. 27).

¹²⁷ Экспедиция в Западный край // Отчет Императорского Русского географического общества за 1867 год. С. 19.

¹²⁸ Щербакова М. И. Проза С. В. Максимова: текстология и вопросы поэтики. Дисс. ... д. филол. н. М., 1997. С. 175–176.

блюдением он расширит очерк «Сергач», написанный еще в 1854 г., и в расширенном виде включит в цикл «Лесная глушь».

В феврале Максимов, как и предполагал в декабрьском письме в РГО, уже был в Петербурге для личного представления отчета о первой половине своих исследований. Его сообщение стало отдельной большой темой на заседании Отделения этнографии ИРГО¹²⁹ (под председательством В. И. Ламанского, присутствовали действительные члены и члены-сотрудники: Н. Е. Баранов, Н. Х. Вилькинс, А. И. Воейков, Д. И. Воейков, С. И. Елагин, Е. Е. Замысловский, М. О. Коялович, А. А. Куник, В. Д. Левшин, С. В. Максимов, В. Н. Майнов, И. И. Носович, барон Ф. Р. Остен-Сакен, Ф. А. Подгурский, М. Н. Раевский, П. И. Савваитов, А. И. Савельев, Г. С. Фиркович, А. В. Фрейганг, Н. С. Щукин, А. И. Яновский, секретарь Отделения Л. Н. Майков и несколько посторонних посетителей). «Это сообщение имело в виду познакомить с теми приемами этнографических исследований, которые г. Максимов нашел нужным употребить в настоящем случае, и с теми удобствами и затруднениями, которые он встретил в ходе своих работ, а также указать на общий характер добытых результатов. Два приема были употребляемы г. Максимовым одновременно и постоянно: личное наблюдение и расспросы. Путем личного наблюдения г. Максимов имел возможность ознакомиться с внешней обстановкой населения Северо-Западного края и его типами; путем расспросов он старался проникнуть во внутреннее содержание местного народного быта. Г. Максимов начал свои разъезды с Могилевской губернии; он избрал ее как исходный пункт, во-первых, по соседству ее с великорусскою областью, известною ему по прежним путешествиям, а во-вторых, потому, что этот край принадлежит к числу

¹²⁹ Краткое извлечение из этого сообщения было напечатано в Журнале заседания Отделения этнографии ИРГО 22 марта 1868 г. <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-679/RuPRLIB12047254/index.html>. Известия РГО. 1868. № 6. С. 134–138.

тех, где белорусское племя представляется в беспримесной чистоте своего типа. Предположения, руководившие исследователя, оправдались только до известной степени; он действительно нашел в Могилевской губернии племя своеобразного типа, заметно отличающееся и от великорусов, и от малорусов, как своим наречием, так и условиями своего существования, и в особенности своим исключительно земледельческим характером; в этом последнем отношении, в однообразии занятий, исследователь увидел для себя облегчающее средство и вместе с тем усмотрел одну из главных задач своих, исследованием которой он мог определить одну из самых отличительных черт белорусского быта; но с другой стороны, непосредственное соприкосновение с белорусским племенем не вполне удовлетворило его: на все вопросы исследователя белорус оказался слишком молчаливым, слишком сосредоточенным и как бы потерявшим всякую энергию для сношения с людьми, чуждыми ему по своим интересам. Скучность сведений, добытых от сельского населения, г. Максимов старался восполнить расспросами от лиц других сословий, стоящих в непосредственных сношениях с крестьянами; таковыми были для него местное духовенство и представители мировых учреждений. Но и здесь ожидания исследователя были удовлетворены не вполне; местные священнослужители, по замечанию г. Максимова, слишком носят на себе след тех враждебных влияний, которые положило на них господство польских помещиков; за немногими исключениями, представители духовенства в Белоруссии на спросы исследователя отозвались незнанием и обнаружили уклончивость или отчуждение от народного быта; в этом отношении они составляют резкую противоположность с духовенством великорусским, которое является весьма важным пособником для изучения народной жизни; между прочим, в сношениях с белорусскими духовными лицами г. Максимов имел случай убедиться, что для них почти совершенно неизвестны те постоянные усилия, которые делало Географическое общество для изучения русской народной жизни, между тем как в великорусском

духовном сословии исследователь нередко встречал и сочувствие этим усилиям, и желание послужить для их благородной цели. Что касается русских представителей мировых учреждений, а также учащего сословия, то г. Максимов вынес вообще обильные результаты от сношений с ними; правда, в числе их он находил таких лиц, которые, руководствуясь неясным пониманием задачи обрусения Западного края, позволяют себе увлечения и стараются искоренять некоторые местные обычаи чисто народного свойства; но в большинстве случаев в этой среде исследователь встречал людей, уважающих самостоятельность народной жизни и успевших хорошо ознакомиться с ее особенностями; вследствие того он полагает, что от представителей мирового института и преподавателей народных школ можно ожидать многого для изучения народного быта в Западной России и что для них поощрения и указания со стороны Географического общества были бы весьма уместны. Сам же г. Максимов успел получить от них значительный запас сведений и наблюдений; между прочим, он извлек любопытные данные о юридических народных обычаях из книг волостных судов и приобрел несколько описаний народных обычаев и сборников народных песен, которые были составлены под руководством учителей их питомцами в народных школах. В полезном влиянии этих последних г. Максимов убедился, заметив резкое различие между бодрою и сообщительною молодежью из крестьян, уже посещавшею народные школы, и замкнутостью зрелых поколений в том же сословии. Кроме перечисленных частей местного населения, г. Максимов не мог не обратить внимания еще на один его элемент, который составляет отличительную особенность Западнорусского края. Евреи послужили для него и как предмет для наблюдений, и отчасти как посредники для сношений с разными лицами в крае. В быте самих евреев г. Максимов мог наблюдать только внешнюю сторону, которую они не скрывают, но из расспросов у евреев ему удалось приобрести несколько указаний и на характеристические черты белорусского племени; между прочим, г. Максимов счел необходимым

проследить те отношения, которые существуют между евреем и белорусом; данные по этому вопросу он искал и в книгах волостных судов; но в них почти не оказалось свидетельств о тяжбах между этими двумя составными частями местного населения, из чего можно, кажется, безошибочно заключить, что белорусу в столкновениях его с евреем принадлежит исключительно страдательная роль. Наконец, г. Максимов счел нужным обратить внимание и на те колонии великорусского племени, которые он нашел в Западном крае. В заключение г. Максимов сообщил указание на те группы сведений, которые были результатом его поездки: важнейшими данными он считает собранные им сведения о народных поверьях и юридических обычаях; кроме того, им собраны указания для определения западной границы белорусского племени; изучение на южной его границе составит предмет второй поездки исследователя.

Сообщение г. Максимова было принято Отделением с живейшим одобрением. Затем некоторые из присутствующих сделали свои замечания по поводу прочитанного. Действ. чл. М. О. Коялович заявил, что разделяет одобрение, выраженное Отделением, и действительно признает сведения, сообщенные г. Максимовым, многосторонними и глубокими, но вместе с тем не может не сделать следующих замечаний: 1) по его мнению, г. Максимов преувеличил задавленность белорусов, которые будто бы потеряли всякую энергию. Преувеличение это естественно было допустить человеку, столь знакомому с делами внутри России, где народ, благодаря единству своему с интеллигенциею в национальном, религиозном и государственном отношениях, имеет столько бодрости, энергии, предприимчивости. В Белоруссии же положение было другое: народ этой страны забит враждебными, чужими силами, но он не совсем потерял энергию. Присутствие ее можно доказать неоспоримыми фактами: так, в конце прошлого столетия, во время гайдамацкого движения, белорусы были заодно с малороссийскими казаками; так, недавно, в польскую смуту, в той же Могилевской губернии, с которой г. Максимов начал

свое изучение Белоруссии и которая произвела на него особенно тягостное впечатление, бунтовавшие поляки усмирены, едва ли не главным образом, самим народом. Конечно, в обычном течении жизни энергию эту трудно видеть в народе, особенно в Могилевской губернии, которой земля большей частью весьма незавидна. Но в других губерниях, где земля лучше, как, напр., в некоторых местах Минской и Гродненской губерний, бодрость народа заметнее, а потому вероятно, что г. Максимов ослабит свое мнение о безжизненности белорусов, когда познакомится с большим числом местностей Западной России. 2) Г. Максимов высказал, что мало нашел содействия своим трудам в западнорусских священниках. Очень жаль, что г. Максиму пришлось встретить эти печальные случаи равнодушия к столь важному делу; но едва ли справедливо основывать на них общее суждение о православном духовенстве. Г. Коялович высказал при этом опасение, чтобы г. Максимов не впал в следующее заблуждение: в настоящее время в Западной России происходит почти везде борьба между православными священниками и мировыми посредниками, даже между хорошими людьми с той и другой стороны, — борьба очень естественная и не дающая права осуждать вообще ту или иную сторону. До последнего времени влияние на народ имели одни священники; теперь с ними разделяют его мировые посредники. От этого происходят опасения, недоразумения, раздоры. Не зная этого и положившись на мнения одной из этих сторон, легко впасть в односторонность и сделаться пристрастным. Что же касается до мнения г. Максимова, что многие священники находятся в сделке с панями и жидами, то, по мнению г. Кояловича, эти явления встречаются чаще всего на больших дорогах, в пунктах господства панов и жидов, и неудивительно, что г. Максимов, вынужденный ездить больше всего по большим дорогам, встречал эти печальные явления; напротив того, в глуши, вдали от больших дорог, г. Коялович признает более искренние отношения между духовенством и народом. 3) Наконец, г. Максимов жалуется на неумение местных русских

взяться за изучение этнографии и высказывает желание, чтобы Географическое общество и его Виленский отдел приняли меры к усилению этого изучения. По мнению г. Кояловича, препятствия этнографическому изучению Западной России заключаются не столько в неумении местных русских людей взяться за дело, сколько в военном положении, сдавившем жизнь, и, главное, в фальшивом понимании обрусения страны. Нельзя ожидать, чтобы многие занимались этнографическим изучением Западной России, когда это может быть опасно и когда, по фальшивой идее обрусения, все особенности западно-русской жизни признаны дурными, подлежащими уничтожению, как на это указывает сам г. Максимов. Пока не изменится это положение дел, не помогут никакие усилия нашего Общества и Виленского отдела.

В ответ на эти возражения сказано было несколько слов действ. чл. В. Д. Левшиным и самим г. Максимовым; первый заметил, что г. Коялович слишком преувеличивает значение розни между мировыми посредниками и белорусским духовенством, что случаи этой розни совершенно частные и что мировые посредники, в особенности первого выбора, всегда старались воздерживаться от подобного разлада; г. же Максимов объяснил, что высказанное им мнение о духовенстве в Белоруссии основано на наблюдениях повсеместных и что именно по этой причине он решился указать на то явление, о котором идет речь»¹³⁰.

В этом отчете много ценной информации. Как видим, на замечания Максимова о «задавленности» белорусов справедливо возразил Коялович, которого изначально предлагали, напомним, в состав участников экспедиции. Будучи уроженцем Гродненщины, он был хорошо осведомлен о жизни белорусов и, конечно, встал на их защиту. Любопытно, что на этот пункт возражений

¹³⁰ Журнал заседания Отделения этнографии Императорского Русского географического общества. 22-го марта 1868 г. // Известия РГО. 1868. № 4. С. 135–138. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-679/RuPRLIB12047254/index.html>

Кояловича Максимов возражать не стал, ответив на другие замечания.

Увиденное Максимовым, его отношение к новому для него краю нуждаются, без сомнения, в комментарии. «Поразила его бедность крестьян, страшная темнота — ее он объяснял двойным игом: со стороны польской шляхты, веками державшей белорусов на положении быдла, и со стороны местечковых эксплуататоров, захвативших в свои руки торговлю и ремесло. Шинкари и гешефтмахеры опутали несчастный налог долговой кабалой, из-за которой мужик и хлеба-то досыта не ел. С горькой иронией Максимов писал, что единственный приличный продукт, который можно встретить на столе у жителей Белоруссии, — это сало, да и то лишь потому, что свинья — нечистое животное, по понятиям иудаизма, и оттого “ускользнула от эксплуатации”. Народное сознание было подавлено до такой степени, что местные жители и назвать-то себя толком не могли — на вопрос о национальной принадлежности озадаченно сдвигали на лоб “магерку” — суконный колпак — и, почесав затылок, отвечали: литвин или полещук...»¹³¹

Нужно отметить резкость, субъективность некоторых суждений Максимова¹³², обусловленные огромным сочувствием к белорусам, к «старинным, самым древним и первым по времени землям русских, каковы Малороссия и Белоруссия» («Куль хлеба и его похождения»), нужно учитывать и силу первого впечатления от мест, по которым он ехал¹³³. Однако часть этих суждений находит подтверждение в источниках его времени и

¹³¹ Плеханов С. Н. Охота за словом. М.: Сов. Россия, 1987. С. 232–233.

¹³² Ср., напр., в письме к Завалишину от 2 ноября 1870 г.: «Вы желали знать о Вестнике Европы, но я поставил себя так теперь далеко от него, что более определительного разъяснения дать не могу. За бездарность Стасюлевича с примесью жидовщинки тех стран, откуда он родом (он белорус), за это могу поручиться...» (<https://dlib.rsl.ru/viewer/01003971523#?page=232> С. 459.)

¹³³ См.: Историко-этнографические регионы Беларуси. На странице: <http://by.ethnology.ru/win/regions.htm>

более ранних (или отчасти опирается на них: методика писательской работы Максимова непременно включала в себя работу с солидным корпусом литературы). В 1820 г. выходят «Дневные записки путешествия в различные области западной и полуденной России» А. К. Бошняка, где описание быта белорусской деревни очень сходно с максимовским: «Крестьяне составляют беднейший в Белоруссии класс людей: скудость земель, невежество соединились на пагубу их. Нищета, до которой они доведены, превосходит всякое описание. Мало того, что живут в бедных лачугах, соломою крытых, без полов и труб, мало того, что едва имеют рублища для прикрытия наготы; но часто мучатся голодом, нуждаясь в хлебе! и в каком? Богатейший мужик мешает муку пополам с мякиною и восхищается своим так называемым путным хлебом; обыкновенно же кладут пять частей мякины противу двух частей муки, которая, за недостатком, не всегда чистая ржаная или ячная бывает, а смешанная с гречневою; при недостатке же употребляют и другие вещества: копают коренья бобовника, пырника, колосницы болотной и, высушив, толкут, заквашивают и пекут хлеб, от употребления которого, впрочем, особенно вредных следствий не замечено; в крайности же подмешивают толченую ильмовую кору или гнилушки, отчего происходят запоры, поносы, горячки, опухоль по всему телу, а часто и самая смерть. Весною же, за недостатком муки и мякины, крестьяне принуждены иногда довольствоваться заквашенными или просто в воде отваренными травами, как то: лебедою, снытью, крапивою и щавелем; обыкновенно же кушанье их состоит в галушках, то есть в комьях муки, замешенной и варенной на воде, подбеленной, для лакомства, молоком, и то не всегда <...> Орут и пашут сохами и, по причине каменистой почвы, заборонивают простою финскою бороною, которая, быв связана из положенных крест-накрест молодых елок, с обрубленными и обостренными сучьями, по легкости своей удобно пере-скакивает через рассеянные всюду камни, не волоча их за собою». Поэтому «урожай бывает очень худ; крестьяне иногда и семян не снимают, и много если рожь придет

у них сама-третья... ибо у некоторых нет ни лошадей, ни скота... У помещиков же рожь приходит сложности сама-шеста... ибо содержат на десятину скотин по осьми и более»¹³⁴. В том же 1820 г. выходят «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова. Вот Минск, увиденный им в 1812 г.: «Кто здешние обитатели? — Жиды. К кому прибегнуть для покупки или продажи? — К жидам. Где найдешь здесь художников и мастеровых? — Между жидами. Они продадут, купят, сделают, сыщут и доставят всё, что только продать, купить, сделать и сыскать можно. Вся торговля и промышленность, все искусства и художества платят богатую дань оборотливым и проворным евреям — и золото Польши большею частью сыплется в широкие их карманы. В удел природным ее обитателям достались возделывание земли и защищение ее. Они питают и обороняют чуждый народ, который, спокойно сидя в своих конторах, лавках, мастерских и корчмах, собирает с них же деньги и их же обманывает». А. Раич, офицер Серпуховского пехотного полка, отправленный на усмирение Логишинского бунта 1874 года, писал: «Христианская группа, на которой сосредоточилось общее внимание наше, состояла человек из 20 каких-то угрюмых, загнанных судьбою оборвышей: они жались как овцы друг к другу и смотрели в землю. Евреи, наоборот, смотрели весело и бодро, а по костюмам их можно было заключить, что на нищету они жаловаться не имеют права...»¹³⁵ В 1862 г. посетил Северо-Западный край

¹³⁴ Бошняк А. К. Дневные записки путешествия в различные области западной и полуденной России (ч. 1 и 2, М., 1820–1821 гг.). М.: Московский университет, 1820. «Пользующийся его описаниями Белоруссии должен помнить, что Бошняк ярый антисемит, а потому много говорит об эксплуатации белорусского крестьянина евреями. Факты же, какие он приводит, указывают панскую эксплуатацию как причину крестьянской бедности и нищеты» (Никитин С. А. Источниковедение истории СССР. XIX век. М.: ОГИЗ, 1940. Т. 2. С. 89. На странице: <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/nikitin/?id=1258>).

¹³⁵ Раич А. Логишинская экспедиция (Из воспоминаний участника) // Исторический вестник. 1886. № 26. С. 596–602.

Н. С. Лесков, также оставивший характерные заметки «Из одного дорожного дневника»¹³⁶.

Много интересных фактов содержится в предисловии к «Сборнику памятников народного творчества в Северо-Западном крае», изданному в 1866 г.¹³⁷ «Спасаясь от преследований и гонений Западной Европы и найдя в Западной России радушный прием, — чем за это отплатили евреи здешнему населению? Подделкою монет и кредитных рублей, энергически продолжающеюся и в настоящее время; контрабандою; грабежом крестьян, отданных польскими панями в полное распоряжение евреев; захватом земель и казенных доходных статей в свои руки; посягновением на православную святыню и обряды. Словом, евреи хотели выместить на здешнем православном населении все те обиды и преследования, которым подвергались на Западе. Минуя вопрос о благородстве и честности таких отношений, мы спросим: может ли здешнее крестьянство простить и забыть вековые еврейские насилия и оскорбления? <...> Что делать с этой замкнутой религиозно-политической корпорацией, внутренний быт которой тщательно скрывается от посторонних глаз и которая составляет своего рода государство в государстве? Этот вопрос неоднократно подвергался обсуждению и неоднократно был решаем, но никогда эти решения не были приводимы в исполнение во всей их полноте, исполнялось же только то, что евреи находили для себя выгодным. Приводим выдержку из интересной могилевской корреспонденции “Московских Ведомостей” (№ 153) — выдержку, касающуюся современного значения евреев для здешнего края: “Грустно смотреть на здешний народ приезжему из центральных губерний; по одному внешнему виду

¹³⁶ См. подробнее: http://www.russianresources.lt/archive/Vilnius/Leskov_1.html; <http://www.pinsk-history.ru/katalog/78-istoriya-pinska/istoriya-goroda/284-1862-%D0%B3%D0%BE%D0%B4-%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA>

¹³⁷ На странице: <http://www.knigafund.ru/books/117101/read#page6>. С. 42, 52–54.

всё показывает в нем бедность и неразвитость, и когда вам говорят, что эти люди много еще поправились с тех пор, как освободились от панской власти, — с ужасом спрашиваешь себя: *что же прежде было?* Встретишь на дороге крестьян — удивишься, что за хозяйство, в котором такие мелкие, тщедушные лошаденки тащат телегу маленькую, жиденькую, как детская игрушка, и на такой тележке охапка сена или вязанка дров считается возом. Здешняя слабосильная лошаденка едва поднимает тяжесть в 10 пудов весу. Вечный белый балахон, белая валяная шапка и лапти — вот и будничный, и праздничный наряд здешнего крестьянина; сапоги, синий кафтан — явление редкое, чрезвычайное в здешнем крае. Еще грустнее поглядеть, как живут они и чем они питаются; степной или подмосковный крестьянин с отвращением взглянул бы на хлеб, который едят здесь крестьяне, и не только бедные, но и зажиточные, потому что о лучшем хлебе не имеют понятия и лучшего не производят. Немудрено, что круг их понятий крайне ограничен: ему некуда расширяться, нечем обогатиться, потому что нет около них движения, которое служит средством к развитию. В наших краях крестьянин почти всегда бывалый человек; многие по несколько раз в год ходят на промысел, ездят в город, бывали на разных концах России. А здесь так слабо, так ничтожно промышленное движение, что не редкость в уездной глуши встретить пожилого мужика, который всю жизнь прожил около себя и в 15 верстах от своей деревни не знает, куда и как проехать. В этом маленьком, узеньком кружке жизни самое ясное, *самое определенное понятие крестьянина было понятие о пане и о его безграничной власти, да еще о еврее*, с которым неразрывно связана до сих пор вся экономия крестьянского быта. Пан теперь уже не существует в прежнем своем значении, но еврей получил для крестьянина еще больше значения, чем прежде. Надобно побывать в здешнем крае, надобно посмотреть на еврея рядом с крестьянином: тогда только возможно поверить и привести в меру то *идеальное понятие о еврее как бедном, униженном и загнанном существе, понятие,*

которое преобладает в нашей журнальной литературе. Если кого можно назвать господином здешнего края, так это еврея, ибо он *господин над карманами*, и прежде всего над *ветхими кошельками крестьянскими*, из которых последние гроши, точно в силу экономического закона, тем или другим путем переходят в руки еврея. Пользуясь невежеством, безграмотностью, неопытностью почти что детскою здешнего крестьянина, еврей опутал его с давних времен такую хитрою и безвыходною сетью обязательств, что крестьянин служит ему точно *вечным батраком* и принужден на всякую добываемую копейку смотреть как на принадлежность еврея. А еврей есть повсюду, ибо повсюду есть корчма, содержаемая евреем; эта корчма служит и деревенским клубом, и единственным банком здешнего края. Редкий крестьянин может обойтись без еврея, и в случае нужды больше не у кого просить помощи. Еврей всегда готов подать ее, потому что всегда имеет под рукою средство удовлетворить себя вдвое, втрое, насколько хватит имущества у крестьянина. В годовом хозяйственном обороте у крестьянина нет места, где бы он мог вздохнуть свободно, не имея у себя на спине неоплатного долга, а за спиною еврея-взыскателя. Крестьянин собирает осенью с поля скудную свою жатву, а за ним уже следит еврей и прямо с поля бóльшую часть и хлеба, и сена свозит к себе в пуню, объявляя, что и то еще не весь долг уплачен, и насчитывая на крестьянина, сколько ему вздумается”». У Кулиша, пишет Бессонов, есть еще народные указания и на то, как жида держали на аренде церкви¹³⁸.

П. Бессонов во вступительной статье критиковал первые попытки собирания памятников народного творчества в крае, которые, «разумеется, были сделаны по-своему, по-ихнему» — с искаженными текстами и польским переводом и с «умышленным извращением фактов (сборник Зенкевича. — М. А.). <...> Русская наука не может оставаться в молчании при виде таких неправильных

¹³⁸ Подробно об этом спорном вопросе см.: <https://ru-history.livejournal.com/1859563.html>

понятий о западном крае России, какие распространились по всей Европе и затемняют самые очевидные и несомненные факты западнорусской истории и жизни. Десять миллионов людей, живущих между Великой Россией и Польшей, не поняты Западной Европой, не признаны достойными серьезного внимания, несмотря на их богатую событиями историю, несмотря на громкое, неоспоримое заявление о себе с самого начала польских смут; они причислены к полякам с таким легкомыслием, примера которому не представляет нам история с тех пор, как перестали смотреть на народ как на стадо, которое можно пригнать, куда вздумается. Чем объяснить такое небывалое, поразительное невнимание западноевропейского мнения к стране с десятью миллионами жителей? — Оставляем в стороне коварные внушения, выработавшие и поддерживающие в Западной Европе такое непонимание действительного народа Западной России и действительного его направления. Мы думаем, что, как бы ни были сильны эти внушения, они не могли бы так много сделать, если бы в самом западнорусском вопросе не было к этому подготовки <...> Давняя историческая борьба между русскими и поляками обнаружила ясно различие между ними. К различию этому все привыкли и нередко представляют его себе даже гораздо большим, чем оно есть на самом деле. Но между этими двумя народностями (одной однако расы) — между русской и польской — находятся еще белорусы и малороссы¹³⁹. Оба эти племени отличаются некоторыми особенностями и от великорусов, и от поляков. Людям, знающим славянские народы, в частности людям, близко знающим Россию и Польшу, понятно и ясно, как Божий день, что оба эти племени — белорусы и малороссы — тоже русский народ, что они не могут быть причисляемы к польскому народу. Но легко ли знать западному европейцу, к кому

¹³⁹ Третье туземное население Западной России — литовцы. Они резко отличны и от русских, и от поляков. Какое они имеют отношение к белорусам и малороссам — это читатели увидят ниже (Примеч. П. Бессонова).

ближе белорусы и малороссы — к Великой России или к Польше? Легко ли Западной Европе, при виде борьбы между двумя славянскими народами — русскими и поляками, обратить внимание на третий, находящийся между ними, народный элемент — западнорусский, особенно когда этот третий элемент составляет почти исключительно массу простого народа, а над ним стоят и борются русские и поляки?

А между тем знание это оказывается крайне необходимым. Нельзя не заметить, что польский вопрос постоянно направляется в невероятно неестественную сторону. Менее было бы странно, если бы поляки старались группировать в одно чисто польский народ в областях чисто польских; но они постоянно бросаются на чужую почву, на почву русскую — в Западную Россию, на почву, которой русский народ никогда не уступит, как бы много ни пришлось ему принести жертв, не уступит потому, что это его родная земля и родной народ. Незнание этой истины может повести к неизмеримой трате сил и к неисчислимым последствиям как для России, так и для Западной Европы, и всё это для того только, чтобы убедиться, что польский вопрос напрасно переносится на чужую почву. — Мы думаем, что все обладающие действительным знанием дела должны напрягать свои усилия, чтобы предотвратить эти бедствия. Русская наука не может не чувствовать, что на ней особенно лежит эта обязанность. Она ближе к этому делу и, как читатели увидят, обладает немалым запасом материалов для уяснения истории и быта Западной России. В этих видах Археографическая комиссия предприняла издание сборника важнейших документов касательно Западной России, которому предшествует исследование, заключающее в себе итог важнейших научных данных по истории и этнографии этой страны»¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Документы, объясняющие историю западнорусского края и его отношения к России и к Польше / Сост. М. Коялович. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1865. С. 6–8. <https://books.google.ru/books?id=97sKAAAIAAJ&dq=inauthor:%22%D0%9C%D0>

«Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае» (1866) с научной, филологической точки зрения обосновывал принадлежность белорусов (скажем аккуратно) более к восточнославянской, православной ветви цивилизации. «Отсутствие более полного и достоверного сборника памятников народного творчества в Северо-Западном крае <...> неотложность и важность такого сборника в настоящее время» подтолкнули к осуществлению издания¹⁴¹. Этот сборник, конечно, не был единственным. Такого рода сборники выходили и раньше. Например, после первого польского восстания, в 1843 г., в Вильне выходит обширный двухтомник «Собрание древних грамот и актов города Вильны, Ковна, Троков, православных монастырей, церквей, и по разным предметам». Петербургская газета «Северная пчела» откликнулась на его появление рецензией: «Первый получаемый отсюда результат состоит в неопровержимой, освобождаемой от всякой тени сомнения, уверенности, что язык русский был язык господствующий в так называемой некогда Литве, даже и в то время, когда она уже была соединена с Польшею. Язык этот являлся народным и государственным, то есть деловым, официальным. <...> Язык русский мог иметь такое повсюдное и постоянное владычество не иначе, как при решительном перевесе и преобладании народонаселения русского. Это не был язык мертвый, которому надо было учиться из книг. <...> Это тот самый язык, который доныне живет в устах нескольких миллионов людей, всегда и везде называющих себя русскими...»¹⁴²

%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB%20%D0%9E%D1%81%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87%20%D0%9A%D0%BE%D1%8F%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87%22&pg=PR1#v=onepage&q&f=false

¹⁴¹ Гильтебрандт П. Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае. Вильна, 1866. Вып. 1. С. 7. На странице: <http://www.knigafund.ru/books/117101/read#page6>

¹⁴² Іваноў А. А. Новыя кнігі. Агляд выдавецкай дзейнасці на старонках газеты «Віленскі веснік» // Вестник Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова. 2014. № 1 (43). С. 47–53.

В предисловии к восьмитомнику П. Н. Батюшкова «Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения» (1868–1885) говорилось: «До последних смут в Польше, отразившихся волнением и в западных губерниях империи, русское общество было мало знакомое минувшим и действительным положением этого края. Изданные о нем до того времени сведения были крайне неполны или неверны. Когда польские писатели, преднамеренно искажая факты, представляли положение наших западных губерний в ложном свете, столь выгодном для осуществления заветных польских мечтаний, а иностранные публицисты вторили их неправде, мы, русские, должны были нередко безмолвствовать, потому что были не довольно знакомы с нашим родным достоянием и, следовательно, не могли с надлежащим авторитетом опровергать ложь. От незнания нами фактов и произошла та громадная сила польской интриги, которая едва не успела уверить не только иностранцев, но, к сожалению, и многих русских, преданных своей родине, что единственное право наше на западные окраины империи основано только на одном завоевании, тогда как оно истекает из присущих всему западному краю основных русских начал и из самого склада исторической жизни России».

Надо думать, что каждый исследователь, даже стараясь быть объективным, исходит из своего собственного понимания этого края; учтем и тот факт, что понимания его границ (географических, этнографических и пр.) и принадлежности как такового не существовало. В ходе экспедиций остро вставали важные этнографические вопросы: например, «кого из т. н. белорусов следует считать коренными славянами и кого потомками литовцев или же

А. Ромер. Портрет ссыльного повстанца Флориана Дановского. 1860.

Д. Струков. Строящаяся церковь во имя Великомученика и Победоносца Георгия в с. Вымно. 1864–1866.

потомками тех и других вместе <...> прим.: замечательно, что между литовскими и белорусскими обычаями и обрядами вообще много общего, насколько можно судить по некоторым описаниям последних...»¹⁴³ Действительно, государственные границы довольно условны и меняются во времени (прекрасный тому пример — книги Максимова «Белорусская Смоленщина с соседями» или «Обитель и житель»), а пограничья, да и само государство, являются сложным сплавом разных культур. «Еще около Игумена начинает примечаться сближение обычаев литовских с русскими. За Бобруйском и возле Мозыря крестьяне говорят довольно чистым российским или, лучше сказать, малороссийским языком и несомненно показывают следы российского происхождения...»¹⁴⁴

В силу своего положения белорусские земли издревле выступали как арена борьбы — как военно-политической,

¹⁴³ Ф. 1–1870. Оп. 1. № 31 (ч. II). Дело ИРГО о снаряжении этнографической экспедиции в западные губернии. Начато 2 октября 1870. Л. 62–62об. 5 декабря 1870. № 308. Вильна. 29 ноября 1870. Кузнецов — Остен-Сакену.

¹⁴⁴ Бошняк А. К. Дневные записки путешествия в различные области западной и полуденной России.

так и идеологической. Борьба продолжается и по сей день. В 2002 г. была напечатана статья Ю. Борисенка и В. Лобача «Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре»¹⁴⁵. Интересная сама по себе (наличием большого фактического и статистического материала), она рисует исключительно негативный образ «восточного соседа» в представлениях белорусов, национальное сознание которых, по словам авторов, «практически отсутствовало». Можно согласиться с некоторыми выводами авторов (в частности, о том, что в формировании у белорусов стереотипа относительно русских большую роль сыграла социальная составляющая (духовенство, чиновники, дворяне, купечество, а также солдаты и староверы), а также многовековое и тяжелое для белорусов соперничество между Россией и Речью Посполитой за гегемонию на белорусских и украинских землях). Однако в ряде выводов исследователей наблюдаются подмены. Совершенно не учитывается и остается за рамками важный конфессиональный вопрос, а также исконное тяготение восточных земель к России; постоянно педалируется сомнительный тезис о «выразительных отличиях в языке, обычаях и ментальности» и др. «После разделов Речи Посполитой в конце XVIII в., — пишут авторы, — многие крестьяне были недовольны ухудшением своего имущественного положения: “Мы спрэжда былі багаты, было ў нас трыдцать коней. Наканец таго, заступілі памешчыкі з Масквы, асталось з трыдцаті тры толькі”¹⁴⁶. <...> Старики утверждают, что пока “Кацярынушка не забрала край, — зімы былі карацей, а як забрала, — лета стала карацейшым”»¹⁴⁷. Между тем данные сведения могут быть подвержены сомнению. Далее, «москаль» в

¹⁴⁵ Борисенко Ю., Лобач В. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре // Родина. 2002. № 7. На странице: <http://belhramada.ru/artykuly/vostochnyi-sosed/>

¹⁴⁶ Романов Е. Р. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4. С. 89.

¹⁴⁷ Берман И. Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе (Виленской губернии, Ошмянского уезда) // Записки ИРГО по Отд. этнографии. СПб., 1893. Т. 5. С. 3–43.

глазах белорусского крестьянина соотносился, скорее, с inferнальной, враждебной сферой миропорядка (и «литвин» в глазах «москаля» тоже). В пример приводится фрагмент из Максимова об остахах, а также заговоры. При этом оговаривается, что «известны случаи, когда колдун-“москаль” фигурирует и в позитивном значении». Авторы приводят записанные Максимовым поговорки: «Ад чорта адхрысцісься, а ад маскаля не адмолісься», «Ад Масквы полы ўрэж, да ўцякай», «Тату, тату! Лезе чорце ў хату! — Дарма! Абы не маскаль», однако опускает продолжение цитаты: «Но и обе эти поговорки не своего изобретения, а взяты напрокат у малороссов». «Таким образом, — делают свой вывод авторы, — на протяжении многих столетий, в том числе и в конце XIX — начале XX века, пришельцы с востока, “москали”, рассматривались белорусами пограничья как одни из наиболее опасных чужаков. Оспорить этот вывод с помощью научных аргументов практически невозможно — этнографы XIX столетия были люди законопослушные и преданные монархии, но при этом скрупулезно и добросовестно фиксировали проявления народного сознания»¹⁴⁸.

Однако приведенные авторами факты отнюдь не говорят о кардинальном разрыве. Известно, что и между жителями разных городов и даже деревень имелись друг для друга нелестные прозвища, между тем это не мешало им в целом осознавать свое единство. Этим можно объяснить то, что «наиболее контрастные характеристики встречаются именно на белорусско-русском пограничье», в то время как авторы объясняют это исключительно нахождением пограничья в зоне постоянных военных действий.

Далее, необходимо говорить об амбивалентности народного сознания. Одна и та же проблема всегда находит в народе противоположные решения (*делу — время, потехе — час, но: работа не волк, в лес не убежит* и масса других примеров).

¹⁴⁸ Борисенок Ю., Лобач В. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре // Родина. 2002. № 7. С. 46–49. На странице: <http://belhramada.ru/artykuly/vostochnyi-sosed/>

Н. Орда. Ружаны, Сапега. 1875.

Кроме того, эта подборка фактов не учитывает противоположных фактов. Частично они были изложены в ряде книг, в том числе и с опорой на фольклорные источники. «Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае», изданный в 1866 г. редакцией «Виленского вестника», наполнен противоположными интенциями¹⁴⁹. В противовес выводам В. Лобача и Ю. Борисенка «при чтении этих песен (записанных, кстати, на обширном пространстве Белоруссии: в Гродненской, Виленской и Минской губерниях. — М. А.) внимание читателя останавливается на языке их, почти совершенно понятном для великоруса. Затем читатель видит сходство, и сходство поразительное, не только в отдельных оборотах и выражениях, но даже и в целых песнях — с великорусскими»¹⁵⁰ (далее приводятся сходные песни Орловской, Архангельской (зап. С. В. Максимовым!), Гродненской губерний). Материал сопровождается подробными лингвистическими, этнографическими, историческими данными, которые

¹⁴⁹ Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае. С. 42, 52–54. На странице: <http://www.knigafund.ru/books/117101/read#page6>

¹⁵⁰ Там же. С. 8.

нашли отражение в песнях, пословицах. В противовес «опасному соседу» с востока всплывает не менее опасный с запада: «*День и ночь буду молити, День и ночь буду просити, / Шобы сгнули ляхи!* Песня эта несомненно относится к весьма раннему времени русской истории. Или вот, например (стр. 116), крестьяне минские ждут не дождутся, когда к ним придут *Москали, Наши сродные, / Веры одняя!* Было бы нам хорошо, — и мы были бы счастливы, продолжают минские крестьяне, *когда бы вся Русь, держась одною силою, заодно была. Но, вероятно, за грехи пришли к нам ляхи и заняли наш край. Ой ляхи б не пришли, / Шоб паны их не свелы, / Ой паны щобы пропалы, / Шо ляхам нас запродали; / Ой, паны, щоб вы сгнулы, / Що вы веру покинулы.* <...> Песня эта, как надо полагать, сложилась не во время Ягайлы, но при ближайших его наследниках. Дурная память о поляках вошла даже и в заклинания (пример, обратный приведенным В. Лобачем и Ю. Борисенком. — М. А.). <...> *Загубы яго ты душу, / Высуши як гэту грушу, / Як Русь ляхи загубыли, / Як Русь ляхы полонили.* <...> Песня на стр. 115-й весьма замечательна: <...> она служит доказательством, что здешний народ, незнакомый с писаною историей, хорошо помнит и глубоко сознает, что “старожитная” его вера есть вера русская, православная <...> что по всем здешним городам, еще со времен Владимира, были поставлены православные церкви; что *латынь, эта нечистая сила*, является уже гораздо позднее, в эпоху князя Радзивилла: *Понайшла нечиста сила, / Русску веру поглумила: / Батьки (прав. свящ.) в церкви не служили, / А ксендзы иншу вопили.* <...> Приведенная песня православных крестьян заканчивается слезами и молитвою пред св. Юрием, во имя которого создана, по свидетельству песни, первая православная церковь в Несвиже, *Шоб яго святая сила / Поконала Радзивила*»¹⁵¹. Рассматриваются в статье на фольклорном материале также и непростые взаимоотношения белорусского

¹⁵¹ Там же. С. 25–31.

и еврейского населения, довлеющего над коренным. Отдельно приведены и разобраны «барщинные песни» (с. 60). Опять же в противовес сведениям В. Лобача и Ю. Борисенка, «горькие жалобы и даже проклятия, слышащиеся в песнях, упоминающих о панщине, вполне оправдываются положением здешних крестьян в XV, XVII, XVIII столетиях и в первой половине нынешнего. <...> Вторая половина XVI в. Крестьяне терпят большие притеснения от владельцев. Если пан разгневаётся за что-либо на своего подданного, то он его выпорет, ограбит, выгонит из дому, а иногда отымет от него даже хлеб, так что бедный крестьянин, с женою и детьми, не имеет и в рот что положить. Крестьяне ежедневно ходят на тяжёлую работу. Если хлоп имеет нужду к своему пану, то без подарка и не приступай, а если и приступит, то отправляют его к управляющему. За всё и везде воздай пану, потому что каждое слово свое ценит он золотом. Для пана работают пять дней <...>».

Но в 1860-е гг., после Польского восстания, начала проводиться активная политика русификации края. В зависимости от точки зрения к ней можно относиться по-разному — как к изменению уклада жизни или как к восстановлению исторической справедливости, своеобразной «реституции». На службу государству была поставлена и наука, в частности история, литература, фольклористика.

Одним из проявлений этого процесса была и экспедиция Максимова. Март и апрель 1868 г. он предполагал посвятить поездке по северу Белоруссии, т. е. по северным уездам губерний Виленской и Минской и по восточным уездам Витебской, тем окончив свои труды в крае. Трудно сказать, осуществился ли этот план: в начале 1868 г. он поступает на службу редактором в газету «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и городской полиции», 2 марта 1868 г. газета впервые была подписана «И. д. редактора С. В. Максимов». Но летом 1868 г. Максимов совершил несколько значительных поездок по Западному краю, о которых мы узнаем из Журнала общего собрания Императорского Русского

географического общества от 2 октября 1868 г. Важной частью повестки собрания был доклад о летних занятиях в Обществе: «1) Гг. Максимов и Дубенский продолжали свои исследования в западных губерниях. Первый из них, начав свою поездку с Пскова, следовал по окраине великорусского племени с белорусским, через Опочку, Новоржев и Усвят (местечко Витебской губернии, Велижского уезда. — М. А.). Начиная от Велижа, он уже ехал по северо-западной границе белорусского племени. В Смоленской губернии он углубился в сердце Белоруссии, на Поречье и Смоленск. (Далее он заезжал в Витебск, чтобы изучить те особенности, которыми отличалось северное белорусское племя, уточняет П. П. Семёнов-Тян-Шанский¹⁵². — М. А.) Первая поездка окончилась Полоцком и Дриссою. Затем г. Максимов отправился в южную часть Гродненской губернии для определения, по возможности, точных границ между белорусским племенем и малороссами (живущими по всей южной части Гродненской губернии. — *Примеч. П. П. Семёнова-Тян-Шанского*). Г. Дубенский представил часть приведенных им в порядок материалов, а именно начало физического описания западного края, а также крайне интересную почвенную историю сего края <...>»¹⁵³.

О Дубенском в свете белорусской этнографии следует здесь сказать особо. «Н. Я. Дубенский в 1867 г., избрав центром своих изысканий по Северо-Западному краю г. Вильно, посвятил летние месяцы разъездам по Ковенской, Витебской, Могилевской, Виленской и Гродненской губерниям, а с сентября принялся за приведение в порядок собранных материалов, а также

¹⁵² Семёнов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч. 1. С. 386. На странице: <http://www.runivers.ru/bookreader/book485414/#page/427/mode/1up>

¹⁵³ Журнал общего собрания ИРГО. 2 октября 1868 г. // Известия РГО, 1868. № 4. С. 158. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-679/RuPRLIB12047254/index.html>

по своему собственному почину за составление хозяйственной карты, с указанием на оной почв и густоты населения. Карта эта была результатом его ознакомления в 1867 г. со свойством и протяжением разных почв края. Он представил Обществу в 1868 г. составленную им почвенную карту и дополнил свои исследования сведениями о производительности и доходности земель и о ценах на хлеба в разных местностях. Земли нечерноземной полосы Западного края Дубенский распределил на своей карте на пять разрядов, начиная от тощих, малопродуктивных песков в озерном пространстве и в Полесье, с урожаем в 10 и 20 четвериков с десятины (сверх семян), до плодородного водораздельного края в верховьях Днепра, Западной Двины, Немана и Буга и до тучных земель Ковенской губернии, с урожаем от 40 до 60 четвериков. Затем объезды Дубенского в 1867 г. были направлены главным образом на ознакомление с экономическим положением сельского населения Северо-Западного края, но вместе с тем он обратил, конечно, внимание и на главную свою задачу — распределение населения в Западном крае по племенам и вероисповеданиям. Разграничивающую чертой между литовцами и русскими он признал песчаную и бесплодную полосу, которая тянется с северо-востока на юго-запад, начиная выше Люцина, между Режицей и Себежем к Друйску на Двине, потом между Свенцьянами и Вилейкой, Вильной и Ошмянами, Троками и Лидой и т. д. и чрез Неман, к сев. от Бобра, до прусской границы. Движение русского племени к западу от этой песчаной полосы, а литовского к востоку, по мнению Дубенского, совершалось только по большим рекам, по Двине, Вилии и Неману, на бережьях которых оба племени перемешались. По Вилии, в окрестностях Дукшты и Ворни, Дубенский встретил селения, в которых говорят и по-русски, и по-литовски, но польский язык не в употреблении ни в русском, ни в литовском, даже католическом, населении. От этой полосы смешанного населения на восток шло сплошное русское и почти сплошное православное, на запад

сплошное литовское, католическое население. Русское католическое население, к востоку от указанной черты, охотно возвращалось в православную веру предков своих и без сетования встречало закрытие костелов и обращение их в православные церкви, как по сохранившимся преданиям, что прежде вера их предков была православная, так и потому, что большинство там принадлежало к православному вероисповеданию и что не было в селениях почти ни одного крестьянского семейства чисто католического, а везде были и православные члены: то отец, то мать, а отсюда и дети. За Неманом, в Сувалкской губернии, литовское племя смешалось с польским, а еще южнее, по Бугу, Бобру и Нареву, в губерниях Ломжинской и Седлецкой, польское племя

Д. Струков. Могилёв.
Покровская церковь. 1864–1867.

встретилось и смешалось с русским¹⁵⁴. Независимо от того Дубенский разработал некоторые из имевшихся в Вильне статистических данных о еврейском населении в С.-З. крае и убедился в поразительной их неверности»¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Общее число жителей на всей площади с господствующим русским населением и отчасти литовским Дубенский определил в 12 509 500 душ обоего пола. В том числе русских до 8 150 533, латышей, литовцев и жмудяков 1 540 000, поляков до 748 000, немцев до 129 000, караимов и татар до 9000, евреев 1 833 000. Итак, русское население составляло до 66%, литовцы и жмудь 12,33%, поляки 6%, евреи 14,67%, немцы 1,08%, караимы и татары 0,7%. По отношению ко всем этим различным составным частям населения Западного края исследователь собрал довольно обстоятельные сведения о их взаимных отношениях, о занятиях и благосостоянии и т. п.

¹⁵⁵ Семёнов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч. 1. С. 386–387.

26 ноября 1868 г. состоялось очередное заседание Комиссии по снаряжению этнографической и статистической экспедиции в Западнорусский край (д. чл. А. И. Артемьев, П. О. Бобровский, А. Б. Бушен, М. О. Коялович, С. П. Щепкин, Ю. Э. Янсон, М. Н. Раевский, Л. Н. Майков и Ф. Р. Остен-Сакен). «Комиссия пришла к следующим заключениям: 1) выслушав заявление чл.-с. С. В. Максимова, закончившего изучение белорусского племени, что он в настоящее время не находит возможным продолжать возложенные на него исследования над русским населением в Западнорусском крае, Комиссия определила считать эту часть задачи экспедиции законченною в общих чертах и, освободив г. Максимова от поездки в Юго-Западный край, просит его довести до окончания обработку его этнографических исследований о белорусах. <...> 5) Имея в виду, что капитал, высочайше предоставленный для снаряжения экспедиции, с наросшими на него процентами, превышает в настоящее время 7000 р., Комиссия положила распределить его примерно следующим образом: 1700 р. на этнографические исследования о литовцах и латышах; 3000 р. на этнографические и статистические исследования в Юго-Западном крае, 300 р. на поездку г. Максимова для дополнения (по указанию Комиссии) его исследований о белорусах и 2000 р. в запасный капитал»¹⁵⁶.

Здесь, казалось бы, «белорусская эпопея» Максимова могла быть — с учетом доработок — окончена. Однако писатель работал по этой теме еще как минимум до 1875 г.

4 ноября 1869 г. Максимов писал Д. И. Завалишину: «Теперь занимаюсь приготовлением статей о Белоруссии и “Белорусов” буду читать в конце этого месяца в заседании Этнографического отдела. Ею занят в настоящие дни с усердием и усидчивостью <...> Нынешней зимой

¹⁵⁶ Заседание Комиссии по снаряжению этнографической и статистической экспедиции в Западнорусский край. 26 ноября 1868 года // Известия ИРГО. 1869. С. 4–5. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-678/RuPRLIB12047253/index.html>

И. Хруцкий. В комнатах усадьбы художника И.Ф. Хруцкого «Захареничи». 1855.

надеюсь ее кончить всю»¹⁵⁷. «Полный отчет ожидался в 1873 г., но не появился и донныне», — свидетельствовал А. Н. Пыпин в 1892 г.¹⁵⁸

Из журналов заседаний ИРГО мы знаем, что 6 апреля 1870 г. на заседании Комиссии по снаряжению этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край «вниманию комиссии предложены сведения о ходе работы С. В. Максимова и П. П. Чубинского»¹⁵⁹, исследовавшего мировоззрение «южнорусов» — очевидно, заочные (?), а затем Ю. П. Кузнецов (в 1869–1871 гг. занимался изучением литовцев и латышей в рамках

¹⁵⁷ Щукинский сборник. М., 1912. Вып. X. С. 448. На странице: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003971523#?page=216>

¹⁵⁸ Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4. С. 147.

¹⁵⁹ Ф. 1–1870. Оп 1. № 31 (ч. II). Дело ИРГО о снаряжении этнографической экспедиции в западные губернии. Начато 2 октября 1870. Л. 110. Журналы заседаний Комиссии по снаряжению этнографическо-статистической экспед. в Западнорусский край. 6 апреля 1870 г.

экспедиции ИРГО) лично изложил ход своего путешествия. Периодически С. В. Максимов лично присутствовал на заседаниях ИРГО, в основном касающихся именно Северо-Западного края. В частности, в марте 1871 г. он дважды выступал в ИРГО с сообщениями о ходе своих исследований. Сначала 3 марта на Общем собрании Императорского Русского географического общества он известил, что «составляет в настоящее время карту Белоруссии, с объяснительными статьями»¹⁶⁰, а затем 8 марта на заседании Комиссии по снаряжению этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край (под председательством д. чл. П. П. Семёнова, присутствовали члены Комиссии, д. чл.: А. И. Артемьев, М. О. Коялович, Л. Н. Майков, барон Ф. Р. Остен-Сакен и С. П. Щепкин и приглашенные в заседание члены экспедиции чл.-с. Ю. П. Кузнецов и С. В. Максимов) «изложил программу составляемого им этнографического описания белорусского населения, сообщил сведения о составляемой им этнографической карте этого племени и заявил, что надеется окончить свой труд осенью текущего года», и «Комиссия, сочувственно выслушав сообщение г. Максимова, выразила желание о скорейшем окончании его труда»¹⁶¹.

Однако, судя по всему, работа эта в этот запланированный срок не была закончена. «Сопrotивление материала», жизненные обстоятельства этого периода объясняют это. Кроме того, примерно в этот период Максимов увлекся также темой нищенства, бродяжничества (в 1877 г. выходит книга «Бродячая Русь Христа ради»). «Вообще, обилие написанного Максимовым

¹⁶⁰ Журнал Общего собрания Императорского Русского географического общества. 3 марта 1871 г. // Известия ИРГО. 1871. С. 13. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-514/RuPRLIB12029981/index.html>

¹⁶¹ Журнал заседания Комиссии по снаряжению этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край. 8 марта 1871 г. // Известия ИРГО. 1871. С. 149. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-514/RuPRLIB12029981/index.html>

вызывает удивление. Ведь большую часть своей жизни ему пришлось отдать газетной рутине — тридцать лет он был редактором “Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства и городской полиции”. В конторе этого скучного казенного листка, почти целиком заполненного объявлениями да “Дневником происшествий”, поведовавшим о мелких городских скандалах и казусах вроде “упущения кошкою”, Максимову приходилось проводить несколько часов ежедневно, а то и засиживаться до ночи. Но бросить постылую службу писатель не мог. Современник дает такое объяснение странной “привязанности” Сергея Васильевича: “Максимов был человек совершенно необеспеченный, семья у него была большая, а литературного заработка далеко не хватало” [*Сементковский Р. И. Встречи и столкновения // Русская старина, декабрь 1912 г.*]¹⁶². В письме к Д. И. Завалишину Максимов жаловался: «К этой моей редакции присоединилась нежданная и негаданная вторая, по изданию “Вестника Общества попечения о раненых и больных воинах”, от которой, несмотря на незначительное вознаграждение и на кучу дел, я не имел права и не был в силах отказаться... <...> эти хлопоты по новому и лишнему делу заполнили и тот скудный досуг, который кое-как выбивался для меня среди беготни за статистическими и иными полицейскими сведениями и сидений до 3 часов ночи в типографии. Тут и там я один без помощников и сотрудников»¹⁶³. Другим Максимов говорил: «Я до пяти часов ночи сижу в типографии, всё пишу сам, и каждая статья стоит нескольких фунтов крови». Помимо тягот, связанных с единоличным редактированием газеты, писателю приходилось терпеть придирки полицейского начальства, не раз за какую-нибудь опечатку в «Ведомостях» он попадал на гауптвахту.

¹⁶² Плеханов С. Путем зерна // Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 234. На странице: http://az.lib.ru/m/maksimow_s_w/text_0110.shtml

¹⁶³ Цит. по: Плеханов С. Охота за словом. С. 237.

Н. Орда. Костел и монастырь доминиканцев в Волынцах. 1875–1876.

Еще одно важное обстоятельство этих лет. «В конце 1860-х годов, в период оживления политической и общественной жизни в стране, стала возможна публикация его статей о Сибири. В 1868 году “Вестник Европы” (№ 6–8) публикует пять очерков Максимова, а в следующем, 1869 году “Отечественные записки” открыли страницы для статей, посвященных государственным и политическим “преступникам” (в том числе декабристам), где они и печатались в течение года. И снова статьи Максимова привлекли пристальное внимание цензуры»¹⁶⁴ как «неудобные», проявляющие излишнее участие и «неуместную симпатию» к заключенным.

Так или иначе, Ревизионная комиссия ИРГО за 1874 г. обнаружила «белорусскую» работу не доведенной до конца. Об этом было доложено на заседании ИРГО 29 апреля 1875 г. «Доклад Ревизионной комиссии Императорского Русского географического общества за 1874 г.» был затем опубликован в журнале заседания в Известиях ИРГО за 1875 г.: «Относительно разработки статистического материала по Северо-Западному краю, обязательно принятой

¹⁶⁴ Мартынова А. Н. Бытописатель земли русской. Культурно-исторический очерк о писателе, ученом-этнографе Сергее Васильевиче Максимова. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 53.

на себя д. чл. Бобровским, Комиссия полагала бы полезным, чтобы при разработке этой было обращено внимание на собранные в последнее время членами Северо-Западного отдела нашего общества статистические сведения о крае, а также на рукописные источники, которые, судя по отчетам общества за 1871 и 1872 годы, поступают в Отдел в значительном количестве. 4) В отчете же 1873 г. было упомянуто, что г. Максимов выразил намерение представить труд свой по совершенной им в 1867–1868 годах этнографической экспедиции в Белорусский край к осени 1874 года. Не находя по этому предмету сведений в настоящем отчете, Комиссия желала бы знать, в каком положении находится это дело»¹⁶⁵.

В этом же журнале был опубликован и отзыв Совета на замечания Ревизионной комиссии, составленный «на основании выраженных гг. членами Совета соображений и сообщенных г. вице-председателем сведений о ходе работы г. Максимова по составлению его отчета по участию в этнографической экспедиции в Северо-Западный край»: «Отзыв Совета на доклад Ревизионной комиссии <...> Относительно разработки статистических материалов северо-западной экспедиции, Совет Общества, согласно мнению Ревизионной комиссии, питает уверенность, что д. чл. О. П. Бобровский воспользуется для своего труда всеми материалами, которые имеются в Северо-Западном отделе Общества; что же касается до работы чл.-сотр. С. В. Максимова, то Совету известно, что он деятельно занят в настоящее время сочинением о белорусах, источниками для которого служат ему не только материалы, собранные во время экспедиции, но и другие, полученные им впоследствии его личными усилиями и исследованиями. Для сочинения этого, в которое войдет описание бытовых особенностей

¹⁶⁵ Доклад Ревизионной комиссии Императорского Русского географического общества за 1874 год. Журнал заседания ИРГО. 29 апреля 1875 года // Известия ИРГО. 1875. С. 127, 131, 143–144. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-721/RuPRLIB12047265/index.html>

белорусского племени в литературной форме, свойственной таланту г. Максимова, между прочим, собрано г. автором значительное количество рисунков, большею частью уже исполненных. Имея в виду, что к изданию сочинения г. Максимова можно было бы уже приступить к осени текущего года, Совет вошел в такое соглашение с автором, в силу которого представлялась возможность, не отягчая бюджета Общества, осуществить это издание в самом близком будущем; а именно, г. Максимов принял издание на свои собственные средства, в виде отчета экспедиции Общества, причем обязуется предоставить в распоряжение Общества определенное количество экземпляров для рассылки от Общества в те ученые учреждения, иностранные и русские, с которыми Общество обменивается своими изданиями. Совет Общества полагает означенным решением вопроса удовлетворить в полной мере как тем научным целям, которые экспедиция имела в виду, так и материальным интересам Общества и самого автора, положившего много труда и частью собственных средств на разработку своего сочинения»¹⁶⁶.

Год спустя в ходе работы Ревизионной комиссии вновь вспомнили о Максимове. В Известиях ИРГО был опубликован доклад Комиссии с упоминанием его и его труда: «В отношении к *изданиям* замечания Комиссии состоят в следующем: <...> б) Комиссия полагает необходимым, чтоб при издании членом-сотрудником С. В. Максимовым, — тем порядком, который обусловлен Советом по сношениям с исследователем, — этнографических материалов, собранных им по поручению Общества в Белорусском крае, в труд г. Максимова вошли ответы на ту программу, которую Общество преподало ему при возложении на него

¹⁶⁶ Отзыв Совета на замечания Ревизионной комиссии ИРГО // Известия ИРГО. 1875. С. 127; Журнал заседания ИРГО. 29 апреля 1875 г. // Известия ИРГО. 1875. С. 145–146. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-721/RuPRLIB12047265/index.html>

поручения, — причем издание удовлетворит целям, которые Общество имело в виду»¹⁶⁷. «Объяснения Совета на отзыв Ревизионной комиссии» были лаконичны: «Совет обратит внимание чл.-сотр. С. В. Максимова на выраженное Ревизионною Комиссиею соображение относительно его труда о Белорусском крае»¹⁶⁸.

Прочие упоминания о Максимове в архиве РГО весьма скупы. Мы знаем, что он присутствовал на заседании Отделения этнографии 9 октября 1876 г., где, в частности, сообщалось «о ходе текущих работ по Отделению в течение летних месяцев, именно: об издании VI-го и VII-го томов *Записок* Отделения, печатаемых под редакцией П. И. Лерха и Л. Н. Майкова, и трех томов *Трудов* Западнорусской экспедиции, издаваемых П. А. Гильтебрандтом и Н. И. Костомаровым»¹⁶⁹. Однако среди трудов экспедиции книги Максимова не значилось¹⁷⁰ — очевидно, по той причине, что он взял все расходы на печатание на себя и, таким образом, «развязался» с ИРГО. Был он, и активно участвовал в обсуждениях, на заседании Отделения этнографии 15 марта 1877 г.¹⁷¹ Таким образом, Максимов появлялся на

¹⁶⁷ Доклад Ревизионной комиссии (Журнал заседания Совета Императорского Русского географического общества. 16 и 23 апреля 1876 года.) // Известия ИРГО. Т. 12. 1876. С. 121, 123. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-680/RuPRLIB12047255/index.html>

¹⁶⁸ Известия ИРГО. 1876. С. 126. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-680/RuPRLIB12047255/index.html>

¹⁶⁹ Журнал заседания Отделения этнографии 9 октября 1876 года // Известия ИРГО. 1876. С. 193.

¹⁷⁰ Издания ИРГО, вышедшие в 1877 г. Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом: Юго-западный отдел: Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. Т. 1–7. СПб., 1872–1878; Литература русской географии, этнографии и статистики за 1874 г. // Известия ИРГО, 1877. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-682/RuPRLIB12047257/index.html>

¹⁷¹ Журнал заседания Отделения этнографии 15 марта 1877 года // Известия ИРГО. 1877. С. 67. На странице: <https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-682/RuPRLIB12047257/index.html>

заседаниях ИРГО редко и, как правило, только если в повестке стоял Западный край.

Какова же судьба «белорусского наследия» Максимова? Счастлива ли она? И да, и нет. Первые статьи по результатам экспедиции появились уже в январе 1868 г. в газете А. А. Краевского «Голос» (за характерной подписью «Проезжий»). В 1876 г. в журнале «Древняя и новая Россия» (№ 6, 7 и 8 за 1876 г.¹⁷²) увидела свет серия очерков Максимова под общим заглавием «Обитель и житель (Из очерков Белоруссии)», в 1882 г. в замечательном журнале «Живописная Россия» (т. 3) была напечатана с иллюстрациями серия очерков «Белорусская Смоленщина с соседями». В посмертном собрании сочинений С. В. Максимова (СПб.: Т-во «Просвещение», 1908–1913) были опубликованы произведения, полностью или фрагментами посвященные поездке в Западный край: «Обитель и житель», «Белорусская Смоленщина», «Куль хлеба и его похождения», «Крылатые слова», «Нечистая сила», «Неведомая сила», «Крестная сила», «Бродячая Русь Христа ради». Между тем «после выхода книги “Бродячая Русь” С. В. Максимовым, по свидетельству его биографа П. В. Быкова, были подготовлены к изданию книги “На Западе (Белоруссия)”, “Год на юге”, “Наши богатыри”, но они так и не были опубликованы»¹⁷³. Есть вероятность, что остается не собранным по журналам еще ряд его статей или заметок по этой теме, о русских инородцах в Белоруссии («Задушевное слово», «Новь» («Наше двоеверие»), «Сельский вестник», «Новости» и другие издания¹⁷⁴). При подготовке в печать данного издания в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом, СПб.) были найдены и публикуются здесь заметки

¹⁷² http://stariyeknigi.info/Knigi/S/Sistematiceskij_ukazatelj_statej_zhurnala_Drevnjaja_i_novaja_Rossija_1875-1881_1893.pdf

¹⁷³ Мартынова А. Н. Бытописатель земли русской. С. 70.

¹⁷⁴ Патриарх народоведения Сергей Васильевич Максимов: метод. пособие. 2-е изд. Кострома: КОУНБ, 2016. С. 15. На странице: <https://ru.calameo.com/read/00459809166578485a236>

Максимова о Белоруссии. Изданию полноценной книги помешали, очевидно, занятость Максимова, недостаточность фактического материала и глубинного проникновения в белорусскую жизнь.

Между тем для самого Максимова это путешествие было важным: в Белоруссию «Сергей Васильевич совершает последнее в своей жизни большое путешествие»¹⁷⁵. Эта поездка как бы замкнула круг его исследований, дополнив новыми материалами его произведения — созданные и только рождающиеся. «Согласившись отправиться в путешествие по семи губерниям — Псковской, Смоленской, Могилевской, Виленской, Гродненской и Минской, — писатель намеревался как бы замкнуть кольцо своих странствий по Руси. Север он прошел и проехал во время “литературной экспедиции”, Урал, Сибирь и Дальний Восток увидел двумя годами позже, южные губернии и Кавказ посетил еще через два года, а Поволжье и черноземный центр исходил вдоль и поперек еще в пятьдесят пятом и пятьдесят восьмом. Если теперь он так же досконально изучит Белоруссию и западные окраины России, то будет иметь моральное право обобщить свои наблюдения над бытом народа, говорить не только об особенностях отдельных местностей, но и выносить суждения о национальном характере, о закономерностях его развития»¹⁷⁶.

«Присматриваясь к нравам нового для себя края, Максимов как бы вел отбор материала для давно задуманных книг. Еще в дни пеших странствий с Якушкиным он решил написать о хлебе — как его сеют, убирают, как им торгуют. Парадоксально, но в великом хлебном царстве не нашлось литератора, который занялся бы этим вопросом! Разговоров о народе, о его нелегкой доле предостаточно, а о главном предмете, из-за которого мужик бьется, как-то не задумывались. А ведь хлеб — это не только основное средство пропитания, это и средоточие духовной жизни!

¹⁷⁵ Мартынова А. Н. Бытописатель земли русской. С. 67.

¹⁷⁶ Плеханов С. Н. Охота за словом. С. 232.

Сколько вокруг него обрядов, сколько поэзии!»¹⁷⁷ Возможно, посещение Белоруссии стало одним из толчков к написанию такой книги: «В Белоруссии Максимов впервые увидел хлеб, испеченный с примесью древесной коры, лебеды, мякины, — ломоть его казался комком грязи, на разломе ощетиивался колючками, как еж. Приезжие из соседних губерний доставали из котомок свои зачерствелые караваи <...>»¹⁷⁸. И в 1873 г. выходит книга «Куль хлеба и его похождения» — гимн крестьянскому труду. Книга рассказывала о быте и мировоззрении крестьянина от первого дня его появления на свет до самой смерти, давала подробное описание земледельческих орудий, злаков, устройства жилищ и хозяйственных построек, описывала социальное устройство общины. Неудивительно, что спустя два года понадобилось переиздание этой ставшей очень популярной в разгар «хождения в народ» книги.

Поездка Максимова в Белоруссию повлияла на давно задуманную им книгу «Бродячая Русь Христа ради» (1877). Действительно, по всей Руси, еще с первой своей поездки «по офени», он видел много явлений, которые просились в эту книгу: нищих (настоящих и мошенников, наживающихся на сердобольности народа), калик переходящих, раскольников, бродяг... Особая разновидность бродяг — кубраки — обосновалась в Мстиславле Могилевской губернии. «Кубраки — промысловые люди, характерные разве тем только, что родились в стране, где дремлют все промысловые силы и давно убито в коренном населении всякое ремесло... Кубрачество — промысел самого грубого дела, самым обыкновенным образом основанный на коммерческих расчетах и обставленный однородными же беззастенчивыми приемами»; в Гродненской губернии таких же «сборщиков на Божий дом», ходивших за тысячи верст, именовали лаборями. Всё это были закрытые общины,

¹⁷⁷ Там же. С. 234.

¹⁷⁸ Там же. С. 233–234.

которые, как и офени и конские барышники, использовали даже тайный язык¹⁷⁹.

Конечно, такой самобытный регион, сохранивший почти в первобытном виде, был настоящим кладом для этнографа. «Языческие пережитки уцелели в Белоруссии в наиболее яркой форме. Для этнографа это обстоятельство было самым притягательным и сыграло не последнюю роль в его согласии участвовать в экспедиции»¹⁸⁰. Этот пласт наследия вызывал интерес у многих исследователей. Е. А. Ляцкий собирал белорусский фольклор и народную мифологию, публиковал на эту тему статьи «Представление белоруса о нечистой силе» (1890)¹⁸¹, «Болезнь и смерть в представлении белоруса» (1892)¹⁸², «Материалы для изучения творчества и быта белорусов. Пословицы, поговорки, загадки» (1898)¹⁸³. (Большое количество собранного им фольклорного материала хранится в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН.) В 1907 г. вышла в свет книга Н. Я. Никифоровского «Нечистики: свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе»¹⁸⁴. Примеры можно продолжать. А впечатления С. В. Максимова от поездок в Белоруссию и в другие уголки страны, вместе со сведениями «с мест», полученными во время работы в Этнографическом бюро Тенишева, войдут в книгу «Нечистая, неведомая и крестная сила» (1903), где белорусским верованиям посвящено значительное место.

Да и сами по себе наблюдения Максимова интересны. Они отразили — глазами русского путешественника — состояние края на середину XIX в., чуть тронутое

¹⁷⁹ В 1886 г. А. К. Ельский составил «Словарь нищенского говора на Белой Руси».

¹⁸⁰ Плеханов С. Н. Охота за словом. С. 233–234.

¹⁸¹ Ляцкий Е. А. Представления белоруса о нечистой силе // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 25–41.

¹⁸² ЭО. 1892. № 2–3. С. 23–41.

¹⁸³ М.: Университетская типография, Страстной бульвар. 1898.

¹⁸⁴ Вильна: Н. Мац и Ко, 1907.

эпохой реформ. Но очерки его глубже. Путешествуя сначала по документам и картам, а затем выезжая «на пленэр», он заглядывает в далекое прошлое земель и старается прозреть его будущее.

Экспедиция Максимова не была бесплодной. Писатель объездил Белоруссию и часть Литвы, губернии Псковскую, Смоленскую, Могилевскую, Витебскую, Виленскую, Гродненскую и Минскую в очень интересный, отчасти поворотный момент в истории Северо-Западного края: на 1860-е гг. пришлось время реформ. Белорусские очерки Максимова затронули быт и характер народа, еврейский вопрос, взаимоотношения между великороссами, белорусами и поляками (исходя всё же из позиций западнорусизма и тем самым отражая умственные и политические движения в империи).

Максимов не успел издать задуманную книгу «На западе (Белоруссия)». Данное издание, полтора века спустя после его экспедиции, отчасти восполняет этот пробел.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Цветные

- С. 12. Карта Белоруссии 2-й половины XIX — начала XX в. На странице: <http://epolotsk.com/page-id-264.html>
- С. 17. Горавский А. Клевер в цвету. 1895. Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск. На странице: <http://delaemvmeste.by/belorussskie-hudozhniki/apollinariy-goravskiy/>
- С. 21. Горавский А. Сельский пейзаж. 1855. Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск. На странице: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Appolinary_Goravsky._Country_landscape.jpg
- С. 24. Горавский А. Пейзаж с рекой и дорогой. 1853. На странице: https://artchive.ru/artists/1261~Apollinarij_Goravskij/works/394725~Pejzazh_z_rekoj_i_dorogoj
- С. 25. Полоцк. // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-belorussskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>
- С. 26. Альхимович К. Пейзаж с аистом. 1905. На странице: <http://delaemvmeste.by/belorussskie-hudozhniki/kazimir-alhimovich/>
- С. 28. Атрыганьев Н. А. Вечер в Минской губернии. 1854. Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск. На странице: <https://otkritkareprodukzija.blogspot.com/2013/06/1823-1892.html>
- С. 30. Альхимович К. На болоте. 1896. На странице: <http://delaemvmeste.by/belorussskie-hudozhniki/kazimir-alhimovich/>
- С. 31. Горавский А. На берегах реки Березины. 1857. Государственный Русский Музей. На странице: <https://vsdn.ru/museum/catalogue/exhibit9910.htm>
- С. 34. Горавский А. Вечер в Минской губернии. 1870-е гг. На странице: https://artchive.ru/artists/1261~Apollinarij_Goravskij/works/394735~Vecher_v_Minskoj_gubernii
- С. 51. Дмоховский В. Около перевоза. Пинск, река Пина. XIX в. На странице: <http://delaemvmeste.by/belorussskie-hudozhniki/vikentiy-dmohovskiy/>

- С. 52. Атрыганьев Н.А. Вид на реку Остер в Могилевской губернии. 1885. Национальный художественный музей республики Беларусь, Минск. На странице: http://artpoisk.info/artist/atrygan_ev_nikolay_alekseevich_1823/vid_na_reku_oster_v_mogilevskoy_gubernii/
- С. 53. Дмоховский В. Новогрудок. Руины замка и костел. 1856. На странице: <http://delaemvmeste.by/beloruskie-hudozhniki/vikentiy-dmohovski/>
- С. 56. Шишкин И.И. Болото. Полесье. 1890. На странице: https://artchive.ru/artists/254~Ivan_Ivanovich_Shishkin/works/15290~Boloto_Polese
- С. 61. Трутнев И.П. Ильинская церковь в Витебске. 1866. На странице: http://evitebsk.com/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8_%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%B0
- С. 69. Белорусская деревня. // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. С. 280. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-beloruskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>
- С. 70. Белорусская крестьянская усадьба начала XX в. На странице: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D1%80
- С. 71. Белорусы Могилевской губернии. // Этнографическое описание народов России Г. Паули. 1862. На странице: <https://humus.livejournal.com/4814866.html>
- С. 73. Типы Минской губернии // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. С. 260. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-beloruskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>
- С. 77. Типы белорусов Могилевской губернии. // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. С. 257. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-beloruskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>

- С. 79. Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Белорусские говоры. 1903. // Архивы Беларуси. На странице: <https://archives.gov.by/index.php?id=768793>
- С. 81. Кукевич К. Торговец шапками. На странице: <http://mastaki.by/picture/26262>
- С. 81. Типы Минской губернии // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. С. 268. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-belorusskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>
- С. 83. Филиппович М. Женщина в наметке. 1928. На странице: <http://mastaki.by/picture/25868>
- С. 86. Шишкин И.И. Сжатое поле. Полесский пейзаж. 1884. Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск. На странице: https://artchive.ru/artists/254~Ivan_Ivanovich_Shishkin/works/15307~Szhatoe_pole_Polesskij_pejzazh
- С. 88. Альхимович К. Наем работников. XIX в. На странице: <http://delaemvmeste.by/beloruskie-hudozhniki/kazimir-alhimovich/>
- С. 94. Рушиц Ф. Сарай и прясло для сена. 1899. На странице: <http://artbelarus.by/ru/collection/4635.html>
- С. 95. Ромер А. Крестьянский двор. XIX в. На странице: <http://mastaki.by/picture/26349>
- С. 96. Струков Д. Камень Иосафата Кунцевича. 1864-67. // Д. Струков. Альбом рисунков. 1864–1867. Минск: Белорусская Энциклопедия (БелЭн), 2011.

Черно-белые

- С. 119. Дмоховский В. На родине. Двор в Нагородовичах. 1843. На странице: <http://delaemvmeste.by/beloruskie-hudozhniki/vikentiy-dmohovskiy/>
- С. 127. Котляревский. Езда весной по Пинским болотам. Нива. 1892. №21.
- С. 130. Горавский А. Замок. 1869. На странице: http://artbelarus.by/be/collection/4703.html?from_artist=1485#
- С. 135. Орда Н. Лида над рекой Лидеей. 1873. На странице: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BA#/media/File:Lida._%D0%9B%D1%96%D0%B4%D0%B0_\(N._Orda,_1873\).jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BA#/media/File:Lida._%D0%9B%D1%96%D0%B4%D0%B0_(N._Orda,_1873).jpg)
- С. 138. Барковский П. Белорусская корчма. // Кацер М.С. Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода. Очерки. Минск: Наука и техника, 1969. С. 176.
- С. 141. Белорусская хата XIX — начала XX в. Реконструкция. Российский этнографический музей, Санкт-Петербург. Фото А. Шапова. На странице: <https://shcharov-andrey.livejournal.com/8196.html>
- С. 144. Белорусская хата. Российский этнографический музей, Санкт-Петербург. На странице: <http://www.ethnomuseum.ru/belorusy-konec-xix-nachalo-xx-v>
- С. 151. Евреи (талмудисты). // Этнографическое описание народов России Г. Паули. 1862. На странице: <https://humus.livejournal.com/4814866.html>
- С. 160. Пролом стены у Малаховских ворот и памятник полковнику Энгельдарту // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 2. 1882. На странице: <http://old-smolensk.ru/?p=7881>
- С. 174. Грязнов В. Лидский замок XIV в. Акварель 1860–1870 гг. На странице: <https://mitrander.livejournal.com/4521.html>
- С. 178. Вид Дорогобужа с ярмарки. // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 2. 1882. На странице: <http://old-smolensk.ru/?p=7881>
- С. 179. В поле. Пахари в Смоленской губернии. // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 2. 1882. На странице: <http://old-smolensk.ru/?p=7881>
- С. 183. Костровицкий К. За сохой. Начало XX в. // Кацер М.С. Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода. Очерки. Минск: Наука и техника, 1969. С. 195.
- С. 184. Альхимович К. В поте лица. // Белорусская живопись. Каталог. На странице: <http://mastaki.by/picture/26295>
- С. 186. Альхимович К. <Сенокос>. XIX в. На странице: <http://delaemvmeste.by/beloruskie-hudozhniki/kazimir-alhimovich/>

- C. 187. Альхимович К. Жатва. 1869. На странице: <http://artdic.ru/authors/show/id/1083>
- C. 191. Альхимович К. Дожинки. // Белорусская живопись. Каталог. На странице: <http://mastaki.by/picture/26294?lang=ru>
- C. 194. Русецкий К. Жнея. 1845. // Stefania Krzysztofowicz-Kozakowska. Malarstwo Polskie w zbiorach za granicą, Wydawnictwo Kluszczyński, 2003 На странице: <https://be.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B6%D1%8B%D0%BD%D0%BA%D1%96>
- C. 195. Кендирский А. На уборке картофеля. XIX в. // Морозова С.В. Учебник по всеобщей истории. История Беларуси. Конец XVIII — начало XX в. 9 класс. С. 7. На странице: <https://trojden.com/books/world-history/world-history-9-class-morozova-2011/7>
- C. 199. Сцены из жизни белорусов. // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-belorusskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>
- C. 202. Могилев. XIX в. // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-belorusskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>
- C. 205. Горавский А. Вечерний пейзаж. 1855. Ставропольский краевой музей изобразительных искусств, Ставрополь. На странице: https://artchive.ru/artists/1261~Apollinarij_Goravskij/works/394727~Vechernij_pejzazh
- C. 207. Русецкий К. Мельница графов Тышкевичей в Поплавках. 1858. На странице: <https://history.jes.su/s207987840001927-8-1>
- C. 209. Дмоховский В. Ночное. XIX в. На странице: <http://delaemvmeste.by/beloruskie-hudozhniki/vikentiy-dmohovskiy/>
- C. 210. Трутнев И. На речку с бельем. XIX в. // Кацер М.С. Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода. Очерки. Минск: Наука и техника, 1969.
- C. 211. Пчеловодство в Белоруссии. Российский этнографический музей, Санкт-Петербург.
- C. 212. Альхимович К. Святаянка. XIX в. На странице: <http://delaemvmeste.by/beloruskie-hudozhniki/kazimir-alhimovich/>
- C. 213. Из Беловежской пущи // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.;

- М., 1882. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-belorusskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>
- С. 216. Орда Н. Усадьба Костюшко в предместье Меречевщина. Коссовский замок. 1875. На странице: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%87%D1%91%D0%B2%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0>
- С. 217. Струков Д. Поречье. 1864–67. // Д. Струков. Альбом рисунков. 1864–1867. Минск: Белорусская Энциклопедия (БелЭн), 2011. «Село Поречье, навдалеке от селения ищут клады, и предание сохранило имя какого-то пана или князя Ростислава, приезжавшего на охоту в окрестности <...> В 14 верстах от Поречья приписная церковь св. апостолов Петра и Павла в селе Бубновка <...> Недалеко от Бубновки село Косачи, близ села ищут клады. Церковь построена в 17 столетии, иконостас резной 18 столетия <...>» (Д.М. Струков. Записки. На странице: <https://tozygxxvek.blogspot.com/2016/02/1864-1867.html>)
- С. 218. Струков Д. Церковь в Косаричах. 1864–67 // Д. Струков. Альбом рисунков. 1864–1867. Минск: Белорусская Энциклопедия (БелЭн), 2011.
- С. 222. Дмоховский В. Пожар в лесу. 1860. На странице: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/16/1860_%D0%9B%D1%8F%D1%81%D0%BD%D1%8B_%D0%BF%D0%B0%D0%B6%D0%B0%D1%80.jpg
- С. 236. Маршрут «Край животворных криниц». XXI в. На странице: <http://www.krynica.by/>
- С. 239. Днепр близ Могилева // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. С. 384. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-belorusskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>
- С. 244. Орда Н. Могилев, Днепр. 1877. На странице: <https://visualhistory.livejournal.com/716690.html>
- С. 251. Кулеша М. Церковь свв. Бориса и Глеба на Коложе. Литография. Конец 1850-х гг. На странице: <http://ebooks.grsu.by/leshchinski/kratkayaistoriyaestampa.htm>
- С. 254. Хруцкий И.Ф. К святому месту. 1840-е гг. Государственная Третьяковская Галерея, Москва. На странице: https://artchive.ru/artists/628~Ivan_Fomich_Trofimovich_Khrutskij/works/493385~K_svjatomu_mestu
- С. 260. Трутнев И. Крестный ход на водоосвящение в деревне. 1858. Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск. // Энциклопедия русской

- живописи. На странице: http://www.artcyclopedia.ru/krestnyj_hod_na_vodoosvyashenie_v_derevne_1858-trutnev_ivan_petrovich.htm
- С. 273. Горавский А. У кузницы. 1862. Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск. На странице: <http://delaemvmeste.by/beloruskie-hudozhniki/apollinariy-goravskiy/>
- С. 281. Головные уборы. // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. С. 269. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-belorusskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>
- С. 289. Вейсенгоф Г. Снег. 1894. На странице: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D1%84,_%D0%93%D0%B5%D0%BD%D1%80%D0%B8%D1%85#/media/File:Henryk_Weyssenhoff_-_%C5%9Anieg_1894.jpg
- С. 312. Микешин М. Из серии «Белорусские рисунки». 2 пол. XIX в. На странице: <http://mastaki.by/picture/26268>
- С. 331. Аскназий И. Нищий в церкви. 1884. Государственный Русский музей. На странице: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9619.php>
- С. 336. Кукевич К. Букинист. XIX в. На странице: <http://mastaki.by/picture/26262>
- С. 338. Трутнев И. Евреи на молитве. 1911. Еврейский музей и центр толерантности, Москва. На странице: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:The_Jews_at_prayer_Trutnev.jpg
- С. 346. Кукевич К. Корчма в предместье. До 1842. На странице: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9A.%D0%9A%D1%83%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%87%D0%BC%D0%B0_%D0%B2_%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C%D0%B5.JPG
- С. 348. Аскназий И. Еврейская свадьба. 1893. Государственный Русский музей. На странице: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/pics/9619-pictures.php?picture=961909>
- С. 348. Струков Д. Кутеинский монастырь. 1864–67. // Слюнькова И. Н. Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи: Пересоздание наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2010
- С. 352. Струков Д. Витебск. Марков монастырь (Марковщина). 1864. // Д. Струков. Альбом рисунков. 1864–1867.

- Минск: Белорусская Энциклопедия (БелЭн), 2011.
- С. 356. Мстиславль. // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 2. 1882. На странице: <http://old-smolensk.ru/?p=7881>
- С. 363. Пустынский Свято-Успенский монастырь (Пустынки). Фотография 2000-х гг. На странице: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%83%D1%81%D1%82%D1%8B%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE-%D0%A3%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%80%D1%8C#/media/File:Pustynki.jpg
- С. 375. Витебск. XIX в. // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-belorusskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>
- С. 379. Герб города Сморгонь, Белоруссия.
- С. 381. Дмоховский В. Несвиж. XIX в. На странице: http://delaemvmeste.by/ngg_tag/vikentiy-dmohovskiy/
- С. 397. Вейсенгоф Г. Литовский хутор. Нач. XX в. На странице: <http://turambar.ru/hudozhniki-risujut-medvedej.html>
- С. 409. Рукопись С.В. Максимова о поездке по Белоруссии. ИРЛИ. Ф. 565. № 15. Б/д.
- С. 411. Гаврилов Р. Крестьянская изба в Белоруссии. XIX в. // Кацер М.С. Изобразительное искусство Белоруссии до-октябрьского периода. Очерки. Минск: Наука и техника, 1969. С. 174.
- С. 411. Белорусская хата. Фото 1898. На странице: <http://virtualbrest.by/news38382.php>
- С. 412. Микешин М. Белоруска. XIX в. На странице: <http://mastaki.by/picture/26269>
- С. 414. Кудрявцев С. Крестьянин Гродненской губернии, Волковысского уезда в праздничном наряде. XIX в. // Кацер М.С. Изобразительное искусство Белоруссии до-октябрьского периода. Очерки. Минск: Наука и техника, 1969. С. 175.
- С. 415. Изба в Полесье. Фотография XX в. // Мозырь. XX век. На странице: <https://mozyrxxvek.blogspot.com/search?q=%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%81%D1%8C%D0%B5+>
- С. 416. Озембловский Ю. Крестьяне окрестностей Борисова. Гравюра. До 1847. // Tyszkiewicz E. Opisanie powiatu

borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. / E. Tyszkiewicz. — Wilno: Druk. A. Marciniowskiego, 1847. На странице: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B2%D1%8E%D1%80%D0%B0#/media/File:Ozenblowski_Jozef_-_Sialiane_z_wakolic_Barysava_-_bf_1847_AD.jpg

- С. 423. На реке // Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье; Ч. 2: Белорусское полесье. СПб.; М., 1882. На странице: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24611-t-3-ch-1-litovskoe-polesie-ch-2-belorusskoe-polesie-spb-m-1882#mode/inspect/page/6/zoom/4>

ИЛЛЮСТРАЦИИ К СТАТЬЕ М.И. ЩЕРБАКОВОЙ

- С. 428. Портрет С.В. Максимова (1831-1901). Фотография второй половины XIX в. ГАКО, П-9430. На странице: <http://kosarchive.ru/expo1/>

ИЛЛЮСТРАЦИИ К СТАТЬЕ М.С. АКИМОВОЙ

- С. 478. Переправа наполеоновской армии через Неман. 24 июня 1812 г. Картина неизвестного художника. На странице: <https://news.tut.by/society/318596.html?crnd=11655>
- С. 484. Карчевский Ю. Пейзаж. XIX в. На странице: <http://mastaki.by/picture/26253>
- С. 488. Грязнов В. Маложейковская церковь Рождества Богородицы. Мурованка. Предп. 1524 // Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения П.Н. Батюшковым. — Вып. 5 Вильна. — СПб., 1870. На странице: https://magisteria.ru/old_russian_architecture/orthodox_architecture_of_vilnius_region/
- С. 490. Струков Д. Браславский замок. 1864. // Д. Струков. Альбом рисунков. 1864–1867. Минск: Белорусская Энциклопедия (БелЭн), 2011.
- С. 492. Трутнев И. Троицкая церковь Маркова монастыря. 1866. На странице: <http://www.pravoslavie.ru/sas/image/100751/75162.b.jpg>
- С. 496. Андриолли М. Смерть Людвика Нарбута в Дубичах. 1864-65. Литография. Национальный музей Литвы, Вильнюс. На странице: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B8_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%BB_%D0%AD%D0%BB%D1%8C%D0%B2%D0%B8%D1%80%D0%BE#/media/File:Andriolli_Ludwik_Narbutt.jpg
- С. 501. Дмоховский В. Новогрудок. Церковь свв. Бориса и Глеба. 1856. На странице: <http://delaemvmeste.by/beloruskie-hudozhniki/vikentiy-dmohovskiy/>
- С. 504. Ромер А. Портрет повстанца 1863 года. 1886. // Кацер М.С. Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода. Очерки. Минск: Наука и техника, 1969. С. 168.
- С. 539. Ромер А. Портрет ссыльного повстанца Флориана Дановского. 1860. Национальный музей Литвы,

- Вильнюс. На странице: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Florian_Danauskas._1860Romer.jpg
- С. 540. Струков Д. Строящаяся церковь во имя Великомученика и Победоносца Георгия в с. Вымно. 1864–1866 // Д. Струков. Альбом рисунков. 1864–1867. Минск: Белорусская Энциклопедия (БелЭн), 2011.
- С. 543. Орда Н. Ружаны, Сапега. 1875. На странице: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Ru%C5%BEany,_Sapieha._%D0%A0%D1%83%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%8B,_%D0%A1%D0%B0%D0%BF%D0%B5%D0%B3%D0%B0_\(N._Orda,_1875\).jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Ru%C5%BEany,_Sapieha._%D0%A0%D1%83%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%8B,_%D0%A1%D0%B0%D0%BF%D0%B5%D0%B3%D0%B0_(N._Orda,_1875).jpg)
- С. 548. Струков Д. Могилёв. Покровская церковь. 1864–67. // Струков Д. Покровская церковь в XIX веке // Д. Струков. Альбом рисунков. 1864–1867. Минск: Белорусская Энциклопедия (БелЭн), 2011.
- С. 550. Хруцкий И. В комнатах усадьбы художника И.Ф. Хруцкого «Захареничи». 1855. Государственная Третьяковская Галерея, Москва. На странице: https://archive.ru/artists/628~Ivan_Fomich_Trofimovich_Khrutskij/works/14155~V_komnatakh_usadby_khudozhnika_IF_Khrutskogo_Zakharenichi
- С. 553. Орда Н. Костёл и монастырь доминиканцев в Волынцах. 1875–76. На странице: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/56/Va%C5%82yncy._%D0%92%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%BD%D1%86%D1%8B_%28N._Orda%2C_1875-76%29_color_corrected.jpg

В оформлении обложки
использованы следующие иллюстрации:

Н. Силиванович. Пастух из Швенчёниса
(Пастух из Свентянщины). До 1919.

Неизвестный художник. Каменецкая башня. До 1885.

Н. Силиванович. Солдат с мальчиком. 1867.

Д. Струков. Могилёв. Покровская церковь. 1864–1867.

И. Трутнев. Троицкая церковь Маркова монастыря. 1866.

Научное издание

С. В. Максимов

О Ч Е Р К И О БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Оригинал-макет А. С. Старчеус

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

www.indrik.ru

or by tel./fax: +7 495 938-01-11

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

18,0 п. л. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87